

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Византийский временник

Том 49

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
З. В. УДАЛЬЦОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1988

Р е д к о л л е г и я:

член-корреспондент АН СССР З. В. УДАЛЬЦОВА,
доктор филологических наук А. Д. АЛЕКСИДЗЕ,
кандидат исторических наук О. Р. БОРОДИН (отв. секретарь),
доктор исторических наук В. П. ДАРКЕВИЧ,
доктор исторических наук С. П. КАРПОВ,
доктор исторических наук Г. Л. КУРБАТОВ,
доктор исторических наук Е. Э. ЛИПШИЦ,
член-корреспондент АН СССР Г. Г. ЛИТАВРИН (зам. отв. редактора),
доктор исторических наук И. П. МЕДВЕДЕВ,
кандидат исторических наук К. А. ОСИПОВА,
доктор исторических наук К. В. ХВОСТОВА

Р е ц е н з е н т ы:

кандидат исторических наук Д. И. ПОЛЫВЯННЫЙ,
кандидат исторических наук О. И. ВАРЬЯН

Выходит
49/1988

З. В. УДАЛЬЦОВА

Творческий путь

Советская историческая наука понесла тяжелую, невосполнимую утрату: 29 сентября 1987 г. в расцвете творческих сил скоропостижно скончалась член-корреспондент АН СССР З. В. Удальцова, ученый с мировым именем, крупнейший специалист по всемирной истории: медиевистике, византиноведению, славяноведению и истории поздней античности, талантливый организатор науки и замечательный педагог. Она автор около 300 работ, опубликованных в СССР и за рубежом, которые положили начало новому этапу в изучении истории Византийской империи и соседних с ней стран и внесли большой вклад в советскую науку. В них были исследованы общетеоретические проблемы феодализма, социально-экономическая и политическая история Византии, Италии и южнославянских стран, кардинальные вопросы историографии, культуры и идеологии. Они способствовали более глубокому пониманию генезиса феодализма, развития социально-классовых структур и идеологии докапиталистических формаций, культурно-исторического процесса в Европе. З. В. Удальцову отличала многогранность и широта научных интересов, необыкновенная увлеченность наукой, незаурядный литературный талант, редкое умение раскрыть и ярко представить историческую действительность, хорошее знание источников. Ее работы отмечены строгим безупречным анализом фактического материала, умением найти этот материал.

З. В. Удальцова родилась 5 марта 1918 г. в г. Кисловодске. В 1935 г., закончив среднюю школу в Москве, она поступила на исторический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. После завершения обучения на факультете она была рекомендована в аспирантуру при кафедре истории средних веков, где стала заниматься изучением истории Византии под руководством выдающегося ученого, основателя марксистско-ленинской школы советской медиевистики, академика Е. А. Косминского. С 1945 г. началась ее педагогическая деятельность. З. В. Удальцова стала работать старшим преподавателем на кафедре всеобщей истории Заочной Высшей партийной школы при ЦК КПСС, а в 1948 г. была избрана доцентом. Одновременно она вела занятия на кафедре истории средних веков исторического факультета МГУ. В 1948 г. З. В. Удальцова была зачислена сначала в штат Института славяноведения, затем в 1949 г. — Института истории, а в 1970 г. — Института всеобщей истории АН СССР.

В 1945 г. З. В. Удальцова успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Борьба партий в Византии в XV в. и деятельность Виссариона Никейского». В этой работе и в серии статей, опубликованных в середине 40-х—начале 50-х годов, основное внимание исследовательницы было сконцентрировано на изучении проблем поздневизантийского феодализма, выяснении причин падения Византии, анализе идейно-политической борьбы внутри господствующего класса накануне турецкого завоевания и освещении героической борьбы народов Балканского полуострова против турок.

Исследование данных византийских авторов XV в.: Виссариона Никейского, Критулула, Сфрандзи, Халкокондила, Дуки, Сильвестра Сиропула, Иосифа Мефонского, Марка Эфесского, актов Ферраро-Флорентийского собора — позволило З. В. Удальцовой вскрыть весь комплекс причин падения Византии. Она доказала, что экономический упадок империи, засилье итальянцев в экономике городов, обострение классовых противоречий, народные восстания, феодальные войны и развернувшаяся в XIV—XV вв. партийно-религиозная борьба ослабили византийское государство и облегчили завоевание его турками. Важнейшей причиной падения Византии, по ее мнению, был назревавший конфликт между развивавшимися в поздней Византии производительными силами и тормозившими это развитие феодальными производственными отношениями. В трудах З. В. Удальцовой была дана также характеристика идейно-политической борьбы религиозно-политических партий: латинофилов, туркофилов и ортодоксально-православной партии, выяснен их социальный состав.

В работах З. В. Удальцовой была затронута одна из самых острых и спорных тем истории византийской культуры, проблема византийского гуманизма. Особое место было отведено изучению научного творчества и политической деятельности видного ученого-гуманиста Виссариона Никейского, которые знаменовали сближение культуры Византии и Запада на почве гуманизма.

В 50—60-х годах внимание З. В. Удальцовой сосредоточивается на исследовании слабо разработанных проблем перехода от рабовладельческого строя к феодализму и генезиса феодальных отношений в Византии и соседних с ней государствах Юго-Восточной и Южной Европы. По этой тематике ею были опубликованы многочисленные статьи и монография «Италия и Византия в VI в.» (М., 1959 г.), защищенная в 1960 г. в качестве докторской диссертации. В этих работах было дано комплексное исследование кардинальных проблем социально-экономического и политического развития Византии, Италии и завоеванных при Юстиниане областей Северной Африки. Были охарактеризованы формы эксплуатации зависимого населения, положение различных категорий трудящихся масс (рабов, колонов, рустиков и свободных земледельцев), крупная земельная собственность, которую З. В. Удальцова рассматривает как феодализующуюся. На основании данных источников она показала, что в этот период происходил процесс разложения рабовладельческого строя и формирования феодальных отношений, которые, по ее мнению, складывались в результате синтеза общественных отношений варваров и элементов феодального строя, развивавшихся внутри общества. Процесс нивелировки в положении различных групп трудящихся привел к превращению их в единую массу феодально-зависимого крестьянства.

Особое внимание в трудах З. В. Удальцовой было уделено изучению классовой борьбы и народных движений VI в. и их влияния на ход исторического развития Византии, Италии и Северной Африки в период генезиса феодализма, дана оценка завоевательных войн Византии при Юстиниане и их последствий в Италии и Северной Африке, приведших к реставрации рабовладельческих порядков и временно затормозивших развитие феодального строя.

В развернувшейся в те годы среди византинистов и антиковедов дискуссии по вопросу о характере общественного строя Поздней Римской империи и ранней Византии, о времени перехода от рабовладения к феодализму и путях развития феодальных отношений З. В. Удальцова высказала и отстаивала точку зрения, согласно которой в Византии в IV—VI вв. преобладали рабовладельческие отношения. Социальная структура Византийской империи в эти столетия не отличалась от общественных отношений предшествующих веков, и ранневизантийский период она рассматривала как заключительный этап развития рабовладельческого общества. Одновременно З. В. Удальцова указывала на зарождение эле-

ментов феодального строя в недрах старого общества, проанализировала различные формы колоната, который она охарактеризовала как принципиально отличную от феодальной форму эксплуатации, свойственную переходному периоду от рабовладения к феодализму. Эволюция колонатных отношений, по ее мнению, шла в сторону увеличения феодальных черт в положении колонов.

В работах З. В. Удальцовой был поставлен вопрос о характере рабовладения и соотношения рабства и колоната в Византии в VI—VII вв. На основании изучения данных нарративных и законодательных памятников и папирусов она пришла к выводу о преобладании рабовладения в Византии в VI в. Наряду с этим она показала, что в этот период происходило разложение рабства, которое претерпело значительную эволюцию по сравнению с классической эпохой. Статус рабов существенно изменился. Старые, латифундиальные формы использования рабского труда изживали себя и заменялись новыми. Повышалась значимость труда рабов, которых переводили на пекулий, в хозяйствах крупных землевладельцев. Раб приобретал большую, чем раньше, хозяйственную самостоятельность. Происходило сокращение рабовладения и расширение колоната. Отпуск рабов на свободу был облегчен. В процессе становления феодализма в Византии, по мнению З. В. Удальцовой, происходило не только формирование новых видов собственности, но и изменение характера рабовладения.

Ряд работ З. В. Удальцовой посвящен исследованию одной из кардинальных проблем истории Византии, а именно специфики складывания византийского феодализма, его отличительных особенностей по сравнению со странами Западной и Юго-Восточной Европы и Ближнего Востока. По ее убеждению, своеобразие феодального строя в Византии во многом зависело от развития славяно-византийской общины, которая сыграла главную роль в этом процессе и историю которой З. В. Удальцова тщательно изучила. Сравнение общины IV в. с общиной VIII—IX вв. позволило ей вскрыть существенные различия между ними. Она выявила значительные изменения, которые произошли с этим институтом в ходе общественного переворота VII в. и славянской колонизации. Византийскую общину З. В. Удальцова рассматривает как исходную ячейку развития феодальных отношений.

Много было сделано З. В. Удальцовой для изучения одной из наименее разработанных в советском византиноведении проблем — истории византийского права. Исследование законодательной деятельности Юстиниана I и юридических памятников VI в. позволило ей проследить эволюцию римского классического и постклассического права, определить социальную сущность и политическую направленность законодательных реформ этого императора, вызванных к жизни переменами, происшедшими в социально-экономических и политических отношениях византийского общества VI в., и показать воздействие социально-политической борьбы на законодательство.

Большое внимание З. В. Удальцова уделила изучению проблемы истории взаимоотношений культуры Византии и славянских стран. В ряде статей и докладе «Русско-византийские культурные связи после XI в.», прочитанном на XIII Международном конгрессе византинистов в Оксфорде (1966 г.), она охарактеризовала русско-византийские культурные отношения в XI—начале XIII в. Проведенный анализ привел ее к мысли, что широкое распространение византийской культуры на Руси не уничтожило самобытной русской культуры, а способствовало ее обогащению.

В эти же годы З. В. Удальцовой были написаны главы по истории Византии и южных славян для третьего тома «Всемирной истории» (М., 1957) и для второго и третьего изданий учебника по истории средних веков для университетов (М., 1952, 1966 гг.)

Много сил и энергии было отдано З. В. Удальцовой созданию трехтомного коллективного труда «История Византии» (М., 1967 г.), инициа-

тором издания и заместителем ответственного редактора которого она была. Для этого первого обобщающего марксистского исследования, подводящего итоги почти полувекового развития византиноведения в СССР, ею написаны 13 глав, в которых освещается история Византии IV—VII, XIV—XV вв. В них дан глубокий анализ исторических событий, классовой борьбы, внутренней и внешней политики, раскрыта сущность социально-экономических и политических преобразований и изменений в идеологической и культурной жизни общества указанных периодов. В заключительной главе «Своеобразие общественного развития Византийской империи. Место Византии во всемирной истории», имеющей огромное научное значение, подведены итоги комплексного изучения византийской истории, выработана общая концепция социально-экономического и политического развития Византии и охарактеризована ее роль во всемирно-историческом процессе. Трехтомный коллективный труд советских византистов был положительно оценен научной общественностью как в нашей стране, так и за рубежом.

Истории становления советской византистики и ее дальнейшего развития посвящены многочисленные исследования З. В. Удальцовой, занимающие большое место среди ее работ. Ее монография «Советское византиноведение за 50 лет» (М., 1969 г.) на долгое время останется настольной книгой для каждого византиста. В ней З. В. Удальцова обстоятельно охарактеризовала основные этапы истории советского византиноведения и важнейшие направления марксистской византиноведческой науки, которая прошла сложный путь и складывалась в борьбе с буржуазной наукой. В работах З. В. Удальцовой критически оценены труды византистов старой школы и одновременно отмечено то положительное, что было ими внесено в разработку ряда важнейших аспектов истории Византии и в дело изучения и издания византийских памятников.

В историографических произведениях З. В. Удальцовой были подвергнуты тщательному анализу и исследованию советских византистов, посвященные изучению широкого круга кардинальных проблем истории Византии: специфических особенностей византийского феодализма, аграрных отношений, классовой борьбы, византийского города, государства и права, причин падения Византии, ее отношений с соседними странами, материальной и духовной культуры, науки и искусства византийского общества и т. п., а также были намечены задачи дальнейшего развития византиноведения в СССР.

Сложные и недостаточно разработанные проблемы кризиса идеологии античного мира и рождения новой культуры будущего феодального общества были рассмотрены З. В. Удальцовой в ее многочисленных статьях, посвященных творчеству и мировоззрению ранневизантийских историков. Ее фундаментальная монография «Идейно-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV—VII вв.)» (М., 1974), обобщая результаты многолетних изысканий в этой области, стала крупным явлением в советской византиноведческой науке и внесла ценный вклад в изучение эпохи кризиса и разложения рабовладельческого общества и зарождения феодального, в разработку дискуссионной проблемы перехода от античности к феодализму в Византии. Ею была исследована идейно-политическая борьба в этот период между отмирающей античной и нарождающейся средневековой культурой, охарактеризованы происходившие тогда общие сдвиги в идеологии, философских, этических и общественно-политических взглядах, определены важные вехи этого процесса, вскрыты существенные проявления ломки старой идеологии и выявлены элементы рождающегося нового. З. В. Удальцова показала, что становление культуры и идеологии византийского общества происходило в противоречивых условиях социально-политической и идейной жизни Византии IV—VII вв., в острой идейной борьбе с религиозно-философскими, этическими и эстетическими воззрениями античного мира. Специфику рождения средневековой культуры Византии она видит в син-

тезе, в слиянии элементов старой и новой идеологии. При этом данные проблемы рассматриваются З. В. Удальцовой в неразрывной связи с эволюцией общества.

Наряду с изучением идеологии и культуры ранней Византии в 70-е годы З. В. Удальцова уделяет много внимания исследованию теоретических проблем генезиса и развития феодализма, опубликовав цикл статей теоретического и методологического характера, посвященных типологии феодализма в Византии и Западной Европе, и подготовив доклад (совместно с Е. В. Гутновой) для Международного конгресса исторических наук (Москва, 1970). В этих работах поставлены и разрешены задачи выяснения общих закономерностей и определенных особенностей становления и развития феодальных отношений в Византии и странах Западной Европы, воссоздана общая картина исторического процесса, показано разнообразие его конкретных проявлений, разработаны критерии типологии генезиса феодализма, среди которых основными являются определяющие социально-экономические факторы: взаимодействие элементов феодализма, вызревавших в недрах рабовладельческой формации и общинно-родового строя, влияние классовой борьбы и т. д. Были выделены три типа генезиса феодализма в Европе: 1) тип так называемого «уравновешенного» синтеза; 2) тип, когда феодализм развивается на основе синтеза, но с явным преобладанием античных начал; 3) тип — «бессинтезный» или с очень незначительными элементами синтеза; феодализм здесь развивается непосредственно из родо-племенного строя варваров.

Главным объектом научных изысканий З. В. Удальцовой был тот тип генезиса феодализма, который характерен для Византии. Она выявила общее и особенное в социально-экономическом развитии империи, отличительными чертами которого, по ее мнению, является длительное сохранение рабовладельческого уклада, позднеримских форм собственности, античных городов как центров ремесла и торговли, сильного централизованного государства и внутренне сплоченной сельской общины.

Научные труды З. В. Удальцовой по типологии феодализма имеют большое положительное значение и открывают новый этап в исследовании феодальной формации не только в Византии, но и в других регионах мира.

Основные особенности феодальных отношений в Византии по сравнению со странами Западной Европы были рассмотрены З. В. Удальцовой в серии статей, а также в докладе «Центробежные и центростремительные силы в византийском мире (1071—1261 гг.): Социально-экономические аспекты проблемы», прочитанном на XV Международном конгрессе византистов в Афинах (1976 г.). В них дана характеристика социально-экономических отношений в империи в конце XI—середине XIII в. и подчеркнута значимость в их эволюции двух факторов: укрепления феодальной вотчины и роста провинциальных городов. По мнению исследовательницы, социально-экономическая эволюция в Византии указанного периода послужила фундаментом закономерного и прогрессивного на данном историческом этапе феодального раздробления византийского государства на основе внутренней экономической консолидации провинций и обусловила борьбу сил централизации и децентрализации, осложняемую внешнеполитическими событиями. Однако закономерный процесс феодального раздробления Византии и подъема провинций был затруднен противоборством центрального правительства и столичного центра — Константинополя. З. В. Удальцова наметила этапы развития византийского государства в аспекте борьбы сил централизации и децентрализации.

Ряд работ З. В. Удальцовой, появившихся во второй половине 70-х — начале 80-х годов, посвящен выяснению роли городов в социально-экономическом и политическом развитии Византии, их отличительных особенностей по сравнению с городами Западной Европы, а также анализу положения крестьян поздней Византии. На эту тему ею совместно

с К. В. Хвостовой был подготовлен доклад «Социальные и политические структуры поздней Византии» для XVI Международного конгресса византистов (Вена, 1981 г.).

В последние годы в центре внимания З. В. Удальцовой находились проблемы истории культуры Византии, ее типологических особенностей. Изучению этой проблематики посвящен большой цикл статей. В них она нарисовала обобщающую картину состояния византийской культуры, дала общую концепцию ее истории, выявила ее типологические особенности как особой ветви средневековой культуры Европы и Ближнего Востока и определила ее место в истории мировой цивилизации, которое, по ее мнению, является выдающимся.

Первой и важнейшей особенностью византийской культуры, проходящей красной нитью через всю историю Византии, З. В. Удальцова считала синтез западных и восточных элементов в разных сферах материальной и духовной жизни общества. Слияние греко-римских и ближневосточных традиций наложило отпечаток не только на общественную жизнь, государственное устройство и социальные структуры, но и на религиозно-философские идеи, политические доктрины и искусство византийского общества. Синтез, реальный и полнокровный, по словам исследовательницы, создал новую, неповторимую в своей самобытности и не имеющую исторических аналогий византийскую культуру, оказавшую длительное воздействие на культурное развитие многих сопредельных стран и народов. Вместе с тем в работах показано, что синтез происходил все же с явным превалированием греко-римских начал, хотя и не уменьшается значение восточных традиций как одного из составных компонентов византийской культуры, обогащение которыми придало ей, полагает З. В. Удальцова, неповторимый колорит, отличающий ее от культуры Западной Европы.

Второе не менее важное типологическое отличие византийской культуры З. В. Удальцова усматривает в сохранении в Византии в значительных масштабах культурных традиций античности. Византийская цивилизация, подчеркивает исследовательница, в эпоху варварских вторжений оставалась последним оплотом греко-римской культуры и образованности. Как византийская государственность устояла под натиском варваров, так и византийская культура сумела противостоять волне варварских влияний. З. В. Удальцова отстаивает тезис об органическом синтезе античных элементов с зарождающейся культурой средневекового общества и о глубоком переосмыслении античного культурного наследия в Византии.

З. В. Удальцова сумела дать яркую характеристику обстановки драматической напряженности и полной острейших противоречий духовной жизни ранней Византии, когда происходило становление основ византийского общества и формирование философско-религиозной системы христианского мирозерцания, которое, по ее признанию, было сложным и длительным процессом, а христианское вероучение складывалось под сильным воздействием не только ближневосточных религиозных доктрин — иудаизма, манихейства, — но и неоплатонизма, восходящего к философии Платона и перипатетиков, т. е. античных философских концепций, являвшихся важным компонентом в синтетической философско-религиозной системе христианства, которое, по утверждению З. В. Удальцовой, не только боролось против античной культуры, но и использовало ее в своих интересах.

В своих статьях З. В. Удальцова касается и вопроса о складывании нового видения мира, более соответствующего образу мышления и эволюционным запросам средневекового человека. Она считает, что изменяются представления человека о космосе, времени и пространстве, о ходе истории. На смену замкнутым историческим циклам античных писателей приходит телеологическое, обусловленное волей бога библейское видение поступательного движения истории у средневековых историков и хронистов.

З. В. Удальцова аргументированно доказала наличие коренных изменений в литературе, изобразительном искусстве, во всех сферах знания византийского общества. Их отличительные признаки она видит в возникновении в Византии новых видов литературы: патристики, библейской космографии, всемирной хроники, литургической поэзии, христианской агиографии, которые приходят на смену античной литературе и овладевают умами византийского общества, а также в создании византийскими художниками, испытавшими воздействие эллинистической и восточнохристианской традиций, своего собственного стиля в искусстве, задачей которого было воплощение в художественном образе трансцендентной идеи.

Третьей типологической особенностью культурного развития Византии по сравнению со странами Запада является, по мысли З. В. Удальцовой, господство «государственных» доктрин, культа империи и императора, централизации и унификации всей культуры, эстетики аристократического общества столицы. В работах исследовательницы особо подчеркивается роль Византии в выработке господствующего в средние века учения о монархическом государстве, единой, вселенской христианской империи во главе с императором и теории божественного происхождения императорской власти. Значительное влияние на теоретическое оформление учения об автократии, по словам З. В. Удальцовой, оказали унаследованное от поздней античности обожествление императора, а также философско-политические концепции абсолютной власти, воспринятые от восточных народов.

З. В. Удальцова показывает, что господство государственно-политической доктрины пронизывает все сферы политики, идеологии, культуры и приводит к унификации и «централизации» общественной мысли и художественного творчества. В ее работах освещены происходящие в науке, богословии, философии, литературе процессы обобщения и классификации, усиление традиционализма в духовной жизни византийского общества, отмечены статичность, бездейственность, рассудочность, свойственные византийской литературе и культуре IX—X вв., господство символики, канонизация ситуаций и трафаретность сюжетов.

Раскрыта ею и роль государства и церкви в строгой регламентации мышления, что поддерживало канонизированность и унифицированность всей духовной жизни византийского общества, охарактеризованы задачи, стоящие перед византийскими художниками и ограниченные поучительностью и дидактичностью.

З. В. Удальцова установила, что общественная мысль, литература и искусство как бы отрываются от реальной действительности и замыкаются в кругу высших абстрактных идей. Она признает, что в византийской культуре одерживает окончательную победу аристократическое направление, выражающее эстетические идеалы высшей придворной знати, и что византийское искусство и другие сферы культуры становятся все более программными, строго регламентируются и подчиняются устойчивому канону.

В результате исследования источников и специальной литературы З. В. Удальцова приходит к выводу о том, что эти типологические особенности византийской культуры, ее неповторимое своеобразие были обусловлены спецификой социально-политической структуры единого централизованного византийского государства.

З. В. Удальцова дала характеристику появившихся в XI—XII вв., а особенно в XIV в. новых, более прогрессивных идейных течений, историко-философских концепций, прогресса в точных науках, борьбы передовых мыслителей, философов, писателей, представителей народных ересей против господства государственной и церковной идеологии. Выявлены ею и гуманистические черты в культуре и искусстве поздней империи. Анализ совокупности явлений в этих областях привел исследовательницу к заключению, что Византия палеологовского периода как бы остановилась на пороге Ренессанса. З. В. Удальцова вскрывает

причины этого явления и объясняет его историческими судьбами государства, типологическими особенностями его социально-экономического и политического развития: слабостью ростков предкапиталистических отношений, отставанием экономики городов поздней Византии от развития западноевропейских и особенно итальянских городов, засильем феодалов, слабостью городских классов, острой идейной борьбой в империи, закончившейся победой мистического течения — исихазма и катастрофическим внешнеполитическим положением.

Итогом многолетних научных изысканий З. В. Удальцовой в этой области явились главы обобщающего характера в коллективном труде «Культура Византии. IV—первая половина VII вв.», изданном по ее инициативе и самом активном участии, в котором культурная жизнь ранней Византии изучается и осмысливается как единое цельное явление. В томе, авторами отдельных глав которого были большое число специалистов, дана общая марксистско-ленинская концепция становления и развития ранневизантийской культуры и идеологии. При написании этой фундаментальной работы З. В. Удальцова ориентировала авторский коллектив, который базировался на последних достижениях отечественной и зарубежной исторической науки, на создание комплексного исследования, в котором многообразные надстроечные явления средневекового византийского общества (т. е. разные сферы проявления культуры) рассматривались бы в неразрывной связи с явлениями базисного порядка, факторами социально-экономической истории Византийской империи в их взаимодействии и взаимной обусловленности. В этой книге З. В. Удальцовой принадлежат основополагающие главы проблемного характера.

В развернутом введении исследовательница подробно остановилась на анализе особенностей развития византийской культуры, на ее отличительных по сравнению с культурой средневекового Запада и Востока чертах.

В одной из центральных глав, посвященных изучению исторической мысли в ранней Византии, З. В. Удальцова детально проштудировала труды целой плеяды византийских историков и хронистов, выяснила их философские, религиозные и этические взгляды, по-новому оценила их место и значение в формировании средневекового мировоззрения. Она показала сложность и противоречивость условий общественной жизни, в которых происходило становление византийской историографии. Она доказала, что в рассматриваемый период происходили коренные сдвиги во всех сферах духовной культуры, которые привели к рождению новых представлений о вселенной и человеке, знаменовавших водораздел между античным мирозерцанием и христианской идеологией, и новой историко-философской концепции, господствовавшей в сочинениях византийских историков и хронистов. В главе охарактеризованы новые, появившиеся в ранневизантийский период жанры, такие, как церковные истории, агиография, хронография. Дана оценка и теории континуитета в современной античной и византийской историографии, возрождение которой, по мнению ученого, вызвано прежде всего непониманием ее сторонниками глубоких различий между поздней античностью и ранней Византией.

Задачи, сущность и смысл дипломатического искусства, как их понимали сами византийцы, раскрыты З. В. Удальцовой в главе «Дипломатия ранней Византии в изображении современников» на основании тщательного анализа произведений писателей, содержащих описание государств, с которыми империя поддерживала дипломатические отношения.

Противоречивость и противоборство тенденций, на пересечении которых сложилась ранневизантийская культура, рассмотрены ею в главе о византийском купце, мореплавателе, географе и самобытном философе Косме Индикоплове, авторе знаменитого космографического сочинения «Христианская топография». Они были справедливо объяснены противоречивостью эпохи, в которую он жил. Она показала достоверность его

географических и этнографических данных и одновременно ложность космогонических и философских представлений о вселенной, приспособленных к христианскому вероучению. В заключительной главе З. В. Удальцова охарактеризовала основные направления византийской культуры IV—первой половины VII в.

Ряд научных исследований З. В. Удальцовой опубликован в международных византиноведческих и медиевистических журналах в Чехословакии, ГДР, Югославии, Бельгии, Франции, ФРГ, Италии, Испании и других странах.

З. В. Удальцова являлась главным редактором и автором ряда глав трехтомного коллективного труда «История крестьянства в Европе в средние века» (М., 1985), подготовленного Институтом всеобщей истории АН СССР. В них рассмотрены проблемы формирования феодального крестьянства в Византии и подведены итоги изучения генезиса феодально-зависимого крестьянства в Европе. З. В. Удальцова руководила созданием многотомного коллективного труда «История Европы с древнейших времен до новейшего времени» (в 8-ми томах) — основного объекта государственного плана Института всеобщей истории АН СССР. Для второго тома этого издания, ответственным редактором которого она являлась, ею были подготовлены общетеоретическая глава по проблемам генезиса феодализма (совместно с Е. В. Гутновой), а также разделы по истории и культуре Византии.

Одновременно под ее руководством велась работа над вторым и третьим томами коллективного труда «Культура Византии». Для них ею написаны главы, в которых освещаются история дипломатии Византийской империи, а также культурные связи ее с Древней Русью и Италией.

Многогранную научно-исследовательскую деятельность З. В. Удальцова успешно совмещала с большой научно-организационной, редакторской, педагогической и общественной работой.

В августе 1980 г. З. В. Удальцова была назначена директором Института всеобщей истории АН СССР. В 1986 г. Институт за плодотворную научно-исследовательскую деятельность в развитии советской исторической науки и подготовку научных кадров был награжден Орденом Трудового Красного Знамени. Под руководством З. В. Удальцовой Институт всеобщей истории по итогам социалистического соревнования коллективов научных учреждений АН СССР и Академий союзных республик завоевывал почетные места за успехи в разработке проблем всеобщей истории. Возглавлявшийся в течение многих лет З. В. Удальцовой сектор истории Византии превратился в научно-исследовательский и координационный центр по византиноведению в Советском Союзе.

Она являлась членом редколлегии ряда исторических журналов, редактором многих крупных монографий, сборников и коллективных трудов по византиноведению, ответственным редактором периодического сборника «Византийский временник» и журнала советских антиковедов «Вестник древней истории», членом редколлегии журналов «Культура и жизнь», «Новая и новейшая история».

Много сил отдавала З. В. Удальцова работе в качестве председателя Научного совета «Закономерности исторического развития общества и перехода от одной социально-экономической формации к другой», ставшего координационным центром теоретических и методологических исследований советских историков. Она принимала активное участие в разработке комплексной программы по истории докапиталистических формаций.

З. В. Удальцова являлась заместителем председателя Национального комитета историков Советского Союза, председателем секции византистики при нем, председателем советско-венгерской комиссии историков, членом советско-болгарской и советско-югославской комиссий, членом правления общества «СССР—Греция», «СССР—Испания».

В течение многих лет З. В. Удальцова преподавала на кафедре истории средних веков исторического факультета Московского госу-

дарственного университета, а с 1982 по 1986 г. возглавляла ее. З. В. Удальцова уделяла большое внимание подготовке научных кадров по византиноведению, ею была создана научная школа, ее ученики, доктора и кандидаты исторических наук, стали высококвалифицированными специалистами, авторами ценных научных исследований.

Научная деятельность З. В. Удальцовой получила широкое признание как в нашей стране, так и за рубежом. Многие ее труды переведены на иностранные языки и опубликованы во многих странах мира. Она неоднократно была участником международных научных конгрессов, конференций и симпозиумов, достойно представляла советскую историческую науку за рубежом. Она принимала активное участие в работе пяти международных конгрессов исторических наук (Вена, 1965; Москва, 1970; Сан-Франциско, 1975; Бухарест, 1980; Штутгарт, 1985) и восьми международных конгрессов византинистов (Стамбул, 1955; Мюнхен, 1958; Охрид, 1961; Оксфорд, 1966; Бухарест, 1971; Афины, 1976; Вена, 1981; Вашингтон, 1986). Она выступала с содержательными лекциями в зарубежных научных учреждениях. В 1976 г. на XV Международном конгрессе византинистов в Афинах З. В. Удальцова была избрана вице-президентом Международной ассоциации византинистов, в 1975 г. — иностранным членом Научного комитета Международного центра исследований по истории византийской культуры в Южной Италии (г. Бари), в 1983 г. — иностранным членом Саксонской Академии наук (ГДР).

За заслуги в развитии исторической науки и подготовку научных кадров З. В. Удальцова была награждена в 1975 г. орденом Трудового Красного Знамени, в 1981 г. — орденом «Знак Почета», двумя юбилейными медалями и медалью «Ветеран труда». В 1987 г. за участие в создании 13-томной «Всемирной истории» З. В. Удальцова была удостоена Государственной премии СССР.

В 1976 г. З. В. Удальцова была избрана членом корреспондентом АН СССР.

До последних дней своей жизни З. В. Удальцова продолжала активно трудиться, с неиссякаемой энергией разрабатывала малоисследованные проблемы социально-экономической, политической истории, культуры и идеологии Византии, подготавливала новые труды, которые, несомненно, будут встречены с огромным интересом советской научной общественностью. В ближайшее время выйдет в свет ее новая книга по истории византийской культуры. Зинаида Владимировна Удальцова ушла из жизни в полном расцвете творческих сил, окруженная всеобщим уважением и любовью друзей, коллег и учеников. Ее жизнь, ее творчество — пример глубокой преданности советской исторической науке, любимому византиноведению.

Все знавшие З. В. Удальцову, никогда не забудут ее удивительную увлеченность наукой, трудолюбие, эрудицию, энциклопедичность ее знаний, высокую требовательность к себе, которые сочетались с огромной душевной щедростью, теплотой, необыкновенной человечностью, готовностью в любое время оказать помощь всем, нуждающимся в ней.

Память о Зинаиде Владимировне Удальцовой всегда будет жить в сердцах советских византинистов, медиевистов, антиковедов, славистов и всех тех, кому дорога отечественная наука.

З. Г. Самодурова

СТАТЬИ

К. В. ХВОСТОВА

ПРОНИЯ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Проблема византийской пронии принадлежит к тем, которые отнюдь не были обойдены исследовательским вниманием. Но это вовсе не означает, что все относящиеся к ней вопросы являются решенными и что существует согласованность и единообразие даже в постановке исследовательских задач. Данное обстоятельство не является лишь результатом недостатка источников, оно связано с разными исследовательскими позициями, разными оценками тенденций развития империи в целом. Единственно, что на данный момент представляется бесспорным, — это убежденность исследователей в том, что прония (забота, попечение), по крайней мере с XIII в., с периода существования Никейской империи (а вернее, и ранее при Комнинах), играла в Византии огромную роль.

В большинстве работ прония рассматривается в рамках узкого хронологического периода, например в X—XIII вв., в других — изучается поздневизантийская прония¹. Но имеется и хорошо известно обобщающее исследование Г. Острогорского², в котором прония прослеживается на протяжении всей византийской истории и трактуется как временное и условное владение землей.

Нам представляется важным такой подход к изучению общественных отношений, который позволяет осуществить своеобразную исследовательскую ретроспекцию, а именно делает возможным изучение института в определенный период его существования с учетом знания тех его особенностей развития, которые в полной мере и в явной форме проявились позднее. Думается, подобный подход дает возможность обнаружить в явлении в ранний период его развития те черты, которые были исторически перспективными, а следовательно, и имели наибольшее историческое значение. При этом возможно, что тогда эти проявления носили еще скрытый характер и не играли той роли, которую они получили

¹ *Ahrweiler H.* La Pronoia à Byzance: Structures féodales et féodalisme dans l'Occident Méditerranéen (X—XIII siècles). P., 1980; *Glykatzis-Ahrweiler H.* La concession des droits incorporels, donations conditionnelles // Actes du XIIe Congrès International des Etudes Byzantines. Beograd, 1964. T. II; *Eadem.* L'histoire et la géographie de la région de Smyrne entre les deux occupations turcs (1081—1317). // Travaux et Mémoires. 1965. 1; *Lemerle P.* The Agrarian History of Byzantium: From the Origin to the twelfth century. Galway, 1979. P. 231 sq.; *Осипова К. А.* К вопросу о роли государства в утверждении феодализма в Византии // XVI. Internationaler Byzantinistenkongress; Resumés der Kurzbeiträge. Wien, 1981. 4.1; *Ostrogorsky G.* Die Pronoia unter den Komnenen // ЗРВИ. 1970. 12; *Idem.* Drei Praktika weltlicher Grundbesitzer aus der ersten Hälfte des 14. Jahrhunderts // ЗРВИ. 1973. 14—15; *Острогорски Г.* Још једном о пронијарима Куманима // Сборник Владимира Мошина. Београд, 1977; *Carile A.* Sulla pronoia nel Peloponneso bizantino anteriormente alla conquista latina // ЗРВИ. 1975. 16; *Хвостова К. В.* Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии. М., 1968; *Максимовић Љ.* Пронијари у Трапезундском Царству // 36. Философског факултета у Београду. 1974. XII, 1; *Сюзюмов М. Я.* Внутренняя политика Андроника Комнина // ВВ. 1957. 12.

² *Острогорски Г.* Пронија: Прилог историји феудализма у Византији и јужнословенским земљама. Београд, 1951.

в дальнейшем. Знание исторической перспективы позволяет, таким образом, выявить дополнительную информацию и с помощью ее обнаружить определяющие тенденции развития. Подобный ретроспективный взгляд на функционирование социально-правовых институтов, по-видимому, должен оказаться плодотворным в отношении изучения византийской прони. Сведения источников, характеризующие ее в XI—XIII вв., немногочисленны и оставляют много неясностей. В то же время от XIV в. сохранились некоторые данные, которые не только позволяют проследить развитие и изменения прони в это столетие, но и дают возможность выявить ряд ее неясных черт в более ранний период, а следовательно, помогают реконструировать типологические особенности этого института. Кроме того, изучение прони, называемой в источниках также икономия, т. е. управление, целесообразно проводить в тесной связи с рассмотрением общей системы византийского управления и с учетом характерных черт византийской политико-правовой доктрины, византийской ментальности и с учетом семантики выражения «прония».

В последние годы внимание исследователей привлекло упоминание о прони в так называемом трактате об обложении, опубликованном И. Караяннопулосом и относящемся, видимо, к XI или XII в. В нем упоминаются *τὰ προνομιακά* ³. Э. Арвейлер пришел к выводу, что *τὰ προνομιακά* — это налоги с земли, пожалованные стратигу или чиновнику за исполнение им государственной службы ⁴. Отличительной особенностью пожалования, по ее мнению, является то, что оно подразумевало передачу лишь фискальных прав, т. е. тех, которые ранее принадлежали государству. Все другие права на данную территорию, которые Арвейлер называет экономическими, не были объектом пожалования ⁵. Подобные выводы вполне согласуются с воззрениями, которые разделялись исследователями и ранее ⁶, а также высказывались и рядом других ученых, в частности П. Лемерлем, Н. Звороносом ⁷ и др. Их концепция предлагает наличие в Византии четкого разграничения между публично-правовыми и частноправовыми (экономическими) функциями и соответствующими доходами. Подобное этакстическое воззрение, по-видимому, в точности воспроизводит византийскую политико-правовую доктрину, согласно которой различалось государственное и частное управление. Это разграничение нашло свое яркое выражение у Иоанна Дамаскина, общее понимание управления которого восходит к Аристотелю ⁸.

Вся политика византийского государства на протяжении VII—XII вв. была направлена на сохранение и поддержание этого различия. Зонара упрекал Алексея I Комнина в том, что он правил не как император, а как господин. Никифор Григора различал управление государством по обычаям римцев и собственностью по образцу латинян ⁹. Смешение форм

частного и публичного управления угрожало ослаблению государственной власти, поэтому на ограничение частного патроната были нацелены многие усилия византийских властей. В этом плане интересны распоряжения императоров македонской династии, направленные на ограничение частных прерогатив династов. Ту же цель преследовало введение таких институтов, как аллиленгий (коллективная податная ответственность общины за покинутые земли), эпибола (раскладка налога в соответствии с количеством и качеством земли), арифмос (пожалование частному собственнику строго определенного числа зависимых крестьян). Однако эта политика всегда была противоречивой, так как сочеталась с мерами, способствовавшими укреплению частноправовых отношений, а следовательно, с созданием предпосылок к переплетению частноправовых и публичноправовых функций управления ¹⁰. В этом отношении особенно характерны раздача иммунитетных привилегий и пожалование земель в частную собственность. Впрочем, последние, несмотря на многочисленные заверения в противном, содержащиеся в императорских грамотах, оформляющих соответствующие пожалования, вовсе не были прочными и снабженными настоящими правовыми гарантиями. Привилегии не только могли отменяться, но по сравнению с западноевропейским иммунитетом они были более ограниченными. На протяжении всей истории империи и особенно в XIV—XV вв., как об этом подробно говорится ниже, распространялась практика возвращения монастырских земель в ранг казенных.

Сущность самой прони также была противоречивой. Необходимо различать, с одной стороны, ту роль, которая отводилась ей государственной властью, а с другой — ее реальное функционирование. В теории она, видимо, рассматривалась как одно из средств сохранения и поддержания четких граней между государственным управлением и частным патронатом, сближаемым византийским правосознанием с частной собственностью, и означала пожалование лишь публичноправовых функций. Впрочем, из этого не следует, что юридически прония сводилась только к пожалованию налога, хотя это непосредственно засвидетельствовано многими источниками. В рассматриваемое понятие вкладывался еще и иной смысл: делегирование некоторых прав попечения или управления (икомия), объем которых зависел от социального статуса получателя. Именно так, как некоторое попечение в отношении территории, рас-

леводства, частной инициативы, которые были характерны для империи начиная с X в. Говорилось даже о праве государства конфисковывать земли подданных в случае государственной необходимости. (Об этих воззрениях см.: *Литавин Г. Г.* Проблема государственной собственности в Византии X—XI вв. // ВВ. 1975. № 34) Думается, однако, что эти представления преувеличены. Можно согласиться с мнением Н. Звороноса, что известные факты превращения земель, принадлежавших на правах собственности монастырям, в государственные означали, во всяком случае юридически, не конфискацию их, а прекращение привилегированного состояния, связанного с освобождением от уплаты налогов, ликвидацию налоговой экскуссии (*Actes de Lavra*. Vol. IV. P. 52, 53). Далее, вряд ли справедливо относить распространение тенденции, связанной с преимущественным влиянием публичного права и ролью государства только к периоду начиная с X в. Это явление восходит к государственному порядку, созданному реформами Диоклетиана и отмечалось уже такими исследователями римского права, как Е. Леви и М. Казер. Последний писал о том, что в постклассический период возникла ограниченная собственность частных лиц, что может быть интерпретировано, как государственная собственность. См.: *Kaser M.* Das römische Privatrecht. München, 1959. Bd. II. S. 189—190. Ср. также: *Levy E.* West Roman Vulgar law: The Law of Property. Philadelphia, 1951. P. 111, 119. Преемственность эпохи IV в. с последующим развитием империи справедливо подчеркивала Е. Э. Липшиц (*Липшиц Е. Э.* К истории закрепощения византийского крестьянства в VI в. // ВВ. 1971. С. 107, 109). Именно в IV в. происходит в Восточной Римской империи ограничение частного патроната (*Lemerle P.* Agrarian History of Byzantium. P. 11). Вся дальнейшая история Византии, содержащая множество важных вех в борьбе императоров за сохранение строгих различий между частным хозяйством и государственным управлением, показывает, что прония имела в этой борьбе не последнее значение.

¹⁰ *Maksimovich Jb.* Византијска провинцијска управа у доба Палеолога. Београд, 1972. С. 74—95.

³ *Karajannopoulos I.* Fragmente aus dem Vademecum eines byzantinischen Finanzbeamten // *Polychronion / Festschrift Fr. Dölger Zum 75. Geburtstag.* Heidelberg, 1966. S. 322.56—58.

⁴ *Ahrweiler H.* La pronoia. . . P. 683.

⁵ *Ibid.* P. 683—684.

⁶ *Glykatzis-Ahrweiler H.* La concession des droits incorporels. . . P. 110.

⁷ *Lemerle P.* The Agrarian History of Byzantium. P. 232; *Svoronos N.* Le domaine de Lavra sous les Paléologues // *Actes de Lavra / Ed. A. Guillou, P. Lemerle, N. Svoronos.* P., 1982. Vol. IV. P. 164—171. (Далее: *Actes de Lavra* Vol. IV).

⁸ *Ιωάννου Δαμασκίου περί τῆς γῆς οὐσίας* // PG. Vol. 94. Col. 733.

⁹ *Tinnefeld F.* Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie: Von Procop bis Nicetas Choniates. München, 1971. S. 144; *Gregoras N.* Byzantina Historia / Ed. L. Schoepen, T. Bekker. Bonn, 1829. Vol. I.: P. 233, 48. Начало этой политики восходит к эпохе Диоклетиана и созданию византийской фискальной системы, многие принципы которой (естественно, в измененном виде) просуществовали до конца империи. В этот период возникли значительные прерогативы центральной власти в отношении земель подданных (*Lemerle P.* The Agrarian History of Byzantium. P. 7). Византийское государство в дальнейшем широко пользовалось подобными прерогативами. Некоторые византийцы связывали значительные права государства в отношении частной собственности с понятием государственной собственности на землю, подразумевая под ним главным образом те формы ограничения частного вем-

считал пронию М. Я. Сюзюмов¹¹. Выражение *τὰ προνοιατικά*, по-видимому, подтверждает это представление. Интересная интерпретация выражения *τὰ προνοιατικά* в трактате об обложении высказана К. А. Осиповой¹², которая поддерживает на основе этого свидетельства мнение М. Я. Сюзюмова. В то же время данное выражение в трактате об обложении никоим образом не расшифровывается. Пролить некоторый свет на выражение *τὰ προνοιατικά* помогают источники более позднего времени. Я имею в виду практики XIV в., содержащие перипорисмы владений Лавры св. Афанасия и Ивирского монастыря, где в перечне владений, соседних с монастырскими, упоминаются *τὰ προνοιαστικά δίκαια*¹³. Из контекста практиков очевидно, что выражение *δίκαια* означает земли разного типа: пахотные, виноградники, угодья¹⁴, — это все то, что являлось объектом хозяйствования. Таким образом, *τὰ προνοιαστικά δίκαια* — это принадлежавшая прониарам территория. Иногда в практиках упоминаются и сами прониары, и эти данные лишний раз свидетельствуют о том, что ими могли быть как лица знатного происхождения, так и представители более низкого социального статуса¹⁵.

Очевидно, передача какому-либо чиновнику, военачальнику или стратигу земель в качестве *τὰ προνοιαστικά δίκαια* являлась не только пожалованием налога, но и отчуждением некоторых принадлежащих государству прав на соответствующую территорию. Известно, что согласно византийской официальной политико-правовой доктрине подданные платили государственные налоги в силу тех прав попечения, которые принадлежали императорской власти в отношении территории и живущего на ней населения, т. е. в силу императорской пронии, которая восходила к божественному провидению. Следовательно, пожалование прониару налога означало отчуждение в его пользу прав попечения, которые реализовались во взимании налогов с населения соответствующей территории.

Как отмечает Г. Хунгер, в Греции эллинистического периода понятие пронии распространялось и на чиновника, однако в византийскую эпоху она в этом значении не встречается¹⁶. Этот вывод не представляется абсолютно точным. Упоминания *τὰ προνοιατικά* в трактате об обложении и *τὰ προνοιαστικά δίκαια* в практиках, как видно, свидетельствуют о том, что соответствующие понятия предполагали пожалование прав попечения чиновникам и стратигам, без которого передача налога не имела юридических гарантий¹⁷. Введение пронии, возможно, и преследовало цель образования института, который создавал бы в свете действующего права надежные юридические гарантии для распространенной в Византии и имевшей традиции формы оплаты службы чиновников и стратигот, состоявшей в отчислении налогов с определенной территории¹⁸. Возник, таким образом, специфический вид попечения, основанного на государ-

ственной инициативе и носящего публично правовой характер. Естественно, этот институт должен был противостоять частному попечению и усиливать свойственную византийскому политико-правовому сознанию тенденцию к четкому разграничению функций государственного публично-правового управления и частноправовой деятельности и соответствующих доходов. О том, что прония с самого начала предполагала попечение ее получателя над известной территорией, свидетельствуют, по-видимому, не только *τὰ προνοιατικά* трактата об обложении и *τὰ προνοιαστικά δίκαια* практиков XIV в., т. е. сведения источников, сравнительно недавно привлеченных для изучения интересующего нас института, но и давно известное упоминание о пронии у Анны Комнины: «ἀλλὰ τὴν ἐξαρτιμῆσαι δυνήσαστο τοὺς καθ' ἡμέραν ἐσθίουτος ἢ τὴν ἐκαστὴν δαπάνην καὶ τὴν γενομένην εἰς ἐκαστον πρόνοιαν... ἐκεῖνος γὰρ ἀφορίζετο ἀπὸ γῆς καὶ θαλάττης αὐτοῖς πρόνοιας»¹⁹. В этом фрагменте прония встречается дважды и в разных значениях. С одной стороны, это та прония, которую император осуществляет по отношению к подданным, а с другой, — та, которая, так сказать, отчуждена, отделена (*ἀφορίζω*) в пользу отдельных лиц, пожалована им.

Права попечения, хотя непосредственно и распространялись на землю, но реализуясь в получении налогов с крестьян, превращались в совокупность прав в отношении этих последних. В этом смысле характерны недавно опубликованные практики 1321 г., содержащие опись владений в феме Фессалоники, пожалованных в икономию членам фессалоникийского аллагия (военного подразделения) Михаилу Савантзи и Николаю Марули. Среди их владений преобладают держания зависимых крестьян-париков²⁰.

Право прониаров на получение налогов с территории позволило греческому ученому Н. Икономидису провести определенные параллели между пронией и налоговым иммунитетом. Но такое сходство было чисто внешним. В юридическом отношении прония и иммунитет — понятия диаметрально противоположные. Прония — это передача функций публично правового попечения, а налоговый иммунитет — привилегия, предоставляемая собственникам земли²¹.

Итак, представления о пронии, по-видимому, непосредственно дедуцировались византийцами из постулатов официальной политико-правовой теории. Возможно, именно поэтому она не нашла четкого юридического оформления в византийских правовых документах, но рассматривалась как институт, вполне согласующийся с существующим порядком. Однако то обстоятельство, что она представляла собой попечение, связанное с управленческими функциями (икономия) по отношению к населенной зависимыми крестьянами территории, привело на практике к тому, что прония эволюционировала по пути превращения в институт типа бенефиция, а затем и лена²².

Предпосылки этой эволюции содержались уже в пронии IX—XII вв., отражавшей специфичность византийской социально-политической системы и противоречивый характер внутренней политики императоров. Но наличие соответствующих тенденций в ранней пронии становится особенно заметным благодаря ретроспективному изучению документов эпохи

¹¹ Сюзюмов М. Я. Указ. соч. С. 60.

¹² Осипова К. А. Указ. соч. 4.1.

¹³ Actes de Lavra. P., 1977. Vol. II. N 90. P. 84.139; P. 85.142, 144, 160; P. 87.184, 196; P. 89.229, 233, 245; P. 91.280, 283; N 108. P. 191.213, 216, 219; P. 192.239; P. 193.257—58; P. 194.286. Наряду с этим встречаются выражения: *τὰ προνοιαστικά* (Ibid. N 90. P. 79.9; N 108. P. 197.369); *δίκαιων στρατιώτου* (N 108. P. 196.349—350); *τὰ τε προνοιαστικῶς κατεύχμενα* (N 108. P. 199.422); *Dölger F. Sechs byzantinische Praktika aus den Athoskloster Iheron // Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse. Neue Folge. München, 1949. II. 28. A. 422.*

¹⁴ Actes de Lavra. Vol. II, N 72. P. 14.42; N 79. P. 48—49, 13, 15.

¹⁵ Об этих градациях по отношению к более раннему периоду см.: *Angold M. A Byzantine Government in Exile: Gouvernement and Society under the Laskarids of Nicaea (1204—1261). L., 1975. P. 125, 126; Arkweiler H. L'histoire et la géographie de la région de Smyrne entre les deux occupations turques (1081—1317) // Travaux et Mémoires. P., 1965. 1. P. 157.*

¹⁶ *Hunger H. Prooimion. Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden. Wien, 1964. S. 85 f.*

¹⁷ Именно юридических, реальные гарантии определялись конкретной социально-политической конъюнктурой и взаимоотношениями с императором.

¹⁸ О традициях см., например: *Lemerle P. The Agrarian History of Byzantium. P. 233.*

¹⁹ *Annae Comnenae Porphyrogenitae Alexias. Lipsiae, 1884. II. 292.22—25.*

²⁰ Actes de Xénophon / Ed. D. Papachryssanthou. P., 1986. N 15. P. 139—140; N 16. P. 143—144. В этом плане интересны и другие практики прониаров. См.: *Schreiner P. Zwei unedierte Praktika aus der zweiten Hälfte des 14. Jahrhunderts // JÖB. 1970. 19. P. 33—49. О них см.: Oikonomides N. Notes sur un praktikon de proniaire // Travaux et Mémoires. P., 1973. 5. P. 335—346.*

²¹ *Oikonomides N. The Properties of the Deblitzenoi in 14th and 15th Centuries // Charanis Studies. New Brunswick, 1980. P. 178.*

²² *Georgii Pachymeris de Michaelis et Andronico Paleologio Libri tredecim / Ed. J. Bekker. Bonn, 1855. Vol. 1. P. 97.21; Острогорски Г. Прония. . . С. 124—127; Максимовић Љ. Византијска провинцијска управа . . . С. 99, примеч. 171. Наследственные права в отношении территории в правосознании византийцев связывались с родовой собственностью. См.: Gregoras N. Byzantina Historia. Vol. 1. P. 233.18.*

Палеологов, когда произошли очень важные изменения в статусе прониаров и пронии, которая нередко становится наследственной.

Кроме того, распространяются случаи сочетания в руках держателя пронии (или владения, не названного так, но по своему статусу не отличающегося от нее) публично правовых и частно правовых функций, т. е. прав управления, которые соединяются с реальными экономическими правами. Хорошо известны отнюдь не единичные факты пожалования территории в наследство (или на срок жизни) владение и управление определенным лицом²³. Недавно опубликованный документ — хрисовульный орисмос Иоанна V Палеолога, согласно которому, Мануилу Сергопулу — хранителю печати — до конца жизни получателя на условии исполнения службы пожалован остров Мармара, интересен в нескольких отношениях²⁴. Прежде всего в нем, хотя (как это часто бывает в подобных пожалованиях) и не называется прония, но в отличие от других пожалований с аналогичным содержанием используется другое выражение в том же смысле: ἐπιμελοῦμενος²⁵, содержание которого раскрывает текст. Чиновник должен заботиться об обороне острова и прочих условиях жизни, и в этих целях так же, как и другим получателям наследственной пронии-икономии, дается право проводить на пожалованной территории различные «улучшения» доступными ему способами: . . . καὶ βελτίον ταῦτά κατὰ τὸν εὐχρόνῳτα καὶ ὀναιότεν αὐτῷ τρόπον²⁶. Подобные формулировки, как известно, характерны для пожалований земли в собственность. Доходы Сергопула, как видно, не исчисляются в посотис, а остаются нелIMITированными, они могут непосредственно зависеть не только от количества налогоплательщиков, но и от урожая. Из других источников того же времени нам известны десятины зевгарей и десятина урожая²⁷ — подати, имевшие смешанный, т. е. одновременно публично- и частно правовой характер. Кроме того, согласно рассматриваемому документу, упомянутому лицу даруется право на преимущественную покупку продуктов у местных жителей, что также могло вести к расширению частных прерогатив²⁸.

Четкое разграничение между государственным и частным управле-

нием, свойственное византийскому правосознанию, на практике нарушается. Соответственно по отношению к XIV в. и доходы от земли не могут быть с предельной точностью разделены на государственные налоги и ренту частнопроводного характера, хотя формально-юридически попытки к подобному разграничению по-прежнему предпринимаются. Согласно хрисовулу Иоанна VII Палеолога, Лавре, как и другим крупным монастырям, пожалована часть десятины с урожая на Паллене-Кассандре. После смерти дарителя Лавре переходит соответствующая часть самой земли: общины, где работают упряжки волов, и сами эти упряжки, весь доход с урожая и государственные налоги²⁹. В этом документе налог и доход по традиции разделяются, кстати, десятина от урожая не идентифицируется с налогами, являясь, как уже отмечалось, сбором смешанного публично- и частно правового характера. Далее, в документах XIV—XV вв. отсутствует терминологическая точность: если в актах, содержащих пожалование в пронию, говорится о праве на владение, то в документах, оформляющих пожалование монастырям земель в собственность, указывается на передачу посотис³⁰.

Подобному переплетению представлений об управлении и владении способствовали в эпоху Палеологов реальные процессы приватизации функций управления, связанные с усилением противоречивых тенденций в политике императоров. Действительно, именно в этот период за счет крупных земельных пожалований со стороны государства особенно выросло крупное, в частности, монастырское землевладение, распространились апанажи³¹, отпали всякие ограничения, чинимые ранее собственникам в привлечении на их земли крестьян. Как ранее, сосуществовали названные два противоречащих друг другу направления экономической политики государства. Соответственно и сама византийская власть балансировала между двумя политическими и общественными силами, составлявшими ее социальную базу: высшей бюрократией и земельной аристократией. Преимущественное развитие того или иного направления в политике зависело от многих факторов: соотношения сил в составе правящей элиты, реальных возможностей того или иного императора, внешней обстановки.

В целом в эпоху Палеологов в экономической политике возобладала тенденция к поощрению роста крупной, особенно монастырской собственности. В этой связи характерны многочисленные свидетельства пожалования монастырю бывших проний или замены монастырских земель на прониарские, тогда как монастырские возвращались в казну; при этом обмен совершался, по-видимому, с учетом интересов монастыря³².

О том, что пожалованные в XIV в. прониару права попечения уже не только реализовались в получении налогов, но включали возможности создавать на соответствующей территории условия для разнообразной экономической деятельности, свидетельствуют упомянутые выше практики 1321 г., содержащие описи владений прониаров — членов фессалонийского аллагия. Хотя большая часть их икономий состояла из держаний париков, им принадлежали также покинутые земли и владения, которые передавались вместо икумена (налога)³³. Эти территории, не находящиеся в держании у крестьян, эксплуатировались или путем сдачи в аренду, или с помощью барщины, о которой в практиках имеются специальные упоминания³⁴.

²³ В этом плане неоднократно интерпретировались аргументы Морейского деспота Феодора, согласно которым Георгию Гемисту Плифону были пожалованы город Фанарион и село Врисис. См.: *Острогорски Г. Прония* . . . С. 124—125; *Максимовић Љ. Византијска провинцијска управа* . . . С. 99. Аналогичным было пожалование деспота Константина Палеолога Димитрию Мамону Григоре (*Максимовић Љ. Византијска провинцијска управа* . . . С. 99). Характерен в этом отношении дар Георгию Сфрандзи (Там же. С. 100). В этой связи можно было бы отметить и следующие пожалования. Иоанн VI Кантакузин передал в 1349 г. своему приближенному (οἰκείῳ) Демитрию Девлицину в наследственную икономию посотис в 100 перперов, соответствующую владениям в Хермилее (*Actes de Docheiariou / Ed. N. Oikonomides. P., 1984. N 26. P. 185*). Согласно хрисовулу Андроника IV Палеолога от 1378 г., Мануилу Тарханиоту передается на срок жизни община Лоротон в Каламарии за службу с тем, чтобы она после его смерти на тех же условиях перешла его сыну Иоанну Тарханиоту, причем ранее Лоротон принадлежала Георгию Цамплаку и его покойному брату, а часть общины недавно была пожалована простагом Мануилу Раулю Кустугианису. Документ наглядно иллюстрирует движение земель, статус которых не отличается от статуса наследственной пронии (хотя ее обозначение отсутствует). (См.: *Actes de Lavra. Vol. III, N 149*). По данным хрисовула Иоанна V Палеолога от 1351 г., икеий императора Георгию Капаре передается в качестве наследственного владения земля в 2400 модиев в Каламарии, соответствующая его икономии в 48 перперов. Наследники настоящего владельца должны будут выполнять соответствующую службу (*Actes de Docheiariou. N 27. P. 188*).

²⁴ *Magdalino P. An unpublished Pronoia Grant of the Second Half of the Fourteenth Century // ЗРВИ. 1978. Т. XVIII. P. 155—163.*

²⁵ *Ibid. P. 157.9. Ср.: Actes de Dionysiou / Ed. N. Oikonomides. P., 1968. N 2. P. 45—46.*

²⁶ *Magdalino P. Op. cit. P. 157.8. Ср.: Actes de Docheiariou. N 27. P. 188, 18—19.*

²⁷ *Actes de Lavra. Vol. III, N 155, P. 134.24, 29—30; P. 133, примеч. издателей; N 159. P. 147.32.*

²⁸ Мы не знаем, соблюдался ли в XIV в. порядок, запрещающий парикам продавать земли прониарам, существовавший в Никейской империи и восходящий по своим принципам к экономической политике императора X в. (*Miklosich F., Müller J. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Vindobonae, 1890. Vol. IV. P. 199*). (Далее: MM); *Angold M. A Byzantine Government in Exile. P. 141.*

²⁹ *Actes de Lavra. Vol. III, N 159. P. 148.33—34.*

³⁰ *Ibid. N 122. P. 17.6.*

³¹ *Максимовић Љ. Византијска провинцијска управа* . . . С. 12.

³² *Actes de Lavra. Vol. III, N 128. P. 37.29; N 161. P. 156—157. 1—7.* В документе, сфабрикованном, по мнению издателей, на основе нескольких ранее изданных практиков, также говорится о пожаловании монастырю части пронии: ἀπὸ τῆς προνοίας τῆς γῆς Ἀπλῆμενι (Actes de Lavra. Vol. III. Appendice XVIII. P. 219.34—35). Но и от более раннего времени мы имеем множество свидетельств такой практики. См.: *Острогорски Г. Прония* . . . С. 34. Ср.: *Actes de Lavra. Vol. II, N 97. P. 131.6.*

³³ *Actes de Xénophon. N 15. P. 140.17, 20, 21; N 16. P. 143.21—24, 25; P. 144.25.*

³⁴ *Ibid. N 15. P. 140.30—31; N 16. P. 144.29.*

В подобных ситуациях пожалование прониарам прав попечения или управления состояло, по существу, в передаче всех тех прерогатив, которыми обладал собственник. Новый взгляд на попечение не получил, однако, адекватного юридического выражения в документах, в которых, как уже говорилось, продолжались делаться попытки к разграничению государственного управления и частного владения. Поэтому данное понимание пронии становится достоянием правовой ментальности: формально не оформленных, но достаточно распространенных и играющих значительную социальную роль форм правосознания.

Материалы архивов Дохиарского и Ксенофонтского монастырей показывают, что в XIV в. прониар, по существу, распоряжался землей, переданной ему в пронию. Он передает землю монастырю, сдает в аренду, продает, и в этом случае права монастыря на нее представляют собой своеобразный вид условной собственности. Возникают случаи совладения монастырей и прониаров³⁵. По мнению издателя Дохиарских актов Н. Икономидиса, подобные передачи происходили с целью обеспечения со стороны монастыря условий для экономической деятельности населения, платящего налоги, которые были уступлены со стороны государства прониарам за их службу³⁶. Из этого следует, что обычно прониары сами создавали эти условия, проводя икономию, управление и попечение осуществляемое от лица государства, и пользуясь *ποσότης*, о чем свидетельствуют их экономические конфликты с монастырями³⁷.

Обычно пожалование земли в пронию практически влекло за собой усиление эксплуатации налогоплательщиков. Именно этим, видимо, объяснялось то негодование, с которым описывал распространение этого института при Мануиле Комнине Никита Хониат³⁸. Юридически в пронию, равно как и в безусловную частную собственность, могли быть пожалованы или принадлежащие казне держания париков, или пустующие земли. В период Палеологов часто передавались именно последние, на которых собственник или прониар получал право селить элевтеров. Но на практике в орбите прониара оказывались иногда и мелкие собственники³⁹. Иными словами, попечение, осуществляемое прониаром, было весьма ощутимым и нередко вызывало протест⁴⁰.

Дохиарский и Ксенофонтский монастыри, в распоряжение которых в XIV в. прониары передавали свои пронии, фактически сосредоточивал в своих руках те публично правовые прерогативы, которые юридически были пожалованы прониарам как временное отчуждение в их пользу определенных государственных функций.

Известны и другие примеры, когда функции попечения над территорией государством, причем непосредственно, а не в результате передачи прониарами, возлагались на монастыри, что, естественно, также способствовало возникновению смешанных частноправовых и публичноправовых отношений на соответствующих землях, соединению владельческих и управленческих функций. И это влекло за собой появление определенных видов доходов смешанного характера. Согласно хрисовулу Иоанна V Палеолога от 1345 г., Лавра св. Афанасия получает старую крепость Контия и прилегающую к ней землю Трихисана на острове Лемнос⁴¹. Ранее эти территории являлись императорским зевгилатием⁴². Это был своеобразный вид условных пожалований, осуществляемых в пользу не прониара, а монастыря. Крепость и земля передаются ему при условии восстановления крепости и поселения на соответствующей территории людей (*ἄνθρωποις*), обязанных нести службу по охране острова⁴³. В XIV в. в условиях чрезвычайного обострения внешней обстановки крупный монастырь, располагавший многочисленными метохами и прочими владениями в разных районах империи, в том числе и укрепленными сооружениями, имел возможность защитить население от нападения врагов и тем самым создать условия для их экономической деятельности и уплаты налогов. Владельцы мелких и средних проний, включавших земли сельской округи, были лишены таких возможностей⁴⁴ и вынуждены были передавать земли монастырю. Подобные факты сосредоточения в руках монастыря частноправовых и публичноправовых функций попечения — яркий пример византийского пути развития феодальных отношений.

Прониары, передававшие свою пронию Дохиарскому монастырю, ограничивались получением посотис. Их неспособность в известных случаях обеспечить поступление налогов — определенный симптом кризиса данного института.

Эпоха Палеологов обычно рассматривается как период дальнейшего прогрессирующего развития пронии. Но во время внутренних потрясений и обострения внешней опасности она временами оказывалась нежизнеспособной, о чем свидетельствует и огромная мобильность прав на землю, их перемещение из рук прониаров государству и монастырям. Хотя по отношению к тому же периоду известны многочисленные противоположные факты, а именно временные ограничения и ликвидация податных привилегий монастырей, подчинение их земель фиску и пожалование налогов с соответствующих территорий прониарам⁴⁵.

³⁵ В этом отношении характерны следующие документы: акт передачи прониаром Дохиарскому монастырю от 1313 г. нескольких покинутых харафиев и виноградины. Монастырь должен владеть этими землями и извлекать из них любой доход до тех пор, пока даритель и его дети имеют пронию: *ὡς ἂν ἀπὸ γε τοῦ νόου καὶ εἰς τὸ εἶς κατέχουσα ταῦτα ἢ κατὰ τὴν ἰστίαν μὴ καὶ νεομένη ἀνενοχλήτως πάντῃ καὶ ἀνεμπόδιστος ἐκ σύμπαντος, τὴν ἐξ αὐτῶν πᾶσαν καὶ παντοίαν ἀποτέλλεται πρόσδοον, μέγιστον ἂν δηλαδὴ παρ' ἐμοῦ καὶ τῶν παιδῶν μου ἢ πρόνοια κατέχεται...* См.: Actes de Docheiariou. N 13. P. 125. 5—7. Характерно в данном случае по отношению ко временному владению использование стандартной формулы: *ἀπὸ τοῦ νόου καὶ εἰς τὸ εἶς*. Аналогичного содержания и акт 1314 г. передачи прониарских земель монастырю, осуществляемой двумя прониарами (см.: Ibid. № 14. P. 127. 6; № 22. P. 164.6). Аналогичный случай засвидетельствован в акте 1364 г. передачи дочерью умершего прониара наследственной пронии монастырю Ксенофонта (Actes de Xénophon. № 30. P. 213.24—25). О пожаловании прониарам монастырю своих проний свидетельствует и практик, составленный апографевсом Константином Макреном от 1338 г. и содержащий опись владений Ксенофонтского монастыря (Ibid. № 25. P. 195.110—111). Известны факты сдачи прониарами их проний в аренду монастырю (Ibid. № 6. P. 97.9, 15) и случаи продажи ими своих проний, а также последующей их конфискации Андроником III (Ibid. N 23. P. 117.8—9).

³⁶ Actes de Docheiariou. P. 126.

³⁷ Острогорски Г. Пронија... С. 23 и след.; Actes de Docheiariou. N 31, N 35.

³⁸ Nicetae Choniatae Historia / Ed. J. A. Van Dieten. Berolini, 1975. P. 208.

³⁹ Лумасин Г. Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977. С. 108; Lemerle P. Agrarian History of Byzantium. P. 238.

⁴⁰ О борьбе монастыря Лемвотиссы и прониаров за париков см.: Острогорски Г. Пронија... С. 43 и след.

⁴¹ Actes de Lavra. Vol. III, N 126. P. 31.3—4; N 127. P. 34.5—6.

⁴² Ibid. P. 34.6.

⁴³ Ibid. P. 34.7—8, 18. Известно аналогичное пожалование земли монастырю Дионисия, которому также вменялось в обязанность построить пирг и организовать охрану территории. См.: Actes de Dionysiou. N 13. P. 91.4—5; N 17. P. 106.4—5.

⁴⁴ В хрисовуле Андроника II от февраля 1319 г., содержащем пожалование привилегий городу Янине, говорится, что жители города не могут принуждаться к несению военной службы вне города, т. е. это обязанность стратиотов, которые имеют икономию. См.: MM. V. P. 77—84.

⁴⁵ По хрисовулу Иоанна VII Палеолога от 1404 г., подтверждаются права Лавры на деревню Дримосирта, расположенную в Каламари. Однако половина владения в течение определенного времени была подвластной фиску (*τοῦ δημόσιου*) вследствие неблагоприятных обстоятельств (*ὅτι τῆς τῶν πραγμάτων ἐξαιτίας καὶ τρικυρίας*) (см.: Actes de Lavra. III. № 155. P. 134.18). Речь идет о мерах Мануила II, связанных, по мнению Н. Звороноса, с пожалованием прониарам налогов с монастырских земель, тогда как собственнические права на них сохранялись за монастырями (*Συνοχονος N. Le domaine de Lavra...* P. 52—53). Г. Острогорский, однако, полагал, что изъятию подлежали сами земли, передаваемые во владение прониарам (Острогорски Г. Пронија... С. 109—110). Ср.: Мошин В. Акти из светогорских архива // Споменик. Српска Академја наука. Београд, 1939. N 91. С. 165—167. Аналогичного мнения придерживаются Дж. У. Баркер и И. Джурич (Barker J. W. Manuel II Palaeologus (1391—1425): A Study in Late Byzantine Statesmanship. New Brunswick, 1969. P. 17. Not. 41; Ђурић И. Сумрак Византије. Београд, 1982. С. 189, примеч. 33).

Не исключено, что хотя юридически прониарам передавались только налоги с монастырских владений, но на практике это приводило к потере монастырем и земли

Иногда земля продолжала числиться как находящаяся в непосредственном ведении монастыря, однако этот последний должен был платить стратиотам и прониарам⁴⁶.

Чрезвычайная подвижность земельного фонда в XIV—XV вв. означает, что между различными видами земельных владений исчезают существенные различия. Все формы юридического отношения к земле, в том числе и монастырская собственность, по существу превращаются в виды условной собственности. Такая ситуация отражала обостряющуюся борьбу за землю как источник доходов — прежде всего налогов — между государством, прониарами и монастырями. Эта борьба обострялась нехваткой париков-налогоплательщиков⁴⁷. Получателям земли жалова-

как таковой, чему способствовали как реальные процессы приватизации управления, так и смешение представлений о публичном и частном его характере. Тенденция к распространению этих форм правовой ментальности хотя и укрепилась в эпоху Палеологов, но известна и по источникам XI в. В этом отношении интересен документ из архива Дохиарского монастыря, свидетельствующий, что право собственности на землю в сознании византийцев ассоциировалось с уплатой с этой земли налога. Неуплата налога воспринималась как отсутствие собственнических прав (Actes de Docheiariou. N 2).

О сложных взаимоотношениях монастыря и фиска в начале XV в. свидетельствуют акты апографесов, совершающих обмен земель Лавры на земли казны (Actes de Lavra. Vol. III. N 161, N 165). При этом указывается, что лавриоты должны быть свободны от податей в пользу прониаров. Факты временного перевода земель монастырей в ранг казенных, означающие отмену податных привилегий, а возможно, и изъятие самих земель имели место не только при Мануиле II Палеологе, но и в более ранние, равно как и более поздние периоды византийской истории. И так же, как и при Мануиле, такие акции часто были связаны с пожалованиями налогов (обычно временно) прониарам или стратиотам (Actes de Lavra. Vol. III, N 129. P. 41.6—7; N 130. P. 42.2; N 172. P. 195.4). Половина владений Дохиарского монастыря в Хермиле была превращена в казенные при Иоанне VI Кантакузине и возвращена монастырю при Иоанне V Палеологе (Actes de Docheiariou. N 33 P. 203. Ср.: N 18. P. 142.12; N 21. P. 161). Иногда привилегированный статус монастырских земель, пожалованных прониару, восстанавливается после смерти последнего (Ibid. N 29. P. 192; N 3).

Политика вмешательства фиска в распоряжение монастырской собственностью имела свои традиции. Подчинение монастырских земель ведомству по управлению императорскими владениями происходило в IX в. при Никифоре I. См.: *Острогорски Г.* История Византии, Београд, 1959. С. 194; *Он же.* Прония... С. 24—25.

⁴⁶ Actes de Lavra. Vol. III, N 131. Согласно акту о передаче владений, составленному апографесами в пользу Дохиарского монастыря, последнему передается ряд владений в Каламари, специально фиксируются налоги, которые монастырь должен платить прониарам (Actes de Docheiariou. N 53. P. 277.20). Иоанн V освобождает монастырь Лавры по просьбе его игумена от уплаты десятины стратиотам в районе Фессалоники (Actes de Lavra. Vol. III, N 131. P. 47).

⁴⁷ Парики, юридически являвшиеся наследственными держателями своих земель, в условиях нестабильности экономической жизни бросали свой надел и переселялись в другие места. При этом они или по-прежнему числились налогоплательщиками по старому местожительству, или порывали с тяглом и землей и пополняли число беглых париков и элевтеров. Вряд ли можно согласиться с И. Караяннопoulos, который полагает, что в этот период играла существенную роль тенденция к превращению париков в свободных собственников. Об этом, по его мнению, свидетельствуют частые упоминания в практиках об ипостатиках, явившихся, как традиционно считает греческий ученый, одновременно париками и свободными собственниками (см.: *Karayannopoulos I.* Ein Problem der späthbyzantinischen Agrargeschichte // JÖB. 1981. 30. S. 235—236). Однако, на наш взгляд, термин «ипостатик» был многозначным. Он использовался не только для того, чтобы обозначить собственников и соответственно таких париков, которые одновременно были и собственниками, но и для фиксации держателей парического надела (Actes de Lavra. Vol. III, N 139. P. 80.98; N 109. P. 273.901; Actes de Docheiariou. N 15. P. 130.5). Ипостатики — это иногда парики, получившие в держанье чью-либо покинутую собственность-ипостась (Actes de Lavra. Vol. III, N 139. P. 81.125—126; Appendice. XVIII. P. 219.34—35). Говорить же о значительной роли тенденции к превращению парика в собственника путем приобретения им свободной от парических обязанностей собственности, которая затем играет доминирующую роль в его хозяйственной деятельности, видимо, затруднительно по отношению к эпохе с постоянным перемещением земли от одного владельца к другому в условиях обострения внешней опасности. В этот период происходит концентрация владений в руках крупных собственников. Мелкие собственники все больше и больше разорялись, об этом свидетельствует огромное число сведений о покинутых мелких ипостатях, о продаже земли монастырям.

лось право заселить территорию элевтерами, обеспечить уплату налогов. Соответственно в этой борьбе преимущество было на стороне тех, кто лучше справлялся с данной задачей. И, видимо, несмотря на все перипетии и временный урон, таковыми оказывались монастыри. Об этом красноречиво говорят факты передачи проний монастырям самими прониарами. Таковы итоги длительной эволюции фактического и юридического отношения к земле в Византии.

Смысл выражения «прония», состоящий в пожаловании чиновнику или стратиоту совокупности прав попечения в отношении территории и подданных, возникший в результате расширения семантического диапазона понятия пронии, обозначающего божественное провидение, императорское попечение, не является неожиданным. Иоанн Дамаскин вслед за Аристотелем рассматривал политическое управление как практическую философию⁴⁸. Это понимание подтверждается всей деятельностью византийцев в области правотворчества. Поэтому расширение смысла философско-богословской и политико-правовой категории «прония» и дедуцирование его на реальные отношения, появление новой назывной функции наименований «прония» и «икономия» — это один из примеров путей возникновения технических понятий и обозначений в Византии. В византийской юридической практике мы встречаемся еще с одним подобным, не менее ярким примером появления технических обозначений явлений социально-экономического характера. А именно: немалую роль в формировании ряда представлений византийского правосознания сыграли такие общие категории, как «ипостась», «энипостаты», «анипостаты». Эти понятия наряду со своим теологическим смыслом являлись правовой категорией, означая наличие имущества или его отсутствие. Особый интерес приобретают упоминания не только об ипостаси, но и об энипостатах и анипостатах по отношению к зависимым крестьянам.

При этом выражение «энипостаты» означает имущих крестьян, а термин «анипостаты» — неимущих⁴⁹. Использование этих понятий, являющихся в трактате Иоанна Дамаскина «Об истоках знания» общими богословскими категориями, для характеристики таких отношений, как обеспеченность зависимых крестьян землей, наряду с техническим смыслом выражения пронии — иллюстрация того, в какой мере богословские представления являлись неотъемлемым атрибутом не только теологии истории, но и правосознания.

Итак, византийская прония — сложный институт, изучение которого связано с комплексным подходом к явлению, с рассмотрением всей системы византийских общественных отношений, различных форм правосознания и их временной эволюции.

⁴⁸ PG. T. 94. Col. 532.

⁴⁹ Actes de Lavra. Vol. II, N 73. P. 20.67; N 74. P. 25.49; N 77. P. 41.76; N 99. P. 144.40; P. 151.218—219.

Э. АНТОНИАДИС-БИБИКУ, А. ГИЙУ

ВИЗАНТИЙСКАЯ И ПОСТВИЗАНТИЙСКАЯ
СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА *

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Деревня всегда была обычным местом жительства крестьян, что и определяло их статус. Особенно интересно сопоставить динамику аграрного производства и демографического развития в обществе, где сельская экономика полностью превалировала.

Одним из факторов, определивших упадок Римской империи, являлось сокращение населения¹. В демографическом ракурсе история среди земноморского мира может быть графически представлена следующим образом: понижение с III по VIII в., горизонтальная прямая линия — с VIII примерно до X в., восходящая кривая — с X до начала XIV в. новое снижение и стабилизация между XIV и XVI вв.² В ряде случаев необходимо в эту картину внести нюансы регионального характера, способные оттенить общую тенденцию: роль рабского труда до VII в.³; распространение цивилизации вширь вплоть до конца X в., отмеченное некоторым демографическим подъемом⁴; демографический кризис, ставший всесторонним в XIV в. и повлекший за собой обнищание деревень и уменьшение их населения, несмотря на приход новых поселенцев, — вот ситуация, которая оставалась неизменной на протяжении всего следующего столетия⁵. Сюда примыкает период возрождения деревни с середины XV вплоть до начала XVII в., которое сочеталось с ее демографическим и экономическим развитием, а к XIX в. относится также заселение низменностей и побережий⁶.

Население, распределение земли, ее обработка, использование продуктов земледелия, структура среды обитания, крестьянское самосознание — таковы темы, определяющие главное направление данного исследования, предпринятого с целью выявления как преемственности, так и переломных моментов в развитии общины.

* Некоторые соображения, сформулированные в этой статье, были частично высказаны в нашем докладе на французско-греческом конгрессе в Афинах 4—7 декабря 1984 г. «Гуманитарные и общественные науки: аграрный мир Средиземноморья». Конгресс организовала французско-греческая Ассоциация по научному и техническому сотрудничеству с участием С. Н. Р. С.

¹ Jones A. N. M. The Later Roman Empire, 284—602. Milan, 1981. T. 3. P. 1502.

² См.: Journal of Economic and Social History of the Orient. 1975. 1. P. 4.

³ Lemerle P. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance // RH. 1958. 249. P. 63—65; Idem. The agrarian History of Byzantium. Galway, 1979. P. 48—51; Idem. Les plus anciens recueils des miracles de Saint Démétrius. P., 1981. T. 2. Commentaire. P. 182—187.

⁴ Svoronos N. Storia del diritto e delle istituzioni // La Civiltà bizantina dal IV al IX secolo. (Università degli studi di Bari: Centro di studi bizantini. Corsi di studi. 1). Bari, 1977. P. 204—210. (Далее: Corsi di studi). Idem. Storia del diritto e delle istituzioni // La civiltà bizantina del IX al XII secolo (Corsi di studi. 2). Bari, 1978. P. 163 sq.

⁵ Laiou-Thomadakis A. E. Peasant Society in the Late Byzantine Empire: A Social and Demographic Study. Princeton; N. Y., 1977. P. 223—266; Guillou A. Economica e società // La civiltà bizantina dal XII al XV secolo (Corsi di studi. 3). Roma, 1982. P. 401, 448—451.

⁶ Antoniadis-Bibicou H. Villages désertés en Grèce: Un bilan provisoire // Villages désertés et histoire économique (Centre de recherches historiques. VIe section). P., 1965. P. 108—109.

Деревня обретает свою сущность и характер благодаря земле. Дом, улица, жители существуют на определенном месте и благодаря местным ресурсам. И именно земля силой своего плодородия обеспечивает существование деревни как некоей совокупности факторов материальных и человеческих. Мы привели убедительную, вполне материалистическую дефиницию Г. Рупнеля в поддержку выдвигаемых нами соображений по поводу сельской общины в византийскую и поствизантийскую эпоху на греческих территориях, с учетом и других регионов, принадлежавших к той же цивилизации⁷. Однако сразу же оговорим для себя «пути отступления»: мы не учитываем материальный базис, на котором строилась сама византийская цивилизация, т. е. реальный уровень развития производственной техники в различных частях Римской империи ко времени ее падения.

В так называемую доисторическую эпоху, когда мелкое земледользование было весьма продуктивным и благодаря ему была распаханна территория архаической Греции, мелкий производитель сам изготавливал для себя инвентарь. В классическую римскую эпоху, когда рабы были доминирующей рабочей силой в сельском хозяйстве, именно крупное землевладение обеспечивало прогресс в мелких хозяйствах колоннов: селекцию, мелиорацию, рационализацию, завершая таким образом процесс, начавшийся в обширных областях Ближнего Востока и Карфагена⁸. Из-за скудости этнографических и археологических исследований, проводившихся в рамках сельской округи, мы вплоть до настоящего времени⁹ представляем себе византийский и поствизантийский крестьянский инвентарь исключительно по письменным источникам и памятникам изобразительного искусства, по рисункам в рукописях и изображениям на кости, не позволяющим отделить реальную основу произведения от элементов воображения художника. Это были плуг, серп, коса, двуручный цеп, ручная сажалка, вилы, ярмо (античный *tribolos*), кузнечный горн, гидравлическая мельница и т. д. В целом эти данные относятся к эпохе, от которой сохранились кадастры¹⁰.

Исследования об «аграрной среде» только начаты и представляют собой лишь наброски, возможно, сугубо регионального характера, несмотря на то, что археологические и письменные источники охватывают Сирию, Иорданию, Малую Азию и Восточную Македонию. В IV столетии мы видим удаленные друг от друга, изолированные дома, которые, умножаясь в числе, составляют целостные комплексы, но и в них сами дома всегда расположены отдельно. За исключением церквей, больших или малых, которые всегда были многочисленны, общественные здания встречались очень редко; мы имеем в виду бани, гостиницы, помещения для собраний, именовавшиеся «андронами», которые, кажется, исчезли вовсе уже в IV в. Деревня раннего средневековья, которая мало-помалу укреплялась вплоть до середины VI в., не имела ни рыночной площади, ни места для собраний перед церковью, ни системы улиц; «островки» смежных домов отделялись друг от друга пустырями или кривыми и узкими улочками, а на периферии таких «островков» всегда стояло несколько отдельных домов.

На Ближнем Востоке такая деревня была окружена садами, иногда — огороженными; далее шли пахотные земли, в свою очередь окруженные пастбищами и сенокосами. Индивидуальные участки в этой аграрной зоне часто отделялись каменными оградами или просто межами из камней. Экологический уровень такого поселения очевиден — он зависит от

⁷ Histoire de la campagne française // Collection Terre Humaine. P., 1981. P. 249.

⁸ Parain Ch. Les anciennes techniques agricoles // Outils, ethnics et développement historique (Collection Terrains). 1979. P. 215—223.

⁹ См. ниже, примеч. 17.

¹⁰ Kopstein H. Gebrauchsgegenstände des Alltags in archaischen und literarischen Quellen. // JÖb. 1981. Bd. 31, T. 1. P. 355—375.

специфики деревни; так, например, в степной зоне сеть водных артерий, несомненно, поддерживалась в хорошем состоянии со времен античности вплоть до эпохи Омейядов¹¹.

Собственно, картина деревни мало изменилась на протяжении столетий, хотя и следует разграничивать, к примеру, в XIV в. деревню концентрическую, «круглую», образованную рядом стоящими домами, окруженную первым кольцом из садов, огородов и виноградников и вторым кольцом из обрабатываемых земель; деревню «длинную», вытянутую вдоль дороги, где возделываемые поля и огороды лежат рядом с домами; наконец, деревню смешанного типа, концентрическую, но такую, где культивируемые земли, принадлежащие к каждому дому (огороды, фруктовые сады, виноградники и т. д.), находятся внутри нее. Главные угодья всех этих деревень располагались на более или менее значительном расстоянии от центра. Между деревнями встречались и свободные территории: в дальнейшем они часто становились объектами споров¹².

Рассмотрение семантики слов, обозначающих деревню, с нашей точки зрения, позволяет выяснить ту роль, которую играла сельская община в византийском мире. Общая динамика социально-экономического развития представляется следующей: вплоть до VII в. город античного типа остается административным и экономическим центром, сельская местность ему подчинена (деревня¹³, большая или малая, именуется *komē*). Далее, вплоть до XI в., происходит свободная аграризация сельской местности, устанавливается новое равновесие между возникшими городами и деревней, сельская община играет определяющую роль; со второй половины XI в. господствует крупная собственность, но сельская община вплоть до распада империи в два последних столетия ее существования с успехом противится захватам и попыткам подчинения. Термин *chorion* заменяет в X в. античный термин *komē*. Существительное *chorion* в раннюю эпоху соответствовало латинскому понятию *fundus*, обозначая определенный земельный участок (почти то же, что и французский *finage*). По существу это была абстракция, служившая для выражения некоего экономического и юридического единства, включавшего сельское поселение или без такового. Это значение термина сохранилось до конца империи, но мало-помалу, при посредстве публичного права, особенно — во всех случаях, связанных с правом собственности, он приобретал фискальный смысл, пока не стал главным обозначением места жительства. Влияние сельской общины в экономической и административной жизни империи возросло, а ее бывшая зависимость от города исчезла.

Такая деревня, населенная собственниками разных категорий, была окружена изолированными хуторами (*kteseis*), принадлежавшими богатым крестьянам, небольшими участками, на которых жили земледельцы, покинувшие деревню для того, чтобы жить поближе к своим полям (*agridia*), и, наконец, более значительными поместьями (*proasteia*), где жили и рабы, и наемные сельские работники, и парики (зависимые крестьяне), не имевшие земли и ютившиеся в хижинах (*kalybai*)¹⁴.

Какова была структура деревни во всем ее разнообразии? Ее главным элементом являлся дом, служивший и непосредственно жилищем, и местопребыванием определенной социальной группы. Ведь деревня может быть охарактеризована как объединение семей собственников или владельцев возделываемых ими земель, образующих в совокупности своей автономные сообщества. Их главные социальные антагонисты — это крупные собственники, которые пытаются присвоить значительную часть земель, а также сборщики налогов. Обитатели деревень живут большими семьями, состоящими из ряда супружеских пар. Жилища этих семей огорожены. Отдельные семьи имеют свой колодец и свой давящий пресс, пройти к которым снаружи можно через центральный двор. Под руководством матери, которая состоит в законном браке, семья образует элементарное сообщество юридически правомочных лиц, представленное во всех юридических актах. К примеру, в середине XI в. в византийской Италии 14 членов семьи Пресвитеранов владели обрабатываемыми каждым из них участками земли семейного имения, образовавшегося на полтора столетия раньше: исключение составляла лишь одна парцелла, полученная одиноким наследником, самостоятельно платившим налог; в дальнейшем ее перераспределили. Распределение семейного домена оставалось неизменным¹⁵.

Семейное владение византийского крестьянина было незначительным по размерам; в среднем — от 60 до 120 модиев (5,6—11,2 га) в зависимости от качества земли; доход составлял при этом 70 номисм. Владение всегда было расплывлено на множество мелких участков, клочков пахотной земли, виноградников с фруктовыми деревьями или без таковых, огородов, садов, пастбищ, часто весьма отдаленных друг от друга. Участки были разбросаны так же, как и в хозяйствах крупных собственников, если не больше, причем не только в рамках хозяйства одного держателя. Часто в пределах чересполосно лежавших участков крестьян и имений соседних собственников смешивались права тех, кто владел пахотной землей, но не владел виноградником или фруктовыми деревьями, или наоборот, причем владельцами могли выступать представители знати, чиновники, парики или свободные крестьяне. Однако и семьи париков далеко не все являлись держателями земли; многие не имели полей и работали по найму на земле собственника. Виноградники, сады и огороды очень редко упоминаются в фискальных документах, вероятно, потому, что большей частью не облагались налогами, так как в большинстве случаев являлись собственностью крестьян. Что касается земли, то обычно в их собственности находилась лишь небольшая ее часть, в то время как значительно большая не была поделена и принадлежала непосредственно крупному собственнику. Она обрабатывалась главным образом париками, зависимыми от него и имевшими слишком мало земли или же вовсе лишенными ее. Гораздо меньшая часть земли обрабатывалась посредством барщины теми же крестьянами, челядью собственника либо сельскохозяйственными работниками. Парики должны были нести барщину не свыше 24 дней в год; аграрная экономика империи в поздний период не знала рабского труда¹⁶.

Каков был инвентарь крестьянина, что известно о византийском сельском ремесле? Недавние исследования эволюции орудий труда на Балканах от средневековья и до конца доиндустриальной эпохи¹⁷ выявили

¹⁵ Guillou A. Notes sur la société dans le katépanat d'Italie // MAH. 1966. 78. P. 453; эту статью см. также: *Idem*. Studies on Byzantine Italy. L., 1970. N XIII; *Idem*. L'habitat nell'Italia bizantina // Atti del colloquio intern. di archeologia medievale (1—74). Palermo, 1976. P. 169—183; эту статью см. также: *Idem*. Culture et société en Italie byzantine. VI—XIe siècles L., 1978. N V; *Idem*. Le système de vie enseigné au VIIe siècle dans le monde byzantin // Settimane di studio del Centro italiano di Studi sull'alto medioevo 1972. 1973. 20. P. 360—369.

¹⁶ Ostrogorsky G. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Corpus Bruxellense historiae byzantinae. Subsidia I. Bruxelles, 1954. P. 296—299.

¹⁷ Les Outils dans les Balkans du Moyen Age à nos jours Sour / Ed. resp. A. Guillou. T. I: Nomenclature et formes; T. II: Planches par G. Ostuni // Documents et recherches sur l'économie des pays byzantins, islamiques et slaves. Vol. XIV—XV. (В печати).

¹¹ Tate G. Assetto del villaggio // La cultura bizantina. Oggetti e messaggio (Corsi de studi. 6) (в печати).

¹² Svoronos N. La vita in villaggio // Ibidem (в печати).

¹³ Lemerle P. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance. P. 257—265; Svoronos N. Recherches sur le cadastre byzantin et la fiscalité aux XIe et XIIe siècles: Le cadastre de Thèbes // BCH. 1959. 83. P. 141—144; Guillou A. Des collectivités rurales à la collectivité urbaine en Italie meridionale byzantine (VI—XIe siècles) // BCH. 1976. 10a. P. 320; *Idem*. Culture et société en Italie byzantine (VI—XIe siècles). L., 1978. N XIV; Dagron G. Entre village et cité: la bourgade rurale des IVe—VIIIe siècles en Orient // Kolonia. 1979. 3. P. 29—52; Kaplan M. Quelques remarques sur les paysages agraires byzantins (VIe siècle—milieu XIe siècle) // RN. 1980. 62. P. 156—159; *Idem*. Les villageois aux premiers siècles byzantins (VI—Xe siècles): Une société homogène? // BS. 1982. 43. P. 202—217; Oudaltsova Z. V., Chvostova K. V. Structures sociales et économiques dans la Basse-Byzance. XVI. Intern. Byzantinistenkongress. Akten. 131 // JÖB. 1981. Bd. 31. 1. P. 131—147.

¹⁴ Dölger Fr. Beiträge zur byzantinischen Finanzverwaltung, rééd. Hildesheim, 1960; Lemerle P. Esquisse. . . P. 257—265; Svoronos N. La vita in villaggio. . .

прочную преемственность форм этих орудий, имевших, однако, локальные особенности, суть которых еще неясна. Рисуя кузнеца за работой, манускрипт XIV в. свидетельствует, что крестьянские орудия труда не претерпели существенного изменения. Кажется, единственный использовавшийся тогда плуг служил для вспашки легких почв; тягловой силой был бык, запряженный с помощью ярма в упряжку, с прикрепленным лемехом и рукоятью, за которую держится пахарь. Автор «Геопоник», памятника, восходящего в основном к компиляции Кассиана Бассы (VI в.), в свою очередь опиравшегося на античные компиляции, рекомендует крестьянину использовать для трудных и твердых почв мотыгу и заступ. Применение этих двух инструментов не может быть истолковано иначе, как признак деградации техники; плуг отступает на второе место.

Таково положение на мелких и средних участках, которые в это время были наиболее многочисленны; конечно, на больших пространствах плугом обрабатывали и тяжелые почвы, но упряжку тащили четыре быка, что для византийского крестьянина являлось признаком большого достатка¹⁸.

Если мы обратимся, кроме того, к способам возделывания культуры винограда и оливок, а также пчеловодству, которые требуют особой тщательности и использования в работе опыта, приобретенного за долгое время, то придется признать, что в целом нам неизвестны сколько-нибудь значительные улучшения в агрикультуре. Вот пример низкого уровня урожайности зерновых по сравнению с необходимым семенным фондом: наиболее распространенные цифры — сам-три, сам-четыре¹⁹; великую радость испытал крестьянин, который в IX в. собрал урожай сам-пять²⁰.

Взаимосвязь между открытой деревней и укрепленным бургом, где жила часть крестьян данной территории, занятых также ремесленным трудом, считавшимся с IV в. их естественным занятием (обработка металла, хлебопечение, гончарное производство, сапожное ремесло, изготовление кирпича, плотничье дело, включая строительство лодок), была юридически оформлена и объединяла собственников земли, соседей и других обитателей, в том числе связанных коллективной порукой.

Сообщество субъектов права было не только семейным; по сути, оно являлось сообществом владельцев: четверть деревенского колодца принадлежит двум жителям соседнего городка; три участка из состава земельного комплекса, принадлежащие жителю того же города, подарены им небольшому соседнему монастырьку вместе с ирригационными сооружениями, прочие земли этого комплекса остались в руках другого владельца; правами на колодец обладают шестеро племянников некоего знатного лица, но четвертая часть аналогичных прав находится у другого знатного человека и небольшого монастыря; четверо жителей деревни, из которых лишь двое — родственники, получили от соседнего монастыря восемь садов на том условии, что будут получать половину доходов, а другую выплачивать монастырю. Такой порядок коллективного держания земли объясняется автаркичностью, являвшейся основой хозяйственной деятельности семьи; отсюда по большей части — крайняя раздробленность земель, находящихся во владении общины, независимо от их размеров и от того, кому принадлежит собственность на них²¹.

Стабильность коллективов владельцев, будь то родственники или нет, обеспечивались на практике правом предпочтения, предоставлявшимся соседям при продаже имущества и именовавшимся правом преимущест-

венной покупки²². Итальянский пример: Иоанн Касиф (в первой половине XI в.) купил участок с оливковыми деревьями у еврея Манаха, сына Моисея из Бари, в Бутерито, в нескольких километрах оттуда, но клирик Ромуальд смог вчинить ему иск, использовав право предпочтения, несмотря на то, что владел лишь виноградником, разбитым на общей пустоши; покупатель же заявил, что готов уступить ему приобретенное имущество, если он возместит стоимость покупки. В ходе дискуссии, происходившей в Бутерито в присутствии знатных лиц, Иоанн Касиф на упрек в неправомерном приобретении земли, сделанный Ромуальдом, ответил: «Во всяком случае, лучше было бы, если бы, купив участок, я стал соседом, чем если бы им стал чужак», — тем самым еще усилив смысл права преимущественной покупки, ибо оно гарантировало стабильность имущества лишь ближайших соседей. Однако таковая обеспечивалась также и сельским общинам²³.

Стабильность сельской общины проявлялась также в административной сфере — в коллективной ответственности за уплату налога: если сельская территория фиксировалась в имперских регистрах как фискальная община, то ее жители приобретали некоторые публичные права. В частности право на защиту в случае опасности; но на них возлагались обязанности, одинаковые для всех сельских общин в империи, из которых самой постоянной, несомненно, являлась уплата налогов и податей, установленных государством. Сумма обложения была общей, а ответственность — коллективной, взнос не дробился по парцеллам, а определялся в целом. Сущность крестьянского коллектива как субъекта права выражалась в совместной передаче имущества отдельным лицам и церковным организациям, в участии общин в выборах игуменов монастырей, под чьей юрисдикцией они находились, и в процветании домов, которых были заинтересованы, ибо те участвовали вместе с ними в уплате государственных налогов²⁴.

В социально-правовой жизни общину представляли, согласно наиболее распространенным в источниках формулам, «люди знатные, богатые, среднего достатка и малосостоятельные». «Архонты», знатные люди, именовавшиеся в документах раннего средневековья «первыми гражданами»²⁵, наследники римских муниципальных курiales, а также «геронты» всегда вызывались в случае конфликта для того, чтобы юридически удостоверить размежевание земельных владений либо статус собственника или владельца соответственно письменному акту или вопреки ему, поскольку являлись, по словам формуляров, «теми, кои ведают», «теми, кто достоин определять», «теми, кто достоин доверия», и считались финансовыми и экономическими гарантами общины перед государством. Они составляли нечто вроде совета сельской общины. В XI в. жители укрепленного бурга Адрамерион, северо-восточнее Перистеры в епархии Лангада в Македонии, отказались внести 72 номисмы в казну, так как эти деньги причитались с земли, обработанной париками метоха афонской Лавры в Перистере, и с части горы; гарантийный акт подписан третьими обитателями²⁶.

Коллективизм византийской деревни распространялся и на совместное пользование пастбищами, расположенными в некотором отдалении от нее, — право, которое деревня могла уступать или сдавать в аренду; эти места общинного пользования часто становились предметом чьих-то притязаний, и иногда составлялись целые заговоры нескольких деревень.

¹⁸ *Geoponica sive Cassiani Bassi scholastici De re rustica eclogae* / Ed. H. Beckh. Leipzig, 1895. III. 2, 8; II. 23, 12—14.

¹⁹ *Todorov N. La révolution industrielle en Europe occidentale et les provinces balkaniques de l'empire ottoman // La révolution industrielle dans le Sud-Est européen au XIX siècle. Sofia, 1976. P. 142—153.*

²⁰ *Vie de S. Nicolas* / Ed. G. Anrich. Leipzig, 1913. 46. 17—47, 9.

²¹ *Guillou A. Des collectivités rurales à la collectivité urbaine // BCH. 1976. 100. P. 317—322.*

²² *Actes de Lavra* / Ed. P. Lemerle, A. Guillou, N. Svoronos, D. Papachryssanthou. P., 1970. Vol. I. P. 99—100.

²³ *De Donato V. Aggiunte al Codice Diplomatico Barese: Pergamene dell'Archivio della Cattadrale // ASP. 1974. 27. P. 210—211.*

²⁴ *Guillou A. Des collectivités rurales. P. 321—322.*

²⁵ См., например: *Guillou A. Régionalisme et indépendance dans l'empire byzantin // Istituto storico italiano per il medioevo (Studi storici, 75—76). Rome, 1969. Индекс на слово «protos».*

²⁶ *Actes de Lavra. Vol. I. P. 211—213.*

например, с целью обложения податью крестьян других деревень, жители которых выгоняли скот на их пастбища²⁷.

В числе факторов сплочения нельзя не назвать чувство неприязни к чужакам, а также преданность человека деревне, не только чисто функциональную, но проявлявшуюся также в желании оставить по себе добрую память у земляков благодаря вкладам в главную деревенскую церковь или благодаря постройке нового культового сооружения²⁸. Единство коллективного сознания выражалось и в почитании общих мест отправления культа, лесов и камней, к которым шли для совершения религиозных церемоний в соответствующие праздники, иногда — с маленькими детьми на плечах²⁹.

Башня, стоявшая в центре деревни, «как орел, взором государя обзревавшая все вокруг», три «святых храма», посвященных Христу Спасителю, пророку Илье и великомученику Георгию, воссоздавали поэтический пейзаж деревни Петрина на Пелопоннесе, воспетой ритором Иоанном Евгеником в первой половине XV в.; она была окружена садами, полными оливковых, грушевых, гранатовых, фиговых, яблоневых деревьев, виноградниками; к ним примыкали луга, пшеничные поля, цветники, над которыми кружились пчелы; тут находились струящиеся источники. «Благоухающие плоды земли», по словам трапезундского автора, «даже лентяя призывали к труду, потому что примешивали к усталости наслаждение и прелесть, показывая, сколь различные могут быть жизненные переживания». «Что изумляет меня в этой деревне более, чем в других, — заключал автор, — за что я ее хвалю прежде всего, так это за то, что она дает людям все, в чем они нуждаются»³⁰.

ПОСТВИЗАНТИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ

Переходя к поствизантийской деревне, отметим, что для изучения рассматриваемых проблем сделано еще менее, чем для исследования византийской деревни, хотя масса сохранившихся источников весьма внушительна. Вопрос о континуитете или дисконтинуитете деревни нужно ставить в самых различных аспектах: климат, сельскохозяйственные культуры, их урожай, административные и социальные структуры; особого внимания заслуживает вопрос о континуитете или дисконтинуитете самого внешнего вида деревни, ее ландшафта.

Этот последний аспект, в свою очередь, предполагает множество вариантов. Между местом, оставшимся населенным со времен античности и имевшим неизменное название, и поселением, когда-либо полностью разрушенным, причем и время, и обстоятельства его гибели неизвестны, находится много промежуточных состояний, усложняющих исследовательскую работу; так, деревня, которую жители никогда не покидали, может — по причинам, зачастую уже ставшим достоянием истории, — сменить название³¹; другая, будучи разрушена или просто обезлюдев, восстанавливается неподалеку или, напротив, в отдалении от первоначального места и сохраняет свое название, во многих случаях с прибавлением определения «*нео-нио*» («новый»); нередко наименование меняется, если новое местоположение населенного пункта имеет насыщенную событиями историю. Не исключен и вариант, когда опустевшее место затем заселяется вновь и дает начало новому населенному пункту.

Мы ограничимся серией примеров, относящихся к территории Халки-

дики: приводимые ниже данные наиболее доступны³² и апробированы.

Бабдос, наиболее высоко (938 м над уровнем моря) расположенная деревня региона, в 28 километрах от Полигираса, существовала как населенный пункт еще в римскую эпоху и продолжала сохраняться в средневековье: платан, растущий в центре деревни, может считаться самым большим на Халкидике. Галатиста (на северо-западе), происходящая от античного города Антемус, стоит на месте, населенном с «доисторических» времен; в средние века это была большая деревня, и сегодня она остается важным центром производства зерна. Олинф положил начало византийскому Мириефиту, расположенному неподалеку от него. Он вырос за счет притока сюда многочисленных беженцев из восточной Фракии и Малой Азии после 1922 г. и стал называться Неа Олинфос. Перистеря — это деревня с населением в 600 человек, расположенная на холме в 38 километрах восточнее Фессалоники; местечко по соседству заселено с «доисторической» эпохи, а данное поселение — с римских времен; возможно, оно стало метохом монастыря Лавра (гора Афон) и оставалось им до XV в., безусловно, положило начало современной деревне. Деревня Пинсон, известная с IX в., — это нынешняя деревушка Писона. Полигирас, центр нома Халкидика, населенный с «доисторических» времен, находится к юго-востоку от античного города Аполлония; земли принадлежали метоху афонского монастыря Ивион; небольшой аграрный городок, приобретший известность во времена турецкого владычества, насчитывает теперь 4 000 жителей. Резетника, деревня, разрушенная болгарами в 996 г., в источниках XV в. выступает новым городом; сейчас он называется Агиос-Продромос. Св. Мамас, наконец (в западной Халкидике), ныне — место крупных ярмарок, происходящих в начале сентября, — это деревня, известная по практикам XI в.³³

Завершим обзор, назвав несколько местечек восточной Халкидики: селение Торона, ныне заброшенное, было населено с «доисторической» эпохи до XVI в.; Сикия, известная в средневековье, — ныне самая большая деревня на полуострове Ситония; селение Иериссо, античный Аканф, возникло в «доисторические» времена, в византийскую эпоху, служило резиденцией епископа; став жертвой землетрясения в 1932 г., поселок был перенесен к северо-западу от античного города; Гомату, село, известное и в средние века, — от него сохранилось несколько домов, башня и церковь, — после землетрясения было перенесено на 2 километра на другой край долины; Арнайя (Лиарингобе XIV в.) — одна из самых «динамичных» деревень современной Халкидики, известная с XVI в., была частично основана, несомненно, на землях афонского монастыря Кастамониту, в 3 километрах от развалин античного города³⁴; наконец, Сидерокавсия — селение, известное по письменным источникам с IX в., стало ядром важного турецкого горнодобывающего центра, исчезнувшего к началу нашего столетия, и современная Стагеира — не более чем воспоминание о ней³⁵.

Облик поствизантийской деревни — даже в тех случаях, когда она не существовала непрерывно с предшествующей эпохи, — не изменился или изменился мало. Площадь перед церковью, платан или дуб посреди селения, чаще всего одна-две лавки — таверны, где продавалось все, что

²⁷ Guillou A. Des collectivités rurales... P. 322.

²⁸ Guillou A. Dédicace inédite d'une église byzantine de Trani // *Bizanzio e l'Italia: Raccolta di studi in memoria di Agostino Pertusi*. Milano, 1982. P. 130—131; *Idem*. Une nouvelle inscription inédite de Trani // *Okeanos. Mélanges I. Ševčenko* (Harvard Ukrainian Studies). 1983. 7. P. 270—273.

²⁹ Guillou A. La Théotokos de Hagia-Agathe (Oppido) // *Corpus des actes grecs d'Italie du Sud et de Sicile*. 3. Vatican, 1972. N 27. P. 119—122.

³⁰ Ekphrasis / Ed. Sp. Lampros // *Palaiologea kai Peloponnesiaka*. Athènes, 1912. I. P. 51.

³¹ Antoniadis-Bibicou H. Villages désertés... P. 411—417.

³² Главным образом благодаря топографическим исследованиям Ж. Лефора. См.: Lefort J. Villages de Macédonie. Vol. I: La Chalcidique occidentale // *Travaux et mémoires. Monographies*. P., 1982. I; для остальной территории Халкидики можно пользоваться небольшим путеводителем И. Аф. Папангелоса: Χαλκιδική. Thessalonique: Malliaries-Paideia, 1981. Для всей Греции сохраняет значение работа Э. Антониадис-Бибику (Villages désertés...).

³³ Papagelos J. Ath. Op. cit. P. 70, 121, 234, 244, 250, 263; Lefort J. Op. cit. P. 34, 64, 102, 118, 123, 127, 135, 145.

³⁴ Papagelos J. Ath. Op. cit. P. 156, 203, 206, 253, 258.

³⁵ Guillou A., Peser I. M. Siderokausia // *Documents et recherches sur l'économie des pays byzantins, islamiques et slaves* / Ed. resp. A. Guillou. P., Vol. XVI (В печати).

возможно (пандохейон), водный источник всегда находился в центре деревни, которая нигде, за исключением равнин, не приобрела продолговатой конфигурации; такая форма превалировала вплоть до окончания войны за независимость Греции (XIX в.) только на побережье. Разумеется, почти полная неизменность типа застройки не означает, что этническая структура населения также оставалась неизменной³⁶.

Добавим, правда, на базе скорее общих впечатлений от источников, чем на основе точных данных (ибо изучение этого вопроса только начинается), что если в византийский период поселения оставались в какой-то степени рассредоточенными, то в эпоху турецкого владычества они, напротив, эволюционировали в сторону большей концентрации; это утверждение справедливо вплоть до второй половины XVIII в., а с этого времени (примерно с 70-х годов) под влиянием военных действий и прочих изменений политической конъюнктуры снова начинается «распыление» поселков.

Мы думаем, что причину тенденции к концентрации поселений, по крайней мере частично, следует искать в многочисленных опасностях, нависших над немусульманским населением со времени турецкого завоевания. В самом деле, как известно, ослабление централизованного османского государства с конца XVI—начала XVII в.³⁸ сопровождалось ростом поборов и увеличением злоупотреблений по отношению к налогоплательщикам-немусульманам со стороны сборщиков и откупщиков налогов, а также ужесточением феодальной эксплуатации крестьян. Все эти опасности и угрозы создавали прочные узы солидарности между жителями, требовали постоянной готовности к оказанию взаимопомощи и заставляли их перегруппировываться.

Эта тенденция в развитии поселений усиливалась вследствие перемещений жителей — принципиальной политики Порты, направленной на заселение империи³⁹ и имевшей целью, в первую очередь, обеспечение обработки земли, а значит — занятие свободных территорий путем переселения христиан в горные районы⁴⁰, в особенности вскоре после завоевания. Известно, что в равнинной местности турки селились во всех городах, однако не приходится недооценивать, что часто делается, значение их расселения и в сельской местности.

Эта перегруппировка поселений имела особое значение для немусульман, поскольку усиливала чувство общности всего населения и распространяла его на сферу коллективной фискальной ответственности в эпоху, когда исчезло централизованное византийское государство (пусть даже его роль в последние десятилетия истории империи была, в сущности, фиктивной). Новый тип взаимоотношений между управляющими и управляемыми, сложившийся после завоевания, выкристаллизовался вокруг поселения — общины, которая, бесспорно существовала почти везде. В этом, как нам кажется, причина, того, что проблема воз-

никновения общины была и остается дискуссионной, того, что она приобрела непропорционально большое значение по сравнению с реальным весом общины в жизни общества. Отметим, во всяком случае, что из трех противоборствующих гипотез (возникновение общины в античную эпоху на основе институтов автономии; продолжение византийской традиции; община как политическое и административное производное турецкого господства) ни одна не может быть принята. Как весьма удачно отметил уже Д. Закитинос⁴¹, «отличительная особенность всех этих теорий — стремление выработать единый генетический принцип. В действительности же не существовало единой общины, так же, как, с другой стороны, не существовало единой бюрократии». Что касается нашего мнения, то мы полагаем необходимым учитывать тот факт, что турки уже имели общинные традиции⁴².

Тип взаимоотношений между центральным правительством и общиной варьировал: уровень зависимости последней от османской администрации являлся следствием статуса, данного ей Портой, официально или фактически, сразу же в ходе завоевания или несколько позднее. Экономические нужды, особенно потребность в рабочих руках и организации производства, а также, в известных пределах, административные потребности поддерживали сохранение в стране прежнего положения, в первую очередь, в аграрной сфере.

Кроме того, мусульманский принцип терпеть, уважать и даже поддерживать⁴³ монотеистические религии, учет конкретных условий захвата тех или иных поселений, вытекавшие отсюда контакты между турками и местными жителями составляли три фактора, которые вводили в определенные рамки отношение турок к завоеванному населению Греции.

Каждый город, каждая деревня или федеративное сообщество деревень, за исключением тех, которые входили в состав тимаров, имели право и могли создать общину⁴⁴. Но подтверждение старых привилегий или предоставление новых давались завоевателями не всем⁴⁵. Этими преимуществами пользовались население общин, подчинившихся без боя, или, напротив, тех, кто сопротивлялся завоевателям с ожесточением и чьи силы, моральный дух, географическое положение представляли собой источники постоянного беспокойства для завоевателей; наконец, те общины, которые представляли особый интерес, поскольку обеспечивали производство и поступление специфической, например, особенно изысканной продукции⁴⁶.

Такой порядок стал основой организации греческой общины, ее, ставшего повсеместным с начала XVII в., развития и подъема. Он дал ей достаточные средства для того, чтобы играть определенную политическую роль. Мы вовсе не хотим сказать, что положение всех общин было одинаковым в этом плане. Первичная типология (конечно, за исключением в данном случае тех общин, которые образовались или оказались на землях тимаров, — здесь нужно иметь в виду еще и значение турецкого элемента) позволяет выделить⁴⁷ среди них три категории: первую составляют общины, юридические лица и административные объединения, находившиеся в зачаточном состоянии вследствие непосредствен-

³⁶ Ссылки на некоторые источники, данные которых являются основой наших соображений о поствизантийской деревне, см.: *Vakalopoulos A. Histoire de l'Hellenisme moderne. Athènes, 1961. T. 1. P. 19 sqq., 96 sqq.; 1964. T. 2. P. 95—98. На греч. яз. Idem. La retraite des populations grecques vers les régions éloignées et montagneuses pendant la domination turque // Balkan Studies. 1963. 4. P. 256—276; Antoniadis-Bibicou H. Villages désertés... P. 411—417.*

³⁸ *Mutafchieva V. De l'exploitation féodale dans les terres de population bulgare sous la domination turque au XVe siècle // EH. Sofia, 1960. P. 47—48, 145—170; Inalcik H. The Ottoman Empire: The Classical Age (1300—1600). 2-e ed. L., 1975. P. 41 sqq.; Kunt M. The transformation of Ottoman Provincial Government (1550—1560). N. Y., 1983. P. 76, 93, 98.*

³⁹ *Barkan O. L. Les deportations comme methode de peuplement et de colonisation dans l'Empire Ottoman // Revue de la Faculte des Sciences économiques de l'Université d'Istanbul. 1953. II. Fasc. 1—4; Inalcik H. Ottoman Methods of Conquest // Studia Islamica. 1954. 2. P. 103—12; Antoniadis-Bibicou H. Villages deserts... P. 34, 343—417, 379—383; Soulis G. Etudes Historiques. Athènes. 1980. P. 15—175. На греч. яз.; Beldiceanu N., Beldiceanu-Steinherr I. Recherches sur la Morée (1464—1512) // Süd-ost-Forschungen. 1980. 39. S. 17—74, 48.*

⁴⁰ См. примеч. 39.

⁴¹ *Zakythinos D. La commune greque: Les conditions historiques d'une décentralisation administrative // L'Hellenisme Contemporain. Nouvelle serie. 1948. 2. P. 1—32, 23.*

⁴² *Kontoghiorghis G. Dynamique sociale et autoadministration politique. Athènes, 1982. P. 32. На греч. яз.*

⁴³ *Inalcik H. The Ottoman Empire... P. 7—8; Moschovakis N. Le droit public en Grèce, pendant la domination turque. Athènes, 1982. P. 26 sqq.*

⁴⁴ *Coran. XI. 5.*

⁴⁵ *Pantazopoulos N. Notes sur le sens des «Privilèges» pendant la domination turque // Archives du Droit Privé. 1943. T. 10; Kontoghiorghis G. Dynamique sociale... P. 52 sqq.*

⁴⁶ *Kontoghiorghis G. Dynamique sociale... P. 137 sqq. См. также ниже, примеч. 67.*

⁴⁷ *Ibid. P. 177 sqq; Anghelopoulos A. La commune grecque pendant la domination turque // EHESS (Mémoire dactylographiée). 1976. P. 3—5.*

ного присутствия османов (особенно — тимариотов), которое не позволяло чинить никаких препятствий экономическим и административным порядкам, введенным турецкими властями (так было, например, в равнинной Фессалии); вторая категория — общины, которым были предоставлены максимальные привилегии и которые добились наиболее высокого уровня самоуправления, возможного в условиях господства турок (к примеру, на территории части Пелопоннеса и Киклад), но оставались изолированы друг от друга; наконец, третью категорию составляли общины, образовавшие ассоциации или федеративные группы (как, скажем, Амбелакия — из 22 деревень, Мадемохория на Халкидике — 360 деревень, Загрохория в Эпире — 46 деревень) в районах, где присутствие турок почти не ощущалось. Эти общины, используя богатства природных ресурсов или преимущества высокой (для данной эпохи) специализации, почти всегда добивались восстановления своих привилегий и могли беспрепятственно осуществлять самоуправление.

Для того чтобы составить иную, скорее более подробную, чем сложную, типологию (в той мере, в какой мы располагаем локальными исследованиями, достаточно многочисленными и, насколько это возможно, исчерпывающими), необходимо поставить вопрос о введении дополнительных параметров, например следующих: зависит ли община от учреждения или от частного лица; ранг этого «патрона»; основное занятие членов общины; главные и второстепенные виды продукции, которую они реализуют; уровень интегрированности общины в экономическую систему Оттоманской империи; в особых случаях — политическая роль общины; время пожалования, содержание, сущность и порядок соблюдения дарованных ей привилегий и т. д. Следует заметить, что эти привилегии, которые, между прочим, предусматривали самоуправление общин и распространялись также на сферу отправления культа (посредством предоставления привилегий непосредственно церкви⁴⁸), часто содержали важные оговорки, а именно — подтверждение султаном прав собственности, предоставляемых общине или отдельному лицу⁴⁹: чаще это касалось церковной собственности, особенно собственности монастырей, а не крупных частных хозяев. «Пусть архонты, живущие на тимарах, сохраняют собственность. Пусть владеют они беспрепятственно своим наследственным имуществом, своими землями и своими промыслами», — читаем мы в *хоризме* Синан-паши⁵⁰, документе, интересном еще и в том плане, что в нем установлено равноправие тимара и *пронии* (октябрь 1430 г.).

Здесь мы затронем весьма важный, на наш взгляд, вопрос: различие в системе земельной собственности в Византии и Османской империи — главный признак, позволяющий детерминировать собственника средств производства. Если в Византии как наследнице Рима действовало римское право, практиковавшееся в системе античной квинтиской собственности или занимавшей существенное место частной собственности, то в противоположность этому в османской земельной системе полная частная собственность отсутствовала, ибо религиозные формулы шариата⁵¹ определяли, что права собственности на все земли находятся в руках аллаха, «земля принадлежит богу».

Все же аграрные отношения в Оттоманской империи регулировались сначала на основе норм обычного права (земли *мюлька* и *вакфа* в Отто-

манской империи — формы полной собственности, когда бенефициарий пользовался практически всеми ее прерогативами и нес все вытекавшие отсюда обязанности): границы между фактическим владением и собственностью в юридическом смысле отличались неопределенностью. Правда, в тимариотской системе крестьянин считался «наследственным и бессрочным держателем земли, на которой он работает»⁵², но тимар не был наследственным, он являлся прекарием, подлежащим возврату, так что тимариот воспринимался в качестве промежуточного агента между единственным собственником — султаном и массой непосредственных производителей.

Обработка одних и тех же почв в ситуации, когда земли обладали различным юридическим статусом, приносила крестьянским семьям различные доходы. Это способствовало дифференциации крестьян — социальной и функциональной — в общине. Архонты (*прухонты*, *проэсты*, *коджабаши*), находившиеся на вершине социальной и административной пирамиды общины, в принципе принадлежали к классу богатых земельных собственников. Между тем самая главная обязанность, возложенная Портой на советы общин, что имело важные социально-экономические последствия, состояла в раскладке налогов по семьям и сборе этих налогов, а также в обеспечении барщины и выполнении других повинностей, лежавших на общине. Как мы знаем⁵³, каждый раз, когда центральная администрация вводила, к примеру, новый налог (а это случалось один или два раза в год), она направляла местному кади документ, где значилась сумма, причитавшаяся с жителей; затем представители *райи* (коджабаши — у христиан, аяны — у мусульман) собирались в его конторе, где и производили раскладку названной администрацией суммы между различными деревнями сообразно их экономическим возможностям.

Ничто не дает нам права думать, будто архонты (коджабаши) не отягощали самых бедных членов общины. Напротив, многочисленные свидетельства показывают, что крестьяне скромного достатка подвергались притеснениям со стороны своих единоверцев, которые следовали примеру турецких диванов⁵⁴. Систематическое издание султанами фирманов в поддержку «бедной и беззащитной райи» — важное, пусть и косвенное тому подтверждение, ибо, как показал анализ, архонты «оставались промежуточным слоем, ответственным за проведение в жизнь официальной политики в общинах и в то же время теми, кто формально представлял оттоманским властям пожелания подданных...». Архонт воспринимался как «выразитель (*ekphrastes*) общественного мнения и хранитель общинной законности и соответственно законности оттоманской»⁵⁵. Двойственность его политической роли до сих пор не выяснена; хотя еще один из деятелей войны за независимость Греции, Фотакос, отмечал, что «коджабаши, или прухонты, не избирались населением, как некоторые пишут и говорят. Они составляли группу, единую по своим интересам по отношению к общине. Они действовали, удовлетворяя аппетиты турок, и это занятие приносило им выгоду — освобождение от повинностей и налогов. Обманывая турок, они, получая сотню монет, вносили в казну двадцать пять»⁵⁶.

Классовая борьба внутри общины во время турецкого владычества есть несомненная реальность, что, впрочем, не ослабляло интенсивности

⁴⁸ Konortas P. Les rapports juridiques et politiques entre le Patriarcat orthodoxe de Constantinople et l'administration ottomane de 1453 à 1600: d'après les documents grecs et ottomans. Thèse, Univ. Paris I. P., 1985.

⁴⁹ Anghelopoulou A. La commune grèque... P. 395.

⁵⁰ Amantos C. La reconnaissance de la part des Ottomans des droits religieux et politiques des Chrétiens et l'horismo de Sinan-Pasha // Epirotika Chronika. 1930. 5. P. 197—240.

⁵¹ Amantos C. Relation grecs et turcs; du XI siècle à 1571. Athènes, 1955. P. 92—94; Idem. Les horismo des privilèges des Musulmans en faveur des chrétiens. Hellenikà, 1936. 9. P. 103—166; Vakalopoulos A. Histoire... I. P. 202, 214—215; Inalcik H. The Ottoman Empire... P. 19; Idem. Ottoman Methods of Conquest...; Antoniadis-Bibicou H. Villages désertés... P. 382 (приведены выдержки из некоторых источников).

⁵² Histoire du sous-développement en Turquie. Istanbul, 1971. P. 50. На турецк. яз., согласно Мехмету Ареку: Problèmes d'histoire agraire pendant les premiers temps de l'Empire Ottoman // EHESS. Mémoire dactylographié. 1980. P. 18—23.

⁵³ Dimitriadis V. Catégories fiscales des villages de Thessalonique pendant la domination turque (Makedonika. 1980. 20. P. 432—433. На греч. яз.).

⁵⁴ Andreades A. L'administration financière de la Grèce sous la domination turque // Erga. Athènes. 1938. T. I. P. 675—720; Kondatos J. Histoire du mouvement agraire en Grèce. 6-e éd. Athènes, 1973. P. 41—59. На греч. яз. Kontoghiorghis G. Dynamique sociale... P. 299—316.

⁵⁵ Kontoghiorghis G. Dynamique sociale... P. 33.

⁵⁶ Photakos Th. Mémoires sur les Révolution Hellénique. Athènes, 1899. T. I. P. 32—33.

борьбы народа Греции за национальное освобождение. Если экономические и внеэкономические факторы оживляли антагонизмы в общине, то все же она лишь в ничтожной степени потеряла свою спаянность перед лицом турок. Ее цементировали общее стремление обеспечить себе приемлемый уровень административной автономии и чаяния национального освобождения. Тем не менее антагонизмы были достаточно острыми, а положение крестьянства оставалось сложным и непрочным; знатные лица всегда стремились получить максимум дохода, а финансы общины всегда должны были находиться в цветущем состоянии. Только при этом условии они в состоянии были соответствовать двум главным целям: с одной стороны, обеспечивать нужды завоевателей на том уровне, какой они считали необходимым для сохранения общине прав самоуправления; с другой — отвечать общественным нуждам. Вот почему накопление богатств являлось первостепенной экономической задачей каждой общины — производительницы благ как для себя, так и для центральной администрации.

Главным занятием, в сфере которого достигались эти цели, была агрикультура. При нынешнем состоянии наших знаний вряд ли можно утверждать, что со времени падения Византийской империи и до первых десятилетий XX в., когда сформировалась территория новогреческого государства и началась фаза модернизации, в агрикультуре произошли сколько-нибудь значительные изменения. Климат со времен классической древности в целом сохранился в неизменном виде. Несмотря на вероятные климатические колебания (в частности, похолодание в XVII в.), температурные условия не слишком переменялись, растительность и лесной покров также остались прежними⁵⁷. Земля, где необходимо ежедневно ухаживать за полями, что люди и делают ценой огромных усилий; поля, часто расположенные на неподатливых склонах гор⁵⁸; раздробленные, рассеянные земельные владения, часто состоящие из отдаленных друг от друга клочков земли, впрочем, удаленных также и от семейного очага, так что если еще можно говорить о крупной собственности, то очень редко можно говорить о крупных доменах; наконец, земля, продуктивность которой почти нельзя интенсифицировать.

Перейдем к теме, являющейся, на наш взгляд, важной, поскольку речь идет о стране с экстенсивным производством; мы имеем в виду подъем нови. Для ответа на этот вопрос мы располагаем лишь скудной информацией, точнее, ее спорадическими «проблесками»: VII в., когда в Греции осели славяне; XIV в. — время албанских миграций на территории Пелопоннеса; Морей с 1715 года⁵⁹ до начала «второй тюркокрации». И даже относительно XIV в., когда прирост населения, естественно, должен был побудить к возделыванию целинных земель⁶⁰, мы не можем утверждать ничего определенного. Вполне вероятно, что нехватка пригодных для обработки земель в такой стране, как Греция, около 70 % территории которой занимают горы разной высоты, должна была приводить к диспропорции расходов на подъем нови и первичную культивацию земли по сравнению с ожидавшимися доходами. Притом территория, пригодная для обработки, сокращалась еще и в результате применения севооборота — двухлетнего в Византии и чаще всего трехлетнего — в Османской империи⁶¹.

Однако в случае катастрофы крестьянин покидал свой дом с большей готовностью, чем свое поле, которое часто было всего лишь возделанной террасой; почва обладала большей «сопротивляемостью», чем деревенские постройки: «égèmon-kalliergoiménon» («пустынная, но обработанная») — сочетание, которое в одной публикации, появившейся в 1851 г., часто сопутствует названиям заброшенных деревень⁶². В самом деле, в стране чабреца и камня легче было бросить разрушенный дом и построить невдалеке новый из того же камня, чем расчистить место, где стоял старый, с тем, чтобы его восстановить.

Еще в первые десятилетия XX в. крестьянин продолжал работать простыми и архаичными сельскохозяйственными орудиями, ограничиваясь использованием силы домашних животных и традиционным плугом, запряженным быками⁶³. К сожалению, для Византийской империи и поствизантийской Греции мы не располагаем трудами, аналогичными работам, посвященным агрикультуре Западной Европы (Ш. Парэн и др.). Технические нововведения еще не могут быть выявлены, и поэтому столь важна будет публикация первых результатов крупной коллективной работы — справочника об эволюции орудий труда на Балканах, подготовляемого под руководством А. Гийу⁶⁴. Впрочем, нельзя забывать о рудиментарном уровне обработки земли крестьянами в отдаленных и изолированных деревнях, расположенных на высоких горах Греции. уровне, который сохранялся еще накануне второй мировой войны.

Имеются также все основания для того, чтобы констатировать прочную стабильность в сфере производства. Наряду со злаками (пшеница, ячмень, овес, рожь), которые занимали главное место в земледелии, что позволяло крестьянину обеспечивать хлебом свою семью, выращивались виноград, оливковые, фиговые деревья, тутовник и др. (виноград выращивался и вкуче с другими культурами и отдельно⁶⁵, зерновые часто сеялись под оливковыми деревьями). Все это могло обеспечить общине экономическую автаркию, что, однако, на практике встречалось довольно редко. Пожалуй, невозможно засвидетельствовать никаких нововведений, за исключением майса, получившего распространение в XVI в. и приносящего большой доход преимущественно в наиболее влажных или легко орошаемых районах, и картофеля, появившегося в первые десятилетия XIX в.

Зато прогрессировало⁶⁶ возделывание традиционных культур, к примеру технических оливок, и производство изюма; иногда это происходило в ущерб зерновым; показателен, в частности, регресс зерновых в восточной Фессалии в начале XVII в., в эпоху расширения ассортимента культур. В то же время у отдельных общин намечалась известная специализация: наряду с Мадемохорией на Халкидике или деревнями на Хиосе, где производили мастику (Мастикохория), существовали деревни — производители соли (Халатохория): на Халкидике их было девять (три деревни с христианским населением, одна — турецкая и пять смешанных); соляные варницы принадлежали государству, которое обладало соляной монополией и поэтому забирало себе всю продукцию⁶⁷.

ния) сухие почвы оставались невозделанными по 4 года и даже по 5 лет, ибо были совершенно истощены.

⁵⁷ Parain Ch. La Méditerranée: Les hommes et leurs travaux. P., 1936. P. 25; Philipson A. Das Klima Griechenlands. Bonn, 1948; Braudel F. La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II. P., 1949. P. 214 sqq.; Bizot J., Dresch P. La Méditerranée et le Moyen Orient. P., 1956. T. I. P. 45, 69—71, 79; T. 2. P. 57; Le Roy Ladurie E. Histoire du climat depuis l'an mil. 2-e ed. P., 1983. T. 2. P. 12—13, 29, 50, 94.

⁵⁸ Braudel F. La Méditerranée. . . P. 21.

⁵⁹ Zographos D. Histoire de l'agriculture grecque. Athènes, 1976. T. I. P. 35.

⁶⁰ Asdrachas S. Sociétés rurales balkaniques, aux XVe—XVIe siècles: mouvements de la population et des revenus // EB. 1977. N 2. P. 49—66, 53—54.

⁶¹ Parain Ch. La Méditerranée. . . P. 123—124. Напомним в связи с этим, что даже сравнительно недавно, в годы второй мировой войны, в Аркадии (епископия Горти-

⁶² Notara A., Charlampous C. Collection contenant la constitution les règlements des corps législatifs, les devoirs des préfets et des éparques et la division de l'Etat en nomes, éparchies et démes. Athènes, 1851. P. 326, 359, 361, 377.

⁶³ Parain Ch. La Méditerranée. . . P. 140—141.

⁶⁴ Для Западной Европы см.: Parain Ch. Outhills, Ethnies et développement historique. P., 1979; см. также: Ethnologie et Histoire. P., 1975.

⁶⁵ Parain Ch. La Méditerranée. . . P. 136—137.

⁶⁶ Zographos D. Histoire de l'agriculture. . . T. I. P. 38 sqq. Изготовление изюма распространилось преимущественно от Ахайи до Занте в XV в., а в целом по Пелопоннесу — с начала XVII в. См. также: Moskof C. La conscience nationale et sociale en Grèce. Athènes, 1978. P. 56, 57, 62.

⁶⁷ Dimitriadis V. Op. cit. P. 427—431.

Наряду с этими «добавочными» культурами и промыслами⁶⁸, продукцию для самообеспечения, объективно желательного, но, очевидно, не всегда достижимого, поставляли скотоводство и сельское ремесло. Продукты ремесла, развитого в недостаточной степени, не всегда покрывали потребности крестьян, которые обменивали излишки сельскохозяйственной продукции или покупали недостающие товары за деньги; зато в некоторых бургх и деревнях имело место нечто вроде ремесленной специализации и развивались такие ремесла, как текстильное, строительное, обработка дерева, камня, металлов и т. д., — традиция, которая зачастую удержалась вплоть до настоящего времени⁶⁹. Кузнец, медник, плотник, сапожник и, в первую очередь, ткач работали в деревне; кроме некоторых случаев изготовления тканей⁷⁰, мы можем лишь строить гипотезы относительно годных для продажи излишков продукции общины, приносивших дополнительный доход крестьянской семье, которая чаще всего жила на уровне, близком к прожиточному минимуму.

В сущности условия жизни крестьянина-христианина были мало-завидными. Крестьяне составляли наибольшую часть населения греческих областей, и мелкое семейное владение было господствующим в аграрной сфере. При этом крестьянин должен был сдавать⁷¹ по крайней мере от 35 до 40 % своей продукции в счет уплаты налогов и податей (17—18 % — в качестве фискальной повинности государству, от 12 до 14 — в виде феодальной ренты, 3 % — церкви в соответствии с обычным правом), — и это, не считая налогов с доходов от производства других культур, от скотоводства и т. д. Нужно добавить к этим расходам семенной зерновой фонд, составлявший в среднем 20 % (1:5). Оставалась, таким образом, лишь часть зерновой продукции, достаточная для того, чтобы обеспечить прожиточный минимум как условие воспроизводства крестьянской семьи, уровень которого оценивается в 25—26 % урожая.

Доход приносил лишь крупный домен⁷² или собственность, свободная от налогов: два варианта, которые в византийский период в большинстве случаев были идентичны.

* * *

В настоящем исследовании мы попытались поставить несколько фундаментальных проблем, связанных с изучением византийской и пост-византийской крестьянской общины и проследить если не ее преемственность, то хотя бы ее неизменность за длительное время: почти полное отсутствие перемен в климате, в геоморфологии страны, в технике аграрного производства, небольшие изменения в ассортименте культур и в их доходности⁷³. Приведенные факты свидетельствуют не только о стабильности положения на части греческих территорий в течение 20 столетий, но и о том, что до последней четверти XIX в. способ производства не претерпел здесь крупных изменений. И все же, исключая первую половину XVII в., когда, с одной стороны, османское государство начало слабеть, а с другой — завоевание регионов, входивших в состав Византийской империи, было почти закончено, на протяжении всего этого дли-

тельного периода, отмеченного крайне незначительными сдвигами, «человеческий элемент» подвергался перемещениям, а государственная экономика зависела от целой группы объективных факторов. Что касается собственно сельской общины, то ее «оперативное значение» было обратно пропорционально политической, административной, экономической силе государства.

Дальнейшие исследования в этом направлении, без сомнения, потребуют не только полидисциплинарного подхода, тесно связанного с их организацией и координацией, но также «изменения стиля», в соответствии с которым мы вплоть до последнего времени ставили множество проблем, и обогащения самой тематики, пересмотра известных источников, интенсификации работы по оборот новых источников, усиления активности в сфере сотрудничества между исследователями, научными учреждениями, странами.

Другой аспект этой работы, как и любого исследования конкретно-исторического характера, — практическое приложение выводов, полученных в ее результате. В этом смысле исследование истории сельской общины представляет интерес хотя бы с точки зрения поиска подходов к решению таких вопросов, как использование земель, самоуправление общин, техника работы, производственные взаимоотношения, товарищества, соотношение локальной, национальной и интернациональной культур и т. д.

Под воздействием этих факторов ремесло историка, становящееся в конце XX века все более трудным, но и более интересным, бесспорно «повышается в цене».

⁶⁸ Moskoj C. Op. cit. P. 62—68; Asdrachas Sp. Mécanisme de l'économie agraire pendant la domination turque (XVe—XVIe siècles). Athènes, 1978. P. 124—125.

⁶⁹ Loukatos D. Introduction à la laographie hellénique. Athènes, 1977. P. 170—178; Papadopoulos St. L'art du cuivre en Grèce (1900—1975). Nauplie, 1982; Imellos S., Polymérous-Kamilaki C. Vie matérielle traditionnelle du Peuple grec. Questionnaire. Athènes, 1983. P. 185—281; Svoronos N. La vita in villaggio. . . Not. 12.

⁷⁰ См. об этом диссертацию М. Стаматьянноплу: Société rurale et industrie textile: Le cas d'Ayia en Thessalie ottomane (1780—1810), защищенную в 1984 г. в Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (Paris), и дипломную работу, защищенную в 1984 г. в Ecole des Sciences Politiques в Афинах (на греч. яз.): Nicolopoulos E. Ambelakia de Thessalie: Façonnement de la formation sociale hellénique (1770—1820).

⁷¹ Svoronos N. Remarques sur les structures économiques de l'Empire byzantine, au XIe siècle // Travaux et Memoires. 1976. 6. P. 58—63.

⁷² Ibid. P. 61; Asdrachas Sp. Mécanismes. . . P. 224—225.

⁷³ Svoronos N. La vita in villaggio. . . Not. 12.

С. П. КАРПОВ

КРЕДИТ В СИСТЕМЕ ИТАЛЬЯНСКОЙ ТОРГОВЛИ В ЮЖНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ (XIII—XV вв.)

В конце XIII—первой половине XV в. итальянская торговля в Южном Причерноморье достигла значительного размаха. Изучение истории этой коммерции, причин ее столь успешного развития в весьма сложной политической и экономической обстановке невозможно без исследования экономических основ ее существования. Одной из них, безусловно, была кредитная система, порожденная потребностями морской торговли и созданная в развитой форме именно в Венеции и Генуе¹. Очевидно, что развитие кредитных отношений, расширение функций кредита позволяли обеспечивать стабильный и широкий товарообмен, эффективнее мобилизовывать капиталы, увеличивать скорость их оборота. Совершенствование кредита было реальным выражением прогресса производственных отношений в сфере обмена. Поэтому исследование уровня развития и форм кредитных отношений существенно важно для выяснения природы международной торговли в средние века, ее специфики в разных регионах, механизмов ее воздействия на экономику последних. Разумеется, в данном случае речь идет лишь о начальном, докапиталистическом этапе формирования кредитной системы.

Обращение к истории кредита применительно к городам Южного Причерноморья оправдано в силу ряда особых обстоятельств, помимо изложенных выше. Здесь, на территории Понта и Пафлагонии, существовали торговые фактории итальянских морских республик; здесь проходили магистральные пути торговли Востока и Запада; здесь в сферу кредитных отношений, расширяя и модифицируя ее, были втянуты определенные круги местного торгового населения.

К. Маркс четко разграничивал две формы кредита: торговый и ростовщический. Само развитие коммерческого кредита, этой основы кредитной системы², Маркс связывал с «потребностью морской торговли и основанной на этой последней оптовой торговли освободиться от господства старомодных ростовщиков и монополистов торговли деньгами»³. Появление коммерческого кредита отнюдь не отменило ростовщичество, но заставило ростовщический капитал все более подчиняться торговому и промышленному. На практике это приводило к снижению ростовщического процента в случае, если созданная кредитная система отличалась устойчивостью. Коммерческий кредит, в отличие от ростовщического, поглощал лишь часть прибавочной стоимости, оставляя широкие возможности для расширенного воспроизводства и торговли⁴. И если ростовщический капитал «парализует производительные силы вместо того, чтобы

развивать их», не изменяет способа производства, а «присасывается к нему как паразит и доводит его до жалкого состояния»⁵, то коммерческий кредит глубже и всестороннее воздействует на базис и структуру торговли. Не случайно К. Маркс подчеркивал, что «различие между банкиром и ростовщиком — это различие двух общественных способов производства»⁶.

В итальянской и греческой торговле в городах Южного Причерноморья мы встречаемся с разнообразием форм кредита. Первой из них был прямой заем (*mutuum*) под проценты. Но такая сделка осуждалась католической церковью как вид ростовщичества, *usura*, что заставляло контрагентов маскировать заем либо как безвозмездную ссуду, либо как партнерство, либо как морской заем с платой за риск⁷. На практике в XII—начале XIII в. в итальянской торговле заем предоставлялся под 20 % годовых. Процент морского займа был даже выше, так как включал элемент страхования⁸. Но с середины XIII в., с притоком капиталов в левантийскую торговлю, он снижается до 5—8 % годовых, приобретая форму коммерческого, а не ростовщического кредита⁹. Однако в изучаемом регионе при краткосрочных займах на большую сумму процент достигал и 3 % в месяц¹⁰. Ростовщический же кредит был еще выше, доходя до 8 % в месяц¹¹. Возможно, в далеких факториях Южного Причерноморья процент по займам был в целом выше, чем общепринятый в практике итальянской коммерции, так как были выше и риск, и суммы ожидаемой прибыли в случае благополучного исхода операции.

С юридической точки зрения А. Латтес различает такие виды займа: 1) когда дебитор обязуется вернуть сумму, полученную на срок, без каких-либо дополнительных условий (*certi*); 2) учитывающие риск, когда сумма возвращается лишь в случае прибытия соответствующего имущества в означенный порт, фактически с элементом страхования (*aleatori*); 3) заем с условием — камбий и т. д.¹² По мнению М. Балара, *mutuum* как тип контракта, в котором процент займа включался в сумму уплаты долга, был характерен для людей, не обладавших большим состоянием. Кроме того, контракты этого типа, многочисленные в конце XIII в., постепенно исчезают с конца XIV в., когда непрофессиональные торговцы вытесняются из левантийской коммерции¹³. Однако за несколько нивелирующей положение дел общей статистикой стоят довольно разные по содержанию займы с большим разбросом помещенных в них сумм капиталов.

В конце XIII в. крупные суммы встречаются в основном в двух случаях: когда заем дается на относительно длительный срок со специаль-

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. т. 25, ч. II. С. 145.

⁶ Там же. С. 144.

⁷ Lane F. C. Venice: a maritime republic. Baltimore; L., 1973. P. 56—58; Endemann W. Studien in der romanisch-kanonistischen Wirtschafts- und Rechtslehre bis gegen Ende des 17. Jh. B., 1883. Bd. 2. S. 359—380.

⁸ Lane F. C. Op. cit. P. 61; Idem. Recent Studies on the Economic History of Venice // Journal of Economic History. 1963. T. 23, N 3. P. 315—316; Spufford P. Le rôle de la monnaie dans la révolution commerciale du XIIIe siècle // Études d'histoire monétaire. Lille, 1984. P. 382.

⁹ Lane F. C. Venice and history. Baltimore, 1966. P. 61—68; Idem. Recent Studies. . . P. 316; Spufford P. Le rôle. . . P. 382; Luzzatto G. Storia economica di Venezia dall' XI al XVI secolo. Venezia, 1961. P. 104—105. В середине XIV в. коммерческий кредит в Венеции составлял в среднем 8 %, а ростовщический — 24 %. Обязательные государственные займы приносили 5 % прибыли.

¹⁰ См. ниже.

¹¹ Когда в 1401 г. в Синопе Раффаэле ди Альбаро не смог выплатить по приговору консула 3 000 аспров, он был вынужден взять ссуду у еврея-ростовщика из 8 % в месяц сроком на 2 месяца: Archivio di Stato di Genova (далее: ASG), San Giorgio, Peire Sindicamentorum ad annum 1402, f. 130 r—v, 159v.

¹² Latte A. Il diritto marittimo privato nelle carte liguri del secolo XII—XIII. Roma, 1939. P. 112—134.

¹³ По проанализированным М. Баларом 342 актам, средняя сумма займа на 1 контракт составляла 27 лир, т. е. в 8 раз меньше, чем на 1 контракт комменды. См.: Balard M. La Romanie Génoise: XIIe—début du XVe siècle. Roma; Genova, 1978. T. 2. P. 612.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 24. С. 284.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. II. С. 21.

³ Там же. С. 151.

⁴ Ср.: Яброва М. М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе (Лондон XIV—начала XVI в.). Саратов, 1983. С. 137—144.

ными торговыми целями и должен возмещаться в другом пункте, то есть смыкается с морским займом¹⁴, и когда деньги даются на сохранение (*nomine custodie*), с правом их инвестиции получателем¹⁵.

Мелкие займы встречаются довольно часто и не обусловлены дополнительными обязательствами¹⁶. Крупные займы даются чаще всего под залог или при поручительстве доверенного лица своим имуществом¹⁷. Заимодавцами выступали венецианцы у генуэзца из Трапезунда¹⁸, татары — у генуэзцев (в Тавризе)¹⁹, генуэзский консул — у еврея Антония из Севастополя²⁰, венецианцы — у трапезундцев²¹. В случае необходимости венецианские должностные лица, находясь в черноморских фак-

¹⁴ Brătianu G. Recherches sur le commerce génois dans la Mer Noire au XIIIe siècles. P., 1929. P. 314—315: акт от 18.V 1280 г., составлен в г. Сивасе. В нем указывается, что 2 займа в 180 и 18 либр серебра, сделанных 13 июля и 16 сентября 1279 г., должны были быть погашены в Тавризе или Сивасе до пасхи 1280 г. Так как это условие не было выполнено, нарушитель был обязан уплатить по 7,5 генуэзской лиры за каждую либру серебра.

¹⁵ Ibid. P. 301: 19.VII 1274, Сивас, 10 670 аспров комминатов; Balard M. Gênes et l'Outre-Mer. P.; La Haye, 1973. T. 1: Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto. 1289—1290. (Далее: LS). N 652: 17.VI 1290: Каффа, 12 соммов, уплата в Синопе. Отданные в качестве custodia et recomendacio деньги были выручкой от реализации в Каффе тканей и квасцов из Синопа.

¹⁶ Заем *nomine cambii* 300 аспров комминатов, полученный в Ватике. Он должен был быть погашен через 3 месяца в том же порту (Brătianu G. Recherches. . . P. 302—303: 25.VII 1274). Займы *gratis et amore*, в которых не выявляется процент, на 120 аспров комминатов, с уплатой в Тавризе через 8 дней после прибытия туда дебитора (LS. N 330: 17.VIII 1289); на 500 аспров барикатов, сделан в Каффе греком из Трапезунда (LS. N 709: 3.VII 1290); на более чем скромную сумму 28 аспров комминатов, остаток невыплаченного долга (LS. N 418: 25.III 1290). В ряде актов Ламберто ди Самбучето упоминаются займы в аспрах комминатах, относящиеся к городам Трапезундской империи, хотя они и не называются. В основном это суммы средней величины, от 150 до 4000 аспров: LS. N 74: 13.V 1289 (500 аспров); N 104 (уплата 300 аспров); N 232 (продажа залога по займу за 700 аспров); N 235 (поручение на взыскание долга в 150 аспров); N 427 (уплата долга 2200 аспров); N 512 (1000 аспров); N 603 (выплата займа 1500 аспров); N 608 (прокура — поручительство на взыскание; долга 276 аспров); N 731 (выплата 2000 аспров из общей суммы долга 4000 аспров); N 821 (заем *gratis et amore* 276 аспров, сроком на 2 месяца); N 855 (уступка прав на взыскание долга 3 лиры 10 сольди, т. е. 70 аспров). Акты LS. N 608 и 821 отражают один и тот же заем от 7.VI 1290 г.: Г. ди Монелья дал прокуру на взыскание долга, сделанного Я. Малоно 14.II 1289 г. А 30.VII 1290 г. Ф. Дзуфо дал братьям Мерделлоно означенную сумму (276 аспров) на 2 месяца, очевидно, для того, чтобы они могли рассчитаться с кредитором. Малоно и Мерлоно — варианты написания одного имени. Займы весьма незначительных сумм в торговле с Южным Причерноморьем встречаются и в XIV в. Например, 50 аспров барикатов. Дебитор — грек Яне Платиссерии (Balbi G., Raiteri S. Notai genovesi in Oltremare. Atti rogati a Caffa e a Licostomo (Sec. XIV). Genova, 1973. N 8: 10.XII 1343). 26 аспров комминатов, Трапезунд (Annali Storici di Sestri Ponenti e delle sue famiglie / Ed. Ferretto A. // ASLSP. 1904. T. 34. P. 208: 26.V.1313). Интерес представляет упоминание займа в греческом частном акте, записанном на с. 1 об. Евангелия XIII в. Ивирского монастыря на Афоне (см.: Lampros Sp. P. Catalogue of the Greek Manuscripts of Mount Athos. Cambridge, 1900. T. 2. P. 2, N 4126. Запись акта — XIV век). Из текста следует, что Лев Клид взял у Никифора Манулопула заем из прибыли (ἀπὸ τοῦ βλαπιδίου), полученной последним от торговой операции с дорогими шелковыми тканями. Сумма займа составляла 3 «новых» перпера. Клид был должен вернуть заимодавцу 3 «старых» (более полновесных) перпера, но не смог это сделать в срок и тогда, в результате вторичного договора, обязался уплатить 4 «старых» перпера. Процент по второму этапу займа составил, таким образом, 1/3 суммы, а по первому установить его не представляется возможным, хотя очевидно, что он был ниже этой трети. Заем был сделан Клидом в Трапезунде у купца, торговавшего с Крымом. Возможно, Клид был торговым партнером Манулопула.

¹⁷ Brătianu G. Recherches. . . Doc. 1: 19.VII 1274: Archivio di Stato di Venezia. Senato. Misti (Далее: ASV. SM.). XIX. F. 64v—65v (Blanc, baron. Le flotte mercantili dei Veneziani. Venezia, 1896. P. 72—75); 8.III 1341; ASG. San Giorgio, Caffè Massaria ad annum 1446—41. F. IVr: 16.VI.1447.

¹⁸ ASV. SM. XIX. F. 64v—65v; ASV. Commemoriali. III. F. 215r, 202v. Cp.: I Libri Commemoriali della Repubblica di Venezia. Regesti / Ed. R. Predelli. Venezia, 1883. T. 3. P. 100—101.

¹⁹ Diplomatarium Veneto-Levanticum / Ed. G. M. Thomas. Venetia, 1880. Ps I. P. 194: 6.VI 1324.

²⁰ ASG. San Giorgio, Caffè Massaria ad annum 1446.II. F. IVr.

²¹ Iorga N. Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades au XVe siècle // ROL. 1900. T. 8. P. 18: 20.IV 1445 (долг трапезундского императора).

ториях, также получали деньги через *mutuum*²². Но, разумеется, наиболее частым случаем было предоставление займа внутри генуэзской или венецианской общины в городах Черноморья. Нередко такие займы имели целевое назначение, например для закупки зерна в Тане с доставкой в Трапезунд²³, специй — в Трапезунде с доставкой в Перу²⁴ и т. п. Ссудный процент, как правило, камуфлировался. Лишь в одном случае, когда речь шла о займе в Трапезунде в 1340 г. на сумму 602 либры 2 унции и 1,5 саджо серебра, дебитор обязывался возратить деньги в Пере за день до отплытия из Константинополя венецианских галей, заплатив в качестве процентов 10 каратов за либру²⁵. Так как стоимость серебра составляла тогда в Пере 14 перперов за либру²⁶, процент исчислен как 3 %. Однако это не 3 % годовых: заем был сделан на короткий срок плавания из Трапезунда в Константинополь и стоянки в Константинополе, т. е. не более чем на 1—2 месяца, и потому мы оцениваем его как высокий. Статуты Перы предусматривали, что если долг не погашался в срок, то через 8 дней для удовлетворения кредиторов залог продавали с аукциона. Так как в разбираемом случае долг уплачен не был, а галей не могли ждать положенное на реализацию залога время, товары были отвезены в Венецию, где и должны были быть произведены все взаимные расчеты.

Развитость кредитных отношений, и не только в форме простого займа, обнаруживается в многочисленных источниках в связи с возмещением долгов²⁷, исками по их уплате²⁸, актами признания задолженности²⁹. Местный кредит преобладал над дальним. Наибольшее число сделок совершается между Каффой и Южным Причерноморьем, особенно Трапезундом. Значительно реже упоминаются кредитные операции: Южное Черноморье (и Тавриз) — Пера (Константинополь) и Южное Черно-

²² Le Deliberazioni del Consiglio dei Rogati (Senato), Serie 'Mixtorum' / A cura di R. Cessi e P. Sambin. Venezia, 1960. T. I, lib. XI, N 229: 1329; ASV. Commemoriali. III. F. 40v (I Libri Commemoriali. . . Regesti. . . T. 2, N 155): 21.II 1329: 5000 безантов в 1328 г. венецианскому послу в Тавризе. Долг погашен в 1329 г. в Венеции.

²³ ASV. Giudici di Petizion. Sentenze a Giustizia. Reg. 16. F. 21r—22r: 20.III 1408.

²⁴ ASV. SM. XIX. F. 64v—65v; ASV. Commemoriali. III. F. 215r, 202v.

²⁵ Ibid.

²⁶ ASV. SM. XIX. F. 64v (Blanc. Le flotte. . . P. 73).

²⁷ LS. N 166—167: 9.VI 1289 (выплата части долга — 1000 аспров барикатов в Каффе и перевод оставшейся суммы долга — 15 000 аспров через камбий в Трапезунд); N 245 (уплата долга 1100 аспров комминатов, сделанного в Трапезунде); N 339 (выплата в Каффе 18 000 аспров барикатов долга, сделанного в Симиссо и Синопе); N 875 (получение долга, сумма которого не указана, в Каффе греком из Синопа); ASV. SM. XIX. F. 64v—65v: 8.III 1341 (кредит 875 перперов 18,5 карата и 465 перперов 10 каратов на покупку специи). Предоставлен венецианскими купцами в Трапезунде Д. Каутелло.

²⁸ LS. N 242 (уступка права на взыскание долга за 94 аспра коммината; N 122 (передача прав на взыскание долга греку из Ираклии Понтийской Мануилу. Сумма — 280 аспров комминатов); N 516 (заем 200 турецких аспров, Синоп); Diplomatarium Veneto-Levanticum. . . T. 1. P. 194 (заем более 5000 безантов венецианцами в Тавризе); Cassandro G. La Curia di Petizione e il Diritto processuale di Venezia // Archivio Veneto. 1937. T. XX. P. 189: 13.III 1337 (предполагаемый заем в Тавризе 138 безантов М. Фальконе золотых дел мастеру Лоренцо Урсо. Иск был отклонен); Balbi G., Raiteri S. Notai genovesi in Oltremare: Atti rogati a Caffa e a Licostomo (sec. XIV). Genova, 1973. N 1—3: 30.XI 1343 (8100 аспров комминатов, заем в Трапезунде); N 12: 2.I 1344 (3500 синопских аспров, долг от комменды); N 57—58: 4.V 1344 (долг 6000 аспров комминатов, сделан в Трапезунде 15.IX 1337, возмещен его остаток — 2882 аспра); ASV. Giudici di Petizion. Sentenze a Giustizia. 2. F. 63r: 18.VI 1367 (иск по взысканию долга от продажи в кредит шелка в Трапезунде на сумму 18 соммов 2 сольди); Ibid. 4. F. 40v—41r: 7.III 1376 (долг, сделанный в Трапезунде, 39 соммов 37 саджи 3 карата; иск касался возмещения части долга); Ibid. 16. F. 21r—22r: 20.III 1408 (разбор иска по взаимной задолженности между членами венецианского торгового общества, которое вело операции в Венеции и Трапезунде); ASG. San Giorgio. Peire Sindicamentorum ad annum 1402, f. 129v (долг — 8000 синопских аспров). F 159 г (взыскание долга через консула Синопа). Чтобы уплатить долг, дебитор должен был прибегнуть к ростовщическому займу. См. также примеч. 11.

²⁹ Brătianu G. Actes des notaires génois de Péra et de Caffa de la fin du XIIIe siècle. Bucarest, 1927. P. 80: 1.VII 1281 (долг 60 перперов, остаток от реализации товара, доставленного в Симиссо. Срок выплаты — полгода).

море — Генуя (Венеция). В последнем случае кредит чаще используется для перевода средств.

Средние величины займа на один акт можно рассчитать по операциям Каффа—Трапезунд. По 16 актам, относящимся к указанному направлению, сумма займов в 1289/90 г. составила 28 454 аспра коммината, или 1778,4 аспра на один акт (88,9 генуэзской лиры). Это значительно выше средних показателей (27 генуэзских лир) в генуэзской торговле в целом.

С прямым займом тесно связана *покупка в кредит*. М. Балар справедливо усматривает в ней типологическую общность с займом³⁰; и в том, и в другом случае сделка заключалась на определенный срок и имел место коммерческий кредит. Разница лишь в том, что при займе авансировался капитал в чистом виде, а при покупке в кредит — в виде товара³¹. Продажа в кредит могла быть следствием других торговых операций и взаимных расчетов³². Процент прибыли при продаже в кредит никогда не оговаривается в акте, а сроки предоставления кредита сильно разнятся, но они связаны с ритмом торговли и скоростью товарооборота. При торговле с Западом кредит дается на большую сумму, например 11 820 аспров комминатов, на срок в 5 месяцев с залогом³³; на 183 перпера 18 каратов — на 4 месяца³⁴. При продаже в кредит выплата долга связана со временем прибытия товара по назначению и осуществляется через 1—15 дней после доставки в порт³⁵. Для реализации товара и расчета с кредитором требовалось в среднем 8—15 дней. Срок в 1—2 дня означал, что фактически предусматривалась немедленная выплата долга из наличности дебитора в данном порту. Имелись случаи кредита по части сделки, когда определенную долю товара оплачивали наличными, а другую получали в кредит³⁶. Продажа в кредит использовалась также для совместного финансирования партнерами торговых операций с разделом прибыли между ними³⁷.

По 7 актам 1274—1290 гг., отражающим торговлю в кредит между Северным и Южным Причерноморьем³⁸, средняя сумма займа составляла

³⁰ Balard M. La Romanie. . . Т. II. Р. 611.

³¹ В кредит продается зерно для доставки из Каффы в Трапезунд (LS. N 417, 424, 430); шелк (ASV. Giudici di Petizion. Sentenze a Giustizia. 2. F. 63r: 18.VI 1367); шелковые ткани (Ibid. 4. F. 18v—19r: 17.XII 1375); хлопок (ASV. Cancelleria Inferior, Notai, Busta 132. N 6 (notaio Nicolò di S. Silvestro). F. 3v: 11.VIII 1413), доставляемые из Трапезунда. Иногда в акте категория товара не указывается (LS. N 13, 18, 315; Brătianu G. Recherches. . . Doc. VI, XVII).

³² Покупка в кредит, например, могла быть связана с камбием (Brătianu G. Recherches. . . N VI, IV) или с предыдущими долговыми обязательствами (Brătianu G. Actes. . . P. 75: 28.VI 1281).

³³ ASV. Cancelleria Inferior. Notai. Busta 132. N 6. F. 3v.

³⁴ Badoer Giacomo. Il Libro dei conti di Giacomo Badoer (Constantinopoli, 1436—1440) / Testo a cura di U. Dorini e T. Bertelè. Roma, 1956. P. 208, 215.

³⁵ Расчет через 1—2 и через 15 дней после прибытия лигнии с зерном в Каффу (LS. N 424); через 10 дней после прибытия лигнии в Трапезунд (LS. N 430); через 8 дней после прибытия товара из Ватичи в Солдайю (Brătianu G. Recherches. . . doc. VI).

³⁶ Так, например, за 50 модиев зерна, предназначенного для доставки в Трапезунд, 700 аспров платили в Каффе, а 300 — после реализации — в Трапезунде (LS. N 417). В другом подобном же случае, при доставке 100 модиев зерна, суммы составляли соответственно 250 аспров комминатов — в Каффе и 1700 — в Трапезунде (LS. N 430). 1000 аспров комминатов уплатили через 1—2 дня после доставки в Каффу зерна, предназначенного для отправки в Трапезунд, а 2800 аспров должны были уплатить через 15 дней со дня доставки (LS. N 424).

³⁷ Генуэзец Б. ди Мари предоставил А. Пелато 350 перперов, за которые получил в залог 6 «штук» окрашенных сукон. Он имел право продать эти ткани в Сивасе, но при условии, что прибыль, превышающая 3412,5 аспра, должна была быть передана Пелато (Brătianu G. Actes. . . P. 87—88). Партнеры, таким образом, договариваются о разделе прибыли между собой. Проанализируем эту сделку. 350 перперов по курсу тех лет составляли 192,5 генуэзской лиры, а 3412,5 аспра Сиваса — 213,3 лиры (1 перпер=11 сольди в 1282 г. См.: Balard M. La Romanie. . . Т. 2. Р. 652; 1 аспр. Сиваса=15 ген. денариям. См.: Brătianu G. Recherches. . . P. 312—314: 1280 г.). Таким образом, минимальная стоимость ткани в Сивасе была на 10,8 % выше ее оценки в Пере. Этот минимум целиком принадлежал ди Мари, остальное — его партнеру.

³⁸ Brătianu G. Recherches. . . Doc. VI (так как курс 1274 г. нам неизвестен, мы условно, по курсу 1289 г., принимаем 4805 аспров барикатов за 3003 аспра коммината; такое

1196,1 аспров комминатов (59,8 ген. лир). Заем для торговли в Тавризе или Трапезунде, совершенный в Генуе, дает еще большую сумму — 100 ген. лир³⁹. Средняя величина кредита близка, таким образом, к средней величине mutuum.

При неуплате долга в срок предусматривались материальные санкции, вплоть до штрафа двойной суммой долга⁴⁰. Кредитные сделки могли оформляться как продажа по пониженной цене (иногда — с аукциона) какого-либо имущества с правом выкупа его по установленной цене и уплатой транспортных расходов в другом порту⁴¹.

В суровые годы османской экспансии кредит мог быть и вынужденным. Так, например, в 1475 г., при падении Каффы, нотариус Н. ди Торрилья передал своему племяннику Дж. ди Унчо, отправлявшемуся в Конпу, «salvandi causa» 14 000 каффинских аспров, чтобы он вложил их в торговлю Конпы—Трабзон и в течение года передал Н. ди Торрилья в Пере или Константинополе. Возвращение этого займа потребовало целого судебного разбирательства в 1478—1479 гг.⁴²

Наиболее распространенным типом взаимных расчетов купцов и кредитования торговли был *камбий*. Он использовался также и для выплаты жалования официальным факториям Южного Причерноморья⁴³, и для передачи наследникам имущества умерших купцов⁴⁴. Камбий позволял переводить средства без их транспортировки, производить безналичные расчеты, а иногда и был скрытой формой займа (cambio secco). Канонисты не считали запретным камбий как разменную операцию по курсу данного рынка. Осуждался лишь камбий с ростовщическим процентом, или «сухой» камбий⁴⁵. Но выявить в контракте эту, запретную, сущность было весьма сложно.

Исследования последних лет показали тесную связь камбия с колебаниями спроса на драгоценные металлы, взаимодополняемость расчетов в драгоценных металлах и в виде камбия, а не их взаимозаменяемость⁴⁶.

Сделка камбия предусматривала, помимо самих ее участников, наличие третьего лица, которое выплачивало сумму, и четвертого, в чью пользу производилась выплата⁴⁷. Но во внутричерноморских операциях

приравнивание, однако, содержит элемент гипотетичности); LS. N 315, 417, 424, 430, 13, 18.

³⁹ Brătianu G. Recherches. . . Doc. XVII (1292).

⁴⁰ В источниках отражены следующие санкции: штраф 200 перперов (5760 аспров комминатов) с суммы 3800 аспров комминатов, или 51 % (LS. N 424); двойная сумма долга (Brătianu G. Recherches. . . Doc. VI); повышение обменного курса при выплате долга. Например, если долг 200 золотых ген. денариев не погашался в Тавризе или Трапезунде по курсу 10 сольди за денарий, он погашался в Генуе через камбий по курсу 15 сольди за денарий (Brătianu G. Recherches. . . Doc. XVII). По статутам Генуи и Перы, при удержании дебиторами денег сверх договорного срока, если это не наносило прямого ущерба кредиторам, дебиторы должны были уплатить 16,7 % годовых (de quinque sex) и причитающийся обычный процент. См.: Promis V. Statuti della colonia genovese di Pera // Miscellanea di storia italiana. Torino, 1870. Т. IX. Р. 737—738. Торговая практика, как мы видели, знала более высокие штрафы.

⁴¹ Balbi G., Raiteri S. Notai. . . N 25: 11.III 1344 (Каффа—Севастополь; продажа с аукциона имущества умершего Дж. Абукуро за 12 каффинских соммов, с правом его выкупа через 8 или 10 дней после прибытия судов в Севастополь за 12 соммов по весу Севастополя плюс транспортные расходы).

⁴² Roccatagliata A. Notai genovesi in Oltremare: Atti rogati a Pera e Mitilene. Genova, 1982. Т. I. Doc. 106—112: 20.VIII 1478—21.VIII 1479.

⁴³ ASV. SM. XXXI, f. 94v: 31.III 1365 (перевод денег на оклад венецианского байло в Трапезунде через камбий).

⁴⁴ Promis V. Statuti. . . P. 778—779.

⁴⁵ См.: Dalle Molle L. Il contratto di cambio nei moralisti dal secolo XIII alla metà del secolo XVII. Roma, 1954.

⁴⁶ См., например: Mueller R. C. «Chome l'uccielo di passaggio», la demande saisonnière des espèces et le marché des changes à Venise au moyen âge // Etudes d'histoire monétaire, XIIe—XIXe siècles / Ed. J. Day. Lille, 1984. P. 195—219.

⁴⁷ Roover R. de. Appunti sulla storia della cambiale e del contratto di cambio // Studi in onore di G. Luzzatto. Milano, 1950. Т. I. P. 193—219; Idem. L'évolution de la lettre de change (XIVe—XVIIe siècles). P., 1953; Idem. Le marché monétaire au moyen âge et au début des temps modernes // Revue historique. 1970. Т. 244, N 495. P. 5—40.

часто контрагентов было меньше: камбий оплачивал в другом месте сам получатель суммы или же его доверенное лицо (банкир, меняла, партнер). Редко камбий платился сразу, при предъявлении обменного письма (*lettera di cambio*). Чаще принятой формой была уплата *all'usanza*, т. е. через определенный срок, по обычаю местного рынка⁴⁸. Обмен производился в двух вариантах. В первом — камбий исчислялся в местной монете по существующему в месте заключения сделки курсу иностранной монеты (*certo*). Во втором — фиксированная сумма иностранной монеты, без указания соответствующего количества местной монеты, подлежала выплате по курсу того рынка, куда давался камбий (*incerto*). При обмене *certo* между Кафкой и Трапезундом, например, курс трапезундского аспра по отношению к каффинскому был в Трапезунде несколько выше, чем в Каффе. Эта разница и составляла прибыль при обмене. В 1437 г. в Трапезунде курс перпера составлял 36 аспров, а в Константинополе — 40⁴⁹. Разница достигала 11,1 %. Сложность в том, что мы редко способны уловить эту разницу, так как принятый официальный или рыночный курс монет в городах Южного Черноморья нам неизвестен.

Камбий на Леванте использовался: 1) при переводе денег и кредитовании (торговый камбий); 2) при расчетах по официальному курсу Венеции или Генуи; 3) при уплате фрахта по установленному властями Венеции и Генуи курсу. Первый тип регулируется условиями рынка и связан с колебаниями стоимости драгоценных металлов, количеством средств обращения, количеством товаров на рынке. Второй — условиями рынка, а также государственной регламентацией с некоторым «спрямлением» курса и снижением процента при обмене. Третий — также условиями рынка и в еще большей степени практикой государственного стимулирования торговли и перевозок.

В торговых камбиях Черноморья преобладают расчеты спустя небольшой срок после предъявления письма (или прибытия): от 2 до 10 дней⁵⁰. Иногда камбий давался на фиксированный срок с момента предоставления⁵¹. При камбии, совершаемом в дальнем порту, удлинялись сроки оплаты: 2—3 месяца после отплытия из Генуи в Черное море⁵², месяц после затребования суммы в Генуе при переводе денег из Сиваса⁵³. Камбий, данный в Генуе 1 июля 1292 г. для торговли в Тавризе и Трапезунде, был еще более сложным: его надо было произвести до 8 сентября, а если купцы прибывали в Тавриз после этого срока, то через 8 дней после прибытия. Если оплата в Тавризе не производилась, то деньги возвращались в Геную через рекамбий, но уже по повышенному курсу, не по 10 сольди за золотой денарий, как в Тавризе, а по 11⁵⁴ или даже по 12⁵⁵ сольди. На такой рекамбий отводился срок соответственно 7 и 8 месяцев (с разницей срока связана и разница рекамбия).

Хронология и география камбиев XIII—XIV вв. представлена в таблице.

Так как количество актов, где зафиксирован камбий, применительно к изучаемому региону пока невелико, статистические показатели не обладают достаточной репрезентативностью и наши выводы носят сугубо

Камбий в Южном Причерноморье (1274—1360)

Год	Число актов	Сумма (ген. лиры)		Пункты предоставления и оплаты
		общая	на один акт	
1274	1	152	152	Ватипа—Солдайя
1274	1	26,7	26,7	Генуя—Сивас
1289—1290	3	500	166,7	Каффа—Трапезунд
1290	1	5	5	Трапезунд—Каффа
1292	2	281	140,5	Генуя—Тавриз/Трапезунд
Всего за 1274—1292 гг.	8	964,7	120,6	—
1343	1	48,75	48,75	Каффа—Симиссо
1344	1	90	90	Каффа—Севастополь
1360	1	189	189	Килия—Симиссо
Всего за 1343—1360 гг.	3	327,75	109,25	—

предварительный характер. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что средняя величина камбиев в конце XIII в. — 120,6 лиры — значительно ниже средней величины по генуэзской Романии в 1281—1290 гг. (530 лир на акт) и примерно соответствует средней величине в 1291—1300 гг. (154 лиры на акт)⁵⁶. В середине XIV в. средняя величина составляет 109,25 лиры на акт в Южном Причерноморье при 293—344 лирах по Романии в целом⁵⁷. Показательно, однако, что камбий широко использовался в это время трапезундскими купцами в Килие и Пере. Его механизм и масштабы были теми же, что и в отмеченных случаях у итальянских купцов⁵⁸.

Единичны упоминания о камбии в XV в. В 1454 г., например, Дж. Джудиче поручается за то, что его брат уплатит свой долг, 123 перпера 12 каратов, Г. Маньяни через камбий. С острова Хиос камбий должен был быть переведен в Самастро на имя Б. Дука. Если бы оплата не произошла, поручитель обязывался уплатить повышенный рекамбий на Хиосе⁵⁹.

Далеко не всегда существовала возможность осуществить камбий прямо из Трапезунда в Венецию. Когда ее не было, купец Гульельмо Квирины рекомендует партнеру дать камбий на Константинополь, откуда его всегда можно было перевести в Венецию⁶⁰.

Сравнительно небольшие величины камбиев в Южном Причерноморье, возможно, свидетельствуют о более активном инвестировании денег непосредственно в товары и расчеты наличными в крупных сделках.

Среди рассмотренных случаев камбиев примерно равное количество их приходится на типы *certo*⁶¹ и *incerto*, когда указывается лишь конечная сумма выплат⁶². Камбий используется венецианскими официальными для перевода и получения денег⁶³. Процент по нему в официальных рас-

⁵⁶ Balard M. La Romanie... T. II. P. 620.

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ Balard M. Gênes et l'Outre Mer... T. 2, N 80, 82, 118; Pistarino G. Notai genovesi in Oltremare: Atti rogati a Chilia da Antonio di Ponzo. Genova, 1971. N 18, 21, 22, 24.

⁵⁹ Roccatagliata A. Notai genovesi in Oltremare: Atti rogati a Chio (1453—1454, 1470—1471). Genova, 1982. N 126.

⁶⁰ Luzzatto G. Studi di storia economica Veneziana. Padova, 1954. P. 76: 9.VIII 1431.

⁶¹ LS. N 117, 850; Brătianu G. Recherches... Doc. IV, VI, XIX, XX.

⁶² LS. N 167, 512; Brătianu G. Recherches... Doc. II; Balbi G., Raiteri S. Notai... N 23, 5; Balard M. Gênes et l'Outre-Mer. T. 2. N 118.

⁶³ Так, например, в 1320 г. венецианский байло в Трапезунде Дж. Санудо отправил в Венецию через камбий собранный им в Трапезунде коммеркий: 1958 лир 4 сольди 3 денария ад грассос на условиях выплаты получателем камбия 8,4 %. Срок камбия — с 12.VIII по 30.IX. Риск по доставке брала на себя Венецианская республика. При невыплате камбия его получатель обязуется вернуть двойную сумму. См.: Diplomatarium Veneto-Levantinum. T. I, N 83: 12.VIII 1320. В 1323 г. другой венециан-

⁴⁸ Roover R. de. Appunti... P. 196; Idem. Le marché... P. 19—21.

⁴⁹ Badoer Giacomo. Il Libro... P. 103, 182, 307—308, 309, 334—335. 348—349, 372—373, 558, 578.

⁵⁰ Сроки: 2 дня после прибытия из Каффы в Трапезунд (LS. N 117); 8 дней после прибытия из Ватипы в Солдайю (Brătianu G. Recherches... Doc. IV); 10 дней после прибытия лигний из Каффы в Севастополь (Balbi G., Raiteri S. Notai... N 23) или из Килии в Симиссо (Balard M. Gênes et l'Outre-Mer. T. 2: Actes de Kilia du notaire Antonio di Ponzò, 1360. P.; La Haye, 1980 N 118); начиная с восьми дней с момента отплытия корабля из Каффы до прибытия его в Симиссо, т. е. расчет мог быть произведен на борту: Balbi G., Raiteri S. Notai... N 5.

⁵¹ LS. N 512.

⁵² Balard M. La Romanie... T. II. P. 617.

⁵³ Brătianu G. Recherches... Doc. II

⁵⁴ Ibid. Doc. XX.

⁵⁵ Ibid. Doc. XIX.

четах колебался в 20-е годы XIV в. в операциях между Трапезундом и Венецией в пределах от 8,4 до 10,25 %. Для сравнения укажем, что обычным коммерческим процентом при камбии между Генуей и Перой в конце XIII в. были 10 %⁶⁴, т. е. близкая этому величина. Власти Каффы также использовали камбий для перевода средств массарии Симиссо⁶⁵. Камбий между Каффой и Симиссо в 1386 г., потраченный за закупку зерна, принес 5 % прибыли⁶⁶. Через камбий поступали деньги и в обратном направлении — из Симиссо — массарии Каффы⁶⁷. В счетных книгах (массариях) Каффы зафиксирован и камбий на весьма значительную сумму — 18 000 аспров барикатов из Каффы в Трапезунд⁶⁸.

Если камбий в официальных обменах приносил 5—10-процентную прибыль, то рекамбий значительно ее увеличивал: на 10—20 % при обмене Генуя—Тавриз⁶⁹. А при продаже в кредит рекамбий из Тавриза в Геную (когда сумма кредита не была погашена в Тавризе) достиг 50 % прибыли⁷⁰. Такая форма является скорее повторным кредитованием сделки, чем камбием в чистом виде.

Рекамбием могли переводиться не только наличные деньги, но и неоплаченные (неучтенные, опротестованные) счета, что нередко производилось через банк⁷¹.

При уплате фрахта на венецианских галейх «липии» камбий устанавливался не в строгом соответствии с рыночным курсом, но по повышенному в пользу венецианского дуката курсу, что приносило определенные выгоды патронам судов и государству⁷². Общей тенденцией было постепенное сужение сферы применения камбия с развитием в XV в. операций через банки, распространением института комиссионных агентов⁷³.

Помимо камбия, на рынке практиковалась и прямая продажа валюты. Такие операции не имели ничего общего с камбием и с разменом монеты, а были торговлей деньгами по стоимости металла⁷⁴. Однако еще К. Маркс указывал на глубокую взаимосвязь в докапиталистический период, когда господствовал купеческий капитал, торговли деньгами и торговли товарами⁷⁵. Эта взаимосвязь конкретно проявлялась в помещении выручки от торговли деньгами в покупку левантских товаров.

ский байло в Трапезунде, П. Микель, передает 2 венецианским купцам братьям Веньерам для перевода в Венецию 831 лиру 10 денариев ад грассос. Сумма выплаты в Венецию по камбию должна была составить 916 лир 4 сольди 5 денариев ад грассос (10,25 % прибыли), и внести ее следовало через месяц после прибытия туда галей Романии. Процент прибыли по камбию был большим, чем в первом случае, так как камбий предоставлен на более длительный срок. См.: *Merlis Felice de. Prete e notaio in Venezia ed Ayas (1315—1348). Venezia, 1973. N 276: 26.II 1323.*

⁶⁴ *Balaré M. La Romanie... T. 2. P. 619.*

⁶⁵ ASG. San Giorgio, Caffè massaria ad annum 1381. F. CCCIIr, CCCXXIV (40 соммов).

⁶⁶ ASG. Sala 34 67, Caffè massaria ad annum 1386. F. 360v: 4.VII 1386.

⁶⁷ ASG. San Giorgio, Caffè massaria ad annum 1410. F. CCCLXIIv: 16.VII 1410.

⁶⁸ ASG. San Giorgio, Caffè massaria ad annum 1441. F. XLVr: 28.VII 1441.

⁶⁹ *Brătianu G. Recherches... Doc. XIX—XX.*

⁷⁰ *Ibid. Doc. XVII.*

⁷¹ Так, например, в Трапезунде в 1404 или 1407 г. неоплаченный счет на 30 лир 3 сольди 5 грассов 9 денариев был переведен через камбий в Венецию. Счет не был оплачен из-за предусмотренного в нем слишком короткого срока выплаты, что затем привело к иску. См.: *ASV. Giudici di Petizion, Sentenze a Giustizia. 16.F. 21r—22r: 20.III 1408.*

⁷² См.: *Bertelé T. Moneta veneziana e moneta bizantina (secc. XII—XV) // Venezia e il Levante. Firenze, 1973. T. 1. P. 27—28.*

⁷³ См.: *Карпов С. П. Контракт комменды в итальянской торговле в Южном Причерноморье (XIII—XV вв.) // ВВ. 1987. 48.*

⁷⁴ Например, Дж. Бадор поручил Г. Контарини, своему партнеру, реализовать 200 турецких дукатов в Трапезунде, оценив их в 414 перперов. Сделка, за вычетом расходов, принесла купцу 433 перпера 20 каратов. Доход составил 4,8 % (*Badoer Giacomo. Il Libro... P. 102—103*). Аспры также продавались, как серебро, на вес, когда это были старые, более полновесные монеты, чем те, что находились в обращении. См.: *Bertelé T. Moneta... P. 117.*

⁷⁵ См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 48. С. 382, 422.*

Отмеченные нами разнообразные формы коммерческого кредита указывают на высокую степень развитости товарного обмена в городах Южного Причерноморья, использование в коммерции передовой торговой техники того времени. Тенденцией развития кредита была его концентрация в рамках все более постоянных купеческих компаний и ассоциаций, укрупнение его сумм. Однако применительно к данному региону указанный процесс не получил своего завершения и был прерван в эпоху османских завоеваний.

В большинстве случаев местное купечество успешно овладевало теми же формами кредита, что и итальянцы, внедрявшие их в практику черноморской торговли. Развитие взаимного кредита греков и «латинян» углубляло их кооперацию в торговле и вместе с тем специализацию последней.

И. ИРМШЕР

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
О ПРОГРЕССЕ В ВИЗАНТИИ

На VI конгрессе историков ГДР в качестве основной обсуждалась тема: «Народные массы и прогресс в истории»¹. В связи с этим говорилось об изучении объективной роли народных масс в историческом процессе, а также об исследовании сущности и форм исторического прогресса, и рассматривалось его отражение в идеологии и сознании людей в разное время. Посвященный периоду средних веков доклад берлинского историка Б. Тэпфера был так и озаглавлен: «Народные движения, идеология и общественный прогресс в период развитого феодализма»². Естественно, что в качестве объекта для исследования на первом плане в нем стояли феномены духовной культуры западной и центральной Европы, в то время как особенности, присущие другой части *Euroae bipartitae*³, Византийской империи, были лишь бегло затронуты. Поэтому нам кажется нелишним рассмотреть здесь один из аспектов этой проблемы — представление византийцев о прогрессе.

В античности, в особенности у греков, понятие прогресса употреблялось в двух значениях. Во-первых, философия стоиков развивала представление об индивидуальном прогрессе, который проявлялся в области этики, а также в образовании и обозначался термином *προκοπή*⁴, которому на латинском языке соответствовало понятие *progressus* и *progressio* (например, у Цицерона)⁵. С другой стороны, еще ранее (отчасти уже у Гесиода), в противоположность легенде о «стареющем веке»⁶, возникает оптимистическое представление о движении вперед человеческого общества. А его предощущение есть уже в героическом эпосе, в виде намека оно высказано в ионийской философии, вполне развито в учении софистов о культуре, а позже сформулировано Эпикуром: историей называется технический прогресс, а также возрастающий порядок для будущего лучшего общества⁷. Оратор и публицист Исократ (436—338) видел образец подобного прогресса человечества в Афинском полисе⁸. Со-

зданная им модель была воспринята в других исторических условиях правителями эпохи эллинизма⁹ и связана с идеей универсальной монархии, которую унаследовал от эллинизма Рим, а позже — Византия от Рима.

Эллинистическая идея прогресса была полностью развита Полибием (ок. 200—120 гг. до н. э.), греческим историком Римского государства, который не считаясь с появляющимися противоречиями, употреблял в своем историческом сочинении понятийный аппарат стоиков, в том числе и термин *προκοπή*¹⁰. Для него исторический прогресс означал подъем Римской державы¹¹, и то, что *Imperium Romanum* превосходит все существовавшие ранее государства¹², означает не только *προκοπή*, но в то же время, и *τέλειαι* — «завершение»¹³, а история, благодаря этому прогрессу, учит познавать закономерности и даже выдвигать прогнозы на будущее¹⁴.

Этот исторический оптимизм утвердился в качестве основы идеологии Римской империи и был расширен за счет некоторых дополнительных аспектов, например, представления о прогрессе *φιλανθρωπία*, понимаемой как результат божественного промысла — *πρόνοια*¹⁵.

Идея исторического прогресса *προκοπή* была чужда раннему христианству, жившему надеждой на скорое пришествие Христа¹⁶, и лишь отзвуки этой философской традиции содержатся в Посланиях апостола Павла¹⁷. Однако когда эсхатологические ожидания оказались напрасными и христианская мысль должна была выработать свою концепцию истории, то, с одной стороны, она восприняла хилиастические предания иудейских апокалиптических сочинений¹⁸, с другой — вобрала в себя римские представления, существующие со времени Полибия, и объединила их с идеей священной истории, изменив лишь некоторые формы и слив понятия прогресса и «последних времен»¹⁹.

Подобные построения встречаются у апологетов, которые стремились приобретать в языческом окружении сторонников распространяющейся новой религии²⁰. Юстин, получивший философское образование, сочетает в своей «Апологии» иудейское предание с римской историей империи²¹, а епископ Мелитон из Сард писал в апологетическом сочинении, обращенном к императору Марку Аврелию²², что при Августе «христианская философия» начала переживать расцвет и что религия неразрывно связана со счастьем империи²³.

Неизбежным следствием таких теорий было сочетание, казалось бы, разнородных элементов, осуществившееся в действительности позже, при

¹ Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1977. Jg. 25. H. 10. S. 1148.

² Töpfer B. Volksbewegungen, Ideologie und gesellschaftlicher Fortschritt in der Epoche des entwickelten Feudalismus vom 11. bis zum 15. Jahrhundert // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1977. S. 1158 ff.

³ Об этом см.: Irmischer J. Die Wandlungen der antiken Staatsidee in Folge der Zerschlagung der antiken Staatsmacht // Grazer Beiträge. 1975. Bd. 4. S. 143.

⁴ Thraede K. Fortschritt // Reallexikon für Antike und Christentum / Hrsg. von T. Klauser. Stuttgart, 1969. Bd. 8. Lfg. 57. S. 141 f.

⁵ Zorn W. Geschichte des Wortes und Begriffes «Fortschritt» // Saeculum. 1953. Bd. 4. S. 340 f.; Edelstein L. The Idea of Progress in Classical Antiquity. Baltimore, 1967. P. 146 sq.

⁶ Welskopf E. Ch. Gedanken über den gesellschaftlichen Fortschritt im Altertum // XIII Международный конгресс исторических наук: Доклады конгресса. М., 1973. Т. 1, ч. 3. С. 152.

⁷ Lauffer S. Der Antike Fortschrittsgedanke // Actes du XI-ème Congrès international de philosophie. Bruxelles, 20—26 août, 1953. Amsterdam; Louvain, 1953. Vol. 12. P. 38 sq.; См. также: Müller R. Antike Theorien über Ursprung und Entwicklung der Kultur // Das Altertum. 1963. Bd. 14, H. 2. S. 67 ff.; Burck E. Die Idee des Fortschritts. München, 1963. S. 8 ff.

⁸ Thraede K. Op. cit. S. 147—148.

⁹ Lauffer S. Op. cit. S. 41.

¹⁰ Thraede K. Op. cit. S. 148.

¹¹ Например: Polybius Historiae / Ed. Fr. Hultsch. B., 1867—1870. Bd. 1—3 (Далее: Polyb.). 1, 12, 7; 2, 37, 10; 3, 4, 2; 10, 47, 12.

¹² Ibid. 1, 2.

¹³ Ibid. 2, 37, 10.

¹⁴ См., например, рассуждения в начале третьей книги, а также Polyb. 6, 3. (См. немецкий перевод Г. Дрекслера из: Polybios. Geschichte. Zürich, 1961. Bd. 1. S. 526: «Für die Zukunft eine richtige Prognose stellen»). Polyb. 6, 57; 12, 25 b et e.

¹⁵ См., например: Thraede K. Op. cit. S. 148.

¹⁶ Ibid. 1970. Lfg. 58 S. 161.

¹⁷ Примеры см.: Bauer W. Griechisch-deutsches Wörterbuch zu den Schriften des Neuen Testaments und der übrigen urchristlichen Literatur. 4. Aufl. [West] Berlin, 1952. 1288.

¹⁸ Bousset W. Die Religion des Judentums im neutestamentlichen Zeitalter. B., 1903. S. 230 ff.

¹⁹ Thraede K. Op. cit. S. 162.

²⁰ Krüger G. Handbuch der Kirchengeschichte. Bd. 1: Das Altertum. / Bearb. von E. Preuschen, G. Krüger 2. Aufl. Tübingen, 1923. S. 65 f.

²¹ Eques de Otto I C T Corpus apologetarum Christianorum saeculi secundi. 3. Aufl. Jena, 1876 Bd I S 96. См. интерпретацию: Thraede K. Op. cit. S. 173.

²² Krüger G. Op. cit. S. 85.

²³ Euseb. Hist. eccl. 4, 26, 7 sq. // Idem. Kirchengeschichte / Hrsg. von E. Schwarz. 5. Aufl. B., 1952 S. 163 f. См. интерпретацию: Peterson E. Der Monotheismus als politisches Problem Leipzig, 1935 S. 71.

Константине²⁴. Приобретая в дальнейшем важное значение для византийского понимания мира и истории, оно было теоретически обосновано Евсевием Кесарийским, доверенным лицом и советником Константина I, которого он восхвалял в своих сочинениях²⁵. В «Церковной истории» он излагает следующую концепцию исторического прогресса²⁶. Изначально человек был неспособен понять христианское учение, которое существовало еще до сотворения мира, ведь из-за грехопадения он имеет тварную сущность и ведет жизнь, которая не стоит того, чтобы быть прожитой (βίον ἀβίωτον). Но вследствие божественной φιλανθρωπία постепенно происходит благочестие (θεοσεβεία). Всецело охватывая людей, оно сделало еврейский народ способным принять Законы Моисея, которые «распространяют одинаковое благоухание на все человечество»²⁷. Однако, только с возникновением Римской империи (ἀρχομένης τῆς Ῥωμαίων βασιλείας) были заложены предпосылки для дальнейшего продвижения вперед. Очевидно, что здесь при истолковании божественной οἰκονομία библейский рассказ сочетался с присущими античной культуре представлениями, в которых главная роль в истории предназначалась «Римскому миру» — Pax Romana. Сам бог представлен в качестве помощника прогресса²⁸.

Евсевий идет и далее. В «Demonstratio evangelica» — апологетическом сочинении, в котором он рассматривает исполнение ветхозаветных пророчеств о Христе²⁹, конец древнего обособленного государства, персонифицированного в образе Ирода, связывается Евсевием как с распространением всемирной Римской империи, воплощенной в лице Августа, так и с явлением Христа³⁰.

Вместе с разложением древних государств-полисов исчезает и политизм, однако войны и внутренние противоречия предопределили конец Римской империи (Imperium Romanum). В присущем Евсевию понимании истории достигаемый таким образом двойственный прогресс не подлежал никакому сомнению³¹. В соответствии с этой концепцией, во времена Евсевия на новую, более высокую ступень поднялось то представление об автократии, начало которому положил еще Август, поскольку с единодержавного правления Константина упрочилась не только политическая, но и божественная монархия, дословно — «монархия, божественно возведенная для всех»³². Это определение из «Vita Constantini» вновь выделено в речи к 30-летию юбилею правления императора в 335 г.³³: одному императору на земле соответствует царь небесный — бог, единые царские Nomos и Logos³⁴. Таким образом объединены христианство, империя и Pax Romana, что составило теоретическую основу «цезарепапизма» — единства государства и церкви под главенством государства.

Аналогичные идеи, во всяком случае в том, что касается представления о Римской империи как несущей мир и о соотношении Civitas Ro-

mana и Civitas Christiana, развивались и на латинском Западе империи: у Августина (354—430)³⁵, епископа Гиппонского (Hippo Regius близ Карфагена), создателя христианской концепции истории «Града божьего»³⁶; у его современника Пруденция из Испании (348—ок. 405)³⁷, который как наиболее значительный латинский христианский поэт античности продолжал оказывать влияние вплоть до средневековья³⁸; у Павла Орозия³⁹, также родом из Испании, который в начале V в. в своей «Historiae adversus paganos» дал, хотя и мимоходом, краткий очерк всемирной истории⁴⁰. Однако исторические возможности влияния этих теорий на последующее развитие мысли на Востоке и на Западе были различными. В то время как на Западе в 476 г. власть над германцами в Италии перешла к Одоакру, на Востоке римское государство продолжало существовать, причем с VI в. этот континуитет был оформлен в теории Translatio imperii: император Константин переместил в Константинополь, Νέα Ῥώμη, не только столицу, но одновременно и всю империю, которая, таким образом, более не пребывала в древнем Риме⁴¹. Концепция истории в политической теологии Евсевия повышала значение не только империи в целом, но и, в особенности, ее новой столицы.

Итак, византийская историческая мысль вырабатывала представление об элементах, составляющих прогресс, восходящее, с одной стороны, к римской имперской идеологии, с другой стороны, к христианскому ожиданию спасения. На месте божественной πρόνοια эллинистической и римской философии была теперь οἰκονομία Христа, ведущая к спасению человеческого рода⁴². Христианское государство насилия находило в этом свое оправдание.

В Византии переход от античного строя к феодальному происходил в течение длительного периода социальных преобразований без непосредственного разрушения государственного аппарата⁴³, который, изменив свои функции, должен был «феодализироваться»⁴⁴; и античное представление об историческом прогрессе, развитое в Византии, как и ранее, было воспринято и приспособлено к новым требованиям. Оно нашло отклик в хронографии, запечатлевшей историю дальнейшего изменения социального состава населения как в самой империи, так и вне ее и идею византийской империи как олицетворения всемирной монархии⁴⁵, о которой говорится в Книге пророка Даниила в легенде об установлении вечного царства Сына человеческого на месте исчезнувших четырех всемирных царств (Дан. 7)⁴⁶. Оно проявилось в возвышении императора как посредника между Христом и человечеством, и в основанной на этом гордости государственного чиновничества за свое особое призвание как «избранного народа нового союза». Этот устремленный в будущее исторический оптимизм нашел отражение в монументальном искусстве империи, в государственном церемониале, аренах императорских документов⁴⁷. Наконец, следует назвать сочинение «Laudes Constantinopoli-

²⁴ Friese J. Die Denkform von Kreislauf und Fortschritt und die Weltgeschichte // Studium generale. 1958. Jg. 11. H. 4. S. 223.

²⁵ Об этом: Winkelmann F. Eusebios // Lexicon der Antike / Hrsg. von J. Irmscher. 2. Aufl. Leipzig, 1977. S. 166.

²⁶ Euseb. Hist. eccl. 1, 2, 17 sq.

²⁷ Eusebius von Caesarea. Kirchengeschichte / Übers. von Ph. Haeuser, durchgesehen von H. A. Gärtner. München, 1967. S. 89: «...welche gleich einem Wohlgeruch unter die ganze Menschheit».

²⁸ Подробнее см.: Thraede K. Op. cit. S. 170 f.

²⁹ Altaner B. Patrologie. 6. Aufl. / Ed. von A. Stuiber. Freiburg, 1960. S. 209.

³⁰ Eusebius. Demonstratio evangelica. 3, 2, 37 // Idem. Werke / Hrsg. von I. A. Heikel. Leipzig, 1913. Bd. 6. S. 102.

³¹ Ср.: Peterson E. Op. cit. S. 75.

³² Eusebius. De vita Constantini. 2, 19, 2 // Idem. Werke. Bd. I. T. 1: Über das Leben des Kaisers Konstantin / Hrsg. von F. Winkelmann. B., 1975. S. 56.

³³ Altaner B. Op. cit. S. 207.

³⁴ Eusebius. Triakontaeterikos. 3 // Idem. Werke. Bd. I: Über das Leben Constantins. Constantins Rede an die heilige Versammlung, Tricennatsrede an Konstantin / Hrsg. von I. A. Heikel. Leipzig, 1902. S. 201. См. общую работу: Palm J. Rom, Römertum und Imperium in der griechischen Literatur der Kaiserzeit. Lund, 1959. S. 116 ff.

³⁵ Winkelmann F. Augustinus // Lexicon der Antike. S. 73 f.

³⁶ Thyssen J. Geschichte der Geschichtsphilosophie. Berlin, 1936. S. 15; Lauffer S. Op. cit. S. 44; Bernheim E. Mittelalterliche Zeitanschauungen in Ihrem Einfluss auf Politik und Geschichtsschreibung. Tübingen, 1918. Bd. 1. S. 10 ff.

³⁷ Irmscher J. Op. cit. S. 459.

³⁸ Straub J. Christliche Geschichtsapologetik in der Krisis des römischen Reiches // Historia. 1950. Jg. I. H. 1. S. 62.

³⁹ Winkelmann F. Paulus Orosius // Lexicon der Antike. S. 399.

⁴⁰ Peterson E. Op. cit. S. 91.

⁴¹ Dolger F. Byzanz und die europäische Staatenwelt. Ettal, 1953. S. 99 ff.

⁴² См. примеры: Du Cange C. Glossarium ad scriptores mediae et infimae Graecitatis. P., 1943 (Reprint). S. 1031 f.

⁴³ Weltgeschichte in Daten. 2. Aufl. B., 1973. S. 281.

⁴⁴ Werner E., Irmscher J. Die weltgeschichtliche Bedeutung des Byzantinischen Reiches B., 1967. S. 10.

⁴⁵ Irmscher J. Der Hellenismus im Geschichtsverständnis der Byzantiner // Soziale Probleme im Hellenismus und im römischen Reich: Acten der Konferenz (Liblice, 1972. 10.—13. Oktober) / Hrsg. von P. Oliva und J. Burian. Pr., 1973. S. 54 f.

⁴⁶ Podskalsky G. Byzantinische Reicheschatologie. München, 1972. S. 57 ff.

⁴⁷ Dolger F. Op. cit. S. 10 ff.

ταπε», где эти идеи выражены в поэтической и риторической форме: Константинополь, «второй Рим» (Δευτέρα Ῥώμη), восхваляется в нем как царица городов (βασιλὶς πόλις)⁴⁸, хранимая божественным провидением (θεοφύλακτος πόλις) во всех бурях времени⁴⁹. Авторы «средневизантийского» периода называли Константинополь «глазом и сердцем» ойкумены (ὄφθαλμός καὶ καρδιά τῆς γῆς)⁵⁰, и даже после захвата города крестоносцами, когда столица была превращена в «рабыню» (δοῦλη), она все-таки оставалась βασιλεύουσα⁵¹, а после отвоевания в 1261 г. вновь стала «всемирным театром» (τὸ κοινὸν ἀνθρώπων θέατρον)⁵² и опорой христианства (ἔρεισμα τῶν χριστιανῶν)⁵³. Даже после падения империи и взятия столицы турками в 1453 г. отблеск этого исторического оптимизма еще сохранялся, проявившись в народном плаче (Threnos)⁵⁴ о взятии храма св. Софии, в котором в уста архангела вложены обращенные к богородице слова: Πάλι με χρόνους, με καιρούς, πάλι διὰ σας εἶναι (Когда-нибудь придет время, и все вновь станет вашим)⁵⁵.

П. И. ЖАВОРОНКОВ

ИЗБРАНИЕ И КОРОНАЦИЯ НИКЕЙСКИХ ИМПЕРАТОРОВ

Никейская империя, возникшая после Четвертого крестового похода, была поставлена в чрезвычайные и исключительные условия, которые ей навязали завоеватели-латиняне. Первое десятилетие ее существования отмечено почти непрерывной борьбой против крестоносцев. Это неизбежно должно было вызвать, особенно в среде образованных людей и высшей администрации, подъем эллинского самосознания, противопоставление греческой и ранневизантийской культуры латинскому Западу, возрождение старых обычаев и идеалов. С другой стороны, политическая программа никейских императоров — возвращение захваченных латинянами земель и восстановление Византийской империи — диктовала необходимость соблюдения преемственности во внешних атрибутах императорской власти. Эти две тенденции в той или иной степени проявились во всех сферах жизни никейского общества: политике, культуре, идеологии, в том числе в избрании и коронации императоров.

В период Никейской империи значительно возрастает роль войска и знати в избрании императора, соимператора, а также совета регентства. Вначале это было просто собрание высшей светской и духовной знати. Так, избрание Феодора I Ласкаря весной 1205 г. произошло, согласно источникам, «на собрании в Никее знатных мужей и представителей церкви»¹. Подтверждение этому находим в «Истории» и «Речах» Хониата². Письма ставшего весной 1208 г. патриархом Михаила Авториана также показывают довольно активную роль знати и войска в избрании соимператором Феодора I его сына Николая, а также в создании совета регентства в случае смерти императора³. Весной 1211 г. Феодор I Ласкарь, узнав о вторжении сельджукского войска во главе с султаном Кай-Хюсравом I и бежавшим в Иконию императором Алексеем III, срочно созывает совет знати, чтобы выяснить: будут ли они поддерживать его или перейдут на сторону Алексея III⁴.

В царствования Иоанна III Ватаца и Феодора II собрания знати превращаются в постоянный совет или ассамблею при императоре для решения важных государственных вопросов, в том числе и выбора императора. Состоял он из членов императорской фамилии, представителей высшей администрации, армии, духовенства и особо доверенных лиц василевса⁵.

В 1252 г. Ватац, получив известие о намерении Михаила Палеолога захватить трон, срочно созвал совет, который, правда, не смог подтвер-

⁴⁸ Fenster E. *Laudes Constantinopolitanae*. Diss. Munchen, 1968. S. 20 ff.

⁴⁹ Ibid. S. 97 ff.

⁵⁰ Ibid. S. 132 ff.

⁵¹ Ibid. S. 171.

⁵² Ibid. S. 185 ff., 203.

⁵³ Ibid. S. 227 ff. О проблемах философии истории этого времени см.: Turner C. J. G. *Pages from late Byzantine Philosophy of History* // BZ. 1964. Bd. 57. H. 2. S. 346 ff.

⁵⁴ Fenster E. *Op. cit.* S. 289 ff.

⁵⁵ Πολίτης Ν. Γ. Ἐκλογαὶ ἀπὸ τὰ τραγούδια τοῦ ἐλληνικοῦ λαοῦ. Ἀθήναι, 1966. Σ. 13.

¹ Georgii Acropolitae Opera / Ed. A. Heisenberg. Lipsiae, 1903 V. I (Далее: *Acrop.* I). P. 117—8.

² Nicetae Choniatae Historia / Rec. I. A. van Dieten B.; N. Y., 1975 (Далее: *Nic. Chon.*). P. 626, 59; Nicetae Choniatae Orationes et Epistulae / Rec. I. A. van Dieten. Berolini, 1972 (Далее: *Nic. Chon. Orationes*) P. 134 14.

³ Oikonomides. N. Cinq actes inédits du patriarche Michael Autoreianos // REB. 1967. 25. P. 122—123. 7—14; 124. 50—58; Χριστοφίλοποιου Α. Ἡ ἀντιβασιλεία εἰς τὸ Βυζάντιον // Σύμμεικτα. 1970. 2. Σ. 82—83.

⁴ *Acrop.* I P. 13—16.

⁵ Raybaud L. P. Le gouvernement et l'administration centrale de l'Empire byzantine sous les premiers Paléologues (1258—1354). P., 1968. P. 52—53.

дять эти подозрения⁶. Сразу после смерти Феодора II протовестиарий Георгий Музалон, назначенный регентом малолетнего Иоанна IV Ласкаря, чувствуя недовольство определенных кругов знати, собирает ассамблею, чтобы получить ее поддержку⁷, но терпит поражение. И поэтому через некоторое время совет под председательством патриарха Арсения высказывается, хотя и не единогласно⁸, за избрание императором Михаила Палеолога. Но предварительно было опрошено мнение по этому вопросу войска⁹, которое поддержало кандидатуру Палеолога.

Однако не следует переоценивать роль войска и ассамблеи при выборах нового василевса. Обычно император перед смертью составлял завещание, в котором указывал своего наследника (Феодор I — своего зятя Иоанна Батаца)¹⁰, либо назначал регента или опекунского совет при малолетнем сыне (так поступили Феодор I в 1208 г. и Феодор II Ласкарь)¹¹. Эти завещания императорский совет и войско должны были поддержать либо отвергнуть. Последнее произошло вскоре после смерти Феодора II, когда физически был устранен регент Георгий Музалон. Поэтому усиление значения войска и знати в выборе императора в этот период — всего лишь слабый отблеск важной роли этих институтов в ранневизантийский период¹².

В большей степени возврат к старым традициям при избрании императора обнаруживается в акте поднятия на щит. Этот ранневизантийский обычай, последний раз употреблявшийся в IX в.¹³, был возрожден в Никее и соблюдался всеми императорами от Феодора I до Михаила VIII Палеолога¹⁴.

Если этот вопрос получил достаточное освещение в литературе и не вызывает сомнений, то проблема миропомазания при церковной коронации заслуживает внимания, так как мнения историков в данном случае разделились. Одни — наиболее четко это прослеживается у Г. Острогорского¹⁵ — считают, что обычай миропомазания императора патриархом был впервые применен Феодором I, другие, как, например, А. Карпозилос¹⁶ и Д. Найкл¹⁷, — что он существовал и ранее. Более верной представляется последняя точка зрения. Действительно, если, как считал югославский ученый¹⁸, выражения Никиты Хониата «*χρίειν*»¹⁹ (коронация

Мануила I), «*Κατά τό ἔθιμον εἰς Βασιλέα χρίσθῃ*»²⁰ (коронация Алексея III в 1195 г.), «*εἰς Βασιλέα χρίουσιν*»²¹ (коронация Николая Канавы), которые он употребляет в своей «Истории», только метафоры и образы, то почему аналогичные словосочетания — «*εἰς Βασιλέα χρίουσιν*», «*καί τοῦ χρίσαντος τό χρίσθῃν*», «*Δαυιδεῖον τό χρίσμα*»²² — в «Речи» и «Силенционе» Никиты Хониата, которые к тому же написаны до коронации Феодора I, воспринимаются Г. Острогорским²³ как доказательство миропомазания? Почему выражение Хониата «*Κατά τό ἔθιμον εἰς βασιλέα χρίσθῃ*»²⁴ — метафора, а высказывание Феодора Ласкаря (до коронации) «*εἰσθεῖν τό θεῖον τοῦ μύρου χρίσμα*»²⁵ — свидетельство факта²⁶, хотя то и другое явно указывает, что миропомазание совершается «по обычаю», т. е. в течение долгого времени.

Действительно, данный обряд на Востоке был впервые применен к Василию I, а на Западе — к Карлу Великому²⁷. В Армении он был известен уже при Льве I (конец XI в.)²⁸. Поэтому и все никейские императоры, начиная с Феодора I, были помазаны патриархом, так как это уже было обычным актом коронации²⁹.

Но если, в целом, факт миропомазания в Никейской империи не вызывает сомнения, то выражения Никиты Хониата в «Речи»³⁰ и «Силенционе»³¹ кажутся непонятными. Аргументация Г. Острогорского базировалась на том, что данные произведения написаны после церковной коронации Феодора I Ласкаря 6 апреля 1208 г.³² Эту ошибку уже отметил А. Карпозилос³³. Как сейчас доказано, «Речь» написана Хониатом либо летом 1206 г.³⁴, либо (что вероятнее) весной 1207 г.³⁵, а «Силенцион» в феврале 1208 г.³⁶, т. е. оба произведения — до коронации Феодора патриархом. Что же в таком случае означают слова Хониата о миропомазании Феодора: «Совершают помазание повелителя на царство», «господь... подарил моей царственности Давидово помазание»³⁷ и т. д.? Кто мог совершить помазание императора до выбора патриарха (20 марта 1208 г.)? Ответ может подсказать работа греческого ученого П. Гунаридиса³⁸, в которой автор, детально анализируя источники, приходит к выводу, что избрание Михаила Авториана патриархом произошло 25 марта 1207 г., а коронация и помазание Феодора I Ласкаря — 18 апреля 1207 г.⁴⁰ Новая датировка позволяет рассматривать «Речь» и «Силенцион» как произведения, написанные после церковной коронации, и

⁶ *Acrop.* I. P. 93.1—4; 99.3—11; 100.16—21; *Georges Pachymérès. Relations historiques* / Ed., introduction et notes par A. Failler // CFHB. Ser. Paris. P., 1984. Vol. 1. (Далее: *Pach.*) P. 37.2—17; 39.2—41.3; *Tsirpanlis C. Byzantine Parliaments and Representative Assemblies from 1081 to 1357* // *Κληρονομία*. 1973. 5. P. 66—67.

⁷ *Pach.* P. 65.13—20; *Tsirpanlis C.* Op. cit. P. 67—68.

⁸ *Pach.* P. 129.5—8; 133.7—21.

⁹ *Acrop.* I. P. 158.19.

¹⁰ *Ibid.* P. 31.12—13; *Georgii Acropolitae Opera* / Ed. A. Heisenberg. Lipsiae, 1903. V. 2 (Далее: *Acrop.* II). P. 14.29—15.1.

¹¹ *Oikonomides N.* Op. cit. P. 124.50—58; *Acrop.* I. P. 154.13—19; *Pach.* 63.14—15; *Nicephori Gregorae Byzantina historia*. Bonn, 1829. V. I (далее: *Greg.*) P. 63.10—14.

¹² *Haldon J. F. Recruitment and Conscript in the Byzantine Army*. Wien, 1979. С. 550—950; *Чекалова А. А. Константинополь в VI в. Восстание Ника*. М., 1986. С. 47—48.

¹³ *Goschew I. Zur Frage der Kronungszeremonien und die zeremonielle Gewandung der byzantinischen und der bulgarischen Herrscher im Mittelalter* // *Byzantinobulgarica*. 1966. 2. S. 156.

¹⁴ *Acrop.* I. P. 105.20; 159.13; *Pach.* P. 137.13—14; *Greg.* P. 55.1; 78.1; *Ostrogorsky G. Zur Kaisersalbung und Schilderhebung im späthbyzantinischen Krönungszeremonielle* // *Historia*. 1955. 4. S. 253—254; *Χριστοφιλοπούλου Α. Έκλογή, αναγόρευσις καί στέψις τοῦ Βυζαντινοῦ Αυτοκράτορος* // *Πραγματεῖαι τῆς Ἀκαδημίας Ἀθηνῶν*. 1956. XXII. αρ. 2. Σ. 229.

¹⁵ *Ostrogorsky G. Zur Kaisersalbung*. . . S. 246—256; Ср.: *Он же. Эволюция византийского обряда коронования* // Сборник статей в честь В. Н. Лазарева. Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. М., 1973. С. 33—42.

¹⁶ *Karpoulos A. D. The Ecclesiastical Controversy between the Kingdom of Nicaea and the Principality of Epiros (1217—1233)*. Thessalonique, 1973. P. 22—25.

¹⁷ *Nicol D. M. Kaisersalbung: The Unction in Late Byzantine Coronation Ritual* // *Byz. and Modern Greek Studies*. 1976. II. P. 37—46.

¹⁸ *Ostrogorsky G. Zur Kaisersalbung*. . . S. 246—248.

¹⁹ *Nic. Chon.* P. 170.5.

²⁰ *Ibid.* P. 603.7.

²¹ *Ibid.* P. 744.1.

²² *Nic. Chon. Orationes*. P. 134.18; 138.31; 127.22—23.

²³ *Ostrogorsky G. Zur Kaisersalbung*. . . S. 250. В последнее время к этой точке зрения склоняется А. Энгольд. См.: *Angold A. A Byzantine Government in exile. Government and Society under the Laskarids of Nicaea (1204—1261)*. Oxford, 1975. P. 43—44.

²⁴ *Nic. Chon.* P. 603.7.

²⁵ *Heisenberg A. Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Kaisertums und der Kirchenunion. II. Die Unionsverhandlungen vom 30. August 1206: Patriarchenwahl und Kaiserkrönung in Nikaia 1208*. SBAW. Phil.-hist. Kl. München, 1923. 2. S. 34.4—5.

²⁶ *Ostrogorsky G. Zur Kaisersalbung*. . . S. 248—249.

²⁷ *Sickel W. Das byzantinische Krönungsrecht bis zum 10. Jahrhundert* // *BZ*. 1898. 7. S. 524.

²⁸ *Bedoukian P. Coinage of Cilician Armenian* // *American Numismatic Society*. 1962. CHIL. P. 177.

²⁹ *Greg P.* 55.23; *Lampros S.* 'Ενθυμήσεων ἤτοι χρονικῶν σημειωμάτων συλλογή πρώτη / NE. 1910. 7. P. 134. N 27.

³⁰ *Nic. Chon. Orationes*. P. 129—147.

³¹ *Ibid.* P. 120—128.

³² *Laurent V. Les Regestes de 1208 à 1309*. P., 1971. N 1207.

³³ *Karpoulos A. Op. cit.* P. 24.

³⁴ *Dieten J.-L. van. Niketas Choniates: Erläuterungen zu den Reden und Briefen nebst einer Biographie*. B.; N. Y., 1971. S. 59.

³⁵ *Grabler F. Kaisertum und Menschenschicksale im Spiegel der Schönen Rede: Reden und Briefe des Niketas Choniates*. Grätz; Wien; Köln, 1966. S. 220.

³⁶ *Dieten J.-L. van. Niketas Choniates*. S. 59.

³⁷ *Nic. Chon. Orationes*. P. 134.18; 127.22—23.

³⁸ *Laurent V. La chronologie des patriarches de Constantinople au XIIIe siècle (1208—1309)* // *REB*. 1969. 27. P. 129—133.

³⁹ *Γουναρίδης Π. 'Η χρονολογία τῆς αναγόρευσης καί τῆς στέψις τοῦ Θεοδώρου Α' Λασκάρεως* // *Σύμμεικτα*. 1985. 6. Σ. 59—71.

⁴⁰ *Ibid.* P. 70—71.

тогда терминология Хониата о миропомазании как действительном факте получает логическое объяснение.

Как правило, до церковного венчания давалась присяга на верность новому императору со стороны родных василевса, высших представителей гражданской и военной администрации, духовенства, войска, простого народа⁴¹. Иногда такая клятва приносилась письменно, как это было в апреле 1208 г., когда Феодор I потребовал письменного подтверждения верности ему и сыну⁴².

В никейский период появляются и некоторые особенности в ношении царского одеяния до коронации и в подношении императорских инсигний при венчании. Так, Феодор I сразу же после избрания императором в начале 1205 г. надел знаки царского достоинства: красные сапожки и пурпурную хламиду⁴³, что шло вразрез с древним обычаем, по которому хламида освящалась в церкви и вручалась патриархом василевсу при коронации⁴⁴. Ношение упомянутых царских инсигний до венчания, несмотря на протесты церкви, было частым явлением как в Никейской империи (их носили, кроме Феодора I, Феодор II и Иоанн IV⁴⁵), так и в Эпире (Феодор Ангел⁴⁶).

При венчании теперь подносилась только стемма⁴⁷, являвшаяся высшей эмблемой императорской власти, и полукруглая корона. Именно таким предстает перед нами в полном императорском облачении на сохранившемся изображении Феодор II Ласкарь. В правой руке у него — крестообразный скипетр, а в левой — *ἀκροχίρα* в форме маленькой пергаментной трубочки, завернутой в пурпур⁴⁸.

Если суммировать вышеизложенное, то картина избрания и коронации императора в Никейской империи выглядела приблизительно следующим образом. После одобрения советом знати и войском кандидатуры нового монарха и принесения ему клятвы на верность со стороны всех подданных, начиная с лиц царской семьи и кончая горожанами и крестьянами, он садился на щит и надевал красные сапожки и хламиду. Представители знати, духовенства и воинов поднимали его на щите и провозглашали императором. Присутствующие на церемонии члены императорского совета, духовенство, воины и народ приветствовали избрание торжественными восклицаниями и рукоплесканиями. Затем, иногда через некоторое время, следовало церковное венчание и помазание патриархом в одной из церквей Никей⁴⁹. При венчании патриарх подносил императору стемму и полукруглую корону.

Проблема избрания и коронации никейских императоров тесно связана с вопросом о соимператорстве. После опубликованных Н. Икономидом писем патриарха Авториана⁵⁰ уже нельзя говорить об исчезновении в полном смысле слова института соправительства в Никейской империи⁵¹. Разумеется, провозглашение в 1208 г. соимператором Феодора I его малолетнего сына Николая было вызвано не только традицией и желанием Феодора заложить основы династического правления на будущее, но и внешнеполитической обстановкой: отсюда и требование письменных клятв верности обоим императорам со стороны знати и духовенства.

Правда, последовавшая вскоре смерть Николая разрушила эти планы, и престол перешел к Иоанну III Ватацу.

В связи с этим возникает вопрос: был ли сын Иоанна III — Феодор, — родившийся в год вступления отца на престол (1222 г.), также провозглашен соимператором? Если был, то преемственность не нарушилась, а если нет, то провозглашение Николая явилось исключительным случаем в Никейской империи. Большинство современных исследователей, касающихся этого вопроса, отвечают на него отрицательно⁵². Поэтому обратимся к источникам. С одной стороны, свидетельства Скутариота, что Феодор II царствовал с ноября 1254 г. по сентябрь 1258 г.⁵³, и Григоры, что Феодор «при жизни отца не был провозглашен императором»⁵⁴, потому что Ватац не хотел этого делать⁵⁵, как будто, ясно дают отрицательный ответ. С другой стороны, данные Акрополита, его современника, говорят об обратном. Во время заключения Ватацем (1249 г.) брака дочери Феодора — Марии — с Никифором, сыном эпирского деспота Михаила II, Феодор назван «императором»⁵⁶. В надгробном слове на смерть Ватаца Акрополит замечает: «Разве он (Феодор. — П. Ж.) не управлял вместе с отцом с самого рождения, разве не был вместе с ним за рулем мирового судна, разве не держал вместе с ним бразды правления вселенской колесницей»⁵⁷. В письмах к отцу Феодор титулует его «Μέγας Βασιλεύς», а в похвальном слове Ватацу, написанном после его смерти, уже — «ἡφ' ἡλώτατος Βασιλεύς»⁵⁸. Кроме того, известны две грамоты Феодора от 1241?—1248 гг. (митрополиту Филадельфии Фоке), которые представляют собой императорские послания⁵⁹. Достаточны ли эти данные для категорического утверждения о том, что Феодор при жизни отца был соимператором? Вероятно, нет. Но все-таки свидетельства современников представляются нам более достоверными, чем повествование позднейших авторов (Скутариота и Григоры)⁶⁰, и дают основания для предварительного вывода о Феодоре II как соимператоре.

Но примечательно, что ни в письмах о провозглашении императором Николая, ни в источниках о Феодоре II мы нигде не найдем свидетельства об их поднятии на щит и церковной коронации. Это дает возможность предположить, что в Никейской империи соимператор только провозглашался, а вся процедура коронации проходила только после смерти отца-императора, как это и зафиксировано в акте коронации Феодора II⁶¹. Хотя и до этого акта он считался императором со всеми вытекающими отсюда обязанностями и почестями⁶². Если наше предположение верно, то институт соправительства в Никейской империи носил своеобразные черты и отличался от предшествующего периода.

Таким образом, в избрании и коронации никейских императоров можно увидеть возрождение древних обрядов, характерных для ранневизантийского периода (широкое участие знати и войска в избрании императора, поднятие на щит), так и следование преемственности в атрибутах и институтах императорской власти (помазание, соправительство).

⁴¹ Oikonomides N. Op. cit. P. 123.7—14; Pach. P. 53.17—54.1.

⁴² Oikonomides N. Op. cit. P. 123.26—124.49.

⁴³ Nic. Chon. P. 626.54—55; Idem. Orationes. P. 134.25—26, 30.

⁴⁴ Heisenberg A. Op. cit. S. 31.5.

⁴⁵ Pach. P. 179.19.

⁴⁶ Acrop. I. P. 33.14.

⁴⁷ Ibid. P. 11.7. Акрополит, подражая античным писателям, называет парадный венец не стеммой, а диадемой.

⁴⁸ Goschew I. Op. cit. S. 161.

⁴⁹ Pach. P. 137. 13—16; Χριστοφιλοπούλου Α. 'Εκλογή... σ. 229.

⁵⁰ Oikonomides N. Op. cit. P. 113—145.

⁵¹ История Византии. М., 1967. Т. 3. С. 42; Литавин Г. Г. Особенности византийского и болгарского феодализма в конце XII—XIV вв. (к проблеме типологии феодализма) // Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма: Резюме докладов Кишиневского симпозиума 1973 г. Кишинев, 1973. С. 56; Курбатов Г. Л. История Византии. Л., 1984. С. 173; Χριστοφιλοπούλου Α. 'Εκλογή... Σ.229.

⁵² Помимо упомянутых выше авторов, см.: Горянов Б. Т. Поздневизантийский феодализм. М., 1962. С. 67; Laurent V. Notes de chronographie et d'histoire byzantine // EO. 1937. 36. P. 165.

⁵³ Theodori Scutariotae Additamenta // Acrop. I. P. 265.11.

⁵⁴ Greg. P. 53.2.

⁵⁵ Ibid. P. 53.8—11; 54.14—21.

⁵⁶ «... τοῦτον αὐτοῦ τοῦ Βασιλέως Θεοδώρου» — Acrop I. P. 88.17; Ферjanчић Б. Деспоти у Византији и јужнословенским земљама // Београд, 1960. С. 35.

⁵⁷ Acrop. II. P. 26.13—16.

⁵⁸ Andreēva M. A. À propos de l'éloge de l'empereur Jean III Batatzès par son fils Théodore II Lascaris // SK. 1938. 10. P. 133—134.

⁵⁹ Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches von 565—1453. 2-e Aufl. München, 1977. Т. 3: Regesten von 1204—1282, N 1823—1823a.

⁶⁰ См.: Андреев М. А. Очерки по культуре византийского двора в XIII в. Прага, 1927. С. 28—29, 61.

⁶¹ Acrop. I. P. 105.18—22; Greg. P. 53.3—5.

⁶² Angold M. Op. cit. P. 42.

Р. ДОСТАЛОВА

СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ РОМАНА
В ВИЗАНТИИ XII ВЕКА

Общезвестно, что в Византии на всем протяжении ее существования пользовались популярностью античные любовные и авантюрные романы. О популярности Ахилла Татия и Гелиодора свидетельствуют не только большое количество рукописей¹, но и высказывания филологов, начиная с оценки их стиля, сделанной Фотием в IX веке, последующего сопоставления Ахилла Татия и Гелиодора в XI в., богословско-этического толкования Филиппа Философа в XII в. и кончая составленным в неоплатоническом духе аллегорическим прологом к Эфиопикам номофилакта Иоанна Евгеника в XV в.² О большом числе даже весьма образованных читателей романов мы можем прочесть еще в XI в. у Пселла³.

«Собралось множество любителей словесности, они читают книгу о Хариклии», — говорил в XII в. Филипп Философ, которого ныне принято обычно отождествлять с архиепископом Феофаном Керамитом из южноитальянского города Россано⁴. О повышенном интересе к античному роману в XII в. говорят также стихи из 6-й книги Никиты Евгениана (стих 439—450), служащие доказательством того, что автор хорошо знал роман Лонга «Дафнис и Хлоя», который в других византийских источниках не упоминается.

Несмотря на повышенное внимание, которое в последние годы уделяется византийскому роману XII в.⁵, до сих пор не ставился вопрос о том, почему именно этот период оказался благоприятным для расцвета жанра романа и какие конкретные изменения были в нем вызваны — невзирая

на все совпадения мотивов с античными образцами — условиями и вкусом, свойственными данной эпохе.

«Появление четырех любовных романов, причем много столетий спустя после выхода в свет последнего позднеантичного романа, вызывает удивление», — говорит Х.-Г. Бек⁶, объясняя это явление тем, что в XII в. античные романы — особенно вследствие своего стиля — относились уже к классическим произведениям⁷, т. е. к образцам, которые рекомендовались для подражания. Однако такая рекомендация касалась лишь их хорошего стиля, ведь наряду с Левкиппой и Хариклией, т. е. наряду с Ахиллом Татием и Гелиодором, к числу рекомендуемых авторов относился также Юлиан Отступник⁸. Аллегорическое толкование содержания, причисление Гелиодора и Ахилла Татия к христианам — все это оправдывало чтение античных романов, не объясняет нам, почему создавались новые произведения.

В начале своего изложения о Хариклии Филипп Философ говорит: «Поскольку человеческая природа разделяется на мужскую и женскую, а им обеим в равной мере присущи добродетель и порок, книга сопоставляет оба пола». Итак, византийский литературный критик подчеркивает равноценность мужского и женского литературного героя.

Некоторые теоретики литературы уже в связи с возникновением античного романа задавали себе вопрос, не был ли он хотя бы отчасти обращен также к женской половине читающей общественности (Антоний Диоген посвятил свой роман сестре Исидоре), указывая на свойственную той эпохе более высокую грамотность женщин и на то, что роман, в котором выделяется главная героиня, выражает скорее женские идеалы. Интимный характер жанра, которым можно было наслаждаться в домашнем уединении, как будто также мог облегчить женщинам доступ к этому виду литературы⁹. С другой стороны, Бек, конечно, причисляет византийские романы именно к тем произведениям, язык и стиль которых и число содержащихся в них мифологических намеков предъявляют к образованности читателя высокие требования.

Попробуем в связи с этим ответить на вопрос, каковы же были уровень образования и общественное положение женщин в Византии XI—XII вв., причем для нашей цели, естественно, имеются в виду женщины, принадлежавшие к высшим, в первую очередь аристократическим кругам. Ответ в значительной степени облегчает материал, собранный в докладе А. Е. Лаиу, прочитанном на византиноведческом конгрессе в Вене¹⁰.

Пселл в хвалебном тексте, посвященном матери, подчеркивает, как его мать благодаря собственным усилиям научилась читать, как она всякий раз после его возвращения из школы расспрашивала его о сделанных им успехах, будь это орфография или поэзия, и как она бодрствовала с ним по ночам, когда он читал¹¹. Дочь Пселла, умершая в возрасте девяти лет, уже успела приобщиться к основам хорошего образования — ее отец гордится тем, что девочка была «первой среди своих одноклассниц»¹². Женщины, в особенности принадлежавшие к аристократическим кругам, занимали с конца XI и начала XII вв. значительное место в обществе и принимали участие в финансовых и экономических делах. С оживлением городской жизни после XI в. связана также большая занятость женщин в мелкой торговле, в производстве и продаже продовольственных продуктов, причем их активная экономическая роль распространялась на обще-

¹ Dörrie H. De Longi, Achillis Tatii, Heliodori memoria: Diss. Cöttingen, 1935.

² См.: Gärtner H. Charikleia in Byzanz // Antike und Abendland. 1969. 15. S. 47—69.

³ Michael Psellus. The Essays on Euripides and George of Pisidia and on Heliodorus and Achilles Tatius / Ed. A. R. Dyck. Wien, 1986. P. 90: «Πολὺς οἶδα καὶ τῶν ἄλλων πεπαιδευμένων ἀμφισβητοῦντας περὶ τῶν δύο τοῦτων συγγραμμάτων».

⁴ Gärtner V. Op. cit. S. 61—64; Gerald N. S. Neoplatonism and Byzantine Allegorical Literary Interpretation // The 17th Intern. Byzantine Congress: Abstracts of Short Papers. Wash., 1986. P. 305—306; Полякова С. В. Из истории византийского романа. М., 1979. С. 44—48; Толкование целомудренной Хариклии из уст Филиппа Философа.

⁵ Gigante M. 11 romanzo di Eustathio Makrembolites // Akten des XI Intern. Byzantinistenkongresses, München, 1958. München, 1960. P. 168—181; Алексидзе А. Византийские романы XII в.: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Тбилиси, 1965; Každan A. P. Bemerkungen zu Niketas Eugenianos // JÖB. 1967. 16. S. 101—117; Полякова С. В. О хронологической последовательности романов Евматия Макреволита и Феодора Продрома // ВВ. 1971. Т. 32. С. 101—117; Cupane C. Un caso di giudizio di Dio nel romanzo di Teodoro Prodromo // Riv. di st. biz. e neoell. NS 1973. 4. 10—11. P. 147—168; Alexiou M. A Critical Reappraisal of Eustathios Makrambolites Hysmine and Hysminias // Byzantine and Modern Greek Studies. 1977. 3. P. 23—43; Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. II. S. 119—142; Полякова С. В. Из истории византийского романа. М., 1979; Jeffereys E. M. The Comnenian Background to the Romans d'antiquité // Byzantion. 1980. 50. P. 455—486; Hunger H. Antiker und byzantinischer Roman // Sitzungsberichte d. Heidelb. Akad. d. Wiss. phil.-hist. Kl. Jg. 1980. Heidelberg, 1980. Abh. 3; Beck H.-G. Byzantinisches Erotikon: Orthodoxie—Literatur—Gesellschaft // Sitzungsberichte Bayerische Akad. d. Wiss. phil.-hist. Kl. Jg. 1984. München, 1984. H. 5. S. 114—118; Мелетинский Е. М. Средневековый роман. М., 1983. С. 9—27.

⁶ Beck H. G. Byzantinisches Erotikon. München, 1984. S. 123.

⁷ Ibid. S. 126—127.

⁸ Ibid. S. 114; Bekker I. Anecdota Graeca. B., 1914. P. 1082 (XII в.).

⁹ Hägg T. The Novel in Antiquity. Oxford, 1983. P. 95—96.

¹⁰ Laiou A. E. The Role of Women in Byzantine Society // XVI. Intern. Byzantinistenkongress // JÖB. 1981. 31.1. P. 233—260.

¹¹ M. Psell. 'Εγκώμιον εἰς τὴν μητέρα αὐτοῦ // Μεσαιωνική βιβλιοθήκη / Ed. by K. N. Sathas. Venetia, 1876. V. P. 11, 12, 21.

¹² Ibid. P. 65—66.

ственные дела и давала широкие возможности общения с мужчинами, чем это до сих пор предполагалось¹³. По А. Лаиу, представления об изолированном существовании женщин в женских комнатах (γυναικωνίτις) именно после XI в. соответствуют уже не действительности, а только идеалам. Конечно, Анна Комнина в «Алексиаде» еще считает своей обязанностью обширно оправдывать участие своей матери, Ирины Дукены, в походах Алексея (Anp. Comn. XII. 3), ссылаясь на необходимость всесторонней заботы о муже, но и здесь дело идет не только об обычных женских заботах. Согласно Анне, главной задачей Ирины были бдительная охрана императора от козней политических противников, императрица была для Алексея σύμμαχος и σύμφοτος σύμβουλος, т. е. союзником и естественным советчиком. Подобные и еще более важные задания выполняла для него еще его мать, Анна Далассина, портрет которой Анна Комнина рисует в другом месте своей книги (III. 7). Сама она гордо подчеркивает собственную образованность и начитанность (Введение. I, 2), что является также одним из центральных мест в траурной речи Георгия Торника, посвященной Анне¹⁴. Одним из общих мест похвалы является интеллектуальное равенство женщин и мужчин или даже более высокий уровень первых вследствие сочетания женских и мужских достоинств: в случае Анны подчеркивается ψυχὴ ἀρενοπρεπής, τὰ ἐν ἀνδράσιν πλουτεῖν ἀριστεῖα; она γυνὴ σοφωτέρα ἀνδρῶν καὶ λόγοις καὶ πράξεσι ὑπερέχουσα¹⁵.

Однако это не было привилегией только женщин-аристократок: Пселл в надгробном слове говорит о своей матери, что она была σωθεῖσα τὴν ψυχὴν καὶ ἀρενοθεῖσα, μᾶλλον δὲ στερροτέρα... τῆς ἐτέρας μερίδος τοῦ γένους, и подобно Анне Комнине, Пселл также отзывается о своей матери как о σύμβουλος и говорит о возможности сотрудничества с ней¹⁶. Все эти места напоминают нам уже приведенную исходную фразу защиты Хариклии у Филиппа: «Книга сопоставляет оба пола, им обоим в равной мере присущи добродетель и порок».

Как отмечала еще А. Лаиу¹⁷, возрастающая роль знатных женщин была связана с повышением значения аристократии как класса. В основе его могущества лежали латифундии, и именно женщины часто владели землей в качестве части неотчуждаемого приданного. Усиление влияния этого класса можно наблюдать начиная с конца XI в., т. е. после объединения семейств Дука и Комнинов благодаря браку Алексея I и Ирины. С этим процессом связано также изменение в отношении к грамотности и образованности женщин. В выпаде Цецы κατὰ γυναικὸς σχεδιογράφουσης: ἀντὶ μὲν ἰστοῦ τὸν τόμον χερσὶ φέρεις можно видеть свидетельство о растущем числе женщин, которые брались за книгу¹⁸.

В то время как родители Анны Комнины все еще неблагоприятно относились к светскому образованию, о чем мы знаем из речи Георгия Торника, и видели опасность в чтении античной поэзии, полной безбожных мифов и незаконной любви¹⁹, Анна уже тайком занималась ею, пользуясь услугами одного образованного евнуха (κατατολμᾷ... ποιήσεως). С мужем, Никифором Вриеннием, она «сделала из императорского двора убежище Муз» (μουσεῖα πεποιήκατε τὰ βασιλεία), куда приходили известные литераторы (οἱ τῆς γραμματικῆς ἡγεμόνες καὶ οἱ σοφιστῆς καὶ οἱ ὑπατος ἀντειστήσαντες καὶ ἀντεξήσαντες).

Г. Торник видит в Анне читательницу, которая занималась произведениями литературы не только для изучения грамматики, но и ради

наслаждения чтением, она умела над ними и огорчаться и смеяться²⁰. По его словам, Анна не была одинокой в своих интересах — ее сестра и дочь Ирина также любили литературу²¹.

Во время правления Мануила I мы уже видим при императорском дворе по крайней мере двух женщин — покровительниц литераторов или литературных кружков; еще до этого аналогичное упоминание об Анне Комнине есть у Георгия Торника²². Анна Комнина оказывала поддержку главным образом тем, кто занимался серьезным изучением богословия и философии. Императрице Ирине, супруге Мануила I, Цец посвятил «Аллегории Илиады»; ему также покровительствовала ее родственница, севастократорисса Ирина, по инициативе которой Константин Манассия написал свою Хронику. Она же благоволила Феодору Продрому, который в ее честь сочинял разные хвалебные стихи²³, и в особенности так называемую «Манганию» Продрому, своему придворному поэту. Э. М. Джеффрис²⁴ указывает на то, что особенно во второй половине сороковых годов XII в. в стихах Мангания появляется фразеология, близкая к романам (рана, нанесенная Эротом, огонь любви) и что в одном из его стихотворений, написанных для Ирины, есть упоминание о романе Ахилла Татия²⁵. Джеффрис допускает гипотетическую возможность того, что романы Феодора Продрома и Константина Манассии были созданы по инициативе севастократориссы Ирины²⁶, хотя этому и нет прямых доказательств. В конце концов, уже раньше была сделана попытка отождествить героев романа Никиты Евгениана Харикла и Дросиллу с лицами придворного круга, а именно: с великим друнгарием Стефаном Комнином и его женой Евдокией, дочерью великого домостика Иоанна Аксуха, на основании совпадения нескольких стихов в романе со стихами в эпитафаме, посвященной Стефану и Евдокии²⁷, и таким образом связать византийский роман XII в. с византийским двором.

Читая «Алексиаду» Анны Комнины, которая пишет, что ее мать занималась только серьезной и религиозной литературой и даже за накрытым столом читала произведения отцов церкви и мистика Максима Исповедника, о которых юная Анна с почтением думала, что они «вызывают просто головокружение у читателей»²⁸, мы едва ли можем себе представить любовный роман в качестве литературы для чтения при византийском дворе, особенно, если читателями богословских книг также были мужчины²⁹. Но мы, конечно, знаем, что сама Анна уже умела наслаждаться античной беллетристикой и поэзией.

Рассмотрим теперь подробнее характерные черты аристократии XII века. Никита Хониат характеризует Иоанна Комнина (1118—1143) как человека, который на глазах общественности сохранял серьезность и достоинство, но в узком кругу друзей умел быть остроумным и любил смеяться³⁰. Зато о молодом Мануиле (1143—1180) он уже пишет как

²⁰ Ibid. P. 255, 281.

²¹ Ibid. P. 311; 317.

²² Ibid. P. 283: «Τεχνήριον τοῦ ταύτης φιλομαθοῦς τὰ πρὸς αὐτὴν ἐκπεφωνημένα τῶν παρ' ἡμῖν φιλοσόφων πονήματα... Ἐγὼ δὲ καὶ τοῦ ἐξ Ἐφεσίων ἡλικόσιν σοφοῦ ταύτης τῶν ὀφθαλμῶν ἀβλεψίας τὴν αἰτίαν προσεπιρρίπτοντος, ὅτι παννύχιος σχολάζειεν ἀπνείας ἐπὶ ταῖς τῶν Ἀριστοτελείων, κλεῦουσας αὐτῆς, ἐξηγήσειεν».

²³ Hörandner W. Theodoros Prodromos: Historische Geschichte. Wien, 1974. S. 399—430, 43—45; Tzetzes I. Epistolae / Ed. P. A. M. Leone. Leipzig, 1972. P. 77.56.

²⁴ Jeffreys E. M. Op. cit. P. 455—486.

²⁵ Marc. Cr. XI. 22.F. 64r, FF. 52v—53r (стихотворение «Εἰς τὸν Ἑρῆτα» указывает на влияние Ахилла Татия). См.: Jeffreys E. M. Op. cit. P. 478. Not. 96; P. 479, Not 97.

²⁶ Jeffreys E. M. Op. cit. S. 480.

²⁷ Každan A. P. Bemerkungen zu Niketas Eugenianos // JÖB. 1967. 16. P. 101—117.

²⁸ Alex. V. 8, 9, 3; XII. 3, 2.

²⁹ Alex. XIV. 8, 9; Darrouzès J. Op. cit. S. 243: γινώσκοντες μὲν γὰρ ἐκεῖνοι καὶ παιδείαν τὴν ἐν λόγοις καὶ μάλιστα τετιμῆσθαι, ἀλλὰ τὴν θείαν, ἀλλὰ τὴν ἐξ οὐρανῶν, ἀλλὰ τὴν ἐν Πνεύματι, ἣν ἐμπνευσθέντες... τὸν νοῦν ἐσορῆσαν ταῖς τῶν ἱερῶν ἐπαφαῖς πυξίωι καὶ ταῖς ἐξ ἐκείνων καὶ περὶ ἐκείνων διαλέξεσι.

³⁰ Nicetas Acominatus Historia / Rec. J. A. van Dieten. B., 1975 (Далее: Nic. Chon.). P. 47.

¹³ Laiou A. E. Op. cit. P. 243—249.

¹⁴ Darrouzès J. Georges et Démétrios Tornikes: Lettres et discours. P., 1970. P. 225, 245, 255, 261, 263, 281—283, 287, 301, 311, 319.

¹⁵ Ibid. P. 315—319.

¹⁶ Psell M. Ἐγκώμιον εἰς τὴν μητέρα αὐτοῦ. P. 7: ὅτι δὲ μὴ ἀρενα τὴν φύσιν ἔλαχε, μὴ δὲ ἐξῆν ταύτῃ ἀδεῶς λόγοις προσμιλεῖν, ἐν δεινῷ ἐποιεῖτο; P. 16, 21.

¹⁷ Ibid. P. 251.

¹⁸ Mercati S. G. Giambi di Giovanni Tzetze contro una donna schedografa // BZ. 1951. 44. S. 416—418.

¹⁹ Darrouzès J. Op. cit. P. 245.

о человеке, полном страстей (ἐρωτικός), предающемся распутной жизни и пиршествам и пользующемся всеми утехами молодости и любви, где только представлялась для этого возможность (Ibid. P. 54). Однако, он умел сосредоточить вокруг своего двора также и образованных людей. И в более поздние годы Мануил любил наслаждаться жизнью и ее радостями: хорошей едой, пением и игрой на струнных инструментах (Ibid. P. 206), но в то же время занимался и дискуссиями на богословские темы (Ibid. P. 210—219). Император Андроник (1182—1185), по словам Хониата, отличался образованностью (Ibid. P. 229: «τὴν γὰρ, εἰ καὶ τις ἄλλος γραμματέων ἐμπειρὸς») и уважал образованных людей (Ibid. P. 331), но из-за своих любовных историй, тюремного заключения и побегов он сам уже мог стать героем романа.

Если в первой части статьи мы говорили о грамотности и определенной степени образованности как основной предпосылке чтения в целях развлечения, то второй предпосылкой является известная возможность для читателя отождествить себя с литературным героем, возможность проникнуть мысленно в его поведение и образ мыслей. Попробуем сопоставить некоторые характеристики героев романов с современными им историческими лицами, с которыми мы встречаемся у Никиты Хониата:

Иоанн Дука был благородного происхождения, образованный и знающий военное дело (Nic. Chon. p. 94: ἀνὴρ ἐρμαῖκός ὄμοῦ καὶ ἀρεῖκός... καὶ γένους εὖ ἔχων καὶ μεθόδων ἰδρὶς στρατηγικῶν).

Константин Ангел также происходил из знатной семьи, рослый и красивый (Nic. Chon. p. 95: «γένους τὴν εὐπαρέφου πᾶν καὶ εὐγενούς, εὖ δ' ἔχων τῆς σωματικῆς φύτῃς καὶ τοῦ προσώπου λευκῶνα κάλλους καὶ περὶ αὐτοῦ»).

Хониат считал Иоанна Каматира заслуживающим сравнительно большого отступления от главной линии рассказа, хотя он и не отличался особенным образованием; зато он был крупного роста, сильный, красноречиво говорил, любил хорошо поесть и выпить, умел петь и играть на струнных инструментах, но в то же время был отважным воином (Nic. Chon. p. 113—115: «ἡρώϊκός δὲ σῶματος μετέχων... οὐκ ἀπόμαχος τὴν, ἀλλ' ἐβλεπε γενναῖον καὶ τοῦ αἵματος ἄξιον»).

В заключение, Хониат дает следующую оценку своему отступлению, которое нарушило правила историографии: «Думаю, что оно не осталось без пользы для читателей, будучи в то же время очень красивым и привлекательным», — автор понимает эстетические потребности читателя, так же, как и Евматий Макремволит, который по эстетическим соображениям украсил свою книгу «хάρισιν ἐρωτικαῖς καὶ τοῖς ἄλλοις ὅσα βιβλίου κοσμοῦσι καὶ τοὺς λόγους κατακαλλύνουσι».

Идеалу аристократа, так, как его изображает Хониат, соответствует Дозикл у Феодора Продрома (Theod. Prodr. II. 251—178). Характерными чертами идеальной мужской красоты являются стаθερότης, ἀλκή, εὐανδρία, ἰσχύς, δεξιὰ θαρραλέα, умение сражаться на море и на суше, знать πάντα ἀπλῶς τῆς στρατηγικῆς λόγους.

Но даже для юного безусого и светловолосого Харикла (Nic. Eugen. IV. 80—85) можно найти параллельных героев в юнцах дружины Андроника Nic. Chon. p. 139), Отец Дозикла — μέγας στρατηγός (Theod. Prodr. II. 173), а отец Роданты — богатый и могущественный человек (Ibid. II. 213—14; 236—7).

Писатели романов уделяют большое внимание героиням своих произведений. Продром говорит о Роданте (Theod. Prodr. I. 39—60): τὴν οὖν τὸ κάλλος τῆς κόρης χρῆμα ἔχον, ἀγαλμα ζεπτόν, εἰκόνας θείας τύπος εἰς εἶδος Ἀρτέμιδος ἀπεξομνόν... καὶ καλὴ πᾶσα πλάσις. Хониат подобным образом описывает вторую жену Мануила, Марию Антиохийскую: τὴν δὲ καλὴ τὸ εἶδος... καὶ καλὴ λίαν, καὶ ἔως σφόδρα καλὴ καὶ τὸ κάλος ἀξομβλητός ὡς μῦθον εἶναι ἀτεχνῶς πρὸς αὐτὴν Ἀφροδίτην, Ἦραν и т. д. (Nic. Chon. p. 116). Ее отец был иппότης ἀκράδαντος. Когда Гобрий предлагает Дозиклу дочь Мистила, он также подчеркивает ее происхождение (ὄγκος ἀξίας) и богатство (ἀργύρου, χρύσου βάρος) (Theod. Prodr. III. 370—373).

Стилистические совпадения в характеристике героев не важны для

нашей цели, потому что как писатели романов, так и историки руководствуются одними и теми же правилами риторики. Но зато важно подчеркнуть внимание к благородному происхождению, то, что герои гордятся аристократической родословной обоих родителей, что особенно отчетливо видно в романе Феодора Продрома (Ibid. II. 233—245), где читатель мог найти выражение своих собственных аристократических идеалов. Сочетание сына «великого стратига» с дочерью отца, который τῇ πόλει μέγιστος εἰς συμβουλίαν (Theod. Prodr. II. 237), является отражением политических стремлений того времени, когда Компины с помощью браков монополизировали для своего рода военные и административные должности³¹.

Если мы читаем у Никиты Хониата (Nic. Chon. p. 220), что астрологи предсказывали больному Мануилу незадолго до его смерти, что у него еще будет время для любви и битв, то мы вправе считать, что именно эти ценности, которые подчеркиваются также и в романе (товарищи Дозикла, νέοι ἀγαθοὶ καὶ φιλεῖν εὖ εἰδότες, располагались на верхних ступенях шкалы ценностей, признаваемых элитой той эпохи).

Эпизод любви Андроника к Филиппе описывается Хониатом с использованием чисто художественных средств. Подобно тому, как Эрот у Харитона (Charit. 6, 7, 1) постоянно вызывает в своей памяти персидского царя и рисует ему образ Каллирои, чтобы пробудить в нем «огонь желания», Афродита разжигает в Андронике безумие любви, «рисует» ему образ Филиппы. В своем дальнейшем описании любовной связи Хониат, подобно писателям романов, пользуется метафорами из военной жизни, например «сбежать к любимой» (πρὸς τὴν ἐρωμένην αὐτομολεῖ; ср.: Eut. Macremvol. II. 14, 4: λειποταξίας τῷ ἐρώτι) и метафорой о рабском служении любимой женщине — Андроник является рабом Филиппы, как когда-то Геракл был рабом Омфалы. Мифологическая метафора используется здесь для изображения придворной любви³².

На отражение современной эпохи в византийском романе XII в. указывалось уже не раз³³. Перечень мест, где есть реалии данного времени, конечно, можно еще продолжить. Читателю того времени, например, не были чужды нападения пиратов, на которые жалуются также и Никита Хониат (Nic. Chon. p. 55: καὶ νῦν... θαλασσοκρατοῦσιν οἱ πειραταὶ καὶ κακῶς πεπράγασι ταῖς ληστρίσιν οἱ παραθαλαττίδιοι Ῥωμαίων κῶραι) или ограбление потерпевших крушение кораблей жителями прибрежных городов (Ibid. p. 326: καταγίδος χεῖρους ὄραν τοὺς ἐκεῖσε πη λαχόντας τὴν οἰκῆσιν, διασπῶντας καὶ ἀφαρπάζοντας ὅποσα μὴ παρέσυρε θάλασσα). Эти места хорошо соотносятся с соответствующими местами у Феодора Продрома (Theod. Prodr. I. 5. f.) о нападении лηστρικῆς ναυαρχία на Родос, с набегом на Барз у Никиты Евгениана (III. 24. f.) и с описанием подобных сцен у Евматия Макремволита (VIII. 2, 1—3; 9, 2: ἡμεῖς δ' Ἑλληνικὴν βαρβαρικῆς δουλείας ἀντηλλατόμεθα... ὁμογλώττοις Ἑλλήσιν ἐδουλογραφούμεθα)³⁴.

³¹ Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии XI—XII вв. М., 1974. С. 260.

³² Полякова С. В. Элементы куртуазной концепции любви в древнегреческой литературе: Вопросы античной литературы и классической филологии. М., 1966. С. 231—233; Fertuga S. J. La ligesse dans l'empire byzantin // ЗРВИ 1961. 7. Р. 105 (δουλεία — вассальное подчинение); стиль, используемый в романах, замечен и у Никиты Хониата (Nic. Chon. p. 132, 16—21, где φθονερός Τελχὶν соответствует понятию βάσκανος Τόχη или βάσκανος δαίμων у писателей романов). Именно Мануил верил в неизбежность судьбы, господствовавшей также и над героями романов (Ibid. P. 95—96: «δοξάζων δ' ὁ Μανουὴλ... ὡς... τὸ «εἴμαρτο» καὶ «τὰ δεδομένα» τῇ ἀνάγκῃ ἀναλλοίωτα τε καὶ ἀνεπικλώστα»).

Хониат предоставляет читателю возможность решить, верить ли в судьбу или нет (Ibid. P. 433, 2—5).

³³ См.: Каждан А. П. Op. cit. Not. 27; Hunger H. Op. cit. S. 11.

³⁴ Описание пиршеств в значительной степени соответствует действительности. Ягненок, начиненный мелкими птичками (Theod. Prodr. IV. 122—129), которым угощает и удивляет Гобриас Артаксана, имеет свою параллель у Цеца (Joan. Tzetzes. Epist. / Ed. Cramer // Anecdota. Oxoniensia. 3, 16) — там говорится о рыбах, наполненных мелкими птичками, или о курах, начиненных мелкой ры-

Характерным для данного времени является также своего рода «богословский» диспут (или, может быть, пародия на такой диспут?)³⁵ о том, следует ли приносить в жертву «прекрасных людей» богам, который мы находим у Феодора Продрома (*Theod. Prodr.* VII. 392—515; VIII.50—81), где встречаются такие понятия, как *ἄσπερος θεῖα φύσις* (Ibid. VIII. 65), боги характеризуются словами *τέκτονες, κεραμεῖς*, напоминающими термин *πλάστης*, используемый для христианского бога. На императорскую византийскую идеологию в этой дискуссии намекает стих: *καλὸν βασιλεὺς καὶ καλὸν πάντος πέρα* (Ibid. VII. 504), в котором император как абсолютное прекрасное и доброе существо стоит над всеми другими людьми, и стих VIII. 51, где автор властителю напоминает о *φιλανθρωπία*.

Об этой дискуссии при описанном в романе дворе правителя напоминает нам место у Никиты Хониата (*Nic. Chon.* р. 209—210), где Мануил представлен в качестве ревностного богослова, который на селениях читал доклады о богословских проблемах и вызывал дискуссии о различных местах в священном писании. Одна из этих дискуссий как раз касалась места из литургии Иоанна Златоуста: *τὸν σεσχημένον θεὸν προσφέρειν τε ὁμοῦ καὶ προσφέρειν τε*.

Византийская политическая идеология, в центре которой лежало понятие *τάξις, εὐταξία*, сформулирована в рассуждении, которое мы находим в седьмой книге Феодора Продрома (*Theod. Prodr.* 361—385), где говорится о разделении обязанностей и прав в обществе между правителем и его подчиненными, в соответствии с которым естественный порядок (*φυσικὸς λόγος*) каждому отводит его место в обществе и без которого не существовало бы ни *καὶ νόμος, μέτρον, στάδιον βίου* (общественного равновесия), ни *εὐταξία* (порядка) и вообще произошло бы крушение общественного строя: *τὸ πᾶν δὲ κατέσραπτο καὶ παρεφάρη*.

Теорию естественного неравенства людей Продром выразил в другом месте (PG. 133, Col. 1295 A) в виде гармонии разных тонов. Свойственное эпохе аристократическое понимание этой теории выражено в заключительных стихах на тему «Чем был бы муж благородного происхождения без меча» (*Theod. Prodr.* 381—382: «τί γὰρ ζῆφου λείποντος ἀνὴρ γεννάδας; ἢ τί ξίφος λείποντος ἀνδρὸς γεννάδου»), которыми завершается серия картин из области военного дела и ремесел, служащих для изготовления рыцарского вооружения. Ведь именно военная аристократия XII в. стремилась устранить действовавший до того принцип вертикального движения византийского общества и создать закрытый класс элиты³⁶.

Знаменитый историк античного романа Э. Роде сказал о византийских романах, что это «unerfreuliches Schattenleben der Gespenster altgriechischer Bildung». Да и что именно могло бы нас в них заинтересовать? — спрашивает он и отвечает известным испанским изречением «Non ragio-

бой (*Theod. Prodr.* IV. 122—3: «τὸ δαίμων... πρὸς τὸ θαυμάσιον ὑπομαρμένον; Tzetzes. loc. cit.: καὶ πλάσματα τε καὶ χοητεύματα, ὧν ἡ κοιλία προκάθηται... ἰχθύας τυραννομένους εἰς ὄρνιθας καὶ ὄρνιθας εἰς ἰχθύας μεταπλαττομένους». Ср. также: *Eut. Macrembol.* II, 13, 1: «τροφαί... ὅσας χεῖρ καὶ τέχνη μαγείρων ἐκκόβαν, ὡς ἰχθύς ἐξ ἄγρου καὶ ὡς ἐκ θαλάττης ταῖς». Существуют также доказательства о выступлениях мифов во время пиршеств. Мануил Комнин принял во Влахернах Людовика VII «dapnum delictis voluptuosus iocorum plausibus». См: PL. 185. Col. 1221; *Const. Porph.* «Εὐθείας 592, 7: «ἑπαίξαν καὶ τὰ θυμέλικα πάντα παίγνια» («во время пиршества для сарацинских посланников»). Относительно сладостей, подававшихся на свадебных пирах (πλάκοις, σισαμβός), ср: *Κουκουλές* Θ. *Βυζαντινὸν βίος καὶ πολιτισμός*. Ἀθήναι, 1952. V. Σ. 115—118; относительно свадебного танца с платком *μανδήλια* см.: Ibid. Σ. 228; *Nic. Eugen.* VII, 275—208: «ἀλάουσα χειρόμακτρα χερσὶ ταῖς δύο ἄρχησιν ὀρχήσαστο».

³⁵ Относительно пародии в византийском романе ср.: *Hunger H.* Op. cit. S. 28—30.

³⁶ *Ahrweiler H.* L'idéologie politique de l'empire byzantin. P., 1975. P. 129—133; *Каждан А. П.* Указ. соч. Из числа остальных писателей романов в качестве свидетельства об идеологии эпохи можно как будто привести подчеркивание *συγγένια* между человеком и богом при воздействии на судьбу человека (См.: *Nic. Eugen.* IV.88; 95; V.347; VII.209; VIII, 154), которое выходит на передний план у историков начиная с XI в. Ср.: *Досталова Р.* Византийская историография: характер и формы // ВВ. 1982. Т. 43. С. 32.

nam di lor, ma guarda e passa»³⁷. Но мы, наоборот, видели, что византийские читатели из кругов комниновского двора, как мужчины, так и женщины, могли испытывать удовольствие от чтения этих романов, а герои их ничуть не должны были казаться им чужими. Роде пишет об авторах романов, что они только «подражатели Ахилла Татия и Гелиодора». Однако, трое из их числа не стремились подражать по форме своим образцам. До сих пор не был дан ответ на вопрос, почему эти византийские авторы избрали именно стихотворную форму и почему их рассказ отличается высокой степенью лиричности, а иногда и вставленными в текст стихами. В заключение статьи хотелось бы высказать предположение, что это развитие происходило в тесной связи с эволюцией восточного арабского и персидского романов XI в.

К. Купане, исходя из мотива Божьего суда огнем у Феодора Продрома (*Theod. Prodr.* I. 372—404), видела именно в нем, представляющем собой единственный случай в византийской литературе, доказательство западных влияний на византийский роман³⁸. Источник для этой сцены она искала в испытании огнем, которое произошло в 1099 г. в Антиохии при попытке доказать подлинность Святого копья и которое описано в хронике Раймонда Ажилльского³⁹. Однако, суд огнем мы находим также в персидском романе в стихах Фахриддина Гургани «Вис и Рамин», переведенного с пехлеви между 1042—1055 гг. Гургани был чиновником при дворе основателя сельджукского государства Тогрул-бека. В данном стихотворении шах хочет подвергнуть испытанию огнем свою жену Вис, чтобы удостовериться в ее невинности:

Он приказал мне «Сквозь огонь пройди (ср.: *Theod. Prodr.* I.379: εἰς μέσσην βῆτω φλόγα).
всех в чистоте своей ты убеди. Пускай узнает мир, что ты невинна, что Вис оклеветали и Рамина»⁴⁰ (ср.: *Theod. Prodr.* I.371: συκοφαντεῖ τοὺς κακῶ, ἐλευθέρους).

Сейчас мы уже знаем, что древний арабский писатель Ибн-Надим, писавший при Салх-бен-Гаруне, черпал материал из греческого эллинистического романа Меттиохий и Парфенопея, от которого сохранились только фрагменты на папирусе⁴¹. Сюжет попал в арабскую литературу через коптский мартирологий, где повествует о святой Бартагубе, и был обработан в XI в. Унсური (ум. 1039—1040), персидским поэтом при дворе Махмуда из Газны, в романе в стихах «Вамик и Азра» (т. е. дева). От этого романа сохранились только 141 отдельный стих в словарях и более крупный фрагмент, состоящий из 316 стихов⁴². Роман, по всей види-

³⁷ Rohde E. Der griechische Roman. 4. Aufl. B., 1960. S. 555 (522).

³⁸ Cupane C. Un caso di giudizio di Dio nel romanzo di Teodoro Prodromo. Rivista di studi biz. e neoell. NS. 1973/4. 10—11. P. 147—168.

³⁹ Hill L. L., Hill J. H. Le Liber de Raymond d'Aguilers // Documents relatifs à l'hist. des Croisades. P., 1969. IX. P. 120—122.

⁴⁰ Фахриддин Гургани. Вис и Рамин / Пер. с персидского С. Липкина. М., 1963. С. 201; персидский роман был переведен на грузинский язык под названием Висрамини (Visramiani / Transl. from the Georgian version by O. L. Wardrop. 1914. Oriental transl. fund NS. Vol. XXIII). Эпизод с судом огнем см.: XXVIII. 148; о восточном мотиве у Феод. Продр. см. также: Rohde E. Der griechische Roman. B., 1960. S. 563. Anm. 2.

⁴¹ Maehler H. Der Metiochos-Parthenope Roman // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1976. 23. S. 1—20; Gronewald M. Ein neues Fragment aus dem Metiochos-Parthenope Roman // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1977. 24. S. 21—22; Hägg T. The Parthenope-Romance Decapitated // Symbolae Osloenses. 1984. 59. P. 61—92; относительно возможного влияния греческого романа на Рассказы 1001 ночи ср.: Von Grunbaum G. E. Greek Form Elements in the Arabian Nights // Journal of American Oriental Society. 1942. 62. P. 277—292.

⁴² Shafi M. M. Unsuri's Wamig wa Adhra // Proceedings of the 23rd International Congress of Orientalists, August 1954. L., 1954. P. 161. Фрагменты издал М. М. Шафи (Лакор, 1967). Еще В. Ф. Бюхнер (Enzyklopädie des Islams. Leiden, 1934. IV. 1022 b, s, v. Unsuri) утверждал, что этот роман основывается на эллинистическом образце. Унсური также считается автором романа о двух любовниках Хинг-бут и Сурх-бут. По Е. Э. Бертельсу (Избранные труды: История персидско-таджикской литературы. М., 1960. С. 313, примеч. 41), эпизод, рассказывающий об этих любовниках, встре-

мости, находился в обращении до XIII века и совершенно исчез два века спустя.

Нас в данном случае интересует только основная схема романа Унсури: Азра, дочь Поликрата, тирана на острове Самос, влюбляется в Вамика, с которым она познакомилась во время посещения храма Геры. По ее настоянию родители дают согласие на брак. Однако отец затем изменяет свое решение, а позднее гибнет при нападении врагов. Азра и Вамик попадают в плен к другому правителю, и после того, как Азра в течение четырех лет сумела устоять против его любви, правитель отпускает их на свободу, и роман оканчивается благополучно.

С этой схемой можно сравнить некоторые черты другого персидского романа в стихах «Варк и Гольшах»⁴³, автором которого был в первой половине XI в. Айюки: молодые люди влюбляются друг в друга с первого взгляда, родители дают согласие на брак. Гольшах во время нападения похищают враги, но она умеет устоять против предложений их начальника. Варк освобождает ее и уходит, чтобы принять участие в дальнейших битвах. Родители Гольшах нарушают обещание, данное Варку, и выдают Гольшах замуж за сирийского царя, Варку же они сообщают, что Гольшах умерла. Гольшах противится любовным предложениям своего супруга, сирийского царя. Когда царь видит любовь Гольшах к Варку, он отпускает ее от себя, и роман снова кончается благополучно — влюбленные сочетаются браком.

Некоторые из этих основных мотивов, например сохранение героиней девства, несмотря на брак с нелюбимым мужчиной, встречаются также в романе «Вис и Рамин». Следовательно, можно согласиться со взглядом Э. Бертельса относительно значительного влияния античного греческого романа на персидский⁴⁴ и принять во внимание совместные корни последнего с византийским, который, однако, был гораздо теснее связан с античными образцами, все еще жившими в Византии той эпохи.

Меликян-Ширвани⁴⁵, издатель французского перевода «Варк и Гольшах», видит чуждый исламу элемент в мотиве «злонамеренной судьбы», «несправедливой судьбы» и в пессимистическом отношении к жизни в персидских романах; поэтому он ищет их корни в доисламских иранских гетеродоксиях. Однако, такие мотивы типичны для эллинистического греческого романа (*βαλκανος τύχη* и т. д.), а аналогичный взгляд на человеческую жизнь мы находим, например, в гномах, сохранившихся от романа Константина Манассии⁴⁶.

Принято считать, что на лирический оттенок персидских романов повлияла арабская традиция о любви поэтов (например, рассказ об Урве и Агре)⁴⁷. В особенности роман «Варк и Гольшах», но также и «Вис и Рамин», содержат вставленные в них любовные стихотворения или песни, которые читают или поют герои рассказа, как мы это находим — в полном противоречии с античной традицией — у Феодора Продрома, у Никиты Евгениана, который много почерпнул из античной лирики и эпиграмм Анакреона, а также у Евматия Макремволита. В поэзии эпохи Аббасидов также появилась привычка вплетать в собственные

чается в уникальной тегеранской рукописи Искандар-наме (Александрейда) X—XI вв. Мотив о нахождении рассказа, начертанного на деревянных досках и найденного Александром Великим на могиле любовников в Фергане, идентичен с мотивом античного романа Антония Диогена: и в нем рассказ был якобы найден Александром Великим на деревянных досках в могиле одного из персонажей в Тире, часть рассказа происходит далеко на Востоке.

⁴³ Le roman de Varge el Golsâh / Ed. par A. S. Melikian-Chirvani // Arts Asiatiques. Numéro special. P., 1970.

⁴⁴ Бертельс Е. Э. О. р. cit. С. 240—241; Мелетинский Е. М. Указ. соч. М., 1983. С. 19—20; 158—159. Он принимает этот роман критически.

⁴⁵ Le roman de Varge el Golsâh. . . P. 35—38.

⁴⁶ Konstantin Manasses / Ed. O. Mazal. Wien, 1967. P. 188. N 92; P. 199, N 137; P. 204, N 159; сравнение жизни человека с дымом и тенью мы находим еще у Пиндара и античных писателей трагедий.

⁴⁷ Мелетинский Е. М. Указ. соч. С. 161—163.

произведения стихи другого поэта⁴⁸. В введении к своей обработке «Варк и Гольшах» Айюки подчеркивает, что только стих придаст слову краску:

Nul doute que le vers para le verbe de couleurs
En vers je mettrai une étonnante aventure.

Нет сомнений и в том, что персидский роман XI в. представлял собой придворную литературу, подобно византийскому роману XII в., и что он также проник в турецкую Анатолию, хотя турецкие версии романа «Варк и Гольшах» относятся только ко времени начиная с XIV в. и позже. В литературе обычно подчеркивается пристрастие Мануила I ко всему латинскому. Но мы знаем, что в течение некоторого времени он поддерживал дружеские связи с Килич Арсланом, который в 1161—1162 гг. подолгу пребывал при константинопольском дворе, где в его честь устраивались пиршества и торжества⁴⁹. У Киннама мы находим, что один из племянников Мануила даже после битвы при Мириокефале повелел украсить свой дом росписью, прославляющей султана из Икония⁵⁰. Византийские мятежники искали убежище у турецких правителей: например, Андроник проживал некоторое время у Иззрадина Сальдука в Эрзеруме⁵¹, в Константинополе жили турецкие купцы⁵², турецкие наемные солдаты и офицеры входили в состав византийской армии⁵³. У нас нет документов, свидетельствующих о непосредственном влиянии персидских романов на византийские⁵⁴, однако начиная с конца XI в. имеются доказательства того, что в Византии существовал интерес к восточным сюжетам в беллетристических произведениях: об этом свидетельствуют перевод романа «Стефанит и Ихнилат» по инициативе Алексея Комнина и перевод Синтипы по заказу Михаила Андропула из Мелитены.

Итак, зная, что начала персидского романа следует искать там же, где и начала византийского, можно принять гипотезу о том, что образцом для формы византийского романа в стихах послужили стихотворная форма и лирический характер персидского романа. С другой стороны, вполне возможно, также типологическое совпадение, вызванное вкусами данного времени и повышенным интересом, который проявляли читатели — аристократы, возможно, как указывалось в начале доклада, преимущественно женщины, к лирической стороне литературного произведения.

⁴⁸ Von Mehren A. F. Rhetorik der Araber. Kopenhagen, 1857 // Repr. N. Y.; Hildesheim, 1970. S. 138—139.

⁴⁹ Nic. Chon. P. 118—122.

⁵⁰ Ioannes Cinnamos. Epitome rerum ab Joanne et Alexio Comnenis gestarum. Bonnæ, 1836. P. 267. Другим документом, подтверждающим «культурные» связи в военное время, являются два полемических письма на арабском языке, написанные в стихах, которыми обменялись император Никифор и багдадский калиф в X в. Ср.: G. von Grunebaum. Eine poetische Polemik zwischen Byzanz und Bagdad im X. Jahrhundert // Studia Arabica 1. Roma, 1937. P. 43—64. С византийской стороны стихи были, по-видимому, написаны каким-то арабом-христианином по повелению Никифора.

⁵¹ Nic. Chon. P. 142.

⁵² Ibid. P. 384.

⁵³ По А. П. Каждану (Указ. соч. С. 262), несмотря на подчеркиваемое в литературе пристрастие Мануила ко всему «латинскому», турецкие начальники занимали более важные места в византийской армии, чем «латинцы».

⁵⁴ Le roman de Vargeel Colšâh. . . Not. 42, P. 44—45 приводит сравнение красивой женщины с идолом, статуей в качестве частого сравнения в персидской поэзии (ср.: Ibid. P. 111, двустишие 220: идол — au doux visage) и в других местах. Сравнение, которое мы находим у Феодора Продрома не является для греческой поэзии типичным.

Я. Н. ЛЮБАРСКИЙ

НАБЛЮДЕНИЯ
НАД КОМПОЗИЦИЕЙ «ХРОНОГРАФИИ»
ПРОДОЛЖАТЕЛЯ ФЕОФАНА¹

Композиции, да и вообще форме византийских исторических сочинений, до сих пор уделялось несправедливо мало внимания. Литературоведам хроники казались слишком малозначимыми художественно, дабы всерьез заниматься ими как литературными памятниками, а историки были озабочены лишь извлечением из них фактических сведений. Между тем композиция исторических сочинений, то есть форма организации исторического материала, система связей, сцеплений между эпизодами и сообщениями — не что иное как непосредственная материализация представлений писателей о связи самих исторических фактов, в конечном итоге своеобразная практическая философия истории византийцев. Не упоминать уже о чисто литературных приемах построения, исследование которых всегда представляет первостепенный интерес для художественного анализа произведений.

Смена эпох — античности и средневековья — четко сказалась на форме историографических сочинений. «Субъективная», «свободная», «художественная» (суть дела сейчас не в названии) композиция произведений поздних античных историков сменилась строгой ранжированностью материала, подчинением его неким извне накладываемым, чаще всего хронологическим схемам². Кульминацией этого средневекового принципа композиции исторических сочинений были, конечно, всемирно-исторические хроники с аналитическим или близким к нему способом расположения материала. Однако на византийской почве строгая аналитика не пустила глубоких корней и по сути дела оказалась представленной одним Феофаном Исповедником. Хотя материал «Хронографии» Феофана неоднократно использовался последующими историками, форма его сочинения продолжателей не нашла.

Хронография X в. вновь возвращается к традиции так называемых «императорских хроник» (Kaiserchronik), исторические события в которых распределялись не по годам, а по царствованиям отдельных императоров. Однако у большинства хронистов (Георгия Монаха, Продолжателя Георгия Монаха, Симеона Логофета и др.) имя императора служило простым эпонимом для повествования, представлявшего собой набор разнородных сообщений, и фактически выполняло роль хронологи-

ческой пометы. На этом фоне резко выделяется построение труда Продолжателя Феофана.

Так как тексты «Хронографии» Продолжателя Феофана и «Книги царей» Генесия восходят к общему источнику, приблизительный тип которого можно восстановить, существует некоторая возможность определить и характер его переработки. Сплошное повествование этого общего источника разбивается Продолжателем Феофана и Генесием на книги, посвященные отдельным императорам, каждая из которых ощущается как композиционно законченное целое. Продолжатель Феофана неоднократно ссылается на предыдущие и последующие разделы (Книги) своего труда, именуя их то βιβλος или βιβλίον (ThC 84.16; 174.16), то σύνταγμα (р. 40.15), то ἱστορία (р. 83.16). Относительная завершенность разделов еще более подчеркивается наличием в конце каждого из них заключительной характеристики героя, своеобразной модификации традиционного античного *elogium*, которую самостоятельно создают Продолжатель Феофана и Генесий, в общем источнике скорее ее не было вовсе³. Тенденция создать в каждой книге композиционно завершенное повествование не только свидетельствует о стремлении писателя поставить в центр рассказа личность императора, но и дает нам право анализировать каждый раздел как законченный и самодостаточный текст.

Анализ мы начнем с двух первых книг, посвященных царствованиям Льва V и Михаила II, дабы затем посмотреть насколько универсальны и общезначимы для Продолжателя Феофана принципы их построения. Историк явно не знает времени свершения многих событий, путает их последовательность, тем не менее твердо убежден в необходимости хронологического порядка. Особенно четко это стремление проявляется, когда оно приходит в явное противоречие с другой особенностью писателя — его подчеркнутой любовью к историческому эпизоду и исторической детали. События для нашего автора — уже не материал для заполнения пустых ячеек в хронологической сетке как, например, для Феофана, а приобретают самоценное достоинство. Продолжатель Феофана, в отличие от большинства хронистов и значительно чаще, чем Генесий, «с удовольствием» останавливает течение рассказа, возвращает его назад, дабы поведать об истоках того или иного события, рассказать подробно о нем самом и, наконец, сообщить о его последствиях. Как правило, не забывает Продолжатель Феофана сообщить о дальнейшей судьбе упомянутых им людей (ThC 10.19; 76.9; 72.2 и др.), четко отметить окончание эпизода (ThC 78.1; 81.1; 83.13 и др.).

В точках пересечения этих противоположно направленных тенденций плавное течение рассказа нарушается и восстановлено может быть лишь волевым авторским вмешательством в текст. «Вернемся к истории», «но об этом расскажем позже» — такими и подобными им замечаниями перестраиваемые книги Продолжателя Феофана (см., например: ThC 21.14; 23.18; 47.15; 49.19 и др.).

Говоря о стремлении Продолжателя Феофана к хронологическому изложению, надо помнить, что время для него, в отличие от многих других хронистов, — не непрерывная линия, соединяющая две временных точки: начала и конца повествования, а скорее некая последовательная сумма «отрезков» (периодов правления отдельных императоров), в начале и в конце нередко накладываемых один на другой. Иными словами, сплошное повествование общего источника Продолжатель Феофана стремится превратить в сумму рассказов биографического характера. Наиболее отчетливо проявляется эта тенденция в разделе, посвященном Льву V. Как можно догадаться, гипотетический Общий источник Продолжателя Феофана и Генесия начинался, как и положено хронике с «нормальной структурой», с воцарения Льва, а предыстория императора сообщалась

¹ В настоящей статье рассматриваются только первые пять книг сочинения Продолжателя Феофана (цитируем его по изданию *Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus*. Bonn, 1838 (далее: ThC). Такая избирательность вполне оправдана, поскольку «Хронография» — произведение сборное, составленное неизвестным нам редактором из самостоятельных сочинений по крайней мере трех разных авторов. См.: *Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner*. München, 1978. Bd. I. S. 339 f. Сложной проблемы возникновения этого сочинения как целого мы здесь касаться не станем.

² *Beaucamp J., Bondoux R., Lefort J. et al. Temps et histoire. I: La prologue de la chronique Pascale // Travaux et Mémoires*. 1979. 7. P. 223 suiv.; Любарский Я. Н. Хронография Иоанна Малалы: проблемы композиции // *Festschrift für Fairy von Lilienfeld*. Erlangen, 1982. S. 411 ff.

³ Подробно об этом говорится в подготовленной нами к печати статье, специально посвященной проблеме общего источника сочинений Продолжателя Феофана и Генесия.

в отступлении. Именно такую структуру и сохраняет Генесий. Продолжатель же Феофана биографически «выпрямляет» рассказ, начинает с происхождения родителей героя, сообщает о захвате власти и затем хронологически последовательно повествует о жизни Льва и событиях его царствования. Все сведения о происхождении и ранних годах Льва, рассеянные у Генесия (и, видимо, в Общем источнике) по всему повествованию, концентрируются Продолжателем Феофана в начале рассказа, так сказать, на своем хронологическом месте⁴. Таким образом, исторический материал Общего источника подвергается переаранжировке в угоду биографическому принципу⁵. Не исключено, что следы подобного вмешательства сохранились и в следующем разделе о Михаиле II. Хотя часть эта и начинается с воцарения Михаила, однако сразу же после этого сообщения у Продолжателя Феофана рассказывается о происхождении и воспитании Михаила (ThC 42.7—44.11). У Генесия подобного рассказа нет, тем не менее его рудименты сохранились в конце раздела об этом императоре (Gen. 35.68), и можно, следовательно, думать, что рассказ этот содержался в Общем источнике. У Продолжателя Феофана он опять-таки оказался на своем «хронологическом месте».

Раздробив историю на серию разделов, посвященных отдельным императорам, Продолжатель Феофана — и это вполне закономерно — оказался в зоне притяжения другого жанра, который часто взаимодействовал с историографией, — риторикой⁶.

В риторике издавна, с античных времен, культивировались литературные формы, предназначенные для похвалы (энкомий) или, напротив, поношения (псогос) персонажей. Характерной чертой всех видов этих риторических биографий была строгая рубрицированность их композиции. Стабилизировавшаяся уже в поздней античности схема (например, Афтония) предписывала упорядоченное следование определенных сведений о герое, перечисление жестко фиксированных его качеств. Нетрудно заметить, что в главных своих элементах рубрики Афтония выдерживаются в двух первых книгах «Хронографии» Продолжателя Феофана. Покажем это с помощью схемы⁷:

Схема I

схема Афтония	Лев V	Михаил II
I.1 πατρίς	I.1 с. 6.4	I.1 с. 42.7—44
I.2 προγονοί	с. 6.4—5	
I.3 πατρες	с. 6.5—8	42.13
II ανατροφή		42.17—44.11
III πρᾶξις	с. 23.19—40.3	с. 42.17—83.16
IV ἐπιλόγος	с. 40.4—13	с. 83.16—84.11

⁴ Сообщение о происхождении Льва (ThC 6.4—8) находит соответствие в заключительной характеристике императора у Генесия (*Josephus Genesii regum libri quattuor* / Rec. A. Lesmueller-Werner et I. Thurn. В., 1978. (Далее: Gen.). P. 21.39—43). История Льва до воцарения (ThC 6.9—11.3) изложена у Генесия в виде отступления (Gen. 6.2—8.58).

⁵ Чтобы наглядней это продемонстрировать, разделим повествование Продолжателя Феофана на пронумерованные по порядку «эпизоды». А затем «сложим» эти эпизоды в том порядке, в каком они помещены у Генесия. Вот результат: 4а, 5, 2, 3, 6, 4б, 7, 8, 10, 9, 12, 11, 13, 17, 15. Цифры с буквенными индексами (4а, 4б) обозначают «подэпизоды».

⁶ Византийцы постоянно смешивали эти жанры, хотя очень любили рассуждать об их принципиальных различиях. См.: Любарский Я. Н. Михаил Пселл: Личность и творчество. М., 1978. С. 140.

⁷ Схема «идеального» энкомия вычленена в книге Барджеса. См.: Burgess Th. *Epic Literature*. Chicago, 1902. P. 289 ff. Здесь она значительно упрощена. Опушен, например, пролог, (προοίμιον), которого не может быть в связном историческом повествовании Продолжателя Феофана. Не подразделяются очень близкие разделы ἀνατροφή и παιδεία, не учтен специфически риторический προφήτης и т. д. Тем не менее сохранены основные «формирующие» рубрики Афтония.

Одни структурные элементы риторической схемы существуют у Продолжателя Феофана в рудиментарном виде (например, πατρες в разделе о Михаиле II), другие (например, ἀνατροφή в той же книге) развиты достаточно хорошо, в целом же структурная схема энкомия — псогоса присутствует в обоих случаях достаточно явственно.

Вряд ли следует думать, что Продолжатель Феофана сознательно и целенаправленно применял риторическую схему к своему повествованию. Многократно повторяемая в панегирических речах и энкомиастических житиях, она «жила в сознании» любого образованного византийца и в любой момент «готова была» облечь формой, пригодной к тому, литературный материал⁸.

Хронологическое следование и риторические структурные элементы — не единственные скрепы, соединяющие отдельные эпизоды в связное историческое повествование Продолжателя Феофана. Очевидное важное композиционное значение впервые, кажется, в разбираемых книгах имеет и идея провидения, хотя сама она, конечно, не нова в византийской исторической литературе. Вся судьба Льва V и Михаила II предопределена заранее. Заранее предсказано их восшествие на престол, их смерть — расплата за нечестие и иконоборчество. Демонстрация этого — главная цель повествования Продолжателя Феофана («А мы последуем дальше в рассказе, взирая на последствия его безбожных деяний», — говорит сам писатель: ThC 49.18—19). Однако карающая десница опускается на головы грешников не сразу. Между предсказанием и свершением, проступком («вызовом») и наказанием («ответом») проходит время, наполненное суровыми знаменами⁹, и именно это создает сюжетную напряженность и определенный драматизм повествования. Внимание читателя уже не концентрируется на хронологически распределенных событиях (как при чтении, например, «Хронографии» Феофана Исповедника), а поддерживается ожиданием исполнения предсказанного или наступления неминуемой расплаты. Таким образом появляется у Продолжателя Феофана нечто вроде сюжета, движимого, правда, не человеческими взаимоотношениями, но божественной волей. В этом «сюжете» имеются опорные точки, или, если угодно, сквозной мотив, помогающий развитию действия. Роль его в разбираемых разделах играет пророчество монаха из Филомилия. Впервые мотив этот появляется в самом начале раздела о Льве V, когда знатный вельможа Никифора I Варданий, стремясь к царской власти, посещает некоего монаха из Филомилия. Последний, однако, пророчит царство не ему, а находящимся в его свите Льву и Михаилу (ThC 7.5 sq). Происходит, так сказать, «завязка сюжета». Пришедший к власти Лев желает отблагодарить монаха, однако тот к тому времени успел умереть, а живущий в его доме некто Симватий побуждает Льва отказаться от иконопочитания, т. е. совершить главный проступок его жизни, за который и должен он понести расплату. Таким образом, «трагическая вина» Льва тоже, хотя и косвенно, связана с образом монаха из Филомилия. Дважды на протяжении рассказа о Льве вспомнит Продолжатель Феофана о предсказании этого монаха (ThC 34.10; 37.9 сл.), дабы не позволить читателю забыть о провиденциальном характере всего происходящего. Интересно, что мотив монаха из Филомилия не завершается в разделе о Льве V, а переходит в следующий, посвященный Михаилу II. Последний решается на узурпа-

⁸ Кажущиеся застывшими и неподвижными византийские литературные жанры на самом деле очень динамичны. Даже в пределах одного произведения византийский писатель может свободно переходить от одного жанра к другому в зависимости от изменения содержания и авторских целей. Жанр, таким образом прикреплен к определенному содержанию. Вот почему изменившееся содержание или авторские цели приводят литературное произведение в «сферу притяжения» иного жанра и некоторые сочинения оказываются столь многожанровыми. Аналогичные наблюдения над древнерусской литературой сделаны Д. С. Лихачевым. См.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967. С. 44.

⁹ «Бог же нравом своим не скор, но великодушен, сверкнул мечом, но не опустил его...» (ThC 33.13).

цию власти, лишь вспомнив об упомянутом пророчестве (ThC 46.10). Страшась исполнения прорицания, решается выступить против Михаила и Фома Славянин (ThC 22.15). Таким образом, сквозной мотив прорицания монаха из Филомилия создает дополнительные связи в разбираемых книгах «Хронографии» Продолжателя Феофана.

Итак, три основных композиционных приема удается вычленить при анализе построения двух первых книг сочинения Продолжателя Феофана: элементарную хронологическую последовательность, риторическую рубрикацию и, наконец, сквозной мотив, определенный идеей провидения. Такого сочетания мы не встречали в предшествующей византийской историографии. Но насколько оно оригинально, не заимствовано ли из Общего источника, о котором шла речь выше, тем более что его композиция, видимо, отнюдь не отличалась элементарностью¹⁰? Попытайтесь ответить на этот вопрос можно, только сравнив текст Продолжателя Феофана с соответствующими разделами «Книги царей» Генесия. Не станем говорить о хронологическом следовании: стремление к нему, во всяком случае декларативное, — общее место любых историографических сочинений. Что касается второго приема, то и следа его не удастся обнаружить у Генесия. Как уже говорилось, сведения о родине (πατρίς), роде (γένος), родителях (πατέρες), воспитании (ἀνατροφή), составляющие непрерывный структурный элемент энкомия—псогоса и находящиеся у Продолжателя Феофана, где им и положено быть, в начале, разбросаны у Генесия по всему произведению¹¹. Можно думать, что Продолжатель Феофана переаранжировал этот материал и расположил его в соответствии с риторическими правилами. Идея провиденциализма и связанный с нею сквозной мотив монаха из Филомилия имеются и у Генесия и, следовательно, были заключены и в Общем источнике. Значительно, однако, что у Продолжателя Феофана сей монах упоминается шесть раз, в то время как у Генесия всего три (ThC 6.8; 10.20; 17.10). Сюжетообразующую роль провидения у Продолжателя Феофана можно было показать на ряде примеров. Ограничимся одним: у Генесия, как и у Продолжателя Феофана, за характеристикой Льва следует рассказ о свержении этого императора Михаилом (Gen. 15.44 и след.=ThC 33.12 и след.). Однако если у Генесия — простое хронологическое примыкание эпизодов, то у Продолжателя Феофана свержение Льва представляется закономерным возмездием за его ересь.

Третья книга «Хронографии» Продолжателя Феофана композиционно весьма отлична от соответствующих разделов «Книги царей» Генесия. В ней много эпизодов, которых у Генесия нет вовсе, а те, что совпадают, нередко следуют у двух авторов в разном порядке¹². Индивидуальное творческое начало в построении произведения, видимо, проявляется здесь весьма отчетливо. Но в чем же своеобразие композиции этого раздела?

Оба произведения начинаются с одного эпизода, в котором только что провозглашенный император устраивает собрание знати в Магнаврском дворце, где с помощью умело задуманной провокации избавляется от потенциальных заговорщиков (ThC 85.6—86.8=Gen. 36.82—93). На этом, однако, следование общему источнику кончается, и Продолжатель Феофана дает серию эпизодов, за некоторым исключением не нахо-

дящих аналогии у Генесия¹³. Все эти эпизоды — расположенные без всякого хронологического порядка сообщения о деяниях Феофила во внутригосударственной сфере или же о его человеческих привычках и свойствах. Вот их перечень¹⁴: 1. Справедливость Феофила (ThC 85.1—94.18). 2. Строительная деятельность (ThC 94.19—99.3). 3. Отношение к иконодотам (ThC 99.4—106.11). 4. Любовь к церковному пению (ThC 106.17—107.5). 5. Запрещение носить длинные волосы (ThC 107—6.6). Забота о дочерях (ThC 107.14—109.16). По сути дела они представляют собой не что иное как «деяния» (πράξεις), непременную часть риторических биографий, уже встреченную нами при анализе предшествующих книг сочинения Продолжателя Феофана. Нарочито игнорирующие всякую хронологию, подобранные по эйдологическому принципу эпизоды эти, видимо, извлечены Продолжателем Феофана из иных частей Общего источника или даже заимствованы им «со стороны» и использованы для характеристики Феофила и его внутригосударственной деятельности. Следующая часть πράξεις в основном совпадающая с Генесием и, следовательно, перешедшая из Общего источника уже имеет предметом внешнеполитическую историю. Однако прежде чем приступить к ней, приведем еще одно наблюдение. Лишив эпизоды хронологической связи, Продолжатель Феофана отнюдь не оставил их без всякого сочленения. Например, писатель рассказывает о строительной деятельности Феофила и между прочим сообщает, что последний, выселив из зданий блудниц, построил на освободившемся месте странноприимный дом (ThC 95.2—7). Так вот он обращался с блудницами, продолжает писатель, впрочем сам был покорен чарами служанки царицы Феодоры (следует рассказ о небольшой интрижке царственного героя (ThC 95.7—14). Феодора снисходительно простила увлекшегося супруга, и Феофил соорудил новый дворец для своих дочерей (ThC 95.14—18). Продолжается рассказ о строительной деятельности.

А вот другой случай, тоже касающийся Феодоры. Историк повествует о справедливости и нелицеприятности Феофила и приводит в качестве примера случай, когда царь велел сжечь корабль, принадлежавший его супруге (ThC 88.10—89.14), затем следует рассказ о самой Феодоре и ее родителях (ThC 89.15—22), далее повествуется о матери Феодоры Феоктисте, тайно от царственного зятя приобщавшей внушек к иконопочитанию (ThC 90.1—91.10), аналогично вела себя и сама Феодора (ThC 91.11—92.17). Повествование вновь возвращается к теме справедливости Феофила...

Оба приведенных случая аналогичны. Перед нами типичное ассоциативное (или скорее тематически-ассоциативное) сочленение, когда рассказанный эпизод вызывает в памяти писателя другой аналогичный случай или рассказ, и повествование движется вперед не по временному или какому иному принципу, а по подобию и взаимосвязанности материала. Отклонившись от главного пути, повествование, переливаясь из одного эпизода в другой и описав дугу, возвращается в конце концов на основную магистраль (справедливости во втором и строительной деятельности Феофила в первом примере). Этот метод по сути своей противоположен следованию жесткой временной схеме (как у Феофана), его появление — свидетельство раскованности мысли или, если угодно, воображения историка, следующего в рассказе своим не строгим предписаниям извне накладываемой схемы, а комбинирующего материал в зависимости от сиюминутных, иногда случайных и во всяком случае достаточно свободных ассоциаций. Знаменательно, что «раскованность», «сво-

¹⁰ Можно привести пример весьма изысканной организации материала, свойственной как Продолжателю Феофана, так и Генесию, и, следовательно, восходящей к Общему источнику. Рассказывая о победе Льва V над болгарами в 813 г., оба автора утверждают, что успех ожесточил прав царя, который обрушился с новыми карами на подданных (ThC 25.20 и след.; Gen. 13.83 и след.). После этого следует рассказ о жестокостях Льва. Такой способ сцепления эпизодов через личность героя достаточно сложен и весьма необычен для X в.

¹¹ См. выше

¹² Приведем схему расположения эпизодов Продолжателя Феофана в переаранжировке Генесия 2, 21а, 25г, 21в, 28б, 31, 28а, 28г, 28в, 25, 30, 23, 33. Названия эпизодов не приводятся, и читателю вновь приходится полагаться на добросовестность автора.

¹³ Только два отдельных сообщения из этой части раздела о Феофиле мелькают у Генесия в «заключительной характеристике» этого лица. Это рассказы о сожжении корабля императрицы (ThC 88.4—89.14=Gen. 53.90—99) и о сооружении стен (ThC 94.19=Gen. 53.85—87).

¹⁴ Под первыми тремя рубриками скрываются не один, а несколько эпизодов, объединенных одной темой.

бода» композиции оказывается характерной для той части сочинения, где Продолжатель Феофана, видимо, отходит от своего источника...

Следующая заимствованная из Общего источника часть «деяний» (πράξεις), в противоположность предыдущей, строится по хронологическому принципу. Неважно, что Продолжатель Феофана имеет весьма смутные представления о хронологии, что пересказывает свой источник скорее всего по памяти и к тому же не очень точно: автор явно стремится построить повествование по временной схеме. Основу рассказа составляют пять последовательных походов императора Феофила против арабов¹⁵, между которыми располагаются отдельные сообщения, сочлененные с окружающим текстом с помощью частицы δέ или простейшей темпоральной связи («в то же время» — κατὰ τὸν αὐτὸν καιρὸν, τότε и т. п.)¹⁶.

Своеобразие раздела о Феофиле Продолжателя Феофана опять-таки четко вырисовывается при сравнении его с рассказом о том же императоре у Генесия. У последнего — хронологически выдержанный (впрочем, весьма относительно) рассказ, заключенный между сообщениями о воцарении и смерти императора. У Продолжателя Феофана — практически построенные по риторической модели — «деяния», сначала касающиеся внутренних, а затем внешних дел. Для «внешних дел» использован, видимо, пересказ соответствующих частей Общего источника. «Дела внутренние» скорее всего скомбинированы из разнородных сообщений, где временные связи заменяются свободными ассоциациями.

Анализ четвертого раздела сочинения Продолжателя Феофана, кажется, мало что может дать для наших целей. Хронологизированный порядок следования эпизодов здесь почти совпадает с «Книгой царей» Генесия¹⁷. Можно подумать, что оба автора лишь повторяют композицию Общего источника. Внешнее подобие, однако, еще больше подчеркивает различие. У Генесия сообщения о внутри- и внешнеполитической истории сочленены простейшим способом хронологического примыкания¹⁸. У Продолжателя Феофана на первый план выступает уже отмеченный нами метод ассоциаций, которые здесь оказываются особенно гибкими и разветвленными. Один пример призван продемонстрировать различие между двумя авторами.

В сочинении Генесия один за другим следуют два никак внутренне между собой не связанных эпизода: война с болгарам (Gen. 61.89—4) и распря между кесарем Вардой и Феоктистом (Gen. 61.5—64.83). Между ними — элементарное хронологическое сочленение («Прошло немного времени и ...» — Gen. 61.5). Совершенно иначе у Продолжателя Феофана. История борьбы с болгарам (ThC 162.3—13) «тянет» за собой рассказ о крещении болгар (ThC 162.13—165.10). Последний эпизод есть и у Генесия, но стоит он там на своем хронологическом месте (Gen. 62.42—52). Между обоими событиями — дистанция в несколько лет, однако объединяются они именно в силу тематической близости. Если упомянутая пара эпизодов ассоциирована между собой «по этническому принципу» (в обоих случаях речь идет о болгарам), то следующий за ними эпизод присоединяется уже «по конфессиональному соответствию»: историк рассказывает о попытке обращения в истинную веру павликиан: (ThC 165.11—167.1). Рассказ же о павликианах совершенно естественно

переходит в повествование о их союзе с арабами и о намерении царя Михаила выступить против последних (ThC 167.11—168.4). В этом желании укрепляет царя кесарь Варда (ThC 167.16). Упоминание Варды дает основание поведать о его распре с Феоктистом... (ThC 168.5 сл.). На месте элементарного временного перехода в «Книге царей» Генесия («прошло немного времени и ...») у Продолжателя Феофана оказывается довольно сложное сцепление «переливающихся» один в другой эпизодов. Еще более, чем с методом Генесия, контрастирует приведенный эпизод с принципами предшествующей историографии: не объективированное время, а объединенные в сложном сцеплении вокруг личности императора события составляют композиционную структуру сочинения. Что же касается времени, то оно «вытесняется на второй план» повествования, и его течение фиксируется лишь при необходимости. В анализированном выше отрывке например, сообщается, что рвущийся в поход на арабов Михаил успел между тем выйти из детского возраста (ThC 167.11 сл.). Пока происходили сочлененные ассоциативными связями эпизоды, текло время...

Пятая книга «Хронографии» Продолжателя Феофана, известная обычно под наименованием «Жизнеописание Василия», занимает в произведении особое место. Она принадлежит самому императору Константину Багрянородному, была написана как самостоятельное произведение и лишь позже включена в состав «Хронографии». Вот почему книга эта обладает той композиционной законченностью, которой не может быть у других частей, входящих в труд Продолжателя Феофана. О форме своего сочинения сам Константин кое-что сообщает в предисловии: «Давно испытывал я желание и стремление всепомыслими и бессмертными устами истории вселить в умы серьезных людей опыт и знание и хотел, если бы достало сил, по порядку описать достойнейшие деяния самодержцев и их вельмож, стратегов и ипостратегов во все времена ромейской власти в Византии. Но потребны тут и время большое, и труд непрерывный, и книг множество, и досуг от дел, а поскольку ничего этого нет у меня, я по необходимости избрал другой путь и расскажу пока что о деяниях и всей жизни от начала до самой смерти только одного царя» (ThC 211.12 сл.). Искренность оправданий царственного писателя вызывает подозрения. Трудно представить, чтобы у Константина Багрянородного, скорее ученого энциклопедиста, нежели практического деятеля, не находилось времени для исторических штудий. Еще труднее допустить, что в императорской библиотеке не хватало книг для написания исторического труда (откуда же он делал тогда выписки для своих знаменитых «эксерптов»!). Приведенная декларация — скорее отговорка (может быть, перед самим собой!), нежели серьезные доводы. Желая поведать об одном императоре — своем деде, пугаясь необычностью своего намерения (Византия не знала жанра светской биографии), Константин пытается оправдаться перед читателем за отступление от привычных жанровых форм. Все новое в византийской литературе нуждается в оправданиях и извинениях.

Собираясь писать в жанре истории, Константин старается выдержать хронологический порядок изложения, но, выбирая темой жизнеописание только одного, к тому же им безмерно почитаемого, героя, неминуемо, как это уже бывало, попадает в сферу притяжения другого жанра — риторики. Рассказ о Василии начинается с традиционного для энкомия — сообщения о родине, родителях, воспитании и детских годах героя (ThC 212.18—223.10). После сообщения о провозглашении Василия единодержавным правителем начинаются, как и положено, πράξεις — «деяния» царя. Для большей наглядности приведем их схематический перечень в возможных случаях вместе с указаниями на датировку:

1. 255.6—261.19	Василий занимается государственными делами	
2. 261.20—262.15	Василий занимается церковными делами.	869/870
	8-й Вселенский собор	

¹⁵ Первая кампания Феофила против арабов см.: ThC 112.22 и след.; вторая (на следующий год) — 114.17 и след.; третья (следующей весной) — 116.9 и след.; четвертая (на следующий год) — 122.16 и след.; пятая — 124.6 и след.

¹⁶ См. сообщения о рукоположении патриарха Иоанна Грамматика (ThC 121.6—9), данных Феофилу предсказаниях (ThC 121.10—122.15), о мученичестве 42 аморийских воинов (ThC 132.1—134.1), о посольстве к франкскому королю (ThC 135.1—15).

¹⁷ Вот как следуют у Генесия пронумерованные по порядку эпизоды Продолжателя Феофана: 1, 2, 5, 6, 7, 8, 12, 15, 13, 17, 18, 20, 21, 9, 22, 23, 25, 27, 29.

¹⁸ Иногда это хронологическое примыкание никак не выражено, иногда имеются соединительные фразы типа «вскоре», «через некоторое время» и т. п. См.: Gen. 60.84, 61.89; 61.5, 64.84 и др.

3. 262.16—263.2	Исправление законов	870—879 (время подготовки Прохирона)
4. 263.3—264.1	Мятеж Смбата	866
5. 264.1—265.2	Коронование Константина и Льва	
6. 266.13—271.10	Поход Василия против Хрисохира	871 (868?)
7. 271.11—276.10	Война с Хрисохиром, разрушение Тефрики	872—878
8. 276.11—277.4	Смерть патриарха Игнатия, рукоположение Фотия	877
9. 277.5—17	Восстание Иоанна Куркуаса	
10. 277.18—284.5	Война с арабами, осада Адаты	878
11. 284.6—288.9	Поражение византийцев у Тарса	883
12. 288.11—313.20	Борьба с карфагенскими арабами	866—880
13. 314.3—316.12	Добродетели Василия	
14. 316.13—321.16	Василий благодарит своих благодетелей	первые годы после воцарения ²
15. 321.17—341.7	Строительная деятельность	
16. 341.8—344.8	Миссионерская деятельность	870—874
17. 344.19—346.4	Смерть сына Василия Константина	879
18. 346.5—348.9	Снижение налогов	
19. 348.9—351.21	Заточение в тюрьму сына Льва	886

Нетрудно заметить, тенденция к хронологическому следованию, как и в предыдущих книгах, все время «вступает в соревнование» со стремлением историка непременно завершить и представить в целом эпизод-рассказ.

Завершенные по содержанию и композиции эпизоды все время разбивают нить хронологического повествования. В самостоятельную часть выделяется рассказ о строительной деятельности Василия (п. 15)¹⁹, «на одном дыхании» представляет писатель историю пятнадцатилетней войны Василия с карфагенскими арабами (п. 12) и т. д. Знаменательно в этом отношении, что рассказ о борьбе Василия с павликианами и о его походах на Тефрику (п. 7), разделенный у Генесия на две части (Gen. 81.34—82.42+85.47—88.65), соединен у Константина Багрянородного в единое целое²⁰. О том, что такой тип композиции вполне сознателен и более того составляет предмет размышления автора, свидетельствует и собственное его заявление. Сообщив о четырех сыновьях царя Василия, Константин присовокупляет к рассказу и сведения о судьбе его дочерей. При этом однако считает нужным оговориться, что эти события случились позже, но пусть они будут сообщены здесь, поскольку они «как по природе, так и по рассказу (ὡς περ τῇ φύσει, οὕτω δὲ καὶ τῇ διηγήσει) связаны с четверкой братьев» (ThC 264.21 сл.). Тематический принцип одерживает верх над хронологическим! Именно этот тематический принцип, вторгающийся во временную цепь, и создает в большинстве случаев хронологические «сбои», хорошо видные на приведенной схеме.

Любопытней однако другое. На не слишком последовательное, но в целом хронологически выдержанное повествование накладывается иная композиционная схема. Вновь приглядимся к перечню эпизодов. В первых пяти пунктах речь идет о распоряжении Василия внутренними делами империи. В пунктах 6—12 описываются в основном внешнеполитические события его царствования. В пунктах 13—18 рассказ вновь возвращается к деяниям царя, в основном, во внутренней жизни государства.

¹⁹ Орывок этот опубликован нами совместно с В. Д. Лихачевой в Византийском времени (Т. 42. С. 171 и след.).

²⁰ Можно предположить, что в Общем источнике рассказ этот, как и у Продолжателя Феофана, составлял единое целое. Об этом свидетельствует крайне искусственный характер соединения у Генесия второй части эпизода с предыдущим рассказом о победе над карфагенскими арабами (см.: Gen. 85.47). Более склонный к хронологическому построению повествования, Генесий и здесь постарался расположить факты во временной последовательности.

При этом места переходов четко отмечены самим автором²¹. Видимо, речь здесь должна идти о той же риторической рубрикации, которую встречали мы и в предыдущих книгах. Константин повествует о деяниях (πράξεις) царя, разделенных на «виды»: деяний внутригосударственных, военных и тех, которые он совершил самолично (αὐτοῦργος). Риторическая рубрикация не подменяет хронологию²², а существует параллельно с ней, представляя собой дополнительное средство организации исторического материала²³. Новая схема и в этом случае накладывается на уже существующую.

* * *

Один из излюбленных приемов классических филологов при анализе литературной формы — поиск модели. Ученые считают свой долг выполненным, находя или воображая образец, по которому творил или с которым соревновался древний автор²⁴. Эта тенденция еще более утрирована специалистами по среднегреческой филологии, стремящимися (своеобразный комплекс неполноценности византийцев!) непременно найти модель в античной литературе. О попытке Александра свести структуру «Жизнеописания Василия» к схеме энкомия говорилось выше. Еще дальше пошел Р. Дженкинс²⁵. Исследователь, прозорливо увидевший в «Хронографии» Продолжателя Феофана многое, в чем и поныне отказывает византийской словесности большинство ученых, тем не менее, полагал, что различия между книгами историка определяются просто-напросто подражанием разным античным образцам. Нахождению таких образцов и посвящена значительная часть упомянутой статьи американского исследователя. Стремление византийцев творить по «моделям», в том числе и античным, хорошо известно. Вряд ли однако идентификация «оригинала» может удовлетворительно объяснить своеобразие «копии». Тезис этот находит подтверждение и на примере «Хронографии» Продолжателя Феофана. Безусловно, на структуру труда Продолжателя Феофана, как справедливо отмечают исследователи, влияли и «Жизнеописания» Плутарха и энкомии исократовского типа, а, возможно, и «История» Полибия. Однако ни одним из этих влияний нельзя объяснить своеобразие композиции «Хронографии».

Анализируя построение этого сочинения, мы обнаружили в пределах каждой книги не один, а несколько конкурирующих композиционных приемов. Повторим главные из них: хронологическое следование, риторическая рубрикация или библиографическо-энкомиастический принцип, ассоциативно-тематическая связь, и наконец, определенный идеей providения сквозной мотив повествования. Почти все упомянутые приемы так или иначе объединяют эпизоды вокруг личности героя. Не переставая быть историей («хронографией»), сочинение Продолжателя Феофана уже становится сборником биографий. Сочетание известных приемов порождает новое качество. Жанр, даже в консервативной византийской лите-

²¹ В первом случае (ThC 265.3) говорится, что Василий, хорошо устроив внутренние дела (τὰ οἰκία), начал военные походы. Во втором случае (ThC 313.21 и след.) сам автор упоминает о необходимости оставить рассказ о военных делах и вернуться к повествованию о том, какие деяния (πράξεις) совершил Василий самолично.

²² Только однажды в «Жизнеописании Василия» происходит серьезный хронологический «сбой» (после пункта 12 нашей схемы). Во всяком случае, внутри разделов πράξεις Василия примерная временная последовательность выдерживается.

²³ П. Александер посвятил целую богатую мыслями и наблюдениями статью доказательству того тезиса, что «Жизнеописание Василия» — это «царское слово» (Βασιλικὸς λόγος), написанное по всем правилам античного энкомия (Alexander P. Secular Biography at Byzantium // Speculum. 1940. 15. P. ff.). Вряд ли можно согласиться с категоричностью такого утверждения.

²⁴ Наиболее выразительным примером в этом отношении является книга Ф. Лео, оказавшая большое влияние на дальнейшее изучение биографического жанра (F. Leo. Die griechisch-römische Biographie nach ihrer literarischen Form. Leipzig, 1901). Столь же выразительную критику концепций немецкого ученого дал С. С. Аверинцев («Плутарх и античная биография. М., 1973. С. 119 и след.).

²⁵ Jenkins R. J. H. The Classical Background of the Scriptores post Theophanem // DOP. S. 1954.

ратуре, — величина подвижная и изменяющаяся, и первые пять книг Продолжателя Феофана представляют собой как бы фиксированный момент эволюции исторического направления среднегреческой литературы. Чтобы оценить место Продолжателя Феофана на пути этой эволюции, мы сравнивали «Хронографию» с современной ей «Книгой царей» Генесия. Оба сочинения восходят к одному источнику, но как по-разному оба автора сочленили и компануют свой материал!

«Книга царей» Генесия построена большей частью по традиционному для византийской историографии методу, а основывающиеся на том же историческом материале первые пять книг «Хронографии» Продолжателя Феофана — произведение по композиции новаторское (сколько ни парадоксально это понятие в применении к византийской литературе). Речь, видимо, должна идти о разнице не только творческих индивидуальностей, но и уровней исторического и художественного сознания (вряд ли для этой эпохи следует проводить какую-то грань между тем и другим). И «линия Генесия», и «линия Продолжателя Феофана» протягивается в следующий «предгуманистический» XI век. Первая непосредственно приводит к Иоанну Скилице, вторая — к Михаилу Пселлу.

А. И. СИДОРОВ

ИОАНН ГРАММАТИК КЕСАРИЙСКИЙ (к характеристике византийской философии в VI в.)

1. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Изучение византийской философии ставит перед исследователями ряд сложных проблем, в основе которых лежит факт неразрывной связи философии и богословия в византийской культуре. В отличие от позднейших «секуляризаторских» эпох и даже — от периода поздней схоластики, невозможно говорить отдельно о «византийской философии», не упоминая при этом и о «византийском богословии»: обе эти сферы культуры активно проникали друг в друга. Однако, подобный синтез не только не исключает, а, наоборот, предполагает наличие в нем разных элементов, и поэтому задача исследователя, на наш взгляд, заключается в том, чтобы, не нарушая единства и органичной целостности феномена уникальности культуры, наметить и, по мере возможности, вычленить данные элементы. В этом плане привлекает внимание наблюдение, сделанное И. Мейендорфом, что византийское богословско-философское мышление характеризуется присущей ему антиномичностью. С одной стороны, у византийских христианских мыслителей наличествует твердая уверенность в способности концептуального языка выразить религиозную истину и в то, что «спасение» человека во многом зависит от этого. С другой стороны, у них исповедуется, что данный язык не в силах выразить *всей* истины¹. Именно подобная антиномия не позволяет «моделировать» византийскую философию по образцу европейской философии нового времени и придает ей неповторимую уникальность. Но в то же время, первый полюс этой антиномии — упование на концептуальный язык — предоставлял разуму несомненное «право голоса» в делах веры, а тем самым для нас открываются определенные перспективы для изучения византийского богословско-философского творчества в общих рамках истории мировой философии. При этом следует учитывать, что, во-первых, данный полюс указанной антиномии не существовал без полюса другого и, следовательно, его нет нужды абсолютизировать. Во-вторых, для византийских философствующих писателей «вне-разумность» отнюдь не означала «антиразумности», как, например, для Немезия Эмесского, который считал, что «церковная догма о соединении двух природ в лице Богочеловека не *противо*—естественна, хотя и *сверх*—естественна, не *противо*—разумна, хотя и *сверх*—разумна»².

Таким образом, исследование истории византийской философии возможно только при учете того факта, что она есть «философия теологизирующей эпохи»³. Нельзя проходить мимо и следующего существенного момента: если с точки зрения современного исследователя средневековая

¹ Meyendorff J. Byzantine Theology: Historical Trends and Doctrinal Themes. L., 1974. P. 5.

² Владимирский Ф. С. Антропология и космология Немезия, еп. Эмесского, в их отношении к древней философии и патристической литературе. Житомир, 1912. С. 216.

³ Культура Византии. IV—первая половина VII в. М., 1984. С. 43.

теология есть «инобытие философии»⁴, то в представлении средневековых (особенно, византийских) богословов, наоборот, философия была «инобытием теологии». Противоположность этих принципиальных установок требует от исследователя византийской культуры чрезвычайной осторожности в обращении с источниками, ибо философскую проблематику здесь нельзя грубо вырывать из ее «богословской среды» и препарировать по стандартам современного философского мышления — она должна изучаться только в органичной связи со своей средой. Исходя из этих общих методических посылок и обратимся к творчеству Иоанна Грамматика Кесарийского.

2. ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИОАННА ГРАММАТИКА КЕСАРИЙСКОГО И ЕЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Этот автор начала VI в. не привлекал особого внимания исследователей до XX в. В известном труде К. Крумбаха ему уделяется всего несколько строк⁵; О. Барденхеве также лишь кратко характеризует Иоанна Грамматика в качестве оппонента Севера Антиохийского⁶. В начале нашего века крупный знаток патристических текстов Ф. Дикамп, издавая флорилегий конца VII—начала VIII в. «Учение отцов о воплощении Слова», среди источников его указывает и «Апологию» Иоанна Грамматика (датируя ее периодом до 512 г.), а также предпринимает попытку идентифицировать фрагменты ее⁷. Только в 1909 г., в классическом труде Й. Лебона, посвященном истории и идеологии монофизитства, личность и произведения Иоанна Грамматика трактуются более подробно. Согласно Й. Лебону, взгляды этого автора отражали то мощное течение в богословии VI в., которое стремилось занять среднюю позицию между монофизитством и халкидонской ортодоксией. Данное течение Й. Лебон первый именует «неохалкидонизмом»; оно, по его мнению, возобладавало на поместном соборе в Александрии (511—512 г.), участники которого направили императору Анастасию послание, где утверждалась преемственность вероопределений Халкидонского собора. Автором этого послания, как считает Й. Лебон, был Иоанн Грамматик⁸. После книги Й. Лебона в западной историографии активизировалось изучение творчества Иоанна Грамматика⁹.

Предварительные изыскания ученых увенчались изданием сохранившихся произведений и фрагментов Иоанна Грамматика, которое было предпринято покойным М. Ришаром в сотрудничестве с М. Обино¹⁰. Ориентируясь на данное издание, можно сделать следующие выводы о жизни и творчестве философа: биографических сведений о нем почти

не сохранилось, но предполагается, что он жил и действовал в Кесарии Палестинской. Среди его произведений первое место — по объему и по важности — занимает «Апология Халкидонского собора». Выдержки из нее сохранились (118 фрагментов) в одном из сочинений Севера Антиохийского и приводятся в латинском переводе Й. Лебона; прилагаются также и греческие фрагменты, дошедшие до нас благодаря Евлогию Александрийскому. За этим произведением следуют «Семнадцать глав против акефалов» — небольшое, но содержательное произведение, написанное в виде анафематизмов. Третье сочинение — «Против афтартодокетов» направлено против сторонников Юлиана Галикарнасского. Далее идут два коротких эсхерпта «О Евангелии от Иоанна», представляющие, видимо, фрагменты какой-то гомилии или сочинения против иудеев. Другую большую группу произведений Иоанна Грамматика составляют его антиманихейские сочинения, о которых раньше практически ничего не было известно. Эта группа включает в себя: две гомилии против манихеев, «Диалог Иоанна-Ортодокса с манихеем» и «Силлогизмы святых отцов против манихеев».

Издание сочинений Иоанна Грамматика вызвало отклики специалистов. Прежде всего, крупнейший бельгийский патролог А. Алло опубликовал небольшую статью, где он подвергает сомнению утверждение, что философ был автором соборного послания епископов, собравшихся в Александрии¹¹. Затем вышла в свет рецензия Б. Дейлея¹², где отмечается, что Иоанн Грамматик был одним из первых представителей «академического богословия», которое доминировало в византийском христианстве от начала VI в. до Иоанна Дамаскина. По своему методу Иоанн Грамматик является диалектиком, предпочитающим исходить из логических определений терминов, а не из библейской экзегезы. Рецензент также выражает сомнение в принадлежности Иоанну Грамматику «Диалога Иоанна-Ортодокса с манихеем». В другой рецензии на данное издание — К. Х. Утеманна — указывается, что произведение «Семнадцать глав против акефалов» лишь частично принадлежит Иоанну Грамматику (главы 1—11), автором же второй части является Анастасий Синаит¹³. Эту гипотезу К. Х. Утеманн подкрепил солидной аргументацией при издании антимонафизитских «Апорий» Анастасия Синаита¹⁴. Наконец, итальянский ученый Л. Перроне в своем исследовании, посвященном палестинской церкви в период христологических споров, уделяет серьезное внимание Иоанну Грамматику. Характеризуя его мировоззрение в целом, он констатирует, что при чтении сочинений этого автора создается впечатление сведения христологии к «простой онтологии Христа» и богословия — к диалектике. Правда, отмечается, что полемика Иоанна Грамматика с афтартодокетами обнажает и другие пласты его мирозерцания (более «библейскую» ориентацию его)¹⁵.

Таким образом, во мнениях исследователей Иоанн Грамматик является преимущественно богословом-полемистом. Главными объектами его полемики предстают два идейных противника православного византийского христианства в VI в. — манихейство и монофизитство. Не останавливаясь на антиманихейской полемике, требующей специального исследования, обратимся сразу к другому аспекту его творчества — полемике против монофизитства. Она не была для автора чисто литературным упражнением, но являлась плодом его активного участия (как пресвитера) в сложных перипетиях церковно-исторической борьбы. Во вся-

¹¹ Halleux de A. Le «synode neochalcedoine» d'Alexandrette (ca 515) et l'Apologie pour Chalcedoine de Jean le Grammairien. A propos d'une édition récente // Revue d'Histoire Ecclesiastique. 1977. T. 72. P. 593—600.

¹² Dalay B. // The Journal of Theological Studies. 1978. Vol. 29. P. 234—239.

¹³ Uthemann K.-H. Byzantinische Zeitschrift. 1980. Bd. 73. S. 70—73.

¹⁴ Uthemann K.-H. Antimonophysitische Aporien des Anastasios Sinaites // Byzantinische Zeitschrift. 1981. Bd. 74. S. 11—26.

¹⁵ Perrone L. La Chiesa di Palestina e la controversia cristologica. Dal concilio di Efeso (431) al secondo concilio di Costantinopoli (553). Brescia, 1980. P. 259.

⁴ Майоров Г. Г. Формирование средневековой философии. Латинская патристика. М., 1979. С. 19.

⁵ Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897. S. 52; 56.

⁶ Barlenhewer O. Geschichte der altchristlichen Literatur. Freiburg in Br., 1932. Bd. 4. S. 14.

⁷ Doctrina Patrum de Incarnatione Verbi / Hrsg. von F. Diekamp. Münster, 1907. S. XLVIII—LI.

⁸ Lebon J. Le monophysisme severien. Louvain, 1909. P. 123—160.

⁹ Draguet R. Julian d'Halicarnasse et sa controverse avec Severe d'Antioche sur l'incorruptibilité du corps du Christ. Louvain, 1924. P. 50—73; Moeller Ch. Trois fragments grecs de l'Apologie de Jean le Grammairien pour le concile de Chalcedoine // Revue d'Histoire Ecclesiastique. 1951. T. 66. P. 683—698; Idem. Le chalcedonisme et le neo-chalcedonisme en Orient de 451 à la fin du VIe siècle // Das Konzil von Chalcedon. Geschichte und Gegenwart / Hrsg. von A. Grillmeier und H. Bacht. Würzburg, 1951. Bd. 1. S. 672—674; Helmer S. Der Neuchalkedonismus: Geschichte, Berechtigung und Bedeutung eines dogmengeschichtlichen Begriffes. Bonn, 1962. S. 160—176; Gray P. T. R. The Defense of Chalcedon in the East. Leiden, 1979. P. 115—121; Winkelmann F. Die östliche Kirchen in der Epoche der christologischen Auseinandersetzungen: 5. bis 7. Jahrhundert. B., 1980. S. 58—60.

¹⁰ Iohannis Caesariensis Prebyteri et Grammatici opera quae supersunt / Ed. M. Richard et M. Aubineau // Corpus Christianorum. Series Graeca. Turnhout; Brepols, 1977. T. 1.

ком случае, в прологе к «Апологии» он, по словам Севера Антиохийского, заявляет о себе, как о «претерпевшем гонение за благочестие» от монофизитов (Апол. лат. 5—7)¹⁶. Деятельность Иоанна Грамматика приходится на первые два или три десятилетия VI в., т. е. на тот период ранневизантийской истории, когда христологические споры достигли одного из самых кульминационных моментов. Исторический ход событий, взаимосвязь догматических споров и политики того времени хорошо изучены в специальной литературе¹⁷. В нашей работе хотелось бы обратить внимание на философский аспект этих споров VI в., который, как правило, освещается значительно слабее.

Прежде всего, можно согласиться с мнением Ф. Винкельмана, что христологические споры IV—VII вв. выросли отнюдь не из философской постановки вопроса и не были результатом чисто теологических хитро-сплетений¹⁸. В центре их стояла «конечная судьба человека»¹⁹, или вопрос о спасении — одна из насущнейших проблем духовной жизни позднеантичной и ранневизантийской эпохи, которая равным образом касалась и простого ремесленника, и утонченного богослова, чем и объясняется сильнейший накал страстей, составляющих своего рода «эмоциональную ауру» христологических споров. Тесная взаимосвязь сотериологии и христологии прослеживается у всех крупнейших христианских мыслителей той эпохи²⁰. Поэтому, вычленив их философскую проблематику, необходимо помнить, что она базировалась на внефилософских постулатах.

С другой стороны, следует констатировать, что в VI в. данная тема приобрела исключительное значение. Для этого времени характерно широкое внедрение методов логического решения богословских проблем, что позволяет некоторым исследователям называть его веком «византийской схоластики»²¹. Подобное название вряд ли можно считать удачным, ибо методы византийской патристики и средневековой западной теологии существенно отличаются друг от друга²², но, тем не менее, указанный факт активного «перихоресиса» философии и богословия в VI в. безусловно налицо. Причем, эта черта присуща, в той или иной мере, всем трем ведущим вероисповеданиям: несторианству, монофизитству и православия. Что касается первого, то оно в период после Халкидонского собора, совсем не было чисто теоретическим противником для византийской ортодоксии²³. Об этом свидетельствует, среди прочего, устойчивая тема антинесторианской полемики у многих авторов VI в., в том числе и у Иоанна Грамматика. Персидские несториане поддерживали достаточно оживленные контакты с византийской церковью, а в 562—563 г. даже состоялся официальный диспут между богословами обеих сторон²⁴. По-

добные контакты, естественно вели к определенному взаимовлиянию на мировоззренческом уровне. Примером тому может служить в несторианстве личность Хенаны Адиабенского. Талантливый мыслитель и всесторонний эрудит, он, возглавив Нисивинскую школу ок. 571 г., добился ее наиболее пышного расцвета. В учении Хенаны наличествовали некоторые оригенистские идеи, а его христология сближалась с халкидонской ортодоксией²⁵. У другого несторианского еретика первой половины VII в., Мартирия—Сахдоны, можно наблюдать явное влияние платонизма и его изречения «носят известный философский оттенок»²⁶. Правда, сообщения источников об обращении Мартирия в православие²⁷ подвергаются сомнению²⁸, также как и внутреннее сродство его богословия с византийской ортодоксией. Но важен факт, что «ересь» Мартирия с точки зрения его несторианских оппонентов заключалась прежде всего в неправильном употреблении терминов (отождествлении «ипостаси» с «лицом», а не с «природой»), т. е. в логических погрешностях²⁹. Из этого видно, сколь большое значение придавалось логике в официальных кругах несторианской церкви. Поэтому неудивительно, что ведущий идеолог ее, Бабай Великий (ум. 628 г.), предстает перед нами как один из крупнейших диалектиков и логиков средневековья³⁰. Однако, необходимо оговориться: таковым Бабай является в своем трактате «О единении»; в комментариях же на «Гностические главы» Евагрия Понтийского обнажается иная грань его мировоззрения — акцент на мистическом богословии, которое составляло существенный pendant к логике в несторианстве³¹.

По сравнению с несторианством, в монофизитстве элементы мистики преобладают значительно больше. Хотя и нельзя полностью согласиться с высказыванием В. Болотова, что, если несторианство могло привлекать «только рассудочной ясностью», то монофизитство «было на преобладание в нем благочестия»³², тем не менее, определенный момент истины в данном высказывании несомненно содержится. Среди современных Иоанну Грамматику лидеров монофизитства обращает внимание фигура Иакова Саругского. Мифологичность его системы более близка духу гностицизма, чем миру греческой философии. Согласно Иакову, разуму, как принадлежащему к «области зримого», нельзя отводить значительной роли в богословии, ибо «знание Бога» достигается преимущественно путем веры и любви³³. Docta ignorantia есть альфа и омега мирозерцания Иакова Саругского и данный постулат во многом объясняется специфичной традицией сирийского христианства, восходящей к Ефрему Сирину³⁴. По своему «фидеизму» близок к Иакову Саругскому и Филоксен Мабогский, которому, однако, не чужд и интеллектуализм пла-

¹⁶ Все ссылки на сочинения Иоанна Грамматика даются по указанному изданию с соблюдением сплошной нумерации строк, которая представлена в нем. Греческие фрагменты «Апологии» будут обозначаться как «Апол. греч.», а латинский перевод сирийских фрагментов — «Апол. лат.»

¹⁷ Charanis P. Church and State in the Later Roman Empire: The Religious Policy of Anastasius the First, 491—518. Thessaloniki, 1974; Vasiliev A. A. Justin the First: An Introduction to the Epoch of Justinian the Great. Cambridge (Mass.), 1950. P. 132—254; Frend W. H. C. The Rise of the Monophysite Movement. Cambridge, 1972. P. 184—254; Schwartz E. Zur Kirchenpolitik Justinians // Zur Geschichte der alten Kirche und ihres Recht: Gesammelte Schriften. B., 1960. Bd. 4. S. 276—328.

¹⁸ Winkelmann F. Op. cit. S. 28—29.

¹⁹ Meyendorff J. Byzantine Theology. P. 32.

²⁰ Studer B., Brian D. Soteriologie in der Schrift und Patristic // Handbuch der Dogmengeschichte. 2-e Aufl. Freiburg; Basel; Wien, 1978. Bd. III. S. 175—223.

²¹ Moeller Ch. Le chalcédonisme et le neo-chalcédonisme. P. 638—639; Schönborn von Ch. Sophronie de Jerusalem: Vie monastique et confession dogmatique. P., 1972. P. 172—176.

²² Podskalsky G. Die griechisch-byzantinische Theologie und ihre Methode. Aspekte und Perspektiven eines ökumenischen Problems // Theologie und Philosophie. 1979. Bd. 54. S. 49.

²³ Abramowski L. Trinitarische und christologische Hypostasenformeln // Theologie und Philosophie. 1979. Bd. 54. S. 49.

²⁴ Guillaumont A. Justinien et l'Eglise de Perse // DOP. 1969/1970. Vol. 23—24. P. 37—66.

²⁵ Vööbus A. History of the School of Nisibis. Louvain, 1965. P. 234—264; Vries de W. Die syrisch-nestorianische Haltung zu Chalkedon // Das Konzil von Chalkedon. Würzburg, 1951. Bd. I. S. 627—628.

²⁶ Пигулевская Н. Жизнь Сахдоны: Из истории несторианства VII века // Записки Коллегии Востоковедов. Л., 1928. Т. 3. С. 93.

²⁷ Там же. С. 101—108.

²⁸ Halleux de A. Martyrios-Sahdona: La vie mouvementée d'un «heretique» de l'Eglise nestorienne // Orientalia Christiana Periodica. 1958. Vol. 24. P. 93—128.

²⁹ Idem. La christologie de Martyrios-Sahdona dans l'évolution du nestorianisme // Orientalia Christiana Periodica. 1957. Vol. 23. P. 5—32.

³⁰ Abramowski L. Christologie Badaïs des Grossen // Symposium Syriacum 1972. Roma, 1974. P. 219—244; Idem. Babai der Grossen: Christologische Probleme und ihre Lösungen // Orientalia Christiana Periodica. 1975. Vol. 41. P. 289—343.

³¹ Blum G. G. Nestorianismus und Mystik: Zur Entwicklung christlich-orientalischer Spiritualität in der ostsyrischen Kirche // Zeitschrift für Kirchengeschichte. 1982. Bd. 93. S. 273—294.

³² Болотов В. В. Лекции по истории древней Церкви. Пр., 1918. Т. IV. С. 243.

³³ Chesnut R. C. Three Monophysite Christologies: Severus of Antioch, Philoxenus of Mabbug and Jacob of Sarug. Oxford, 1976. P. 113—141.

³⁴ Jansma T. Die Christologie Jakobs von Serugh und ihre Abhängigkeit von der alexandrinischen Theologie und der Frömmigkeit Ephrems des Syrers // Le Museon. 1965. T. 78. P. 38—45.

тоновско-евагрианского типа³⁵. Отсутствие интереса к метафизическим и логическим проблемам характеризует и личность Стефана Гобара³⁶. Тем не менее, если обратиться к главному оппоненту Иоанна Грамматика — Северу Антиохийскому, то перспектива нашего видения монофизитства несколько изменится. Судя по «Житию» его, написанному Захарием Схоластиком, Север получил классическое образование, изучив грамматику и риторику в Александрии, а юриспруденцию — в Берите³⁷. Это классическое образование он, как и известные кашпадокийцы, впоследствии сочетал с практикой монашеской аскезы, что позволило ему, по словам его биографа, стать подлинно «христианским философом по своим делам и знанию»³⁸. Оно же наложило яркий отпечаток и на мировоззрение Севера, где мистика и логика взаимно уравниваются. Во всяком случае, в его главном произведении «Contra Imprium Grammaticum» монофизитство предстает и как несомненно философская доктрина³⁹. Poleмика Севера с Сергием Грамматиком также показывает, что понятийному аппарату монофизитского богословия он уделял большое внимание⁴⁰. Наконец, среди идейных лидеров монофизитства нельзя не упомянуть и Иоанна Филопона (именуемого иногда также «Иоанном Грамматиком»), поэтому его не следует путать с Иоанном Грамматиком Кесарийским). Помимо того, что он был преемником и продолжателем античной философской традиции⁴¹, необходимо отметить значение его как главного идеолога тритеизма, придавшего данной монофизитской ереси ясность и четкость философской системы⁴². Логический и диалектический моменты в мировоззрении Иоанна Филопона занимают ведущее место.

Многие сочинения представителей православного направления в византийском христианстве VI в. позволяют также делать вывод, что здесь *ratio* предстает как весьма пригодное орудие *fides*⁴³. Мировоззренческое лицо византийского православия этого периода определял «неохалкидонизм». Поддержка императора Юстиниана, выступающего и в качестве богослова, придало данному течению определенный статус официальной доктрины. Первым неохалкидонитом можно считать Нефалия Александрийского. Личность беспокойная и мятежная, он был первоначально лидером крайних монофизитов («акефалов») в Египте, а затем стал перебежчиком в лагерь православия и повел активную кампанию против Севера Антиохийского. От его произведений ничего не сохранилось, но вряд ли Нефалий был глубоким мыслителем; скорее он обладал талантом легко воспринимать идеи, витающие в воздухе. Известно, что Нефалий написал «Апологию Халкидонского собора», послужившую прототипом аналогичного сочинения Иоанна Грамматика, и высказал ряд основных христологических тезисов неохалкидонизма⁴⁴. В отличие от Нефалия, несомненная философская одаренность присуща Иоанну Скифополь-

скому — младшему современнику Иоанна Грамматика. Ему принадлежало пять сочинений (среди них также «Апология Халкидонского собора») ⁴⁵, из которых первое место по своей философской значимости занимают схолии к ареопагитскому корпусу. В них прослеживается определенное влияние Плотина ⁴⁶ и вообще автор обнаруживает солидное знание античной философии и высокую культуру мышления ⁴⁷. Следует отметить, что Иоанн Скифопольский был автором «Пролога» и подавляющего большинства схолий к «Ареопагитикам». Более того, сам корпус сочинений Псевдо-Дионисия был составлен в непосредственном окружении его, о чем недвусмысленно свидетельствует рукописная традиция ⁴⁸. Судя по одному фрагменту сочинения против Севера Антиохийского ⁴⁹, свою высокую культуру мышления Иоанн Скифопольский удачно применял и в сфере богословской полемики.

Центральными фигурами в истории византийской философии и богословия VI в. бесспорно являются авторы так называемого «Леонтьевского корпуса»: Леонтий Византийский и Леонтий Иерусалимский. В настоящее время общепризнанно, что гипотеза о едином авторе этого корпуса не выдерживает критики и поэтому речь может идти о двух писателях (исключая авторов сочинения «О сектах» и гомилий, также входящих в корпус), каждый из которых обладает своим специфичным мировоззрением ⁵⁰. Если Леонтия Иерусалимского большинство исследователей единодушно причисляют к неохалкидонизму ⁵¹, то в отношении Леонтия Византийского такое единодушие отсутствует. Некоторые ученые отстаивают точку зрения, что данного автора необходимо рассматривать как оригениста ⁵²; другие видят в нем «строгую халкидонита» с ярко выраженным дифиситским началом ⁵³; третьи считают, что «оригенизм» Леонтия Византийского не противоречит его «халкидонизму» ⁵⁴; наконец, четвертые предпочитают рассматривать его в русле христологии Кирилла Александрийского ⁵⁵. Но какова бы ни была позиция Леонтия Византийского в догматических спорах, очень важна констатация, что его мировоззрение испытывало влияние перипатетизма, причем модифицированного, опосредованного неоплатоническими комментаторами Аристотеля ⁵⁶. Антропология его, как и Леонтия Иерусалимского, также формировалась под значительным воздействием неоплатонизма ⁵⁷.

³⁵ Halleux de A. Monophysitismus und Spiritualität nach dem Johanneskommentar des Philoxenus von Mabbug // Theologie und Philosophie. 1978. Bd. 53. S. 353—366.

³⁶ См.: Bardy G. La florilège d'Etienne Gobar // Revue des études byzantines. 1947. T. 5. P. 29.

³⁷ Vie de Severe par Zacharie le Scholastique / Ed. par M. A. Kugener // Patrologia Orientalis. P. 1903. T. II. Fasc. 1. P. 10—13, 44 ff.

³⁸ Ibid. P. 90.

³⁹ Wallace-Hadrill D. S. Christian Antioch: A Study of Early Christian Thought in the East. Cambridge, 1982. P. 106—107.

⁴⁰ Torrance I. R. A. Theological Introduction to the Letters between Severus of Antioch and the Sergius the Grammarian // Ekklesia kai Theologia. 1981. Vol. 2. P. 984—991.

⁴¹ Saffrey H. D. Le chretien Jean Philopon et la survivance de l'école d'Alexandrie // Revue des études grecques. 1954. T. 67. P. 396—410.

⁴² Martin H. Jean Philopon et la controverse tritheite du VI siècle // Studia Patristica. 1962. Vol. 5. Pt. 3. P. 519—525.

⁴³ Uthemann K.-H. Syllogistik im Dienst der Orthodoxie: Zwei unedirte Texte byzantinischer Kontroverstheologie des 6. Jahrhunderts // JÖB. 1981. Bd. 30. S. 105.

⁴⁴ Moeller Ch. Un representant de la christologie neochalcedonienne au debut du sixieme siecle en Orient: Nephalius d'Alexandrie // Revue d'Histoire Ecclesiastique. 1944/1945. T. 40. P. 73—140.

⁴⁵ Flusin B. Miracle et histoire dans l'oeuvre de Cyrille de Scythopoli. P., 1983. P. 17—28; Perrone L. Op. cit. P. 240—248.

⁴⁶ Bieverwaltes W. Johannes von Skythopolis und Plotin // Studia Patristica. 1972. Vol. 11. Pt. 2. P. 3—7.

⁴⁷ Balthasar von H. U. Das Scholienwerk des Johannes von Skythopolis // Scholastik. 1940. Bd. 15. S. 16—38.

⁴⁸ Suchla B. R. Die sogenannten Maximus-Scholien des Corpus Dionysiacum Areopagiticum // Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philolog.-hist. Klasse. 1980. N 3. S. 33—66; Idem. Die Überlieferung des Prologs des Johannes von Skythopolis zum griechischen Corpus Dionysiacum Areopagiticum // Ibid. 1984. N 1. S. 177—188; Idem. Eine Redaktion des griechischen Corpus Dionysiacum Areopagiticum im Umkreis des Johannes von Skythopolis, des Verfassers von Prolog und Scholien // Ibid. 1985. N 4. S. 179—194.

⁴⁹ Doctrina Patrum. S. 85—86.

⁵⁰ Daley B. The Origenism of Leontius of Byzantium // Journal of Theological Studies. 1976. Vol. 27. P. 333; Basdekis A. Die Christologie des Leontius von Jerusalem: Seine Logoslehre. Münster, 1974. S. XIV—XVI; Perrone L. Op. cit. P. 260—284.

⁵¹ Moeller Ch. Textes «monophysites» de Leonce de Jerusalem // Ephemerides Theologicae Lovanienses. 1951. T. 27. P. 472; Beck H. G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959. S. 379; Helmer S. Op. cit. S. 202—215; Gray P. T. R. Op. cit. P. 122—141.

⁵² Richard M. Opera minora. Turnhout; Brepols, 1976. N 57. P. 31—66; N 59. P. 1—54; Evans D. B. Leontius of Byzantium: An Origenist Christology. Wash., 1970. P. 84—131; Meyendorff J. Le Christ dans la theologie byzantine. P., 1969. P. 79—85.

⁵³ Beck H. G. Op. cit. S. 373—374; Daley B. Op. cit. P. 361—362.

⁵⁴ Gray P. T. R. Op. cit. P. 90—102.

⁵⁵ Lynch J. J. Leontius of Byzantium: A Cyrillian Christology // Theological Studies. 1975. Vol. 36. P. 455—471.

⁵⁶ Reindl H. Der Aristotelismus bei Leontius von Byzanz. München, 1953. S. 148.

⁵⁷ Otto S. Person und Subsistenz: Die philosophische Anthropologie des Leontius von Byzanz. Ein Beitrag zur spätantike Geistesgeschichte. München, 1968. S. 151—190.

Не чуждался философско-логической проблематики и Ефрем Антиохийский, о чем свидетельствует его небольшое сочинение против Акакия Апамейского, «философа и пресвитера»⁵⁸. Она ярко представлена также в трактате Феодора Раифского «Приуготовление», вторая часть которого есть самостоятельное логическое произведение⁵⁹. Еще один неохалкидонит — Памфилий Иерусалимский, известен как автор сочинения, фигурирующего под не совсем точным названием *Panoplia Dogmatica*⁶⁰. Несмотря на компилятивный характер труда, Памфилий проявляет себя достаточно сильным мыслителем, неплохо знакомым с аристотелевской логикой и произведениями Порфирия. Во всяком случае, в первых двух главах данного произведения, где определяются понятия «сущность», «природа» и «ипостась», он проводит сопоставление взглядов Аристотеля и отцов церкви⁶¹. Методы логического мышления, разработанные в перипатетизме и неоплатонизме, наложили сильный отпечаток и на мировоззрение Анастасия I Антиохийского, который, по своему стремлению к универсальности и тенденции к обобщению богословско-философского материала, накопленного предшествующей патристикой, является предтечей Иоанна Дамаскина⁶². Недавно изданные К. Х. Утеманном «Философские главы», представляющие собой компендиум философских понятий и определений⁶³, еще ждут своего исследователя.

Намеченное философско-логическое течение в византийском ортодоксальном христианстве прослеживается и в дальнейшем. Примером тому служат два небольших анонимных сочинения по логике, служивших пособием для богословов в ту эпоху жарких догматических споров⁶⁴. Анастасий Синаит, хотя и заявлял, что «кафолическая церковь догматизирует о Христе не по-аристотелевски или по-эллински, но... по-евангельски и по-апостольски»⁶⁵, в своей полемике против монофиситов и монофелитов также активно использовал оружие логики (PG, 89, col. 52—88). Данное течение нашло свое завершение в трудах Иоанна Дамаскина. Правда, чтобы сохранить верную историческую перспективу, необходимо отметить, что подобная философская тенденция в византийской ортодоксии отнюдь не была единственной. Не говоря о богатой монашеской и агиографической литературе, имеются примеры совсем иного подхода к христологической проблеме. В частности, монах Иов (автор практически неисследованный), от сочинений которого до нас дошли незначительные фрагменты (PG, 86, col. 3313—3320) и обширный реферат Фотия⁶⁶, акцентирует прежде всего сотериологический аспект христологической проблемы, отстраняясь от понятийной разработки ее. Позднее в VII в. у Софрония Иерусалимского мы встречаем уже явное и открытое пренебрежение «рационалистическим» богословием⁶⁷. Максиму Исповеднику удается примирить обе тенденции в обобщающем синтезе.

Наконец, нельзя не упомянуть и о западном современнике Иоанна Грамматика — Боэция⁶⁸. Многие сложные проблемы, связанные с его

творчеством, еще далеки от своего решения. Среди них главным представляется вопрос о взаимоотношении элементов античной философии и христианства в мировоззрении Боэция. В большинстве исследований В. И. Уколовой прослеживается устойчивая тенденция рассматривать его только в одной плоскости — как наследника лишь античной философской традиции⁶⁹. Думается, что это не совсем соответствует истине и более адекватным и плодотворным представляется подход Г. Г. Майорова, анализирующего мирозерцание Боэция в перспективе взаимодействия двух его уровней: теологии и философии⁷⁰. Действительно, в своих пяти богословских трактатах он разграничивает сферы разума и откровения, рассматривая их в качестве двух равноправных и параллельных путей познания истины⁷¹. Данные трактаты Боэция органично вписываются в общий контекст догматических споров начала VI в.⁷² Особенно это касается трактата «Против Евтихия и Нестория», где философско-богословский анализ терминов⁷³ вполне сопоставим с аналогичными дефинициями у византийских авторов VI в.

Таков, в самом беглом очерке, культурно-исторический контекст, на фоне которого протекала литературная деятельность Иоанна Грамматика⁷⁴. Он позволяет заключить, что, при определенном доминировании «философствующего богословия» в византийском христианстве VI в., данная тенденция развивалась как бы на фоне тенденции иной, если не «антифилософской», то явно «вне-философской». Их контраст становится наиболее ощутимым, когда они сочетаются в личности одного автора (например, Севера Антиохийского, Бабая Великого и др.). Вместе с тем, именно он заставляет зримо чувствовать, что обе тенденции суть грани одного целого. Обращаясь к творчеству Иоанна Грамматика, следовало бы проследить и наметить как и каким образом они преломлялись в призме его мирозерцания. Для этого изберем два момента его учения, имеющие безусловно философское значение. Анализ их будет опираться на два произведения его: «Апологию Халкидонского собора» и «Семнадцать глав против акефалов» (при учете корректив, внесенных К. Х. Утеманном).

3. ДИАЛЕКТИКА ПОНЯТИЙ

«СУЩНОСТЬ» («ПРИРОДА») — «ИПОСТАСЬ» («ЛИЦО»)

Взаимоотношение данных понятий в сфере «теологии»⁷⁵ установилось в период тринитарных споров IV в., благодаря богословско-логической систематизации, проведенной кружком каппадокийцев⁷⁶. Предшественниками их в этом плане были Ориген⁷⁷ и омиусиане⁷⁸. Классиче-

⁵⁸ Там же. С. 10—11, 16—17; Боэций и христианство // Религии мира: История и современность. М., 1982. С. 243—246; Особенности культурной жизни Запада // Культура Византии. С. 96.

⁵⁹ Майоров Г. Г. Указ. соч. С. 365—372.

⁶⁰ Chadwick H. Boethius: The Consolation of Music, Logic, Theology and Philosophy. Oxford, 1981. P. XIII, cp. P. 220.

⁶¹ Schurr V. Die Trinitätslehre des Boethius im Lichte der «skythischen Kontroversen». Paderborn, 1935. S. 105—232.

⁶² Lutz-Bachmann M. «Natur» und «Person» in den «Opuscula Sacra» des A. M. S. Boethius // Theologie und Philosophie. 1983. Bd. 58. S. 48—70.

⁶³ Естественно, что в данной работе не затрагивается весь сложный комплекс византийской культуры. Принимаются во внимание лишь те идеологические течения, которые имели непосредственное отношение к творчеству Иоанна Грамматика.

⁶⁴ В византийской (христианской) системе мышления термином «теология» очень часто обозначалось «учение о Боге в Самом Себе» (включая тринитарное учение). Применять его ко всей совокупности догматического вероучения христианства, как это часто делается, не совсем верно. Поэтому мы предпочитаем употреблять в последнем значении понятие «богословие».

⁶⁵ Спаский А. История догматических движений в эпоху вселенских соборов (в связи с философскими течениями того времени). Сергиев Посад, 1914. С. 488—507; Tixeront J. Melanges de patrologie et d'histoire des dogmes. P., 1921. P. 210—227.

⁶⁶ Болотов В. В. Учение Оригена о Святой Троице. СПб., 1879. С. 258—268.

⁶⁷ Виноградов В. О. О литературных памятниках полуарианства // Богословский Вестник. 1911. С. 746—755.

⁵⁸ Helmer S. Op. cit. S. 271—272.

⁵⁹ Diekamp F. Analecta Patristica: Texte und Abhandlungen zur griechischen Patristik. Roma, 1938. S. 173—222.

⁶⁰ Richard M. Opera minora. N 58. P. 27—52; Idem. Pamphile de Jerusalem // Le Museon. 1977. T. 90. P. 277—280.

⁶¹ Mai A. Nova patrum bibliotheca. Roma, 1844. T. II. P. 597—606.

⁶² Weiss G. Studia Anastasiana I: Studien zum Leben, zu den Schriften und zur Theologie des Patriarchen Anastasius I. von Antiochien (559—598). München, 1965. S. 143—152.

⁶³ Uthemann K.-H. Die «Philosophische Kapitel» des Anastasius I. von Antiochien (559—598) // Orientalia Christiana Periodica. 1980. Vol. 46. P. 306—366.

⁶⁴ Ruche M. Byzantine Philosophical Texts of the Seventh Century // Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik. 1974. Bd. 23. S. 61—76.

⁶⁵ Соколов В. Завершение византийской христологии после Леонтия Византийского // Православный Собеседник. 1916. С. 272.

⁶⁶ Photius. Bibliotheca. P., 1962. T. 3. P. 152—227.

⁶⁷ Schönborn von Ch. Op. cit. P. 176—178.

⁶⁸ См. библиографию в предисловии В. И. Уколовой к переводам сочинений Боэция в кн.: Средневековье в свидетельствах современников. М., 1984. С. 4.

ским образом такой систематизации служит 38-е послание Василия Великого, которое на самом деле принадлежит его брату Григорию Нисскому⁷⁹. На нем и следует несколько остановиться⁸⁰.

Автор начинает свое послание указанием на то, что многие «относительно таинственных догматов» не проводят грани между «общим началом сущности» (τὸ κοινὸν τῆς οὐσίας) и «понятием ипостасей» (τὸ τῶν ὑποστάσεων λόγος), употребляя их в одном и том же значении. Согласно Григорию, среди понятий одни обозначают «вещи более общие» — пример тому слово «человек», делающее явным «общую природу»; другие обозначают более конкретные вещи, например, имена «Павел» и «Тимофей», являя как бы «ограничение» или «очертание» (περίγραφή) той или иной вещи. Познав «общее начало» единосущных вещей, мы должны переходить к свойствам, отличающим их друг от друга. Поэтому «высказываемое частным образом» обнаруживается посредством слова «ипостась». Например, словом «Павел» показывается природа, существующая в вещи, обозначаемой этим именем. Если понятие «сущность» представляется «неопределенным», ибо не обретает постоянства в общности обозначаемого, то понятие «ипостась», посредством проявляемых свойств, придает «общему» и «неописуемому» четкие границы. Далее Григорий Нисский применяет эти философско-логические дистинкции к тринитарному учению. Созерцаемые в Троице специфичные признаки, посредством которых образуется своеобразность Лиц Ее, являются несовместимыми (ἀσύμμετα) и несообщаемыми (ἀκοινώτητα) «в общности сущности». Но это не означает, что следует мыслить о разделении Лиц, ибо различие Ипостасей не разрушает «связности природы», а ее общность не стирает своеобразия специфичных признаков. Данное, на первый взгляд парадоксальное сочетание, Григорий называет «соединенным разделением и разделенным соединением», указывая, что подобную парадоксальность можно наблюдать и в сфере «чувственного». Но всякое образное сравнение с ней есть только «пример и тень истины». Как в нашем созерцании материального мира «опыт» всегда лучше «рассуждения о причине», так и «вера» лучше «рассудочного постижения». Установив этот приоритет «опыта веры» над логикой, Григорий продолжает ход своих рассуждений, давая точное определение ипостаси: она есть «совокупность свойств каждого (индивидуума)» или же «отличительный признак существования каждого».

Таким образом, Григорий Нисский устанавливает взаимное отношение «сущности» и «ипостаси». Некоторые западные исследователи отмечают, что в анализе «ипостаси» Григория Нисского отсутствует «личностный» момент: у него речь идет скорее о «вещи», чем о «личности»⁸¹. Подобное суждение не совсем верно, ибо, во-первых, Григорий, говоря об ипостаси, имеет в виду, главным образом, область «разумного бытия». Во-вторых, отсутствие глубинного анализа личности объясняется тем, что такой цели и не ставилось: для Григория основной задачей было установление соотношения бытия общего и бытия конкретного. В других своих произведениях он, как показывает Д. Линч, постоянно отождествляя «лицо» и «ипостась», всегда соотносит данное понятие с существами разумными и духовными, т. е. обладающими самосознанием. Тем самым он вплотную приближается к современному понятию «личности» (= «центр

сознания»), которое берет истоки в известном определении «лица» у Боэция: *rationalis naturae individua substantia*⁸². Наконец, в-третьих, хотелось бы заметить, что брать западное представление о «личности» (с его преобладающим акцентом на рациональном начале ее) в качестве эталона и применять его к византийской системе мышления, представляется нам процедурой недостаточно корректной. Как показывают определения «ипостаси» Григория Нисского, Иоанна Грамматика и др. византийских писателей, их интересует в «личности» не столько момент «сознания», сколько момент «бытия» (хотя, конечно, и первый не остается без внимания). Подобная «онтологичность» представления о личности в Византии служит немаловажной чертой ее своеобразной культуры.

Выработанное каппадокийцами соотношение указанных терминов, став общепризнанным в тринитарном учении, долгое время не применялось в христологии, в результате чего возник определенный разрыв между «теологией» и «икономией». Особенно большие сложности появились в связи с применением в христологии понятия «ипостась», ибо здесь вставала проблема: воспринял ли Логос (одна из «Ипостасей Троицы») при своем воплощении еще и человеческую ипостась?⁸³ Ее решение заняло не одно столетие. Важной вехой на этом пути были произведения неохалкидонитов и Иоанна Грамматика в частности, который был первым мыслителем, перенесшим терминологию каппадокийцев в область христологии⁸⁴. Следует поэтому обратиться к его фрагментам.

За исходный пункт своих богословско-логических рассуждений Иоанн Грамматик берет краткое определение Василия Великого: «каково отношение общего к частному, таково и отношение сущности к ипостаси» (Апол. греч. II. 21—22; ср.: Апол. лат. 15, 114—116). Для Иоанна Грамматика также «все общее, созерцаемое во многих (существах) и не претерпевающее ни увеличения, ни убавления, называется сущностью» (Апол. греч. I. 1—2). Примером такой сущности может служить «человеческая природа»: каждому конкретному человеку равным образом «присуще быть смертным и разумным живым существом, могущим вместить в себя ум и знание» (Апол. греч. II. 23—25). Данная человеческая природа является «сложной», ибо состоит «из несходных вещей», т. е. души и тела. В ней наличествуют «отличительные признаки» двух сущностей, но, рассматриваемая относительно «общего начала», она есть «единая сущность» (Апол. греч. I. 3—7; II. 17—19). Таким образом, Иоанн Грамматик, следуя за каппадокийцами, в то же время вводит новое понятие — «сложная сущность». Однако возникает естественный вопрос: если «сложная сущность» включает в себя две сущности, то как они соотносятся друг с другом? Пока у Иоанна Грамматика ответ на него не дается. Для нашего автора «сущность» тождественна «природе» (Апол. греч. I. 10—11), поэтому, на первый взгляд, странным кажется его утверждение, что под «природой» иногда понимается «сущность», а иногда «ипостась» (Апол. лат. 5.39—40). Иоанн Грамматик приводит и образцы такого употребления у Афанасия и Кирилла Александрийских. Первый из них говорит, что «ипостась есть сущность» и означает «само бытие». Ибо «ипостась и сущность есть существование; она есть и существует». Иоанн Грамматик подхватывает данную мысль: «Если кто назовет, в соответствии с этим суждением, сущности воипостасными (ἐνυποστάτους), т. е. существующими, мы не станем возражать. Ведь ипостась ничем не отличается от сущности в отношении бытия; их отличие состоит лишь в том, что сущность есть бытие общее, а ипостась — бытие индивидуальное, когда она, вместе с общим, обладает еще и чем-то инди-

⁷⁹ Hübner K. Gregor von Nyssa als Verfasser der sog. Ep. 38 des Basilii: Zum unterschiedlichen Verständnis der ousia bei kappadozischen Brüdern // Epektatis: Melanges patristiques offerts au cardinal Jean Danielou. P., 1972. P. 463—490; Gribmont J. Notes biographiques sur S. Basile le Grand // Basil of Caesarea: Christian, Humanist, Ascetic. A Sixteen-Hundredth Anniversary Symposium. Toronto, 1981. P. 24; Fedwick P. J. A Commentary of Gregory of Nyssa or the 38th Letter of Basil of Caesarea // Orientalia Christiana Periodica. 1978. Vol. 44. P. 31—51.

⁸⁰ Текст послания цитируется по изданию: Saint Basile. Lettres / Texte etab. et trad. par Y. Courtonne. P., 1957. T. 1. P. 81—92.

⁸¹ Grillmeier A. Le Christ dans la tradition chretienne. P., 1973. P. 331—336; Heinzer F. Gottes Sohn als Mensch: Die Struktur des Menschsein Christi bei Maximus Confessor. Freiburg, 1980. S. 60—61.

⁸² Lynch J. J. Prosopon in Gregory of Nyssa // Theological Studies. 1979. Vol. 40. P. 728—738.

⁸³ Richard M. Opera minora. N 42. P. 1—56.

⁸⁴ Gray P. T. R. Op. cit. P. 116; Helmer S. Op. cit. S. 167; Moeller Ch. Trois fragments grecs. . . P. 687; Meyendorff J. Le Christ. . . P. 96—97; Perrone L. Op. cit. P. 254—255.

видуальным. Мы говорим, что наша сущность во Христе воипостасна не потому, что она сама по себе есть «характерная» ипостась и лицо, но потому, что она существует и есть. Ибо, как было показано, ипостась, т. е. сущность, тогда являет бытие (τὸ ὄφρ' ἔστιν εἶναι), когда она лишена характерных свойств, которые наблюдаются у лица» (Апол. греч. IV. 196—211). В данном фрагменте Иоанна Грамматика ярко подчеркивается «онтологический статус» ипостаси, о котором речь шла выше и который восходит к исконному значению глагола ὀφείτω. Именно «бытийственность» представляется основой единства ипостаси и сущности, но она не ведет к смешению их. Подобные диалектические тонкости, в период тринитарных споров, трудно воспринимались на латинском Западе. Например, известный Иероним отвергал формулу каппадокийцев («одна сущность — три ипостаси») как арианскую, ибо для него ипостась была тождественной «субстанции»⁸⁵. В этом и др. подобных нюансах улавливаются существенные моменты различия западнолатинского и византийского стилей мышления.

Точного определения ипостаси у Иоанна Грамматика не дается. Но он постоянно сочетает данное понятие с прилагательным *χαρακτηριστική*, или говорит, что ипостась следует полагать ἐν *χαρακτήρι* и что, в таком случае, она тождественна «лицу». Без этого «отличительного свойства» понятие «ипостась» принимает значение «сущности» (Апол. лат. 19, 134—137; Апол. греч. III, 73—77). Здесь *χαρακτήρ* Иоанна Грамматика вполне можно сравнить с *περίγραφη* Григория Нисского — у обоих речь идет о внешней оформленности, специфичных чертах неповторимого облика каждого индивидуума. Однако, остается неясным: является ли подобная «проявленность во-вне» отражением глубинной, сознательной сущности индивидуума, т. е. его «личности», или же она остается на уровне чисто внешнего своеобразия (исходное значение термина *πρόσωπον*). Важно и другое: в указанном тексте Иоанна Грамматика намечается еще один аспект связи ипостаси и сущности. Ход мысли автора станет более понятным, если обратиться к другим фрагментам. Исходя из своего определения сущности, Иоанн Грамматик говорит, что «она равным образом содержится в индивидуумах, относящихся к одному и тому же виду, а вне их она не существует» (XVII Глав, 9, 99—101). Иначе говоря, общее не существует вне индивидуального. Позднейшая проблема средневековой философии — проблема «универсалий» — не стоит перед нашим автором, но он, как и все византийские мыслители, скорее склоняется к умеренному реализму⁸⁶. Это положение Иоанна Грамматика напоминает тезис Леонтия Византийского: *οὐκ ἔστιν φύσις ἀνυπόστατος*. Православные, монофиситы и несториане в данном случае были единодушны, однако, их единодушие не простиралось далее. Монофиситы и несториане считали, что логическим следствием тезиса является положение: каждая «природа» обладает своей «ипостасью» — такой вывод встречал резкий отпор православных богословов⁸⁷.

Свое положение Иоанн Грамматик рассматривает и в несколько ином ракурсе. Применительно к тринитарному учению, оно предполагает отрицание разделения в божественной сущности; все отличительные признаки ее («благость», «зизидительность» и т. д.) наличествуют в каждой «характерной Ипостаси Троицы». В отношении к христологии тот же тезис означает, что во Христе есть полностью и «сущность божества» и «вся человеческая сущность», т. е. «плоть, одушевленная разумной и мыслящей душой». Что касается последней сущности, то она одинаковым образом содержится в отдельных людях. И эти индивидуумы различаются

между собой «не сущностью, но сопутствующими свойствами, как то: ростом, цветом кожи и, кратко сказать, характерными качествами лиц» (Апол. греч. III. 40—79; Апол. лат. 14. 80—110). Относительно последнего предложения опять возникает вопрос: подразумевает ли оно концепцию «личности» (в указанном «западном» значении слова), или же речь идет просто о «лице»? С одной стороны, Иоанн Грамматик подчеркивает чисто внешние характеристики индивидуумов («рост», «цвет кожи»), однако, с другой стороны, неразделимость сущности предполагает полноту содержания ее в каждом индивидууме. Если сущность человека заключается в том, чтобы быть «смертным и разумным живым существом, могущим вместить в себя ум и знание», то, разумеется, это определение характеризует и сущностное содержание каждого человека, т. е. влечет за собой понятие «личности». Тем не менее, окончательной ясности в данном вопросе еще нет.

Подобно всем православным богословам, Иоанн Грамматик решительно восстает против положения: «(всякая) природа сопровождается лицом». Как говорилось выше, здесь подразумевается монофизитская и несторианская корреляция тезиса о невозможности существования общего без индивидуального. Иоанн Грамматик, в своей полемике против этой корреляции, прямо уравнивает несториан и монофизитов (Апол. греч. IV. 88—93). Что касается несторианства, то в «Книге Гераклида», оставляя в стороне спорный вопрос об авторстве ее (принадлежность ее самому Несторию, или, частично, Псевдо-Несторию)⁸⁸, разрабатывается тонкая диалектика рассматриваемых понятий. Термин «природа» здесь означает прежде всего конкретную реальность (или «сущность») — это первый аспект «природы». Поскольку она характеризуется комплексом акциденций и свойств, то субстратом их является «ипостась» — это второй аспект «природы». Термин же «лицо» понимается в двух смыслах: как «внешний лик», т. е. внешнее проявление индивидуальных свойств природы («природное лицо», и как «личность», т. е. единство духовного и телесного начал в человеке (в применении к Христу это — «лицо единения»)⁸⁹. Подобные тонкие логические дистинкции служили для обоснования христологической догмы несториан, которая, путем ряда изменений, пришла к стандартной формуле: «две природы — две ипостаси — одно лицо» (автор ее — Бабай Великий), ставшей после собора 612 г. официальной доктриной несторианской церкви⁹⁰. В монофизитской же христологии (ибо в «теологии» монофизиты придерживались учения каппадокийцев), понятия «природа», «ипостась» и «лицо» были синонимами, обозначая индивидуальную и конкретную реальность; поэтому всякая «природа» здесь, естественно, предполагала и «ипостась» и «лицо»⁹¹.

При несомненной близости философско-логических рассуждений в несторианстве и монофизитстве, христологические учения их развивались совсем в противоположном направлении. Это еще раз доказывает, что содержание догматического вероучения отнюдь не детерминировалось законами логики. Иоанн Грамматик, отрицая указанную корреляцию тезиса, не стремится постичь логико-философского обоснования ее у своих оппонентов.

Проблему взаимоотношения «сущности» и «ипостаси» он пытается решить иным путем, выделяя три уровня их единства. Первый — единение «по сущности»; примером его служит единство Ипостасей Троицы. Второй — единение «относительное» (*κατὰ συζέσιν*), которое может мыс-

⁸⁵ Prestige G. L. *God in Patristic Thought*. L., 1952. P. 233—237.

⁸⁶ Benakis L. *The Problem of Genetal Concepts in Neoplatonism and Byzantine Thought // Neoplatonism and Christian Thought / Ed. by D. J. O'Meara*. N. Y., 1982. P. 75—86.

⁸⁷ Stikelberger H. *Substanz und Akzidenz bei Leontius von Byzanz // Theologische Zeitschrift*. 1980. Bd 36. S. 157.

⁸⁸ Chesnut R. C. *The Two Prosopa in Nestorius' Bazaar of Heracleides // The Journal of Theological Studies*. 1978. Vol. 29. P. 392—398.

⁸⁹ Abramowski L. *Untersuchungen zum Liber Heraclides des Nestorius*. Louvain, 1963. S. 209—211; Grillmeier A. *Mit Ihm und in Ihm: Christologische Forschungen und Perspektiven*. Freiburg im. Br., 1975. S. 265—270.

⁹⁰ Abramowski L. *Die Christologie Babais des Grossen*. S. 221—223.

⁹¹ Lebon J. *La christologie du monophysisme syrien // Das Konzil von Chalkedon*. Bd. I. S. 461.

литься во многих видах: единение «по соименности», «по равночестию», «по тождеству воли» и т. п.; примером их может служить единство апостолов Христа. В частности, Петр и Павел, при их единстве, не образуют одной ипостаси, одного лица или «воипостасного единения» (Апол. греч. IV. 93—108). Для подобных уровней единства Иоанн Грамматик считает возможным применение принципа: «особое лицо есть следствие всякой природы». Главное внимание он сосредотачивает на третьем уровне — единении «по ипостаси». Он говорит: «иногда различные природы, сочетаясь в нераздельном единении, образуют единое лицо и единую ипостась. Например, четыре элемента (στοιχεῖα), будучи различными сущностями, создают единое тело либо конкретного дерева, либо конкретного камня, созерцаемого в своем своеобразии, что является ипостасью». Иоанн Грамматик, правда, тут же признает свой пример не очень удачным, говоря, что он может быть и образцом «смешения» и «слияния» (Апол. греч. IV, 134—140). Однако, сама возможность такого примера и применение к камню или дереву понятия «ипостась» показывает, что момент «сознания» не является обязательным в определении «лица» у Иоанна Грамматика.

4. АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

Концепцию «ипостасного единения» Иоанн Грамматик, в основном, иллюстрирует на примерах соединения природ во Христе и соединения души и тела в человеке. Тем самым ставится вопрос о связи христологии и антропологии. По совершенно верному замечанию З. В. Удальцовой, «философским содержанием их (христологических споров. — А. С.) была антропологическая проблема»⁹². В данной работе нам бы хотелось, на основе некоторых фрагментов Иоанна Грамматика, определить место и роль этого «философского содержания» в христологических спорах. При этом следует отметить два аспекта связи христологии и антропологии. С одной стороны, известное библейское повествование о сотворении человека «по образу и подобию Божию» уже с первых веков христианства толковалось в том плане, что под «образом» понимался Христос⁹³, т. е. налицо имеется христоцентричная ориентация учения о человеке. С другой стороны, в сфере христологии использовались образы и понятия, заимствованные из античной антропологии. Это касается прежде всего сравнения соединения природ во Христе с соединением души и тела в человеке или так называемой «антропологической модели (парадигмы)». Поскольку эта модель имела до Иоанна Грамматика уже значительную предисторию, необходимо сделать небольшой экскурс в нее.

Впервые они встречаются у оригенистов — оппонентов Павла Самосатского, во главе с Малхионом, если судить по фрагментам деяний антиохийского собора 268 г.⁹⁴ Однако, подлинность этих фрагментов, большинство из которых содержится в произведениях монофиситских авторов V—VI вв., на весьма достаточных основаниях подвергается сомнению как аполлинаристские подлоги⁹⁵. Поэтому первое употребление антропологической модели с точностью можно фиксировать только у Евсевия Эмесского — видного представителя партии омиусиан в период тринитарных споров⁹⁶. Активное использование модели наблюдается

у двух ариан позднего поколения: Лудия Александрийского и Евдоксия Константинопольского. Исходя из того положения, что во Христе человеческая душа заменяется Логосом, в результате чего происходит «единое лицо» или «единая сложная природа», они без всяких ограничений сопоставляли христологию и антропологию⁹⁷. В русле этих идей развивалась и христология Аполлинария, который учил о «высшем единстве» божества и человечества во Христе, составляющих «единую природу». Она мыслится по типу человеческой природы и есть как бы «биологическое единство» Логоса и плоти⁹⁸. Придерживаясь теории субстанциальной автономии духовной природы, Аполлиналий приходит к отрицанию полноты человеческой сущности Христа: в нем не могут быть одновременно два ума — божественный и человеческий, но только первый⁹⁹. Признание во Христе человеческого ума низводило бы его на уровень других людей, и поэтому воплощение для Аполлинария есть «инкарнация Ума»; принципом жизни и деятельности во Христе является только Логос¹⁰⁰. Если у Лудия и Евдоксия христология «понималась» до антропологии, то у Аполлинария антропология «возвышалась» до христологии; и, как это часто бывает в истории культуры, противоположные мировоззренческие позиции сближаются, словно края разомкнутого круга.

Среди богословов православного направления антропологической моделью пользовался Григорий Нисский¹⁰¹, беря на вооружение различные термины, имевшие хождение в античной философии для обозначения форм соединения (μῆις, κράσις, ἕνωσις), он придавал им новое значение. В отличие от Аполлинария, для Григория эта модель была только аналогией, не ведущей к смешению сфер антропологии и христологии¹⁰². Подобное же отношение к данной парадигме наблюдается и у Кирилла Александрийского, хорошо осознающего ограниченные возможности сравнения единства души и тела в человеке с единством природ во Христе¹⁰³. Для Немесия Эмесского антропология представляла как бы «предполье» христологии, ибо «понимание тайны человека» вело к пониманию «тайны Богочеловека»¹⁰⁴. В своем известном трактате Немесий, используя антропологическую модель, указывает на ее неадекватность: душа, в отличие от Логоса, представляется «сочувствующей» телу¹⁰⁵. В западной патристике указанное сравнение в христологию активно вводил Августин¹⁰⁶; на него, как и на Немесия, в данном случае определенное влияние оказал неоплатонизм¹⁰⁷. Правда, сами неоплатоники вряд ли могли признать здесь христианских писателей своими преемниками: идея трансцендентности высшего Бога, не могущего всту-

⁹² Ibid. S. 56—96.

⁹³ Riedmatten de H. La christologie d'Apollinaire de Laodicee // Studia Patristica. 1957. Vol. 2. P. 213—216; Idem. Some Neglected Aspects of Apollinarian Christology // Dominican Studies. 1948. Vol. 1. P. 256—258.

⁹⁴ Liebaert J. Christologie von der apostolischen Zeit bis zum Konzil von Chalkedon (451) // Handbuch der Dogmengeschichte / Hrsg. von M. Schmaus und A. Grillmeier. Freiburg, 1965. Bd. III. 1. S. 80; Raven Ch. E. Apollinarianism: An Essay on the Christology of the Early Church. Cambridge, 1923. P. 182.

¹⁰⁰ Mühlenberg E. Apollinarius von Laodicea. Göttingen, 1969. S. 108—149.

¹⁰¹ Stockmeier P. Des anthropologische Modell der Spätantike und die Formel von Chalcedon // Annuaire Historiae Conciliorum. 1976. Bd. 8. S. 46—48; Gahbauer F. R. Op. cit. S. 101—126.

¹⁰² Bouchet J. R. La vocabulaire de l'union et rapport des natures chez S. Gregoire de Nysse // Revue Thomiste. 1968. T. 68. P. 551—565.

¹⁰³ Diepen H. M. Aux origines de l'anthropologie de Saint Cyrille d'Alexandrie. P., 1957. P. 75—80; Du Manoir de Juaye H. Dogme et spiritualite chez Saint Cyrille d'Alexandrie. P., 1944. P. 138—139.

¹⁰⁴ Kallis A. Der Mensch im Kosmos: Das Weltbild Nemesios von Emesa. Münster, 1978. S. 126—128.

¹⁰⁵ Владимирский Ф. С. Указ. соч. С. 215—218.

¹⁰⁶ Van Bavel T. J. Recherches sur la christologie de Saint Augustin. Fribourg, 1954. P. 30—32, 181.

¹⁰⁷ Newton J. T. The Importance of Augustine's Use of the Neoplatonic Doctrine of Hypostatic Union for the Development of Christology // Augustinian Studies. 1971. Vol. 2. P. 1—16.

⁹² Культура Византии. С. 670.

⁹³ Stockmeier P. Die Entfaltung der Christologie und ihr Einfluss auf die Anthropologie der Spätantike // Im Gespräch: der Mensch: Ein interdisziplinärer Dialog. Düsseldorf, 1981. S. 249—250.

⁹⁴ Riedmatten de H. Les actes du proces de Paul de Samosate: Etude sur christologie du III au IV siecle. Fribourg, 1952. P. 50—51.

⁹⁵ Sample R. L. The Christology of the Council of Antioch (268 C. E.) Reconsidered // Church History. 1979. Vol. 48. P. 18—26.

⁹⁶ Gahbauer F. R. Das anthropologische Modell: Ein Beitrag zur Christologie der frühen Kirche bis Chalcedon. Würzburg, 1984. S. 32—55.

пить в прямой телесный контакт с человеком и стать единым с ним, отделяла резкой чертой неоплатонизм и христианство¹⁰⁸.

Следует отметить, что применение антропологической модели встречало оппозицию со стороны некоторых представителей антиохийской школы и, в частности, Диодора Тарсийского¹⁰⁹, хотя другие видные деятели этой школы — Феодор Мопсуестийский¹¹⁰ и Феодорит Кирский¹¹¹ — признавали относительное значение подобной парадигмы. Несторий здесь следовал за Диодором, ибо также отклонял указанную аналогию¹¹². Вряд ли можно считать его, подобно Немесию, затронутым влиянием неоплатонизма, как это делает Р. Арну¹¹³. Скорее Несторий, в своем учении о соединении двух природ во Христе был ближе к стоической концепции «всеобщего смешения» и явно расходился с Немесием. Во всяком случае, отрицание им антропологической модели наложило отпечаток и на последующее несторианство — Бабай Великий в данном вопросе разделял его взгляды¹¹⁴. Наоборот, монофизиты, следуя Кириллу Александрийскому в своей христологии, достаточно часто прибегали к сравнению с устроением человека¹¹⁵. Халкидонский собор, включив в свой «орос» известное выражение «неслиянное единение», берущее истоки в неоплатонической антропологии и учении о единстве идей в Уме¹¹⁶, в определенной степени санкционировал использование этой парадигмы. Однако, некоторые православные богословы позднейшего времени, в числе их Леонтий Иерусалимский¹¹⁷ и Максим Исповедник¹¹⁸ (в поздний период своего творчества), относились к ней негативно. Следовательно, Иоанн Грамматик, применяя антропологическую модель, опирался на достаточно устойчивую, хотя и не бесспорную традицию. Обратимся теперь к текстам, где фигурирует данная модель.

Наш автор заявляет: «Для высшего единения свойственно как обладание тождеством и единством, так и инаковостью — примером этому служит единение по ипостаси». Таковым представляется соединение души и тела, содержащее «инаковость сущности и тождество ипостаси. Ведь одно — сущность души, а другое — сущность тела; тем не менее, человеку возможно быть единым живым существом. Вряд ли допустимо высказывание, что душа по природе смертна, а плоть — духовна (νοητικὴ); и когда плоть немощна, мы говорим о силе духа. Един человек, состоящий из этих двух частей, и каждая из них равным образом существует и мыслится в едином» (XVII Глав, 8, 90—98). Данное положение Иоанн Грамматик, прибегая к известному новозаветному образу о «внутреннем» и «внешнем» человеке (2 Кор. 4, 16), полемически заостряет против тезиса о единосущности души и тела: «Ведь не потому един внутренний и внешний человек, что душа и тело из одной сущности, но, признав единство лица, мы ... не осмелимся утверждать, что душа и тело есть одна и та же сущность» (Апол. лат. 7. 43—46). Это подкрепляется у автора следующим силлогистическим доводом: «если тело и душа из одной и

той же сущности, то, следовательно, они — единосущны. Поскольку же тело тленно, то тогда тленна и душа, а поэтому ложным бы представлялось высказывание о ней как о бессмертной» (Апол. лат. 8. 47—50). Подобные высказывания встречаются у Иоанна Грамматика и в других фрагментах (Апол. лат. 52. 458—461; греч. IV. 140—156). Все они показывают, что глубинные пласты учения о человеке мало интересуют автора; он ограничивается самыми простыми и ходовыми «топосами» античной и христианской антропологии. Его внимание привлекает не столько «тайна» человека самого по себе, сколько «тайнство Богочеловека». Для Иоанна Грамматика, как и для всех христианских писателей, обе эти тайны тесно взаимосвязаны, но «иерархически» они совсем не равноправны. Он говорит: «Таким же образом произошло во Христе единение двух сущностей в единую ипостась и единое лицо, даже если приведенные примеры и неясно показывают это. Ибо домостроительство во Христе, подлинно превышающее всякое единение, ускользает от человеческого восприятия» (Апол. греч. IV. 156—160). Данная фраза знаменательна: она показывает, что для Иоанна Грамматика антропологическая модель была не больше, чем образное сравнение, т. е. представляла собой аналогию, где сравниваемые величины не располагаются на одной плоскости. Здесь он находится в русле халкидонской ортодоксии для которой, в противоположность аполлинарианству и монофизитству, эта модель указывает на «структурное подобие», а не на «структурное тождество» того, что сравнивается¹¹⁹.

Однако, признав непостижимость «тайнства воплощения», автор не оставляет попыток постичь его. В большом отрывке (Апол. греч. IV. 161—188) им развивается мысль, что признание двух сущностей и в человеке, и во Христе, не влечет за собой признание двух ипостасей. Основным же текстом, где Иоанн Грамматик стремится найти ключ к решению указанной проблемы, является следующий: «Всякая ипостась рассматривается в отношении к (некой) «общности», которая есть сущность. Если ипостась проста, то проста и «общность», а если ипостась — сложная, то будет сложной и «общность», или же сложная ипостась будет соотноситься с различными «общностями». Так как ипостась Логоса проста, то простой является и «общность», которой обладает Он, Отец и Дух. Ипостась же всякого человека — сложная и сложной также является «общность», наблюдаемая во всех людях. Ибо всякий человек есть смертное и разумное живое существо. Если же у нас отсутствует желание мыслить (в категории) сложной «общности», то каждого конкретного человека следует рассматривать относительно двух «общностей»: душа соотносится с «общностью», в которую входят и другие души, а тело — с «общностью», к которой принадлежат и другие тела. Во Христе же ипостась, будучи сложной, не рассматривается относительно сложной «общности». Ведь нет иного Христа, кроме рожденного Богородицей Девой, который, будучи сложным, является истинно Богом и истинно человеком. А если Он не обладает сложной «общностью», то, разумеется, Его необходимо рассматривать соотнося с различными «общностями»: с «общностью», (единой для Него), Отца и Святого Духа, согласно которой Он есть Бог, и с «общностью», (единой для Него) и для всех людей, которым Он подобен по своему человеческому бытию» (XVII Глав. 7. 68—86). Главная идея Иоанна Грамматика в этом большом отрывке — доказательство уникальности Христа и его отличия от прочих людей; поэтому выдвигается тезис об отсутствии «рода Христового», подобного «роду человеческого». Логос, как одно из Лиц Троицы, обладает «простой ипостасью»; став Христом, т. е. воплотившись, Он приобретает уже «сложную ипостась». Но данная «сложная ипостась» Христа отличается от такой же «сложной ипостаси» других людей:

¹⁰⁸ Fortin E. L. Christianisme et culture philosophique au cinquieme siecle: La querelle de l'ame humaine en Occident. P., 1959. P. 125.

¹⁰⁹ Gahbauer F. R. Op. cit. S. 225—236.

¹¹⁰ Devreese R. Essai sur Theodore de Mopsueste: Citta del Vaticano. 1948. P. 114; Gahbauer F. R. Op. cit. P. 278—289.

¹¹¹ Глубоковский Н. Блаженный Феодорит, епископ Кирский. М., 1890. Т. 2. С. 168.

¹¹² Gahbauer F. R. Op. cit. S. 293—303.

¹¹³ Arnou R. Nestorianisme et neoplatonisme // Gregorianum. 1936. Vol. 17. P. 116—131.

¹¹⁴ Scipioni L. I. Ricerche sulla cristologia del «Libro di Erclide» di Nestorio. Friburgo, 1956. P. 15—44.

¹¹⁵ Lebon J. Le monophysisme severien. . . P. 227—232.

¹¹⁶ Abramowski L. Drei christologische Untersuchungen. B.; N. Y., 1981. S. 66—70; Fortin E. L. The Definitio Fidei of Chalkedon and its Philosophical Sources // Studia Patristica. 1962. Vol. 5. Pt. 3. P. 489—498.

¹¹⁷ Richard M. Opera minora. . . N 59. P. 21; Reindl H. Op. cit. S. 56—59.

¹¹⁸ Uthemann K.-H. Das anthropologische Modell der hypostatischen Union: Ein Beitrag zu den philosophischen Voraussetzungen und zur innerchalkedonischen Transformation eines Paradigmas // Kleronomia. 1982. T. 14. P. 215—312.

¹¹⁹ Uthemann K.-H. Das anthropologische Modell. . . S. 217.

у последних она является результатом «сложной сущности» (см. выше высказывание Иоанна Грамматика о «сложности» человеческой природы), а у Христа — результатом соединения двух сущностей в одной ипостаси. Правда, наш автор предполагает и иную возможность: «сложная ипостась» человека, так же как и Христа, соотносится с двумя сущностями. Но, в таком случае, неясным становится отличие Христа от других людей, которое стремится доказать Иоанн Грамматик. Парадокс воплощения Логоса не укладывается в жесткие рамки логики. Необъясненным остается и поставленный выше вопрос о соотношении «сложной сущности» человека с сущностью души и с сущностью тела. Иначе говоря, и «тайна» человека в ее рационально-логическом аспекте остается не раскрытой автором.

Если обратиться к оппонентам Иоанна Грамматика, то достаточно интересным представляется использование антропологической модели в послании ссыльных монофиситских епископов к Юстиниану (начало 30-х годов VI в.), которое приводит Псевдо-Захарий. Оно является кратким исповеданием веры, где опальные епископы стараются отгородить свое учение от ересей Аполлинария, Евтихия, Мани и Нестория. Главный акцент в исповедании делается на концепции «сложного» Христа. Авторы послания основывают ее на авторитете Афанасия Александрийского и Псевдо-Дионисия Ареопагита. Согласно данной концепции, вторая Ипостась Троицы восприняла, говоря словами Ареопагита, «человеческую крайность», результатом чего и явился «сложный Христос». Из этого вытекает признание «единой природы Слова». Далее следует антропологическая аргументация: как обычный человек, состоящий из различных природ (души и тела), не должен «половиниться» после сочетания их, приведшего к образованию «одной природы» и «одного лица» его, так и Логос, соединившись с одушевленной плотью, не должен разделяться на две природы¹²⁰. В отличие от Иоанна Грамматика, подчеркивающего в своем учении об «ипостасном единении» равноправность моментов единства и инаковости, авторы послания выдвигают на первый план момент единства. Однако, в логической неадекватности аргументации и терминологии идейных противников много общего: в послании трудно найти объяснение естественно возникающему вопросу — как соотносятся различные природы человека с одной природой (лицом) его? Другими словами, логика здесь также явно пасует перед внелогическими постулатами.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ряд логических несоответствий, наблюдаемых у Иоанна Грамматика, частично могут объясняться фрагментарностью его произведений, а также слабостью его как мыслителя — по своему «философскому рангу» он явно ниже, например, авторов «Леонтьевского корпуса», не говоря уже о Максиме Исповеднике. Но главное объяснение, думается, заключается в другом — в той антиномичности византийского богословско-философского мышления, о которой говорилось выше. Фрагменты сочинений Иоанна Грамматика хорошо показывают, что под внешней формой логического мышления скрывается ядро неподвластной холодному анализу веры. Принадлежит несомненно к «философствующему» течению в византийском христианстве VI в., данный автор в своих фрагментах наглядно являет тот факт, что пределы и границы собственно философских элементов в этом течении не были очень обширными. Хотя в VI в. формы и методы философского мышления, выработанные в античности и предшествующей патристике, активно внедрялись в богословие, однако, они не занимали ведущего места. Общий принцип средневекового мирозерцания, выработанный еще Филоном Александрийским и развитый

Климентом Александрийским, Оригеном, Григорием Нисским и др. — «философия есть служанка Писания»¹²¹, действует и в VI в. Образно говоря, служанке не позволялось валяться на господской постели и сидеть с господами за одним столом. Логике и диалектике разрешалось *служить*, но не дозволялось *господствовать*; антропологические сюжеты привлекались к решению христологической проблемы, но они подчинялись последней. Думается, исходя из подобной перспективы и необходимо подходить к изучению византийской философии. При этом, однако, нельзя забывать, что понятия «философия» и «богословие», применительно к византийской культуре, не были статичными и разделенными величинами, но представляли собой элементы единой органичной и динамичной системы.

¹²⁰ Die sogenannte Kirchengeschichte des Zacharias Rhetor / Hrsg. von A. Ahrens und G. Krüger. Leipzig, 1899. S. 189—196.

¹²¹ Wolfson H. A. The Philosophy of the Church Fathers. Cambridge (Mass.), 1956. Vol. 1. P. 97—101.

В. П. БУДАНОВА

КОНТАКТЫ ГОТОВ С ПЛЕМЕНАМИ BARBARICUM SOLUM И РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ

Юго-Восточная Европа на рубеже III—IV вв. переживала чрезвычайно важный этап. Племена готов, подобно другим варварским племенам, участвовавшим в Великом переселении народов, вплотную подступили к границам Римской империи, ее балканским и дунайским провинциям. Период III—IV вв. представлял собой переходную эпоху как в развитии позднеримского рабовладельческого общества, так и самих племен. Если римское общество переживало в это время глубокий кризис рабовладельческого способа производства, то у многих племен Центральной и Юго-Восточной Европы, в том числе у готов, происходил процесс перехода от военной демократии и институтов родоплеменного строя к первым государственным образованиям.

Главную цель настоящей статьи можно сформулировать как выявление общей динамики и характера контактов готов с другими племенами Barbaricum solum, а также как изучение особенностей эволюции взаимоотношений Римской, а затем Византийской империи с этой племенной периферией. В III—IV вв. особенно активно взаимодействовали и противостояли одно другому два явления. Во-первых, в III—IV вв. Barbaricum solum живет довольно напряженной жизнью; образуются временные союзы для вторжения в империю, возникают также объединения для нападения одного племени на другое; это же время отмечено миграционными процессами и сменой одних варварских народов другими, что приводит к конфликтам среди племен за овладение территорией и за те блага, которые варвары получали в различной форме от империи. С другой стороны, кризис, охвативший все сферы жизни Римской империи и подвергший ее тяжелым испытаниям в отношениях с варварскими племенами, поставил перед византийскими императорами в IV в. жизненно важную задачу: выработать подходы и различные формы использования именно тех способностей, достоинств (или пороков) варваров, которые могли бы помочь укрепить империю и поднять ее престиж.

В историографии рассматриваемые вопросы специально почти не выделялись. Как в отечественной, так и в зарубежной литературе некоторое внимание было уделено в специальных исследованиях по истории отдельных племен — готов, вандалов, гепидов, тайфалов, певкинов, сарматов¹, в работах общего характера, посвященных Римской и Ранневизантийской

империи², а также в изучении отдельных письменных памятников периода III—IV вв.³ Отметим, что в зарубежной историографии до сих пор господствует идея об исключительности готов и их значительной роли в событиях III—IV вв. Не всегда принимается во внимание то, что готы, подойдя вплотную к границам империи, оказались в зоне плотного расселения племен. Население ее состояло не только из одних готов, но и других германских, фракийских, иллирийских, кельтских, алаано-сарматских, славянских племен. На рубеже III—IV вв. Barbaricum solum в географическом и этническом отношении представлял собой следующую картину. На пространстве от Дуная до Рейна и в прилегающих к нему районах обитали аламанны; у границ Реции размещались ютунги; восточнее их, на территории современной Чехии и части Моравии, проживали маркоманны. Равнины Западной Словакии были местом расселения основного ядра квадов. На верхней Тиссе находились вандалы—асдинги и гепиды. В междуречье Дуная и Тиссы сосредоточилось многочисленное сарматское население, пришедшее сюда из степей Поволжья и Северного Причерноморья. Еще более сложная этническая картина наблюдалась на Днестре и Нижнем Дунае. Севернее Дакии размещались бастарны; у северо-западных пределов этой провинции обитали свободные даки. Восточными соседями Дакии были карпы, готы и аланы. Наконец, в Поднестровье шел приток славянского населения⁴. Историки ГДР в 70-е годы начали активно разрабатывать проблему участия в борьбе с империей племен негерманского происхождения⁵. Наиболее полную картину контактов (главным образом военных) с империей разноэтнической массы варваров, среди которых были и готы, дал в ряде исследований А. М. Ременников⁶. Весь комплекс вопросов, связанных с тем, что представлял собой Barbaricum solum (варварский мир), находившийся в постоянном движении и перемещении племен у северной границы империи, во всех этих работах еще не нашел своего отражения.

Несколько замечаний о характере используемых мною источников. Прежде всего это сочинение готского историка Иордана «Гетика» (VI в.). Иордан, однако, весьма тенденциозен и к его данным необходимо относиться с большой осторожностью. Первостепенное значение имели также свидетельства современников: «Истории» Аммиана Марцеллина (IV в.), «Сокращенная история» Евтропия (IV в.), «История цезарей» Аврелия Виктора (IV в.), анонимный панегирик Констанцию (297 г.) и панегирик Клавдия Мамертина (IV в.), биографии «История Августов» (IV в.), сочинение Лактанция «О смерти гонителей» (IV в.), поэтическое произведение Порфирия (IV в.). Наиболее важными являются для нас сочинение Аммиана Марцеллина и панегирики. У остальных авторов интересующий нас материал отличается фрагментарностью и путаницей в этнической терминологии. Это обусловило необходимость обращения к источникам более позднего времени. Ценный материал можно извлечь

¹ Diclescu C. C. Die Gepiden: Forschungen zur Geschichte Daziens im frühen Mittelalter und Vorgeschichte des rumänischen Volkes. Leipzig, 1923. Bd. 1; Idem. Die Wandalen und Goten in Ungarn und Rumänien. Leipzig, 1923; Kaufmann S. Die Peukiner und ihre Schicksale im Donauraum: Ein Beitrag zur Herkunftsfrage der Baier // Salzburger Museum. Jahresschrift für 1963. 1964. Bd. 9. S. 81—177; Harmatta J. Studies in the History and Language of the Sarmatians // Acta Univ. de Attila József nominatae. Acta antiqua et archaeologica. Szeged, 1970. T. 13; Horedt K. Zur Geschichte der frühen Gepiden im Karpatenbecken // Apulum. 1971. Bd. 9; Wolfram H. Geschichte der Goten. München, 1979.

² Jones A. H. M. The Later Roman Empire, 284—602. Oxford, 1964. Vol. 1—2; Удалцова З. В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии. М., 1974; Hoffmann D. Das spätrömische Bewegungsheer und die Notitia dignitatum // Epigraphische Studien. Düsseldorf, 1969/70. Bd. 7, N 1, 2; Корсунский А. Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М., 1984.

³ Иордан. О происхождении и деяниях готов (Getica) / Вступ. ст., пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. М., 1960 (далее: Скржинская. Иордан); Ременников А. М. Источники по истории войн племен Подунавья с Римом в III—IV вв. н. э. // Проблемы всеобщей истории. Казань, 1972. С. 213—248.

⁴ Ременников А. М. Борьба племен Северного Подунавья и Поднестровья с Римом и ее роль в падении Римской империи. Казань, 1984. С. 5; Soproni S. Limes Sarmatiae // Archeologiai Ertésito. 1969. T. 96.

⁵ Die Römer an Rhein und Donau / Hrsg. von R. Günther, H. Köpstein. B., 1975; Diesner H. J. Die Völkerwanderung. Leipzig, 1976.

⁶ Ременников А. М. Борьба племен Подунавья и Северного Причерноморья с Римом в 275—279 гг. н. э. // ВДИ. 1964. № 4. С. 131—138; Он же. Историческая роль племен Подунавья в падении Римской империи: Автореф. дис. . . д-ра ист. наук. М., 1970.

из «Новой истории» византийского историка Зосима (V в.) и сочинения римского церковного автора Павла Орозия (V в.). Однако сообщаемые ими сведения зачастую отличаются преувеличением и тенденциозностью. Такой же осторожности требует и подход к материалам в «Церковных историях» Сократа Схоластика (IV—V вв.) и Созомена (V в.).

В некоторых случаях мы использовали и эпиграфический материал. Он позволяет уточнить состав варварских союзов, нападавших на империю.

Материалы письменных источников свидетельствуют, что в последней четверти III в. идет борьба среди варварских племен всего задунайского региона. Конфликты между варварами сопровождаются их натиском на границы империи. Так, древние авторы сообщают, что император Пробу (276—282) пришлось вести военные действия против бургунов и вандалов, появившихся на Верхнем Дунае⁷, в районе Реции⁸, затем он приступил к борьбе с сарматами, которые вместе с какими-то *ceteri gentes*⁹ беспокоили империю на Среднем Дунае. После этого, как сообщает Вописк, Проб «держал путь по Фракиям и частью подчинил, частью принял в дружественный союз все гетские народы»¹⁰. В историографии предпринимались попытки видеть в «гетском народе» одних готов¹¹. Сообщаемые Вописком подробности о действиях Проба во Фракии опровергают это утверждение. Император «поселил (*constituit*) на римской земле 100 тысяч бастарнов»¹². Кроме них он разместил здесь гепидов, грейтунгов и вандалов, что происходило в одно и то же время (*pariter*). Поэтому можно предположить, что вслед за успешными военными кампаниями против бургунов, вандалов, сарматов, императором были проведены некоторые экспедиции против гепидов и грейтунгов. О победе над гепидами указывает и легенда монеты *Gepidica*¹³. Какие именно столкновения были у империи с грейтунгами, мы не знаем — источники об этом молчат. Нельзя не согласиться с обстоятельной характеристикой А. М. Ременниковым ситуации в *Barbaricum solum* последних десятилетий III в. Он справедливо обращает внимание на разнотипный состав варварской периферии, определяет зоны действия ведущих племен. Так, согласно Ременникову, на Нижнем Дунае против империи выступали готы, карпы, аланы, бастарны. На Среднем Дунае главной боевой силой были племена сарматского происхождения. Часто в этом регионе империя имела конфликты также и с вандалами, гепидами, квадами. Основным врагом империи на Верхнем Дунае были германские племена аламаннов, ютунгов, маркоманнов¹⁴.

Характерно, что племена *Barbaricum solum*, с которыми воевал император Проб, остаются в центре внимания римской историографии вплоть до конца III в. О них сообщает Мамертин, панегирик неизвестного автора, посвященный императору Констанцию (293—306), а также Иордан. Среди варваров выделяются две группы готов¹⁵. Одна (*Gothi*) ведет

⁷ Zosim. I. 67, 1; 68, 1—3.

⁸ SHA. Prob. 16, 1.

⁹ Ibidem. А. М. Ременников предполагает, что это были ближайшие соседи сарматов — маркоманны и квады (Ременников А. М. Борьба племен Подунавья и Северного Причерноморья с Римом в 275—279 гг. н. э. С. 136).

¹⁰ SHA. Prob. 16, 3: «Tetendit deinde iter per Thracias atque omnes Geticos populos. . . aut in deditionem aut in amicitiam recepit».

¹¹ Rappaport Br. Die Einfälle der Goten in das römische Reich bis auf Constantin. Leipzig, 1899. S. 103.

¹² SHA. Prob. 16, 1—2.

¹³ Cohen. Prob. 755.

¹⁴ Ременников А. М. Борьба племен Северного Подунавья и Поднестровья с Римом и ее роль в падении Римской империи. С. 49—70.

¹⁵ XII paneg. lat. XI (III), 17, 1—2: «. . . Gothi Burgundios penitus excidunt rursumque pro victis armantur Alamanni itemque Tervingi, pars alia Gothorum, adiuncta manu Taifalorum, adversum Vandalos Gipedesque concurrunt» («. . . готы целиком уничтожают бургунов, с другой стороны, за побежденных вооружаются аламанны, и в то же время тервинги, другая часть готов, присоединив отряд тайфалов, устремляется против вандалов и гепидов»).

борьбу с племенами, находившимися в конце III в. на Верхнем Дунае, сначала с бургунами, а затем с аламаннами. Вторая группа готов, Мамертин называет их тервингами (*Tervingi*), объединившись с тайфалами выступает против вандалов и гепидов. Интересно, что такой тенденциозный историк готов, как Иордан, ничего не сообщает о борьбе готов с бургунами. Однако, у него имеется рассказ о столкновении готов с гепидами (§ 98—100). И он предваряет его (§ 97) сообщением о конфликте между гепидами и бургунами¹⁶: «Он (король гепидов. — В. Б.) разоряет бургунонов почти до полного истребления»¹⁷. На первый взгляд тексты Иордана и Мамертина очень близки. И в том и в другом отрывке говорится о «почти полном истреблении»¹⁸ бургунов. Но возникает вопрос: готы или гепиды воевали в конце III в. с бургунами? Нам кажется, что в данном случае более достоверным источником является панегирик, указывающий на готов, ибо он написан современником событий. Возможно, Иордан присоединил гото-бургунский конфликт к истории гепидов на том основании, что это племя родственно готам: гепиды «родом из готов и оттуда ведут свое происхождение»¹⁹. Кроме этого, в конце III в. гепиды размещались на Среднем Дунае рядом с бургунами, восточнее их.

В конце III в., согласно Мамертину, велись активные военные действия также и между вандалами и гепидами, с одной стороны, и тервингами в союзе с тайфалами с другой. Подробное изложение этих событий дает Иордан. Он сообщает, что после удачного похода готов со своими союзниками (в том числе тайфалами) в римские пределы, к королю готов Остроготе (218—250) явились послы короля гепидов Фастиды с требованием передать гепидам «просторы своих земель» (*locorum suorum spatia*)²⁰. Острогота ответил послам, что «земли он не уступит» (*loca vero non cedere*)²¹. Завязалось сражение. По Иордану битва проходила у города Гальтис²². Она началась ранним утром и закончилась «с наступлением ночи» победой готов²³.

Сопоставление сообщений Мамертина и Иордана дает возможность внести некоторые уточнения в до сих пор еще спорный вопрос о разделении готов. На первый взгляд, свидетельство Мамертина действительно можно рассматривать, как это и делается до сих пор в литературе, в ка-

¹⁶ Подробнее о различных этнонимах племени бургунов см.: Этнонимика германских племен времени Великого переселения народов / Сост., вступ. ст. и коммент. В. П. Будановой // Средневековье в свидетельствах современников. М., 1984. С. 242—314.

¹⁷ Iord. Get. 97. В литературе имеют место противоречивые толкования сообщения Иордана о столкновении гепидов с бургунами. Е. Ч. Скржинская относит это столкновение к северному периоду истории этих племен, т. е. ко времени обитания их в Повисленье (Скржинская. Иордан. С. 254—255. Примеч. 314). К. К. Дикулеску отмечал, что оно произошло в III в. недалеко от дунайской границы Римской империи (*Diculescu C. C. Die Gepiden*. S. 21—25).

¹⁸ Iord. Get. 97: «. . . pene usque ad internicionem. . .»; XII paneg. lat. XI (III). 17, 1—2: «. . . penitus excidunt. . .».

¹⁹ Iord. Get. 95.

²⁰ Iord. Get. 99.

²¹ Ibidem.

²² В литературе хронология и локализация битвы готов с гепидами различна: J. Шмидт и X. Вольфрам относят ее к 290 г. (*Schmidt L. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgänge der Völkerwanderung*. Die Ostgermanen. 6 Aufl. München. 1969. S. 102; *Wolfram H. Op. cit.* S. 61). С. Кауфман считает, что столкновение произошло в 268 г. около города Гальтис (*Kaufmann S. Op. cit.* S. 123). К. Дикулеску высказывает мнение о двух сражениях. Одно произошло в 262 г. у Гальтиса, второе (место он не указывает) — в 290 г. (*Diculescu C. Die Wandalen und Goten in Ungarn und Rumänien*. S. 11, 18). Интересное замечание высказывает Р. Хахман, который полагает, что это сообщение, основанное на «готских песнях», а также на сочинениях Дексиппа и Аммиана Марцеллина, принадлежит везеготскому историку Аблабью (*Hachmann R. Die Goten und Skandinavier*. S. 110). Не представляется достаточно убедительным мнение К. Хоредта и X. Вольфрама, что гото-гепидский конфликт произошел не в Семигравье, а на среднем или верхнем течении Прута у Опидума (*Horedt K. Beziehungen zwischen Dakern und Germanen // Festgabe Kurt Tackenberg*. 1974. S. 165; *Wolfram H. Op. cit.* S. 61).

²³ Iord. Get. 100.

честве аргумента, подтверждающего свершившееся уже в III в. оформление этно-социальных объединений — везеготов и остроготов. Мамертин говорит о двух частях готов и одну из них он называет тервингами. А так как по традиции в историографии принято идентифицировать тервингов с везеготами, то, следовательно, две упоминаемые Мамертином части готов — это везеготы и остроготы, или тервинги и трейтунги. Однако у той части готов, которая размещалась к этому времени в Приазовье и которую традиционно называют остроготами, не было причин для конфликтов с вандалами и гепидами, а тем более с бургундами и аламанными. Мамертин показывает столкновения племен балканского региона и отмечает различия между готами, располагавшимися именно в этом районе. К сожалению, вне внимания осталось то, что тех готов, которых Мамертин назвал тервингами, Иордан обозначил сразу двумя этнонимами — везеготы и остроготы. Другими словами, тервинги — это общее обозначение везеготов и остроготов. Иордан свидетельствует, что король гепидов Фастид «отправил послов к Остроготу, власти которого тогда подчинялись как остроготы, так и везеготы, т. е. обе ветви одного племени»²⁴. Однако не исключено, что в источниках речь идет о двух совершенно разных столкновениях готов с гепидами. Возможно также и некоторое различие представлений Мамертина и Иордана о размещении племен в задунайском регионе.

Описывая гото-гепидский конфликт, Иордан отмечает, видимо имевшее место в прошлом, родственные связи между этими племенами. Он говорит, что гепиды «нарушили союз кровного родства» (*consanguinitis foedus*)²⁵, которое определяет термином «parentes»²⁶. Даже в VI в. в сознании готов сохранилось представление о святости и незыблемости кровнородственных связей, и это отразилось в «Гетике». На дерзкие претензии гепидов Острогота, король готов, отвечает: «Преступно оружием спорить с родичами»²⁷.

Высказывались предположения, что с момента, когда император Аврелиан (270—275) оставил Дакию, и до середины IV в. серьезным соперником готов в захвате удобных мест для поселения в бывшей римской провинции были вандалы²⁸. К сожалению, подробности этой борьбы не отражены в сочинениях древних. Некоторые исследователи предполагают, что эти вандалы выступают в источниках как *Victohali*²⁹.

В конце III в. в правление императоров Максимиана (286—305) и Диоклетиана (284—305), вероятно, велись определенные военные действия с частью придунайских готов. Для империи они закончились успешно. Автор одного из панегириков лаконичен: «Покорились и просили мира готы»³⁰. Императоры получили титул *Goticus maximus*³¹, а готы стали солдатами вспомогательных войск империи.

Подробности договора, заключенного с готами, в источниках не отражены. У нас нет материала, на основании которого можно было бы

ответить на вопросы: с какой частью готов был заключен союз? Были ли они поселены на землях империи или оставались за Истром? Возможно, это были те готы, которые в 298 г. принимали участие в персидском походе Максимиана, «посланные туда, как вспомогательные отряды». Согласно Иордану они не были *foederati*, но только *auxiliarii*³².

В правление этого же императора Максимиана, во время виценалий (т. е. в 303 г.) одно из племен на территории *Barbaricum solum* — карпы — было изгнано из занятых ими земель (*terris suis*) готами и поселено им в империи³³. Изгнанием карпов, вероятно, завершился этап враждебных столкновений между ними и готами.

Таким образом, имея столь скудный материал о варварских племенах задунайского региона последней четверти III в., можно лишь заключить, что в конце III в. каких-либо крупных военных конфликтов между ними и империей не было. Напротив, развернулась борьба между такими варварскими племенами как готы, бургунды, аламанны, вандалы, гепиды, карпы. Однако, более сплоченно в этой борьбе действовали готы и тайфалы. Римская, а затем и Византийская империи никогда не оставались равнодушными к тому, что происходило во враждебном для них варварском мире, а тем более в той его части, которая находилась непосредственно у границ империи. И, вероятно, не случайно о готах конца III в. древние авторы упоминают не чаще, чем о каких-либо других варварах. Видимо в этот период они ничем не выделялись из числа остальных племен. Представляется также маловероятным, что придунайские готы жили компактной массой в одном районе. Вероятно, они были рассеяны на значительном пространстве бывшей римской провинции Дакии. Отдельные их группы имели столкновения как непосредственно со своими соседями — варварами, так и с империей. Отсюда такой значительный географический регион военных действий от Верхнего до Нижнего Дуная.

В первой трети IV в. во взаимоотношениях Византийской империи с племенами *Barbaricum solum* первое место занимают готы. Данные источников о событиях этого времени фрагментарны, а иногда древние авторы просто ограничиваются лишь одной констатацией какого-либо факта. Так, например, Евтропий сообщает только то, что император Константин «различными способами уничтожил (*varie profligavit*) готов»³⁴. Созомен, говоря об этом же императоре, отмечает его «битвы с иноплемениками» (*ἀλλοφύλων μάχαις*) его «войны с готами» (*πολέμων πρὸς τοὺς Γότθους*)³⁵.

Незначительные сведения о взаимоотношениях придунайских варваров с империей можно извлечь из данных о войне между Константином и Лицинием. Как свидетельствуют Евтропий, Орозий, Аврелий Виктор и Аноним Вalezия, первое столкновение между Лицинием и Константином произошло в Паннонии у Цыбал (ныне Виновцы)³⁶. Лициний был разбит³⁷ и отступил в Сирмий, где находились его жена и сын³⁸. Возможно, в состав тех, кто «*cum magna parte equitatus noctis auxilio*» сопровождали его в Сирмий, входили и задунайские варвары, в том числе готы. Забрав из Сирмий жену и сына, Лициний отправился во Фракию, вероятно, в центр этого диоцеза — Сердику³⁹. Направляя к Константину в Филиппополь послов для переговоров о мире, одновременно он собирает у Адрианополя большое войско. Вероятно, в состав этой «огромной толпы» (*ingentis multitudinis*) влилась и некоторая часть задунайских

²⁴ Ibid. 98.

²⁵ Ibid. 97.

²⁶ Ibid. 94.

²⁷ Ibid. 99: «... scelestum armis conflagere cum propinquis...»

²⁸ См., например: *Courtois Chr. Les Vandales et l'Afrique*. 2 Aufl. P., 1955. P. 32—34; *Patsch C. Die Völkerbewegungen an der unteren Donau: Beiträge zur Völkerkunde von Südosteuropa III // Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Kl. 1928. Bd. 208. Abh. 2. S. 16—17, 28—30; Harmatta J. Op. cit. P. 48—55; Mitrea B. Die Goten an der unteren Donau—einige Probleme im III—IV Jahrhundert // *Studia Gotica*. Stockholm, 1972. S. 92. Особый интерес представляет исследование Д. Р. Бредли, в котором показано, что многолетняя вражда готов с вандалами сохранилась до времени Иордана в устной готской традиции. См.: *Bradley D. R. The Composition of the Getica // Eranos*. 1966. Vol. 64. Fasc. 1—2. P. 67—79.*

²⁹ Обзор литературы по этому вопросу см.: *Wolfram H. Op. cit. S. 60, Anm. 7.*

³⁰ XII paneg. lat. VIII (V), 10: «... summittente se Gotho pace poscenda...»

³¹ См.: Диоклетиан: CIL. VIII. 21447—21449 (Germ. Max. Goth. Max. Sarm. Max. Brit. Max.); Максимиан: CIL. VIII. 21450 (Germ. Max. Goth. Max. Sarm. Max. Brit. Max.). См. также исследование П. Кнайсла о победных титулах римских императоров: *Kneissl P. Die Siegestitulatur der römischen Kaiser // Hypomnemata*. Göttingen, 1969. H. 23, Kap. 7.

³² *Iord. Get.* 110.

³³ *Lact. De mort. pers.* 38, 6: «... nam fere nullus stipator in latere ei nisi ex gente eorum, qui a Gothis tempore vicennialium terris suis pulsi Maximiano se tradiderant malogeneris humani, ut illi barbarorum servitutem fugientes in Romanos dominarentur».

³⁴ *Eutrop. X*, 7.

³⁵ *Sozom. Hist. eccl.* I, 8; II, 34.

³⁶ *Oros. VII*, 28, 19; *Eutrop. X*, 5, 1; *Anon. Vales. Pars prior*. V, 16; *Aur. Victor. Epitom.* XLI, 5.

³⁷ *Eutrop. X*, 5, 1.

³⁸ *Anon. Vales. Pars prior*. V, 16.

³⁹ *Anon. Vales. Pars prior*. V, 17.

варваров, так как организацию военных сил Лициний поручил начальнику пограничных войск Валенту. И тот вполне мог привлечь какую-то часть варваров, например тех же готов, которые по договору 297 г. обязаны были в случае необходимости предоставить империи своих воинов. Возможно, они были среди войск Лициния в сражении на Мардийском поле (во Фракии) ⁴⁰.

После заключения в 317 г. мира с Лицинием, Константин направляется в Сердику ⁴¹ и занимается организацией работ по укреплению лимеса в принадлежавшей ему части империи для создания более прочной преграды от «*barbararum gentium populis*» ⁴². Когда в 323 г. Константин находился в Фессалонике, некая часть готов прорвалась «через оставшуюся без присмотра границу» (*per neglectos limites*) ⁴³. Известно, что при разделе империи в управление Константина перешла ее западная часть, а также западные провинции Балкан, в том числе и Верхняя Мёзия. Лициний получил малоазийские и восточные балканские провинции, а также Прибрежную Дакию, Нижнюю Мёзию и Скифию. Это положение существовало до 324 г. Аноним Валезия отмечает, что «были разграблены Фракия и Мёзия» (*vastata Thracia et Moesia*) ⁴⁴. А поскольку отмечается, что готы прекратили грабежи, вернули пленных и просили мира именно у Константина ⁴⁵, а не Лициния, то вполне допустимо предположить, что они перешли границу где-то в восточной части провинции Прибрежной Дакии, которая относилась к Константину, а затем опустошали принадлежавшие Лицинию провинции — Нижнюю Мёзию и Фракию. Лициний упрекает Константина в том, что тот якобы лучше укрепил части свои (*partes suae*) границы, чем его ⁴⁶. Это не исключает предположения, что готы вторглись на территорию империи в западной части Нижней Мёзии, которая находилась в сфере управления Лициния. В таком случае остается неясным, почему с просьбой о мире они обратились к Константину, а не к Лицинию. Возможно в свои земли для них был более удобен проход через границу, контролируемую Константином, или они хотели поселиться на его территории, а может быть заключить именно с ним выгодный для себя договор. Вероятно им было известно, как расправился Константин с сарматами, вторгшимися в Паннонию в 322 г. ⁴⁷ Подобная неясность исходит в определенной мере из противоречивости сведений самих источников. Однако для нас важно в данном случае то, что участок балканской границы Византийской империи вдоль западных областей Мунтении и восточных районов Олтенции становится очень напряженным к 323 г., когда отсюда предпринимали вторжения готы, но которые были остановлены Константином, за что он второй раз был удостоен титула *Gothicus maximus* ⁴⁸.

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ *Anon. Vales. Pars prior. V, 19.*

⁴² CIL. III. 13734. Эпиграфический материал свидетельствует, что в период с 315 по 319 г. император Константин одержал победы над готами, за что впервые получил титул *Gothicus maximus* (CIL. II. 481; VIII, 8412 (*Max. Goth. max.*); 23116 (*Goth. max.*)). Древние авторы об этих событиях молчат.

⁴³ *Anon. Vales. Pars prior. V, 21.* В одной из надписей (CIL. V. 8269) вторгшиеся варвары названы «неприятелями» (*hostis*).

⁴⁴ *Anon. Vales. Pars prior. V, 21.*

⁴⁵ Ibidem.

⁴⁶ Ibidem.

⁴⁷ *Zosim. II, 21, 1—3; Porphyg. VI (XXII), 14.* Некоторые исследователи считают, что свидетельство Зосима о столкновении Константина с сарматами во главе с Равсимодом отражает те же события, которые описывает Аноним Валезия, т. е. вторжение готов в Мёзию и Фракию. Отсюда и разделение мнений по поводу этнической принадлежности Равсимода. Одни авторы считают его готом (*Wolfram H. Op. cit. S. 62—63; Habicht Ch. Zur Geschichte Kaiser Konstantins // Hermes. 1958. Bd. 86. S. 370—372; Schmidt L. Op. cit. S. 81, 225; Rappaport Br. Op. cit. S. 110, Anm.; Patsch C. Op. cit. S. 18; Stallknecht B. Untersuchungen zur römischen Aussenpolitik in der Spätantike. Bonn, 1969. S. 34.* Другие, как Э. А. Томсон, — сарматом (*Thompson E.-A. The Visigoths in the time of Ulfila. Oxford, 1966. P. 10.*)

⁴⁸ CIL. III. 352 (*Gothicus*).

В 323 г. между Константином и Лицинием началась война, на заключительном этапе которой готы проявили немалую активность. В литературе уже обращалось внимание на то, что древние авторы дают противоречивую характеристику роли готов в событиях 323—324 годов ⁴⁹. Если Иордан отмечает, что готы помогли Константину, то Аноним Валезия утверждает, будто бы они были союзниками Лициния ⁵⁰. Не исключено, что готы участвовали на стороне как Константина, так и Лициния. В данном случае особенно важно иметь в виду, что сами готы в это время были еще разобщены. У каждой отдельной группы внутри рода складывались свои отношения с империей. Начиная с III в. империя постоянно привлекала различные части готов на службу, в качестве федератов. В войско Константина могли попасть готы-грейтунги, поселившиеся на территории империи с конца III в. Согласно Иордану, готы римлянами были «позваны» (*rogati sunt*) и «приглашены» (*invitabantur*) ⁵¹. Конечно, из политических соображений, которые были положены в основу «Геттики», Иордан вполне мог несколько преувеличить роль готов в победе над Лицинием одного из основателей Византийской империи. Константин разгромил Лициния во Фракии ⁵², у Адрианополя ⁵³. Лициний бежал в Византий, а затем, перейдя Боспор Фракийский, в Халкедон ⁵⁴. При переезде из Византии в Халкедон предводитель готов Алика привел Лицинию вспомогательное войско (*auxiliantes*), которое оказало ему помощь в сражении у Хризополя (ныне Скутари) в сентябре 324 г. ⁵⁵ Х. Вольфрам считает, что Лицинию помогли те готы, с которыми у Константина был конфликт в 323 г. ⁵⁶ Вероятно, эти готы были связаны с империей каким-то договором. Возможно, это они оказывали помощь предшественнику Лициния по управлению восточными провинциями империи Максимиану в борьбе с персидским царем Нарсесом ⁵⁷.

С 20-х годов IV в. вопрос о контактах Византии с населением *Barbaricum solum* вставал перед империей все более настойчиво. В дальнейшем, до конца столетия внешнеполитическая по существу проблема стала сугубо внутривосточной и социальной, т. к. и антагонистические противоречия угнетенных и угнетателей, и борьба внутри господствующих прослоек, и религиозные распри — все это получило особую окраску в свете отношений империи с варварами, главным образом с готами и сарматами. Одним из основных направлений византийской внешней политики являлась северная часть Балканского полуострова ⁵⁸. На важное стратегическое значение нижнедунайского лимеса указывает то, что император Константин для восстановления *Orbis Romanus* в прежних пределах приступил к возвращению империи южных районов Дакии. Эта политика была вызвана еще и тем, что к Дунаю вплотную приблизились готы. Левый берег Дуная определяется в источниках как «готский берег» (*ripa Gothicus*) ⁵⁹. Охрану его Константин поручил своему племяннику Далмацию ⁶⁰. В 328 г. на Дунае (*per Danubium ductus*) был построен

⁴⁹ Скржинская. Иордан. С. 211. Примеч. 355; Ременников А. М. Источники по истории войн племен Подунавья с Римом в III—IV вв. н. э. С. 213—248.

⁵⁰ *Iord. Get. 111; Anon. Vales. Pars prior. V, 27.*

⁵¹ *Iord. Get. 111.*

⁵² *Aur. Victor. De Caesarib. XLI, 8.*

⁵³ *Const. Constantinop. anno 324; Anon. Vales. Pars prior. V, 2.*

⁵⁴ *Anon. Vales. Pars prior. V, 25—27; Aur. Victor. Epitom. XLI, 5.*

⁵⁵ *Anon. Vales. Pars prior. V, 27; Schiller H. Geschichte der römischen Kaiserzeit. Gotha, 1887. Bd. 2. S. 201.* Константин победил Лициния в сражении возле Никомидии, в Византии (CTh. VII, 20, 1). Он сохранил ему жизнь, отправил в Фессалонику, где в 324 г. Лициний был убит (*Aur. Victor. Epitom. XLI, 7.*)

⁵⁶ *Wolfram H. Op. cit. S. 63.*

⁵⁷ *Iord. Get. 110.*

⁵⁸ История Византии. М., 1967. Т. I. С. 176.

⁵⁹ *Anon. Vales. Pars prior. VI, 35.*

⁶⁰ Ibidem.

каменный мост. Он соединял Суцидаву с Эском⁶¹. Возле Тутракана были сооружены переправа и рядом с ней укрепление⁶², а также лагерь.

Районом возрастающей варварской опасности для империи становится и среднедунайская низменность. Для Византии — это центр варварского мира, «середина варварской земли»⁶³. Е. Ч. Скржинская обращала внимание на особое напряжение в этом районе. На протяжении II—первой половины IV в. отсюда в империю постоянно предпринимались вторжения варваров⁶⁴. Материалы письменных источников показывают, что в этом районе начиная со II в. одни племена сменяют других, происходят постоянные столкновения между ними⁶⁵. Еще во II в. Римская империя намеревалась организовать здесь провинции Маркоманию и Сарматия⁶⁶. Как уже отмечалось, основную часть среднедунайской низменности, т. е. степные пространства к востоку от Дуная, занимали сарматы. Северо-западную часть занимали вандалы. С конца III в. вплоть до гуннов в северо-восточных районах низменности располагались гепиды⁶⁷. Вероятно, с конца III в., а возможно, и ранее в среднедунайскую низменность идет продвижение какой-то части готов. Учитывая то, что древние авторы никогда не говорили о конфликтах готов с тайфалами и, наоборот, отмечали столкновения готов с гепидами, можно предположить, что продвижение готов в этот район идет не с востока через Малую Валахию и Банат, а с северо-востока через Семиградье. В начале IV в. для Византии наиболее опасным племенем среднедунайской низменности становятся сарматы. Поэтому византийское правительство стремилось не допустить создания сильной антиимперской варварской силы во главе с ними. Оно пыталось или укротить (сталкивая эти племена с другими), или вовлечь их в сферу своего влияния. Отметим, что, несмотря на это, сарматы в IV в. не только выстояли, но уцелели и даже укрепились. Они остались более независимыми в своих отношениях с империей, чем готы.

В 332 г. произошел конфликт между сарматами и придунайскими готами, а затем между этими же готами и Византийской империей, которая выступала на этот раз на стороне сарматов⁶⁸. Локализация места событий такова. Иордан передает, что, «переправившись через громадные реки, а именно через Тизию, Тибизию и Дрику, мы пришли к тому месту, где некогда погиб от сарматского коварства Видигойя...»⁶⁹. Е. Ч. Скржинская рассматривала эти слова Иордана как свидетельство того, что сражение готов с сарматами произошло где-то на территории Баната около реки Темеш⁷⁰. Исидор Севильский отмечает, что «готы напали на области сарматов» (*Gothi Sarmatarum regionem adgressi*)⁷¹. Вероятно, вначале им удалось добиться успеха. Иордан говорит, что пред-

водитель готов Видигойя «храбрый из готов» (*Gothorum fortissimus*) стал героем готских эпических песен и что впоследствии он «погиб от сарматского коварства» (*Sarmatum dolo occubuit*)⁷². Вероятно, оно состояло в том, что они обратились за помощью к общему для всех варваров врагу — империи и это сохранила устная традиция до VI в. Как сообщает Аноним Вalezия, император Константин «начал войну против готов и оказал помощь умолявшим о ней сарматам» («... *adversum Gothos bellum suscepit et inplorantibus Sarmatis auxilium tulit*») ⁷³. В письменных источниках нет подробного описания сражения римлян с готами. Древние авторы отмечают победу Константина⁷⁴. В хрониках Евсевия Кесарийского, Иеронима, Проспера Аквитанского отмечено лишь, что «римляне победили готов в стране сарматов» («*Romani Gothos in Sarmatarum regione vicerunt*») ⁷⁵. Аноним Вalezия, Сократ Схоластик и Иордан сообщают о заключении договора (*foedus*) римлян с готами, по которому готы обязаны были за ежегодное денежное вознаграждение поставлять империи определенное число воинов. Им разрешалось вести торговлю на Дунае⁷⁶. Согласно условиям договора готы отправили в Константинополь заложников⁷⁷, среди которых, как сообщает Аноним Вalezия, был сын готского короля Ариариха (*Ariarici regis*)⁷⁸. После 332 г. та часть готов во главе с Ариарихом, которая пыталась продвинуться в среднедунайскую низменность, становится федератами империи.

Другая часть готов, возглавляемая Геберихом, в первой четверти IV в., возможно, отходит на север и вскоре вступает в конфликт с вандалами. Об этом сообщает только Иордан⁷⁹. Из текста «Гетики» мы узнаем, что это были те готы, которых возглавлял «выдающийся вождь готов» (*Gothorum ductor eximius*) Геберих, «отличавшийся доблестью и благородством» (*virtutis et nobilitatis eximius*)⁸⁰. Вопрос о датировке битвы готов с вандалами до сих пор остается спорным. Исследователи единодушно только в том, что этот конфликт не мог состояться ранее 332 г.

⁷² *Iord. Get.* 43, 178. О Видигое см.: *Thompson E.-A. Op. cit.* P. 9.

⁷³ *Anon. Vales. Pars prior.* VI, 30. По Константинопольской летописи, Константин начал войну с готами 20 апреля 332 г. (*Const. Constantinop. anno* 332).

⁷⁴ *Oros. VII.* 28, 28; *Aur. Victor. De Caesarib.* XLI, 12; *Prosper. Chron.* 1036; *Euseb. Chron.* 2348; *Hieron. Chron.* 2348; *Isid. Hist.* 5. За победу над готами в 332 г. император Константин третий раз получил титул *Gothicus maximus* (*CIL. XI.* 5265).

⁷⁵ *Euseb. Chron.* 2348; *Prosper. Chron.* 1036; *Hieron. Chron.* 2348.

⁷⁶ *Anon. Vales. Pars prior.* VI, 31; *Socrat. Hist. eccl.* I, 18; *Iord. Get.* 112. Подробный анализ условий договора 332 г. см.: *Patsch C. Op. cit.* S. 27—29; *Vetters H. Op. cit.* S. 23; *Rappaport Br. Op. cit.* S. 107—110; *Mitrea B. Op. cit.* S. 81—83.

⁷⁷ Интересно предположение Х. Вольфрама, что сопровождение заложников было поручено будущему епископу придунайских готов Ульфице (*Wolfram H. Op. cit.* S. 85).

⁷⁸ *Anon. Vales. Pars prior.* VI, 3. В литературе высказывалось предположение, что сыном Ариариха, отправленным в Константинополь в качестве заложника, был упоминаемый Иорданом Аорих (*Iord. Get.* 112). см.: *Patsch C. Op. cit.* S. 32; *Wolfram H. Gotische Studien I // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung.* 1975. Bd. 83, H. 1—2. S. 4—12; *Idem. Geschichte der Goten.* S. 66, 85. В его честь, как сообщает Фемистий, в Константинополе была воздвигнута конная статуя (*Themist. Orat.* XV, 190). В дальнейшем Аорих приказал своему сыну, которым, согласно предположению Р. Венсуса и Х. Вольфрама, мог быть Атанарих (*Wenskus R. Balten // Reallexikon der germanischen Altertumskunde.* B., 1973. Bd. 2, Lfg. 1. S. 13—14; *Wolfram H. Gotische Studien I.* S. 4—12; *Idem. Geschichte der Goten.* S. 66, 85), никогда больше не ступать на римскую территорию (*Amm. Marcell. XXVII.* 59; XXXI. 4, 13).

⁷⁹ *Iord. Get.* 113—115, 162.

⁸⁰ *Ibid.* 112, 115. В литературе до сих пор остается спорным вопрос о принадлежности Гебериха к роду Балтов. А. Гутшмид отмечал Гебериха как Балта (*Gutschmid A. Zu Jordanis // Jahrbücher für Classische Philologie.* 1862. Bd. 8. S. 147). Е. Ч. Скржинская считала его Балтом, хотя отмечала, что Иордан в связи с Геберихом не упоминает Балтов (*Скржинская. Иордан.* С. 261—262, примеч. 357). Р. Хахман, считая Гебериха Балтом, обращает внимание на то, что Аблабий, которому, вероятно, принадлежит этот фрагмент «Гетики» (§ 112—115), не называет здесь Гебериха ни остроготом, ни везеготом, а просто готом (*Hachmann R. Op. cit.* S. 68, 72, 112—114). Х. Вольфрам хотя и предполагает, что род Гебериха был таким же королевским, однако считает, что его нельзя отнести с полным основанием к роду Балтов (*Wolfram H. Geschichte der Goten.* S. 31).

⁶¹ *Aur. Victor. De Caesarib.* XLI, 18; *Epitom.* XLI, 14. См.: *Thompson E.-A. Op. cit.* P. 10—11. Согласно найденным кладам монет, в этом районе концентрировалась торговля готов с римлянами. Подробнее об этом см.: *Patsch C. Op. cit.* S. 20—22; *Vetters H. Dacia ripensis // Österreichische Akademie der Wissenschaften. Schriften der Balkankommission: Antiquarische Abteilung.* 1950. Bd. 11. T. 1. S. 23.

⁶² Подробнее см.: *Vetters H. Op. cit.* S. 21—23; *Tudor D. Un pont romain ignoré dans la région du Bas Danube // Latomus.* Bruxelles, 1961. Bd. 20, H. 3. S. 503; *Chrysos E.-K. Gothia Romana: Zur Rechtsgrundlage des Föderatenstandes der Westgoten im vierten Jahrhundert // Dacoromania.* 1973. 1. S. 58—60.

⁶³ *Anon. Vales. Pars prior.* VI, 34: «... in ipso barbarico soli...»; *Oros. VII.* 28, 29: «... in ipso barbarico soli sinu».

⁶⁴ *Скржинская. Иордан.* С. 232—233. Примеч. 189.

⁶⁵ *Iord. Get.* 89, 97—100; XII *paneg. lat.* XI (III), 17.

⁶⁶ *Konik E. Markomania i Sarmacia niedoszłi prowincje rzymskie // Eos.* 1959/60. Bd. 50. S. 143—162.

⁶⁷ Подробнее см.: *Klein K. K. Germanen in Südosteuropa // Völker und Kulturen Südosteuropas.* München, 1959. S. 35; *Krause W. Handbuch des Gotischen.* München, 1968. S. 9; *Скржинская. Иордан.* С. 251. Примеч. 299.

⁶⁸ *Const. Constantinop. anno.* 332. Аврелий Виктор сообщает, что готы и сарматы были разбиты накануне того, как Констант стал цезарем (*Aur. Victor. De Caesarib.* XLI, 12). Известно, что Констант стал цезарем в 333 г.

⁶⁹ *Iord. Get.* 178.

⁷⁰ *Скржинская. Иордан.* С. 305. Прим. 509.

⁷¹ *Isid. Hist.* 5.

Иордан сообщает, что Геберих «наследовал власть (successor regni) «после ослабления» (post decessum) Ариариха и Аориха, т. е., вероятно, после их поражения в 332 г., когда они отказались от наступательной политики в отношении империи и стали ее федератами⁸¹. Высказывалось мнение, что столкновение между готами и вандалами могло произойти в 334 г. в середине или даже в конце IV в.⁸² Более убедительной представляется датировка, предлагаемая Е. Ч. Скржинской, согласно которой битва состоялась незадолго до смерти Константина, т. е. до мая 337 г.⁸³

Иордан указывает также и место, где произошло сражение. В «Гетике» мы читаем, что вандалы жили (erat) по рекам (iuxta flumina) Маризии (ныне Марош), Милиаре (?), Гризии (ныне Кереш), а готы размещались восточнее вандалов (erat... ab oriente Gothus)⁸⁴, т. е., видимо, в Семиградье, скорее всего, в западной части этого района⁸⁵. Уточнить локализацию готов Гебериха материал «Гетики» не позволяет. К сожалению, так и остается неясным, куда и почему ушли готы после победы над вандалами. Иордан лишь говорит, что Геберих «вернулся в свои места, откуда вышел» (ad propria loca, unde exierat, remeavit)⁸⁶. Примечательно, что выражение ad propria у Иордана встречается несколько раз и нигде оно не сопровождается какими-либо конкретными географическими характеристиками⁸⁷. Некоторая противоречивость в свидетельствах Иордана о сражении готов с вандалами, видимо, отражает традиционное представление о характере взаимоотношений между этими племенами. Иордан отмечает, что Геберих напал на вандалов, «желая расширяться» (extendere cupiens)⁸⁸, другими словами, видимо, имея намерение приобрести для своего племени новые земли. Однако Геберих, после того как «победил и разграбил (superatis depredatisque) вандалов, почему-то возвращается в места своего прежнего расселения⁸⁹. Возможно, противоречивость сообщений «Гетики» объясняется и тем, что описание столкновения готов Гебериха с вандалами Иордан или Кассиодор изложил, опираясь только на устное готское предание. Как отметил Х. Вольфрам, победа Гебериха над вандалами сохранилась в сознании вандалов до VI в. и связывалась с мотивами их ухода в 409 г. из Галлии в Испанию⁹⁰.

Таким образом, на рубеже III—IV веков контакты готов с другими племенами *Barbaricum solum* в основном сводились к военным конфликтам, которые учащались и принимали ожесточенный характер. Причины

их все чаще затрагивали интересы Византийской империи. В IV в. «готский вопрос» стал одним из центральных во взаимоотношениях империи с другими племенами *Barbaricum solum*. Особенно четко это начало проявляться после того, как Рим оставил в 271 г. Дакию и готы заняли отдельные области этой провинции, став ближайшими соседями империи. Как и ранее, обычной нормой отношений с готами были войны и военные конфликты. Однако конец III—первая половина IV в. явилась рубежом в этих отношениях. Первый этап их завершился в 332 г. В основном он характеризуется борьбой Римской империи с готами. Вторым этапом начинается с 332 г., когда император Константин, трезво оценив готскую опасность для империи, вмешался в конфликт между сарматами и готами, победил последних и заключил с ними мир, снявший на время напряжение и неуверенность, которые вносились этими племенами. Эти готы выступают после 332 г. в качестве союзников империи. Новые отношения имели глубокие последствия как для империи, так и для готов. В дальнейшем византийские императоры часто прибегали к политике нейтрализации готов путем сталкивания их с другими варварскими племенами или с частью готских племен. Двойственность в отношениях с готами не могла не вызвать изменений в позиции готов по отношению к империи. Впоследствии часть готских племен отказалась от наступательной политики. И только внешняя опасность (натиск гуннов) вынудила их в конце IV в. ступить на римскую землю. Другая часть готских племен связала себя с империей, став ее федератами. Дальнейшие взаимоотношения готов с Византийской империей, как известно, имели многогранный характер, но в основе их лежали те принципы, которые оформились в конце III—первой половине IV в.

⁸¹ *Iord. Get.* 112. Е. Ч. Скржинская переводит «post quorum decessum» как «после их кончины» (Скржинская. Иордан. С. 88, § 112). Однако такой перевод не вполне согласовывается с дальнейшим контекстом «Гетики». В § 115 Иордан сообщает, что «тогда-то» (tunc) вандалы были разгромлены и «очень немногие» (pauci) с разрешения императора Константина поселились в Паннонии. Следовательно, если принять перевод Е. Ч. Скржинской, то Ариарих и Аорих умерли после 332 г., но не позже чем Константин (306—337). Однако существует предположение, что в 347—348 гг. Аорих преследовал готов-христиан (*Wolfram H. Gotische Studien I. S. 7—9; Idem. Geschichte der Goten. S. 67*).

⁸² См., например: *Schmidt L. Geschichte der Wandalen. München, 1942. S. 16; Wolfram H. Geschichte der Goten. S. 66*.

⁸³ Скржинская. Иордан. С. 262, примеч. 358.

⁸⁴ *Iord. Get.* 114. отождествление рек дано по Е. Ч. Скржинской (Скржинская. Иордан. С. 262, примеч. 360).

⁸⁵ Обзор литературы о пребывании готов в Семиградье см.: *Rosenfeld H. Ost- und Westgoten // Die Welt als Geschichte. Stuttgart, 1957. Bd. 17. S. 250, Anm. 17—18*.

⁸⁶ *Iord. Get.* 115.

⁸⁷ *Ibid.* 94, 110, 115.

⁸⁸ *Ibid.* 113.

⁸⁹ *Ibid.* 115. Возможно, это противоречие и вызвало сомнение Х. Вольфрама в том, что области расселения вандалов находились рядом с готами. Он считает, что пограничные с вандалами районы лишь входили в сферу экспансионистских устремлений готов Гебериха (*Wolfram H. Geschichte der Goten. S. 66*).

⁹⁰ *Wolfram H. Gotische Studien I. S. 7*. См.: *Iord. Get.* 162: «... они до сих пор помнили по рассказам своих предков, какое некогда бедствие причинил их народу король готов Геберих и как он силою своею согнал их с родной земли. ...» («... adhuc memores ex relatione maiorum suorum, quid dudum Geberich Gothorum rex genti suae prestitisset incommodi vel quomodo eos virtute sua patrio solo expulisset»).

А. КАРПОЗИЛОС

РОС-ДРОМИТЫ И ПРОБЛЕМА ПОХОДА
ОЛЕГА ПРОТИВ КОНСТАНТИНОПОЛЯ *

Известный отрывок из сочинения Псевдосимеона, в котором упомянуто о Рос-Дромитах¹, начиная с середины прошлого века и до наших дней, нередко становится предметом исторических исследований. Интерес специалистов к данному отрывку является тем более оправданным, что сведения источников X в. о народе Рос весьма бедны и, как правило, отрывочны и неполны, хотя и связываются, как и в случае с Псевдосимеоном, с действительно имевшими место историческими событиями.

Спорный вопрос о Рос-Дромитах был издавна связан в историографии с походом Олега на Византию в 907 г.², о подробностях которого известно исключительно из Повести временных лет. Что же касается пассажа из сочинения Псевдосимеона, то он использовался лишь как доказательство подлинности сведений, содержащихся в русской летописи³. Некоторые исследователи, однако, выразили сомнения относительно историчности похода Олега на Византию⁴, указывая, в частности, на тот факт, что он не упоминается ни в одном из источников, современных Псевдосимеоу или авторам последующего времени.

Наконец, десять лет назад к обширной библиографии по этому спорному вопросу прибавилась еще одна статья, в которой было высказано мнение, что отрывок из труда Псевдосимеона не имеет никакого отношения к походу Олега в 907 г., а должен быть соотнесен с появлением в Византии русско-варяжской дружины киевского князя Владимира, призванной в 988 г. на помощь Василием II⁵.

* Выражаю глубокую благодарность моему коллеге, доценту математики М. К. Грамматикопулосу за ценную помощь, оказанную мне при переводе данной статьи на русский язык.

¹ *Theophannes Continuatus, Joannes Cameniata, Symeon Magister, Georgios Monachus*. Bonnae, 1838. (Далее: *Pseudosym.* и *Theoph. Continuat.*) P. 707, 3.

² См. подробно статью А. Васильева и указанную там литературу: *Vasiliev A. The Second Russian attack on Constantinople* DOP. 1951. 6. P. 161—225; *Ostrogorsky G. L'expédition du prince Oleg contre Constantinople en 907* // *Annales de l'Institut Kondakov. Seminarium Kondakovianum*. 1939. II. P. 47—62; 296—298; *Jenkins R. J. H. The supposed Russian attack on Constantinople in 907: Evidence of the Pseudo-Symeon* // *Speculum*. 1949. 24. P. 403—406; *Mango C. A note on the Ros-Dromitai* // *Ελληνικά παραρτήματα Θεσσαλονίκης*, 1953. Т. 4.

³ Подлинность свидетельства русской летописи о походе Олега принимают без сомнений большинство историков. См., например: *Λαμπρός Κ. Ιστορία του Βυζαντινού Κράτους*. Αθήναι. 1947. Т. II. Σ. 77—78; *Vasiliev A. A. History of the Byzantine Empire*. Madison (Wisc.), 1961. Т. II. P. 320—321; *Ostrogorsky G. Geschichte des byzantinischen Staats*. München, 1963. S. 215, Anm. 2; *История Византии*. М., 1967. Ч. 2. С. 230; *Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565—1025*. München, 1924. Т. I, N 549.

⁴ Сомнения в аутентичности данных о походе Олега первым выразил А. Грегуар. См.: *Gregoire H. La légende d'Oleg et l'expédition d'Igor* // *Bull. de l'Acad. royale de Belgique*. 1937. 23. P. 80—94; см. также: *Dolley R. H. Oleg's mythical Campaign against Constantinople* // *Bull. de l'Acad. royale de Belgique*. 1949. 35. P. 106 sq.; *Grégoire H. L'histoire et la légende d'Oleg, prince de Kiev* // *Nouv. Cléo*. 1952. 4. P. 281—287; *Idem. L'étymologie des Russes Dromites* // *Ibid.* P. 385—387.

⁵ *Markopoulos A. Encore les Ros-Dromitai et le Pseudo-Symeon* // *JÖB*. 1974. 23. P. 89—99.

Автор статьи исходит из убеждения, что отрывок из сочинения Псевдосимеона ошибочно связывается в литературе с походом Олега и вообще с русско-варяжской дружиной в Византии. Достоин удивления, что ни один из исследователей не нашел целесообразным рассмотреть данный отрывок в рамках общего предмета повествования этого хрониста. Псевдосимеон (см.: *Pseudosym.* P. 705. 14—707. 10) дает перечень географических названий городов и мест, приводя в каждом случае их этимологию и некоторые подробности об обстоятельствах основания упомянутых поселений. Тут же он упоминает и о Рос-Дромитах. Как известно, отрывок из этого перечня встречается и в труде Продолжателя Феофана (*Theoph. Continuat.* P. 367, 5—22), где, однако, не упомянуты Рос-Дромиты. Несмотря на некоторые различия между перечнями двух разных авторов замечателен тот факт, что и у того, и у другого список топонимов связан с морскими экспедициями Льва Триполийского в 904 г. Иначе говоря, оба хрониста, говоря о действиях арабов, обогатили свое повествование сведениями, заимствованными из какого-то общего, не известного нам географического источника. То обстоятельство, что источник был общим, является очевидным: достаточно сопоставить хотя бы начало текстов Продолжателя Феофана и Псевдосимеона:

Theoph. Continuat. P. 367.5—22

... ἐς Ἄβυδον διελθὼν τὴν καθ' Ἑλλήσποντον, ἣν Μιλήσιον κατῴκισαν ἀποικίαις, Ἑλλήσποντον τὸν ἀπὸ Ἑλλης τῆς Φρίξου ἀδελφῆς τῷ ἐκείσε πελάγει ῥιφεΐσης οὕτως ἀγορευόμενον, καὶ Αἰγαῖον πέλαγος, ὃ τὴν κλῆσιν ἀπέιληφεν ἀπὸ τῆς τῶν ὑδάτων φορᾶς αἰσούσης κατὰ τρόπον αἰγός, ἐξῆς δὲ προσωρικῶς Στροβήλῳ τῇ κατὰ Κιβύρραν (καὶ Στρόβηλος μὲν ἀπὸ τῆς τοπικῆς θέσεως, Κιβύρρα δὲ ἀπὸ Κιβύρρου ἀδελφοῦ Μαρσοῦ τε καὶ Κιδάρμου) καὶ Λαμψάκῳ, ἀπὸ φωτός λάμψως ὀνομασμένη, ὅπερ νυκτὶ Φωκαέων θεμελιούντων ταύτην εὐξαμένων θεῶθεν ἐπέλαμ'εν, καὶ ἡ τῶν θεμελίων βάσις καλῶς κεκραταίωτο, μετὰ ταῦτα τῇ Ἰμβρῳ διελθὼν, ἧτις ἀπὸ Ἰμβρου κέκληται υἱοῦ Ἀνθού, οὗ γενέτης Στάφυλος Διονύσου φίλτατος ἐγγονος, Σαμοθράκην δὲ διαβάς καὶ τῇ Θάσῳ προσπελάσας, ἣν Χρυστὴν οἱ πρίν διεφημίζοντο, Σαμοθράκην δὲ ἐν Θράκῃ χερρόνησον τὴν πρότερον Θηριοῦσαν διὰ τὸ θηρίων πεπληρωθῆαι, ἱερὰν Νυμφῶν οὖσαν, μετέπειτα τοῦ ῥοῦ συρραγέντος εἰς νῆσον συστήναι καὶ ὑπὸ Σαμίων κατοίκων ἐν κατασχέσει γενέσθαι καὶ Σαμοθράκην κληθῆναι, τοὺς πολέμιους κατέλαβεν.

Pseudosym. P. 705.16—706.8

Ὡσαύτως δὲ καὶ τὸ Αἰγαῖον πέλαγος τὴν κλῆσιν ἀπέιληφεν ἀπὸ τῆς τῶν ὑδάτων φορᾶς αἰσούσης κατὰ τρόπον αἰγός. Ὁμοίως δὲ καὶ Στρόβηλος ὀνομασθῆναι ἀπὸ τῆς τοπικῆς θέσεως. Καὶ Λάμψακος ἀπὸ φωτός λάμψως, ὅπερ ἐν νυκτὶ Φωκαέων θεμελιούντων ταύτην καὶ εὐξαμένων θεῶθεν ἐπέλαμ'εν καὶ ἡ τῶν θεμελίων βάσις καλῶς κεκραταίωται. Καὶ Ἰμβρος ἀπὸ Ἰμβρου κέκληται υἱοῦ Ἀνθού, οὗ γενέτης Στάφυλος Διονύσου φίλτατος υἱός. Καὶ Ἑλλήσποντος ἀπὸ Ἑλλης τῆς Φρίξου ἀδελφῆς τῷ ἐκείσε πελάγει ῥιφεΐσης. Κιβύρρα δὲ ἀπὸ Κιβύρρου ἀδελφοῦ. Ἡ δὲ Θάσος Χρυστῇ πρώτῃ ἐλέγετο. Σαμοθράκη δὲ ἡ ἐν τῇ Θράκῃ χερρόνησος, ἧτις πρώτῃ Θηριοῦσα διὰ τὸ θηρίων πεπληρωθῆαι καὶ ἱερὰν νυμφῶν οὖσαν ὀνομαζέτο. Μετέπειτα δὲ τοῦ ῥοῦ συρραγέντος εἰς νῆσον συνέστη καὶ ὑπὸ Σαμίων κατοίκων ἐν κατασχέσει γενομένη Σαμοθράκη μετονομασθῆναι.

Дальнейшее сопоставление позволяет констатировать, что перечень Псевдосимеона почти втрое шире, а также, что в нем содержатся названия таких мест, которые не встречаются в труде Продолжателя Феофана, а именно: Месимврия, Селимврия, Македония, Никополис, Иерон, Фарос, Трикефалос, Рос-Дромиты.

Р. Дженкинз полагает, что приведенные выше названия составляют особый список, который приведен только у Псевдосимеона, и что он, как и первый (у Продолжателя Феофана), связан с конкретным историческим событием, имевшим место после 904 г., т. е. после экспедиций Льва Триполийского. Этим событием, подразумеваемым во втором перечне и являлся, несомненно, по заключению Р. Дженкинза, поход Олега

в 907 г. Ссылаясь на тот факт, что в другом месте Псевдосимеон упоминает поход народа Рос под 941 г. (*Pseudosym.* Р. 746.12—747.23), Р. Дженкинз исключает возможность того, что и ранее речь могла идти о том же событии. Следовательно, как полагает исследователь, только поход 907 г. и может быть связан со спорным пассажем из сочинения Псевдосимеона⁶.

Однако на вопрос о том, почему этот факт не приводится другими источниками и как объясняется это удивительное молчание византийских хронистов о столь важном событии, до сих пор в литературе не дано удовлетворительного ответа. Напротив, все исследователи упорно настаивают на том, что загадочный отрывок из труда Псевдосимеона имеет прямое отношение к событиям 904—907 гг. Сам по себе он комментировался много раз, причем самые различные теории со времен Ф. Комбефиза, давшего к греческому тексту свой латинский перевод, сводятся по сути дела к идеям известной статьи А. Васильева, в которой приведена и богатая литература по данному вопросу⁷.

На наш взгляд, главная и основная ошибка, которая направила исследователей по неверному пути, состояла в предположении, что в словах «Рос-дромиты» загадочным образом таится намек на какое-то важное историческое событие. Исходя из этого, и Р. Дженкинз и К. Манго, и недавно А. Маркопулос пытались объяснить трудный пассаж из сочинения Псевдосимеона.

Главная идея Р. Дженкинза и тех, кто следовал за ним, состояла в том, что у Псевдосимеона имеются два разных перечня географических названий. В первом из них, якобы, четко обозначены местности, через которые прошел флот арабов при их отступлении. Этот перечень, приведенный, с некоторыми фразеологическими отличиями, и у Продолжателя Феофана, заканчивается словами «Тенедос» и «Лаодикия». Второй же список, который Р. Дженкинз связывал с походом Олега, начинается там, где заканчивалось описание Продолжателя Феофана, т. е. со словами «Месимврия» и до слов «Рос-Дромиты».

Однако в перечне этих различных местностей не содержится никаких намеков на исторические события. Единственный такого рода намек имеется в начале (первого по Дженкинзу) перечня. Из него становится ясным, что названия мест имеют какое-то отношение к военным операциям арабов. Более того, непосредственно после перечисления географических терминов хронист продолжает свой рассказ о действиях арабов против Фессалоники и о ее захвате 31 июля 904 г. Естественное продолжение повествования хрониста «τῷ ἡ' ἔτει ἀνέρχεται κατὰ τῆς πόλεως ὁ στόλος τῶν Ἀγαρηνῶν» находится в конце перечня и начинается словами: «Ἀποστέλλει οὖν ὁ βασιλεὺς Εὐστάθιον δρουγγάριον τῶν πλωίμων μετὰ παρόντος τοῦ στόλου καὶ τῶν στρατιωτῶν κατ' αὐτοῦ...»

То, что именно с этого места Псевдосимеон начинает свое описание действий арабов, выясняется из сравнения его текста с параллельными отрывками из Продолжателя Феофана:

Theoph. Continuat.
Р. 366, 19—367.1

...ἡ ἀγγελία αὐτῇ κατέλαβεν ὡς Τριπολίτης μετὰ στόλου τῶν Σαρακηνῶν κατὰ Κωνσταντινουπόλεως ἀνέρχεται. Ἀποστέλλει οὖν ὁ βασιλεὺς τὸν Εὐστάθιον τὸν τηλικαῦτα δρουγγάριον μετὰ στόλον κατὰ τοῦ Τριπολίτου· ὃς μὴ δυνήθεις ἀντιτάξασθαι τοῦτ' ἀντεστράφη κενός.

Pseudosym. Р. 705.13—14;
707.11—14

Τῷ ἡ' ἔτει ἀνέρχεται κατὰ τῆς πόλεως ὁ στόλος τῶν Ἀγαρηνῶν ἅμα τῷ Τριπολίτῃ Ἀποστέλλει οὖν ὁ βασιλεὺς Εὐστάθιον δρουγγάριον τῶν πλωίμων μετὰ παρόντος τοῦ στόλου καὶ τῶν στρατιωτῶν κατ' αὐτοῦ· οἱ καὶ μὴ δυνήθέντες ἀντιπαρατάξασθαι ἀπεστράφησαν.

Следовательно, мнение Р. Дженкинза, что перечень следует разделить на две части и что первая из них относится к операциям арабов,

⁶ Jenkins R. Op. cit. Р. 403—404.

⁷ Vasiliev A. The second Russian attack. . . Р. 187—195.

а вторая — к походу Олега (или же к появлению Русско-варяжской дружины в Византии), является безосновательным и не соответствует содержанию текста Псевдосимеона.

В случае с Продолжателем Феофана ясно, что хронист, для того чтобы описать отступление арабов и ради обогащения его деталями использовал какой-то географический первоисточник, из которого черпал этимологию названий различных мест. Из того же источника заимствовал сведения и Псевдосимеон. Однако, историческое описание по совершенно не объяснимым причинам, является весьма кратким. Лишь в начале его перечня обозначены исторические рамки: «Τῷ ἡ' ἔτει ἀνέρχεται κατὰ τῆς πόλεως ὁ στόλος τῶν Ἀγαρηνῶν ἅμα τῷ Τριπολίτῃ...» (*Pseudosym.* Р. 705. 13—14).

Тем не менее далее он переписывает из географического оригинала известный нам отрывок (*Pseudosym.* Р. 705.14—707.10), совершенно не желая увязать его, как это делает Продолжатель Феофана, с конкретным историческим событием, упомянутым в начале его текста. По-видимому, Псевдосимеон, работая совершенно механически, списывал все, что видел перед собой, и поэтому его географический перечень оказался более обширным — он содержал названия мест, не встречающихся у Продолжателя Феофана.

Тот факт, что список Псевдосимеона не имеет никакого отношения к появлению народа Рос в Византии (либо как ее врагов, либо как союзников), доказывается двумя основными положениями. Во-первых, в перечне содержатся названия различных мест, находящихся в греческих и малоазийских областях, часть из которых была связана с отступлением арабов⁸, а остальные не имели никакого отношения ни к этому, ни к другим историческим событиям. Во-вторых, разного рода толкования, которые были предложены о Рос-Дромитах (*Pseudosym.* Р. 707.3), не могут быть приняты, так как в этом отрывке идет речь лишь об этимологии слова «Рос».

Следует отметить, впрочем, что списка Псевдосимеона нет ни в Cod. Paris. 854, ни в Cod. Vatic. Gr. 1807, ни в славянорусском переводе «Симеона» по Ленинградской рукописи. Этот перечень содержится в Cod. Paris. 1712, ff. 72—74, f. 258, а также в Cod. Scorr. Y—I—4, ff. 45—46⁹. Заметим, наконец, что название «Рос-Дромиты» не является редким в источниках этого периода. Мы находим его у того же Псевдосимеона при рассказе о русском походе 941 г. (*Pseudosym.* Р. 746, 12—14), а также с теми же характерными особенностями и в связи с тем же событием в труде продолжателя Феофана. Форма выражения в обоих источниках при этом, в сущности, одинакова:

Theoph. Continuat. Р. 423.14—17

Δεκάτης καὶ τετάρτης ἰνδικτιῶνος, Ἰουνίῳ δὲ μηνὶ ἐνδεκάτῃ, κατέπλευσαν οἱ Ρῶς κατὰ Κωνσταντινουπόλεως μετὰ πλοίων χιλιάδων δέκα, οἱ καὶ Δρομίται λεγόμενοι, οἱ ἐκ γένους τῶν Φράγγων καθίστανται.

Pseudosym Р. 746.12—14

Τῷ ἐνιαυτῷ ἐκείνῳ κατέπλευσαν οἱ Ρῶς οἱ καὶ Δρομίται λεγόμενοι, οἱ ἐκ γένους τῶν Φράγγων ὄντες κατὰ τῆς Κωνσταντινουπόλεως, μετὰ πλοίων χιλιάδες δέκα.

В той же формулировке, по сути дела, название «Рос-Дромиты» приведено у Псевдосимеона и на с. 707.3, с той лишь разницей, что здесь хронист привел этимологию названия «Рос», используя неизвестный нам до сих пор источник.

В Cod. Paris. 1712 географический этимологический список приведен дважды: первоначально в отделе неопубликованной хроники о событиях

⁸ О пути арабского флота см.: Vasiliev A. A. Byzance et les Arabes. . . Bruxelles, 1968. т. II. Р. 165—166.

⁹ Относительно рукописей Псевдосимеона см.: Μαρκόπουλος Ἀ. Ἡ χρονογραφία τοῦ Ψευδοσυμεῶν καὶ οἱ πηγές τῆς. Ἰωάννινα, 1978. Σ. 30—38.

до эпохи Юлия Цезаря (=А) ff. 72—74, а затем — в связи с нападением Льва Триполийского (=Б) ff. 258 г-в. При этом в перечне А описание более обширно и встречаются названия, которые отсутствуют в перечне Б: Фессалоника, Никомидия, Халкидон, Византий и т. п.¹⁰ Имеются и некоторые иные различия, в основном — синтаксические, как, например, в отрывке, касающемся именно «Рос»:

А

... Φάρος δὲ ἀφίδρυμά τι, ὃ πυρρός ἦν ἐπιτιθέμενος εἰς ὁδηγίαν ἀπρόσκοπον τοῖς ἐν νυκτὶ παροδίταις. Ῥῶς δὲ οἱ καὶ Δρομίται φερώνυμοι ἀπὸ Ῥῶς τινος σφοδροῦ διέδραμεν ἀπηχήματος τῶν χρησμένων ἐξ ὑποθήκης ἢ θεοκλυτίας τινός καὶ ὑπερσχόντων αὐτοὺς ἐπικέκληνται. Δρομίται δὲ ἀπὸ τοῦ ὀξέως τρέχειν αὐτοῖς προσηγόρευτο. Ἐκ γένους δὲ τῶν Φράγγων καθίστανται.

Б

... Φάρος δὲ ἀφίδρυμά τι, ὃ πυρρός ἐπιτίθεται εἰς ὁδηγίαν ἀπρόσκοπον τοῖς ἐν νυκτὶ παροδίταις. Ῥῶς δὲ οἱ καὶ Δρομίται φερώνυμοι ἀπὸ Ῥῶς τινος σφοδροῦ διαδραμόντος ἀπηχήματος τῶν χρησμένων ἐξ ὑποθήκης ἢ θεοκλυτίας τινός καὶ ὑπερσχόντων αὐτοὺς, ἐπικέκληνται. Δρομίται δὲ ἀπὸ τοῦ ὀξέως τρέχειν αὐτοῖς προσηγόρευτο. Ἐκ γένους δὲ τῶν Φράγγων καθίστανται. Ὁ δὲ Τρικέφαλος βουνός κατὰ τὸ Ὀφίκιον ἀπὸ τοῦ τριχῆ κεφαλῶσθαι τῷ σχήματι εἴρηται, ὥσπερ καὶ Ῥαδηνός ἀπὸ Ῥάδης κόρης τοῦ τῶν Ἀνατολικῶν θέματος.

Список Б, как мы отметили, до определенной степени связан с отступлением арабов. Рассмотрим теперь, однако, те исторические рамки, в пределах которых может быть помещен список. Знакомство ученых со списком А по Cod. Paris. 1712 и дальнейшее его опубликование А. Маркопулосом до сих пор не привлекло внимание исследователей. В своей статье А. Маркопулос ограничился изданием лишь той части списка А, которая соответствует содержанию списка Б¹¹. Таким образом, А. Маркопулос не только не издал полностью списка А, он, что особенно важно, не задался вопросом, почему и как был использован хронистом список А в его сочинении. А суть дела состоит как раз в том, что пространственный текст, содержащийся на ff. 72—74 и заключающий различные географические замечания об эпохе античности, связан с историей наследников Александра Великого. Данная глава труда Псевдосимеоны оканчивается краткими заметками о преемниках Александра Великого и об епархиях, где они царствовали, т. е. является, в сущности, списком наследников македонского царя. Затем следует ряд различных замечаний географического и этимологического характера. Окончив этот перечень, хронист возвращается к главной нити своего повествования, начав новую главу с названием «Ιστορία ἀπὸ Γαίτου Καίσαρος».

Но как оказалось возможным, что практически один и тот же перечень повторен дважды и к тому же в совершенно различных исторических рамках — один раз для эпохи до Юлия Цезаря, второй раз — для событий 904 г.? Если справедливо мнение Р. Дженкиназа, что первая часть списка Б связана с нашествиями арабов, а вторая — с походом Олега, то как оправдывается появление списка А, излагающего якобы события X в., но в исторических рамках до эпохи Юлия Цезаря? Список Б ограничивается упоминанием географических названий главным образом на территориях востока империи, точнее, на побережье Малой Азии и на островах Эгейского моря, тогда как в более обширном списке содержатся также такие наименования, как Италия, Ломбардия, Сиракузы, Мефоны, Закинф и др. Однако при этом описание западных районов не связано ни с каким конкретным событием. Напротив, из сказанного выше следует, что этот вставной текст (географические, этимологические перечни А и Б) восходит к какому-то географическому первоисточнику,

имевшемуся в распоряжении хрониста. Хронист пользовался им каждый раз, когда ему надо было затронуть географическую или топографическую тему¹². Этим и объясняется то обстоятельство, почему всякий раз, когда заходит речь о народе Рос, он употребляет стереотипно одни и те же фразы. Таким образом, возвращаясь к главной теме нашего исследования, мы можем, видимо, сделать вывод, что «Рос» Псевдосимеоны (707.3) не имеют никакого отношения к предполагаемому походу Олега или к Русско-варяжской дружине и что в данном случае лишь упомянуто наименование, находящееся в ряду многих других названий.

Версия списка Б была единственной известной до недавнего времени и являлась основой всех теорий относительно народа Рос. Следует отметить при этом, что все, пытавшиеся объяснить ее, полагали, что во фразе ἀπὸ Ῥῶς τινος σφοδροῦ таится намек на личность великого русского предводителя, от которого и получили свое название народ Рос¹³. Обычно заключали, что речь идет об Олеге, а согласно А. Маркопулосу — о Владимире. Приверженность идее, что данный отрывок из Псевдосимеоны должен найти объяснение исторически в рамках русско-византийских отношений, увлекло исследователей на неправильный путь. Этому, возможно, способствовал и текст списка Б, который действительно представляет большие трудности при переводе, особенно предложение со слова διαδραμόντες (sic) до слова αὐτοὺς. Но каков все-таки смысл трактуемого географического названия, ставшего причиной столь многих дискуссий и комментариев? Сначала, однако, приведем список А, которому в науке еще не уделено должного внимания.

Географический список А.

Paris. gr. 1712. F. 74 a. Scor. Y-I-4. F. 46

Ῥῶς δὲ οἱ καὶ Δρομίται φερώνυμοι ἀπὸ Ῥῶς τινος σφοδροῦ διέδραμεν ἀπηχήματος τῶν χρησμένων ἐξ ὑποθήκης ἢ θεοκλυτίας τινός καὶ ὑπερσχόντων αὐτοὺς ἐπικέκληνται. Δρομίται δὲ ἀπὸ τοῦ ὀξέως τρέχειν αὐτοῖς προσηγόρευτο. Ἐκ γένους δὲ τῶν Φράγγων καθίστανται.

Рос, называемые также и Дромиты. Имя это, которое они носят, распространилось от какого-то сильного отклика «рос», изданного теми, которые приняли прорицание согласно некоему совету или по божественному воодушевлению и которые стали распорядителями этого народа. Название Дромиты было им дано потому, что они бегают быстро. А происходят они из рода франков.

Географический список Б.

Paris gr. 1712. F. 258

Ῥῶς δὲ οἱ καὶ Δρομίται φερώνυμοι ἀπὸ Ῥῶς τινος σφοδροῦ διαδραμόντος ἀπηχήματος τῶν χρησμένων ἐξ ὑποθήκης ἢ θεοκλυτίας τινός καὶ ὑπερσχόντων αὐτοὺς, ἐπικέκληνται. Δρομίται δὲ ἀπὸ τοῦ ὀξέως τρέχειν αὐτοῖς προσηγόρευτο. Ἐκ γένους δὲ τῶν Φράγγων καθίστανται.

Рос, нарекаемые также и Дромиты, названы так от распространения какого-то сильного отклика «рос» тех, которые приняли прорицание согласно некоему совету или же по божественному воодушевлению и стали распорядителями этого народа.

Δρομίται, согласно А. Васильеву (The Supposed Russian Attack... p. 193—195), — это название, свидетельствующее о первоначальном происхождении Рос от известной местности в устье Днепра — Ἀχίλλειος Δρόμος. То же мнение высказал независимо от А. Васильева и В. Томашек (RE Pauly-Wissowa, I, 221). Оба исследователя использовали при этом следую-

¹² Diller A. Excerpts from Strabo and Stephanus in Byzantine Chronicles // Transactions of the American Philological Association. 1950. 81. P. 242—245, 252—253. (Та же статья в: Studies in Greek Manuscript Tradition. Amsterdam, 1983. P. 45—49, 50—57.)

¹³ См.: Vasiliev A. The second Russian attack... P. 188—193.

¹⁰ Markopoulos A. Encore les Ros-Dromitai... P. 90—94.

¹¹ Ibid. P. 91—93.

ший отрывок из Стефана Византийского: «...τὸ ἐθνικὸν Ἀχιλλεῖωτης καὶ Ἀχιλλεΐτης δύναται εἶναι καὶ Ἀχιλλεῖοδρομίτης» (Etnika / Ed. A. Meineke. В. 1843. S. 152.). В отличие от них П. Карлин-Хейтер (Swift Danes // Byzantion. 1965. 35. P. 359) увязывала название «Дромиты» с заметкой хроники Дитмара, где идет речь о жителях Киева, которые в XI в. состояли *maxime ex velocibus Danis*. Прилагательное «velox» к существительному «Danis» является, по ее мнению, не случайным, а служит переводом слова *δρομίται*.

Название «Рос», согласно этимологии приведенного выше географического источника, происходит от отклика «рос», изданного после принятия прорицания какими-то боговдохновенными мужами. Это объяснение, надо признаться, является единственным, и, так как вокруг происхождения имени «Рос» мнения ученых расходятся, этот факт приобретает особый интерес¹⁴. Хотя в науке широко признано, что греческое название «Рос» происходит от славянского «Рус», до сих пор мы не имеем в источниках другого объяснения происхождения этого названия¹⁵. Впрочем, можно указать на объяснение названия «Рос», встречающееся в византийских источниках и связывающее этот народ с архонтом Рос пророка Иезекииля (38,2—3)¹⁶. Но к этому времени народ Рос под этим названием был уже известен в Византии, и византийские авторы попросту соотносили его с именем «Рос» Старого завета.

Но откуда все-таки взял свои сведения наш хронист? На этот вопрос мы не можем ответить с определенностью. Единственное, что нам известно, — это то, что в греческих источниках название «Рос» приводится в двух речах патриарха Фотия в связи с нападением Рос на Константинополь в 860 г.¹⁷ и в его циркулярном письме 867 г.¹⁸ Кроме того, название «Рос» встречается также в житии Георгия Амастридского, написанном в IX в. Эти факты вынуждают нас принять, что сведения географического источника не могли возникнуть ранее середины этого столетия.

Обобщая выводы нашего исследования, коротко еще раз резюмируем их:

1) Географический список Псевдосимеона не разделяется на две части, увязываемые с двумя различными историческими событиями, как это было предположено Р. Дженкинзом.

2) Обширный перечень А является продолжением повествования о наследниках Александра Великого. Версия же перечня Б располагается в рамках исторических событий 904 г., но ни одно из названий обоих перечней не содержит указаний на исторические события.

3) Относительно наименования «Рос-Дромиты» можно заключить, что как в версии списка А, так и в версии списка Б речь идет лишь об этимологии этого названия.

Следовательно, связь Рос-Дромитов с предполагаемым враждебным или же союзным появлением этого народа в Византии в 907 г. оказывается недоказанной, по крайней мере — на основании свидетельств Псевдосимеона.

¹⁴ О дискуссии на тему «Рос» см. комментарий Д. Оболенского к De Administrando Imperio (L., 1962. Т. II. P. 20—23).

¹⁵ Соловьев А. В. Византийское имя России // ВВ. 1957. 12. С. 134—139.

¹⁶ «Ὅτι δὲ τὸ ἔθνος ἀπονομαζόμενον καὶ ἰαχίμων, καὶ κραταῖον, πᾶσι τοῖς ἡμέτεροις ἐπιτιθέμενον ἔθεσι, παρσυροῦσι πολλοὶ καὶ ὁ θεὸς δὲ Ἱερεκὴν, μνήμην τοῦτου ποιοῦμενος ἐν οἷς ταῦτα φησιν Ἰδοὺ ἐγὼ ἐπάγω ἐπὶ σε τὸν Ρῶγ καὶ Μαγὼν ἄρχοντα Ῥως (Leonis Diaconis Historiae Libri X. Bonnae, 1828. P. 150.15—19). См. также: Vasiliev A. A. The prophet Ezekiel and the Russians // The Russian Attack on Constantinople in 860. Cambridge (Mass.), 1946. P. 166—168.

¹⁷ Φωτίου Ὁμιλίαι / Ἑλδ. В. Λαύρδζ. Θεσσαλονίκη, 1959. Σ. 29—39. 40—52; Mango C. The Homilies of Photius Patriarch of Constantinople. Cambridge (Mass.), 1958. P. 82—110; Φωτίου Ἐπιστολαί / Ἑλδ. Ἰ. Ν. Βαλέττα. Λονδίνο, 1864. Σ. 178.

¹⁸ Василевский В. Г. Труды. Пг., 1915. Т. III. С. 64.

В. П. СТЕПАНЕНКО

РАВНИННАЯ КИЛИКИЯ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ АНТИОХИЙСКОГО КНЯЖЕСТВА И КНЯЖЕСТВА РУБЕНИДОВ В 10—40-х ГОДАХ XII в.

Территория Равнинной Киликии с городами Тарс, Адана, Мамистра и Аназарба с древнейших времен играла значительную роль в экономической, политической и культурной жизни Ближнего Востока. Через ее порты и ущелья Киликийского Тавра проходили важнейшие пути международной торговли¹. До 70-х годов XI в. Киликия входила в состав Византии. После поражения византийских войск в сражении при Манцикерте (1071) она перешла под контроль доместика схол Востока Филарета Врахамия. В 1084 г. Равнинная киликия была завоевана сельджукским Румским султанатом, тогда как в ее горной части образовалось армянское княжество Рубенидов². Осенью 1097 г. во время Первого крестового похода отряды Бодуэна Фландрского и Танкреда изгнали сельджукские гарнизоны из Тарса, Аданы и Мамистры, а через год в результате похода Боэмунда Тарентского данные города вошли в состав Антиохийского княжества³. Тем самым были нарушены условия константинопольского соглашения между Алексеем Комниным и предводителями крестоносцев, которое предусматривало возвращение Византии всех ранее принадлежавших ей территорий, если они будут отвоеваны у сельджуков⁴. Таким образом, возникновение на территориях Сирии и Месопотамии Антиохийского княжества и графства Эдесского произошло вопреки притязаниям империи на данные земли, хотя ей удалось вернуть западную часть Равнинной Киликии с Куриком и Селевкийей и стратегически важный район Мараша, расположенный у границ Антиохийского княжества и княжества Рубенидов в Горной Киликии. Последнее в данный период, по-видимому, признало сюзеренитет империи⁵.

Нарушение «прав» Византии на территории Сирии и Месопотамии положило начало ее длительной борьбе с образовавшимися здесь государствами крестоносцев, значительное место в которой заняли византийско-антиохийские войны за Равнинную Киликию. Княжество Рубенидов также стремилось обеспечить себе выход к ее портам. Но, не располагая для этого реальной силой, оно лавировало между Византией и Антиохий-

¹ Я. А. Манандян прямо связывает позднейший расцвет Киликийского армянского царства с присоединением Равнинной Киликии, через территорию которой шла «основная и наиболее удобная караванная магистраль мировой торговли». См.: Манандян Я. А. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Ереван, 1954. С. 263—264; см. также: Микаелян Г. Г. История Киликийского армянского государства. Ереван, 1952. С. 10—12.

² Adontz N. L'aieul des Roubeniens // Etudes armeno-byzantines. Lisbonne, 1965. P. 175.

³ Willermi Tyrensis Historia rerum in partibus transmarinis destarum ||| RHCori. T. 1. Lib. VII. Cap. 2. P. 279—280.

⁴ Ibid. Lib. III. Cap. 12; 127—128.

⁵ См.: Степаненко В. П., Шорохов А. В. К хронологии византийско-антиохийской борьбы за Равнинную Киликию. 1098—1108 ||| АДСВ. Развитие феодализма в Центральной и Юго-Восточной Европе. Свердловск, 1983. С. 139—147.

ским княжеством, каждый раз ориентируясь на то из двух государств, которое в данный период времени контролировало Равнинную Киликию. В 1108 г. в результате очередного этапа борьбы данный район надолго вошел в состав Антиохийского княжества, будучи отвоеван у Византии его регентом Танкредом⁶. Ф. Шаландон полагал, что вплоть до 30-х годов XII в. Равнинная Киликия оставалась под властью Антиохийского княжества, не исключая в то же время возможности того, что временами часть ее подпадала под контроль княжества Рубенидов⁷. Р. Груссе, ссылаясь на хронику Псевдо-Смбата Спарапета, считал, что Левон I Рубенид отобрал в 1132 г. Тарс, Адаму и Мамистру не у Антиохийского княжества, а у Византии, которой они якобы принадлежали к тому времени⁸. По его утверждению, «Шаландон установил, что Левон отнял их не у франков Антиохии, которые владели ими лишь временно, но у византийцев, которые между 1104—1108 гг. отвоевали их у Танкреда. Титулы Ги де Шеврие, известного как сеньор Мамистры для последующих лет, и Рауля де Домфронта—архиепископа Мамистры, до того, как он стал патриархом Антиохии,—вероятно, являются титулами, которые они сохранили после утраты города»⁹. Но Ф. Шаландон отнюдь не настаивал, что Мамистра и Тарс в 1108—1132 гг. принадлежали Византии, а лишь допускал эту возможность, пытаясь примирить диаметрально противоположные сведения Альберта Ахенского и Псевдо-Смбата Спарапета о государственной принадлежности Равнинной Киликии в данный период. К тому же Р. Груссе странным образом не обратил внимания на актовый материал, имеющий прямое отношение к судьбам данного региона, тогда как Ф. Шаландону не была известна «История Дамаска» Ибн аль-Каланиси, английский перевод которой был издан Г. Гиббом в 1932 г. А Каланиси полностью подтверждает сведения Анны Комниной о том, что к 1108 г. вся Равнинная Киликия была отторгнута у Византии Танкредом и войска регента стояли у стен Тарса¹⁰. Анна Комнина, будучи панегиристкой своего отца Алексея, была менее всего расположена писать о его неудачах в Киликии. Поэтому, вынужденная констатировать утрату ее империей, принцесса обвиняет в этом стратопедарха Аспиента, оставившего Мамистру¹¹. Напомним, что основанием для того, чтобы считать Мамистру и Тарс принадлежащими Византии, был для Ф. Шаландона текст Деволского договора между Алексеем I и потерпевшим поражение на балканском театре военных действий князем Антиохии Боэмундом Тарентским. По условиям договора, Боэмунд обязался принудить Танкреда вернуть захваченные им города Равнинной Киликии императору¹². Но сделано это не было, и зафиксированное в тексте договора данное требование Алексея I осталось на бумаге. Более того, по-видимому, развивая успех, Танкред в 1108 г. смог овладеть и восстановленным императором Куриком. Из грамоты антиохийского барона Готье Сурдеваля ордену Иоаннитов от 2 января 1134 г., подписанной Теобальдом де Коризо, следует, согласно первому издателю хартии Р. Рёрихту, что Коризо-Курик в это время входил в состав Антиохийского княжества¹³.

Что касается судеб Тарса и Мамистры в 1108 г., то известна хартия Танкреда пизанцам, дарующая им квартал в только что возвращенной

регентом Лаодикие. Среди подписей вассалов Танкреда, утверждающих хартию, имеются имена епископа Тарса Рогериуса, архиепископа Мамистры Рауля¹⁴. Широко известен список вассалов Танкреда, собравшихся на его зов в 1111 г., который приводит Альберт Ахенский¹⁵ и анализирует Р. Никольсон¹⁶. Среди них хронист называет Видо Карнеолиса, сеньора Тарса и Мамистры, а также епископа Тарса Рогериуса, известного по хартии 1108 г. Примерно 1114 г. датирована грамота приемника Танкреда Рожера Антиохийского, согласно которой монастырю Богоматери в Иосафатовой долине около Иерусалима даруется касаль св. Павла около Мамистры¹⁷. Она подписана уже известным нам епископом Тарса Рогериусом. В 1118—1119 гг. в кампании Рожера против Артукида Иль Гази, по данным «Антиохийских войн» Готье Канцлера, принимал участие его вассал Гвидо Каприолис, которого издатель хроники Х. Хангенмайер закономерно идентифицировал с Видо Карнеолисом, упомянутым Альбертом Ахенским при описании событий 1111 г.¹⁸ В комментарии к изданию источников в «Собрании „Историков крестовых походов“» П. Риан назвал его Ги де Шеврие, что и утвердилось во франкоязычной литературе¹⁹.

Хартия «Цицилии, дамы Тарса и сестры короля Иерусалима», по которой она дарит монастырю Богоматери в Иосафатовой долине четыре касалья на территории Мамистры, датируется 1126 г.²⁰ Цицилия — это сестра короля Иерусалима Бодуэна II (1118—1131) и вдова Рожера Антиохийского, судя по грамоте, получившая Таре во вдовью часть²¹. Грамота дана с согласия нового князя Боэмунда II, принявшего во владение по прибытии из Алулии от Бодуэна II как регента княжества «Антиохию и всю Киликию»²². Наконец, один из касалей, Хоссе-Оэсси севернее Мамистры, ранее уже упоминался в грамоте Рожера Антиохийского ок. 1114 г. Таким образом, приведенные свидетельства не оставляют сомнений в том, что до 1126 г. Равнинная Киликия (по меньшей мере, районы Тарсы и Мамистры), входила в состав Антиохийского княжества и не принадлежала Византии.

Г. Г. Микаелян в своем последнем исследовании по истории Киликийского армянского государства утверждал, что Равнинная Киликия была частично отвоевана у Византии уже в начале правления Тороса I Рубенида (1100—1129)²³. Но единственный аргумент, приводимый им в пользу своего мнения, — свидетельство Усамы ибн Мункыза — не датирован. Усама пишет: «Между моим отцом и сыном Рубена, Торосом, Леоном-армянином, владыками ал Массисы, Антартуса, Адамы и ущелий, существовала большая дружба»²⁴. По данным «Рифмованной хроники», источника позднего и в датировке событий малодостоверного, Торос захватил Тарс и Мамистру в период правления Рожера Антиохий-

¹⁴ Ibid. P. 11. N 53.

¹⁵ Alberti Aquensis Historia Hierosolymitana // RHCocc. T. IV. P. 682—683.

¹⁶ Nicholson R. L. Tancred: A Study of his Career and Work in their Relations to the First Crusade and the Establishment of Latin States in Syrie and Palestina. Chicago, 1940. P. 215.

¹⁷ Kohler C. Chartes de l'abbaye de Notre Dame de la Vallée de Josaphat, 1108—1291 // ROL. 1899. T. VII. P. 115. N 4.

¹⁸ Gualterius Cancellarius. Bella Antiochena / Ed. von H. Hagenmayer. Innsbruck, 1896. Lib. I. Cap. VI. P. 74, P. 189. N 34.

¹⁹ RHCocc. T. V. P. 93.

²⁰ Kohler C. Chartes. P. 123. N XIII.

²¹ Willermi Tyrensis Historia rerum. Lib. XI. Cap. 22; Lib. XII. Cap. 9, 12; Kamal ad din. Chronique d'Aler // RHCori. T. III. P. 619; Cahen Cl. La Syrie du Nord à l'époque des croisades et du principauté franque d'Antioche. P., 1940. P. 260, 345.

²² Маттэос Урхайеци. Хронография: Древнеарм. текст. Вагаршапат, 1898. С. 366. В нашей предыдущей работе (К хронологии... С. 144), датируя захват Торосом I Тарса и Мамистры, мы исходили из традиционной точки зрения, которую и пытаемся ныне пересмотреть.

²³ Микаелян Г. Г. Указ. соч. С. 96.

²⁴ Усама ибн Мункыз. Книга назидания // Пер. А. Салье. М., 1958. С. 297.

⁶ Там же. С. 144—145.

⁷ Chalandon F. Les Commenes. P., 1912. T. 2. P. 108—109.

⁸ Grousset R. Histoire des croisades et du royaume franc de Jerusalem. P., 1934. T. 1. P. 51.

⁹ Ibid. P. 51. N 3.

¹⁰ The Damascus chronicle of the Crusades // Extr. and transl. by H. R. Gibb. L., 1932. P. 99.

¹¹ Анна Комнина. Алексиада / Вступ. ст., пер. и коммент. Я. Н. Любарского. М., 1965. С. 322—323.

¹² См.: Степаненко В. П. Марах и графство Эдесское в Деволском договоре 1108 г. (в печати).

¹³ Regesta regni Hierosolymitani, 1097—1291 / Ed. von. R. Rohricht. Oenoponti, 1893. P. 37. N 150.

ского (1112—1119)²⁵. Но с 1108 по 1119 г., судя по хартиям князей Антиохии, данными городами владеет Гвидо Карнеолис, а в 1126 г. — вдова Рожера Цицилия²⁶. Наконец, отношения Рубенидов с крестоносцами после 1100 г. и до гибели Рожера оставались неизменно дружескими. В 1116 г. Торос I выдал графу Эдессы Бодуэну Буржскому армянского князя Васила Тга, а в 1118 г. его брат Левон участвовал в походе Рожера и взятии г. Азаз²⁷. В целом завоевание Торосом I Тарса и Адан между 1112—1119 гг. представляется маловероятным. Даже если подобная попытка и имела место, то она была безуспешна, так как в 1132 г. Левон I повторяет ее.

Разделяя мнение Р. Груссе²⁸, Г. Г. Микаелян полагал, что первые успехи в экспансии Рубенидов в Киликии были достигнуты при Торосе I, когда «армяне отняли у Византии город Аназарбу»²⁹. На этом основании он отрицал признание Рубенидами сюзеренитета империи. Но Торос и Левон фигурируют как вассалы Алексея I Комнина в тексте Девольского договора 1108 г., ряд параграфов которого определяет демаркацию границы княжеств Антиохийского и Рубенидов при гарантии ее со стороны Византии. Более того, создается впечатление, что, передавая князю Антиохии «Черную гору (Аманский хребет, отделяющий Киликию от Сирии. — В. С.) и все подчиненные ей крепости, и всю лежащую под ней долину, разумеется, за исключением владений Льва и Феодора Рупениев, армян — подданных вашего владычества» (Алексея I. — В. С.)³⁰, империя ограждала интересы Рубенидов как своих вассалов. И, наконец, Девольский договор был заключен осенью 1108 г., а Аназарба как столица Тороса I упоминается Маттэосом Урхайеци при описании сельджукского набега на Киликию в 556 г. армян. эры (23.2.1107—22.2.1108)³¹, в то же время она фигурирует в тексте договора среди городов, возвращения которых Византия требовала от Антиохийского княжества³² и которые к осени 1108 г. были подчинены Танкредом. Таким образом, фактически империя настаивала на отказе Боэмунда от притязаний на города Равнинной Киликии, включая и принадлежавшую Торосу I Аназарбу. Учитывая, что в тексте договора Рубениды выступают в качестве вассалов Византии и сохранились также моливдовулы Феодора Рупения, приписанные В. С. Шандровской Торосу I³³, можно предположить, что в данном случае империя сохраняла права Рубенида на Аназарбу. Таким образом, когда, при каких обстоятельствах и у кого он был приобретен Рубенидом, неизвестно. Аназарба оставалась столицей удела Тороса вплоть до его смерти в 1129 г.

Невозможность ранней датировки экспансии Рубенидов в Равнинной Киликии подтверждается, на наш взгляд, внутривластным состоянием княжества. Исходя из сведений Анны Комниной и Маттэоса Урхайеци, постоянно упоминающих Левона наряду с Торосом, Г. Г. Микаелян высказывал мнения, что они были соправителями, ибо появляются в источниках как владельцы Горной Киликии³⁴. Но имеющиеся данные наводят на мысль, что до 1129 г. они были самостоятельны, а княжество после смерти Константина I (1100) распалось на два удела, о чем свидетельствует и ряд фактов. Так, Маттэос Урхайеци пишет, что владелец крупнейшего из армянских княжеств на Евфрате Васил Тга по прибы-

тии к Левону в качестве жениха его дочери был схвачен по приказу Тороса и выдан им графу Эдессы Бодуэну Буржскому, пытками заставившему Васила сдать ему крепости княжества. Собрав войска, Васил возвратился к Левону, а затем ушел в Константинополь, где его потомки действовали в качестве полководцев империи в период правления Мануила I Комнина³⁵. Известно, что князь Пира Аплгариб после аннексии его владений в Приевфрате графом Эдессы ушел с отрядом к Торосу I в Аназарбу³⁶. Создается впечатление, что Торос и Левон были вполне автономны в своих внешних контактах и в отношениях друг с другом. Причем их интересы, как в случае с Василием Тга, не всегда совпадали. Показательно в этой связи, что Левон упомянут Альбертом Ахенским наряду с вассалами Танкреда при описании событий 1111 г. И хотя вассалитет князя в отношении регента Антиохии нуждается в дополнительной аргументации (он приведен здесь наряду с армянскими владельцами Приевфраты — Василием Гохом и его братом Багратом, а также князем Опином, возможно, владельцем Ламброна в Киликии), в пользу его ориентации на Антиохийское княжество свидетельствует участие князя в захвате Рожером Антиохийским Азаза в 1118 г.

«Рифмованная Хроника» сообщает, что после смерти Тороса в 1129 г. и убийства его сына и наследника Константина вследствие смут в уделе, Левон занял Аназарбу и объединил оба владения³⁷. Эти данные косвенно подтверждает и Михаил Сириец, упоминающий, что после смерти Тороса князь Антиохии Боэмунд II «приготовился к войне с Левоном» и пошел к Аназарбе³⁸. Одновременно в Киликию вторглись отряды эмира Севастии Амир Гази Гюмюш Тегина Данышменда. Михаил Сириец прямо пишет, что объектом борьбы был район Аназарбы. Но Г. Г. Микаелян полагал, что оба вторжения свидетельствуют о том, что к этому времени вся Равнинная Киликия входила в состав княжества Рубенидов, будучи присоединена Торосом I³⁹. Это опровергается Маттэосом Урхайеци, согласно которому после гибели Рожера Антиохийского (119) король Иерусалима Бодуэн II как регент княжества «властвовал над всей Киликией, Антиохией и Иерусалимом»⁴⁰. Но как уже упоминалось выше, в 1126 г. он передал князю Боэмунду II «Антиохию и всю Киликию»⁴¹. Тогда же Тарсом владела вдова Рожера Цицилия. Как следствие, к 1126 г. вся Равнинная Киликия, кроме района Аназарбы, принадлежала Антиохийскому княжеству. Ни о каких завоеваниях Тороса между 1126—1130 гг. источники не сообщают.

В схватке с конницей Данышменда при Протус Паллиорум между Аданой и Аназарбой князь Антиохии погиб (1130)⁴². Левон Рубенид предпочел напасть на слабейшего, «занял проходы и уничтожил отряд франков»⁴³. Гибель Боэмунда II привела к усобице в Антиохийском княжестве, где вдова его Алиса, дочь Бодуэна II, вступила в борьбу за регентство с баронами, противостоявшими ее притязаниям на власть ее малолетней дочери Констанции и поддержанным королем Иерусалима, графами Эдессы и Триполи⁴⁴. Мятеж сторонников Алисы был подавлен войсками короля. Княгиня была выслана в пожалованную ей и Джебелю Лаодикею. Регентом Антиохийского княжества стал граф Эдессы Жос-

²⁵ Vahram Rabouni. Chronique rimée des rois de la Petite Arménie. RHC. DA. T. 1. P. 499.

²⁶ Е. Рей относил водворение Гвидо в Тарс даже к 1105 г. См.: Resume chronologique de l'histoire des princes d'Antioche / ROL. 1896. T. IV. P. 336.

²⁷ Маттэос Урхайеци. Хронография. . . С. 338, 342.

²⁸ Grousset R. Histoire des croisades. . . P. 51.

²⁹ Микаелян Г. Г. Указ. соч. С. 96.

³⁰ Анна Комнина. Алексиада. . . С. 369.

³¹ Маттэос Урхайеци. Хронография. . . С. 305—306.

³² Анна Комнина. Алексиада. . . С. 370.

³³ Шандровская В. С. Из истории армяно-византийских отношений в XII в. По данным сфрагистики // ВОН АН Арм.ССР. 1974. 4. С. 36—42.

³⁴ Микаелян Г. Г. Указ. соч. С. 95.

³⁵ Ioannis Cinnami epitome rerum ab Manuele Comnenis gestarum. Bonnae, 1836. P. 199.8—12.

³⁶ Маттэос Урхайеци. Хронография. . . С. 338.

³⁷ Chronique rimée. . . P. 500.

³⁸ Chronique de Michel le Syrien, patriarche Jacobite d'Antioche (1166—1199) / Ed. et trad. par J.-M. Chabot. P., 1905. T. III. P. 227.

³⁹ Микаелян Г. Г. Указ. соч. С. 98.

⁴⁰ Маттэос Урхайеци. Хронография. . . С. 347.

⁴¹ Там же. С. 366.

⁴² Willermi Tyrensis Historia. Lib. XIII. Cap. 27; Michel le Syrien. Chronique. . . P. 227; Abn al Athir. Chronique // RHCori. T. 1. P. 390.

⁴³ Michel le Syrien. Chronique. . . P. 227.

⁴⁴ Willermi Tyrensis Historia. Lib. XIV. Cap. 4—5.

лен де Куртене⁴⁵. В 1132 г. после смерти его и Бодуэна II Алиса вновь предприняла попытку занять антиохийский престол при поддержке Жослена II и графа Триполи Понса, что привело к вооруженному вмешательству нового короля Иерусалима Фулько Анжу, введшего в Антиохию свои войска. Выступивший против него граф Триполи потерпел поражение около Ругии и отступил. Алиса вновь была вынуждена возвратиться в Лаодикею. Регентом княжества стал ставленник короля и антиохийских баронов Райнальд Монсуэр⁴⁶.

Данные события в значительной степени благоприятствовали успеху экспансии Левона Рубенида в Равнинной Киликии. Но начать ее он смог лишь после 1129 г., когда были объединены оба удела Рубенидов. В 1132 г. Левон отвоевал у Антиохийского княжества Тарс, Адану и Мамистру⁴⁷. По-видимому, тогда же два последних города были переданы им в удел женившемуся на дочери князя Иоанну Комнину, сыну беглого Исаака, брата Иоанна II⁴⁸. Бегство Исаака произошло не ранее 1129 г., когда после завершения войны с Венгрией Иоанн II появился на малоазийском театре военных действий. Михаил Сириец сообщает о бегстве Исаака после рассказа о гибели Боэмунда II в Киликии (1130 г.), тогда как города от Левона I Иоанн Комнин не мог получить ранее 1132 г., когда они были отторгнуты князем от Антиохийского княжества. Тот же автор после рассказа о скитаниях Исаака по Малой Азии от Трапезунда до Мелитены и Киликии, пишет, что «затем Исаак ушел к Левону, и Левон дал в жены сыну брата императора свою дочь с двумя городами Монсуэстией и Аданой. Потом между ними началась распря и Левон отнял у греков все, чем они владели, и Исаак с сыном бежал к султану Масуду»⁴⁹. Этот рассказ дал основание Г. Г. Микаеляну утверждать, будто «Левон отнял эти города не у крестоносцев, а у византийцев, точнее, он вновь вернул под свою власть то, что еще до этого было отвоевано его братом Торосом»⁵⁰. Но источники опровергают данное построение. Города были захвачены Рубенидом у Антиохийского княжества.

Экспансия Левона в Киликии совпала по времени с активизацией набегов на южные районы Антиохийского княжества наместника атабека Мосула Имад ад дина Зенги в Алеппо Савара. Его отряды с грабежами дошли до Лаодикеи⁵¹. Параллельно вступил в свою третью, завершающую стадию династический кризис в княжестве. Княгиня Алиса безуспешно попыталась воспрепятствовать браку ставленника короля Иерусалима Раймунда де Пуатье с семилетней Констанцией. Но при поддержке баронов и патриарха Антиохии Рауля де Домфронта брак был заключен. Раймунд стал князем Антиохии, а прибывшей было в город Алисе пришлось теперь уже окончательно возвратиться в Лаодикею⁵². В это время Левон I отторг у Антиохийского княжества Сарвантикар⁵³. Сведения о событиях 1135—1136 гг. также восходят к Псевдо-Смбату Спаранету. Отсутствие параллельных источников не дает возможности установить их достоверность. Хронист сообщает, что после захвата Левонем Сарвантикара Раймунд де Пуатье обратился за помощью к королю Иерусалима. Это привело к вторжению войск союзников в Киликию. Их действия поддержал граф Мараша Бодуэн, тогда как граф Эдессы Жослен II оказал помощь Рубениду. В ходе военных дей-

ствий Левон нанес поражение армии Бодуэна, но вскоре попал в плен к Раймунду де Пуатье. Тотчас же началась борьба за власть между его сыновьями, ослабившая княжество. Лишь угроза со стороны Византии вынудила князя Антиохии освободить пленника на сравнительно легких условиях. Левон возвратил территории, заплатил выкуп и, если верить Иоанну Киннаму, заключил с Раймундом антивизантийский союз⁵⁴. Описание событий достаточно правдоподобно. Раймунд де Пуатье мог обратиться за помощью к Фулько Анжу уже потому, что получил благодаря ему Антиохийский престол. Бодуэн Марашский был вассалом князя Антиохии и поэтому поддержал его⁵⁵. Не только родственные связи с Левоном I побудили Жослена II выступить в его поддержку (они были двоюродными братьями), но и претензии князя Антиохии на сюзеренитет над графством Эдесским, категорически отвергавшиеся Жосленом⁵⁶. К сожалению, хронология событий 1135—1136 гг. известна недостаточно. Так, Иоанн Киннам сообщает, что одной из причин киликийского похода Иоанна II Комнина был захват Левоном I городов в Исаврии и осада им принадлежавшей империи Селевкии⁵⁷. Но когда это произошло — неизвестно. Ясно только, что между 1129—1135 гг. Г. Г. Микаелян полагал, что «Левон отвоевал в Антиохии уступленные города и удержал их, несмотря на то, что антиохийского князя поддерживал иерусалимский король Фулько»⁵⁸. Эта информация, использованная также Ф. Шаландоном, Р. Груссе, а ранее — Э. Дюлорье, восходит к М. Чамчану⁵⁹. Но Гийом Тирский, описывая взятие Иоанном II Тарса, Аданы и Мамистры, обвиняет императора в том, что «вопреки всякой справедливости и праву он захватил как часть своего собственного королевства всю провинцию Киликия, которая находилась в неоспоримом владении князя Антиохии более сорока лет»⁶⁰. Параллельно Иоанн II овладел территорией княжества Рубенидов, включая Аназарбу. К 1137 г. вся Киликия вошла в состав Византии. Но империя недолго удерживала ее под своей властью. Уже в 1138 г. султан Рума Масуд совершил набег на Равнинную Киликию, разграбил Адану и увел ее население в Мелитену⁶¹. Годом позже Малик Мухаммед Данышменд установил господство над имперской частью Горной Киликии — районами Вахки и Амуда⁶². После смерти Иоанна II около Аназарбы 8 апреля 1143 г. князь Антиохии Раймунд де Пуатье попытался вернуть от Византии Равнинную Киликию, что привело к вторжению имперских войск на территорию княжества и разграблению византийским флотом его побережья⁶³.

В 1144 г. в связи с возрождением княжества Рубенидов начинается поэтапное отторжение им Равнинной Киликии у империи, завершившееся к середине 80-х годов XII в.

Таким образом, судьба Равнинной Киликии в период 1108—1137 гг. представляется следующей:

1. К 1108 г. вся она была отвоевана у Византии регентом Антиохийского княжества и вошла в состав последнего.

2. До 1108 г. часть территории Равнинной Киликии с Аназарбой относилась к княжеству Рубенидов, точнее — к уделу Тороса I, признававшего, как и его брат Левон, сюзеренитет империи.

⁵⁴ *Ioannis Cinnami epitome gestarum*. P. 16.

⁵⁵ Со времени Триполитского арбитража 1109 г., по условиям которого принадлежавший ранее графству Эдесскому Мараш стал феодем Антиохийского княжества.

⁵⁶ См.: *Willermi Tyrensis Historia*. Lib. XIII. Cap. 22. Известно лишь, что около 1126—1127 гг. графы Эдессы и Триполи стали вассалами князя Антиохии. См.: *Nicholson R. L. Joscelyn I*. P. 82.

⁵⁷ *Ioannis Cinnami epitome gestarum*. 16.2—3.

⁵⁸ Микаелян Г. Г. Указ. соч. С. 101.

⁵⁹ *Chalandon F. Les Commenes*. P. 110; *Grousset R. Histoire des croisades*. T. 11. P. 53; *Dulaurier E.* // *RHC. DE*. T. 1. P. 152. N 1.

⁶⁰ *Willermi Tyrensis Historia*. Lib. XIV. Cap. 24.

⁶¹ *Michel le Syrien. Chronique*. . . P. 245.

⁶² *Ibid.* P. 243.

⁶³ *Ioannis Cinnami epitome gestarum*. 33.16—35.23. Дата неизвестна. По-видимому, между второй половиной 1144 и началом 1145 г.

⁴⁵ *Michel le Syrien. Chronique*. . . P. 231; *Nicholson R. L. Joscelyn I, prince d'Edesse*. Urbana Press (Ill.), 1954. P. 89.

⁴⁶ *Willermi Tyrensis Historia*. Lib. XIV. Cap. 9.

⁴⁷ *Псевдо-Смбат Спаранет*. Хроника: Древнеарм. текст и фр. пер. // ДА. Т. I. P. 615.

⁴⁸ *Michel le Syrien. Chronique*. . . P. 320—321.

⁴⁹ *Michel le Syrien. Chronique*. . . P. 321.

⁵⁰ Микаелян Г. Г. Указ. соч. С. 100.

⁵¹ *Michel le Syrien. Chronique*. . . P. 234; *Ibn. al Qalanisi. Chronicle*. P. 221—223.

⁵² *Willermi Tyrensis Historia*. Lib. XIV. Cap. 11.

⁵³ *Псевдо-Смбат Спаранет*. Хроника. С. 616. См. также: *Григор Ереци*. Хронография: Древнеарм. текст и фр. пер. // *RHC. DA*. 1. P. 152.

3. Между 1112—1119 гг. могла произойти попытка Тороса I вернуть Равнинную Киликию из состава Антиохийского княжества, которая представляется маловероятной, так как об этом предельно смутно сообщает лишь поздний источник.

4. Между 1100—1129 гг. княжество Рубенидов было разделено на два удела, и лишь после объединения их Левон смог начать борьбу за Равнинную Киликию с Антиохийским княжеством, но не с Византией.

5. В 1132 г. Левон I присоединил за счет Антиохийского княжества Тарс, Мамистру и Адану, в 1135 г. — Сарвантикар. К концу 1135—началу 1136 г. они были возвращены князю Антиохии.

6. В ходе кампании Иоанна II к лету 1137 г.⁶⁴ Равнинная Киликия отошла к его владениям от Антиохийского княжества. Попытка Раймунда де Пуатье вернуть ее после смерти императора была безуспешна.

7. С 1144 г. начинается новый этап борьбы за Равнинную Киликию, который характеризуется борьбой с Византией княжества Рубенидов.

И. П. МЕДВЕДЕВ

ГРЕЧЕСКИЙ ПИСЕЦ XV в. МЕФОДИЙ И ЕГО ТРИ РУКОПИСИ

Оговоримся сразу: бесспорно принадлежавшей перу писца Мефодия является лишь одна греческая иллюминированная рукопись (в двух томах), содержащая творения аввы Исаяи (так называемый митерич, духовные письма монахине Феодоре Ангелине, дочери Исаака II Ангела, составленные около 1200 г.) и хранящаяся ныне в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина — греч. № 243¹. На лицевой стороне листа 105 второго тома писец Мефодий оставил свой колофон «Θ(εο)ῦ τὸ δῶρον καὶ Μεθοδίου πόνος» и запись с датировкой окончания своей работы над изготовлением рукописи: † Τελεσιωθ(εν) κ(α)τ(ὰ) τὸ ζῆνῃ — ω ἔτος ἰνδ. τρισκαίδεκάτης (тут же имеется помета 1801 г. «Τὸ παρὸν εἶναι τριακοσίων πενήντε χρονῶν ἕως τῆς σήμερον, 1801—ω»), что соответствует 1449 или 1450 году. Е. Э. Гранстрем, которая также воспроизвела колофон в своем описании рукописи, почему-то забыла внести имя писца Мефодия в сводный указатель к своему каталогу рукописей², но эту оплошность исправили Э. Трапп и Х.-В. Байер, внося (со ссылкой на колофон, зафиксированный в описании Е. Э. Гранстрем) писца Мефодия в свой «Просопографический лексикон палеологовского времени»³.

На лицевой стороне листа I первого тома рукописи, сразу после заглавия «Вторая книга аввы Исаяи», рукой самого писца Мефодия прямо в текст внесена фраза: «Βίβλος καλλίστη. Ἑλένης Κατελουσένης, μεγάλης αἰνός» (т. е. «Прекраснейшая книга Елены Кателузы, великой госпожи Эноса»). Порфирий Успенский, привезший рукопись из Иерусалима, считал эту Елену Кателузу владелицей или заказчицей рукописи ГПБ (см. его собственноручную записку на первом листе бумаги, вклеенном в рукопись второго тома вместе с переплетом: «Рукопись 1450 года... Принадлежала Елене Кателузе, великой госпоже города Эноса во Фракии, супротив Афона»). Так же, по-видимому, квалифицируют Елену Кателузу В. Д. Лихачева, воспроизводящая записку Порфирия Успенского в своей статье, и Е. Э. Гранстрем, приводящая вышеупомянутую фразу о Елене Кателузе в своем описании рукописи. И это было совсем неплохо, ибо, зная, кто такая она была (о чем нам еще предстоит сказать), можно было бы себе представить, в каких кругах родилась рукопись с наставлениями аввы Исаяи.

¹ Подробное описание см.: Гранстрем Е. Э. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ: Вып. 7. Рукописи XV века // ВВ. 1971. Т. 31. С. 143—144 (№ 623). Ряд фотоснимков тех листов рукописи, которые содержат миниатюры (но вперемежку с кусками текста), воспроизведены в обстоятельной статье В. Д. Лихачевой «Роль бытовых реалий и пейзажа в миниатюрах рукописи Государственной Публичной библиотеки, греч. № 243» (ВВ. 1967; Т. 27. С. 229—242) и в ее замечательном альбоме: Византийская миниатюра: Памятники византийской миниатюры IX—XV вв. в собраниях Советского Союза. М., 1977. С. 21, 50—55.

² Гранстрем Е. Э. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ: Вып. 8. Добавления, поправки и указатели // ВВ. 1971. Т. 32. С. 120.

³ Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit / Erstellt von E. Trapp, unter Mitarbeit von H.-V. Beyer. Wien, 1985. Fasc. 7. S. 178. N 17592. Впрочем, писец Мефодий был уже указан, со ссылкой на нашу рукопись, в каталоге: Vogel M., Gardthausen V. Die griechischen Schreiber des Mittelalters und der Renaissance. Leipzig, 1909. S. 300.

⁶⁴ Gotein S. D. A letter from Seleucia (Syria) // Speculum. 1964. 39.2. P. 300.

Боюсь, однако, что мнение о Елене Катулузене как владелице или заказчице рукописи ГПБ ошибочно. Прежде всего, вышеприведенная фраза не является владельческой пометой в собственном смысле, ибо принадлежит не руке владельца, но писца текста рукописи, который к тому же продолжил запись о Елене Катулузене стихами (записанными, впрочем, прозой) о том, что книга послана возлюбленному чаду отцом, сопроводившим свой дар словами отеческого наставления дочери:

πεμφθὲν ἐκ πατρὸς | πρὸς γλυκύτατον τέκνον·
φαῖνων παραινῶν· νουθετῶν τε καὶ λέγων· |
Εἰ θέλεις τέκνον τοὺς ἐμοὺς νοεῖν λόγους, |
ἐν ἡσυχίᾳ κάθισον, ἐν σιωπῇ καρτέρει· |
καὶ τῶν ἀρρένων πρόσωπα καὶ συντυχίας | φεῶγε·
καὶ οὕτως κατατύφῃσον τοὺς | ἐμοὺς τούτους λόγους·
πηγὴν νάουσαν | ῥήθικῶν δρόσον λόγων·
Ἐνταῦθα φέρεις | εἰ μετέλθης γνησίως:—

Кто именно является автором стихов, кому и кем они адресованы, — сказать трудно (несогласованность причастия πεμφθὲν с существительным βιβλος вообще может зародить подозрение, не относятся ли стихи к духовному чаду Феодоре Ангелине и к духовному отцу авве Исаяе, не имея, таким образом, связи с записью о Елене Катулузене). Не похожа эта запись и на колофон писца с указанием заказчика, ибо в этом случае естественно было бы ожидать обычной формулы, выражающей поручение «ктитора»⁴ писцу изготовить рукопись и финансовое обеспечение предприятия при помощи слов ἀνάλωμα, δαπάνη, δόσις, ἔξοδος, καταβολή, μισθοποδοσία, или же таких формул как δι' ἐξωνήσεως, ἐξωνήθη, ἡγοράσθη и т. д.⁵ Возможно, что упомянутая фраза о Елене Катулузене была владельческой пометой, но не на ленинградской рукописи наставлений аввы Исаяи, а на той, которая послужила писцу Мефодию образцом для изготовления нового списка. Переписывая текст, он списал (скорее всего механически) и владельческую помету, которая теперь, вместе с сопровождающими ее стихами, довольно-таки нелепо начинает собою вторую книгу творений аввы Исаяи⁶. Подтверждение этому мы находим и в простой хронологии жизни так называемой Елены Катулузены, ибо она, к счастью, — лицо в науке известное.

Елена Катулузена — это, конечно же, Елена Гаттилузио (по-гречески обозначаемая еще Γατελιούζαινα), жившая где-то на рубеже XIV—XV вв. («um 1400» — обозначено в «Просопографическом лексиконе палеологовского времени»⁷), жена Николо I Гаттилузио (по-гречески обозначавшегося Νικολέζος Γατελιούζος)⁸, правителя Эноса с 1384 по 1409 г. (год его смерти) и представителя обширного генуэзского рода Гаттилузио, которому византийскими императорами были отданы во владение острова северо-восточной части Эгейского моря (Фасос, Самофракия, Имврос, Лемнос, Лесбос), другие территории, в том числе и на материке (в частности, как мы видели, порт во Фракии Энос) и т. д.⁹

Учет биографических данных Елены Гаттилузио, при всей их скудости (упомянем еще, что она происходила, как будто, из знаменитого генуэзского рода Дория), дает возможность предположить, что если все же в приведенных выше стихах речь идет именно о ней, то книга была подарена Елене Гаттилузио отцом скорее всего еще до ее замужества, иначе какой отец стал бы советовать своей замужней дочери упиваться в тиши рассказами аввы Исаяи о благочестивых девах и избегать контактов с особами мужского пола! Есть две рукописи, палеографически датирующиеся концом XIV в., которые содержат «вторую книгу аввы Исаяи» с надписью о принадлежности книги Елене Катулузене и могли бы, таким образом, послужить писцу Мефодию образцом для его рукописи: бумажная рукопись (в восьмерку, 106 листов) из монастыря св. Иоанна Богослова на Лесбосе (содержит и стихи)¹⁰ и обозначенная в каталоге Ламброса бумажная рукопись (в восьмерку) Ксенофонтова монастыря на Афоне (неясно, впрочем, содержатся ли в ней сопровождающие запись о Елене Катулузене стихи)¹¹. К сожалению, из тех лапидарных аннотаций, которые мы находим в каталогах Пападопуло-Керамевса и Ламброса, составить хоть какое-то представление об этих рукописях не представляется возможным.

Как бы то ни было, все эти обстоятельства проливают некоторый свет на ту среду, в которой родилась рукопись, и на личность самого писца. Раз писцу Мефодию была доступна для копирования рукопись, некогда принадлежавшая «великой госпоже Эноса» и жене правителя Эноса и хранившаяся, по всей вероятности, в семейной библиотеке Гаттилузио, то он мог принадлежать к интеллектуальному окружению правителя Эноса, которым с 1409 по 1455 год был Паламед Гаттилузио¹². Как и все Гаттилузи, уже в первом поколении широко эллинизованные благодаря их родственным связям с императорскими домами Константинополя и Трапезунда, Паламед живо интересовался античной эллинской и современной ему греческой культурой. При его дворе частыми были ученые дискуссии, в которых принимал участие известный ученый Иоанн Канавуцис, применявший к своему властителю высказывание Платона о царе-философе и по заказу Паламеда составивший комментарий к Дионисию Галикарнасскому (Ioannis Canabutzae magistri ad principem Aeni et Samothracis in Dionysium Halicarnassensem Commentarius)¹³; в Энос к Паламеду Гаттилузио приезжал знаменитый итальянский археолог Кириако Анконский, который в его сопровождении осмотрел «великую могилу Полидора, сына Приама», восхищался скульптурами фавнов, скопировал древнюю надпись с пьедестала мраморной статуи¹⁴ и т. д.

В подобной итало-греческой атмосфере вполне могли появиться и две другие греческие рукописи, о которых пойдет речь и атрибуция которых писцу Мефодию зиждется, однако, на таком не особенно прочном фундаменте, как отождествление почерков («не особенно прочном» именно в том отношении, что автор статьи отнюдь не может похвастать особыми познаниями в методике отождествления почерков; некоторые навыки в этом деле дают нам, тем не менее, основания хотя бы выступить с гипотезой).

Речь при этом идет о рукописи, хранящейся ныне в Лондоне в Британском музее (Brit. Mus. Add. 8241), и о рукописи из собрания нашей Государственной Публичной библиотеки (греч. № 118). Первая из них — это единственный список такого интересного памятника греко-визан-

⁴ Krumbacher K. Κτήτωρ: Ein lexikographischer Versuch / Indogermanische Forsch. 1909. Bd. 25. S. 393—421.

⁵ Treu K. Zum Kolophon des Codex Maurocordatianus // BS. 1978. T. 39. P. 207—208; Fonkič B. L. Zum Kolophon vom Jahre 1183 und der Datierung des Codex Maurocordatianus // BS. 1980. T. 41. P. 224—227.

⁶ Если неограниченность этой интерполяции в тексте сочинений аввы Исаяи не осознавалась писцом Мефодием, то об этом нечего даже говорить в отношении более поздних писцов, например писца рукописи XVI в. Иверского монастыря на Афоне. См.: Lambros Sp. P. Catalogue of the Greek Manuscripts of Mount Athos. Cambridge, 1900. T. 2. P. 165. N 4652.

Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit. 2 / Erstellt von E. Trapp, unter Mitarbeit von R. Walther und H.-V. Beyer. Wien, 1977. Fasc. 2. S. 153. N 3581.

⁸ Ibid. N 3582.

⁹ Miller W. The Gattilusi of Lesbos (1355—1462) // BZ. 1931. Bd. 22. P. 406—447; Vacalopoulos A. E. Origins of the Greek Nation: The Byzantine Period. 1204—1461. New Brunswick (New Jersey), 1970. P. 216—221.

¹⁰ Papadopoulos-Kerameus A. I. Μαυρογορδάτος βιβλιοθήκη. Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1884. Σ. 149, N 9.

¹¹ Lambros Sp. P. Catalogue of the Greek Manuscripts on Mount Athos. Cambridge, 1895. T. 1. P. 64. N. 736.

¹² Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit. Fasc. 2. S. 153. N 3583.

¹³ Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit. Wien, 1981. Fasc. 5. S. 81, N 10871. Об Иоанне Канавуцисе см. также ряд статей О. Диллера в: Byzantion 1970. T. 40. P. 271—275; 1972. T. 42. P. 357—358.

¹⁴ Miller W. The Gattilusi of Lesbos. . . P. 420—424.

тийской «народной» литературы как «Родосские песни любви» или, как их теперь чаще называют, «Любовные игры» (Ἔρωτοπαίγνια) — небольшой сборник «эротических» стихотворений (714 нерифмованных «политических» стихов)¹⁵. Местом возникновения сборника, вслед за первым его издателем Вильгельмом Вагнером (1879 г.), еще и сейчас считается греческий остров Родос, что повлияло и на его название¹⁶. Между тем, уже Х.-Г. Бек убедительно, на мой взгляд, показал, что для такой определенной локализации нет достаточных оснований, что «в такого рода сборнике наперед маловероятно, чтобы все части принадлежали одному времени и одной местности», да и язык памятника «относительно не принуждает ограничиваться Родосом, даже если некоторые элементы указывают на греческий островной мир» и т. д.¹⁷

Свою роль в системе доказательств, мне кажется, должны сыграть и соображения палеографического характера, в частности, отождествление писца рукописи. Правда, возможности для этого крайне ограничены. К сожалению, нам не удалось заполучить микрофильм или фотокопию лондонской рукописи, и все, чем мы располагаем, — это факсимильное воспроизведение одной, видимо, совсем небольшого формата (в восьмерку) «странички» (лист 165) лондонской рукописи (в ней всего 15 коротеньких строк, включая заглавие)¹⁸, — слишком маленькая «территория», чтобы можно было на основании ее делать далеко идущие выводы. Не все способы в написании таких букв, как дельта, тау, гамма, кси, которые мы наблюдаем в почерке писца ленинградской рукописи, наличествуют в почерке, которым писана лондонская (например, из трех написаний буквы ξ ленинградской рукописи на факсимиле л. 165 лондонской встречается одно, да и то не самое употребительное — см. строки 3 сверху и 1 снизу), но зато все элементы «лондонского почерка» мы можем найти в «ленинградском почерке» (скажем, то же «малоупотребительное» написание буквы ξ довольно часто начинает встречаться во втором томе ленинградской рукописи, см., например: л. 20, 43 об., 44, 45, 58, 69, 113 об., 130, 135 об. и т. д.). Общий тип письма (минускульное письмо, относящееся к группе книжного курсива)¹⁹, расположение текста, написание, соотношение и наклон букв (в отличие от В. Д. Лихачевой, которая считает, что буквы стоят вертикально, без наклона²⁰, мы все же констатируем легкий наклон вправо, причем как в ленинградской, так и в лондонской рукописях), характер связей, сокращений и ударений — все это роднит оба почерка, делает возможным их отождествление. Несомненно, обладатель почерка (я думаю, мы вправе говорить уже об одном почерке, почерке Мефодия) — опытный писец, уверенный в своем мастерстве профессионал. И если наше отождествление верно, то это может иметь не столь уж маловажное значение для разрешения вопроса о происхождении текста «Родосских песен любви». В той италийско-греческой интеллектуальной атмосфере, которая царила при дворе Гаттилузи, не только могли быть переписаны, но и записаны ἔρωτοπαίγνια, хотя мы и не собираемся оспаривать утверждение Х.-Г. Бека о том, что лондонская рукопись представляет собою не первичную запись собрания

любовной поэзии, но явно копию, отражая eine historisch äusserst bedeutsame Zwischenbilanz в истории бытования собранных в нем текстов, которые, впрочем, «и независимо от сборника продолжали жить, да и сейчас еще живут в греческой народной песне»²¹.

И наконец, предлагаю атрибутировать писцу Мефодию и третью из упомянутых рукописей (греч. № 118 из собрания ГПБ), имеющую столь же богатую, сколь и запутанную и противоречивую историографическую судьбу. Содержащая четвероевангелие, эта не без роскоши оформленная пергаменная иллюминированная рукопись (заголовки и инициалы писаны в ней золотом и красноватой краской) датировалась большим числом авторитетных ученых (Е. Мюральтом, Грегори, Д. В. Айналовым, В. Н. Лазаревым и др.) XV веком, но в статье В. Д. Лихачевой, специально посвященной данной рукописи, эта датировка объявлена ошибочной и высказано утверждение, согласно которому «впервые время написания текста было верно определено Е. Э. Гранстрем, указавшей, что почерк Евангелия представляет собой минускул XII в.»²²

Действительно, в своем кратком описании рукописи греч. № 118 наш авторитетный палеограф без всяких обоснований (которые, впрочем, и не предусмотрены принципами составления ее знаменитого каталога) выдвигает именно эту, в высшей степени неожиданную датировку (XII в.)²³, будучи, видимо, введена в заблуждение тем фактом, что рукопись писана на пергаменте (вещь уже достаточно редкая для XV в.), а также некоторым «архаизирующим» характером письма, которым написана рукопись²⁴. Между тем изучение этого письма, его особенностей убеждает нас в том, что кодекс принадлежит тому же писцу, что и две первые, нами выше обозначенные рукописи, т. е. Мефодию. Все элементы его почерка, которые он продемонстрировал, списывая текст творений аввы Исаии (в том числе и те из них, которые не встретились нам на маленьком пространстве листа 165 лондонской рукописи с текстом «Родосских песен любви», а именно — три способа написания буквы кси, особенности в написании таких букв, как дельта, тау, гамма), мы встречаем в греч. № 118.

Давно уже было замечено, что в живописном стиле тех миниатюр, которыми богато иллюминирована рукопись четвероевангелия²⁵, много западных черт, в связи с чем одни исследователи считают, что вся рукопись исполнена в XV в. в Италии²⁶, другие — что, будучи написанной на византийском Востоке, она в XV в. была привезена в Италию, где и была иллюминирована²⁷. Возможно, что она и побывала в Италии (может быть, с теми же Гаттилузи), — мы этого не знаем. Но если наше отождествление

¹⁵ Критическое издание памятника см.: Ἔρωτοπαίγνια: (Chanson d'amour) / Ed. D. C. Hesseling et H. Pernot. P.; Athènes. 1913. Отрывки в русском переводе Т. В. Поповой и С. С. Аверинцева см. в кн.: Памятники византийской литературы IX—XV веков. М., 1969. С. 401—406. Краткую характеристику памятника и указание достаточно обширной литературы о нем см. в кн.: Beck H.-G. Geschichte der byzantinischen Volksliteratur. München. 1971. S. 183—184.

¹⁶ См., например: Фрейберг Л. А., Попова Т. В. Византийская литература эпохи расцвета (IX—XV вв.). М., 1978. С. 191.

¹⁷ Beck H.-G. Geschichte der byzantinischen Volksliteratur. . . S. 184.

¹⁸ Beck H.-G. Überlieferungsgeschichte der byzantinischen Literatur. Die Textüberlieferung der antiken Literatur und der Bibel. München, 1975. S. 491. Abb. 68.

¹⁹ Лихачева В. Д. Роль бытовых реалий. . . С. 231; Гранстрем Е. Э. К вопросу о византийском минускуле // ВВ. 1958. Т. 13. С. 227.

²⁰ Лихачева В. Д. Роль бытовых реалий. . . С. 231.

²¹ Beck H.-G. Überlieferungsgeschichte. . . S. 490.

²² Лихачева В. Д. Судьба одной византийской книги: Рукопись Государственной Публичной библиотеки, греч. № 118 // Книга: Исслед. и материалы. М., 1969. Сб. 18. С. 201—202, 206. (Здесь же см. указание литературы).

²³ Гранстрем Е. Э. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ: Вып. 4. Рукописи XII в. // ВВ. 1963. Т. 23. С. 187, № 352. Эта датировка Е. Э. Гранстрем уже широко известна. См., например: Belting H. Das illuminierte Buch in der spätbyzantinischen Gesellschaft. Heidelberg, 1970. S. 53. Да и мы, надо признаться, отдали ей должное (Медведев И. П. Мистра. Л., 1973. С. 148, примеч. 127).

²⁴ В последнее время этот термин («архаизирующий минускул») обрел права гражданства по отношению к некоторым почеркам XIV в. (см., например: Hunger H., Kresten O. Archaisierende Minuskel und Hodegonstil im 14. Jahrhundert // JÖB. 1980. Bd. 29. S. 187—236), но он, нам кажется, годится и для некоторых почерков XV в., в том числе и для характеристики почерка писца Мефодия.

²⁵ Некоторые из них воспроизведены в альбоме: Лихачева В. Д. Византийская миниатюра. С. 52—62.

²⁶ См., например: Лазарев В. Н. История византийской живописи. М., 1947. Т. I. С. 362, примеч. 30. Правда, в новой редакции труда В. Н. Лазарева (М., 1986. С. 252, примеч. 56) говорится лишь о «миниатюрах западной работы либо работы учившегося на Западе грека».

²⁷ Гранстрем Е. Э. Каталог. . . Вып. 4. Рукописи XII в. С. 187. № 352 (отмечены «миниатюры итальянского происхождения, добавленные в XV в.»); Лихачева В. Д. Судьба одной византийской книги. . . С. 208—209.

дествление корректно, то для того, чтобы быть иллюминированной по западному образцу, ей совсем необязательно было быть увезенной в Италию: итало-греческая среда, в которой она, по нашему мнению, родилась, вполне могла предоставить ей такие возможности.

Парадоксальным образом об этом же свидетельствует и еще один штрих. Как известно, на оборотной стороне листа 385 рукописи греч. № 118, слева на поле содержится замечательное по своей портретной выразительности изображение коленопреклоненной фигуры последнего деспота Мистры Димитрия Палеолога в монашеской одежде с надписью (позднее обведенной темно-коричневыми чернилами) 'Ο δούλος Χ(ριστο)ῦ τοῦ Θεοῦ Δημήτριος Παλαιολόγος»²⁸. Грегори поэтому считает, что четвероевангелие написано по заказу Димитрия Палеолога²⁹, а В. Д. Лихачева даже развивает целую теорию о том, что Димитрий Палеолог еще в бытность свою деспотом Мистры (т. е. до 1460 г.), но уже после падения Византийской империи в 1453 г. «добавил к иллюстрациям рукописи миниатюры, подчеркивающие его непосредственное отношение к византийскому престолу» (имеются в виду четыре миниатюры: Константин и Елена на л. 1 об., сфера с крестом на л. 2 об., двуглавый орел с короной на л. 3 и император Михаил VIII Палеолог на л. 22); что, «потеряв власть с приходом турок в Мистру и постригшись в монахи под именем Давида, он изобразил себя (впрочем, в другом месте статьи В. Д. Лихачева предпочла выразиться так: «приказал изобразить себя») уже монахом на листе рукописи»; что переехав в Италию, где он провел последние годы своей жизни, Димитрий Палеолог захватил с собой и Евангелие, «которое, несомненно, очень ценил»; что, наконец, именно там, уже после его смерти, в XVI в. были созданы и включены в Евангелие новые миниатюры, выполненные двумя итальянскими художниками, а именно Благовещение на л. 21, Рождество на л. 25 об., Сретение на л. 22 об., Преображение на л. 123 об., Сошествие Св. Духа на л. 302 об. и др.³⁰

Нам неизвестно, какими источниками располагала В. Д. Лихачева, утверждая, что Димитрий Палеолог провел свои последние годы в Италии. Напротив, насколько мы знаем, Димитрий Палеолог ее (если не считать эпизода с выездом на Ферраро-Флорентийский собор в 1438—1439 гг.) никогда не посещал. Греческий ученый Д. Закифинос, рассмотрев все наличные источники по этому поводу, так представляет себе ситуацию: завоевав Пелопоннес и захватив Мистру, султан Мехмед II вернулся осенью 1460 г. в Адрианополь, увея с собою в качестве почетных пленников Димитрия Палеолога, его семью и окружение. Женившись на дочери Димитрия, он отдал своему тестю во владение острова Имврос, Лемнос, Фасос и Самофракию, а также фракийский Энос, т. е., как видим, именно те территории, которые еще недавно принадлежали Гаттилузи. Правда, резиденцией Димитрия был Адрианополь, а управлял он Эносом и островами через уполномоченных им лиц, ограничиваясь сбором доходов (размер их достигал 700 тысяч серебряных монет), да и то недолго. В 1467 г. он впал в немилость у султана и был сослан в Дидимотику; умер, будучи монахом, в Адрианополе в 1470 г.³¹

Примерно этим временем и следует, очевидно, датировать появление его изображения в греч. № 118. Изготовленная, по всей вероятности, несколько раньше, при Гаттилузи, рукопись попала в конце концов

к Димитрию Палеологу, который или сам распорядился украсить ее вышеназванными миниатюрами с изображением византийских государственных символов и самого основателя последней византийской династии, или, скорее всего, рукопись была преподнесена ему, новому властителю Эноса, его новыми подданными (может быть, даже самим писцом Мефодием и работавшими с ним миниатюристами), безусловно, заинтересованными в его благорасположении. Атрибуция всех трех рукописей одному писцу, если она будет признана правильной, превращает их, таким образом, из разрозненных и немых свидетелей прошлого в некое единое и красноречивое культурное целое.

²⁸ См. отличное воспроизведение в альбоме: *Лихачева В. Д.* Византийская миниатюра. С. 62.

²⁹ *Gregory C. R.* Textkritik des Neuen Testaments. Leipzig, 1900. Bd. 1. S. 204. N 575. Cf.: *Treu K.* Die griechischen Handschriften des Neuen Testaments in der UdSSR. B., 1966. S. 71 f.; *Belting H.* Die Auftraggeber der späthbyzantinischen Bildhandschrift // *Art et société à Byzance sous les Paléologues.* Venice, 1971. P. 158.

³⁰ *Лихачева В. Д.* Судьба одной византийской книги. . . С. 206—209.

³¹ *Zakythinos D. A.* Le despotat grec de Morée. P., 1932. T. 1. P. 213, 221; Cf.: *Vacalopoulos A. E.* Origins of the Greek Nation. . . P. 212—213, 221.

Н. Ф. КАВРУС

ИМПЕРАТОРСКИЙ СКРИПТОРИЙ
В XI ВЕКЕ

Деятельность Императорской книгописной мастерской XI в. хорошо изучена исследователями византийского искусства, поскольку именно в то время искусство иллюминации греческой рукописной книги достигает своего расцвета¹. В работах В. Д. Лихачевой сделана попытка привлечь данные кодикологии и палеографии для более точной датировки рукописей Императорского скриптория², однако полное описание кодексов дворцовой мастерской, выполненное с учетом современных достижений данных дисциплин, до сих пор отсутствует. Цель данной статьи — дать возможно более полное кодикологическое и палеографическое описание хранящихся в СССР рукописей XI века, написанных в придворной книгописной мастерской, и попытаться установить связь в приемах изготовления и оформления этих манускриптов, а также в традициях каллиграфии с некоторыми группами рукописей X в., вышедших, по нашему предположению, также из Императорского скриптория.

В. Д. Лихачева относит к императорским три кодекса из собраний СССР: 1. МГУ № 2280. Апостол. 1072 г.; 2. ГПБ греч. 214. Псалтирь. Около 1080 г.; 3. ГПБ греч. 801. Четвероевангелие. 2-я половина XI в. Этот список можно дополнить следующими манускриптами Ленинграда и Москвы:

4. ГПБ греч. 67. Четвероевангелие. 1-я половина XI в.
5. ГИМ № 13. Четвероевангелие. 2-я половина XI в.
6. ГИМ № 146. Григорий Богослов. 2-я половина XI в.
7. ГИМ Син. № 511. Евангелие-апракос. 2-я половина XI в.
8. ГИМ № 12. Евангелие-апракос. 2-я половина XI в.

Приведем подробное описание кодикологии и палеографии этих манускриптов.

1. МГУ № 2280. 1072 г. Кодекс содержит Деяния и Послания апостолов с Апокалипсисом³. В манускрипте — 398 листов размером 111/2×82/7 мм. Пергамен — тонкий, мягкий, белый, высокого качества, отлично выделанный. Писец один. Площадь текста — 65×45 мм. 18 строк на странице. Интервал между строками — 4 мм.

В рукописи — 51 тетрадь. Большинство тетрадей — кватернионы, имеются также квинионы — тетради 30 (л. 224—233), 31 (л. 234—243) и 43 (л. 333—342); тернион — тетрадь 37 (л. 287—292) и бинионы — тетради 1 (л. 1—4), 44 (л. 343—346) и 51 (л. 395—398); в тетради 5 (л. 29—34) — 6 листов; в тетради 17 (л. 124—128) — 5; в тетрадях 19 (л. 137—143) и 40 (л. 309—316) — по 7 листов. Сигнатуры проставлены писцом крупным унциалом золотыми чернилами в нижнем левом углу первого листа и в нижнем правом углу оборота последнего листа тетради (следует отметить, что таким же образом располагаются сигна-

туры в рукописях, написанных в середине X в. монахом Ефремом⁴). Все тетради разлинованы по системе 1. Типы разлиновки — OOCI и OODI. Разлиновка сделана тонким инструментом. Письмо подвешено к линиям разлиновки. Чернила — светло-коричневые.

Рукопись иллюминирована заставками и миниатюрами. Изысканный декор манускрипта и высокое качество изготовления позволили исследователям высказать предположение о его происхождении из Императорской книгописной мастерской⁵. Колофон находится на л. 398⁶.

Переписчик рукописи — царский нотарий Михаил — замечательный каллиграф. Его мелкий, писанный тонким пером минускул почти вертикален (имеется легкий наклон вправо). Письмо Михаила представляет собой «Perlschrift» — «жемчужное письмо», в котором нетрудно заметить архаизирующие почерк элементы, связанные, по нашему мнению, с каллиграфической традицией рукописей первой половины X в., написанных «алмазным» типом письма (écriture bouletée)⁷. Можно отметить употребление следующих букв и соединений, характерных для рукописей первой половины X в.: минускульная кси, лигатура ε+ξ, унциальные лямбда, пси, сокращение καί, употребление унциальной эпсилон, не связанной с йотой⁸. Следует также отметить, что в минускуле Михаила большинство выносных линий укорочены — деталь, особенно характерная для «алмазного» письма. Выносные отдельных букв (хи, фи, кси), напротив, удлинены — это оживляет в целом статичное впечатление от почерка.

2. ГПБ греч. 214. Около 1080 г. Псалтирь⁹. В рукописи — 329 листов. Размер — 174/5×124/30 мм. Пергамен тонкий и средней плотности, белый, мягкий, высокого качества. Писец один. Площадь текста — 118/24×60/5 мм. 18 строк на странице. Интервал между строками письма — 7 мм. В рукописи — 42 тетради, почти все они — кватернионы. Тетради 32 (л. 249—254) и 37 (л. 287—292) — тернионы; в тетради 12 (л. 89—95) — 7 л., тетрадь 38 (л. 293—296) — бинион. Почти все древние сигнатуры обрезаны: сохранились три сигнатуры на л. 9, 17 и 25. Писец проставлял их кармином в нижнем правом углу первого листа тетради рядом с вертикалью, ограничивающей текст. Все тетради разлинованы по системе 1. Тип разлиновки — OOCI. Разлиновка сделана тонким инструментом. Письмо подвешено к линиям разлиновки. Чернила — коричневые и светло-коричневые.

Рукопись изысканно иллюминирована. Великолепный декор и высокое качество изготовления Ленинградской псалтири, а также изображение царской семьи в начальном инициале позволили исследователям высказать предположение о происхождении кодекса ГПБ греч. 214 из Императорского скриптория и датировать его приблизительно 1080 г.¹⁰

Писец рукописи — прекрасный каллиграф. Его вертикальный, средних размеров почерк, как отмечают исследователи византийского искусства, сам по себе является украшением манускрипта.

⁴ См.: Irigoin J. Pour une étude des centres de copie byzantins // Scriptorium. 1959. 13. P. 181—195. Нами было высказано предположение о том, что «скрипторий Ефрема» находился в императорском дворце. См.: Каврус Н. Ф. Книгописные мастерские Константинополя IX—XI веков: Автореф. дис. . . канд. ист. наук. Л., 1983. С. 15.

⁵ См.: Лазарев В. Н. История византийской живописи. М., 1947. I. С. 109; Лихачева В. Д. Искусство книги . . . С. 37—42.

⁶ Воспроизведение колофона см.: Фонкич Б. Л. Указ. соч. С. 99.

⁷ Об этом типе письма см.: Irigoin J. Une écriture du Xe siècle: la minuscule bouletée // PGB. 1977. P. 191—199; Каврус Н. Ф. «Алмазное» письмо в греческих рукописях Москвы и Ленинграда // ВВ. 1986. № 47. С. 191—204.

⁸ Воспроизведение нескольких листов рукописи см.: Лихачева В. Д. Византийская миниатюра: Памятники византийской миниатюры IX—XV веков в собраниях Советского Союза. М., 1977. С. 18—21.

⁹ Описание см.: Гранстрем Е. Э. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. Вып. 2: Рукописи XI в. // ВВ. 1961. № 19. С. 208; Воспроизведение нескольких листов рукописи см.: Лихачева В. Д. Византийская миниатюра. С. 22—26.

¹⁰ См.: Лазарев В. Н. Царьградская лицевая псалтирь XI в. // ВВ. 1950. № 3. С. 211—217; Лихачева В. Д. Искусство книги. . . С. 42—48.

¹ См.: Лихачева В. Д. Искусство книги. Константинополь, XI век. М., 1976. Там же приводится обширная библиография по этому вопросу.

² Лихачева В. Д. Четвероевангелие XI века в собрании ленинградской Публичной библиотеки // ВВ. 1961. № 19. С. 144—153; Она же. Искусство книги. . .

³ Описание рукописи см.: Фонкич Б. Л. Греческие рукописи Библиотеки Московского университета // ВДИ. 1967. № 4. С. 95—103.

Минускул Псалтири ГПБ греч. 214 замечателен тем, что в нем писец как бы сфокусировал все достижения искусства письма прошлых эпох и, в то же время, в этом письме можно увидеть некоторые новые элементы, которые получают дальнейшее развитие в последующие периоды. В основе почерка Псалтири лежит «жемчужное письмо», в которое писец, подобно нотарию Михаилу, переписчику кодекса МГУ № 2280, вводит некоторые элементы типов письма X в., в частности, «алмазного письма»: см. унциальную лямбду (рис. 1, 7-я строка св.), своеобразную лигатуру $\epsilon + \xi$ (рис. 2, 6-я строка св.), унциальную пси (рис. 1, 10-я строка св.). В почерке Ленинградской псалтири можно найти также отдельные формы букв и соединений, характерных для письма «типа Ефрема»: см. лигатуры $\alpha + \nu$ (рис. 3, 4-я строка св.), $\epsilon + \nu$ (рис. 3, 8-я строка св.; рис. 2, 7-я строка св.), $\alpha + \lambda$ (рис. 3, 7-я строка св.), форму дзэты (рис. 4, 2-я строка св.) и др. Удлиненные выносные и витиеватые росчерки на концах многих букв индивидуализируют письмо, как бы «оживляют» его. Для писца ГПБ греч. 214 характерны отдельные непропорционально крупные формы тэты (рис. 4, 5-я строка св.), пси (рис. 3, 5-я строка св.) и омеги (рис. 3, 2-я строка св., 2-я строка св.) — особенность, получившая широкое распространение в таких типах письма, как «литургический минускул», и в некоторых почерках XII в.

3. ГПБ греч. 801. Четвероевангелие. XI в.¹¹

В кодексе — 259 л. размером 154/7×114/22 мм. Пергамен тонкий и средней плотности, гладкий, мягкий, белый и желтоватый, хорошего качества. Писец один. Площадь текста — 92/6×60/3 мм. Обычно на странице — 21 строка, иногда — 20 строк. Интервал между строками письма — 4,5–5 мм.

В рукописи — 38 тетрадей, большинство из которых — кватернионы. Тетради 5 (л. 31–36), 6 (л. 37–42), 14 (л. 89–94), 15 (л. 95–100), 16 (л. 101–106), 28 (л. 188–193), 29 (л. 194–199) и 34 (л. 227–232) — тернионы; тетрадь 20 (л. 128–131) — бинион; в тетради 1 (л. 1–6) — 6 лл. (нет начала рукописи); в тетрадях 10 (л. 67–73) и 13 (л. 82–88) — по 7 листов; в тетрадях с миниатюрами — 12 (л. 79–84), 19 (л. 123–125) и 30 (л. 200–202) — по три листа. Древние сигнатуры, по-видимому, не сохранились. Все тетради разлинованы по системе 1. Тип разлиновки — 44DIs. Можно отметить некоторое сходство типа разлиновки кодекса ГПБ греч. 801 с разлиновками рукописей круга Ефрема: наличие внешней «рамки» на полях листа (в шифре разлиновок рукописей «скриптория Ефрема» нередко цифры 44, означающие количество горизонтальных и вертикальных линий); две вертикальные линии на внешнем поле образуют колонку, предназначенную, по-видимому, для маргинальных схолий (индекс s, также характерный для рукописей круга Ефрема). Письмо подвешено к линиям разлиновки. Чернила — коричневые и темно-коричневые.

Рукопись иллюминирована заставками, миниатюрами и инициалами¹². Листы 124–125 и 201–202 окрашены пурпуром, текст на них написан серебром и золотом. Этот факт, а также высокое качество изготовления Четвероевангелия и близость его декора к декору Псалтири ГПБ греч. 214 позволили исследователям сделать заключение о происхождении кодекса ГПБ греч. 801 из Императорского скриптория¹³. Колофона рукописи не имеет.

¹¹ Описание кодекса см.: Гранстрем Е. Э. Указ соч. С. 226; Treu K. Die griechischen Handschriften des N. T. in der UdSSR. В., 1966. S. 195–197. Воспроизведение нескольких листов рукописи см.: Лихачева В. Д. Византийская миниатюра. С. 27–29. В Отделе рукописей ГБЛ хранятся отрывки (20 л.) из этого кодекса (Ф. 181, греч. № 12).

¹² Подробное описание декора рукописи см.: Лихачева В. Д. Четвероевангелие XI века. . . С. 146–151; Она же. Искусство книги. . . С. 48–65.

¹³ См.: Гранстрем Е. Э. Греческие средневековые рукописи в Ленинграде // ВВ. 1956. № 8. С. 201; Лихачева В. Д. Четвероевангелие XI века. . . С. 149.

Письмо манускрипта — мелкий, каллиграфический, с легким наклоном вправо минускул. Используя в качестве основы «жемчужное письмо», переписчик ГПБ греч. 801 отходит от канона. Наиболее характерными чертами почерка исследуемой рукописи являются малая связанность букв и укороченность выносных линий — в какой-то мере почерк Четвероевангелия может быть сопоставлен с почерками типа «раннее bouletée» (ср. с письмом рукописей ГИМ № 159 и ГПБ греч. 220¹⁴), т. е., как и переписчики кодексов МГУ № 2280 и ГПБ греч. 214, копиист рукописи № 801 стремится «возродить» некоторые элементы минускула первой половины X в. Индивидуальной особенностью писца ГПБ греч. 801 является частое употребление своеобразной формы унциальной эпсилон (рис. 5 и 6, *passim*) и довольно крупная округлая форма тэты с короткой волнистой перекладной, заключенной внутри окружности (рис. 5, 8-я строка св.; рис. 6, 3 и 5-я строка св.).

Несмотря на значительное отличие почерков ГПБ греч. 214 и ГПБ греч. 801, которое касается прежде всего длины выносных линий различных букв (писец кодекса 214 удлиняет эти выносные, нередко добавляя к ним витиеватые росчерки, переписчик же ГПБ греч. 801, напротив, максимально укорачивает эти линии), при внимательном изучении минускула этих кодексов нетрудно заметить элементы сходства, которое касается не только характера написания отдельных букв и соединений (ср., например, дзэту — рис. 4, 2-я строка св. и рис. 5, 6-я строка св.; кси и лигатуру $\epsilon + \xi$; форму унциальной лямбды и др.), но и общей тенденции переписчиков — обращение их к типам письма, предшествующим «жемчужному», внесение в письмо элементов «ретро», нарушающих строгую каноничность типа «Perlschrift».

4. ГПБ греч. 67. Четвероевангелие¹⁵. В манускрипте — 259 листов. Размер — 211/8×170/3 мм. Пергамен тонкий и средней плотности, мягкий, белый и желтоватый, хорошо выделанный. Писец один. Площадь текста — 135/145×94/5 мм. 24 строки на странице. Интервал — 5,5–6 мм. В рукописи — 34 тетради, большинство из которых — кватернионы. Тетрадь 1 (л. 1–10) — квинион (эта тетрадь — бумажная, добавлена к рукописи реставраторами в XVI в.). Тетрадь 27 (л. 198–203) — тернион; тетради 12 (л. 86–89) и 18 (л. 130–133) — бинионы; в тетради 2 (л. 11–13) — 3 листа (начало рукописи утеряно); в тетради 34 (л. 253–259) — 7 листов. На многих тетрадях сохранились остатки древних сигнатур, которые писец проставлял посередине нижнего поля первого листа тетради (сами сигнатуры обрезаны). Поздние сигнатуры (многие из которых также обрезаны) располагаются в верхнем правом углу первого листа тетради. Почти все кватернионы разлинованы по системе 9 (только тетрадь 21 — л. 150–157 — по системе 5). Тип разлиновки — В 44CI (индекс В, означающий, что маргинальные горизонтальные проводятся до маргинальных вертикальных линий, нередко встречается в рукописях круга Ефрема). Письмо подвешено к линиям разлиновки. Чернила — темно-коричневые.

Качество изготовления и декор ГПБ греч. 67 свидетельствуют, по мнению исследователей, о константинопольском происхождении манускрипта¹⁶. В. Д. Лихачева относит иллюминацию кодекса ГПБ греч. 67 к константинопольской школе конца XI века и сближает ее с декором Четвероевангелия ГПБ греч. 801, подчеркивая, однако, что в ГПБ греч. 67 «колорит не имеет тех тонких сочетаний, которые присущи Евангелию греч. 801»¹⁷. Отмечая богатство декора рукописи ГПБ греч. 67, В. Д. Ли-

¹⁴ См.: Каверус Н. Ф. «Алмазное» письмо. . . Рис. 2–6.

¹⁵ Описание кодекса см.: Гранстрем Е. Э. Каталог греческих рукописей. . . С. 225; Treu K. Op. cit. S. 50–53. Воспроизведение нескольких листов рукописи см.: Лихачева В. Д. Византийская миниатюра. С. 30–32.

¹⁶ См.: Лазарев В. Н. История византийской живописи. М., 1976. Т. I. С. 316; Лихачева В. Д. Четвероевангелие XI века. . . С. 146.

¹⁷ Лихачева В. Д. Четвероевангелие XI века. . . С. 150.

хачева не относит этот манускрипт к произведениям Императорской книгописной мастерской¹⁸.

Палеографический анализ не имеющей колофона рукописи ГПБ греч. 67 позволяет уточнить ее датировку. Письмо рукописи — мелкий, почти вертикальный минускул с едва заметным наклоном вправо — типичное «жемчужное письмо» рубежа X—XI веков и начала XI в. (рис. 7, 8). По характеру письма кодекс ГПБ греч. 67 можно сопоставить с Четвероевангелием ГИМ Муз. 3644, написанным в 999 г. «жемчужным письмом» и происходящим, по нашему предположению, из Императорского скриптория¹⁹. Имеется сходство и в типах разлиновки этих рукописей — В 44С1 (ГПБ греч. 67) и 44С1 (ГИМ Муз. 3644).

Таким образом, написание рукописи ГПБ греч. 67 следует отнести к первой половине (возможно, к началу) XI века. В это время искусство иллюминации рукописей еще не достигло того совершенства, которое мы наблюдаем в третьей четверти XI в., чем, вероятно, и можно объяснить различие в колорите миниатюр ГПБ греч. 67 и других рукописей Императорского скриптория, исследуемых в данной статье.

Качество изготовления манускрипта ГПБ греч. 67, близость его палеографических и кодикологических данных к рукописям Императорского скриптория как конца X, так и 2-й половины XI в., а также определенное сходство декора рукописей ГПБ греч. 67 и 801, отмеченное исследователями византийского искусства, позволяет, по нашему мнению, считать Четвероевангелие № 67 продукцией Императорской книгописной мастерской 1-й половины XI века.

5. *ГИМ № 13*. Четвероевангелие.²⁰ В рукописи — 340 листов. Размер — 230/4×176/80 мм. Пергамен высокого качества, тонкий и средней плотности, мягкий, белый. Писец один. Площадь текста — 137/40××98/100 мм. 20 строк на странице. Интервал между строками письма — 7—7,5 мм. В манускрипте — 43 тетради, большинство из них — кватернионы. Тетрадь 1 (л. 4—13) — квинион, тетрадь 30 (л. 241—246) — тернион, тетрадь 31 (л. 247—250) — бинион, в тетради 43 (лл. 332—340) — 9 листов. Сигнатуры тетрадей, по-видимому, не сохранились. Все тетради разлинованы по системе 1. Тип разлиновки — 44С1 — ср. с ГПБ греч. 67! Здесь можно отметить, что такой же тип разлиновки — 44С1 — используется в Евангелии ГИМ Муз. № 3644, близком по характеру письма к кодексу ГПБ греч. 67 (см. выше). Письмо подвешено к линиям разлиновки. Чернила — бежево-коричневые.

Рукопись иллюминирована рамками, обрамляющими каноны, миниатюрами с изображениями евангелистов, прямоугольными раскрашенными заставками и инициалами. Изучению декора манускрипта ГИМ № 13 посвящено специальное исследование О. С. Поповой, в котором автор на основании искусствоведческого анализа высказывает предположение о происхождении этого кодекса из придворного скриптория²¹. Колофона рукопись не имеет.

Евангелие ГИМ № 13 написано каллиграфическим, средних размеров минускулом с легким наклоном вправо (рис. 9). Письмо близко к почеркам манускриптов 2-й половины XI в., вышедшим из Императорского скриптория, особенно к письму ГПБ греч. 214. Можно отметить сходство как в общем впечатлении от почерка, так и в характере написания отдельных букв и лигатур — дзэты (рис. 9, 3-я строка. св.), унциальных лямбды (рис. 9, 2-я строка св.), пси (рис. 9, 7-я строка св.), лигатур

ε+ξ (рис. 9, 6-я строка св.), ε+ν (рис. 9, 2-я строка св.), и др. На концах некоторых букв (особенно в последних строках) имеются росчерки, но в меньшем количестве, чем у переписчика ГПБ греч. 214.

Близость кодикологических и палеографических характеристик кодекса ГИМ № 13 и рукописей МГУ № 2280, ГПБ греч. 214, 801 и 67 подтверждают предположение О. С. Поповой о столичном происхождении манускрипта и его изготовлении в Императорском скриптории во 2-й половине XI в.

6. *ГИМ № 146*. Манускрипт содержит 16 слов Григория Богослова²². В рукописи — 260 листов (лист 225 — бумажный, почерк XVI в.). Размер — 340×255/8 мм. Пергамен средней плотности, мягкий, белый и желтоватый, отличной выделки. Писец один. Площадь текста — 235/9××161/3 [69/70+23+69/70] мм. 27 строк на странице. Интервал между строками — 9 мм. В кодексе — 33 тетради. Все тетради, за исключением последней (в ней — 2 листа), — кватернионы. Сигнатуры, по-видимому, не сохранились. Все тетради разлинованы по системе 1. Тип разлиновки — 12С2. Письмо подвешено к линиям разлиновки. Чернила — коричневые.

Рукопись украшена миниатюрами, заставками и инициалами. По мнению В. Н. Лазарева, высокое качество изготовления манускрипта ГИМ № 146 и сходство его декора с декором рукописей Императорского скриптория 2-й половины XI в., в частности с миниатюрами ГПБ греч. 214, указывают на придворную книгописную мастерскую²³. В. Д. Лихачева предполагает константинопольское происхождение манускрипта ГИМ № 146, не относя его к какому-либо определенному скрипторию²⁴.

Колофона рукопись не имеет.

Манускрипт был вывезен Арсением Сухановым с Афона из Ксиропотамского монастыря²⁵.

Минускул, которым написана рукопись ГИМ № 146, — средних размеров, с легким наклоном вправо классический «Perlschrift» XI в. Почерк имеет некоторые общие черты с минускулом псалтири ГПБ греч. 214 и четвероевангелия ГИМ № 13, например, в формах букв дзэта, кси, лямбда, пси, лигатура α+ξ и ε+ξ (ср. рис. 1—4 и рис. 10). Данные кодикологии и палеографии ГИМ № 146 близки к характеристикам рукописей ГПБ греч. 214 и ГИМ № 13 и свидетельствуют о происхождении ГИМ № 146 из придворного скриптория.

7. *ГИМ № 511*. Евангелие-апракос²⁶. В кодексе — 113 листов, из них 98 — пергаменных и остальные — бумажные, на которых в более позднее время киноварью восстановлено утерянное евангелие от Иоанна. Размер — 305/8×245/50 мм. (рукопись сильно обрезана). Пергамен средней плотности и плотный, отличной выделки. Писец один. Площадь текста — 198×170 [70+30+70] мм. 10 строк на странице. Интервал между строками — 21—22 мм. В рукописи — 16 тетрадей, которые дошли в плохой сохранности — во многих тетрадях не хватает листов. Сигнатуры, по-видимому, не сохранились. Тетради разлинованы по системе 1. Тип разлиновки — 24С2. Письмо подвешено к линиям разлиновки. Текст написан золотыми чернилами по киновари.

Рукопись богато иллюминирована миниатюрами, заставками, раскрашенными инициалами. Колофона нет.

²² Описание см.: *Владимир, архимандрит*. Указ. соч. С. 151—152.

²³ Лазарев В. Н. История византийской живописи, с. 109; *Он же*. Царьградская лицевая псалтирь XI в. С. 217.

²⁴ Лихачева В. Д. Искусство книги. . . С. 22.

²⁵ Подробнее см.: *Фонкич Б. Д.* Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв. М., 1977. С. 101.

²⁶ Описание рукописи см.: *Владимир, архимандрит*. Систематическое описание (фото-механическое воспроизведение с дополнениями и поправками). Leipzig (в печати); *Пуцко В. Г.*, *Фонкич Б. Л.* Греческая рукопись Успенского собора Московского Кремля (в печати). История кодекса см.: *Фонкич Б. Л.* Греческо-русские культурные связи. . . С. 59 и 68

¹⁸ Лихачева В. Д. Искусство книги. . . С. 24.

¹⁹ См.: *Каврус Н. Ф.* Книгописные мастерские Константинополя. . . С. 15.

²⁰ Описание рукописи см.: *Владимир, архимандрит*. Систематическое описание рукописей Московской Синодальной [Патриаршей] библиотеки. М., 1894. Ч. I: Рукописи греческие. С. 13—15; *Treu K.* Op. cit. S. 238—9. Историю кодекса и подробное изучение поздних записей см.: *Фонкич Б. Л.* Греческие рукописи В. П. Орлова-Давыдова / ВВ 1983. № 44. С. 117—125, (см. особ. С. 122).

²¹ *Попова О. С.* Греческое евангелие второй половины XI века. Миниатюры и орнамент / Сборник за ликовне уметности. 1979. 15. С. 31—49.

Манускрипт написан крупным (диаметр букв достигает 7—8 мм.!) округлым минускулом с легким наклоном вправо (рис. 11). Письмо можно охарактеризовать как ранний «литургический минускул» и датировать 2-й половиной XI в.²⁷ Формы отдельных букв и соединений можно сопоставить с формами, которые встречаются в письме кодекса ГПБ греч. 214 (см. формы лямбды, дзэты, пси, омеги, лигатур $\epsilon + \xi$, $\alpha + \lambda$, $\epsilon + \nu$).

Высокое качество изготовления манускрипта, размеры письма, золотые чернила текста, богатый декор, тот факт, что рукопись некогда принадлежала храму св. Софии в Константинополе — все это безусловно свидетельствует об изготовлении кодекса ГИМ № 511 в придворной скриптории.

8. ГИМ № 12. Евангелие-апракос.²⁸ Кодекс, датируемый на основании почерка XI веком, на рубеже XIII—XIV вв. был реставрирован и к нему были добавлены листы 287—437 (по предположению Б. Л. Фонкича, реставрация была произведена в «скриптории Феодоры Раулени») ²⁹. Рукопись ГИМ № 12 не имеет пометы Арсения Суханова или пометы какой-либо святогорской библиотеки, но, по всей вероятности, этот кодекс был привезен в Москву с Афона ³⁰. На л. 1 об. имеется запись, сделанная в 1312 г. критским митрополитом Никифором о вложении Четвероевангелия в монастырь Пресвятой богородицы $\beta\rho\omicron\tau\omicron\chi\iota\omicron\upsilon$.

В данной статье мы рассматриваем кодикологические и палеографические особенности первой части манускрипта — л. 1—286 (XI в.).

В рукописи — 437 листов размером 328/30×252/60 мм. Кодекс написан на плотном, желтоватом, хорошо выделанном пергамене. Площадь текста — 208×151/4 [55/6+29/30+67/8] мм. В рукописи — 37 тетрадей, большинство из них — кватернионы / тетрадь 6 — л. 42—45 — бинион; тетрадь 11 — л. 78—83 — тернион; тетрадь 20 — л. 148—151 — бинион; в тетради 37 — л. 280—286 — 7 листов. Сигнатуры сохранились в нескольких первых тетрадях. Они располагаются в нижнем левом углу первого и в нижнем правом углу последнего листов тетради (так же располагаются сигнатуры в рукописях монаха Ефрема). Все тетради разлинованы по системе 1. Тип разлиновки — 56C2f. Подобные типы разлиновки встречаются в рукописях середины X в., вышедших, по нашему предположению, из «скриптории монаха Ефрема», который был, по-видимому, непосредственно связан с Императорской книгописной мастерской X в.: ГИМ № 145 (B-K56B2f), ГИМ № 144 (B-K46C2fs), ГПБ греч. 333 (56C2et) ³¹. В рукописи ГИМ № 12 — 18 строк на странице; интервал между строками — 11,5—12 мм. Письмо подвешено к линиям разлиновки. Чернила — светло-коричневые и коричневые.

Рукопись иллюминирована квадратными заставками, изящно орнаментированными инициалами; на л. 45 об. — полуосыпавшаяся миниатюра с изображением евангелиста Матфея; на л. 2 в заставке — изображение апостола Павла и Иоанна Богослова. В. Н. Лазарев считает декор ГИМ № 12 работой столичных мастеров ³².

Письмо рукописи — средних размеров литургический минускул, характерный для 2-й половины XI в. (рис. 12). Почерк имеет несомненное сходство с письмом рукописей Императорского скриптория, особенно с минускулом ГИМ № 511.

Кодикологические и палеографические данные убедительно свидетельствуют о происхождении кодекса ГИМ № 12 из Императорского скриптория.

²⁷ Об этом типе письма см.: Фонкич Б. Л. Вопросы книжного дела в Византии (1071—1261 гг.) // XVe Congrès international d'études byzantines: Rapports et co-rapports. 3. Athènes, 1976. II. P. 8.

²⁸ Описание см.: Владимир, архимандрит. Указ. соч. С. 12—13.

²⁹ Fonkič B. L. Scriptoria bizantini: Risultati e prospettive della ricerca / RSBN. 1980—82. 17—19. P. 114.

³⁰ См.: Фонкич Б. Л. Греческо-русские культурные связи. . . С. 103.

³¹ См.: Каврус Н. Ф. Книгописные мастерские Константинополя. . . С. 14.

³² Лазарев В. Н. История византийской живописи. С. 316.

КОДИКОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РУКОПИСЕЙ XI ВЕКА ИМПЕРАТОРСКОГО СКРИПТОРИЯ

Кодексы Характеристика	МГУ № 2280	ГПБ греч. 214	ГПБ греч. 801	ГПБ греч. 67	ГИМ № 13	ГИМ № 146	ГИМ син. № 511	ГИМ № 12
Размер рукописи	111 х 87	175/5 х 124/30	154/7 х 114/22	211/8 х 170/3	230/4 х 176/80	340 х 255/8	305/8 х 240/50	328/30 х 252/60
Система разлиновки	1	1	1	9,5	1	1	1	1
Тип разлиновки	OOCI OODI	OOCI	44DIs	B 44C1	44C1	12C1	24C2	56C2f
число строк на странице	18	18	20—21	24	20	27	10	18
Площадь текста	65 х 45	118/24 х 60/5	92/6 х 60/3	135/45 х 94/5	137/40 х 98/100	235/9 х 161/3	198 х 170	208 х 151/4
Интервал	4	7	4,5—5	5,5—6	7—7,5	9	21—22	11,5—12
Расположение строк письма	подвешено к линиям разлиновки							
Место располо- жения сигнатур на л. 1 и л. 8 об. тетради	л.1 8об 	л.1 	—	л.1 	—	—	—	л.1 8об

Высокое качество изготовления, характер письма, богатство и изысканность декора рассмотренных нами манускриптов говорит о том, что в XI в. и особенно во 2-й его половине Императорский скрипторий являлся важнейшим в Константинополе — и во всей Византийской империи — центром книгописания и занимал ведущие позиции в выработке и распространении принципов изготовления и оформления рукописной книги, а также в развитии и создании новых типов греческого письма.

Кодикологические особенности исследованных нами рукописей (см. таблицу) показывают, что в XI в. в Императорском скриптории сохраняется разнообразие форматов (ср. с дворцовыми рукописями X в., написанными «алмазным» минускулом ³³), — как видно из таблицы, семь манускриптов придворной книгописной мастерской можно разделить по их размерам на четыре группы ³⁴:

1. 340×250 мм.
2. 230×176/80 мм.
3. 175×114/30 мм.
4. 111×87 мм.³⁵

Хотя таблица показывает преобладание рукописей среднего и небольшого размеров, в Императорском скриптории XI в. изготавливались и книги большого формата (например, рукопись Paris, gr. Coisl. 79 имеет размеры 425×310 мм.).

Пергамен всех императорских кодексов, как и в X в., высокого качества и хорошо выделанный, белый или слегка желтоватый, обычно средней плотности или тонкий.

Каждый манускрипт переписан одним писцом — сотрудничество нескольких переписчиков при работе над одной рукописью не наблюдается.

В количестве строк на странице нет единства, по-видимому, здесь играет некоторую роль большее по сравнению с X в. разнообразие в размерах письма, которые влияли, видимо, и на интервал между стро-

³³ См.: Каврус Н. Ф. «Алмазное» письмо. . . С. 203.

³⁴ Некоторые рукописи (например, ГПБ греч. 67) сильно обрезаны, поэтому мы взяли округленные размеры.

³⁵ Отдельно стоит роскошный кодекс ГИМ № 511 — 305/8×240/50 мм.

ками — небольшой у писцов с мелким почерком, при крупном почерке интервал увеличивается.

Обычная система разлиновки — 1; в кодексе ГПБ греч. 67 (более раннем, чем другие манускрипты выделенной группы) применены системы 9 и 5. Типы разлиновки всех рукописей придворной мастерской имеют большое сходство: как правило, текст очерчен рамкой, состоящей из двойных (или одинарных) маргинальных горизонтальных и вертикальных линий — важно отметить, что эту же особенность мы наблюдаем в манускриптах X в., вышедших из «скриптория Ефрема», и в рукописи ГИМ Муз. № 3644, написанной в 999 г. в Императорском скриптории.

Палеографический анализ императорских рукописей XI в. показывает, что в основе всех почерков лежит один тип — «жемчужное письмо». В то же время во 2-й половине XI в. ясно видна тенденция к поискам новых возможностей в развитии письма, выражающаяся как в обращении ряда переписчиков к прежним канонам, так и в выработке и закреплении новых черт минускула, о чем более подробно было сказано выше при анализе отдельных почерков. Эта тенденция, как нам кажется, и является причиной большого разнообразия и индивидуальности почерков 2-й половины XI в.

Принципы иллюминации рукописных книг Императорского скриптория XI в. хорошо исследованы в указанных выше работах историков византийского искусства, поэтому здесь мы ограничиваемся констатацией того факта, что во 2-й половине XI в. Императорский скрипторий становится центром художественного оформления манускриптов, и именно на этот период времени приходится расцвет искусства иллюминации греческих рукописей.

Кодикологические и палеографические особенности манускриптов, вышедших из Императорского скриптория в XI в., имеют много общего с особенностями трех групп рукописей X в. (происходящих из «скриптория Константина Багрянородного», из «скриптория Ефрема» и написанных «жемчужным» письмом), также являющихся продукцией дворцовой книгописной мастерской. Это свидетельствует о том, что традиции каллиграфии и приемов изготовления рукописной книги в этом центре книгописания оставались непрерывными в течение почти двух столетий.

К. ЖОЛИВЕ-ЛЕВИ

ОБРАЗ ВЛАСТИ В ИСКУССТВЕ ЭПОХИ МАКЕДОНСКОЙ ДИНАСТИИ (867—1056)

Во «Флоридах», этом сборнике речей, произнесенных в Карфагене около 160 г. н. э., ритор и философ Апулей рассказывает любопытный анекдот об Александре Македонском. Для того, чтобы его образ был верно передан потомкам, Александр не хотел, чтобы какой-либо художник изображал его и тем самым получал возможность исказить. Поэтому он издал указ, запрещающий кому бы то ни было пытаться воспроизводить образ повелителя в бронзе, красках или резьбе. Он позволил воплощать себя в бронзе только Поликлету, в красках только Апеллесу и с помощью резца только Пирготелу. И если кто-нибудь, кроме этих трех художников, наиболее блестящих в своем жанре, попытается прикоснуться своей рукой к священному образу повелителя, он будет наказан как за святотатство. Из-за страха, который вызвал этот указ, Александр на всех своих изображениях удивительно одинаков. Будь то статуи, картины, резьба — всюду его образу свойственна пылкая энергия воителя, благородство царственной души, привлекательность молодости, чистота мысли¹. Конечно, эта история не отличается правдивостью, но ее можно рассматривать как своего рода притчу о заботе властелина о своем царственном облике, о свойственной ему самовлюбленности и, наконец, о неистовой силе, с которой он стремился сам определить свой образ в сознании и памяти людей. Но отношения между властью и искусством не всегда характеризуются той грубой простотой, о которой мы узнаем из приведенного выше отрывка².

Образ власти в искусстве Византии в эпоху македонской династии (867—1056) в своих наиболее характерных чертах тесно связан с концепцией императора, уже не человека-бога, но божьего избранника, единственного представителя бога на земле, который правит империей, считавшейся земным воплощением божественного царства³. В государстве, которое после эпохи иконоборчества находилось в апогее своего могущества, искусство должно было служить притязаниям императора на высшую власть и всеобщее господство, подчеркивая божественное

¹ *Apulée* Apologie. Florides / Ed. P. Vallette. P., 1924. P. 133.

² Возможно, что и в Византии создание и использование официальных портретов подчинялось строгим правилам, точно так же, как строго регламентировались здесь костюм и инсигнии императора. См.: *Grabar A.* Les fresques des escaliers à Sainte-Sophie de Kiev et l'iconographie impériale byzantine // *L'Art de la fin de l'Antiquité et du Moyen Age*. P., 1968. I. P. 260.

³ О трансформации римской доктрины императора-бога в христианскую концепцию императора — помазанника божьего см.: *Karayannopoulos J.* Der frühbyzantinische Kaiser // *BZ.* 1956. 49. S. 372 f. Об императорской идеологии в Византии см.: *Dölger F.* Die Kaiserurkunde der Byzantiner als Ausdruck ihren politischen Anschauungen // *Byzanz und Europäische Staatenwelt*. Ettal, 1953. P. 10—23; *Treutinger O.* Vom Oströmischen Staats und Reichsgedanken // *Die Oströmische Kaiser — und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell*. Darmstadt, 1956. P. 247—274; *Ahrweiler H.* L'idéologie politique de l'Empire byzantin. P., 1975. См. также: *Hunger H.* Proömion: Elemente der Byzantinischen Kaiseridee in den Anreden der Urkunde. Vienne, 1964.

происхождение его власти и представляя его как помазанника божьего, избранного, направляемого и защищаемого богом с тем, чтобы вести повоизбранный народ к спасению⁴.

* * *

Напомним вкратце основные хорошо известные характерные черты официальных портретов (большая часть которых не сохранилась до нашего времени), представляющих наиболее распространенный символ императорской власти⁵. Недоступность сана, сверхчеловеческое величие и священная суть василевса подчеркиваются фронтальностью, суровостью и иератичностью позы, стилизацией черт лица, тяжелым и бесстрастным выражением, пышностью официального одевания и инсигниями, символизирующими его власть⁶. Подобная трактовка официального портрета, известная нам в первую очередь благодаря монетам и в меньшей степени печатям, может быть проиллюстрирована на примере мозаики св. Софии, где представлен император Александр⁷ (рис. 1). В эпоху македонской династии мысль об императорском величии обычно сочеталась с напоминанием о подчиненности василевса небесному порядку, причем иерархия этих двух властей передавалась посредством различных иконографических типов и разных стилей⁸. Соответственно, за несколькими исключениями, вместо исчезнувшего типа императора на троне появляется (на солидах Василия I) Христос на троне, изображенный на аверсе монеты с надписью *Rex Regnatum*, что подчеркивает первенство божественного правителя, который один имел право пользоваться этой прерогативой; император чеканился на реверсе монеты либо в рост, либо погрудно⁹.

⁴ Об императорской иконографии см.: *Grabar A. L'Empereur dans l'art byzantin*. Strassbourg, 1936 (первое и до сих пор сохраняющее свое значение фундаментальное исследование); *Wessel K. Kaiserbild // Reallexikon zur byzantinischen Kunst*. 1976. 3. Sp. 722—853. Серию письменных источников в английском переводе см.: *Mango C. The Art of the Byzantine Empire, 312—1453. Sources and Documents*. N. Y., 1972; для XII века (которого мы не будем касаться) эта серия пополнена изданием: *Magdalino P., Nelson R. The Emperor in Byzantine Art of the twelfth century // Byzantinische Forschungen*. 1982. 8. P. 123—183.

⁵ О различных видах императорских портретов см.: *Grabar A. L'Empereur*. . . P. 4—30.

⁶ О «родовом» характере этих портретов, где физическая личность отступает перед функцией, см.: *Grabar A. L'Empereur*. . . P. 8—10; *Wessel K. Kaiserbild*. Sp. 736—737. Переход от индивидуального портрета к иератическому совершился в эпоху Поздней империи, но тогда акцент делался на победоносной силе императора и триумфальной символике, что не было больше характерно для эпохи македонской династии. Относительно более или менее индивидуализированных портретов (Льва VI и Константина VII) на монетах этого времени см.: *Grierson P. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection*. Wash., 1973. III. 1. P. 142—145. Примечательно, что они не меняются с годами в противоположность тому, что можно наблюдать, например, в эпоху Ираклия. О костюме императора, императорских инсигниях и их символической значимости см.: *Wessel K., Piltz E., Nicolescu C. Insignien // Reallexikon zur byzantinischen Kunst*. 1978. 3. Sp. 369—498; *Galavarris G. P. The Symbolism of the Imperial Costume as displayed on Byzantine Coins // The American Numismatic Society. Museum Notes*. 1958. 8. P. 99—117; *Grierson P. Catalogue*. . . P. 116—145; *Pertusi A. Insigne del potere sovrano delegato a Bisanzio nei paesi di influenza bizantina // Simboli e simbologia nell'alto medioevo*. Spoleto, 1976. II. P. 481—563.

⁷ На северных хорах. Ср.: *Underwood P. A., Hawkins E. J. E. The Mosaics of Hagia Sophia at Istanbul. The Portrait of the Emperor Alexander: A Report of Work done by the Byzantine Institut in 1959 and 1960 // DOP*. 1961. 15. P. 191—199. О символической значимости изображений на печатях см.: *Dölger F. Die Kaiserurkunde*. . . P. 19—20. О важности данных нумизматики см.: *Wessel K. Kaiserbild*. Sp. 735—736.

⁸ О других видах императорских портретов и их значимости см.: *Ibid.* Sp. 737—745. О различии стиля индивидуальных и религиозных портретов см.: *Kitzinger E. Some reflections on portraiture in Byzantine Art // ЗРВИ*. 1963. 8. P. 185—193. Более абстрактная и стилизованная манера, характерная для изображений монархов, в сравнении с более рельефными лицами священных персонажей может быть прекрасно проиллюстрирована на примере мозаики нартекса св. Софии, представляющей императора, распростертого ниц у ног Христа (см. ниже, с. 150).

⁹ Уже при Юстиниане II изображение императора перешло на реверс монет, в то время как преимущество было отдано Христу (*Breckenridge J. D. The numismatic Iconography*

Что касается фамильных (или групповых) портретов, то их продолжали заказывать и василевсы македонской династии, главным образом в целях ее пропаганды¹⁰. Особую склонность к ним проявлял основатель нового царствующего рода — Василий I. Взяв за образец фамильные изображения Феофила и представителей исаврийской династии, Василий велит представлять себя на монетах со своими поочередными соправителями — Константином, Львом VI, Александром, а иногда и со своей женой Евдокией¹¹. Аналогичные портреты украшали и его дворец Ке-нургий¹², другие — начало ценного кодекса гомилий Григория Назианзиана, хранящегося в Парижской национальной библиотеке¹³ (рис. 2, 3). Монеты времени Константина VII Багрянородного дают нам другие любопытные примеры использования групповых портретов. Перемены в иконографии отражают сложность положения на престоле, вызванную вступлением на трон Романа Лакапина, борьбу за власть и соперничество между членами его семьи и несчастным отпрыском македонской династии Константином VII¹⁴.

Помимо этих в высшей степени иератических портретов монархов, официальное искусство эпохи македонской династии благоприятствовало развитию одной, очень показательной для интересов того времени темы — символической коронации императора Христом или другой важ-

of Justinian II. N. Y., 1959). О монетах Василия I с образом Христа, уравновешивающим императора, характерном для солидов македонской династии, см.: *Grabar A. L'Empereur*. . . P. 25—26; *Idem. L'Iconoclasme byzantin: Dossier archéologique*. P., 1957. P. 210; *Morrisson C. Catalogue des monnaies byzantines de la Bibliothèque Nationale*. P., 1970. II. P. 538—539; *Grierson P. Catalogue*. . . III. 1. P. 106.

¹⁰ О фамильных и групповых портретах см.: *Grabar A. L'Empereur*. . . P. 26—30; *Wessel K. Kaiserbild*. Sp. 779—784. О важности династического чувства со времени македонской династии см.: *Svoronos N. Le serment de fidélité à l'empereur byzantin et sa signification constitutionnelle // REB*. 1951. T. 9. P. 120 et suiv.

¹¹ Cf.: *Morrisson C. Catalogue*. . . II. P. 538, 541 et suiv.; *Grierson P. Catalogue*. . . P. 473—506.

¹² Vita Basilii. 89 // *Theophanes Continuatus*. V / Ed. J. Bekker. Bonn, 1938. P. 333—334; *Mango C. Op. cit.* P. 197—198. Василий I, сидящий на троне, представлен вместе со своей женой Евдокией и их детьми, которые держат книги божественных наставлений. На потолке вновь помещена императорская семья вокруг креста, на этот раз в молитве.

¹³ Здесь на двух листах (C^v et B^r) можно видеть Василия I (коронованного Михаилом архангелом) и Евдокию между сыновьями, Львом и Александром: все трое в нимбах, в торжественном одевании, стоят в ряд на почетном подножии, расположены фронтально на золотом фоне. Они держат атрибуты власти: Евдокия — «державу» и скипетр, сыновья — «державу» и «акакию» (неоспоримую только для Льва). Репродукцию этих миниатюр см. в: *Omont H. Miniatures des plus anciens manuscrits grecs de la Bibliothèque Nationale, du VIe au XIVe siècle*. P., 1929. Pl. XVI, XIX. Об этой важной для изучения наместников темы рукописи, см. в первую очередь: *Der Nersessian S. The Illustrations of the Homilies of Gregory of Nazianzus*. Paris. gr. 510. A Study of the Connection between Text and Images // *DOP*. 1962. 16. P. 197—228 (Reed.: *Etudes byzantines et arméniennes*. Louvain, 1973. P. 77—107). Об императорских портретах см.: *Spatharakis I. The Portraits and the Date of the Codex Paris. gr. 510 // Cahiers Archéologiques*. 1974. 23. P. 97—105; *Idem. The Portraits in Byzantine Illuminated Manuscripts*. Leiden, 1976. P. 96—99. Выводы И. Спатаракиса относительно идентификации монарха, изображенного на fol. B^v, и о датировке рукописи представляются неприемлемыми. Критику см.: *Kalavrezou-Mazeiner I. The portrait of Basil I in Paris. gr. 510 // JÖB*. 1978. 27. P. 19—24.

¹⁴ Ср.: *Bellinger A. R. The Coins and Byzantine Imperial Policy // Speculum*. 1956. 31. P. 76—77; *Morrisson C. Catalogue*. . . II. P. 561—579; *Grierson P. Catalogue*. . . III. 2. P. 526—573. Pl. XXXVI—XXXVII. Групповой портрет использовался также для того, чтобы передать византийскую концепцию иерархии народов и «царской фамилии», как об этом свидетельствует декор так называемой короны св. Стефана или святой венгерской короны. Фигура Христа на троне на переднем плане соответствует погрудному изображению на заднем плане императора Михаила VII Дуки (1071—1078), расположенного между двумя более мелкими образами его сына и соправителя Константина (направо) и венгерского короля Гезы I (1074—1077). Более низкое и подчиненное положение последнего подчеркивается отсутствием нимба, направлением его взгляда в сторону византийских императоров, костюмом и атрибутами, которые соответствуют атрибутам высокого византийского чиновника. Ср.: *Wessel K. Byzantine Enamels // Shannon*. 1969. N 37. P. 111—115 (там же и библиография вопроса).

ной персоной (девой Марией, ангелом или «святым»¹⁵). Невозможно было более четко выразить божественную природу высшей власти — фундамент легитимности запечатленного василевса¹⁶. Наиболее ранний по времени пример изображения на подобную тему связан с основателем династии — Василием I. Он находится в рукописи религиозного содержания Paris. gr. 510, посвященной императору (рис. 2). «Архистратиг» архангел Михаил возлагает диадему на голову того, кого надпись именует «защитником мира»¹⁷. Пророк Ильи, стоящий с другой стороны, вручает ему *labagum* — инсигний, связанный с константиновой традицией, который гарантирует василевсу победу над врагами. Выбор Михаила и Ильи отражал в первую очередь пристрастие, которое питал к ним Василий I¹⁸.

Верхняя часть скипетра слоновой кости, хранящегося в Национальном берлинском музее, являет собой самый ранний пример другой иконографической формулы, которая выглядит так: инвеститура василевса совершается девой Марией в присутствии (в данном случае) архангела Гавриила¹⁹ (рис. 4). Относительно идентификации личности императора, названного Львом, нет единодушного мнения. Не ясно, идет ли речь о Льве V, и тогда предмет следует датировать временем, предшествующим иконоборческому собору 815 г., или Льве VI, преемнике Василия I и его соправителе с 870 г. Вторая гипотеза нам представляется более вероятной. Кроме того, она хорошо сочетается с тем благоговением, которое испытывал Лев VI перед богородицей: он повелел изобразить ее как оранту на аверсе своих золотых монет²⁰. Мария действует здесь как уполномоченное лицо, от имени Христа, истинного источника власти, помещенного на другой стороне скипетра между Петром и Павлом²¹. Иконография передает языком художественных средств часто употреблявшуюся тему обрядовых аккламаций, многочисленные примеры которых содержатся в книге «De cerimoniis»: «Пусть наш всемогущий бог... венчавший на царство при заступничестве своей непорочной матери, твое величество, дарует нам милость праздновать в мире в течение долгих

лет эти счастливые дни»²². Или еще: «Ты источник жизни ромеев, дева-мать бога-логоса, одна сражаешься вместе с властелинами, облеченными в пурпур, с теми, кто получает из твоих рук корону, поскольку сами они всегда полагаются на тебя как на неодолимый щит»²³. По всей видимости, именно той ролью, которую играла в сознании жителей Константинополя их главная покровительница — богородица, можно объяснить успех темы коронации богородицей, присутствующей, в частности, на монетах Иоанна Цимисхия, Романа III Аргира, Михаила VI и т. д.²⁴ Любопытный вариант этой темы сохранился на монетах узурпатора Иоанна Цимисхия: Дева, коронующая императора, здесь представлена рядом с рукой Бога, благославляющего его. Вероятно, это было сделано для того, чтобы подчеркнуть, что Иоанн всего лишь орудие неба в совершении убийства, которое привело его к трону²⁵.

Солиды Александра, единодержавного властителя 912—913 гг., дают другой вариант символической коронации²⁶, оставшийся единственным (рис. 5). Здесь не дева, но бородатый «святой» в длинной тунике и плаще, скрепленном на груди, держащий крест в левой руке, венчает на царство императора. Иконографический тип (лицо, костюм, атрибут) позволяет идентифицировать его с Иоанном Крестителем, а не со «святым», носившим то же имя, что и василевс, — епископом Константинополя Александром, как это делалось до сих пор. Выбор данного типа коронации объясняется, на наш взгляд, не только заступнической функцией предтечи, который действует от имени Христа, как раньше дева Мария. Он скорее вызывает ассоциацию между крещением Христа и коронацией василевса, причем она мыслится как «эпифания», раскрывающая высшую власть и божественную сущность василевса, так же как некогда крещение впервые открыло божественную сущность Христа. Иконографическое отображение этого параллелизма подчеркивало уподобление императора Александра, имевшего, впрочем, жалкую известность, Христу²⁷. Достигший реальной власти после тридцати трех лет соправительства, он был первым императором, который повелел изобразить на монетах — т. е. особо официальных памятниках — свое коронование священным лицом. Он также был первым, кто использовал на своих милларисиях титул «автократор», что отражало его стремление к единовластию, желание быть самодержцем, представляющим на земле Христа Пантократора. Все это, по-видимому, подтверждает символическое содержание и пропагандистский характер, свойственный, по нашему мнению, изображению коронации Александра.

Опять-таки на монетной легенде, на солида, выпущенного Романом Лакапином, появляется в первый раз тип коронации, которому суждено было стать обычным атрибутом божественной природы императорской власти — венчание на царство императора самим Христом²⁸ (рис. 6). Возможно, не случайно, что этот «взрыв» в изображении коронации произошел при амбициозном Роме Лакапине, стремившемся отстранить

¹⁵ О теме символической инвеституры монарха см.: Grabar A. L'Empereur... P. 112—122.

¹⁶ Смысл подобных изображений по существу является символическим, без какого-либо намека на реальную церемонию инвеституры, даже в том случае, когда их выполняли по случаю коронации. Тема коронации монарха персонализацией Ника или божественной рукой восходит к первым векам империи, но тогда она использовалась скорее для подчеркивания победоносности и благочестивости монарха, чем для указания на божественную природу его власти.

¹⁷ Fol. C^v. См. выше, примеч. 13. Относительно темы коронации ангелом и архангелом см.: Wessel K. Kaiserbild. Sp. 751—752.

¹⁸ Каждый день, сообщает «Житие Василия» (Vita Basilii. 41 // Theophanes Continuatus. V. P. 271), император ходил молиться господу, прося успехов в его предприятиях и вызывая к посредничеству св. Михаила и пророка Ильи, предсказавшего его матери восшествие его на престол (Ibid. P. 235). Новая Церковь, построенная при Василии, была посвящена им (так же, как дева Марии и св. Николаю) (Ibid. P. 319, 325. Cf.: Cedrenus. Ioannis Scylitzis op. Bonnæ, 1839. II. P. 233), а многие другие церкви, возведенные или реставрированные в его правление, — Ильи (Ibid. P. 308, 319, 337). О других свидетельствах благоговения императора перед Ильей см.: Kalavrezou-Maxeiner I. Op. cit. P. 22—23. Выбор архангела для коронации Василия напоминает легенду, согласно которой первая императорская диадема была послана ангелом Константину Великому (Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio / Ed. G. Moravcsik, R. J. H. Jenkins. Wash., 1967. P. 66—67).

¹⁹ Об этой теме см.: Wessel K. Kaiserbild. Sp. 750—751. Из последних работ по изделию слоновой кости, хранящемуся в Берлине, см.: Corrigan K. The Ivory Scepter of Leo VI: A Statement of Posticonoclastic Imperial Ideology // Art Bulletin. 1978. 60. P. 407—416 (там же библиография вопроса).

²⁰ Идентификацию императора со Львом V предложил К. Вайтцман (Weitzmann K. Ivory Sculpture of the Macedonian Renaissance // Kolloquium über spätantike und frühmittelalterliche Skulptur. Mainz, 1970. II. P. 10—11). Эту гипотезу (в устном выступлении) поддержал И. Шевченко, в то время как искусствоведы отождествляют этого императора со Львом VI. Об изображении девы Марии на солидах Льва VI см., например: Morrisson C. Catalogue... P. 538—539.

²¹ Их присутствие напоминает, что император — преемник апостолов (см. ниже, с. 154).

²² Constantin Porphyrogénète. Le livre des Cérémonies / Ed. A. Vogt. P., 1939. II. P. 92.

²³ Constantin Porphyrogénète. Op. cit. P. 50.

²⁴ См., например: Morrisson C. Catalogue... Pl. LXXX (Иоанн Цимисхий), LXXXIV (Роман III); Grierson P. Catalogue... III, 2. Pl. XLII (Иоанн Цимисхий), LVI (Роман III), LXII (Михаил VI).

²⁵ Ср.: Wessel K. Kaiserbild. Sp. 755.

²⁶ Morrisson C. Catalogue... II. P. 558, Pl. LXXXVI; Grierson P. Catalogue... III. 2. P. 523—524, Pl. XXXV.

²⁷ О понятии *ὁμοιωσις* или *μίμησις τοῦ Θεοῦ* см., например: Hunger H. Op. cit. P. 58—63. Об ассоциации «коронация—крещение» см.: Wenger A. Notes inédites sur les empereurs // REB. 1952. 10. P. 51—54; Grierson P. The Date of the Dumbarton Oaks Epiphany Medaillon // DOP. 1961. 15. P. 223—224; Hoffmann K. Taufsymbolik im Mittelalterlichen Herrscherbild. Düsseldorf, 1968. P. 10—11. См. также аккламации во время праздника Эпифании: Constantin Porphyrogénète. Op. cit. I. P. 36.

²⁸ Ср.: Wessel K. Kaiserbild. Sp. 747—750. Упоминание об этом типе коронации в связи с монетами Василия I (Sp. 747) ошибочно. О солиде Романа Лакапина см., например: Grierson P. Catalogue... III. 2. Pl. XXX, N 5, 1.

от власти представителя македонской династии и основать свою собственную. Как бы то ни было, оно является лишь образчиком передачи художественными средствами прежней концепции образа императора Θεόσεπτος, которая присутствует во многих пассажах книги «De regemotibus»: «ὁ Θεός ὁ στέφανος αὐτοχέρως τὴν κορυφὴν ὑμῶν ἀξιώσῃ», «Δόξα Θεῷ τῷ στέφανῳ τὴν κορυφὴν σου» etc.²⁹ К этой теме возвратился затем император Константин, по всей видимости, Константин VII Багрянородный, что явствует из изделия слоновой кости, хранящегося в Историческом музее в Москве³⁰ (рис. 7). Подчиненное положение земного правителя «ἐν Θεῷ αὐτοκράτωρ βασιλεὺς Ῥωμαίων» небесному пантократору подчеркивается тем, что василевс находится ниже его в молитвенной позе со слегка наклоненной головой и руками, поднятыми к Христу, который, стоя на особом возвышении, венчает его на царство. На более поздних изображениях вместе с императором иногда присутствует императрица в симметрической композиции двойной коронации или (двойного благословения) Христом³¹. Этот сюжет был специально создан для того, чтобы подчеркнуть династическую роль императрицы; к нему прибегали в особых обстоятельствах³². Об этом свидетельствует изделие слоновой кости, хранящееся в парижском Кабинете медалей. Его долгое время датировали эпохой македонской династии, но более вероятная датировка — период между 1068 и 1071 гг.; при этом запечатленным императором был не Роман II, а Роман IV Диоген, а императрицей — Евдокия Макремволитисса³³. Именно выдающаяся роль Евдокии, которой Роман IV был обязан императорским саном, оправдывала ее присутствие в символической композиции, подчеркивающей легитимность ее нового супруга³⁴.

Небесной инвеституре василевса сопутствуют другие темы в несколько более усложненных иконографических композициях. Приведем два примера. Первый — это портрет Василия II в Библиотеке Марчиано в Венеции (Marc. gr. Z 17)³⁵ (рис. 8). Император, коронованный Хри-

стом, представлен воин-победителем, подобно воинам-«святым», изображенным в его знаменитом Менологе (Vat. gr. 1613); от архангела Михаила он получает копьё, в то время, как Гавриил возлагает на его голову золотую стемму. У его ног — персонажи распростертые ниц: побежденные враги или пленные, присутствие которых усиливает триумфальный характер образа. С той и другой стороны от императора — святые-воины, изображенные погрудно. Это союзники и небесные защитники василевса в его победоносных сражениях. Вся композиция, следовательно, скорее подчеркивает божественное происхождение императорской победы, нежели говорит о военном таланте Василия II, и ничто не свидетельствует о том, что она повествует о триумфе над болгарями в 1018 г., как это обычно интерпретируется³⁶. Второй пример — еще одна миниатюра, лишенная всякого намека на военную тему, которая находится в начале гомилий Иоанна Златоуста в рукописи Sinait. gr. 364³⁷ (рис. 9). Император Константин IX Мономах (1042—1055) представлен в нижней части миниатюры между порфирородными императрицами Зоей и Феодорой. Наверху в несколько меньшем масштабе виден Христос на троне. Его распростертые руки разъединяют лучи, которые падают на императриц, в то время как другие лучи, исходящие от его ног, проникают сквозь маленькую корону, подвешенную в воздухе над головой василевса. Два летающих ангела, каждый с короной в руке, парят над Зоей и Феодорой. Вокруг рамки миниатюры начерчена надпись, вызывающая к защите со стороны Пантократора «блестящей троицы земных правителей — могущественного императора Мономаха и порфирородных сестер». Изображение подчеркивает здесь помимо божественного происхождения императорской власти политическую роль дочерей последнего представителя македонской династии, поскольку Константин IX достиг трона лишь благодаря своей женитьбе на Зое. Светящееся излучение, которое исходит от Христа и падает на императора, свидетельствует, с другой стороны, о параллели между Христом-светом и императором, часто встречающейся в панегириках и обрядовых аккламациях; передача высшей власти повелителям сопровождается здесь озарением их божественной мудростью³⁸.

Для большей выразительности темы символической инвеституры были добавлены композиции, которые изображают вручение императору других инсигний, помимо короны: лабарума, креста и копыя. Эти орудия военной победы никогда не жаловались самим Христом, но только архангелами, архистратигами небесного войска, или богородицей, главной покровительницей Константинополя³⁹. Миниатюра Paris. gr. 510, на которой Илья, покровитель Василия I, вручает ему лабарум⁴⁰ (рис. 2), является исключением. В триумфальной композиции псалтыри Василия II архангел Михаил передает копьё императору⁴¹ (рис. 8). Эта тема главным образом встречается на монетных легендах. На редком золотом гистамене, отчеканенном в Фессалонике, император (Михаил IV Пафла-

²⁹ *Constantin Porphyrogénète*. Op. cit. I. P. 56; II. P. 4; см. также: I. P. 54. Другие примеры см. в кн.: *Hunger H.* Op. cit. P. 56; «... καὶ τὸν στέφανος ἡμῶν ὁρθοῦσάμενον μεγαλοκράτορα βασιλεῖα...» (Лев IV); P. 62: «... καὶ τὸν περιστεφάντα ἡμῶς Χριστὸν αὐτὸν ἐκχρῖσάμενος νοῖ» (Константин IV).

³⁰ Оно восходит тогда к 945 г., когда Константин VII начал править единолично. Об этом изделии см.: *Goldschmidt A., Weitzmann K.* Die Byzantinischen Elfenbeinskulpturen. II. Reliefs. B., 1934. N 35. Pl. XIV. См. также: *Weitzmann K.* The Mandylion and Constantine Porphyrogennetos // *Studies in Classical and Byzantine Manuscript Illumination*. Chicago; L., 1971. P. 243—244.

³¹ Эти две темы (коронация / благословение) трудно разграничить, поскольку они так тесно связаны между собой, что стали почти синонимами. Ср.: *Grabar A.* L'Empereur... P. 118.

³² Ср.: *Kalavrezou-Maxeiner I.* Eudokia Makrembolitissa and the Romanos Ivory // *DOP*. 1977. 31. P. 317—325.

³³ Как это убедительно показала И. Калаврецу-Максейнер (*Kalavrezou-Maxeiner I.* Eudokia... P. 305—325.)

³⁴ Как пропаганда это проявилось на реверсе монет времени правления Романа IV и Евдокии, так же как и на некоторых печатях: *Kalavrezou-Maxeiner I.* Eudokia... P. 314—315. Изображение Христа в рост, держащего руки на коронах благославляемой императорской четы (о чем свидетельствует надпись), находится на крышке ларца слоновой кости, хранящегося в Палаццо Венеция в Риме (*Goldschmidt A., Weitzmann K.* Op. cit. I. N 123. Pl. LXX; *Wessel K.* Kaiserbild. Sp. 755—756). Но более распространено погрудное изображение Христа и в маленьком масштабе как своего рода «атрибут» императорских портретов. Серебряный реликварий из Москвы с изображениями Константина X Дуки и Евдокии (из последних работ об этом см.: *Искусство Византии в собраниях СССР*. М., 1977. II. № 547), триптих Хакули из музея Тбилиси с изображениями Михаила VII Дуки и Марии Аланской (*Wessel K.* Byzantine Enampels... P. 115—119, № 38) и, наконец, миниатюра рукописи Paris. Coislin 79 дают примеры этого иконографического типа. В последнем случае речь шла о Михаиле VII и Марии Аланской, но затем изображенным императором был признан Никифор III Вотаниат (*Spatharakis I.* Portrait... P. 108—110). Очень эффектная миниатюра рукописи Paris. gr. 922, принадлежавшей Евдокии Макремволитиссе, изображает коронацию императрицы и ее первого мужа, Константина X, девицей Марией, стоящей под бюстом Христа в медальоне (*Spatharakis I.* Portrait... P. 102—106).

³⁵ Из последних работ см.: *Cutler A.* The Aristocratic Psalters in Byzantium. P., 1984. P. 115—119 (там же и библиография вопроса).

³⁶ Иная интерпретация в кн.: *Cutler A.* A Psalter of Basil II (Pt. II) // *Arte Veneta*. 1977. 31. P. 10—12. Этот образец императорского триумфа, представляющего императора-победителя пассивным, неподвижным и изображенным en face, контрастирует с более «динамичными» образцами протовизантийской эпохи. Он очень показателен для духа, который превалирует в официальной иконографии эпохи македонской династии. Относительно темы победы над варварами см. также: *Wessel K.* Kaiserbild. Sp. 786—787.

³⁷ Fol. 3r. *Spatharakis I.* Portrait... P. 99—102; Fig. 66. Об интерпретации этого изображения см. также: *Wessel K.* Kaiserbild. Sp. 748—749.

³⁸ О параллели Христос-свет/император-свет и о символике света в имперской идеологии см.: *Grabar A.* L'Empereur... P. 103—105; *Cameron A.* Flavius Cresconius Corippus. In *Laudem Iustini Augusti Minoris*, Libri IV. L., 1976. P. 135—136, 161—162; *Gabrilović Z.* Divine Wisdom as Part of Byzantine Imperial Ideology // *Zograf*. 1980. 11. P. 44—52.

³⁹ Об этой теме см.: *Wessel K.* Kaiserbild. Sp. 752—754. К ней стали чаще прибегать в эпоху Комнинов, когда инсигнии стали более разнообразными.

⁴⁰ Ср. выше: С. 146.

⁴¹ См. выше: С. 146.

гонца?) получает лабарум от архангела Михаила, в то время как рука божья его коронует⁴². То же самый атрибут вручается богородицей Феодоре и Константину Х Дуке⁴³, которая опять-таки держит крест с Никифором Фокой на изображении императора-воина, выполненном на гистамене⁴⁴ (рис. 10). Впрочем, священное лицо и василевс везде совладают символической инсигнией. Это — формула, которая выражает одновременно и инвеституру и ее результат: союз двух властей, земной и небесной, в военных предприятиях повелителя. Нам кажется весьма примечательным тот факт, что эти изображения, прославляющие военную победу, достигнутую благодаря помощи неба, встречаются весьма редко в эпоху македонской династии, в то время как при Комнинах им суждено было получить более широкое распространение.

После описания этих сюжетов божественного избрания василевса (Θεοφιλής), обычно пассивно реагирующего на божественную инвеституру, необходимо вспомнить о тех изображениях, где показана реакция императора на божественный выбор: его благочестивость (εὐσεβεία) и его подчинение божественному порядку — залог процветания империи и главные качества императора-ортодокса⁴⁵.

Императорская семья за молитвой представлена на мозаике, находящейся в спальне Василия I во дворце Кенургий: император, его жена и их дети протянули руки к богу и животворящему знаку победоносного креста, благодаря господа за его благодеяния⁴⁶. Подобные сюжеты встречаются в разных случаях и нередко в сочетании с другими темами: символической коронацией (изделия из слоновой кости Московского Исторического музея и Кабинета медалей Парижа) или прославлением победоносного креста⁴⁷. Более исключительный характер носит мозаика нартекса собора св. Софии в Константинополе, подчеркивающая идею подчиненности василевса небесному порядку, — т. е. его смирение — посредством позы проскинесиса у ног Христа, который его благословляет⁴⁸

(рис. 11). Несмотря на остроумность доказательства Н. Икономидиса, мы не думаем, что это изображение можно связывать с раскаянием Льва VI в деле тетрагамии. Особое место, отведенное ему на мозаике, имеет более общий символический смысл: таким образом провозглашается благочестивость обладателя верховной власти (причем не важно, кто он), молящего при заступничестве богородицы (изображенной в медальоне над ним) господина вселенной, смиренным представителем которого на земле он является, Христа, божественную мудрость, носителя «мира» и «света мира», как гласит надпись его кодекса⁴⁹.

Есть другая более традиционная тема для изображения императорской благочестивости: его приношение, дар⁵⁰. Приведем один пример — мозаику южных хор собора св. Софии⁵¹ (рис. 12). Хотя она, по всей видимости, изображает вполне реальный дар Романа III Аргира, а затем Константина IX Мономаха и их супруги Зои клиру св. Софии, она демонстрирует в более общем смысле долг благочестия и верности императора Христу, а следовательно, и церкви, и патриарху. Господь их благословляет, что является признаком божественной защиты, которую императоры получают в результате этого акта благочестия⁵².

С другой стороны, официальное искусство македонской династии практически не использовало тему императорской филантропии, традиционной и особенно культивируемой василевсами IX—XI вв. (в первую очередь Василием I, Львом VI, Константином VII, Романом Лакапином и Константином IX Мономахом) добродетели⁵³. Можно лишь назвать краткое упоминание в «Житии Василия» о заботе Василия I о благе подданных как об одной из тем, представленных на изображениях в Кенургий⁵⁴, и возможный намек на благотворительную деятельность того же самого императора на миниатюре рукописи Paris. gr. 510, которая показывает, как святой Василий и Григорий Назианзин ухаживают за больными в богоугодном заведении, построенном Василием в Кесарии⁵⁵. Почти полное отсутствие данной тематики в императорском

⁴² Grierson P. Catalogue. . . III. 2. P. 721—722 et Pl. LVIII. C. Моррисон предпочитает идентифицировать этого императора с Михаилом V (Morrisson C. Catalogue. . . II. P. 615, 630).

⁴³ Феодора: Grierson P. Catalogue. . . III. 2. LXII; Morrisson C. Catalogue. . . II. P. 636. Pl. LXXXVI. Константин Х Дука: Hendy M. F. Coinage and Money in the Byzantine Empire 1081—1261. Wash., 1969. Pl. 9, 1—3.

⁴⁴ Grierson P. Catalogue. . . III. 2. Pl. XLI; Morrisson C. Catalogue. . . II. P. 583, 590, Pl. LXXIX.

⁴⁵ Об императоре Θεοφιλής и отплате за эту божественную милость (εὐσεβεία, φιλανθρωπία) см., например: Hunger H. Op. cit. P. 63—73.

⁴⁶ Vita Basilii, 89 // Theophanes Continuatus. P. 334—335. Mango C. The Art. . . P. 198; О молитвенном сюжете см.: Grabar A. L'Empereur. . . P. 98—106; Wessel K. Kaiserbild. Sp. 756—757.

⁴⁷ Створка изделий из слоновой кости из собрания Думбартон Окс содержит на перекрестии украшенного драгоценными камнями креста фигуру неизвестного молодого императора (Романа II?) в молитве Христу Пантократору, помещенному симметрично на другой створке, хранящейся в Готе: Weitzmann K. Catalogue of the Byzantine and Early Medieval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Wash., 1972. N 24. P. 55—58. Pl. XXXII—XXXIII; Grabar A. La précieuse croix de la Lavra Saint-Anthanase // Cahiers Archéologiques. 1969. T. 19. P. 120. Иконографический тип изображения императора на перекрестии имеется на монетах Романа I Лакапина, Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия. Образец триумфального характера прославляет символ спасения, оружие императорской победы, при этом четко подчеркивая благочестивость монарха (δούλος τοῦ σταυροῦ) и его подчинение божественному порядку. Существуют различные интерпретации этой темы. См.: Wessel K. Kaiserbild. Sp. 777—779; Deer J. Das Kaiserbild im Kreuz // Schweizer Beiträge zur allgemeine-Geschichte. 1955. 13. P. 48—110; Idem. Der Kaiser und das Kreuz // Jahrb. Röm.-Germ. Zent. Mus. Mainz. 1965. 12. P. 167—180; Calavaris G. P. The Symbolism. . . P. 112—113; Grabar A. La précieuse croix. . . P. 117—120.

⁴⁸ Из последних работ об этой мозаике см.: Oikonomides N. Leo VI and the narthex mosaic of Saint Sophia // DOP. 1976. 30. P. 151—172; Gabrilović Z. A. The Humiliation of Leo VI the Wise: The Mosaic of the Narthex at Saint Sophia, Istanbul // Cahiers Archéologiques. 1979. 28. P. 87—94. Хотя и не слишком часто, изображение императора в проскинесисе встречается; много примеров этого приведено в главе о проскинесисе, работы А. Катлер (Cutler A. Transfiguration: Studies in the Dynamics of Byzantine Iconography. Pennsylvania State University, 1975. P. 53 et suiv.). Можно

вспомнить здесь стихотворение Иоанна Мавропода, описывающее императора, распростертого у ног Христа-Судьи, в композиции Деисус (Mango C. The Art. . . P. 220). Новую интерпретацию этой мозаики св. Софии, которая нам представляется неубедительной, предложил недавно А. Шминк (Schminck A. Rota tu volubilis: Kaisermacht und Patriarchenmacht in Mosaiken // Cupido legum. Frankfurt am Mein, 1985. P. 218—224). Я выражаю благодарность С. Троянскому, который обратил мое внимание и сделал для меня доступной эту статью.

⁴⁹ Император получает благодаря этой инвеституре добродетели Христа: он сопричастен божественной мудрости, он также «Свет» и носитель мира (εἰρηνοποιός).

⁵⁰ Grabar A. L'Empereur. . . P. 106—111.

⁵¹ Из последних работ см.: Oikonomides N. The Mosaic Panel of Constantine IX and Zoe in Saint Sophia // REB. 1978. 36. P. 219—232. См. также: Schminck A. Op. cit. P. 224—226.

⁵² Можно также вспомнить о символическом даре Константина и Юстиниана богородице, изображенном на мозаике юго-западного преддверия св. Софии (X в.). Идеальный образец христианских монархов, они преподносят даре и младенцу модель города Константинополя и церкви св. Софии, для которых испрашивают божественного покровительства. Cf.: Whittemore T. The Mosaics of St. Sophia at Istanbul: The Mosaics of the Southern Vestibule. Oxford, 1936. Напомним о гипотезе И. Д. Паласа, которая представляется нам малообоснованной. Согласно ей, эта мозаика связывается с посольством, отправленным в Константинополь Оттоном I в 968 г. И. Д. Палас видит в ней своего рода провозглашение прав византийских императоров в связи с притязаниями западных монархов (Pallas I. D. 'Αρχαιολογικά Ἀνακταῖς Ἀθηνῶν. 1968. P. 90—91). Об этой мозаике см. также: Schminck A. Op. cit. P. 229—234.

⁵³ О филантропии как императорской добродетели см.: Hunger H. Θελανθρωπία: Eine griechische Wortspragung auf ihrem Wege von Aischylos bis Theodoros Metochites // Anzeiger phil.-hist. Klasse österreich. Akademie der Wissenschaften. 1963. Bd. 100. P. 1—20 (Reed. in: Byzantinische Grundlagenforschung. L., 1973. XIII); Constantelos D. J. Byzantine Philanthropy and Social Welfare. New Brunswick; N. Y., 1968 (особенно: P. 43—61).

⁵⁴ Vita Basilii. 89 // Theophanes Continuatus. P. 332; Mango C. The Art. . . P. 197.

⁵⁵ Fol. 149; Omont H. Miniatures. . . Pl. XXXIV. Иначе истолковано это изображение С. Дер Нерсесян: Der Nersessian S. The Illustrations. . . P. 207. Если она прекрасно увязывается с проповедью любви к бедным, которую эта миниатюра иллюстрирует,

искусстве свидетельствует о низком интересе к драматическим сюжетам и бытовым реалиям своей эпохи, в то же время подтверждая склонность к иератическим, символическим и вневременным изображениям.

Также довольно мало данных относительно традиционных тем триумфального характера: император-победитель на войне, на охоте или на ипподроме⁵⁶. Во дворце Кенургий мозаики заполнены победоносными батальями Василия I и сценами, где император-триумфатор, восседает на троне, в окружении полководцев, передающих ему города, которые они завоевали⁵⁷. Некоторые вещи (шелковая ткань из Бамберга, ларец слоновой кости из Труа, фрески киевского собора св. Софии) говорят о сохранении в иконографии македонского периода традиционных тем, прославляющих, как и в предшествующие времена, победу императора, но, по всей видимости, не играющих существенной роли в официальной пропаганде⁵⁸.

* * *

Рассмотрев образ власти на примере немногочисленных и условных изображений правящего императора, мы переходим теперь к другой, более разнообразной категории материалов, которые воплощают императорскую власть посредством исторических и библейских аналогий⁵⁹. Способ, заключающийся в том, чтобы использовать прошлое для прославления настоящего, не был, разумеется, новым, но, по всей видимости, в эпоху македонской династии к нему прибегали более систематически. Было ли это потому, как предполагает А. Грабарь, что он особенно соответствовал вкусам этого периода, называемого «ренессансом», когда в моде было обращение к прошлому?⁶⁰ Во всяком случае, примечательно, что на фрагментах, о которых пойдет речь, очень редко встречаются заимствования из античности и что в них предпочитают уподоблять императора Константину Великому и особенно библейским героям — Давиду, Моисею, Иосифу⁶¹.

Империя в эпоху македонской династии, в апогее своей экспансии, обращается к константиновской традиции для того, чтобы подтвердить свое превосходство над другими народами, и потому василевс рисуется как преемник первого христианского императора, являвшегося идеальным образцом для средневековых государей⁶². Провозглашенный «новым Константином» на константинопольском соборе 869 г.⁶³ Василий получает от Ильи знамя Константина, лабарум, на уже упоминавшейся миниатюре рукописи Paris. gr. 510⁶⁴ (рис. 2). Другая миниатюра, находящаяся в конце кодекса, показывает в трех регистрах сон Константина, битву у Мульвийского моста (с явлением креста) и нахождение истинного креста Еленой⁶⁵ (рис. 13). Этот цикл, не связанный с текстом, где он помещен (метафраза Экклезиаста), объясняется лишь тем, что рукопись посвящена императору (Василию I). Он прославляет крест — знак, явившийся Константину (запечатленному с бородой, на манер средневековых василевсов), и с тех пор ставший одним из существенных атрибутов императоров, которые «правят и побеждают с ним»⁶⁶. Намек на Василия I и на его победы очевиден; равным образом изображение святой Елены имеет прямое отношение к императрице Евдокии, которая представлена в начале кодекса: она была провозглашена в 869 г. «новой Еленой»⁶⁷. И хотя других циклов, относящихся Константину и Елене, в искусстве IX—XI вв. не сохранилось, известно, что в эту эпоху в церквях и на предметах увеличилось число изображений, причисленных к лику святых государей, обычно расположенных по разные стороны креста, причем одетых в современный императорский костюм и иногда с чертами физического сходства с правящими императорами⁶⁸.

В скромном храме в Каппадокии, прозванном церковью Большой голубятни, сохранился пример росписи, особенно четко выражающий сопоставление правящих императоров с Константином и Еленой⁶⁹. Кон-

Byzantium and its Image. L., 1984. III). Вместе с тем античные герои (Ахилл, Агамемнон, Одиссей, Беллерофонт, Александр) также фигурируют среди изображений, украшавших дворец Дигениса Акриты (*Digenis Akritas* Ed. J. Mavrogordato. Oxford, 1956. V. 3393—3402). Относительно иконографии вознесения Александра и его императорской символике см.: *Settis Frugoni Ch. Historia Alexandri elevati per griphos ad aerem: Origine, iconografia e fortuna di un tema. Roma, 1973. P. 147—207.*

⁶² О важности отсылки к эпохе Константина в период македонской династии см.: *Ahrweiler H. Idéologie. . . P. 48—50; Grabar A. La précieuse croix. . . P. 113 et suiv. См. также: Winkelmann F. Das hagiographische Bild Konstantins I im Mittelbyzantinischen Zeit / Beiträge zur Byzantinische Geschichte im 9.—11. Jahrhundert. Pr., 1978. P. 179—203.*

⁶³ PL. T. 129. Col. 170 C. О других примерах прославления монарха как «нового Константина» см.: *Wessel K. Kaiserbild. Sp. 733—734.*

⁶⁴ См. выше: С. 149.

⁶⁵ Fol. 440. Cf.: *Der Nersessian S. The Illustrations. . . P. 219—221. Fig. 15.*

⁶⁶ О кресте — орудии императорской победы см.: *Grabar A. L'Empereur. . . P. 32—39; Wessel K. Kaiserbild. Col. 784—786. Σταυρός νικηφόρος, хранящийся в часовне св. Стефана во дворце, играл важную роль в придворных церемониях, прекрасно отраженную в книге «De cerimoniis».*

⁶⁷ PL. T. 129. Col. 170 C. По-видимому, именно посвящением императрице объясняется иконографический тип и то предпочтение, которое оказано св. Елене на миниатюре, иллюстрирующей вторую проповедь пасхи: *Der Nersessian S. The Illustrations. . . P. 202, 221. Fig. 3.*

⁶⁸ Константин Великий был изображен как средневековый монарх в Большом секрете патриархата св. Софии (ок. 869—870 г.) (*Cormack R., Hawkins E. J. W. The Mosaics of St. Sophia at Istanbul: The Room above the South-West Constantinian and Ramp // DOP. 1977. 31. P. 240—241. Fig. C and 47*). На створке триптиха слоновой кости из собрания Думбартон Окс Константину Великому, по всей видимости, придали черты Константина VII; св. Елена, вероятно, была помещена на симметричной створке (которая не сохранилась) как прототип императрицы, жены Константина VII, которую также звали Еленой. См.: *Weitzmann K. Catalogue. . . N 25. Pl. 5 and XXXVI. Назовем еще лист рукописи Cod. ass. 32.14, хранящейся в Музее искусств Принстона, где можно видеть Константина с чертами лица современного императора, идентификация которого спорна (*Spatharakis I. The Portraits. . . P. 70—74*).*

⁶⁹ *De Jerphanion G. Une nouvelle province de l'art byzantin: Les églises rupestres de Cappadoce. P., 1932. I. 2. P. 522—524. Об этом памятнике см. также: Rodley L. The Pigeon House Church. Çavuşin // JÖB. 1983. 33. P. 301—339; Thierry N. Haut Moyen Age en Cappadoce. P., 1983. I. P. 43—57.*

то она может также, учитывая посвящение рукописи императору и большую благотворительную деятельность, приписываемую Василию I, быть связана с императорской филантропией.

⁵⁶ О теме победоносных сражений см.: *Grabar A. L'Empereur. . . P. 39—43, 83—84; Wessel K. Kaiserbild. Col. 788—789. Об императорской охоте см.: Grabar A. L'Empereur. . . P. 57—62, 133—144; Wessel K. Kaiserbild. Col. 802—807. О теме ипподрома см.: Grabar A. L'Empereur. . . P. 62—74, 144—147; Wessel K. Kaiserbild. Col. 809—814.*

⁵⁷ Vita Basilii. 89 // *Theophanes Continuatus. P. 332. Mango C. The Art. . . P. 197. Эти мозаики напоминают те, которые, по словам Прокопия, украшали вестибюль Халик дворца Юстиниана. Cf.: *Mango C. The Art. . . P. 109. Тот же самый пассаж «Жития Василия» упоминает об изображенных на потолке «Геракловых трудах» Василия I, о его деяниях на благо подданных и победах, дарованных богом. Учитывая неясность сведений, нельзя ничего сказать об алтарном полотнище шелкового пурпура, где представлена история Иоанна Цимисхия (*Petit L. Le monastère de ND de Pitié en Macédoine / ИРАИК. 1900. Т. VI. P. 123*).**

⁵⁸ Императора на коне с лабарумом в руках, изображенного на шелковой ткани из Бамберга между двумя персонификациями городов, протягивающих ему корону и шлем, обычно идентифицируют с Василием II, причем композиция эта связывается с триумфом в честь победы над болгарями, отпразднованным сначала в Афинах, а затем в Константинополе (*Grabar A. La soie de l'évêque Günther à la cathédrale de Bamberg // L'Art de la fin de l'Antiquité et du Moyen Age. P., 1968. Т. I. P. 213—227; Wessel K. Kaiserbild. Col. 793—795*). Данную идентификацию оспаривает Х. Вентцель (*Wentzel H. Das byzantinische Erbe der Ottonischen Kaiser // Aachener Kunstblätter des Museumsvereins. 1972. 43. P. 35*). Об изделии слоновой кости, хранящемся в Труа, помимо общей библиографии, данной в сноске 56, см.: *De Francovich G. Il concetto della regalità nell'arte sasanide e l'interpretazione di due opere d'arte bizantine del periodo della dinastia macedone: La cassetta eburnea di Troyes e la corona di Constantino IX Monomaco di Budapest // Arte Lombarda. 1964. 9. P. 1—48. О фресках киевского собора св. Софии см.: Grabar A. L'Empereur. . . P. 260.*

⁵⁹ *Grabar A. L'Empereur. . . P. 93—97; Wessel K. Kaiserbild. Col. 732—734.*

⁶⁰ *Grabar A. La précieuse croix. . . P. 116.*

⁶¹ Ср. наблюдения К. Манго о важности библейской культуры и незначительном интересе к античности (*Mango C. Discontinuity with the Classical Past in Byzantium // Byzantium and the Classical Tradition. Birmingham, 1981. P. 48—55. Reed. in:*

стантин и Елена изображены в центральной апсиде, где они прерывают серию фигур епископов, размещенных на правой стороне (рис. 14). Из-за формы апсиды они не так хорошо видны, как если бы находились на левой стороне (перед северной апсидой), где представлены Никифор Фока, Феофано и три других члена императорской семьи (рис. 15 и 21). Параллелизм, который замечен уже в расположении изображений, подтверждается и сходством поз, а также, как нам представляется, и лиц, краски которых, по правде говоря, пострадали⁷⁰.

Преемник равноапостольного императора Константина Великого, василевс обязан был продолжать миссию, некогда возложенную на апостолов, по распространению и защите веры⁷¹. Эта тема апостольской миссии императоров, которая отчетливо выражена в аккламациях димов, произносимых на Троицын день, нашла отражение и в иконографии эпохи македонской династии. Увеличение числа иллюстраций миссии апостолов, по всей видимости, связано с важностью миссионерской деятельности современной художникам эпохи⁷². В рукописи Paris. gr. 510, столь богатой императорскими изображениями, есть миниатюры, где показано отправление апостолов с миссией, крещение языческих народов и, что более любопытно, мученичество апостолов. Характерно, что все эти сюжеты не имеют связи с текстом гомилий Григория Назианзина, который они иллюстрируют⁷³. В той же самой рукописи аналогия между иконографическими схемами Троицына дня и второго вселенского собора свидетельствует о возникновении параллелизма между миссией, возложенной на апостолов, и миссией императора-хранителя ортодоксии, председательствующего на соборе⁷⁴. Примечательное новшество проявляется, впрочем, в X в. в картинах Троицына дня: один или несколько императоров изображаются во главе народов, племен и языков. В «новой церкви» Токали в Гереме (Каппадокия), где подобная сцена, являясь частью небольшого цикла миссии апостолов, представляет даже четырех императоров, по два на каждой части свода, где расположена сцена Троицына дня. Они имеют нимбы как средневековые монархи, а также бороды, короны и лор (рис. 16). Их число напоминает древнюю теорию о четырех империях, расположенных в четырех главных пунктах, и подчеркивает универсализм миссии апостолов, на смену которым пришли византийские императоры, обязанные распространить христианскую веру по всей вселенной⁷⁵. Все эти изображения василевса как преемника

апостолов служили мистики, связанной с представлениями об императоре, и в то же время оправдывали универсалистские устремления Византии.

Но иконография македонского периода отражает также распространенное со времен Константина уподобление императора библейским героям, особенно Давиду⁷⁶. В качестве помазанника божьего царь-пророк, образец благочестивости, милосердия и мудрости считается идеальным образом христианского монарха, прославляемого как «новый Давид». Миниатюры псалтырей и рельефы ларцов слоновой кости в первую очередь свидетельствуют о восхвалении Давида как прототипа императора в искусстве эпохи македонской династии⁷⁷. Частое уподобление Василия I Давиду, которое встречается в официальных текстах, и посвящение императору рукописи Paris. gr. 510 позволяют в этом же смысле истолковать сцену миропомазания Давида Самуилом, содержащуюся в ней. Следует отметить, что этот сюжет не упоминается в гомилии Григория Назианзина (De Deo), которую иллюстрирует миниатюра⁷⁸. Та же тема присутствует в начале Парижской псалтири (Paris. gr. 139), которая выполнена по заказу императора или является копией с него⁷⁹ (рис. 17). К группе Самуила и Давида присоединена персонификация, обозначающая царя, — кротость, милосердие, традиционная императорская добродетель⁸⁰. Немного дальше изображена коронация Давида на

Lexikon der christlichen Ikonographie. 1972. T. 4. Col. 459—460; см. также: Labande-Mailfert Y. Etudes d'iconographie romane et d'histoire de l'art // Poitiers. 1982. P. 255—256.

⁷⁶ О Давиде как образце для средневековых монархов см.: Steger H. David rex et propheta: König David als vorbildliche Verkörperung des Herrschers und Dichters im Mittelalter nach Bildarstellungen des 8.—12. Jahrhunderts. Nürnberg, 1961. Vgl.: Wessel K. Kaiserbild. Sp. 733, 758—760.

⁷⁷ Искусство отражало с давних пор отождествление императора с Давидом: по всей видимости, на мозаике синайского монастыря св. Екатерины (Forsyth G. H., Weitzmann K. The Monastery of Saint Catherine at Mount Sinai: The Church and Fortress of Justinian. Michigan, 1973. P. 15) и в первую очередь на серебряных блюдах из Кипра, связанных с Гераклом (Alexander S. Sp. Heraclius, Byzantine Imperial Ideology and the David Plates // Speculum. 1977. 52). P. 213—237). В эпоху македонской династии цикл жизни Давида получил особое развитие, будучи связан с императорской символикой, что проявилось на изображении ларца слоновой кости, хранящегося в Палаццо Венеция в Риме (Grabar A. Les cycles d'images byzantines tirés de l'histoire biblique et leur symbolisme princiers // L'Art du Moyen Age en Occident. Influences byzantines et orientales. L., 1980. VIII. P. 136—137). Сражение Давида с Голиафом являлось частью сюжетов декора дворца Дигениса Акрита (Mavrogordato J. Op. cit. P. 220—221 (v. 3379—3392). Намек на Давида, прототипа императора, менее очевиден на изображении короны Константина IX Мономаха (Национальный музей Будапешта: он основывается на идентификации танцовщиц с молодыми еврейками, плясавшими перед Давидом-победителем: Wessel K. Enamels. . . N 32. P. 96—104; Idem. Kaiserbild. Col. 758. О других интерпретациях изображения на короне см.: Grabar A. Le succès des arts orientaux à la cour byzantine sous les Macédoniens // L'Art de la fin de l'Antiquité et du Moyen Age. P., 1968. T. I. P. 278—279; Francovich de G. Il concetto . . . P. 19 et suiv.

⁷⁸ Fol. 174^v: Omont H. Miniatures. . . Pl. XXXVII; Der Nersessian S. The Illustrations. . . P. 203—204, 222. Fig. 4. Надпись, сопровождающая императорские портреты в спальне дворца Кенургий, напоминает, что император был возвышен из давидовской бедноты и помазан богом через миропомазание святого духа (Mango C. The Art. . . P. 198).

⁷⁹ Ср.: Buchthal H. The Miniatures of the Paris Psalter. L., 1938; Idem. The Exaltation of David // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1974. 37. P. 330—332. Исчерпывающую библиографию см.: Cutler A. The Aristocratic Psalters. . . P. 63—71.

⁸⁰ Fol. 3^v. С. Вальтер сомневается в том, что до XI в. сцена миропомазания Давида как ритуал, связанный с приходом к власти, заключала в себе императорскую символику (Walter C. The Significance of Unction in Byzantine Iconography // Byzantine and Modern Greek Studies. 1976. 2. P. 53—73). Между тем миниатюры рукописи Paris. gr. 510 и Парижской Псалтири свидетельствуют о том, что она могла ее заключать, причем намекала не на ритуал вступления на трон, а на божественное избрание. Наличие персонификации «кротость» в рукописи Paris. gr. 139, по всей видимости, подтверждает подобную интерпретацию. Действительно, Фемистий называет ее первой из добродетелей императора вместе с $\eta \delta \iota \chi \alpha \sigma \tau \acute{o} \nu \eta$, $\eta \epsilon \upsilon \sigma \epsilon \beta \epsilon \iota \alpha$ и $\eta \phi \iota \lambda \alpha \nu \theta \rho \omicron \pi \iota \alpha$ (Themistii. Orationes / Ed. W. Dindorf. Hildesheim, 1961. P. 276 (Or. 19)). Она также

⁷⁰ Мы уже указывали на уподобление Никифора Фоки и Феофано Константину и Елене в нашей статье: Jolivet-Levy C. La glorification de l'empereur à l'église du Grand pignon de Çavişin // Histoire et Archéologie. Les dossiers. 1982. 63. P. 73—77. Об императорских портретах и фресках северной стены нефа Мелиаса и Иоанна Цимисхия на коне см.: Thierry N. Un portrait de Jean Tzimishes en Cappadoce. TM. 1985. T. 9. P. 477—484.

⁷¹ О равноапостольном императоре см.: Wessel K. Kaiserbild. Col. 726—727; Treitinger O. Die Oströmische Kaiser- und Reichsidee. Darmstadt, 1956. P. 129f. См. также: Corrigan K. The Ivory Scepter. . . P. 411 suiv. К. Вессель видит иллюстрацию этой темы в декоре вотивной короны св. Марка в Венеции, на которой изображен Лев VI среди апостолов: Wessel K. Enamels. . . N 12. P. 57—58. Нам представляется, что император представлен здесь как Христос среди апостолов — мотив, встречающийся в двух пассажах De Cerimoniis (Constantini Porphyrogeniti. De cerimoniis aulae Byzantinae. Bonnae, 1829. P. 638, 765—766).

⁷² Ср.: Grabar A. L'Art religieux de l'Empire byzantin à l'époque des Macédoniens // L'Art de la fin de l'Antiquité et du Moyen Age. P., 1968. T. I. P. 160—163; Der Nersessian S. L'illustration des psautiers grecs du Moyen Age, Londres Add. 19.352. P., 1970. P. 83. О миссионерской роли императора см.: Christou P. The Missionary Activity of the Byzantine Emperor // Byzantina. 1971. T. 3. P. 277—286.

⁷³ Der Nersessian S. The Illustrations. . . P. 221.

⁷⁴ Gabrilović Z. A. The Humiliation. . . P. 91. Престолу гетимасии в композиции Троицына дня соответствует престол, где Евангелие — источник мудрости, позволяющий собору под председательством Феодосия судить еретиков. Увеличение после победы православия числа изображений подобных соборов является еще одним доказательством заботы о прославлении императора как хранителя официальной доктрины церкви и ответственного за ортодоксальность его подданных и всей империи. На эту тему см.: Grabar A. L'Empereur. . . P. 90—92; Wessel K. Kaiserbild. Sp. 815—818.

⁷⁵ Jerphanion de G. Une nouvelle province. . . P. 352—356. О царях Троицына дня см. Ibid. P. 353—354. P. 82, 1 et 2. О символике числа «четыре» см.: Vier, Vierzahl //

большом щите — эпизод, который не соответствует библейскому тексту и который был, вероятно, помещен благодаря своему символическому смыслу⁸¹. Прославляя царствование Давида и подчеркивая легитимность его власти, она косвенным образом переносит эти качества на императора — «нового Давида». Следующая миниатюра еще более примечательна, поскольку она содержит торжественное, на золотом фоне, изображение Давида в пожилом возрасте, одетого как византийский император, стоящего на почетном возвышении и окруженного женскими персонализациями мудрости и пророчества (рис. 18). Последняя указывает на открытую книгу, которую держит царь. В ней написано начало 71-го псалма, посвященного «справедливому и миролюбивому царю Соломону»: «О господь, дай твои суждения царю и твою справедливость сыну царя». Голубь святого духа, символ божественного избрания и вдохновения, парит над Давидом⁸². Здесь на первый план выходят справедливость и мудрость помазанника божьего. Изображение Давида и текст, написанный на кодексе, позволяют предположить, что рукопись (или ее прототип) была заказана императором для своего сына, возможно, Константином VII для юного Романа, согласно гипотезе, выдвинутой Г. Бухталем⁸³.

Помимо Давида, наиболее часто используемым со времен Константина библейским образцом был Моисей, проводник и спаситель избранного народа⁸⁴. Переход Красного моря использовался с IV в. как прототип императорской победы с помощью божественной помощи⁸⁵, и, вероятно именно этим объясняется та важность, которая придается этой сцене в рукописи Paris. gr. 510⁸⁶. Другие эпизоды жизни Моисея, видимо, также являлись частью репертуара придворного искусства: по свидетельству эпоса о Дигенисе Акрите, чудеса Моисея (бедствия в Египте и исход евреев) среди других изображений украшали дворец Дигениса⁸⁷.

названа в *κεφάλαια παρατετακτά*, приписываемых Василию I и предназначенных для юного Льва (*Emminger K. Studien zu den griechischen Fürstenspiegeln*. München, 1913. S. 26, 59; PG. T. 107. Col. XXXVI B). Относительно этого же качества, приписываемого Льву VI, см.: *Kurtz E. Zwei griechische Texte über die heiligen Theophano, die Gemahlin Kaisers Leo VI // Mémoires de l'Acad. imper. des. Sciences de St. Petersburg*, 1898. VIII. 2. P. 7, 1.27; 8, 1.12. О нем также говорится в речи Пселла, предназначенной Исааку Комнину (?) (*Gautier P. Basilikoi logoi inédits de Michel Psellos // Scriptorum Gymnasium*. 1980. 33. 2. P. 754), в конце XII века в речи Сергия Колываса Исааку II Ангелу (*Regel W. Fontes rerum byzantinorum*. Petropoli, 1892. P. 296) и в речах Михаила Хоната (*Lambros Sp. Μικαὴλ Ἀχωνιάτου, τοῦ Χωνιάτου, τῶ σωζόμενα*, 1879. T. I. Σ. 215, 240). На три последних случая мне указал Ж.-Кл. Чинет, за что я выражаю ему благодарность.

⁸¹ Fol. 6v. В пользу символического значения миниатюры высказался С. Вальтер, который, в частности, сравнил ее с аналогичной миниатюрой Бристольской псалтири, где персонализация, коронуемая Давида, названа «Basileia» (*Walter C. Raising on a Shield in Byzantine Iconography // REB*. 1975. 23. P. 145—147).

⁸² Fol. 7v.

⁸³ *Buchthal H. Op. cit.* P. 330—332.

⁸⁴ *Wessel K. Kaiserbild*. Col. 732; *Hunger H. Prooimion*. . . P. 201—202. Относительно символической роли Моисея жезла в придворных церемониях см.: *Treitinger O. Op. cit.* P. 130¹. В гомилии 18 Фотия с Моисеем сравниваются императоры Михаил III и Василий I, победители иконоборческой ереси (*Mango C. The Homilies of Photius, Patriarch of Constantinople*. Cambridge (Mass.), 1958. P. 313).

⁸⁵ Ср.: *Grabar A. L'Empereur*. . . P. 95—96, 236—237; *Dvornik F. Early Christian and Byzantine Political Philosophy*. Wash., 1966. II. P. 644.

⁸⁶ Fol. 264v: *Omont H. Miniatures*. . . Pl. XLII. Этот сюжет не содержится в проповеди Григория Назианзина о Крещении, которую иллюстрирует миниатюра. С. Дер Нерсесян интерпретирует ее лишь как ветхозаветный тип Крещения (*Der Nersessian S. The Illustrations*. . . P. 201). На fol. 226v можно видеть, как Моисей ударяет о скалу в пустыне и народ пьет воду, которая бьет оттуда ключом (*Omont H. Miniatures*. . . Pl. XL). Хотя эпизод упомянут в тексте, он, вероятно, содержит намек на роль императора, «нового Моисея», проводника «новоизбранного народа». Об этом говорит поза проскинесиса, в которой находятся перед Моисеем евреи, утоляющие жажду у источника, так же как и уподобление данной сцены эпизодам из жизни Иисуса Навина, которые, отсутствуя в тексте, добавлены для придания изображению императорской символики (см. ниже, примеч. 97).

⁸⁷ *Mavrogordato J. Op. cit.* P. 222—223 (v. 3403—3405).

Но самыми интересными являются те, на которых имеются Моисей (как светский глава Израиля) и Аарон (духовный его глава) и которые можно связать с современными художнику теориями о двувластии и гармоничном сотрудничестве между императорской властью и властью главы церкви⁸⁸. Миниатюра псалтыри Феодора (London, Add. 19352) содержит замечательный пример подобного рода⁸⁹ (рис. 19). Под образом Христа на троне можно видеть, как избранный народ, прототип идеального христианского государства, с которым отождествляется Византийская империя, ведут к спасению Моисей и Аарон, которые окружены нимбами, и каждый из них держит за руку человека⁹⁰. Пластинка слоновой кости от ларца, хранящаяся в музее средневековья в Боломье, по-видимому, также отражает это уподобление императора Моисею и патриарха Аарону⁹¹ (рис. 20). Как указывает надпись, заимствованная из Исхода (XXVIII, 4), сцена представляет Моисея, возлагающего на Аарона и его сыновей священническую одежду. Моисей и Аарон отличаются по нимбам и несколько более четкой акцентировке рельефа. Кроме того, более активная роль, приписываемая первому, противопоставляется более смиренной позе второго. Редкость сюжета, торжественность композиции и, наконец, тот факт, что она украшала ларец слоновой кости, датируемый X в., позволяют предположить, что его изготовление имеет связь с законодательством Никифора Фоки, относящимся к церковной сфере, и особенно с его стремлением передать в руки императорской власти дело назначения митрополитов и епископов (около 964 г.)⁹². Этим изображениям, для которых характерен показ управляющей империей двойной власти, соответствуют образы, где сосуществуют вместе император и патриарх. Так, в рукописи Paris. gr. 510 есть торжественная композиция, не имеющая прямого отношения к тексту, на которой Феодосий и Григорий Назианзин стоят рядом возле импозантного императорского трона⁹³. Даже по своему порядку идей, тут можно вспомнить о мозаике хрисотриклина Большого императорского дворца, представляющей рядом императора (Михаила III) и патриарха (Фотия)⁹⁴, победителей иконоборческой ереси, и особенно композицию, описанную Иоан-

⁸⁸ Эти теории особенно развиты в Эпанакоре (*Zepos J. et P. Jus graeco-romanum*. Athènes, 1931. II. P. 236—238; cf.: *Ahrweiler H. Op. cit.* P. 129—133; *Pertusi A. Storia del pensiero politico // Corsi di studi*. 1976. Bari, 1977. I. P. 71—85; *Grabar A. L'Empereur*. . . P. 175—177); их оспаривает, на наш взгляд, ошибочно, К. Вессель (*Wessel K. Kaiserbild*. . . Col. 731, 839—842).

⁸⁹ Fol. 99v: *Grabar A. L'art religieux*. . . P. 166; *Der Nersessian S. L'illustration des psautiers*. . . P. 86.

⁹⁰ Еще одна миниатюра на fol. 155v намекает на параллелизм светской и духовной власти, показывая Моисея и Аарона; оба они молятся перед церковью и их благословляет рука господня (*Der Nersessian S. L'illustration des psautiers*. . . P. 86). Та же тема присутствует в миниатюре Paris. gr. 74 (*Grabar A. L'art religieux*. . . P. 163—164). Возможно, что так называемая композиция «Дарохранительница свидетельства» была создана в эпоху македонской династии, но она известна лишь по более поздним памятникам. См.: *Belaev N. Le «Tabernacle du témoignage» dans la peinture balkanique du XIVe siècle // L'Art byzantin chez les Slaves (Mél. Th. Uspenskij)*. P., 1930. I. P. 315—324.

⁹¹ *L'Art byzantin — art européen*, 9e Exposition du Conseil de L'Europe. Athènes. 1964. P. 156—157. N 42. Насколько нам известно, она никогда не интерпретировалась в подобном смысле.

⁹² *Cedrenus*. II. P. 368; *Zonaras. Epitome historiarum*. Bonn, 1897. P. 505. Cf.: *Schlumberger G. Un empereur byzantin au Xe siècle, Nicéphore Phocas*. P., 1890. P. 535—536.

⁹³ Fol. 239: *Omont H. Miniatures*. . . Pl. XLI; *Der Nersessian S. The Illustrations*. . . P. 223. Fig. 12. Миниатюра относится к речи прощания Григория Назианзина с епископами во время второго вселенского собора, но она иллюстрирует следующую за этим встречу Григория с императором Феодосием во дворце. Василий I, которому посвящена рукопись, как раз и был провозглашен отцами собора 869 г. «новым Феодосием» (PL. T. 129. Col. 170 C).

⁹⁴ *Mango C. The Art*. . . P. 184. Cf.: *Der Nersessian S. Le décor des églises du IXe siècle // Byzantine and Armenian studies*. Louvain, 1973. P. 38—39; *Grabar A. L'Iconoclisme byzantin. Dossier archéologique*. P., 1957. P. 211; *Gabrilovich Z. A. The Humiliation*. . . P. 89—90.

ном Мавроподом, где император мыслится как «властелин человеческих жизней» и патриарх — как «избранный пастырь человеческих душ» вместе с Христом, «источником их власти», который, по-видимому, их благословляет⁹⁵.

Возвращаясь к рассмотрению библейских прототипов императора в искусстве эпохи македонской династии, необходимо вспомнить о крупном изображении Иисуса Навина в виде полководца — победителя благодаря божественной помощи. Поэтому оно было одним из самых популярных⁹⁶. Уже в рукописи Paris. gr. 510 есть эпизоды истории Иисуса Навина, которые ставятся в связь с его царским предназначением⁹⁷, но эта аналогия получила особенное развитие в X в. в эпоху императоров-полководцев и в период отвоевания византийских территорий у арабов. Многие ларцы слоновой кости, хранящиеся в Метрополитенском музее Нью-Йорка, музее Виктории и Альберта в Лондоне, а также в Болонье, покрыты сценами истории Иисуса Навина⁹⁸. Его «славные деяния» равным образом украшали дворец Дигениса Акрита⁹⁹. Но самый важный цикл, дошедший до нас, — это ватиканский свиток Иисуса Навина (Palat. gr. 431), рукопись, по всей видимости, созданная в императорском скриптории и предназначенная для того, чтобы прославить императора¹⁰⁰. Интерпретируемый как победоносная эпопея библейской истории, которая привела к завоеванию обетованной земли, он, по-видимому, содержал намеки на отвоевание Сирии и Палестины при Никифоре Фоке и Иоанне Цимисхии¹⁰¹. Никифор Фока, впрочем, сравнивается с Иисусом Навином на изображении декора церкви Большой голубятни (Каппадокии), о котором упоминалось выше¹⁰². Прямо над портретом императора, помещенным в северной абсиде, представлено явление «архистратига небесных сил» Иисусу Навину перед взятием Иерихона. При этом сближение обоих изображений являлось намеком на божественную помощь, оказанную императору (как некогда Иисусу Навину) в борьбе с неверными¹⁰³.

Если Давид, Моисей и Иисус Навин являлись образами, наиболее часто используемыми для прославления тех или иных аспектов императорской власти, то сам этот типологический прием распространялся и на других библейских героев. Миниатюры рукописи гомилий Григория Назианзина (Paris. gr. 510) дают нам много подобных примеров. Так, цикл жизни Иосифа завершается как отметила С. Дер Нерсисян, двумя сценами, содержащими аллюзию на императора. Это — фараон, переодетый в хламиду Иосифа в соответствии с ритуалом производства в сан цезаря, описанном в книге «О церемониях византийского двора», и триумф Иосифа. Последняя сцена особенно выразительна: она показывает Иосифа, одетого как византийский император, с «державой» и лабарумом в руке, на квадриге, изображенной en face; перед Иосифом маленькие люди распростерты в проскинесисе¹⁰⁴. Намек нам представляется особенно очевидным в торжественной композиции суда Соломона — сюжета, который не упоминается в гомилии, которую они иллюстрирует¹⁰⁵. Изображение библейского царя в качестве византийского императора, на троне, между двумя телохранителями должно было напоминать об обязанности василевса — «нового Соломона» — быть справедливым¹⁰⁶.

Немного дальше — эпизоды из жизни другого прототипа монарха — Самсона, исполненные в двух регистрах¹⁰⁷. Подвиги Самсона также являлись частью декора дворца Дигениса Акрита¹⁰⁸. Эти примеры не исчерпывают всех аллюзий на императора, его власть, его добродетели и его обязанности, которые содержатся в столь богатом оформлении рукописи Paris. gr. 510. Предназначенная Василию I (и Евдокии), задуманная во времена патриарха Фотия, а возможно, и им самим, она является

Byzantine Studies Conference: Abstracts of Papers. 1984. 10. P. 57—59. Эта же тема используется в XI в. в церкви св. Георгия Диасорита на Наксосе: *Achimastou-Potamianou M. 'O ναός του Αγίου Γεωργίου του Διασώτη στη Νάξο: Παράκλησις στις τοιχογραφίες του 11-ου αιώνα* // IVe Symposium d'archéologie et d'art byzantins et post-byzantins. Résumés. Athènes, 1984. P. 8—9.

¹⁰⁴ Fol. 69^v: *Omout H. Miniatures*. . . Pl. XXVI; *Der Nersessian S. The Illustrations*. . . P. 223—224. Fig. 18. Относительно других циклов Иосифа, содержащих императорскую символику, см.: *Ljubinković R. Sur le symbolisme de l'histoire de Joseph dans le narthex de Sopoćani* // *L'Art byzantin du XIII siècle: Symposium de Sopoćani* 1965. Belgrade, 1967. P. 207—219; *Grabar A. Les cycles d'images*. . . P. 133—137; *Gabrilović Z. A. Divine Wisdom*. . . P. 49—50 et n. 25; Здесь говорится о других интерпретациях истории Иосифа как образца для епископов.

¹⁰⁵ Fol. 215^v: *Omout H. Miniatures*. . . Pl. XXXIX. С. Дер Нерсисян не связывает это изображение с посвящением рукописи императору (*Der Nersessian S. The Illustrations*. . . P. 207—208). Провозглашение императора «новым Соломоном» восходит к Константину, а справедливость (ἐδικαιοσύνη) является одной из первых добродетелей императора (*Hunger H. Prooimion*. . . P. 114—117). Василий I особенно заботился о своем изображении как ревнителя правосудия (*Vogt A. Basile Ier empereur de Byzance (867—886) et la civilisation byzantine à la fin du IXe siècle*. P., 1908. P. 53—55). В прооимии Прохирона, законодательного свода Василия I, Константина и Льва VI мы читаем: ὡν πάντων ἐστὶ πρῶτος καὶ μεγίστος ἡ δικαιοσύνη, δι' ἣν ἕθνος ὀφείλει κατὰ τὸν σοφὸν Σολομῶνα (Притчи. XIV. 34); см. также: *Hunger H. Prooimion*. . . P. 115).

¹⁰⁶ Даже если бы, как нам представляется, Соломон был изображен здесь не с бородой, как средневековый василевс, а без нее в соответствии с его иконографическим типом. Эта интерпретация позволяет объяснить две сцены нижнего регистра миниатюры — беседу Христа с самаритянкой и исцеление прокаженных, — связь которых с текстом, как признает это даже С. Дер Нерсисян, трудно установить. Возможно, целью этих изображений было напомнить о том внимании, с которым император, справедливый, как Соломон, должен, в уподобление Христу, относиться к униженным, презираемым и больным. По всей видимости, примером уподобления василевса Соломону является и мозаика «Воскресение храма» Неа Мони на Хиосе: библейский царь, с бородой, напоминает выражением лица императора-донатрпа Константина IX Мономаха (*Mouriki Doula. Les mosaïques de la Néa Moni de Chios* // *Corsi Rav. 1984*. 31. P. 371—372).

¹⁰⁷ Fol. 347^v: *Omout H. Miniatures*. . . Pl. XLIX; *Der Nersessian S. The Illustrations*. . . P. 218, 222. Fig. 14.

¹⁰⁸ *Mavrogordato J. Op. cit.* P. 220—221 (v. 3371—3378).

⁹⁵ *Mango C. The Art*. . . P. 221. Мы не присоединяем сюда серебряный крест из собрания Думбартон Окс. Р. Дженкинс приписывает его Михаилу Керуларии (*Jenkins R. J. H. Kitzinger E. A Cross of the Patriarch of Michael Cerularius* // *DOP*. 1967. N 21. P. 233—249). Его иконография связывается с претензиями честолюбивого патриарха на первенство по отношению к императору: она демонстрирует подчинение императорской власти церковной. Эта интерпретация, хотя и весьма распространенная (см., например: *Wessel K. Kaiserbild*. Sp. 825), представляется маловероятной; см. замечания А. Грабара в: *Cahiers Archéologiques*. 1970. 20. P. 235—236.

⁹⁶ Из последних работ см.: *Djurić V. J. Novi Iusus Navin* // *Zograf*. 1983. 14. P. 5—16, где даны памятники и наиболее важная библиография темы «император — «новый Иисус Навин».

⁹⁷ Fol. 226^v: *Omout H. Miniatures*. . . Pl. XL. Речь идет об изображении (справа) Иисуса Навина, коленопреклоненного перед ангелом, перед взятием Иерихона (*Ieshua*. V. 13—15) и Иисуса (налево) с поднятой рукой, останавливающего солнце, и в то время как его армия крушит неприятеля (*Ieshua*. X. 12—13). Другие сцены из жизни Иисуса Навина представлены на Fol. 424^v: *Omout H. Miniatures*. . . Pl. LV.

⁹⁸ *L'Art byzantin — art européen*. P. 155—156. N 39, 40, 41. Другое свидетельство популярности Иисуса Навина в X в. — это идентификация конной статуи на форуме Тавра (вероятно, Феодосия I) с Иисусом Навином, задерживающим солнце: *Πάτρια Κωνσταντινουπόλεως*. 47 // *Scriptores originum Constantinopolitanarum* / Ed. Th. Preger. Leipzig, 1907. II. P. 176.

⁹⁹ *Mavrogordato J. Op. cit.* P. 222—223 (v. 3406).

¹⁰⁰ *Weitzmann K. The Joshua Roll: A Work of the Macedonian Renaissance*. Princeton, 1948.

¹⁰¹ Мы следуем вполне вероятной гипотезе М. Шапиро (*Schapiro M. The Place of the Joshua Roll in Byzantine History* // *Gazette des Beaux-Arts*. 1949. 35. P. 161—176).

¹⁰² См. выше. С. 153; *Jerphanion de G. Op. cit.* P. 530—531. См. также: *Thierry N. Haut Moyen Age*. . . P. 47.

¹⁰³ По мнению Л. Родли, выбор этой сцены, вероятно, объясняется также посвящением (предполагаемым) церкви архангелу Михаилу (*Rodley L. Op. cit.* P. 322). Именно этот эпизод жизни Иисуса Навина встречается чаще всего, чтобы напомнить о той помощи, которую бог оказал его солдатам. Другой ранний (но фрагментарный) пример — это изображение декора фасада церкви Панагии в Хосиос-Лукас. Ср.: *Thierry N. Haut Moyen Age*. . . P. 47 et Not. 3 (там же основная библиография вопроса). Из последних работ см.: *Connor C. L. The Joshua Fresco at Hosios Loukas* //

одним из самых замечательных примеров того, каким образом в эпоху македонской династии искусство служило мистике, которой окутывали императорскую власть¹⁰⁹.

* * *

При изучении отображения императорской власти в искусстве эпохи македонской династии важно в первую очередь помнить о фрагментарном характере источников, поскольку большая часть памятников и произведений светского искусства погибла, а нарративные источники лишь отчасти компенсируют эту потерю. Поэтому, учитывая специфику источников информации, следует быть особенно осторожными в выводах.

Значительное число сохранившихся произведений, отражающих императорскую идеологию и пропаганду (золотые монеты, изделия слоновой кости, ювелирные изделия, иллюминированные рукописи) было предназначено для элитарной публики, причем сам материал соперничал с изображением, которое должно было вызывать восхищение тех, кто их видел, — подданных империи или чужеземцев.

Искусство официальной пропаганды скорее бедное. Формы изображения правящих императоров ограничиваются небольшим числом условных типов; при этом торжественный фронтальный портрет императора, лишенного всех своих регалий, остается наиболее распространенным отображением его священной власти. Этот условный характер официальной иконографии, воплощающий идеальный образ императора, тесно связан со стремлением укрепить стабильность власти, легитимность ее обладателя и континуитет самой империи.

Характерным для данной эпохи является стремление, ставшее отныне обычным, связать образ императора с образом Христа, девы Марии или святых. Официальное искусство отдает предпочтение сюжетам, которые показывают василевса в его отношении к богу и восхваляют его главное качество — благочестивость. Особенно примечательным является успех в изображениях эпохи македонской династии темы символической коронации монарха как выражения божественного происхождения его власти. Как придворные церемонии этой эпохи имеют тенденцию к тому, чтобы превратиться в истинно литургическое действо, так и придворное искусство все больше пронизывается элементами религиозной иконографии¹¹⁰. Власть мыслится, в первую очередь, как эманация божественной власти; церемониал и искусство напоминают всем обо этом фундаменте императорской идеологии.

Репертуар сюжетов расширится, если принять во внимание произведения, которые на первый взгляд не связаны с политической мыслью, а косвенным образом прославляют императорскую власть, сравнивая правящего василевса с Константином Великим или с библейскими героями. Хотя сам по себе подобный способ не был новым, но в эпоху македонской династии к нему, по всей видимости, прибегали более систематически и более умело, в соответствии с оживлением Константиновых теорий о царстве идеальном, всемирном и вечном, с которым отождествляется Византийская империя, пользующаяся божественным покровительством и предназначенная для выполнения мистической и ниспосланной Провидением миссии¹¹¹.

Что касается официальных портретов и типологии иконографии, то следует сказать, что образ власти остается условным и «всеобщим» поскольку он, за редким исключением, не относится к конкретным историческим событиям, личным подвигам и свершениям отдельных монархов даже и тогда, когда создание тех или иных произведений связано с конкретными фактами. Для этой эпохи характерно равнодушное отношение к событиям, безразличие к современным реалиям. Лишь позднее, начиная с XII в., начинает проявляться некоторый интерес к запечатлению конкретных исторических событий¹¹².

Вместе с тем иконография отражает, но на более широком уровне, интересы и заботы людей того времени. Она отличается от иконографии предшествующего и последующего времени подчеркнутым вниманием к темам, прославляющим религиозные и гражданские добродетели василевса в ущерб изображениям традиционного триумфального цикла. Военные качества императора даются на втором плане и, когда они присутствуют (особенно при изображении императоров-полководцев Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия), они оказываются подчиненными теме божественного покровительства. Искусство подтверждает в данном случае прооймионы и «княжеские зеркала», т. е. другие памятники официальной идеологии. Лишь с конца XI в., при Комнинах, военные доблести василевса вновь начинают прославляться¹¹³. Далекая от того, чтобы быть неизменной, иконография, отражает изменения представлений об императоре, хотя делается это не путем создания новых сюжетов, а путем выбора из сравнительно устойчивого репертуара традиционных образов¹¹⁴.

¹⁰⁹ То, что рукопись и ее иллюстрирование было задумано Фотием, выдвинуто как гипотеза С. Дер Нерсесян (*Der Nersessian S. The Illustrations...* P. 227). Недавно этот факт был убедительно доказан Л. Брубейкер (*Brubaker L. Politics, Patronage and Art in ninth-century Byzantium: The Homilies of Gregory of Nazianzus in Paris* (Paris. gr. 510) // *DOP*. 1985. N 39. P. 1—13).

¹¹⁰ А она, в свою очередь, испытывает влияние со стороны придворного искусства. См.: *Grabar A. L'Empereur...* P. 224 et suiv.; *Idem. L'Art religieux...* P. 156 et suiv.

¹¹¹ В уточненной и изысканной форме, в какой он встречается в рукописи Paris. gr. 510, этот способ, по-видимому, использовался лишь в произведениях, предназначенных для элиты. Но живопись в Каппадокии показывает, что он был знаком и менее привилегированным кругам.

¹¹² *Magdalino P., Nelson R. Op. cit.* P. 123 et suiv.

¹¹³ Ср.: *Kazdan A. Certain Traits of Imperial Propaganda in the Byzantine Empire from the eighth to the fifteenth Centuries* // *Prédication et propagande au Moyen Age. Islam. Byzance. Occident.* P., 1983. P. 13—28.

¹¹⁴ Это исследование отображения власти в Византии могло бы быть расширено за счет сопоставления византийских изображений с западными и мусульманскими. О пользе подобного метода см., например: *Sourdel-Thomine J. L'expression symbolique de l'autorité dans l'art islamique* // *La notion d'autorité au Moyen Age. Islam, Byzance, Occident.* P., 1982. P. 273—286.

А. Л. ЯКОБСОН

ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ АРХИТЕКТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ХЕРСОНЕСА

Закономерности в развитии средневековой архитектуры наиболее отчетливо прослеживаются в зодчестве крупных центров — городских и монастырских¹. Однако архитектурный материал из провинциальных и отдаленных областей, лежащих в стороне от них, важен не только сам по себе, но и для дополнительного обоснования закономерностей развития. К таким областям относятся и Таврика.

Архитектура в этой византийской провинции и, прежде всего, ее столицы — Херсона (Херсонеса) в этом отношении очень интересна и выразительна. Правда, не все этапы ее всеобщего развития представлены здесь — вероятно оттого, что не всегда имелись достаточные материальные возможности для возведения технически и художественно сложных сооружений, да и вряд ли были необходимые для этого высококвалифицированные кадры. Но Херсонес в средние века существовал на протяжении тысячелетия, и поэтому на его архитектурном материале яснее и полнее, чем во многих других регионах, видны направление и судьба процесса развития зодчества.

Обратимся к раннему средневековью — V—VII векам.

Архитектурный материал того времени в Херсоне разнообразен и показателен. Но, чтобы понять его, следует обратиться к некоторым общим явлениям, на фоне которых он только и может приобрести подлинный смысл.

Самый ранний этап в зодчестве средневековья — это архитектура замкнутой христианской общины, сельской или городской. Он представлен многочисленными малыми храмами IV и V вв. в Малой Азии, в Сирии, Месопотамии, в Армении и Грузии — церквями большей частью однефными, но нередко и трехнефными, столь же замкнутыми, как и сами общины; церкви отличаются массивными стенами, полностью лишены какой-либо разработки, их освещают лишь немногие щелевидные окна; интерьер погружен в «божественный мрак», способствовавший, по понятиям того времени, общению с божеством. Об этом писал идеолог христианства Псевдо-Дионисий Ареопагит² еще в конце V или начале VI в.

Несомненно, такие замкнутые церкви были и в Херсонесе, но в процессе длительного и настойчивого насаждения христианства они были уничтожены, чтобы уступить место большим храмам, как это происходило и в городах центральных византийских областей — Константинополе, Фессалониках, повсеместно в Греции, в западной части Малой Азии в противоположность христианскому Востоку.

Но с победой христианства, с закреплением позиций и власти церкви надобность в такого рода малых церквях, словно отрешенных от внеш-

него мира, отпала. Наоборот, появилась потребность в храмах максимально вместительных, предназначенных для всех. В наибольшей степени этому требованию удовлетворяла базилика — простой в своей основе трехнефный храм, перекрытый деревянными фермами. Базиликальная структура была принята во всех странах Восточного Средиземноморья и Закавказья — в центральных областях Византии, в Греции, в Малой Азии, в Сирии, в Месопотамии, в Армении и Грузии, но везде — это важно подчеркнуть — в формах более или менее сильно различающихся, что особенно ощутимо при сравнении, скажем, базилик Греции и Сирии или даже соседних Сирии и Малой Азии.

В Херсоне этот этап широко представлен целой серией больших базилик эллинистического типа в виде трехнефных зал, с рядами колонн и выступающей апсидой (у более древних базилик — снаружи гранной, у более поздних — полукруглой). Раскопками открыты остатки 10 базилик (рис. 1, 2)³. Главной из них была, несомненно, так называемая Уваровская базилика, о чем говорит ее наибольший размер, наличие атриума с фиалом и само расположение храма: к нему ведет одна из наиболее широких улиц, непосредственно переходящая в нартекс (рис. 3).

Базилики Херсонеса внутри выглядели довольно скромно, но все же не оставались без украшения: полы, преимущественно боковых нефов, были выложены орнаментальной мозаикой, стены нередко облицовывались мраморными плитами, конха апсиды сплошь покрывалась голубой мозаикой. Зато снаружи эти обширные храмы были аскетически скромны, фасады не разработаны; единственным их украшением являлась смешанная кладка (*opus mixtum*) с чередованием слоев подтесанного камня и кирпича. Эффект здания заключался внутри него. Эта особенность закономерна самым различным по композиции базиликам.

Характерно, что, как показали раскопки, одну из базилик, первоначально построенную в V в., в следующем столетии сочли необходимым расширить. Она находится на северном берегу города и раскопана в 1935 г. (рис. 1 а)⁴. Такого рода перестройка (расширение храма) отвечала велению времени. Можно поэтому думать, что она была в Херсонесе не единственной в то время.

По своей форме базилики Херсонеса довольно однообразны и наиболее близки к константинопольской архитектурной школе, в чем убеждают также памятники, как храм Студийского монастыря (463 г.). Постоянная связь Херсонеса с Константинополем в то время и зависимость от него — политическая и культурная — делает вполне понятной такую близость. Поэтому монументальная архитектура Херсонеса того времени в особую область раннесредневекового зодчества выделена быть не может, что подтверждают и ее существенные отличия от базилик Греции и, тем более, — Малой Азии, Сирии и других стран. Совпадает лишь сам базиликальный принцип, доминировавший во всех странах Восточного Средиземноморья и Закавказья, что объясняется глубокими социальными причинами, о которых говорилось выше. В этом нельзя не видеть одно из проявлений закономерности развития архитектуры при различии конкретных форм базилик. Влиянием эту принципиальную общность объяснить нельзя.

Дата большинства базилик Херсонеса вряд ли выходит за пределы VI—может быть, начала VII в. В этом убеждает не только множество аналогично датированных церквей Греции, Константинополя и Малой

³ Две базилики, западная и восточная. (рис. 2а, б), находятся на окраинах города, на северном берегу расположены сразу 4 базилики: Уваровская, № 22 (рис. 1б) и базилика, раскопанные в 1935 г. (рис. 1а) и 1932 г.; одна — на акрополе (рядом с новым собором), две в западной части города, наконец одна — так называемая базилика Крузе с триконхальной алтарной частью — в юго-восточном районе города, на спуске к Карантинной бухте. Обзор материала см.: Яковсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. 63. Гл. III.

⁴ Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1935—1936 гг. Симферополь, 1938. С. 80—89.

¹ См.: Яковсон А. Л. Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры. Л., 1983.

² См.: Аверинцев С. С. Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к средневековью // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 54, 57.

Азии, но и общая историческая ситуация в Северном Причерноморье: активная византийская политика в этом районе, особенно при императоре Юстиниане, стремившемся укрепить власть империи, прежде всего в столице края — в Херсонесе, а также усиление влияния церкви, что требовало интенсивного строительства больших базилик⁵.

Большинство их было центральной постройкой целого архитектурного комплекса, включающего усыпальницу, меморию, крещальню, принадлежавших уже иным архитектурным темам — центрическим.

Прежде всего кратко остановимся на крестообразных постройках — мавзолеях-мавзолеях, пристроенных к базиликам (восточной и западной) (рис. 2), но возводили их и отдельно. Таких в Херсонесе открыто три; один — на агоре (на акрополе; остатки его сохранились под нынешним новым собором), другой — в центре города (№ 19) и третий — за городом, сооруженный над пещерным склепом.

Крестообразный храм № 19 с апсидальным полукружием имел с северо-восточной стороны пастофорий с апсидой и водоемом, служивший крещальней; в алтарной апсиде с синтроном была замурована мощехранилища VI в. Загородный храм, входивший, как убедительно показал Д. В. Айналов, в состав монастыря Богородицы Влахернской с усыпальницей Мартина I⁶, имел форму креста с равными ветвями и входом со всех четырех сторон, не позднее, вероятно, в конце VI или начале VII в. превращен в церковь с синтроном в восточной ветви креста (как в церкви № 19).

Ветви всех этих меморий-мавзолеев были, несомненно, перекрыты полуцилиндрическими сводами, а центральная часть наиболее крупных них, отдельно стоящих, возможно, имела, судя по толщине стен (более 1 м), кирпичный свод (купол), как в аналогичном мавзолее Галлы Платидии 425 г. в Равенне (Италия). Стены мавзолеев, пристроенных к базиликам, были тоньше и вряд ли могли выдержать купол; средокрестье скорее всего венчалось деревянным шатром.

Крестообразные мавзолеи в странах Восточного Средиземноморья в эпоху раннего средневековья были, как известно, явлением повсеместным, особенно на христианском Востоке; поэтому связать их форму, античную по происхождению, с каким-либо определенным архитектурным кругом того времени затруднительно. Но больше всего аналогий начиная с IV в. дает Малая Азия⁷. В Константинопольской архитектур-

ной школе крестообразные мавзолеи встречаются реже, зато наиболее полное сходство имеет упоминавшийся мавзолей Галлы Платидии в Равенне, архитектура которого тяготеет к византийскому Востоку.

Более определенные указания в этом отношении может дать небольшая, но монументальная купольная крещальня, построенная в VI в. рядом с Уваровской базиликой⁸ (рис. 3).

Появление в Херсонесе купольной, хотя и небольшой постройки знаменательно. Она связана с новым этапом в развитии монументальной архитектуры не только восточносредиземноморских стран, но и всего Ближнего Востока, включая Закавказье, а также Ирана — купольной, наиболее совершенной архитектуры. Базилика как форма культового здания всюду кроме Сирии (но это особая тема) начала отходить в прошлое. Процесс этот везде имел одно и то же содержание, одинаковую направленность, хотя формы проявления его были повсюду различны. Определяющей и здесь была закономерность развития.

В основе этих разительных перемен были идейные предпосылки, ясно обозначившиеся еще в V в. и вполне оформившиеся в VI в. Они выражали новые тенденции в господствующей христианской идеологии, направленные, в конечном счете, на усиление влияния церкви. Средством служили художественные формы монументальной культовой архитектуры.

В VI в. менялась литургия, олицетворявшая основные идеи восточно-христианского мировоззрения. Каждому обряду стали придавать символический смысл. Храм начали трактовать как вселенную, космос. Средоточием храма должен был стать небесный свод, воплощенный в куполе, который приобрел значение великого символа. Эта идейная концепция зарождалась еще в IV в. со времени Евсевия Памфила, Феофила и Василия Великого⁹. Так был проложен путь к возрождению купола — еще античной формы (напомним римский Пантеон, начало II в. н. э.). Но поначалу куполом перекрывали лишь небольшие центрические здания — мавзолеи и баптистерии; церковь в то время еще не была подготовлена к осуществлению концепции своих идеологов, педших впереди времени, а зодчие еще не нашли адекватных их идеям форм. Это произошло только в VI в., когда куполом стали венчать и большие храмы¹⁰.

Как видим, эти архитектурные новшества и перемены не обошли и далекий Херсонес, хотя и получили здесь отражение весьма скромное и провинциальное — очевидно, в силу отсутствия материальных возможностей создания больших купольных зданий. Но и небольшая купольная крещальня, возведенная здесь, очень показательна. Она, как я старался показать, отражает глубоко закономерный процесс, охвативший огромный район.

По своей архитектуре Уваровская крещальня представляет собой крайне упрощенный и вместе с тем очень своеобразный вариант центрической византийской композиции, сложившейся к VI веку в виде увенчанного широким куполом круглого или октогонального пространства, куда обращены экседры — четыре или более, — окруженные обходом. Композиция эта представлена такими памятниками, как церковь Сергия и Вакха в Константинополе (527 г.) и Сан Витале в Равенне (546—548 гг.). Упрощенность Уваровской крещальни вызвана была малыми

(кипарисы по сторонам креста под аркой) находит точную аналогию именно в Малой Азии, и также на лицевой стороне водоема для крещения. См.: MAMA. VII. 1956. № 8. 3006. S. 67. Taf. 18.

⁸ См.: Яковсон А. Л. Указ. соч. С. 207—211.

⁹ Сочинения Евсевия Памфила. СПб., 1848. Т. I: Церковная история. С. 563—574 (о церкви в Тире); Сочинения древних христианских апологетов. М., 1867. С. 199—200; Творения Василия Великого. СПб., 1911. Т. I. С. 10; Комеч А. И. Символика архитектурных форм в раннем христианстве // Искусство Западной Европы в Византии. М., 1978. С. 220.

¹⁰ Восторженное описание большого купольного храма содержит гимн в честь храма в Эдессе (в южной Сирии), написанный в VI в. См.: Dupont-Sommer A. Une hymne syriaque sur le cathédrale d'Edesse // Cahiers Archéologiques. 1947. II. P. 30—31.

⁵ В последнее время появилось иное мнение относительно дат базилик Херсонеса. См.: Кутайсов В. А. Четырехапсидный храм Херсонеса // СА. 1982. 1. С. 165. Автор отдает предпочтение концу VI, но главным образом VII в., ссылаясь на старые работы (Бертье-Делагард А. Л. Раскопки Херсонеса // МАР. 1893. 12. С. 33, 51; Репников Н. И. О датах базилик Херсонеса // Архив ЛОИА, р=1. Ф. 10. № 3. Л. 51, 52) и на материалы раскопок Уваровской базилики (Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1901 г. // ИАК. 1902. Вып. 4. С. 81), а также на отсутствие указания на храмовое строительство в Херсонесе в трактате Прокопия — современника Юстиниана (*Procop. Caesar. De aedificiis*. III. 7; рус. пер. см.: ВДИ. 1939. 4. С. 249). Но все эти ссылки неубедительны. А. Л. Бертье-Делагард указывает неопределенную дату (VI или конец VI — начало VII в.), исходя лишь из самых общих соображений, ничего определенного не заключающих. Документальный материал приводит лишь К. К. Косцюшко, следовавший Уваровскую базилику и сообщаящий, что западная стена притвора (нартекса) пропала над колодцем (к), в котором найдено 112 монет, в том числе монета Флавия Тиберия Маврикия (582—602), что свидетельствует, по мнению К. К. Косцюшко, о том, что базилика «не могла быть сооружена ранее VII в.» (Косцюшко-Валюжинич К. К. Указ. соч. С. 81; ОАК за 1901 г. С. 34). Но западная стена нартекса могла быть переложена в конце VI или начале VII в. и дату основного здания базилики поколебать не может. Что касается Прокопия, то и это соображение столь же неубедительно, так как он писал трактат по собственным наблюдениям и в Таврике не бывал, а сведения о византийском строительстве в этом крае носят самый общий характер, без конкретных указаний. Говоря о датах базилик Херсонеса, автор почему-то не использовал большой параллельный материал, приведенный в нашей монографии (Яковсон А. Л. Указ. соч. С. 177—178, 182—185).

⁶ Айналов Д. М. Мемория св. Климента и св. Мартина в Херсонесе. Древности // ТМАО. 1916. XXV. С. 81 и след.

⁷ Библиографические указания приведены в кн.: Яковсон А. Л. Указ. соч. С. 204—205. Кстати сказать, рельеф на водоеме в крещальне крестообразного храма № 19

размерами здания и выражается в отсутствии обхода, а экседры выступают наружу и лишены колонн (создающих ажурность), они монолитны. Но все же зависимость Херсонесской крепости от византийских композиций несомненна, и потому это здание вернее всего отнести к столичной архитектурной школе к купольному этапу ее развития.

Другое центрическое купольное здание в Херсонесе было открыто в юго-западной части города и представляет собой более крупную постройку — тетраконх в виде четырех больших экседр, обращенных к центру здания, некогда, несомненно, перекрытого куполом, на что указывает массивность устоев на стыке экседр (2,5—3 м), как и толщина стен (1,4 м) при общем диаметре здания внутри 19 м. Являлось оно, по всей вероятности, мавзолеем и также относится к раннему средневековью — скорее всего, ко второй половине VI в.; В. А. Кутайсов датирует его, как и базилики, VII веком¹¹.

Следующие два столетия — VII и VIII — наиболее темные в жизни города. Это, по-видимому, века экономического застоя, на что указывает прекращение чекана собственной монеты, иначе говоря, резкое сокращение денежного обращения и торговли. С другой стороны, на Херсонесе не могли не отразиться внешние политические перемены: в 30-х годах VII в. от Византии отпали захваченные арабами Сирия, Палестина и Малая Азия, торговля с которой питала город. О резком упадке Херсонеса и о голоде в нем красноречиво говорят сообщения папы Мартина, сосланного сюда в 655 г. Продовольствие изредка привозили в город суда из Италии и Понты (т. е. Малой Азии). Херсонес в это время обезлюдел, обнищал и словно вымер. Не случайно и отсутствие в Херсонесе ясно выраженного культурного слоя VIII и даже первой половины IX в., до сих пор не выявленного. Наконец, вторая половина VII и VIII столетия ознаменовались передвижением в Таврику болгарских племен, нахлынувших сюда из Приазовья после распада союза племен Великой Болгарии, входившего в состав Хазарской державы. Население захиревшего Херсонеса начало, вероятно, покидать его, переселяться в сельскую округу и на южный берег, во вновь народившиеся поселки — в районы, где именно тогда возникли большие гончарные центры.

Все это не могло не сказаться на монументальном строительстве, которое в Херсонесе прекратилось. Но в X в. наметились коренные перемены в общей экономической и социальной обстановке в обширной зоне стран Восточного Средиземноморья, Причерноморья, Восточной Европы и Закавказья. Вторая половина средневековья (IX—X—XIV—XV вв.) — это эпоха окончательного сложения феодальных отношений, повсеместного и интенсивного роста городов — ремесленных и торговых центров¹², роста монастырского землевладения, что в целом оказало непосредственное и сильное влияние на зодчество. Вместе с тем, это эпоха сложения и усиления югославянских стран (Сербии, Болгарии), возникновения Русского государства, возрождения стран Закавказья (Армении и Грузии), образования рядом с ними мусульманского Азербайджана. Все эти процессы, шедшие более или менее одновременно, в целом, позволяют говорить о наступлении новой эпохи в названных странах.

Не обошли они и Херсонес, жизнь в котором в X в. также начала оживляться. Возобновилась чеканка собственной монеты, продолжавшаяся весь X в.; о расширении производства и торговли свидетельствуют и печати херсонесских коммерциантов, о возрождении города говорит и усиленная его застройка в конце IX и в X вв., что установлено раскопками. Археологический слой того времени, датируемый множеством монет, наиболее мощный среди других средневековых слоев городища. Возобновилось и монументальное строительство, памятники которого

дошли до нас. К X—XI вв. можно отнести церковь на агоре (рядом с нынешним собором), пятиапсидный храм в западной части города (уничтоженный немецко-фашистскими оккупантами) и так называемый шестистолпный храм на северном берегу.

Новая эпоха поставила перед зодчими новые проблемы. Под влиянием глубоких социальных перемен и порожденных ими идейных сдвигов сложился новый архитектурный стиль. Проявления его были многочисленны и многогранны. Он сказался и в архитектурной композиции, и в сокращении масштабов зданий — храмы в ту эпоху большей частью создавались для определенного круга общества: для прихожан того или иного городского квартала, в привилегированном и замкнутом монастыре, в княжеском замке. Время, когда храмы строились для всех, все больше отходило в прошлое. Зато уменьшение масштабов храмов все отчетливее и резче сопровождалось повышением их пропорций, усилением их вертикальной оси с целью выделить их среди окружающей застройки. Устремленность вверх масс храма ассоциировалась с его красотой и придавала новое эмоциональное выражение архитектуре, рассчитанной на восприятие не только и не столько изнутри храма, сколько снаружи, что дало новый толчок к интенсивному развитию купольной архитектуры, специфичной в каждой стране. Экстерьер, т. е. наружный облик, с течением времени всюду и везде приобретал все большее, преимущественное значение.

Эти новые тенденции в развитии архитектуры наглядно передают названные памятники Херсонеса. Все они воспроизводят крестово-купольную структуру в виде вписанного креста и очень ограничены по внутренней площади.

Первый из них — храм на агоре (по счету Археологической комиссии № 29) — открыт еще в 1861 г.¹³ (рис. 4а). Композиция храма представляет собой вписанный крест «простого» варианта (без вимы), т. е. с приблизительно равными ветвями креста и с выделенными, почти изолированными угловыми помещениями. У храма — одна полукруглая апсида, а вдоль южной стороны шла узкая галерея. Размеры храма небольшие: внутри 16×19 м (вместе с апсидой), ширина ветвей креста — около 5 м.

Ветви креста, судя по толщине стен, были перекрыты полуцилиндрическими сводами, крестообразно сходящимися к центру, увенчанному куполом на барабане. Угловые части были несомненно понижены, выделяя основной архитектурный крест. Учитывая общую композицию, а также кладку из крупных гладкотесаных блоков и наличие одной апсиды, здание это вернее всего отнести к IX в.

Основная архитектурная особенность храма — расчлененность его внутреннего пространства, крайне ограниченного и как бы сжатого. Именно эти качества были характерны для нового этапа средневековой архитектуры всех стран средиземноморского бассейна, включая и Причерноморье.

Правда, на христианском Востоке этот стиль формировался еще в раннем средневековье — в VI—VII вв. Такие храмы известны в Сирии и Месопотамии¹⁴, но чаще они встречаются в Малой Азии¹⁵, однако полностью такая композиция утвердилась лишь в эпоху зрелого средневековья — в IX в. В этом убеждают ближайшие аналогии херсонесскому храму — церкви VIII в. на островке близ Амастры на южном берегу Пропонтиды (т. е. на северном побережье Малой Азии), в Фессалонии

¹³ Якобсон А. Л. Указ. соч. С. 215—217.

¹⁴ В северной Сирии — иль Андерин (VI в.), в Месопотамии — Загородная церковь VI в. в Русафе. См., например: Брунов Н. И. Очерки по истории архитектуры. М., 1935. II. С. 485—486.

¹⁵ Они известны в Бинбиркилисе (Каппадокия), в Махалеч (в Ликаонии), такова постройка V в. к базилике Аладжа-Яйла (Ликаония) и другие (см.: Ramsay W., Bell G. The thousand and one Churches. L., 1909. Fig. 148, 198; Rott H. Kleinasienische Denkmäler. Leipzig, 1908. S. 318, Abb. 118; Strzygowski J. Kleinasien. Leipzig, 1903. S. 139).

¹¹ Кутайсов В. А. Указ. соч. // СА. 1982. I. С. 155—169.

¹² Острогорский Г. А. К истории имунитета в Византии // ВВ. 1958. XIII. С. 56. Ср.: С. 62, 64, 99; Удальцова З. В., Осипова К. А. Отличительные черты феодальных отношений в Византии // ВВ. 1974. 36. С. 9; Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977. С. 41—42.

ках — храм IX в. Кераментимджами¹⁶, в западной части Малой Азии, в древней Аполлонии (в районе Пергама)¹⁷ (рис. 4 г—е) и в византийской столице — храмы IX в. без предполагаемых обходов — (галерей) — Календер (Христа Акаталепта?) и Атик (церковь Петра и Марка?)¹⁸.

Данное направление было специфическим и, как говорилось, глубоко закономерным явлением. Здесь нам важно подчеркнуть, что рассматриваемый памятник на херсонесской агоре относится именно к нему. Херсонес, как видим, не выпадал из цепи закономерного развития средневекового зодчества в обширном регионе Восточного Средиземноморья.

Другой памятник — так называемый пятиапсидный храм в западной части городища, открытый в 1906 г.¹⁹ (рис. 4б). Он принадлежит к тому же крестово-купольному типу в виде вписанного креста «простого» варианта, т. е. без вимы, и с изолированными угловыми помещениями; отличался он лишь выступающими тремя апсидами и наличием двух приделов, также с апсидами; с западной стороны находился узкий нартекс.

Внутреннее пространство здесь еще сильнее сжато, площадь для прихожан еще больше сократилась. Данная черта, как и кладка из сравнительно мелких квадров (хорошо пригнанных и отесанных,) указывают на более позднюю дату, чем храм на агоре, что подтверждают и нумизматические находки при раскопках, позволяющие датировать здание первой половиной X в.

«Пятиапсидный» храм был несомненно купольным, как и храм на агоре, но о пропорциях его судить невозможно из-за ничтожной сохранности стен. Все же можно думать, что основной крестообразный массив здания, следуя тенденциям своего времени, был несколько повышен, а угловые части и приделы — понижены; общий контур храма, благодаря этому, был пирамидальным. Такая особенность принципиально отличает его от византийского столичного зодчества X в. и последующих времен, тем что внутренний крест крестово-купольного здания, встречающегося в столице исключительно в «сложном» виде, начинает сливаться с остальными частями здания благодаря исчезновению внутренних стенок.

Таким образом, можно признать, что зодчество провинциального Херсонеса X в. продолжало более тяготеть к Малой Азии, чем к столице, что тем не менее не может заслонить их связь с закономерным процессом архитектурного развития, общим и для Константинополя, и для Малой Азии.

Существенные отличия имеет так называемый «шестистолпный» храм (№ 34) в северной части города на берегу бухты²⁰. Это небольшое двухэтажное крестово-купольное здание. Верхняя церковь была четырехстолпной, причем устоями служили колонны (сохранились круглые следы их). С восточной стороны располагались три полукруглые апсиды. Столбы образуют квадрат 3,2×3,2 м, некогда, очевидно, перекрытый куполом на барабане. С западной стороны поставлены два устоя (один из них сохранил крещатость), соединявшиеся арками и отделявшие узкий пониженный нартекс. Внутри размер церкви без нартекса — 8×12 м.

Стены сложены из бутового камня, положенного на толстом слое раствора более или менее правильными рядами и подтесанного с лицевой стороны. Нижняя часть здания никаких проемов не имела и представ-

ляла собой костницу с массивными глухими стенами²¹. А верхняя часть, собственно церковь, являла иную картину. Все ее внутреннее пространство с узкими и короткими ветвями креста не было расчленено, наоборот, объединялось вокруг подкупольного объема. Выделен лишь нартекс. У верхней церкви стены были, по наблюдению Р. Х. Лепера, значительно уже и имели, возможно, облицовку каменными плитами и членение лопатками. Верхняя церковь была украшена мозаичным полом, зафиксированным М. И. Скубетовым.

Общий тип храма, полубутовая кладка и мозаичный пол склоняют нас к датировке его XI веком.

К заданию № 34 во всех отношениях очень близка совсем небольшая церковь — усыпальница в западной части северного берега города (по нумерации Археологической комиссии — № 9)²² — четырехстолпная, крестово-купольная, с тремя апсидами, из которых средняя выступает сильнее, и с нартексом. Нижний этаж занимала усыпальница, довольно сложная по планировке; она состоит из четырех массивных столбов, соответствующих верхним, трех продольных коридоров, крытых сводами, и усыпальниц в восточном конце их. Кладка здания, как и церкви № 34, — из подтесанного с лица бутового камня.

Церковь № 9 еще меньше, чем № 34, ее внутренние размеры всего 5,8×7,7 м (включая апсиду); она также лишена членений (лишь внутри стены имеют лопатки, на которые опирались арки, соединявшие устои). Фасады выглядят монолитно.

В таком виде оба эти здания принадлежат уже следующему этапу монументального зодчества восточноредиземноморских стран. Основная особенность их — это компактность объединенного внутреннего пространства с подкупольным объемом в центре, притом очень малого по площади и рассчитанного, очевидно, на очень ограниченный круг прихожан (может быть, одного-двух кварталов северо-восточного района города). Какая огромная разница между этими церквями и вместительными базиликами V—VI вв.! Объединенности всех частей храма способствует и замечена в храме № 34 массивных столбов тонкими колоннами (может быть, в храме № 9 были также колонны?).

Такого рода храмы появились в X—XI вв. в самых различных странах — и в Константинополе, и в Греции, и в югославянских странах, и в Малой Азии (в Трапезунде), но везде с теми или иными локальными отличиями. Это была опять-таки закономерная ступень в развитии монументальной архитектуры, проявившаяся повсеместно в период, когда церкви строились не для всех, а для замкнутого круга прихожан — обитателей жилого квартала города, городка или в монастырях, многочисленных, но мелких.

Однако композиционно наиболее близкие к херсонским храмы мы наблюдаем в Болгарии с ее церквями «простого» варианта, что уже одно отличает их от столичных храмов «сложного» типа. Это церковь Иоанна в Месемврии (Несебре) XI в., также с тремя апсидами, со слабо расчлененными фасадами (как, вероятно, и херсонские церкви № 34 и 9) и с аналогичной кладкой из полубутового камня, но еще с массивными столбами, а не колоннами²³, или церковь в селе Герман у Преспанского оз. (в северной Македонии), 1006 г., также со столбами и с нартексом. Объем зданиям свойственны приземистые пропорции. Очень близкие — и по композиции, и по строительной технике — церкви мы находим и в Греции. Назовем церковь Созона в Гераки (в Аттике), в Скала (бл. Гитион), Асомато в Булариях²⁴. Но тогда же, уже в XI в., в Преславе появились и храмы со свободно стоящими изолированными колоннами —

¹⁶ См.: *Якобсон А. Л.* Указ. соч. С. 218. Рис. 112.

¹⁷ *Mango C.* The Monastery of St. Constantine on Lake Apolyont // *Dumbarton Oaks Papers*. 1979. Vol. 33. P. 229—232.

¹⁸ См., например: *Брунов Н. И.* Архитектура Византии // *ВИА*. 1966. З. С. 87, 88.

¹⁹ ОАК за 1906 г. С. 66—78; *Brunov N.* Une église byzantine à Chersonèse // *Orient et Byzance*. IV: L'art byzantin chez les Slaves. 3-me partie. P., 1930. P. 25—34; *Якобсон А. Л.* Указ. соч. С. 218—220.

²⁰ *Лепер Р. Х.* Отчет о раскопках церкви // *Херсонесский сборник*. 1931. III. С. 109—117; *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес // *МИА*. 1950. № 17. С. 231—234.

²¹ *Лепер Р. Х.* Указ. соч. С. 112; *Брунов А. Н.* К вопросу о болгарских двухэтажных церковных гробницах // *Изв. на българск. археол. институт*. 1927. IV. С. 142—143.

²² Подробнее см.: *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес. С. 235—237.

²³ *Миятев Кр.* Архитектурата в средновековна България. София, 1965. С. 106—108.

²⁴ *Millet G.* L'école grecque dans l'architecture byzantine. P., 1916. P. 181, 239, 271.

храмы, близкие херсонесскому (№ 34)²⁵. В дальнейшем такая структура в монументальной архитектуре Византии, Греции, югославянских стран стала преобладающей. Но об этом ниже.

Таким образом, херсонесская церковь № 34 со свободно стоящими колоннами, а вместе с ней и церковь № 9 не выпадают из последовательно шедшего процесса развития, вполне соответствуют в нем формам, определившимся велениями времени, т. е. в конечном счете социальными условиями, а не субъективными влияниями. Иначе говоря, они были вполне закономерным явлением в архитектурном развитии восточносредиземноморских стран, как и предыдущая группа в виде вписанного креста.

К следующему этапу развития средневековой архитектуры мы можем отнести две другие, также крестовокупольные церкви Херсона — № 21 и № 6. Первая из них (№ 21) (рис. 5 а), находящаяся в бывшем монастырском саду, на северном склоне города, открыта раскопками 1895 г. и доследовалась еще в 1909 г.²⁶ Построенная на глубоко заложенном фундаменте небольшая крестово-купольная церковка с четырьмя устоями также «простого» типа, т. е. с равными ветвями креста, и с нартексом. Внутренние размеры наоса 5,3×7 м. Устои в своей нижней части, судя по одному из них, имели крещатый разрез, но на плане храма, составленном после раскопок М. И. Скубетовым²⁷, показаны четыре колонны, а не столбы; крещатыми были, вероятно, лишь их основания. Сохраняя крестово-купольную схему, храм имеет и ряд особенностей, придающих ему особый художественный облик. Во-первых, в храме лопатки имеются не только внутри здания, но и снаружи; они расположены в полном соответствии друг с другом и, очевидно, с внутренними устоями, причем наружные лопатки — двухступчатые и образуют глубокие впадины стен, чего в предыдущих зданиях не было. Благодаря такому глубокому и развитому расчленению фасады церкви приобрели пластичность. Стены, таким образом, трактовались как заполнение интервалов между основными структурными элементами. Эту особенность мы наблюдаем в византийском зодчестве уже в XI в., притом уже в развитом виде (Панагия Халкеон 1028 г. в Фессалониках и церковь Христа Пантеопта, ныне Эски-Имарет в Константинополе), затем в XII в. (церковь Феодоры, ныне Килисе-джами там же)²⁸, но обычной и обязательной эта черта стала в XIII—XIV вв., особенно в Болгарии и Сербии²⁹. Наоборот, крестово-купольные здания Греции и греко-восточных областей лишены этой особенности.

Трехступчатые в плане лопатки усиливали вертикаль в композиции храма, которая, несомненно, была свойственна ему и отличала от рассмотренных выше.

Другим важным признаком является уступчатость плана изнутри средней апсиды, придающая ей «перспективность», а снаружи — гранность всех трех апсид (средняя — пятигранная, боковые — четырехгранные), что очень характерно для архитектуры Константинополя и югославянских стран преимущественно в XIII—XIV вв.

Наконец, важно отметить сочетание бутовой кладки храма с гладко тесаными блоками и конструктивно ответственными членениями (лопатки, углы, вероятно, и арки) и наличие снаружи облицовки из гладко тесаных плит, точно пригнанных друг к другу, при полном отсутствии кирпича. В столичной византийской архитектуре такая система кладки

не встречается, зато она обычна в позднесредневековой архитектуре Малой Азии и прежде всего в Трапезунде (например, в храме Софии первой половины XIII в.) и в сельджукских постройках XIII—XIV вв. в районе Кони³⁰, техника и стиль которых находились в прямой зависимости от армянской средневековой архитектуры. Перенос строительной техники из Малой Азии в Херсонес был одним из проявлений повседневного общения этого центра Таврики с Трапезундом, определявшегося всей политической и экономической обстановкой того времени: в 1204 г. Трапезундское княжество превратилось в Трапезундскую «империю», от которой Херсонес и прилегающая к нему область на некоторое время (конец XII—начало XIII в.) был в зависимости. Связи Херсонеса с Сельджукией также хорошо известны.

Совершенно аналогична (вплоть до размеров) церковь № 6, расположенная в северо-восточной части города, рядом с главной улицей³¹ (рис. 5 б). Раскопана она в 1891 г.; сохранилось лишь основание, притом во фрагментарном виде, поэтому судить о деталях невозможно. Здание также являлось церковью — усыпальницей, крестово-купольной, четырехстолпной, «простого» типа с тремя апсидами и нартексом. Раскопки выяснили, что, подобно церкви № 21, устоями, как основными, так и отделявшими наос от нартекса, служили мраморные колонны. Стены внутри церкви имели против столбов лопатки; вероятно, они были и снаружи, но утрачены. Фасады были облицованы так же, как и стены церкви № 21, гладкотесаным камнем (сохранился цокольный ряд).

Оба небольшие херсонесские храмы-усыпальницы относятся к поздне-византийскому времени, скорее всего к XIII в. Они принадлежали, можно думать, городской общине какого-либо квартала и были, вероятно, посвящены «мученикам» — патронам этих кварталов (кстати сказать, в апсиде церкви № 6 найден небольшой мраморный саркофаг — мощехранилище с акротериями по углам). Оба храма составляют определенную стилистически единую группу, объединенную не только хронологически, но и общностью композиции, строительной техники и даже приблизительно одинаковыми размерами.

В этих двух храмах все характерно: и их малая площадь, и объединенность их внутреннего пространства, и его сжатость и компактность (боковые ветви креста крайне сужены и почти атрофированы), и замена столбов колоннами, и усложнение ритма архитектурных масс в виде системы углубленных членений, подчеркивающих пластику фасадов, и, несомненно, повышенные пропорции (ведь только ради этого придавали лопаткам сложный профиль, выделяющий вертикаль). Все эти особенности в эпоху позднего средневековья были свойственны архитектуре различных областей — и Константинополя, и Малой Азии, и Болгарии, и Сербии, и Древней Руси, но всюду с теми или иными локальными отличиями, отчетливо выраженными. Эти общие черты были, повторяю, не результатом влияний, а выражением общей закономерности развития архитектуры на позднесредневековом его этапе.

Но зодчество позднесредневекового Херсона, представленное храмами № 21 и № 6, конечно, не образует самостоятельную архитектурную группу. По-видимому, формы этих церквей теснее всего были связаны с провинциальным зодчеством Болгарии — зодчеством своеобразным и специфичным: сила закономерности проявлялась здесь прежде всего в единстве и общности самих архитектурных принципов, не подавлявших и не умалявших локальные формы. Однако, черпая в Болгарии архитектурные композиции, херсонские строители наслаивали на них черты зодчества Малой Азии (имею в виду Трапезунд), с которой повседневно общался Херсон и где находим прием гладкотесанной облицовки, не характерной для других областей (за исключением Закавказья).

³⁰ См., например: Sarre F. Reise in Kleinasien. В., 1896. Taf. VIII, XVIII, XXX, XXXIV, XXXV.

³¹ ОАК за 1891 г. С. 9; Айдалов Д. В. Памятники христианского Херсонеса. Развалины храмов. М., 1905. С. 126—128; Яковсон А. Л. Средневековый Херсонес. С. 239—240.

²⁵ Миятев Кр. Указ. соч. С. 109—110.

²⁶ Яковсон А. Л. Средневековый Херсонес. С. 237—239.

²⁷ Архив ГХМ. № 36. Л. 100.

²⁸ Ebersolt J., Thiers A. Les églises byzantines de Constantinople. P., 1913. Atlas. Pl. XXIX; для XIII—XIV вв. см.: Ibid. Pl. XLIX, LIV.

²⁹ См. свод материалов: Мавродинов Н. Единоробната и кръстовидната църква на Българските земи до края на XIV в. София, 1931 (для XI—XII вв. редко: С. 25, 53; для XIII—XIV вв. обычно: С. 13, 45, 63, 70, 79, 81, 85, 92, 100, 102, 104); Миятев Кр. Указ. соч. Рис. 168—187, 191—195, 234—238, 242.

Переноса в Таврику болгарские архитектурные формы, зодчие Херсона как бы включали свои произведения в общую цепь развития: херсонские храмы принадлежали тому же, что и в Болгарии, закономерно наступившему этапу позднесредневекового зодчества Средиземноморья.

* * *

Наша статья не претендует на исчерпывающую полноту. Некоторые памятники мы миновали, так как они ничего существенного не добавили бы к сказанному, например маленькие часовни-моельни, которых в Херсоне было довольно много³². Да и привлеченный материал далеко не полон. Надо иметь в виду, что рассмотренные здания дошли до нас в «археологическом виде», т. е. только в своих основаниях. Пространственную композицию мы могли более или менее уверенно представить лишь по аналогиям, а об архитектурном декоре, всегда очень показательном, могли судить лишь в отношении раннего средневековья — по мраморным капителям, фризам, преградам, мозаичным полам, а в более позднее время мы о декоре вообще почти ничего не знаем (за исключением мозаичного пола «шестистолпного» храма XI в. — № 34).

И все же наши заключения существенны. Они убеждают, что маленький провинциальный Херсонес на протяжении всего средневековья не отставал от монументального искусства своего времени и в меру своих материальных возможностей откликался на художественные явления современности, ясно отражая закономерные этапы архитектурного развития Средиземноморских стран.

³² Например, пристроенная к тыльной стороне куртины 19, близ башни Зинова, часовня к западу от восточной базилики или часовни на месте базилики, раскопанные в 1889 и 1932 гг., и другие. См.: *Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес*. С. 242—246.

Н. Н. НИКИТЕНКО

ПРОГРАММА ОДНОФИГУРНЫХ ФРЕСОК СОФИЙСКОГО СОБОРА В КИЕВЕ И ЕЕ ИДЕЙНЫЕ ИСТОКИ

Ансамбль однофигурных фресок Киевской Софии уникален как по количеству персонажей (более 500 изображений святых), так и по своеобразию их подбора и размещения. Это свидетельствует о значимости таких фресок в общей системе росписи, а также указывает на их особую роль в реализации идейного замысла заказчика. Вот почему важно определить принципы, которыми руководствовались составители программы росписи при подборе и размещении святых, что позволит уяснить общий идейно-декоративный замысел собора, прольет свет на вопрос о его авторстве и датировке. В научной литературе не было специального исследования, посвященного программе однофигурных фресок Киевской Софии, эта проблема затрагивалась отдельными авторами лишь косвенно. Так, Д. В. Айналов и Е. К. Редин высказали мнение, что подбор святых в росписи «обусловливается, с одной стороны, местным почитанием известных святых, с другой — почитанием их всею церковью»¹. В. Н. Лазарев попытался сопоставить размещение персонажей с церковным календарем, но никакой связи здесь не оказалось². Важную мысль выразил Г. К. Вагнер; предположив, что пантеон святых Софийского собора записан «от идеи храмовой росписи и посвящения самого храма» и содержал в себе «конкретно-исторические и догматические идеи»³.

Изучение однофигурных фресок подтверждает верность этого вывода. Так, в предыдущей работе⁴ мы пришли к заключению, что подбор и размещение святых осуществлялись соответственно заложенной в общую программу росписи идее торжества христианства на Руси. Такой вывод был сделан на основании изучения фресок нефа диаконника (придел Иоакима и Анны). Оказалось, что размещенные в нефе святые являются прототипами основоположников христианства на Руси — Владимира и Анны. Эта связь позволила предположить, что святые в каждом приделе выступали прообразами конкретных исторических лиц, внесших свой вклад в ее христианизацию. Дальнейшее изучение фресок дает возможность дополнить сделанные выводы и в определенной степени обобщить их.

Как выяснено в указанной работе, в восточном компартименте нефа диаконника написаны Константин Великий и Евстафий Плакида — прообразы Владимира, акцентирующие главные моменты деятельности князя — его личное крещение и объявление им христианства общегосударственной религией. Они изображены напротив друг друга, на пилонах соседних крестчатых столбов.

¹ *Айналов Д., Редин Е. Киево-Софийский собор: Исследование древней мозаической и фресковой живописи*. СПб., 1889. С. 100.

² *Лазарев В. Н. Фрески Софии Киевской* // В. Н. Лазарев. *Византизм и древнерусское искусство*. М., 1978. С. 107—108.

³ *Вагнер Г. К. Проблема жанров в древнерусском искусстве*. М., 1974. С. 82.

⁴ *Никитенко Н. Н. К иконографической программе однофигурных фресок Софийского собора в Киеве* // ВВ. 1987. Т. 48.

Есть основание связать с Владимиром еще двух святых в этом же компартименте — Николая⁵ и Пантелеймона⁶, представленных расположенными симметрично по отношению к фигурам Константина и Плакиды, на пилонах северо-восточного и северо-западного столбов компартимента. Изображение св. Николая встречается в соборе пять раз, св. Пантелеймона — дважды. Так, Николай представлен в «Святительском чине» главного алтаря, в центральном нефе (вышеназванная фреска), на юго-западном столбе хор (рядом с княжеским местом), в северной наружной и южной внутренней галереях. Причем в «Святительском чине» св. Николаю, как и Василию Великому, — патрону Владимира Свято-славича — выделено почетное центральное место: первый, следуя за архиdiaконом Стефаном, возглавляет левый ряд святителей, второй — за архиdiaконом Лаврентием — правый. В таком сочетании фигур Василия и Николая можно видеть связь обоих персонажей с одним и тем же лицом — Владимиром. Культ святителя Николая уже в XI в. имел на Руси общенациональный характер. «Прииди в Русь и виждь, — пишет автор его жития, составленного в XI в., — яко несть града, ни села, идеже не бепа чудеса многа умножена святого Николы»⁷. Можно полагать, что инициатором этого культа был христианизатор Руси Владимир.

Известно, что в XVII в. от лежавшей в руинах Десятинной церкви сохранялась юго-западная часть, о которой в «Кратком историческом описании Киево-Печерской лавры» (1795 г.) сказано: «Митрополит Петр Могила... в некоторое время пошел в церковь святителя Николая, оставшуюся по разорении Батыевым от великия, называемыя Десятинныя церкви»⁸. Полагают, что уцелела часть придела св. Николая, давшая позже название небольшой деревянной церкви, построенной на руинах древней⁹. Этому святому посвящен и придел на хорах Софии. Здесь издревле находилась утраченная в годы второй мировой войны икона Николая Мокрого, упоминаемая в его житии XI в.¹⁰ Дореволюционные исследователи датировали икону X в., полагая, что она современна крещению Руси при Владимире¹¹.

В росписи собора есть еще ряд свидетельств связи культа Николая с деятельностью Владимира. В северной наружной галерее напротив Николая написан святитель, имеющий сходную иконографию с Епифанием Кипрским, который фигурирует в «Святительском чине» главного алтаря. Несмотря на сильное повреждение фрески, в результате чего утрачена живописная фактура лица Епифания, придающая ему психологическую индивидуальность, в мозаике «Святительский чин» хорошо различимы удлиненный овал лица с мелкими чертами, огромные округлые глаза, высокий лоб, седые волосы, овальная челка, борода «лопатою». Аналогично Епифанию и облачение святителя — пурпурная фелонь и лентообразный омофор с крестами, напоминающим по форме кресты

на омофоре Николая, но имеющими более длинные и широкие перекрестья¹². Память Епифания Кипрского праздновалась 12 мая, тогда же, когда и освящение Десятинной церкви и, конечно, не случайно в мозаике «Святительский чин» Епифаний размещен рядом с папой римским Климентом, мощи которого Владимир привез из Корсуни и положил в Десятинной церкви. В древнерусской письменности Климент рассматривался как заступник, как патрон всей Русской земли¹³. Стало быть, в мозаике собора, как и в древнерусской литературе, прославляется одно из главных деяний Владимира по христианизации Руси — установление им общенационального культа Климента.

В арке галереи над Епифанием и Николаем — две фрески с сохранившимися именами святых¹⁴. Это — полуфигуры парных святых Адриана и Натальи, память которых приходилась на 26 августа. Но память св. Адриана и дружины праздновалась также 8 сентября по случаю перенесения мощей Адриана в Рим, где ему была построена церковь¹⁵. 8 сентября — день Рождества Богородицы, которой посвятили Десятинную церковь. Вырисовывается определенная связь между фигурами Николая, Епифания, Адриана и Натальи, размещенными в одной арке северной галереи, связь, прямо указывающая на деятельность Владимира по созданию церкви Богородицы Десятинной. В то же время такое сочетание святых, как и фигур святителей в «Святительском чине», выявляет проводимую в росписи параллель: Владимир — Николай¹⁶.

Великомученик Пантелеймон представлен в центральном нефе (напротив Николая) и в северной внутренней галерее. Этот святой, как повествует его житие, унаследовав богатое имение, помогал бедным, вдовам и сиротам и безвозмездно лечил больных. В древнерусской литературе при характеристике Владимира настойчиво звучит тема Владимира Милостивого, щедро одаривающего своих подданных и заботящегося о больных. У древнерусских книжников милостыня — главная и даже единственная из личных добродетелей Владимира, вводящая его в ранг небожителей¹⁷. Отсюда понятно отождествление Владимира с Пантелеймоном. Важно отметить, что в самых ранних памятниках древнерусской литературы — «Слове о законе и благодати» Илариона, «Памяти и похвале» Владимиру мниха Иакова, «Чтении» о Борисе и Глебе Нестора звучат три основных мотива канонизации князя: его личное крещение, крещение им Руси, его щедрость и забота о ближнем. Те же заслуги Владимира акцентируют главные фрески восточного компартимента нефа диаконника, изображающие Евстафия Плакиду, Константина Великого и Пантелеймона.

В западном компартименте этого же нефа, как и в западной части других приделов, фигурируют женские персонажи, что отражает действительный порядок размещения верующих в соборе. Здесь нами ранее персонафицированы изображения св. Елены и св. Анны — прототипов жены Владимира Анны. С княгиней Анной можно связать еще один персонаж западного компартимента. На столбе, соседствующем с севера

⁵ Логвин Г. Н. София Киевская. Киев, 1971. Рис. 128.

⁶ Там же. Рис. 167. В данном издании фигурирует старая атрибуция — «Целитель Кир». Но на этой фреске обнаружены граффити, называющие святого Пантелеймоном, что подтверждается и иконографией персонажа. См.: Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Киев, 1966. Вып. I. С. 41—52.

⁷ Леонид, архимандрит. Житие и чудеса св. Николая Мирликийского и похвала ему: Исследование двух памятников древней русской письменности XI века. СПб., 1881. С. 90.

⁸ Каргер М. К. Древний Киев. М.: Л., 1961. Т. 2. С. 12.

⁹ Описание Десятинной церкви в Киеве. Киев, 1872. С. 6; Никольский А. А. Начало храмоустройства на Руси // Владимирский сборник в память 950-летия крещения Руси. Белград, 1938. С. 116.

¹⁰ Леонид, архимандрит. Указ. соч. С. 90—93.

¹¹ Лебединцев П. Г. Описание Киево-Софийского кафедрального собора. Киев, 1882. С. 18—19; Петров Н. Н. Киев, его святыни и памятники. СПб., 1896. С. 115; Орловский П. Св. София Киевская, ныне Киево-Софийский кафедральный собор. Киев, 1898. С. 38—39. Н. Е. Макаренко, который видел икону после реставрации 20-х годов, называл ее «прекрасным произведением искусства». Он датировал ее временем не позднее XIV в., но допускал возможность и более ранней датировки (Макаренко Н. Е. Київ. Провідник / Ред. Ф. Ернст. Київ, 1930. С. 308).

¹² Характер омофора — главного атрибута святителей — является одним из наиболее устойчивых признаков их иконографии. Мозаика «Святительский чин» хорошо иллюстрирует индивидуальные типы омофоров святителей. См.: Логвин Г. Н. Указ. соч. Рис. 69, 75.

¹³ Лазров П. Л. Жития херсонских святых в греко-славянской письменности // Памятники христианского Херсонеса. М., 1911. Вып. 2. С. 174—175.

¹⁴ Логвин Г. Н. Указ. соч. Рис. 219, 226.

¹⁵ Сергий, архиепископ. Полный месяцеслов Востока. Владимир, 1901. Т. 2, ч. 1. С. 258; ч. 2. С. 340.

¹⁶ Это заставляет вспомнить восточнохристианский средневековый обычай давать два христианских имени — одно крестильное, второе тайное молитвенное, нарекавшееся в честь ближайшего ко дню рождения календарного святого (Дмитриевский А. Богослужение в русской церкви в XVI веке. Казань, 1884. Ч. I. С. 262—263; Голубинский Е. История русской церкви. М., 1904. Т. I, ч. 2. С. 428—429; М., 1911. Т. 2, ч. 2. С. 517). Нельзя ли допустить, что молитвенное имя Владимира было Николай?

¹⁷ Федотов Г. П. Канонизация святого Владимира // Владимирский сборник в память 950-летия крещения Руси. Белград, 1938. С. 196.

со столбом, где написана Елена, изображена святая в позе оранты, на ней богатые патрицианские одежды¹⁸. Надо сказать, что в отличие от святых мужей иконография святых жен менее дифференцирована, но и здесь есть характерные отличия, продиктованные агиографией. Если большинство мучениц, праведных и преподобных, изображаются в скромных хитонах и мафориях, святые жены особо знатного происхождения отличаются царскими либо патрицианскими одеждами, к тому же такое облачение обычно характеризует святых жен, живших в миру (т. е. светских лиц).

Показательна, к примеру, иконография св. Пелагии в Менологий. Василия II: она изображена дважды на одной миниатюре, сначала в богатых одеждах, затем монахиней. Это отражает особенности жития святой, которая, благодаря проповеди епископа Нонна, раздала богатство бедным и ушла в монастырь¹⁹. Интересно, что в альбоме Ф. Г. Солнцева святая-оранта и атрибутирована как «св. Пелагея»²⁰. Не исключено, что она может быть прототипом особо отличившейся перед церковью знатной светской женщины — княгини Анны, которая, по словам ее современника, арабского историка Яхьи Антиохийского, «построила многие церкви в стране русов»²¹. Анна — героиня курсунской версии крещения Владимира²², а это, возможно, отголосок ее церковного прославления. Об участии и роли ее в государственных делах свидетельствует церковный Устав Владимира: «И по сем съгадал есмь с своею княгинею с Анною и съ своими детми...»²³ Указание на совет Владимира с княгиней Анной и детьми относится к древнейшей основе Устава, принадлежащей времени Владимира²⁴. Оригинальное чтение о княгине Анне сохранили Волынская и Печерская редакции Устава, сообщающие о ее пожаловании Десятинной церкви: «И княгини моя всю безценную коузню, порты и злато, и камение драгое, и великий женчюгъ, иконы, и еуангелія, трапезы съсоуды царскими оукрасивши обогати»²⁵. Можно полагать, что и протоевангелийский цикл диаконника, акцентирующий темы благовещения, сретения (встречи) и обручения, прообразовывал события крещения Руси, связанные с биографией Владимира и Анны. Еще В. Н. Лазарев, отметивший необычность посвящения диаконника «богоотцам» Иоакиму и Анне, связал это с местными запросами²⁶. Думается, что не только посвящение приделов, но и сама роспись, синтезировавшая религиозные и политические идеи, воплотила в себе идейно-политические установки Древнерусского государства. Важно и то, что именно фрески диаконника и его нефа прославляют князей-крестителей Руси, — это отражает связь росписи с церковными службами и церемониями: византийские цари (а на Руси, по всей вероятности, князья) слушали литургию в примыкавшем к диаконнику Мутатории²⁷. Не случайно автограф Владимира Мономаха обнаружен в проходе из диаконника в смежное помещение²⁸.

Та же тенденция прослеживается и в росписи жертвенника, предназначенного для священнических действий (проскомидии)²⁹. Здесь развернуты сцены из жития апостола Петра, выступающего в новозаветном тексте основателем земной церкви, первым и главным наместником Христа в пастырском деле. Кроме того, Петр — первокреститель язычников, его учеником был папа Климент, считавшийся покровителем новообращенных народов; мощи Климента почитались на Руси как национальная святыня. Знаменателен сам подбор сцен, где центральное место занимают эпизоды в доме сотника Корнилия — проповедь равенства язычников и иудеев, первое крещение Петром язычников («Проповедь Петра», «Крещение в доме сотника Корнилия») ³⁰. Две сцены, входившие в цикл «Петр в доме Корнилия», утрачены; можно думать, что одна из них иллюстрировала кульминационный эпизод этого сюжета «Деяний апостолов» — «Сопещение св. духа на язычников». Именно здесь приводятся слова Петра: «Кто может запретить креститься водою тем, которые, как и мы, получили святого духа?» (Деяния апостолов, гл. II, 47). Эти идеи богопризвания язычников, равенства их с другими народами, находившие живой отклик в русском обществе, блестяще развиты современником создания Софии митрополитом Иларионом³¹. Тематика росписи жертвенника позволяет предположить, что фрески его нефа, в ряду которых первыми фигурируют Петр и Павел, связаны с русской церковной иерархией, установленной при Владимире.³² Это подтверждает своеобразный подбор и размещение святых: из 12 ростовых фигур восточного компартимента — 5 апостолов, 3 святителя, 2 мученика, 1 пророк и 1 ветхозаветный первосвященник. Главное место уделено фигуре первосвященника Аарона³³, против которого написан апостол — средовек. Их расположение симметрично фигурам Константина и Плакиды в противоположном приделе Иоакима и Анны, что можно объяснить следующим: так же, как Константин и Плакида прообразовывают князя — крестителя Руси, первосвященник и апостол — первого киевского митрополита. Такая трактовка созвучна древнерусской литературе: в житии Владимира князь называется «вторым Моисеем» «второго Иерусалима»³⁴. Аарон — первый библейский первосвященник, глава ветхозаветной иерархии при Моисее — вполне мог быть прототипом первого митрополита Руси.

Расположение святых в западном компартименте нефа жертвенника перекликается с размещением персонажей в аналогичном компартименте нефа диаконника: фигуре царицы Елены топографически соответствует фигура мученицы в царских одеждах, фигуре Анны — фигура Марии Магдалины³⁵, фигуре святой-оранты в патрицианских одеждах — фигура мученицы-патрицианки. Святая в царском облачении находит иконографическую аналогию с изображениями великомученицы Ирины на миниатюре IX в. в Трирской Псалтыри³⁶ и на фреске XII в. в церкви Спаса на Нередице³⁷. Такую персонификацию подтверждает и то, что

²⁹ Показательно, что Ерминия предписывает изображать в жертвеннике Христа-перее (Порфирий. Ерминия, или Наставление в живописном искусстве, написанное неизвестно кем вскоре после 1566 года // Труды Киевской духовной академии. 1867. Т. 3. С. 178).

³⁰ Логвин Г. Н. Указ. соч. Рис. 133, 152.

³¹ Молдаван А. М. Слово о законе и благодати Илариона. Киев, 1984. С. 78—100.

³² А. В. Поппе убедительно аргументирует основание русской митрополии в конце X в. (Поппе А. Заснування митрополії Русі в Києві // Український історичний журнал. 1969. № 6. С. 98—105).

³³ Логвин Г. Н. Указ. соч. Рис. 148. Этот святой находит полную иконографическую аналогию с мозаичным Аароном (Там же. Рис. 43—44).

³⁴ Голубинский Е. Указ. соч. М., 1901. Т. I, ч. 1. С. 235.

³⁵ На изображении этой святой найдено граффито, называющее ее Марией Магдалиной (Высоцкий С. А. Указ. соч. С. 90. Табл. XLIII, 1; XLIV, 1).

³⁶ Кондаков Н. П. Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI века. СПб., 1906. Табл. IV.

³⁷ Покровский Н. Стенные росписи в древних храмах греческих и русских. М., 1890. Табл. IV.

¹⁸ Логвин Г. Н. Указ. соч. Рис. 170.

¹⁹ Лицевой месяцеслов греческого императора Василия II. Месяц октябрь / Изд. М. и В. И. Успенские. СПб., 1903. С. 23.

²⁰ Киевский Софийский собор // Древности Российского государства. СПб., 1871. Вып. 1, 2, 3. Рис. 13.

²¹ Розен В. Р. Император Василий Болгаробойца: Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. СПб., 1883. С. 24.

²² Кузьмин А. Г. Древнерусские исторические традиции и идейные течения XI века // ВВ 1971. № 10. С. 63.

²³ Шапов Я. Н. Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976. С. 66.

²⁴ Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. М., 1972. С. 126.

²⁵ Шапов Я. Н. Древнерусские княжеские уставы. С. 68—74.

²⁶ Лазарев В. Н. Мозаики Софии Киевской. М., 1960. С. 50.

²⁷ Беляев Д. Ф. Ежедневные приемы византийских царей и праздничные выходы их в храм св. Софии в IX—X вв. // Зап. имп. Русского археологического общества. СПб., 1892. Т. 6, вып. 1. 2. Н. С. С. 119—120. Интересно, что патрону князя Кириллу Александрийскому посвящен и диаконник Кирилловской церкви в Киеве (сер. XII в.).

²⁸ Рибакон Б. О. Іменні написи XII ст. в Київському Софійському соборі // Археологія. Київ, 1947. Т. I. С. 63—64.

св. Ирина считалась непосредственной преемницей апостола Тимофея — сподвижника и ученика Павла, который вместе с Петром возглавляет галерею святых данного нефа. По церковному преданию, Ирина имела царское происхождение и прославилась миссионерской деятельностью среди славян. Поэтому христианская церковь приравнивает ее деятельность к деяниям Павла и Тимофея, считавшихся апостолами язычников³⁸. Равноапостольной именует церковь написанную напротив Ирины Марию Магдалину. Она почитается как первая и наиболее верная последовательница Христа среди женщин, проповедовавшая христианство во многих странах. Церковь называет ее «апостолом для апостолов»³⁹. Все это имеет прямые параллели с деятельностью Анны и подтверждает связь росписи западной части собора с ее прославлением.

Как видим, решение идейно-политических задач заказчика строится в живописи на принципах прообразования и симметрии. Подобное явление прослежено во владими́ро-суздальской скульптуре. Здесь для апологии сильной княжеской власти широко использованы не только символы и сравнения из библейского арсенала, но и исторические прообразы. Характерной особенностью скульптуры является и симметричное повторение мотивов, которое Г. К. Вагнер сравнивает со «смысловой рифмой», когда «содержание передается не в форме однолинейно развивающегося сюжета, а в форме антитез, повторений, симметрических построений и т. п.»⁴⁰.

На аналогичных принципах строится идейно-композиционное решение древнерусских житийных икон, клейма которых связываются в симметрично расположенные пары на основе смысловых соотношений, причем одно из симметричных клейм раскрывает, расширяет значение другого⁴¹. Здесь сказалось взаимодействие древнерусской литературы и изобразительного искусства, выразившееся не только в аналогичных характеристиках персонажей, но и в самой композиции изобразительной системы, обнаруживающей «глубокое влияние гимнографии и риторики»⁴². На языке живописи характерные особенности этих литературных жанров — четкое ритмическое построение и повторяющийся параллелизм образов выразились в предельной упорядоченности композиции, основанной на принципе симметрии⁴³. В итоге каждый компартимент представляет собой как бы небольшой храм с купольным сводом, где разворачивается сказание о том или ином видном деятеле Руси эпохи ее крещения; совокупность сказаний составляет своеобразный стенописный гимн преображенной благодаря их деятельности Руси, в котором использованы привычные эпитеты средневековой агиографии: например, как и в древнерусской литературе, Владимир выступает здесь «равноапостольным», «вторым Константином», «как древний Плакида», «мужем правдивым и милостивым». Анна сравнивается в стенописи с равноапостольными Еленой, Ириной и Марией Магдалиной, с праведной женой. Равноапостольным характеризуется в росписи и первый киевский митрополит, аттестуемый также «вторым Аароном».

Важно выделить еще одну идею, лежащую в основе программы однофигурных фресок, — идею «собора», т. е. собрания народа во главе с князем, светской и духовной аристократией. Подобно тому, как выражающая ее архитектурная композиция храма «организовывала» народ⁴⁴,

³⁸ Христианский месяцеслов с краткими историческими сказаниями о всех святых, прославляемых православною церковью, и с объяснением совершаемых в оной празднеств. М., 1863. С. 130.

³⁹ Христианский месяцеслов. . . С. 220; Воронец Е. Н. Жизнеописание святой равноапостольной мироносицы Марии Магdalины. Киев, 1873.

⁴⁰ Вагнер Г. К. Скульптура Древней Руси. М., 1969. С. 190, 199—201.

⁴¹ Евсеева Л. М. Московские житийные иконы Георгия Великомученика и их литературные источники // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1985. Т. 38. С. 97—98.

⁴² Там же. С. 100.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Брунов Н. И. Киевская София — древнейший памятник русской каменной архитектуры // ВВ. 1950. Т. 3. С. 170.

так и его живопись вносила феодальный «порядок» в народное собрание: в алтаре с его «Святительским чином» размещались местные церковные иерархи, у алтаря стояли представители клира, в состав которого входили младшие клирики, монахи и мироносицы⁴⁵ — изображения аналогичных персонажей фигурируют на столбах трансепта. У входа в центральные приделы, заполнявшиеся знатью, написаны юные воины — прообразы стоявших здесь телохранителей — «отроков» «детских», составлявших ближайшее окружение князя. Именно здесь найдено граффито Дмитра — «отрочка» Всеволода Ярославича⁴⁶. В восточных компартиментах первого этажа, как видно по росписи, располагались мужчины, в западных — женщины. На хорах над княжеским портретом находились члены княжеской семьи, причем южные хоры предназначались для мужчин, северные — для женщин, что четко фиксирует роспись: на южных хорах нет женских персонажей, на северных они присутствуют наряду с мужскими. Среди последних здесь преобладают юные святые, так как рядом с женщинами находились молодые княжичи. Существенно, что в центре южных хор помещена фигура царя Езекии⁴⁷, с которым в древнерусской литературе сопоставляется Владимир Святославич. В «Памяти и похвале» Владимиру мниха Иакова читаем: «Подобясь царем святым блаженный князь Владимир, пророку Давиду, царю Иезекию и треблаженному Иосею и великому Константину»⁴⁸. Сравнение Владимира с Езекией выглядело вполне убедительно: как и Езекия, Владимир искоренил идолослужение и оградил страну от внешней опасности. Примечательно, что на этой фреске найдено граффито XI в.: «Господи, помоги рабу своему Владимиру на многие лета и [дай] прощение греха на [день] судный»⁴⁹. Полагают, что надпись, судя по ее месту и характеру, сделана князем и, возможно, имеет отношение к Владимиру Мономаху⁵⁰. Во всяком случае, проводимая в росписи параллель «князь Владимир — царь Езекия» была известна автору граффито, коль он оставил автограф именно на этой фреске. Сословный принцип построения росписи наблюдается и в помещениях первого этажа. Так, центральные приделы заполнялись изображениями светской и духовной аристократии — об этом свидетельствует не только выявленная выше специфика их росписи, но и надписи-граффити, оставленные здесь представителями феодальной верхушки⁵¹.

Южная внутренняя галерея расписана изображениями святителей, среди которых фигурируют Николай и Фока — покровители торговли и мореплавания, — здесь могли стоять представители торгово-купеческих слоев, свидетельством чему служит надпись XI в. на изображении Фоки, сделанная торговцем или моряком: «Святой Фока, порученный от бога плавающим в море, правитель, направь меня потопаемого и разбиваемого волнами житейскими»⁵².

В северной внутренней галерее видим много святых воинов — здесь должны были находиться дружинники князя: кем-то из них, видимо, и был выполнен княжеский знак на одном из воинских изображений⁵³.

⁴⁵ Дмитриевский А. А. Древнейшие патриаршие типиконы Святогробской Иерусалимской и Великой Константинопольской церкви. Киев, 1907. С. 202—206.

⁴⁶ Высоцкий С. А. Указ. соч. С. 18—24.

⁴⁷ На фреске хорошо читаются две надписи с его именем, одна из них опубликована С. А. Высоцким (см.: Высоцкий С. А. Средневековые надписи Софии Киевской. Киев, 1976, с. 37).

⁴⁸ Сборник в память 900-летия крещения Руси / Под ред. А. И. Соболевского. Киев, 1888. С. 21.

⁴⁹ Высоцкий С. А. Средневековые надписи. . . С. 49.

⁵⁰ Там же. С. 50.

⁵¹ Северо-восточный столб придела Иоакима и Анны С. А. Высоцкий называет «княжеским» по количеству граффити, относящихся к князю и его окружению (Высоцкий С. А. Средневековые надписи. . . С. 9).

⁵² Высоцкий С. А. Средневековые надписи. . . С. 34—36.

⁵³ Высоцкий С. А. Древнерусские надписи. . . С. 110. Табл. LXIX, 1; LXX, 1. Верхняя часть знака имеет сходство с родовым знаком Владимира Святославича, фрагмен-

СООБЩЕНИЯ

С. А. ИВАНОВ

НЕИСПОЛЬЗОВАННОЕ
ВИЗАНТИЙСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО VI в.
О СЛАВЯНАХ

Можно по пальцам пересчитать источники, в которых славяне VI в. упоминаются под своим именем. Кроме сообщения Псевдо-Кесария, введенного в научный оборот сто лет назад, все эти письменные свидетельства известны науке уже очень давно. Мы же хотим привлечь внимание к новому источнику о славянах. Хотя это сочинение было опубликовано еще в прошлом веке, оно, как ни поразительно, не было замечено славистами и не поименовано ни в одной хрестоматии, ни в одном исследовании.

Речь идет об анонимном отрывке из трактата по военному делу, обнаруженному в 1880 г. К. Мюллером¹ и названном им «De militari scientia». Отрывок дошел в единственной рукописи — это знаменитый Cod. Laurentianus Gr. LV, 4, составленный в сер. X в. в императорском скриптории Константина VII и представляющий собой своеобразную энциклопедию военного искусства²: там собрано полтора десятка трактатов античных и византийских стратегов.

Первые два листа трактата не сохранились³, отчего мы не знаем ни его автора, ни истинного названия. Видимо, в утраченном тексте шла речь об обязанностях командующего⁴. Дошедший до нас отрывок (Laur. F. 68 — F. 76') имеет следующие разделы: 1. Об обучении и построениях конницы (De mil. P. 113—119); 2. Какие приказы следует отдавать различным чинам (De mil. P. 119—121); 3. О переходах и о разведке (De mil. P. 121—123); 4. О том, что следует предусмотреть полководцу в день сражения (De mil. P. 123—125); 5. О нападении на неприятеля (De mil. P. 125—127); 6. О вторжении неприятеля в империю (De mil. P. 127—129); 7. Как следует пехоте форсировать реки и ущелья (De mil. P. 129—130). Приведем цитату из главы о засадах:

«О засаде. [Следует помнить], что борьбу с врагом нельзя свести к какому-то простому и неизменному маневру, будь это только сражение или только атака: война требует самых разнообразных приемов. [Следует помнить], что засады полезны не всегда и не против всякого, но лишь в [определенных] местах и против [определенного] народа или войска, а именно против тех народов, которые дики или храбры и неизобретательны, или [сражаются] не зная строя, рассеявшись, беспорядочно, безначально и не имея опыта в подобных предприятиях; [делать засады имеет смысл] в местах лесистых или обрывистых и разнообразных по ландшафту. Засады, которые подготовлены надлежащим образом.

¹ Müller K. Ein griechisches Fragment über Kriegswesen // Festschrift für L. Ulrichs. Würzburg, 1880.

² Dain A. Les stratèges byzantins // Travaux et memoires. P., 1967. Vol. II. P. 382—385.

³ Ibid. P. 383.

⁴ Ibid. P. 346.

В наружных галереях, где толпился простой народ, написаны столпники и пустынники, что являлось действенной проповедью простой воздержанной жизни, оправдывало бедность и бесправие. Следовательно, живопись преследовала не только культовые цели, но и прообразовывала, организовывала, направляла жизнь общества, во главе которого стоял великий киевский князь, фигурирующий в росписи как преемник апостолов, чья деятельность способствовала превращению Руси во «второй Иерусалим». В результате, явственно звучит доминирующая идея ансамбля в иносказательной форме выраженная огромной надписью над конхой центральной апсиды собора: христианизированная Русь — священная, богохраняемая держава⁵⁴.

Важно обратить внимание еще на один аспект. Столь явное прославление в мозаиках и фресках собора деятельности Владимира и Анны может быть отражением идейно-политических запросов эпохи Владимира либо начальной стадии княжения Ярослава, который, по словам митрополита Илариона, «не рушаща твоих (Владимира. — И. И.) устав, но утверждающа»⁵⁵. Это подтверждает высказанную Д. В. Айналовым идею о принадлежности замысла собора еще Владимиру⁵⁶ и, следовательно, датировку памятника ранним XI веком⁵⁷.

тарно сохранившимся на кирпичах из его построек. См.: Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. I С. 445. Табл. LXXXI, LXXXII, LXXXIII.

⁵⁴ Аверинцев С. С. К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972. С. 25—49.

⁵⁵ Молдован А. М. Указ. соч. С. 96—97.

⁵⁶ Айналов Д. В. К вопросу о строительной деятельности св. Владимира // Сборник в память святого и равноапостольного князя Владимира. Пг., 1917. С. 21—39.

⁵⁷ Как известно, летописи приводят две даты основания собора — 1017 и 1037 гг., хотя ряд данных, в частности датированные граффити на стенах Софии (напр., запись 1032 г.), ставят под сомнение вторую дату. См.: Высоцкий С. А. Средневековые надписи. . . С. 240—252.

приносят наибольший успех тем, кто их устраивает, а внезапные и неожиданные нападения оказываются самыми неотразимыми и страшными. Как правило, удачными бывают [засады] против белокурых народов, и против антов, и склавов (πρὸς τὰ ἑσθλὰ ἔθνη καὶ πρὸς Ἄντας καὶ Σκλάβους), и сарацинов, и против персов, — но в отношении скифских [народов] это не только не так, но, более того, следует остерегаться засад с их стороны» (De mil. P. 125.23—126.6).

К сожалению, с момента издания нашего памятника им заинтересовался всего один исследователь — Р. Вари, да и то лишь в связи с датировкой «Стратегикона» Маврикия⁵; кроме этого, трактат коротко охарактеризован в работе А. Дэна⁶. Таким образом, на целый ряд вопросов нам предстоит ответить самостоятельно. Когда могло быть написано это сочинение? На наш взгляд, его terminus post quem определяется той ролью, которую в нем играют «скифы». Они представлены в трактате самым опасным врагом: «...следует препятствовать тому, чтобы преследование рассеявшихся врагов длилось слишком долго — особенно если это скифские народы» (De mil. P. 125); «...если война ведется против мощного народа, и особенно против скифского» (De mil. P. 120); «больше всего засадами пользуются скифы» (De mil. P. 126) и др. Этим архаизирующим этнонимом византийские авторы называли в разные времена разных «варваров», нападавших на империю с севера⁷. Однако «врагом № 1» скифы оказывались лишь в редких случаях — в данном контексте это, очевидно, авары. «Умолчание» трактата об этом народе, отмечаемое исследователями⁸, является недоразумением — ведь и Маврикий называет аваров скифами («скифы, то есть авары и турки и прочие гуннские народы одного с ними права»⁹). Тот факт, что в нашем отрывке упомянуты сарацины, не может повлиять на датировку его, поскольку этот народ фигурирует в византийских источниках в качестве враждебной силы задолго до ислама¹⁰, так что предположение Р. Вари, будто «сарацины» представляют собой в трактате позднейшую вставку¹¹, кажется нам излишним. Авары стали опасным противником империи в 70-х годах VI в. — это и есть terminus post quem нашего памятника. Что же касается его terminus ante quem, то он определяется упоминанием антов: последний раз этноним встречается в источнике (тителе императора Ираклия) под 612 г.¹²

К. Мюллер в своих примечаниях указал на ряд мест, роднящих опубликованный им фрагмент со «Стратегиконом» Маврикия и «Тактикой» Льва VI. Его вывод состоял в том, что автор опирался на сочинение Маврикия, хотя имел, видимо, и другие источники¹³. Однако справедливо ли подобное утверждение? Приведем характерные примеры того, как соотносятся родственные тексты у Маврикия и у нашего анонима:

De mil. P. 115. 21—25

ὅταν θέλῃ κινῆσαι, ἢ τῷ βουκίνῳ λέγει ἢ τὸ βάνδον ἐπικλίνει ἢ τῇ φωνῇ σημαίνει παραγγέλλων... ἢ τῇ χειρὶ καὶ τῷ φραγελλῷ νεύει, καὶ κινεῖ. εἰ

Maur. P. 154. 9—13

καὶ εἰ μὲν θέλῃ κινῆσαι, σημαίνει τῇ φωνῇ — μοβε, ἀντὶ τοῦ κίνησον ἢ τῷ βουκίνῳ ἢ νεύματι φλαμούλου, καὶ κινεῖ. Εἰ δὲ στήναι, σημαίνει ἡτῇ

⁵ Vari R. Das müllerische Fragment über griechische Kriegswesen // Εἰς μνήμην Σπ. Λάμπρου. Athena, 1935. S. 205—209.

⁶ Dain A. Les stratégistes. . . P. 346.

⁷ Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. B., 1958. Vol. II. S. 215—217.

⁸ Vari R. Das müllerische Fragment. . . S. 208; Dain A. Les stratégistes. . . P. 346; Кучма В. В. Византийские военные трактаты VI—X вв. как исторический источник // ВВ. 1979. Т. 40. С. 71.

⁹ Das Strategikon des Mauricius. Wien, 1981. P. 360. (Далее: Maur.).

¹⁰ Cp.: Procopii Anecd. 18, 22f, 23, 26; Idem. De aedif., II, 6, 15; II, 10; V, 8, 9.

¹¹ Vari R. Das müllerische Fragment. . . S. 208—209.

¹² Röscher G. Onoma Basileias. Wien, 1978. S. 170.

¹³ Müller K. Ein griechisches Fragment. . . S. 137—138.

δὲ στήσαι θέλει, ἢ εἰς σκουτάρην κρούει, ἢ τῇ χειρὶ νεύει καὶ ἵσταται, ἢ τῇ φωνῇ λέγει. STA.

φωνῇ· στα, ἢ τῷ ἡχῷ τοῦ σκουταρίου ἢ τῇ χειρὶ νεύει ἢ τῇ τοῦ βακαῖ ἵσταται.

De mil. 118. 27—30.

μηδένα δὲ ἔμπροσθεν τῶν μερῶν περιπατεῖν, εἰ μὴ τοὺς μεράρχας αὐτῶν μετὰ δύο ἢ τριῶν μανδατόρων, δύο σπαθαρίων καὶ ἑνὸς στρατῶρος μέχρ' οὗ μέλλωσιν οἱ πολέμιοι τῇ συμβολῇ ἐγγίξειν, τότε δὲ ἀσφαλῶς ἐν τοῖς ἰδικοῖς βάνδοις ἐρχεσθαι αὐτοὺς καὶ μὴ συμπλέκεσθαι τοῖς πολεμίοις. μᾶλλον δὲ ἐτέρου τινὸς βοῦκινον λέγειν εἰς ἕκαστον μέρος καὶ πολλὰ δοκοῦσιν εἶναι.

Maur. XII B, II, 18—26

μηδένα ἔμπροσθεν περιπατεῖν εἰ μὴ τὸν τοῦ μέρους ἄρχοντα καβαλλάριον, μετὰ δύο μανδατόρων, δύο καμπιδούκτορων καὶ στρατῶρος ἑνὸς καὶ σπαθαρίου ἑνὸς, καὶ τοὺς ὀρνιθόβορας μέχρ' οὗ πλῆθ' οἰον τῆς συμβολῆς γένηται ἢ παράταξις, τότε δὲ ἀσφαλῶς ἐν τῇ παρατάξει... ἐν ᾧ τὸ βάνδον αὐτοῦ τέτακται, εἰσέρχεσθαι καὶ μὴ συμπλέκεσθαι αὐτὸν τοῖς πολεμίοις μᾶλλον δὲ τοὺς ὀρνιθόβορας διὰ τὸ γυνὸς αὐτοῦ εἶναι μὴδὲ βοῦκινον ἢ τοῦ βακαῖ λέγειν εἰς ἕκαστον μέρος, πλὴν τοῦ μεράρχου, καὶ συμβῇ πολλὰ εἶναι.

Легко убедиться, что совпадающие слова и сочетания сплошь и рядом переставлены в отрывках местами, а многое при этом не совпадает вовсе — такое гораздо естественнее объяснить не прямым заимствованием, а независимым обращением к какому-то общему источнику. Кроме того, многие главы трактата вообще не имеют аналогий в других военных сочинениях. Идея общего со «Стратегиконом» источника высказана и в статье Р. Вари¹⁴, правда, без полного охвата материала. Мало того, исследователь считает, что трактат был написан раньше «Стратегикона». Рассматривая его аргументы, следует помнить, что это — лишь часть общей концепции Р. Вари, согласно которой «Стратегикон» был создан гораздо позже, чем принято думать теперь¹⁵. Но хотя теория Р. Вари и отвергнута современной наукой, его соображения о хронологической соотношенности анонима с Маврикием кажутся нам основательными: первый приводит более старые данные о количестве рядов в построении; он еще не знает известных Маврикию способов преследования; некоторые термины, приводимые в «Стратегиконе» по-гречески, аноним дает по-латыни¹⁶, что также соответствует более раннему периоду. Следует

¹⁴ Vari R. Das müllerische Fragment. . . S. 206. Практически дословно совпадают с Маврикием две главы нашего анонима: «О соглашениях, разведчиках и скупщиках» и «О врагах, вторгшихся в твою страну». Авторы последнего, венского издания «Стратегикона» знают о существовании «De militari scientia»: в посвященной трактату заметке из предисловия к этому изданию отмечается, что в обоих сочинениях совпадают военные латинские команды (Maur. S. 23). Это утверждение не бесспорно, поскольку в рукописи трактата испорчены почти все команды, однако среди уцелевших одна — adjuta — имеет совершенно иное, чем у Маврикия, значение (De mil. P. 121.1 Cf.: Maur. XII, 13, 16, 42).

Почему-то текст фрагмента не привлечен для колляции, между тем как в случае с вышеуказанными двумя главами она многое дает для понимания обоих авторов. Во-первых, становится совершенно ясно, что аноним не только не списывал с Маврикия, но в ряде случаев догел текст их источника аккуратнее его: τόλην ψυχῆς (De mil. P. 122.19). Cf: ψυχῆς (Maur. P. 328.56); ἐν τοῖς ἀναγκαίοις καιροῖς (De mil. P. 122.30). Cf: ἐν τοῖς ἀναγκαίοις (Maur. P. 328.68); ἐν δημοσίῳ τόπῳ ἀσπίδος (De mil. P. 128.1), в Maur. пропущено; καρτερῶς ἐμμένει τῇ μάχῃ (De mil. P. 128.11—12), в Maur. пропущено; σπεύδειν (De mil. P. 128.12), в Maur. пропущено. Во-вторых, иногда чтение, предлагаемое анонимом, кажется предпочтительным, например: τόπων ὀχυρῶν (De mil. P. 122.26) вместо τόπων ὀχυρῶν (Maur. P. 330.63). Более чем в десяти случаях текст трактата может оказать влияние на выбор того или иного варианта чтения в «Стратегиконе» при расхождении в рукописях. Представляется, что в нескольких случаях выбор издателями того или иного чтения мог бы стать иным, если бы они учитывали данные анонима: χρῆσθαι (De mil. P. 122.19) вместо χρῆσθαι (Maur. P. 328.53); ἔτι (De mil. P. 123.5) вместо ἐτι πλείους (Maur. P. 330.74); οὐ (De mil. P. 128.9) вместо μή (Maur. P. 340.12); ὀχυρῶν (De mil. P. 128.27) вместо ὀχυρώματα (Maur. P. 342.32).

¹⁵ Кучма В. В. Византийские военные трактаты. . . С. 52.

¹⁶ Vari R. Das müllerische Fragment. . . S. 207—208.

обратить внимание и на то, что сохранившиеся латинские команды записаны в трактате латинскими же буквами¹⁷ (у Маврикия — чаще греческими), а это опять же указывает на более раннее время.

Таким образом, если «Стратегикон» датируется временем правления императора Маврикия (582—602)¹⁸, то трактат «De militari scientia» можно приблизительно отнести к 70-м—80-м годам VI в.¹⁹ Что касается личности автора, то он, по всей видимости, был практическим военным, а не кабинетным стратегом, каков «византийский аноним VI в.». Приказы, которые автор нашего трактата советует отдавать, все приведены в прямой речи и звучат очень живо. Автор, безусловно, суеверен: при всяком упоминании о возможности поражения он восклицает «Чур нас от этого!» Победа же для нашего анонима — это всегда результат божьей милости (Me mil. P. 123.21—22; 127.20).

Цитированный выше отрывок, где упоминаются славяне, подчерпнут, скорее всего, из общего с Маврикием источника, но венценосный автор сократил изложение, и у него соответствующий пассаж о засадах выглядит так: «...это полезно против белокурых и прочих бесчинных народов» (Maur. P. 194). Однако в целом глава IV.I «Стратегикона» «О засаде и обмане сильных народов», хоть и похожа на соответствующую главу анонима, но ни одним словом с ней не совпадает. Что касается существа цитированного пассажа, то Маврикий также сообщает о полезности засад против славян (Maur. P. 380. 124) и «белокурых народов» (Maur. P. 370. 30—34), а равно и об опасности «скифских» засад (Maur. P. 194), но ничего не говорит об этой хитрости применительно к персам: сарацины же вообще в «Стратегиконе» не встречаются.

Заслуживает внимания тот факт, что анты поставлены анонимом впереди славянов, между тем как у Маврикия эти родственные племена всегда стоят в обратном порядке: видимо, общий источник трактата и «Стратегикона» составлялся в тот период, когда еще была жива память о войнах с антами — может быть, в середине VI в. или чуть раньше: у Прокопия, скажем, анты названы при перечислении нападающих на империю племен первыми в одном-единственном месте (VII, 14, 2), где говорится о переходах «варваров» через Дунай в 20-х—начале 30-х годов VI в.

¹⁷ Dain A. Les stratèges. . . P. 346.

¹⁸ Куца В. В. Византийские военные трактаты. . . С. 52.

¹⁹ Х. Михаэску датирует трактат первой половиной VI в., но не приводит этому никаких доказательств (Mauricius. Arta militaria / Ed. H. Mihăescu. Bucuresti, 1970. P. 6).

В. Я. ПЕТРУХИН, Ф. В. ШЕЛОВ-КОВЕДЯЕВ

К МЕТОДИКЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ. «ВНЕШНЯЯ РОССИЯ» КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНОГО И АНТИЧНАЯ ТРАДИЦИЯ

Для ранней истории Руси особое значение имеет трактат Константина Багрянородного «Об управлении государством», составленный в 948—952 гг. В 9-й главе трактата византийский император обобщает данные о Руси (Росии), в том числе по ее географии, которые во многом основаны на информации самих «росов» и поэтому считаются весьма достоверными. 9-я глава начинается с описания географии Росии: «Ὅτι τὰ ἀπὸ τῆς ἑξω Ῥωσίας μονόβουλα κατέρχοντα ἐν Κωνσταντινοπόλει εἰς τὸν ἀπὸ τοῦ Νεμογάρδας, . . . εἰς δὲ καὶ ἀπὸ τὸ καστὸν τὴν Μιλινίσκην καὶ ἀπὸ Τελιοῦτζαν καὶ Τζερινγῶζαν καὶ ἀπὸ τοῦ Βουσεγρადέ. Ταῦτα οὖν ἅπαντα διὰ τοῦ ποταμοῦ κατέρχονται Δανάπρεως, καὶ ἐπισυνάγονται εἰς τὸ καστὸν τὸ Κιο-

ῶβα, . . . («...Приходящие из внешней Росии в Константинополь монокусы являются из Немогарда, а также из крепости Милиниски, из Телиуды, Чернигоги и из Вусеграда. Итак, все они опускаются рекою Днепр и сходятся в крепости Киова...»¹) Отождествление перечисляемых Константином локусов с древнерусскими городами, как правило, не вызывает сомнений; Немогард — Новгород, Милиниска — Смоленск, Телиуда — Любеч, Чернигога — Чернигов, Вусеград — Вышгород, Киова — Киев. Сложнее решить проблему, какие из этих городов относятся к «внешней Росии» — ἑξω Ῥωσία при том, что о внутренней Росии у Константина речи нет.

Комментаторы текста, исходя из того, что данные Константина Багрянородного основаны на информации «росов», стремились совместить «внешнюю Росию» с регионами, выделяемыми в более поздних русских летописях. Прежде всего отмечается традиционное и для русских памятников противопоставление Новгорода и Киева. Однако, если соотносить Новгород с «внешней Росией», а Киев — с «внутренней», остается неясным, к которой из двух областей относятся прочие перечисленные города². Предположение, что они не входят ни во «внешнюю», ни во «внутреннюю» Росию, а принадлежат славянам³ (у Константина — данникам «росов»), не вполне согласуется с древнерусскими источниками: согласно «Повести Временных лет» Вышгород в сер. X в. был «Ольгиным градом» (т. е. принадлежал великой княгине), а Чернигов, как показал А. Н. Насонов, уже входил в великокняжеский домен.

Другой подход к проблеме — попытка воссоздать границы «внутренней Росии», не упомянутой Константином. Она отождествляется с Русской землей в узком смысле, территория которой наиболее обстоятельно была изучена А. Н. Насоновым по летописным данным XI—XII вв. Выделение Русской земли в узком смысле проецировалось исследователем и в X в. на основании договоров руси с греками, где Киев, Чернигов и Переяславль относятся к великокняжескому домену⁴. Исходя из этой гипотезы, Б. А. Рыбаков назвал Любеч северными, а Витичев — южными воротами «внутренней Руси»⁵. Но Чернигов, Вышгород и Любеч перечислены Константином Багрянородным в одном ряду с Новгородом вне очевидной связи с Киевом (Переяславль не назван вообще). В главе 37 трактата Константин противопоставляет «хору Росии» землям уличей, древлян и прочих славян — пактиотов росов; под «хорой Росии» А. Н. Насонов понимает Русскую землю в узком смысле: но судя по контексту 37-й главы Константин говорит лишь о южных границах Росии и хорах, с которыми соседят печенеги, поэтому сужение «хоры Росии» до Среднего Приднепровья едва ли правомерно. Кроме того, во всех перечисленных гипотезах неясным остается отношение Смоленска к внешней Росии.

Эта неясность сохраняется и в том случае, если предположить, что внешняя Росия — это северная Русь с границей где-то между Новгородом и Смоленском⁶. Действительно, в русских летописях известно деление Руси на Верховную, Верхнюю землю, или Верх, как назывались земли новгородские, и «низовские» земли (Киевщина), но Смоленск относится, как правило, к Верхней земле⁷. По Константину же, Смоленск

¹ Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio / Ed. Gy. Moravcsik. Budapest, 1949. (Далее: Const. Porphyr. De administrando imperio.) Пер. Литаврина Г. Г. см. в кн.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 272.

² Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С. 31.

³ Мошин В. А. Начало Руса // Byzantinoslavica. 1931. 3. P. 305.

⁴ Насонов А. Н. Указ. соч. С. 28 и след.

⁵ Рыбаков Б. А. Любеч и Витичев — ворота «Внутренней Руси» // 1 Międzynarodowy Kongres Archeologii Słowianskiej. Wrocław, 1970. Т. 3.

⁶ Такова, в частности, точка зрения Д. Оболенского (Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Commentary. L., 1962. Vol. 2. P. 350—351).

⁷ Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Т. 2. С. 350—351.

скорее «тянул к Киеву, так как полюдь там собирали росы, выходящие из Киева. Согласно реконструкции Б. А. Рыбакова, полюдь киевских росов охватывало все перечисленные Константином города (кроме Новгорода)⁸, на этом основании их можно было включить в гипотетическую «внутреннюю Росию», но описание полюдь в трактате, вероятно, было неполным — помимо перечисленных славянских племен, платящих дань, Константин упоминает и прочих славян, а древляне, с которых также собирается дань, не включены Константином в «хору Росии». Создается впечатление, что список городов никак не связан с выделением «внешней» и «внутренней» Росии.

Наконец, вероятно, что выделение внешней Росии производилось самими византийцами⁹, а не русскими информаторами Константина. С этой точки зрения показательно, что император в той же 9-й главе помещает «всех росов» в Киеве, видимо, приняв за росов (как народ) обозначение великокняжеской дружины («вся русь» Повести временных лет)¹⁰. Отсюда и стремление Константина отделить «хору Росии» от земель славян, искусственность которого очевидна. Итак, несоответствие терминологии Константина древнерусским источникам заставляет поставить вопрос о том, что «внешняя Росия» отражает собственно византийскую традицию географических описаний.

Поскольку разбираемый фрагмент 9-й главы трактата несет в себе прежде всего определенную географическую дефиницию, вполне правомерно рассмотреть вопрос о значении оборота ἀπὸ τῆς ἑξω Ῥωσίας (ἢ ἑξω Ῥωσία) в контексте географических представлений и землеописаний древности и средневековья.

Как известно, первой — и большую часть истории человечества единственной — системой географического ориентирования в пространстве был географический эгоцентризм. Такое мироощущение было распространено вплоть до развитого средневековья, чем объясняется, в частности, и то, почему один и тот же человек в разные периоды своей жизни мог по-разному определять положение одних и тех же географических объектов.

Одной из разновидностей охарактеризованной системы является ориентирование в пространстве при помощи подбора в той или иной местности реперов, вокруг которых (опять-таки по мере удаления от них) строится описание всех прочих географических объектов. Такой метод положен в основу наиболее распространенного вплоть до развитого средневековья жанра перипла и т. п. — дорожника в самом широком смысле. Теми же причинами объясняются и различные принципы ориентирования карты у разных (а порой и одних и тех же) народов в разные эпохи.

Далеко не сразу, довольно поздно и не повсеместно начинает пробивать себе дорогу вторичная, картографическая система ориентации. Однако создавшиеся на этой основе системы описания земли воспринимались современниками и потомками их создателей как ученые курьезы книжников — и не более¹¹. Показательнее всего в этом отношении судьба «Географического руководства» Клавдия Птолемея (II в. н. э.). Его теоретические основы (в отличие от практической информации, содержащейся в этом труде, и астрономической системы того же автора) вплоть до XV в. не находят себе применения. Кроме того, как будет показано ниже, и самому Птолемею в практической части своего «Руководства» далеко не всегда удавалось преодолеть первичную систему ориентации.

⁸ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и древнерусские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 314 и след.

⁹ Соловьев А. В. Византийское имя России // ВВ. 1957. Т. 12. С. 136.

¹⁰ Ср.: Falk K.-O. Bemerkungen zum Namen Rusi // Les pays du Nord et Byzance. Uppsala, 1981. S. 148—150.

¹¹ Ср.: Подосинов А. В. Картографический принцип в структуре географических описаний древности // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 23 и след.

В рамках такой системы получили самое широкое распространение такие по сути своей нетерминологичные, расплывчатые и точно не фиксируемые в пространстве определения местоположения объектов по отношению к наблюдателю, как «дальше» — «ближе», «справа» — «слева» и т. п.¹² Чтобы не выходить за пределы греческой традиции, в русле которой идут и сочинения Константина Багрянородного, отметим, что именно на этом материале данная тенденция прослеживается едва ли не с исчерпывающей полнотой. Греческие географические сочинения представляют в наше распоряжение целую россыпь предлогов, наречий и производимых от них глаголов и других частей со значением «выше, за, вне, по ту сторону» и т. д. (ἄνω, ὑπέρ, ἐκτός, ἔξω, ἐξωτερῶ, μετά и т. д.), что тождественно выражению «находиться дальше от наблюдателя» по сравнению с каким-либо более близким в каждом конкретном случае объектом: «по сую сторону, ниже, внутри» (κάτω, ἐντός, ἐνδοτέρῳ, ὑπὸ κτλ.) соответственно «находиться ближе к наблюдателю». В такую же зависимость от наблюдателя ставятся и определения «левой» (ἐξώνυχος, σκιστός, ἀριστερός, τὰ ἀριστερά) и «правой» (δεξιός, τὰ δεξιὰ) стороны¹³.

Пожалуй, единственным известным нам по собственным сочинениям античным географом, последовательно борющимся против первичной системы ориентации, был Клавдий Птолемей. В первой и начале второй книг своего труда он скрупулезно обосновывает и отстаивает необходимость применения картографического метода описания Земли, выработки четкой системы координат, утверждения единой, северной, ориентации карты, описания ойкумены строго с Запада на Восток, а внутри каждой страны или области — с Севера на Юг (*Ptol. Geogr.* 1, 24, 1; 2, 1, 4 и др.)¹⁴. А. В. Подосинову представляется, что эти принципы Птолемею удалось выдержать на протяжении всего «Географического руководства», хотя и он не смог пройти мимо одного явного от них отклонения. Одному из авторов, со своей стороны, уже доводилось писать, приводя соответствующие примеры, что и у Птолемея эти принципы имеют только общее значение, а предлоги ὑπέρ и ὑπό далеко не всегда значат только «севернее» и «южнее», но в достаточно многочисленных случаях сохраняют черты, присущие исторически первой системе ориентирования в пространстве¹⁵ (ср. еще один пассаж, где предлог ὑπό может не соответствовать географически фиксированной ориентации, но иметь детерминологизированное значение. См.: *Ptol. Geogr.* 4, 7, 20).

Проверим, не сохранились ли следы первичной ориентации в употреблении Птолемея и других предлогов и наречий. В описании карты Испании географ пишет *Ptol. Geogr.* 8, 4, 2), что с юга она омывается несколькими морями (они поименно перечисляются) и Гераклейским (Гибралтарским) проливом μέχρι τῆς ἑξω θαλάσσης. Здесь ἡ ἑξω θάλασσα (внешнее море) — обозначение части Западного океана, внешнего по отношению к средиземноморскому жителю. Любопытно, что через запятую в той же фразе Западный океан оказывается собственным именем, что дает нам четкий географический ориентир (ἀπὸ δὲ δόξαω τῷ δυτικῷ Ὠκεανῷ). Так в одном предложении переплелись две различные системы ориентации. Противопоставление внешнего (дальнего, Океана) и внутреннего (ближнего, Средизем-

¹² Ср.: Там же. С. 30, 38; Калинина Т. М. Сведения аль-Хорезми о Восточной Европе и Средней Азии // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1983 г. М., 1984. С. 184, 196; Подосинов А. В. О принципах построения и месте создания «Списка русских городов дальних и ближних» // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 40—48. На обширном материале эти вопросы рассмотрены в кн.: Janni P. La tара e il periplo. Macerata, 1984.

¹³ Подосинов А. В. Картографический принцип. . . С. 26, 28, 31; специально данному вопросу посвящена другая работа того же автора: Из истории античных географических представлений // ВДИ. 1979. № 1. С. 147—165.

¹⁴ См. раздел одного из авторов в работе: Романовская М. А., Шелов-Коведяев Ф. В., Щеглов А. Н. Городище Рудь — Мэтоний Птолемея? // ВДИ. 1981. № 4. С. 126—131 (особ. С. 129—131); Ср.: Подосинов А. В. Картографический принцип. . . С. 36—37; Он же. Из истории. . . С. 155.

¹⁵ Романовская М. А. и др. Указ. соч. С. 131—132.

ного) моря встречается нам еще при описании областей той же Испании *Ptol. Geogr.* 2, 4, 4): 'Η δὲ πρὸς μεσημβρίαν πλευρὰ τῆς βασιλικῆς περιόριζεται τῷ μὲν ὠκεανῷ κατὰ τὴν ἐκτὸς θάλασσαν καὶ τὸν 'Ηρακλείον πορθμόν, τῷ δὲ 'Ιβηρικῷ πελάγει κατὰ τὴν ἐντὸς θάλασσαν («Обращенная к югу сторона Бетики ограничивается океаном вдоль [побережья] внешнего моря и Гераклеяского пролива, и Иберийским морем вдоль [побережья] внутреннего моря») (ср.: *Ptol. Geogr.* 2, 4, 6: Κάλην ὅρος καὶ στήλη τῆς ἐντὸς θαλάσσης). 'Η ἔξω θάλασσα обозначается Атлантический океан и в совершенно аутентичных памятниках греческой письменности — надписях (см.: *Bull. épigr.* 1971. N 546. P. 485).

В описании Среднего Востока (VI книга) явно чувствуется, что источник Птолемея характеризовал области этой части света, исходя из того, что сам он находился в ее центре. Так, в описании Скифии по эту сторону горы Имаон (ἐντὸς 'Ιμαόν — букв.: «внутри (горы) Имаон») говорится: καὶ παρὰ τὸ 'Ιμαόν τὸ ἐκτὸς Τεκτόσακες (*Ptol. Geogr.* 6, 14, 9) — «(вдоль внешнего Имаона (по ту стороны Имаона) тектосаки (обретаются)»). И далее (6, 15, 1): 'Η ἐκτὸς 'Ιμαόν ὄρους Σκυθία περιόριζεται ἀπὸ μὲν ὁσέως τῇ ἐντὸς Σκυθία καὶ Σάκαις... ἀπὸ δὲ μεσημβρίας μέρει τῆς ἐκτὸς Γάγγου ποταμοῦ 'Ινδικῆς («Скифия по ту сторону (вне) горы Имаон ограничивается с Запада Скифией по сю сторону (внутренней) и саками... с юга же частью Индии по ту сторону (вне) реки Ганга») (так у Птолемея называется Индия, расположенная южнее Ганга). Своего рода антитезой только что приведенному отрывку, указывающей на то, что в описании Южной и Юго-Восточной Азии Птолемей пользовался еще одним источником, служит пассаж из первой книги. Здесь (*Ptol. Geogr.* 1, 17, 5) говорится о части Индии, расположенной «глубже, внутреннее, ближе» вплоть до залива Каттигары, локализуемого в Китае.

Вообще наречия ἐντός, ἐνδοτέρω употребляются в нейтральном значении «внутри — между» только в тех случаях, когда наверняка имеются установленные самим географом и ясные для него четкие рубежи, между которыми что-либо существует: κατέχει δὲ τὴν Σαρματίαν ἔθνη μέγιστα... περικίνοι τε καὶ Βαστέρται... καὶ 'Ρωξολανοὶ καὶ ἐνδοτέρω τούτων οἵ τε 'Αραξόβιοι καὶ 'Αλαῖναι Σκυθαί... («занимают же Сарматия большие племена: венеды вдоль всего венедского залива и севернее Дакии певкины и бастерны (или бастарны), а вдоль всего побережья Меотиды языги и роксаланы, и глубже (внутри, между) этих гамаксобии и аланы-скифы») (*Ptol. Geogr.* 3, 5, 49; ср.: 3, 10, 13; 6, 2, 5). Можно думать, что здесь мы имеем наглядные примеры того, как Птолемей перерабатывал данные первоисточника, подчиняя их новому, картографическому принципу описания земного пространства.

В тех же случаях, когда Птолемей не успел или не имел достаточных оснований проделать такую работы, наречие ἐνδοτέρω в полном соответствии с первичной системой указывает на близость той или иной области центру описываемой территории (см.: *Ptol. Geogr.* 2, 4, 1; 4, 7, 28).

Реликты первичной системы ориентации наблюдаются и в употреблении географом наречий ἄνω и κάτω (*Ptol. Geogr.* 4, 5, 62; 67, 4, 5, 50). Наконец, полностью сохранены Птолемею традиционные названия областей — «Верхняя» (3, 9) и «Нижняя» (3, 10) Мисия, «Верхняя» (2, 14—15) и «Нижняя» (2, 15—16) Паппония, названные так в свое время за разную удаленность от побережья омывающих морей; Скифия «по сю сторону» (6, 14) и «по ту сторону» (6, 15) горы Имаон, Индия «по сю сторону» (7, 1) и «по ту сторону» (7, 2) Ганга и т. д.

Сделанные наблюдения не должны вызывать в нас, как в некоторых скептиках XIX в., недоверия к сведениям Птолемея и настраивать на их гиперкоррекцию. Важно помнить, что Птолемей, как любой поватор (несколько преуспел в деле перестройки географии на новый лад его предшественник и антипод Марин, мы не знаем) не мог разом решить все проблемы.

Гораздо важнее другое. Уже сам факт, что даже такой всеобъемлю-

щий, энергичный и плодотворный ум, как Птоломей, в своем «Географическом руководстве» не смог окончательно преодолеть географический эгоцентризм¹⁶, присущий его источникам, показывает, насколько глубокие корни имели такие представления в сознании людей того времени. Их живучесть доказывается, в частности, еще и тем, что, например, перипл Маркиана Гераклеота (V в. н. э.), местами дословно повторяющий Птолемея, целиком основан на приемах, присущих издревле литературе такого рода, и обнаруживает непонимание его автором теоретических основ географии александрийского ученого.

Как мы упоминали выше, центристские тенденции господствовали в географической литературе Востока, Руси и Запада и в позднее средневековье вплоть до XV в. Не в последнюю очередь такому положению должно было способствовать и то, что в практической части труда Птолемея, оказавшей в отличие от его теоретических основ значительное влияние на географическую мысль средневековья¹⁷, сохранились существенные реликты отвергаемого самим географом принципа землеописания. Такое противоречие между прокламируемыми принципами и их реальным воплощением должно было препятствовать восприятию идей Птолемея и возвращать географов к испытанным методам работы, поскольку уже сам труд Александрийца наглядно демонстрировал, какая непосильная для одного человека работа требуется для последовательного проведения картографического принципа в описании Земли. Такая задача была по плечу только географическим школам нового времени.

Поэтому уместно будет поставить вопрос: если географический эгоцентризм был имманентно присущ человеческому мышлению на протяжении столетий до Птолемея и после него, да, очевидно, в конечном счете и его собственному мировосприятию; если такие представления господствовали и в эпоху Константина Багрянородного, то вправе ли мы ожидать от венценосного писателя каких-либо иных воззрений? Думается, что нет. Это тем более очевидно потому, что Константин в том же трактате упоминает «внутреннюю Персию» (*Const. Porphy. De administrando imperio.* 22), имея в виду Хорасан, а также «Малую» или «Внешнюю Испанию» (*Const. Porphy. De administrando imperio.* 21), сопровождая это упоминание прямой ссылкой на античную традицию — книгу Харакса «Эллиники». Видимо, к той же традиции следует отнести и упоминание «страны ар-Русийа внешней» у ал-Идриси, повествующего также о внутренних и внешних басджиртах и т. п.¹⁸

В таком случае вернемся к значению наречия ἔξω в греческой географической литературе. Разобранные примеры показали, что наблюдатель, полагающий себя в центре описываемого им пространства, обозначал этим словом области и объекты «внешние», т. е. более удаленные от центра (самого наблюдателя) по сравнению с «внутренними», т. е. более приближенными к тому же центру. Именно в такой системе географического описания возможны и наполнены реальным смыслом антонимичные пары типа ἐντός—ἐκτός (ἔξω), ἐνδοτέρω—ἐξοτέρω и т. д. обыгрываемые в том числе и Птолемею.

Следовательно, ἡ ἔξω 'Ρωσία Константина Багрянородного — «внешняя Россия» в буквальном географическом смысле как для южного наблюдателя. Таким образом он определяет более северные (внешние, удаленные от него) области Руси по сравнению с южными (внутренними, близкими к столице Византийской империи) ее землями, видимо Кисвом, где император помещает «всех росов». Как было показано, такое достаточно механическое деление любой страны на «внешние» и «внут-

¹⁶ В этом смысле показательна и геоцентрическая космология Птолемея.

¹⁷ См. об этом подробнее в статье: Романовская М. А. и др. Указ. соч. С. 127 с литературой).

¹⁸ Бейлис В. М. Ал-Идриси (XII в.) о Восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель // Древнейшие государства... С. 209, 216; то же деление на «внешнюю» и «внутреннюю» Скифию воспринимает именно у Птолемея аль-Хорезми. См.: Калинина Т. М. Указ. соч. С. 184, 196.

ренние» области имеет глубокие корни в греческой географической литературе.оборот ἡ ἔσθ' Ῥωσία не имеет самостоятельного политического значения, будучи чисто географическим определением.

Наконец, еще один вывод. Стремление «совместить», согласовать данные разных традиций — в данном случае византийской (восходящей к античной) и древнерусской — не всегда может быть правомерным. Описание, данное «извне», может иметь собственные штампы, не согласующиеся с «автохтонным» восприятием. Так, «внешняя Россия» не находит прямого аналога в исторической географии собственно Руси.

О. М. РАПОВ

ЕЩЕ РАЗ О ДАТИРОВКЕ ВЗЯТИЯ КОРСУНЯ КНЯЗЕМ ВЛАДИМИРОМ

В 47-м томе «Византийского временника», вышедшем в 1986 г., опубликована статья Н. М. Богдановой «О времени взятия Херсона князем Владимиром». В ней автор стремится выявить подлинную дату захвата русскими войсками Корсуня (Херсона средневековых византийских хроник) — важнейшего стратегического и хозяйственного центра Византийской державы в Крыму. Историкам эта дата представляется исключительно важной в первую очередь потому, что, согласно некоторым источникам, после «корсунского взятия» киевский князь Владимир Святославич стал проводить политику массового обращения жителей Руси в христианство. Уже в древнерусских письменных памятниках XI—XII вв. имелся разнобой в датировке этих событий. Так, если в «Памяти и похвале Владимиру», написанной Иаковом Мнихом в середине XI в., сказано, что русский властелин овладел Корсунем в 990 г., то создатели «Повести временных лет» поместили сведения об этом событии и о начале всеобщей христианизации Руси под 988 г. Данное обстоятельство привело к спорам среди исследователей по поводу истинной хронологии этих событий¹. Одной из последних работ, посвященных этому вопросу, была моя статья², в которой я попытался доказать, что Владимир взял Корсунь весной 990 г. Н. М. Богданова не согласилась с моей версией и выдвинула собственную, используя для этого особую систему доказательств.

Для уточнения датировки многие историки использовали замечание византийского хрониста Льва Диакона, которым он прочно связал захват Корсуня русскими с появлением на небе кометы. Чтобы читателю было легче ориентироваться, я приведу текст этого хрониста конца X в. в переводе В. Г. Васильевского: «...и другие тяжкие бедствия предвещал восход появившейся тогда звезды, а также показавшиеся в глухую ночь и опять на северной части неба огненные столбы, наводившие страх на тех, кто их видел, — они предсказывали последовавшее затем взятие Херсона тавроскифами и захват Верреи мисянами (болгарами), — и, сверх того, звезда, появляющаяся с закатом солнца на западе, которая совершала свой восход по вечерам, не сохраняла, однако, прочного положения в одном центре, но, испуская светлые блестящие лучи, делала частые перемещения, будучи видима то севернее, то южнее, а иногда даже при одном и том же восхождении изменяя свое местоположение в эфирном пространстве, так что видевшие это удивлялись, поражались

страхом и думали, что не добром кончится страшное движение кометы: что и сбылось согласно с догадками толпы»³.

Далее Лев Диакон сообщил о происшедших затем бедствиях: обширном землетрясении в Константинополе, неурожаях, голоде, распространении «морových язв», наводнениях и сильных ветрах.

В. Г. Васильевский, комментируя этот отрывок, высказал предположение, что в нем речь идет о двух различных «звездах». По его мнению, комета, предвещавшая взятие Херсона и Веррии, появилась в небе в 975 г., а комета, предвещавшая землетрясение и другие несчастья, — в 989 г.⁴ Я не согласился с таким толкованием и попробовал доказать, что в данном тексте говорится об одной и той же «звезде» — комете 989 г.⁵ Н. М. Богданова не отвергла моей системы доказательств, однако заметила: «...изучение текста 10-й главы (X книги «Истории» Льва Диакона. — О. Р.) позволяет сделать следующее наблюдение: в ее второй части (содержащей рассказ о движении кометы — предвестницы землетрясения) употребляются причастия только в форме настоящего времени, тогда как в первой части главы — причастия аориста (за исключением одного случая). Такое употребление грамматических форм, по всей вероятности, свидетельствует о том, что события, о которых идет речь в первой части главы, предшествовали тому, о чем рассказывается во второй ее части»⁶.

Подмеченное Н. М. Богдановой исключение, имеющееся в первой части рассказа Льва Диакона, практически не позволяет установить какую-либо закономерность в данном грамматическом построении и полностью обесценивает гипотезу исследовательницы.

Далее Н. М. Богданова пишет: «Интересно также обратить внимание на употребление наречия αὖτις (вновь, опять) в тексте разбираемого отрывка: „и показавшиеся вновь (опять) на северной стороне огненные столбы“. Так как об „огненных столбах“ Лев Диакон говорит впервые, то логично предположить, что автор подчеркивает появление еще одного знамения и опять на северной части небосвода. Как известно, комета 975 г. совершала восход на северо-востоке ἀπ' ἀνατολῆς βορειότερος — дословно: „севернее востока“, в отличие от кометы 989 г., которая появлялась на западе (πρὸς δύναν). Вполне возможно, что северо-восточная сторона рассматривалась Львом Диаконом как расположенная в северной части неба. Если признать справедливым такое толкование, значит, в начале 10-й главы следует видеть еще одно указание на то, что здесь говорится о комете 975 г.»⁷

Но с тем же успехом можно предположить, что Лев Диакон уже сообщал ранее о каких-то необычных небесных явлениях, возникавших в северной части неба, но сведения о них по тем или иным причинам выпали из дошедшего до нас текста «Истории». Ведь мы пользуемся отнюдь не оригиналом хроники. Можно было бы привести и другие не менее логичные, но также необоснованные фактическим материалом гипотезы.

Кстати, армянский историк Асох'ик, современник событий, писал, что комета 975 г. «стояла на востоке»⁸, а не на севере. И это свидетельствует в пользу того, что Лев Диакон не случайно указал на ее восточное расположение, лишь слегка уточнив его⁹.

³ Васильевский В. Г. Русско-византийские отрывки. II. К истории 976—986 годов (из ал-Мекина и Иоанна Геометра) // Труды В. Г. Васильевского. СПб., 1909. Т. II, вып. I. С. 100. (Далее: Васильевский В. Г. К истории. . .).

⁴ Васильевский В. Г. К истории. . . С. 99.

⁵ Рапов О. М. О христианстве. . . С. 38—39.

⁶ Богданова Н. М. О времени. . . С. 44—45.

⁷ Богданова Н. М. О времени. . . С. 45.

⁸ Всеобщая история Степ'аноса Таронского, Асох'ика по прозвищу, писателя XI столетия. М., 1864. С. 130.

⁹ Первые переводчики Льва Диакона на русский язык, Д. Попов и В. Г. Васильевский, писали, что комета 975 г. появилась на «зимнем востоке», а это соответствует

¹ Историографические обзоры см.: Рапов О. М. О дате принятия христианства князем Владимиром и киевлянами // ВВ. 1984. № 6. С. 34—37. (Далее: Рапов О. М. Христианство. . .); Богданова Н. М. О времени взятия Херсона князем Владимиром // ВВ. 1986. Т. 47. С. 39—40. (Далее: Богданова Н. М. О времени. . .).

² См.: Рапов О. М. Христианство. . .

Принято считать, что комета 989 г. была впервые увидена арабами на западе «в ночь на воскресенье 19 Раби'а II 379» (27 июля 989 г. по современному летосчислению), как писал об этом летописец Яхья Антиохийский¹⁰. Однако в 989 г. 27 июля приходилось не на воскресенье, а на субботу¹¹. Следовательно, приведенная Яхьей дата неверна и опираться на нее нельзя.

Наблюдения китайских естествоиспытателей X в., а также расчеты астрономов XX в. показали, что комета 989 г. стала видна в Европе и Азии 13 августа в утреннее время на *северо-востоке* (в восточной части северного созвездия Близнецов и к западу от северного созвездия Персея). Причем двигалась она в направлении *Северного* полюса. Спустя 10 дней она стала появляться по вечерам на *северо-западном* небосклоне. Основное направление ее движения было — на запад и далее к югу. Пройдя через созвездие Волопаса, она устремилась к экваториальному созвездию Девы, в котором и исчезла 13 сентября¹². То есть большая часть видимого пути кометы 989 г. проходила по *северной* части неба. Причем комета как бы раздваивалась, будучи видима то утром, то вечером, то на одной, то на другой стороне небосклона, устремлялась то к северу, то к югу, делилась на части, при этом одни из них начинали светиться более интенсивно, а другие становились невидимыми невооруженному глазу, отчего возникло мнение — «звезда» сдвигалась «то севернее, то южнее». Все это нашло отражение в «Истории» Льва Диакона. Особенности прохождения кометы 989 г. разъясняют нам и загадочные слова хрониста об «огненных столбах», показавшихся в глухую ночь «вновь (опять) на *северной* стороне». Столбы возникли также на севере, как до этого на *северном* небосклоне появилась комета 989 г. — комета Галлея. Показательным здесь является и то, что хронист соотносит комету и «столбы» только в этом аспекте, но не говорит о том, что «столбы» так же, как и комета, вновь появились ночью. Это служит признаком того, что комета в отличие от «столбов» впервые была увидена утром и вечером, а не ночью.

Н. М. Богданова почему-то не замечает, что сообщение Льва Диакона о комете и «огненных столбах» следует сразу же за описанием Авидосского сражения, в котором погиб мятежник Варда Фока. Битва при Авидосе четко датируется В. Р. Розеном с помощью арабских источников 12 апреля 989 г.¹³ Но ведь именно спустя четыре месяца в Европе и Азии люди впервые увидели комету Галлея. Следовательно, в данном месте своей «Истории» хронист полностью соблюдал последовательность в изложении событий первостепенной важности: сражение при Авидосе (12.IV 989) — появление кометы Галлея (август 989) — землетрясение в Константинополе (26.X 989).

Н. М. Богданова высказывает свое несогласие с переводом В. Г. Васильевским приведенного выше отрывка из Льва Диакона. Опираясь на «Греческую грамматику» Э. Черного, 1888 г. издания, она дает собственный перевод рассказа хрониста: «И на другие бедствия *указывал* восход явившейся звезды и показавшиеся вновь на северной стороне в глухую ночь огненные столбы, напугавшие видящих их. Ведь они *указывали* на свершившийся захват Херсона тавроскифами и взятие Веррии мисянами»¹⁴.

Из этого перевода следует, что Херсон и Веррия были действительно взяты противниками Византии. Однако, когда произошел этот «свершив-

шийся захват»? До или после появления кометы и «огненных столбов»? На данный вопрос с помощью перевода Н. М. Богдановой ответить невозможно. Между тем исследовательница категорически настаивает на первом из двух возможных толкований. Она пишет: «„Если основываться на предложенном нами варианте перевода отрывка из „Истории“ Льва Диакона, то следует признать, что „огненные столбы“ показались уже после захвата Херсона русскими, но еще до того, как взойшла комета 989 г.“»¹⁵

Такое мнение соответствовало бы действительности, если бы Н. М. Богданова в своем переводе перед словами «свершившийся захват» подставила слово «уже». Но она этого не сделала потому, что слова «уже» или его синонима в тексте хроники нет. Однако без него заявление оказывается произвольным.

А почему Н. М. Богданова разрывает сведения о появлении «столбов» и кометы? Ведь комета, как и «столбы», также указывала на захват византийских городов! На этот вопрос мы также не получаем ответа.

Зато ниже исследовательница выдвигает еще одну, фактически также необоснованную, гипотезу: «... „огненные столбы“ показались до решающих побед, которые одержал Василий II над мятежниками, т. е. до Хрисопольского и Абидосского сражений, а значит, и захват Херсона русскими предшествовал этим битвам»¹⁶.

Но если это так, то почему же Лев Диакон поместил в своей хронике известие о комете и «столбах» после сообщения о битве при Авидосе?

Если мы примем предложенное Н. М. Богдановой толкование «звезды», упомянутой в самом начале 10-й главы, как кометы 975 г., а также выдвинутое ею предположение о том, что эта комета и «столбы» появились после взятия Херсона русскими, а Веррии болгарами, то окажется, что «звезда», возникшая на небосклоне в начале августа 975 г., а затем и «огненные столбы» как бы констатировали факт захвата указанных выше городов. Причем все это происходило в правление в Византии Иоанна Цимисхия и в княжение на Руси Ярополка Святославича.

Однако такой захват не подтверждается ни русскими, ни иностранными источниками. И в тех и в других Иоанн Цимисхий характеризуется как непобедимый полководец, в царствование которого Византия не только не понесла никаких поражений и территориальных потерь, но, напротив, разгромила многочисленных врагов и установила свое господство над рядом народов, в том числе и над дунайскими болгарами¹⁷. В начале 70-х годов X в. Русь, потерявшая множество лучших воинов в болгарских походах Святослава, а также в сражении с печенегами у днепровских порогов, вряд ли даже могла и помышлять о нападении на крымские владения Византии. Дунайские болгары были истощены войнами с империей и Русью и могли лишь мечтать об избавлении от византийского ига. Где уже им было нападать на греческие города! Наконец, Владимир Святославич являлся лишь новгородским владетелем в 972—975 гг. Это обстоятельство противоречит тем источникам, в которых утверждается, что Корсунь он взял, будучи великим киевским князем¹⁸.

Следует отметить, также, что кометы, метеориты, «огненные столбы» и прочие астрономические явления интересовали людей средневековья потому, что с их помощью астрологи пытались предсказать будущее, а не констатировать происшедшие события. И поэтому можно привести массу исторических примеров. В своей «Истории» Лев Диакон также выступает в роли прорицателя бедствий, используя при этом небесные аномалии. Уже в самом начале своего труда он сообщает читателю, что

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См., например: ПСРЛ. М., 1965. Т. IX. С. 35—36.

¹⁸ См., например: ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. I. С. 55—57.

юго-востоку. (История Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей / Пер. Д. Попова. СПб., 1820. С. 104; Васильевский В. Г. К истории... С. 56.

¹⁰ Розен В. Р. Император Василий Болгаробойца: Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. СПб., 1883. С. 28—29. (Далее: Розен В. Р. Извлечения...).

¹¹ Климишин И. А. Календарь и хронология. М., 1981. С. 177.

¹² Субботина Н. М. История кометы Галлея. СПб., 1910. С. 130; Всехсвятский С. К. Физические характеристики комет. М., 1958. С. 92.

¹³ Розен В. Р. Извлечения... С. 23—24.

¹⁴ Богданова Н. М. О времени... С. 46.

О ЗНАЧЕНИИ ТОЧНОГО ПРОЧТЕНИЯ
ИСТОЧНИКА¹

Полемика в научной литературе хороша тем, что часто затрагивает нечто более глубокое чем то, что являлось непосредственным предметом дискуссии. Так вышло и на сей раз.

Опровергая основные положения моей статьи, О. М. Рапов ставит вопрос о принципах отношения к средневековому источнику. «Н. М. Богданова, — пишет он, — в своей статье придает исключительное, первостепенное значение исследованию грамматических построений Льва Диакона и делает ставку на „сверхточное“, буквальное прочтение источника. Это привело к тому, что ее перевод оказался двусмысленным, темным, не понятным читателю. Думается, что такой подход к средневековому источнику вообще не может быть применим. Он имел бы ценность при условии: переводчику было бы заведомо известно, что в данном произведении совершенно отсутствуют грамматические ошибки. Но практика показывает, что обычно в средневековых текстах встречается великое множество описок, неточностей, пропусков слов. Какие же есть доказательства, что Лев Диакон, а также переписчики его труда, работавшие в XII в., были свободны от ошибок?».

Без ответа на эти слова О. М. Рапова, выражающие суть его замечаний, нельзя приступить и к рассмотрению других положений его статьи. А ответ, на мой взгляд, должен быть однозначным: *да, только «сверхточное»*, буквальное отношение к грамматическому строю древнего текста, исключительное внимание к слову, термину, к грамматическим формам (особенно при изучении хронологии событий!) — так *обязан* отпоситься любой исследователь к прочтению источника. И даже если текст «оказывается двусмысленным, темным, непонятным читателю», это не означает, что следует отказаться от точного перевода и искать тот, который «в большей степени соответствует исторической действительности». А что это за «историческая действительность», которой может не соответствовать «сверхточное», буквальное с грамматической точки зрения прочтение источника? Исходя из слов О. М. Рапова, она «конструируется», согласно его изначальной «концепции», ценой замены грамматически правильного перевода на текст, имеющий совершенно *противоположное* значение, ценой признания, что ряд сведений, подтверждающих эту «концепцию», «по тем или иным причинам выпали из дошедшего до нас текста „Истории“, и т. п. Справедливы слова моего оппонента, что мы часто пользуемся «не оригиналом» средневековых текстов и даже, следует добавить, не рукописями, а изданиями, порою вынуждены использовать переводы, особенно восточных авторов. Но, не смотря и на возможные ошибки самого автора, переписчика, издателя, историк имеет право лишь толковать находящийся в его распоряжении текст, а в отношении перевода — использовать наиболее близкий к тексту, «сверхточный», буквальный, даже если он кажется ему «двусмысленным»: задача его — понять эту «двусмысленность», исходя из мировоззрения средневекового автора. Если же ставится вопрос об ошибках и неточностях, то, во-первых, их наличие необходимо доказать, и, во-вторых, такой источник не может уже заслуживать доверия, во всяком случае для определения хронологии событий.

Категоричность оценок О. М. Рапова, пользующегося, как следует из его слов, переводами, вряд ли оправданна. Так, например, он пишет о моем переводе: «Однако, когда произошел этот „свершившийся за-

во время рождения и смерти императора Константина Багрянородного появлялась комета «как некое предзнаменование»¹⁹. Описывая в 6-й главе X книги комету 975 г., он заявляет, что «звезда» предвещала страшные мятежи, междоусобные брани, вражеские нашествия, перемещения городов и стран, голод, болезни, землетрясения, «почти совершенную гибель Ромейской империи, как мы в этом убедились из последовавших затем событий»²⁰. Метеорит, упавший в расположение византийского войска в 986 г., предвещал, по мнению хрониста, последовавший затем разгром ромеев дунайскими болгарами. Причем Лев Диакон тут же отметил, что падение метеоритов всегда и везде является предзнаменованием гибельных событий, имеющих место позднее, и привел два примера этому²¹. И, наконец, в 10-й главе X книги хронист снова говорит, что комета, производившая странные перемещения на небе, предсказывала константинопольское землетрясение, страшные бури и иные напасти, случившиеся потом, после ее прохождения²².

Во всех этих замечаниях ярко выступает прочная вера хрониста в зависимость бедствий от ранее происходивших необычайных небесных явлений. Ни одного случая констатации событий с помощью каких-либо астрономических аномалий мы не найдем в его труде. Поэтому нет оснований делать исключение и для приведенного выше текста. Его следует понимать только однозначно: комета и «огненные столбы» указывали на свершившийся впоследствии захват Херсона русскими, а Веррии болгарами. А потому и переводы отрывка из Льва Диакона, сделанные Д. Поповым, В. Г. Васильевским, а также неопубликованный, но новейший, выполненный М. М. Копыленко под редакцией С. А. Иванова (им пользовался я), в которых более точно улавливается мысль византийского хрониста, чем в переводе Н. М. Богдановой, оказываются в большей степени соответствующими исторической действительности.

Н. М. Богданова в своей статье придает исключительное, первостепенное значение исследованию грамматических построений Льва Диакона и делает ставку на «сверхточное», буквальное прочтение источника. Это привело к тому, что ее перевод оказался двусмысленным, темным, непонятным читателю.

Думается, что такой подход к средневековому источнику вообще не может быть применим. Он имел бы ценность при условии: переводчику было бы заведомо известно, что в данном произведении совершенно отсутствуют грамматические ошибки. Но практика показывает, что обычно в средневековых текстах встречается великое множество описок, неточностей, пропусков слов. Какие же есть доказательства, что Лев Диакон, а также переписчики его труда, работавшие в XII в., были свободны от ошибок. Кроме того, возникает вопрос, — а можно ли переносить правила классического древнегреческого языка на средневековые греческие тексты, как это делает Н. М. Богданова? Действовали ли они в X—XII вв.? К сожалению, никакого обоснования такого переноса мы не найдем в ее работе.

Методы исследования, предложенные Н. М. Богдановой, вызывают возражения. Выдвинутые ею гипотезы не подтверждаются убедительными доводами. Сделанный на основе этих гипотетических построений вывод о том, что летописную хронологию «корсунского сказания», приведенную «Повестью временных лет», нельзя считать легендарной²³ (как это утверждали некоторые предшественники Н. М. Богдановой, включая меня), оказывается лишенным серьезных мотивировок.

¹⁹ Leonis Diaconi Caloensis. Historiae libri decem / E rec. C. B. Hasii. Bonnae, 1828. I. 1. P. 16—17.

²⁰ Ibid. X. 6. P. 168. 10—23; P. 169. 1—13.

²¹ Ibid. 8. P. 172. 1—18.

²² Ibid. 10. P. 175. 11—24; P. 176. 1—10.

²³ Богданова Н. М. О времени. . . С. 46.

¹ Статья Н. М. Богдановой является ответом на публикацию О. М. Рапова в этом же томе «Византийского временника» «Еще раз о датировке взятия Корсуна князем Владимиром». Таким образом, редколлегия ежегодника продолжает дискуссию о времени похода Владимира на Корсунь, начатую статьей Н. М. Богдановой «О времени взятия Херсона князем Владимиром» (ВВ. 1986. 47. С. 39—46).

хват"? До или после появления кометы и „огненных столбов"? На данный вопрос с помощью перевода Н. М. Богдановой ответить невозможно. Между тем исследовательница категорически настаивает на первом из двух возможных толкований. Она пишет: «Если основываться на предложенном нами варианте перевода отрывка из „Истории“ Льва Диакона, то следует признать, что „огненные столбы“ показались уже после захвата Херсона русскими, но еще до того, как взойшла комета 989 г.» Такое мнение соответствовало бы действительности, если бы Н. М. Богданова в своем переводе перед словами „свершившийся захват“ подставила слово «уже». Но она этого не сделала потому, что слова «уже» или его синонима в тексте хроники нет. Однако без него заявление оказывается произвольным». (Кстати, будучи придирчивым к современной русской грамматике, оппонент отказывается применять такие же строгие нормы к средневековому тексту.) Подробное объяснение употребления данного причастия О. М. Рапов может найти на с. 45 рецензируемой им статьи. Там, в частности, говорится, что это причастие аориста 2 от глагола *σφραίνω* (свершившийся) обозначает действие, *предшествующее* действию, выраженному глаголом в личной форме, и в греческом тексте (в отличие, быть может, от русского) «слово „уже“ совершенно излишне. Так как мы «буквально» передавали текст на русский язык и сопровождали его детальным грамматическим объяснением, то замечание О. М. Рапова можно рассматривать лишь как пожелание к литературному переводу «Истории», где в принятой форме (скобках) может быть поставлено слово „уже“, чтобы не перегружать читателя грамматическим комментарием.

Что же касается сожалений О. М. Рапова по поводу отсутствия обоснований в моей статье переноса правил классического древнегреческого языка на средневековые тексты и его вопроса о том, «действовали ли они в X—XII вв.», то это тема специального филологического изыскания, которое совершенно излишне в рассматриваемой О. М. Раповым статье. Я и теперь не считаю себя вправе рассуждать на эту тему, следуя знаменитому наставлению не делать в определенных случаях суждений «о языке ирокезском», ибо хорошо известно, что из этого получается. Моего оппонента же смею уверить, что форма причастия аориста в X—XII вв. не стала обозначать совершенно противоположное тому, что она обозначала в классическом древнегреческом языке, нормами которого (при случайно закравшейся ошибке) руководствовались и те исследователи, перевод которых, по мнению О. М. Рапова, «в большей степени соответствует исторической действительности».

Таким образом, все замечания О. М. Рапова относительно неправомерности использования буквального с грамматической точки зрения перевода считаю необоснованными и сожалею о вынудившей меня необходимости столь пространно остановиться на этом вопросе.

Теперь о толковании самого текста. Усилия О. М. Рапова сводятся к тому, чтобы доказать, что в начале 10-й главы книги X «Истории» Льва Диакона, где упоминаются 3 небесных явления (комета 975 г., полярное сияние и комета 989 г.), речь идет фактически о двух последних. Основываясь при этом на грамматически неправильном переводе (о некорректности использования которого уже говорилось), он пытается обосновать положение о том, что Херсон был взят князем Владимиром после явления кометы 989 г. Для этого О. М. Рапов опровергает выдвинутые мною аргументы: 1. Замеченную особенность в употреблении Львом Диаконом грамматических форм: в начале главы (где упоминается первая комета и «огненные столбы») — причастий аориста (за исключением одного случая), а затем — в рассказе о комете 989 г. — причастий настоящего времени. Такое употребление грамматических форм позволило мне предположить, что автор «Истории» описал разновременные события². Но О. М. Рапов подчеркивает, что «подмеченное

² Богданова Н. М. О времени взятия Херсона князем Владимиром // ВВ. 1986. Т. 47. С. 44—45. (Далее: Богданова Н. М. О времени. . .)

Н. М. Богдановой исключение, имеющееся в первой части рассказа Льва Диакона, практически не позволяет установить какую-либо закономерность в данном грамматическом построении и полностью обесценивает гипотезу исследовательницы». Однако я не могу согласиться с мнением оппонента. В предложении: «И на другие бедствия указывал восход явившейся звезды и показавшиеся вновь на северной стороне огненные столбы, напугавшие видящих их»³, «исключение» представляет собой причастие настоящего времени — *ὄρωτας* (видящих), которое «означает вообще *одновременность* (в какое бы ни было время: настоящее ли, или прошедшее, или будущее) своего действия или состояния с действием или состоянием главного (личной формы) глагола. Поэтому вполне соответствует русскому деепричастию или причастию настоящего и прошедшего времени несовершенного (продолженного) вида» в отличие от причастия аориста, означающего совершенный вид и предшествование своего действия действию, выраженному глаголом личной формы⁴. Таким образом, причастие настоящего времени, употребленное в начале главы, как и аналогичные причастия в рассказе о комете 989 г., обозначают одновременность с действиями, выраженными *соответствующими* им глагольными формами. Следовательно, «исключение» не является какой-либо из «ошибок», которыми, по замечанию О. М. Рапова, изобилуют средневековые тексты; оно вполне согласуется с правилами грамматики греческого языка, и его употребление не противоречит сделанному мною выводу. Но для того, чтобы пренебрегать грамматическими формами изучаемого отрывка «Истории», необходимо доказать наличие в нем несоответствий правилам грамматики греческого языка, а не просто голословно причислять его к тем средневековым текстам, где «встречается великое множество описок, неточностей, пропусков слов». В рассматриваемом же тексте ничто не указывает на присутствие грамматических ошибок. А в этом случае мы обязаны с особым вниманием относиться к употреблению *разных* грамматических форм в *одном* контексте: живые грамотные носители языка прекрасно знали, что обозначают эти формы, употребляли их сознательно и вкладывали в них определенный смысл.

2. Следующий приведенный в моей статье аргумент, указывающий на то, что в начале 10-й главы говорится о комете 975 г., — это наблюдение об употреблении наречия «вновь, опять». Оно здесь поставлено автором, так как «огненные столбы» — дуги полярного сияния (о которых Лев Диакон говорит впервые) — появились и вновь на северной стороне неба, как и комета 975 г., которая совершала свой восход севернее востока, т. е. также на северной части небосвода в отличие от кометы 989 г., наблюдавшейся, по словам Льва Диакона, на западе⁵. Отвергая такую трактовку, О. М. Рапов пишет: «Но с тем же успехом можно предположить, что Лев Диакон уже сообщал ранее о каких-то необычных небесных явлениях, возникавших в северной части неба, но сведения о них по тем или иным причинам выпали из дошедшего до нас текста „Истории“. Ведь мы пользуемся отнюдь не оригиналом хроники. Можно было бы привести и другие не менее логичные, но также необоснованные фактическим материалом гипотезы». Это замечание О. М. Рапова вряд ли требует комментария: применяя такую «логику», можно опровергнуть или обосновать любую концепцию.

Далее О. М. Рапов, привлекая данные астрономии, пытается найти подтверждение предположению о том, что это «вновь» Льва Диакона

³ *Leonis Diaconi Caloensis. Historiae libri decem* / E rec. C. B. Nasil. Bonnae, 1828. X. 10. P. 175. 6—9. (Далее: *Leo Diac.*).

⁴ Черный Э. Греческая грамматика. М., 1888. Ч. II: Синтаксис. § 102а. С. 120. О. М. Рапов подчеркивает, что нами использована грамматика 1888 г. издания. Более подробное пособие по синтаксису, которое бы правила грамматики греческого языка приводило в соответствие с грамматическими нормами языка русского, нам неизвестно. Современные зарубежные издания согласовывают правила греческой грамматики с грамматикой иностранных языков.

⁵ Богданова Н. М. О времени. . . С. 45.

связано с кометой 989 г. Он ссылается на комментарии ученых XX в., составленные к наблюдениям китайцев X в. за движением кометы Галлея в 989 г. Оставим в стороне саму интерпретацию всех этих комментариев О. М. Раповым. Попробуем проследить, что же получится, если принять его трактовку. Итак, «столбы возникли также на севере, как до этого на северном небосклоне появилась комета 989 г. — комета Галлея». Из этого, по О. М. Рапову, следует, что первая из названных в 10-й главе комет была увидена 13 августа 989 г. Кроме того, по мнению моего оппонента, «в данном месте своей „Истории“ хронист полностью соблюдал последовательность в изложении событий первостепенной важности: сражение при Авидосе (12.IV 989) — появление кометы Галлея (август 989) — землетрясение в Константинополе (26.X 989)». Поскольку, как отмечает О. М. Рапов, это первое восхождение кометы с северной стороны (длившееся 10 дней) нельзя «отрывать» от появления «огненных столбов», то из всех этих указаний оппонента следует, что они показались на небе, а Херсон и Веррия были захвачены в эти самые 10 дней, пока комета не стала появляться на западе, что уже предсказывало землетрясение в столице. Но не слишком ли много событий для 10 дней? Или, быть может, здесь нарушается принцип «полного соблюдения последовательности в изложении событий первостепенной важности»? Или появление «огненных столбов» и взятие городов не относятся к событиям «первостепенной важности»? Тогда их явление придется «оторвать» от кометы... Но прервем этот бесконечный ряд «или» и последуем дальше за «не менее логичными» гипотезами, вытекающими из отстаиваемого О. М. Раповым предположения, что первая из названных в 10-й главе комет — комета Галлея.

Особо подчеркивает мой оппонент, что сообщение Льва Диакона о комете и «огненных столбах» следует сразу же за описанием Авидосского сражения, в котором погиб мятежник Варда Фока. Битва при Авидосе четко датируется с помощью арабских источников 12 апреля 989 г., что якобы «Н. М. Богданова почему-то не замечает». (Однако заметим, что битва при Авидосе состоялась не 12, а 13 апреля 989 г., но это лишь попутно, к вопросу о «буквальном прочтении источника», в данном случае известной работы В. Р. Розена, на которую ссылается О. М. Рапов.)⁶ Что же касается моей «невнимательности», то обратимся к с. 43 рассматриваемой О. М. Раповым статьи, где, в частности, сказано следующее: «О взятии Херсона (Корсуни) тавроскифами (русскими) ... Лев Диакон сообщает в начале 10-й главы книги X, когда, завершив повествование о походе Василия II в Болгарию и о восстании Варды Фоки, он рассказывает о „других тяжких бедствиях“, на которые еще указывала комета 975 г.»⁷ Начало 10-й главы следует не «сразу же за описанием Авидосского сражения», а за рассказом о полном подавлении восстания Варды Фоки⁸, что не одно и то же. Со свойственной мне «буквальностью прочтения источника» обращаю внимание О. М. Рапова на многократно цитируемые слова начала 10-й главы: «И на другие (!) бедствия указывал (или, как предпочитает О. М. Рапов, — предвещал) восход явившейся звезды и показавшиеся вновь на северной стороне в глущую ночь огненные столбы, напугавшие видящих их»⁹. Но раз взятие Херсона и Веррии относится к числу «и других бедствий», значит им предшествовали какие-то иные бедствия, на которые указывали комета и «огненные столбы». Таким образом, из гипотезы моего оппонента следует, что восход кометы 13 августа 989 г. и появление «огненных столбов» (ибо нельзя, по О. М. Рапову, «разрывать» сведения о комете и «столбах») предвещали (учитывая «полную последовательность в из-

ложении событий первостепенной важности») Авидосское сражение 13 апреля 989 г.! Абсурдность этого положения, которое совершенно логично вытекает из гипотезы О. М. Рапова о том, что в 10-й главе речь идет лишь об одной комете, — абсолютно очевидна!

Все эти умозрительные построения, которые пытается обосновать О. М. Рапов, возникают в значительной мере потому, что он не увидел главного аргумента статьи, доказывающего, что в 10-й главе говорится о разных кометах, а именно: рассмотренный мною (на с. 42—43) принцип изложения событий в изучаемом отрывке «Истории» Льва Диакона: «В 6-й главе X книги своей „Истории“, рассказывая о событиях царствования Иоанна Цимисхия (969—976), Лев Диакон говорит о том, что в августе 975 г. наблюдалось необычное движение кометы, которая, по мнению писателя, предвещала „грозные мятежи, нашествия народов, междоусобицы, опустошения городов и областей, голод, мор, страшные землетрясения и почти совершенную гибель Ромейской державы, как это мы видели из хода событий“. Затем, прервав повествование о деяниях императора Иоанна, четыре следующие главы (с 7-й по 10-ю) Лев Диакон посвящает описанию постигших Византию бедствий со времени смерти Цимисхия до конца 989 г., когда в Константинополе произошло землетрясение, от которого пострадал даже Собор св. Софии. В 11-й главе автор возвращается к рассказу о последних событиях правления Цимисхия, чем и завершается его „История“. Несчастья, выпавшие на долю Ромейской державы в эти годы, Лев Диакон связывал не только с мрачной предвестницей конца царствования Иоанна Цимисхия, но и с другими небесными знамениями, явившимися уже после его смерти. Так, падение звезды во время болгарского похода Василия II в 986 г. предсказывало гибель византийского войска; явление „огненных столбов“ было, по мнению историка, связано с захватом Херсона и Веррии, а за странным движением кометы летом 989 г. последовало землетрясение в Константинополе, голод, мор и т. п.»¹⁰

Подчеркнем, что, по мнению Льва Диакона, комета 975 г. предвещала всю серию тех бедствий, которые постигли Византию в течение длительного периода в отличие от других небесных явлений, ознаменовавших так сказать «конкретные несчастья». Именно необходимость рассказать о бедствиях, предсказанных кометой 975 г., и заставляет Льва Диакона прервать повествование о царствовании Иоанна Цимисхия и вернуться к нему лишь в 11-й главе. Рассказывая же о неудачах, смутах и прочих несчастьях, автор «Истории» соблюдает последовательность и законченность в изложении событий: именно так, полностью завершив повествование о восстании Варды Фоки (а не только об Авидосском сражении), Лев Диакон напоминает читателю, что этим не ограничиваются ознаменованные явлением кометы 975 г. несчастья, и потому так естественно и логично звучит в начале 10-й главы фраза: «И на другие бедствия указывал восход явившейся звезды...» И напрасно О. М. Рапов упрекнул меня в «разрыве» сведений о комете и «столбах»: я «отрываю» «столбы» от кометы 989 г., но никак не от кометы 975 г.: от нее ни одно из других небесных явлений и бедствий рассматриваемого текста «отрывать» никак нельзя.

Теперь еще немного о значении «„сверхточного“, буквального прочтения источника». Исключительное внимание к грамматике, лексике и принципу изложения автором событий не равнозначно *прямолинейному* пониманию текста, что приписывает мне О. М. Рапов: «Если мы примем предложенное Н. М. Богдановой толкование „звезды“, упомянутой в самом начале 10-й главы, как кометы 975 г., а также выдвинутое ею предположение о том, что эта комета и столбы появились позже взятия Херсона русскими, а Веррии болгарами, то окажется, что „звезда“, возникшая на небосклоне в начале августа 975 г., а затем и „огненные

⁶ Так как эта дата (12 апреля) упомянута О. М. Раповым дважды, ее нельзя рассматривать как опечатку.

⁷ Богданова Н. М. О времени... С. 43.

⁸ Leo Diac. X.9. P. 175.2—5.

⁹ Ibid. 10. P. 175.6—9.

¹⁰ Богданова Н. М. О времени... С. 42—43.

столбы“ как бы констатировали факт захвата указанных выше городов. Причем все это происходило в правление в Византии Иоанна Цимисхия и в княжение на Руси Ярополка Святославича». Лев Диакон совершенно четко говорит о комете 975 г., что она предвещала «грозные мятежи, нашествия народов, междоусобицы, опустошения городов и областей, голод, мор, страшные землетрясения и почти совершенную гибель Ромейской державы, как это мы видели из хода событий»¹¹. Ведь было бы абсурдным утверждать, что все это случилось тут же и сразу или что землетрясение 989 г. (а о другом Лев Диакон не говорит), непосредственной предвестницей которого была комета Галлея 989 г., случилось в правление Иоанна Цимисхия. То же самое следует сказать и о взятии городов: комета 975 г. указала на самый факт их захвата (так же, как и на землетрясение), а уже явление «столбов» ознаменовало свершившееся их взятие. Словосочетание «свершившийся захват» в самом предположении согласовано *только* с «огненными столбами», а на факт взятия городов указывали и комета 975 г. и «столбы». С другой стороны, нелепо отрицать и все сказанное Львом Диакон о комете 975 г., в том числе и то, что она — далекая предвестница землетрясения в столице, не менее «далекой» она была и в отношении взятия Херсона и Веррии. Если же подходить к источнику так, что все сказанное о комете 975 г. — выдумки автора или «выпало из дошедшего до нас текста», то тогда следует не толковать слова Льва Диакона, а ставить вопрос об исторической достоверности его сочинения и правомерности использования «Истории» в исследовании.

Относительно еще одного замечания. Действительно, астрономические явления чаще всего рассматривались как предсказывающие те или иные события, примеры чему мы находим в «Истории» Льва Диакона. Но грамматически точное прочтение текста, не доверять которому нет никаких оснований, заставляет еще раз вчитаться в слова Льва Диакона. Одно из толкований этого необычного явления представлено на с. 46 моей статьи, где приводится замечание самого автора «Истории» по поводу случившегося некогда землетрясения: «Я же, следуя божественному Давиду, пожалуй скажу, что подобные смятения происходят с нами от промысла бога, неуспешно взирающего на деяния наши, противные священному его закону, чтобы, напуганные хотя бы этим (явлением), люди удалялись от дурных дел и придерживались похвальных»¹². И в античной литературе — в письме Цицерона — есть сведения о том, что страшное наводнение было воспринято как знамение, связанное с оправданием Габиния¹³. Конечно, землетрясения, наводнения — это не астрономические явления. Но, может быть, «огненные столбы» Льва Диакона — и есть пример того, как небесные знамения, указуя на зло, призывают к его искоренению. Об этом говорилось в моей статье, и более нет смысла повторяться. Вероятно, возможны и иные объяснения этого необычного случая, когда средневековый автор указывает на небесное знамение, которое явилось после взятия городов. Но искать подобное объяснение в признании грамматических ошибок, опусок и неточностей означает дискредитировать «Историю» Льва Диакона, по крайней мере, как источник для определения хронологии событий.

В любом случае, как бы не относиться к точке зрения О. М. Рапова и моей, возникающая полемика свидетельствует о том, что сообщения Льва Диакона о взятии Херсона не могут теперь рассматриваться как безусловно опровергающие хронологию «Повести временных лет», которая датирует захват Корсуни 988 годом. Если, по мнению О. М. Рапова, эти сведения и не подтверждают летописное повествование, то уж во всяком случае они никак не противоречат ему.

¹¹ *Leo Diac.* X. 6. P. 169.7—13.

¹² *Ibid.* IV. 9. P. 68.19—23; 69.1.

¹³ *Цицерон Марк Туллий*. Письма к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. М.: Л., 1949. Т. I. С. 308.

А. С. Пушкин так говорил о значении летописания для русской истории:

«Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу».

И горько сознавать, что сегодня мы вынуждены вновь возродить полемику столетней давности о кометах¹⁴ с горячими защитниками того, чтобы недатированное, вскользь упомянутое сообщение Льва Диакона о взятии Херсона противопоставить ясному, подробному рассказу русской летописи о походе русского князя на Корсунь, ее четкой хронологии, подтвержденной византийскими, восточными и рядом древнерусских источников.

¹⁴ См., например, ответ Н. Левитского А. И. Соболевскому: *Левитский Н.* Важнейшие источники для определения времени крещения Владимира и Руси и их данные: По поводу мнения проф. Соболевского. СПб., 1890. С. 175—179; и др.

И. В. КАМИНСКАЯ

ЛАБИНСКИЕ ВАРИАНТЫ ТОРГОВЫХ ДОРОГ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

Различные материалы археологических памятников — шелковые ткани, стеклянная посуда, украшения из металла, стекла и полудрагоценных камней — конкретизируют ряд вопросов, связанных с торговлей в эпоху раннего средневековья. Значительная работа в этой области была проделана Т. М. Минаевой, Е. П. Алексеевой, Г. Е. Афанасьевым, А. А. Иерусалимской, В. Б. Ковалевской, В. А. Кузнецовым, Е. И. Лубо-Лесниченко¹. Они рассматривали торговые пути, тесно связанные с важнейшей магистралью древности и средневековья — «Великим шелковым путем», который соединял Византию и Среднюю Азию. О нем писал историк VI в. Менандр. Описывая византийское посольство во главе с Зимархом, следовавшее из Согды в Константинополь, он сообщал, что «князь аланский предупредил Зимарха, чтобы он не ехал по дороге миндиманов, потому что близ Суании находились в засаде персы. Он советовал римлянам возвратиться домой по дороге, называемой Даринской»².

В. А. Кузнецов первоначально полагал, что Даринская дорога проходила через Клухорский перевал³. Эту точку зрения поддерживает в настоящее время ряд исследователей⁴.

¹ *Минаева Т. М.* К истории алан верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971; *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971. С. 117—125; *Афанасьев Г. Е.* К вопросу об экономических связях раннесредневекового населения Кисловодской котловины Малокарачаевского района // Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1979. С. 4—13; *Иерусалимская А. А.* Аланский мир на «шелковом пути» (Мошская Балка — историко-культурный комплекс VIII—IX вв.) // Культура Востока: Древность и раннее средневековье. Л., 1978. С. 161—162; *Она же.* Новые данные к этнической истории Северо-Западного Кавказа // Тезисы докладов VIII Крупновских чтений по археологии Северного Кавказа. Нальчик, 1978. С. 93—95; *Она же.* Археологические ткани как датирующий материал // КСИА. 1979. № 158. С. 114—120; *Ковалевская В. Б.* (Деолик). Классификация и хронология аланских украшений // МИА. 1963. № 114. С. 122—147; *Кузнецов В. А.* Алания и Византия // Археология и традиционная этнография Северной Осетии. Орджоникидзе, 1985. С. 37—66; *Она же.* Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984; *Она же.* Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971; *Лубо-Лесниченко Е. И.* Великий шелковый путь // ВИ. 1985. № 9.

² *Menandri.* Fragmenta // *Historici graeci minores.* Lipsiae. Vol. II. Fr. 21.

³ *Кузнецов В. А.* Алания в X—XIII вв. С. 144.

⁴ *Афанасьев Г. Е.* К вопросу об экономических связях. . . С. 5; *Ковалевская В. Б.* Кавказ и аланы. М., 1984. С. 134; *Рунин А. П., Березин Я. Б., Савенко С. Н.* Комплекс памятников раннего средневековья в верховьях реки Подкумок // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1983. С. 61.

Позже В. А. Кузнецов пересмотрел свое предположение и связал Даринский путь с Санчарским перевалом: «... дорога миндимиянов проходила через Клухорский перевал и соответствовала маршруту позднейшей Военно-Грузинской дороги. Даринский путь, как это вытекает из контекста Менаандра, находился западнее и по территории миссимиян не проходил. Этот путь мог быть приурочен к легкодоступному Санчарскому перевалу»⁵.

Мы присоединяемся к мнению В. А. Кузнецова. Однако правильнее будет считать, что даринская дорога, известная нам из византийских источников, проходила не через один, а через группу санчарских перевалов в верховьях реки Большой Лабы. По какому перевалу идти, зависело, вероятно, от погодных условий, проводников и т. д.

Картографирование и анализ памятников и отдельных находок индоевропейского происхождения, учет горного рельефа позволили нам указать возможные варианты торговых дорог северной ветви «Великого шелкового пути», идущего через группу перевалов р. Большой Лабы.

Первый вариант предполагает дорогу, которая вела из предгорий в горы, по руслу реки Большой Лабы. По ней караваны попадали на Первомайское городище. Оно занимает плато у излучины реки и контролировало пути и подступы из степей и предгорий в горы⁶. Среди археологических раннесредневековых памятников Лабинской долины городище Первомайское значительно выделяется как по площади, так и по своему стратегическому и, вероятно, торгово-экономическому значению. Отсюда дорога через южные ворота городища вела по водораздельному хребту между речками Бешеной и Безымянной, проходя по субальпийской зоне, и спускалась через 15 км в ущелье р. Татарки (правый приток р. Большой Лабы). По нему путь шел к городищу Псемен, расположенному недалеко от устья одноименной речки, а от него к городищу Мощевому, минуя небольшое поселение Псемен 2. Городище Мощевое расположено в 5 км к юго-востоку от пос. Курджиново, на одноименной горе. К сожалению, памятник раскопкам не подвергался и почти полностью уничтожен в ходе лесозаготовительных работ. К этому городищу относится широко известный могильник V—X вв. «Мощевая балка», который подарил археологическому миру десятки образцов шелковых тканей различных центров производства⁷.

От городища Мощевого дорога направлялась в обход горы Биден, на водораздельный хребет рек Урупа и Лабы, до урочища Нахшир. Здесь путь проходил по альпийской зоне с несильно всхолмленным рельефом местности. Выход дороги на водораздельный хребет (1800 м над уровнем моря) связан с тем, что ущелье р. Большой Лабы к югу от р. Мощевой сильно сужается и становится из-за большого количества скал и осыпей трудно проходимым. Косвенным подтверждением наличия дороги на водораздельном хребте является находка каменной плиты с изображением креста в 5 км к югу от горы Биден. Далее дорога с урочища Нахшир спускалась в долину Большой Лабы к городищу Рожкао, переправляясь на левый берег реки. Городище Рожкао расположено на мысу, образованном Большой Лабой и р. Рожкао, на окраине одноименного поселка. Отсюда путь в древности шел по лесистому берегу р. Большой Лабы до Загеданской долины, минуя ряд небольших городищ. Правый берег реки от Рожкао до Дамхурца (река в Загеданской долине) представляет собой нагромождение скал, по которому исключалось движение караванов. Здесь в устье реки Дамхурц, на одном из городищ, вероятно, караваны останавливались на ночлег. Входя в Загеданскую долину, путь шел по левому берегу Большой Лабы до Лунной долины, а через нее к устью реки Санчаро. Отсюда дорога вела к трем крупным перевалам:

по Лаве — Лабинскому (у местного населения и на ряде карт этот перевал значится под названием Цегеркер), по Санчаре — Санчарскому и Адзапшу. Возможно, какая-то часть караванов шла через Цегеркер в Аписилию. Другая часть по реке Санчаро до поляны Седьмого поста. До ближайшего перевала Адзапш остается 6 км, до Санчарского — 8 км. Здесь караваны, вероятно, останавливались на ночлег, потому что выше в горах мест для остановок очень мало. К перевалу Адзапш по ущелью р. Ланштрак ведет хорошо пробитая тропа, местами по которой может проехать арба. Это свидетельствует о широком применении этой перевальной дороги. От перевала Адзапш дорога спускалась на южные склоны Главного Кавказского хребта в долину реки Бзыби, в район современного пос. Псху, а оттуда по ущелью реки Питиунт.

Тропа от поляны Седьмой пост до Санчарского перевала проходит по узкому ущелью и на некоторых участках подвергается частичному уничтожению под воздействием оползней. Подступы к перевалу Санчаро от поляны Твамба (устье р. Абгиги) и южных склонов Главного Кавказского хребта сильно каменисты. Здесь тропа проходит по каменистым осыпям⁸. Речка Санчаро немного выше поляны Твамба покрыта снежным мостом, который держится все лето. По этому мосту удобно переходить с правого берега на левый. Выше снежного моста идет постепенный подъем и исчезают каменные осыпи. Тропа здесь проходит мимо Санчарских озер и через 2 км достигает перевала. От Санчарского перевала она спускается в долину р. Бзыби в Псху.

Приведенные выше данные не исключают использование Санчарского перевала в древности, в чем мы соглашаемся с предположением А. А. Иерусалимской и В. А. Кузнецова⁹. Однако, по нашему мнению, большая часть караванов проходила через перевал Адзапш, где отмечено древнее святилище (типа святилища Напра в Абхазии), в котором найдены наконечники стрел VIII—IX вв.

Второй вариант дороги проходил по долине Урупа до Ильичевского городища. По мнению М. Н. Ложкина, оно являлось крупным экономическим и религиозно-культурным центром¹⁰. После него дорога доходила до горы Баранахи, спускалась к Преградненскому городищу, а от него по правому берегу Урупа до Урупского городища, расположенного на левом берегу Урупа между речками Летавой и Косой и датируемого VIII—X веками¹¹.

Здесь караваны переправлялись на левый берег и останавливались на ночлег. От Урупского городища караваны на левом берегу р. Урупа достигали устья р. Бахмутки. По ее лесистому ущелью дорога выводила к урочищу Нахшир, в 10 км от городища Рожкао. Здесь Урупская дорога сливалась с описанной выше Лабинской.

Третий путь шел по долине р. Бол. Зеленчука до Нижне-Архызского городища и от него по левому берегу до Верхнего Архыза. Отсюда путь шел по р. Архызу и выходил к Пхиинскому перевалу, а затем далее в ущелье р. Пхии и через Пхиинское городище выводил в долину Большой Лабы. На Пхиинском городище караваны останавливались на ночлег. В устье р. Пхии дорога переходила на левый берег р. Большой Лабы и соединялась в Лабинской дорогой.

Время пребывания в пути на всех трех дорогах от исходных городищ (Первомайского, Ильичевского и Нижне-Архызского) составляло примерно равные интервалы. От Первомайского городища до Санчарского перевала и Адзапша путь занимал 4 дня, от Ильичевского городища до

⁵ Подозерский К. И. Санчарская через Главный Кавказский хребет тропа и урочище Псху // ИКОИРГО. 1903. Т. XVI. С. 19—29.

⁹ Иерусалимская А. А. Аланский мир. . . С. 157; Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. . . С. 149.

¹⁰ Ложкин М. Н. Новые памятники средневековой культуры в Краснодарском крае // СА. 1973. № 4. С. 276; Он же. Аланы на Урупе // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984. С. 54—55.

¹¹ Милованов Е. А. Средневековое городище на р. Уруп // АО 1972 г. М., 1973. С. 139.

⁵ Кузнецов В. А. Очерки истории алан. . . С. 60.

⁶ Каминская И. В., Каминский В. Н. Исследования первомайского городища в долине реки Большой Лабы // Тезисы докладов XIV Крупновских чтений по археологии Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1986. С. 54—55.

⁷ Иерусалимская А. А. Аланский мир. . . С. 161—162.

перевалов столько же, от Нижне-Архызского — 5 дней. А от перевалов до Питиунта всего 2—3 дня.

Эти пути действовали одновременно, на что указывает ряд археологических находок: шелка (согдийские, китайские, византийские, иранские)¹², стеклянные сосуды и перстни из Сирии, Палестины и Византии¹³, реликварии малоазиатского производства¹⁴, брактеаты и индикации византийских солидов¹⁵.

Немаловажным является то, что эти пути проходили по трем крупным долинам и сливались на одном перевальном узле (Цегеркер, Санчаро, Адзапш и целый ряд более мелких перевалов), что еще раз подтверждает значимость указанного пути для племен Северо-Западного Кавказа в VI—IX вв. Такое разветвление торговых дорог вполне допустимо, так как проводниками караванов служили местные жители, которые проводили их от своих селений к перевалам независимо от долины рек.

Предложенные варианты торговых дорог через перевалы реки Большой Лабы являются рабочей гипотезой и требуют дальнейшей разработки по мере выявления памятников раннего средневековья в исследуемом регионе.

¹² Иерусалимская А. А. О северокавказском шелковом пути в раннем средневековье // СА. 1967. № 2. С. 56—78; Ложкин М. Н. Аланы на Урупе. . . С. 52; Он же. Шелк из Нижнего Архыза. Черкесский областной музей, инв. № 4746.

¹³ Кузнецов В. А. Раскопки на Нижнем Архызе // АО 1971 г. М., 1972. С. 166; Иерусалимская А. А. Предметы христианского культа из могильника Мощевая Балка // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л., 1985. С. 107—110.

¹⁴ Иерусалимская А. А. Предметы христианского культа. . . С. 101—106.

¹⁵ Иерусалимская А. А. Аланский мир. . . С. 156.

В. Н. ЗАЛЕСКАЯ

ПАМЯТНИКИ

СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГРЕЧЕСКОЙ ЭПИГРАФИКИ

ИЗ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

(новые поступления византийского отделения Эрмитажа)*

Публикуемые в настоящей статье пять фрагментарно сохранившихся греческих надписей были обнаружены в Херсонесе и Керчи много лет и даже десятилетий тому назад, но лишь недавно обрели свое «законное» место хранения в византийском отделении Эрмитажа. Эти памятники, четыре из которых не имеют прямых аналогий, не только дополняют свод греческих средневековых надписей из Северного Причерноморья¹, но и являются любопытными свидетельствами связей этого региона с Малой Азией, Сирией и Константинополем.

1. Части резанного из кости домашнего животного креста (инв. № х 1147) — верхний и левый рукава — были найдены в 1963 г. в XXII квартале (помещение № 11) северного района Херсонеса² (рис. 1). Лицевая сторона креста была гладко отполирована, на перекрестье находилось выдолбленное в кости углубление, вероятно заполнявшееся цветной пастой. На верхнем рукаве помещены греческие буквы

* Статья основана на материалах доклада, оглашенного 22 августа 1986 г. на чтениях памяти А. Л. Якобсона, происходивших в Херсонесском историко-архитектурном заповеднике (Севастополь).

¹ Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896; Соломоник Э. И. Несколько новых греческих надписей Средневекового Крыма // ВВ. 1986. Т. 47. С. 210—218.

² Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1963 г. Рукопись.

ΑΓ, на левом — ΛΕΟ. Концы креста скруглены, причем дуги срезов пересекают круглые медальоны, первоначально украшавшие концы креста. Внутри сохранившихся сегментов видны части выполненного гравировкой и снятием фона (выдалбливанием) декора: вверх стебель и отходящие от него листья, слева — часть «листа». Характер орнамента и способ ее исполнения указывают на копирование металлического образца. Сопоставление с золотыми крестами VI—VII вв. с пальметками в медальонах на концах и инкрустированным перекрестьем³ дает основание восстановить на херсонесском кресте тот же декор: на его концах, имевших трапециевидные очертания, были пятилепестковые пальметки, вписанные в медальоны (рис. 2). Первоначальные размеры креста были 12×12 см.

Золотые кресты, которые могли послужить образцами для дешевых массовых изделий, во второй половине VI в. и в первой половине VII в. изготовлялись в Константинополе и предназначались для дипломатических подарков предводителям варварских дружин, в помощи и поддержке которых Византия была заинтересована⁴. Как явствует из описания церемоний византийского двора Константина Багрянородного⁵, крест на цепи был не просто христианским символом, но связывался с определенным званием и служил, в известном смысле, его почетным знаком. Так что подношения подобного рода могли делаться как варварским вождям — христианам, так и союзникам — язычникам⁶.

От инкрустированного перекрестья крестообразно расходились греческие буквы: ΑΓ — на верхнем рукаве, ΙΟΥ (бесспорная реконструкция) — на нижнем; ΛΕΟ — на левом рукаве, вероятное ΝΤΙΟΥ — на правом, т. е. ΑΓΙΟΥ ΛΕΟΝΤΙΟΥ — святого Леонтия. Кресты — votivные или эвлогии — с именами святых, данных в родительном падеже, обычны для VI—VII вв.⁷ Оригинальность найденного в Херсонесе предмета заключается в упоминании св. Леонтия и в том, что крест был вырезан из кости. Поскольку металлический прототип относился к VI—VII вв., подражание в кости следует датировать никак не ранее VII в. Выполненный из кости домашнего животного, достаточно грубо декорированный крест х 1147 относится к немногим бесспорным изделиям раннесредневекового Херсонеса, дополняя существующую подборку такого рода памятников⁸. На связь с Херсонесом указывает и само имя святого, культ которого был распространен в Малой Азии (в Ликий)⁹, откуда был занесен в Северное Причерноморье. В слове на перенесение мощей римского епископа Климента¹⁰ упоминается базилика Леонтия — одна из церквей Херсонеса, где находилась липсаноатека епископа. Местоположение этой базилики не установлено. Одно время ее помещали в городской цитадели, отождествляя с часовней возле 19-й куртины южной оборонительной стены. В. Ф. Гайдукевич доказал полную необоснованность таких

³ L'art byzantin — art européen // 9-eme exposition du conseil de l'Europe. Athènes, 1964. P. 371. N 412; Bank A. Byzantine Art in the Collections of Soviet Museums. Leningrad, 1977. P. 288. Pl. 99; Brown K. The Gold Breast Chain from the early Byzantine Period in the Römisch-Germanisches Zentralmuseum. Mainz, 1984. P. 10—11. Pl. 9—10; Музей исторических драгоценностей УССР. Киев, 1984. Табл. 35.

⁴ Werner J. Der Grabfund von Malaja Pereščepina und Kuvrat, Kagan der Bulgaren // Bayerische Akademie der Wissenschaften, philosoph.-hist. Klasse. Abhandlungen, N. F. München, 1984. H. 9. S. 17—18.

⁵ Constantine Porphyrogenitus. De ceremoniis. I. 34; II. 52.

⁶ Кондаков Н. П. Русские клады: Исследование древностей великокняжеского периода. СПб., 1896. С. 181.

⁷ Diehl Ch. Argenteries syriennes. Syria. P., 1930. T. XI. P. 210—215.

⁸ Романчук А. И. Изделия из кости в средневековом Херсонесе // Античная древность и средние века. Свердловск, 1981. С. 84—105.

⁹ Janin R. Les églises et les monastères des grands centres byzantins. P., 1975. P. 309, 335—336; Jacob X. La Vie de saint Léontios, ascète en Lycie // Revue des études byzantines. P., 1985. T. 43. P. 237—242.

¹⁰ Слово на перенесение мощей Преславного Климента // Памятники христианского Херсонеса. М., 1911. Вып. 2: Жития херсонских святых в греко-славянской письменности / Изд. П. Лавров. С. 130.

домыслов¹¹. Но где бы ни находилась в Херсонесе базилика Леонтия, она, очевидно, являлась источником распространения памятных предметов местного изготовления с именем святого, чтившегося в Херсонесе.

2. Круглый глиняный штамп (инв. № х 893) для литургического хлеба с изображением креста с расширяющимися концами, заполненными двумя рядами крестиков в квадратах (рис. 3). Между рукавами креста — четыре медальона с крестиками, в каковых, вероятно, скрыто благопожелание — *χριστός χριστιανούς χαρίζεν χάριν* (Христос дарует христианам благодать)¹². Памятник был ошибочно отнесен к находкам в Херсонесе и потому имеет инвентарный индекс «х». На самом деле, согласно рукописному эрмитажному КATALOGU древностей Боспора Киммерийского (на французском языке) (т. I. Р. 625 (284), № 939), этот предмет был найден в 1859 г. в Керчи, на карантинной дороге у арестантских казарм. Близкие по оформлению штампующей поверхности предметы из Афин, Апулии, церкви св. Стефана в Иерусалиме датируются VI в.¹³, что служит основанием и для датировки керченской находки. Этот штамп подобен другому глиняному предмету такого же назначения (инв. № х 192), но найденному в 1905 г. в Херсонесе у Карантинной бухты¹⁴ (рис. 4). Отличие состоит только в наличии греческой надписи, частично сохранившейся на херсонесском фрагменте... *ΑΓΙΑΤΑΚΙΑΔΙΑΠΑΝΤΑΝ*... и нераскрытой при издании. Некоторое сходство с изречениями из литургии Иоанна Златоуста¹⁵, наличествующими на изданных Ф. Дельгером¹⁶ и Г. Галаварисом¹⁷ штампах, позволяет реконструировать всю надпись как: [*Θεῖα ἀγίασμα καὶ διαπάντα ἡμεῖς Ἰησοῦς Χριστός μόνος θεός*] (Божественное благословение и всеобщая победа, Иисус Христос, един Бог) (рис. 5). Таким образом, на этом штампе мы имеем одно из самых ранних словосочетаний *ΙΣ ΧΣ ΝΙΚΑ*¹⁸, ставших обычными только с начала VIII в.¹⁹ и сменивших формулу *Ἀγαθή Τύχη Ἰησοῦ Χριστοῦ*²⁰ (Фортуна Иисуса Христа).

3. Штамп из известняка (инв. № ω 1243, найден в Керчи, дар Д. П. Вашкова) в форме усеченного конуса, на его широкой стороне вырезан четырехконечный крест, нижний конец которого пересечен буквой «N», а по сторонам верхнего находятся два кружка, условно обозначающие Солнце и Луну (рис. 6—7). На узкой верхней поверхности — врезанная шестиконечная звезда. Монограмма на нижнем конце креста, вероятнее всего, может быть раскрыта как *ΝΙΚΑ*. Близкие по структуре памятники из Ахмиа и из Олимпии, датируемые концом VI в.—началом VII в.²¹, служат основанием для такого же временного определения и эрмитажного штампа. Эту датировку подтверждает тип крестообразной монограммы, распространившийся только с конца VI в.²²

4. Фрагмент глиняного штампа (инв. № х 877, подъемный материал из Херсонеса, передан Г. Д. Белову археологом П. П. Ефименко) с изображениями крестов и частью греческой надписи: ... *ΕΤΕΠΙΓΗΣΑΘΑΝΑΤΟΥ* ... (рис. 8). Близкие по структуре и содержанию надписи предметы хранятся в монастыре св. Екатерины на Синае и в Александрийском патриархате²³. Их принято относить к X—XII вв., а употребление связывать с литургией св. Якова²⁴. Последняя была принята в качестве официального богослужения Антиохийского патриархата, а в православной церкви исполнялась только дважды в году: в день св. Якова и в первое воскресенье после Рождества²⁵. Полное изображение и надпись на херсонесском фрагменте могут быть восстановлены по названным выше аналогиям. Надпись должна была гласить: [*λάβετε φάγετε πικρὰς ἀνάνα του τοῦ τοῦ μου ἐστὶ τὸ σῶμα*] (Берите, вкушайте от источника бессмертия, сие есть плоть моя). Рисунок же штампующего поля (рис. 9) состоял из большого четырехконечного креста в медальоне и двенадцати аналогичных крестов меньших размеров, заполнявших радиально расходящиеся от центра сектора и символизировавших двенадцать апостолов²⁶. Приведенная формула обычна для евхаристических чаш средневизантийского периода²⁷, однако ее наличие на хлебных матрицах отмечено только на литургических штампах, употреблявшихся в монофиситской церкви²⁸. Для последних типичным является также словосочетание *πηγὴ ἀνάνα τοῦ*²⁹ (источник бессмертия), отсутствующее на собственно византийских потирах и дисках. Таким образом, есть основания полагать, что штамп, найденный А. А. Ефименко в Херсонесе, может свидетельствовать о связях Северного Причерноморья с монофиситским Востоком.

5. Мраморная плитка (инв. № ω 1291), найденная в Керчи и с 1923 г. находившаяся в ГАИМК (рис. 10). Относится к обычному типу надгробий, неоднократно находимых в Керчи и датируемых от X до XII в.³⁰ Правая часть плиты утрачена, однако аналогичные памятники дают возможность восстановить всю надпись, которая должна была начинаться с креста и гласила: [*ἐκοιμήθη ἡ δοῦλη τοῦ θεοῦ Θεοδότη μηνὸς Ὀκτωβρίου εἰς τὴν κς. ἡμέραν. Ἰνδικτιῶνος. ἔτους ζφ : ΟΔ*] (Упокоилась раба божья Феодота месяца октября 26-го дня, в день 4-й (т. е. в среду), индикта 4-го, в лето 6574 (1066 г. — В. 3.). Ввиду наличия точной даты исполнения — 1066 г., эпиграфические особенности этой надписи особенно любопытны.

¹¹ Гайдукевич В. Ф. Мнимая базилика Лаврентия — Леонтия // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1953. № 34. С. 299—315.

¹² Brightman F. Liturgies Eastern and Western. Oxford, 1896. Vol. 1. P. 534.

¹³ Galavaris G. Bread and the Liturgy: The Symbolism of Early Christian and Byzantine Bread Stamps. L., 1970. P. 61. Fig. 31, 36. (Далее: Galavaris, 1970.)

¹⁴ ОАК за 1905. СПб., 1908. С. 47. Рис. 46; ИАК. СПб., 1907. Вып. 25. С. 148. Рис. 34.

¹⁵ The Divine Liturgies of our Fathers among the Saints John Chrysostom and Basil the Great / Ed. J. N. W. B. Robertson. L., 1894. P. 298.

¹⁶ Dölger F. Heidnische und christliche Brotstempel mit religiösen Zeichen: Antike und Christentum. Münster in Westfalen, 1929. Bd. I. S. 1—46.

¹⁷ Galavaris. 1970. P. 65—72; Galavaris G. A Bread Stamp from Sinai and its Relatives // JÖB. Wien, 1978. Bd. 27. P. 329—342; Galavaris G., Hamann-Mac Lean R. Brotstempel aus der Prinz Jahann Georg Sammlung in Mainz // Hefte des Kunstgeschichtlichen Instituts der Universität Mainz. Mainz, 1979. N 3. S. 9—52.

¹⁸ Frolov A. A. *ΙΣ ΧΣ ΝΙΚΑ* // Byzantinoslavica. Pr., 1956. T. 17. P. 98—113.

¹⁹ Moorhead J. Iconoclasm, the Cross and the Imperial Image // Byzantion. Bruxelles, 1985. T. LV, fasc. 1. P. 168—169.

²⁰ Nika. Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie. P., 1935. T. XII, pt 1. Col. 1269—1272.

²¹ Galavaris. 1970. P. 57—74. Fig. 26, 37.

²² Weigand E. Zur Monogramminschrift der Theotokos (Koimesis) Kirche von Nicaea // Byzantion. Bruxelles, 1931. T. VI. S. 412; Age of Spirituality. Late Antique and Early Christian Art, third to seventh Century: Catalogue of the Exhibition at the Metropolitan Museum of Art / Ed. K. Weitzmann. N. Y., 1979. P. 328—329, N 308.

²³ Galavaris. 1970. P. 92.

²⁴ Софрония, епископ Туркестанский. Современный быт и литургия христиан инославных, яковитов и несториан. СПб., 1876. С. 42; Петровский А. Апостольские литургии восточной церкви: Литургии ап. Якова, Фаддея, Марии и ев. Марка. СПб., 1897. С. 251.

²⁵ Galavaris. 1970. Fig. 42, 46—47.

²⁶ Ibid. P. 93—95.

²⁷ Grabar A. Opere bizantine. Il Tesoro e il Museo. Sansoni, 1970. P. 58, 62—72.

²⁸ Galavaris. 1970. P. 87—92.

²⁹ Ibid. P. 93, 164.

³⁰ Латышев В. В. Указ. соч. С. 85—97.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

U. Asche. *Roms Weltherrschaftsidee und Aussenpolitik in der Spätantike im Spiegel der Panegyrici Latini*. Bonn: Habelts Dissertationsdrucke. Reihe Alte Geschichte. 1983. II 16. 212 S.

Опубликованная в виде книги диссертация западногерманской исследовательницы У. Аше представляет интерес не только для специалиста по поздней античности, хотя материал монографии относится в основном к IV в. На последних страницах этой работы специально отмечается, что сложившиеся в рассмотренный период принципы имперской внешнеполитической концепции (и прежде всего — понимание под *imperium* только потенциальной сферы влияния) были «развернуты» в Византии: идентификация *imperium* и императорской власти породила *basileia* и отличие последней от *politeia*, понимаемой в основном как *res publica* (с. 148). Не вдаваясь в критику такого упрощения реалий политической доктрины державы ромеев (Аше в конце концов не византистка), отмечу правильность тезиса о рождении ряда основополагающих компонентов этой доктрины на заре античности (хотя подобную мысль раньше Аше отметила З. В. Удальцова, а специально на материале эпохи Юстиниана I рассмотрела Э. Арвейлер¹).

С другой стороны, Аше представляет на суд читателя методику анализа данных позднеантичных латинских панегириков, при которой последние рассматриваются как важное средство пропаганды, обращаемое не столько к императору, сколько к «общественности» (с. 10). Значит ли это, что Аше учитывает социальную подоплеку создания панегириков? Об этом — ниже. Пока же укажу на исходный вопрос рецензируемой книги — каковы были принципы позднеантичной пропаганды, декларирующей притязания на мировое господство в условиях, менявшихся для Римской империи к худшему (там же: ср.: с. 27—28, 46—47, 73, 95, 112, 120 и след.)?

Хотя латинские панегирики — основной объект исследования, Аше широко сравнивает их данные со сведениями и терминологией памятников нарративных (например, с Аммианом), эпистолярных и нумизматических. В отдельных разде-

лах логика исследования потребовала анализа грекоязычных авторов — Евнапия (с. 108—111), Фемистия (с. 124 и след.). Особенно показательны в этом отношении примечания, часто превращающиеся в самостоятельные микроисследования по узким сюжетам темы.

Такой подход к источникам дает плодотворные результаты, когда Аше рассматривает эволюцию понятий, входивших в основной арсенал внешнеполитических доктрин поздней Римской империи. Прежде всего, это касается терминов *orbis Romanus* и *orbis terrarum*, содержание которых ярко представлено Пакатом, Евмением и автором *Paneg. VIII*. Надо отметить, что Аше внешнеполитические идеи каждой речи стремится анализировать в контексте *des traditionellen Weltkreisaspektes*, на фоне которого современники оценивали имперскую внешнюю политику (методика, предложенная В. Хартке и развитая И. Штраубом). В результате видно, что хотя *orbis* и *orbis Romanus* в поздней античности существенно различались и последний стал синонимом понятия *imperium* (если речь шла о констатации замкнутости державы), панегиристы конструировали свои сочинения так, чтобы актуальные факты риторически привести в соответствие с традиционными имперскими притязаниями. Пакат, в частности, широко использовал метод Плиния Старшего и Августа, — краткое паратактическое перечисление внешнеполитических акций, при котором они ясно проявлялись на фиктивной (для конца IV в.) карте *orbis terrarum*. Если Евмений в 298 г. в обстановке диоклетиановой стабилизации говорил об *orbis descriptus*, об одном, римском мире, то Пакат в 389 г. уже отходил от этого понятия. *Orbis* стал лишь потенциальной сферой воздействия власти императора и силы римской армии.

Сходные явления наблюдаются и в терминологии, связанной с характеристиками, даваемыми в панегириках границам империи. Если лимесы на Евфрате и Верхнем Рейне были оборонительными

рубежами, то пропаганда империи об этом не говорила, а, упоминая ситуацию «по ту сторону границ», отнюдь не имела в виду окончательные границы, установленные в соответствии с правами народов. Аше убедительно раскрывает динамику понятия границы в его многозначности на примерах интерпретации панегириками естественно-географических рубежей (с. 35—36), анализа *Paneg. VI. 11—13* (постройка Кельнского моста) и трактовки пропаганды военных действий за пределами лимесов. Понятие границы, как и раньше, оказывалось в IV в. амбивалентным (неуязвимый извне защитный вал, изнутри во всякое время переходимый римской армией). Аше корректно использует изыскания своих предшественников, показывая, как панегиристы пытались решить противоречие между представлением о безграничности влияния империи и наличием действительных границ, определяемых не только природой. Тезисы о безграничности римского влияния (природа как граница *orbis terrarum*, варвары, обратившиеся в бегство, и *aemulii* — чаще всего персы, — высказывающие *reverentia*) приводились в соответствие с идеей универсальности образа императора (чья победоносность определяет власть Рима над всеми народами, а способность преодолевать естественные рубежи отрицает для империи всякие границы).

Терминологические возможности изображения панегириками методов внешней политики империи, по Аше, раскрываются прежде всего на определении статуса объектов этой политики. Мало того, что Пакат обозначает оборонительные пограничные битвы словами, которыми когда-то называли широкую экспансию. Потерпевшие поражение народы идентифицируются с покоренными — черта, подмеченная учеными в панегириках уже давно. Но Аше делает важное наблюдение: покорение не означает в поздней античности включение в империю — это подчинение народов римскому распоряжению «сохранять спокойствие». Византисту, однако, интересно и другое замечание: Пакат, создавая иллюзию публично-правовых основ персидской *reverentia* через констатацию даров Сасанидов императору, сознательно нивелирует категории, относящиеся к внутренней и внешней политике. Шах обозначается Пакатом не только как федерат, но и как *tributarius*. В целом, полагает Аше, панегиристы дают крайне расплывчатую картину публично-правовых основ внешнеполитических связей, так как целью пропаганды было указать не на партнерство соседей империи, а на их подчиненность (с. 65). Но возникает вопрос, почему, в таком случае, панегирики редко употребляют понятия *foederatus*, *tributarius*, *clementia*, *raha* и часто — термин *amicitia*, отражавший безусловную лояльность к Риму и весьма подходящий для мысли о косвенном господстве империи? К тому же достаточно ли такого содержания *amicitia* для признания ее понятием, равносильным понятию *raha*, для реконструирования позднеантичной концепции Рима как верховной инстанции и инициатора мировой политики (ср.: с. 71—73)? Тщательный, на мой взгляд, анализ употребления панегиристами термина *raha* и понятий, связанных с принадлежностью народов к *imperium Romanum*, дает здесь основание для сомнений.

В книге убедительно показано, что, хотя, *raha* Романа поздней античности и указывает на мировое господство во всей его многослойности и понимается как связующая сила *imperium Romana* (порядок ойкумены определяется Римом; см.: *Paneg. VIII. 20.2—3*), конкретная обстановка IV в. потребовала трансформации этого термина и связанных с ним понятий. Официальный язык империи породил фикцию *raha presativa*, называющего в качестве одной из самых предпочтительных норм международных отношений «дружеское соседство» (т. е. *amicitia* выступает вторичным фактором). Аналогичный процесс происходит с взаимностью *raha*, *securitas* и *libertas*. Доминирующую роль в их содержании, по мнению Аше, стал играть внешнеполитический аспект, а сами они приобрели качественно новое воплощение в виде *integritas*. И хотя *raha* и *imperium* в конечном счете идентифицировались панегиристами (вне зависимости от того, что *raha* обозначало уже не только потенциальную сферу власти, — с. 90), универсалистские притязания в реальной договорной политике обернулись достижением лишь расет *colere* (когда мир имеет место не в силу желаний Рима, а в силу неприменения варварами оружия).

Византисту, интересующемуся генезисом ойкуменической доктрины, бросается в глаза и наблюдение Аше относительно двух аспектов изображения панегириками принадлежности какого-либо народа к *imperium Romanum*. Во-первых, это подмеченный у Фемистия (с. 108, ср.: с. 131 и след.) новый аспект понимания экспансии: расширение империи к IV в. достигается снисходительностью и милостью к варварам, а не радикальным их подчинением. В этом Фемистий действительно солидаризировался с Симмахом, для которого экспансия имела целью обязать кого-то к союзу с империей, а не покорить. Во-вторых, Аше подмечает у Евнапия (*Fragm. 10*) затуманивание парадоксальной ситуации, когда Юлиану в Галлии пришлось объяснять солдатам, что опустошаемая ими страна, хотя здесь и живут франки, — римская собственность. Последнее наблюдение тем более важно, что слова Юлиана основывались, по мысли исследовательницы, на предпосылках, которые при Феодосии I использовались публицистикой для построения уже иного взгляда на принадлежность к империи.

В самом деле, после битвы при Адрианополе политика поселения варваров в империи качественно отличалась от аналогичной политики, проводимой Марком Аврелием или Констансом (ср.: *Liban. Or. 59*). Аше показывает, что Пакат (*Paneg. II. 32*), умалчивая об Адрианополе и последующей трехлетней смуте,

¹ См.: Удальцова З. В. Некоторые нерешенные проблемы истории византийской культуры // ВВ. 1980. 41. С. 62; Ahrweiler H. L'idéologie politique de l'Empire Byzantin. P., 1975. P. 9—24

оставляет в тени и государственно-правовое отношение к империи со стороны федератов, оказавшихся внутри имперских границ и сохранивших права автономных партнеров. Но изображение варваров в качестве слуг империи потребовало от Паката вписать новое качество федератов в понятия былой практики варварских поселений на римской территории. Однако если ему удалось это сделать в обстановке определенной стабилизации на Дунае и лояльности готов, воевавших с узурпатором Максимом, то тяжелее пришлось Фемистию — в условиях готских грабежей в Иллирике, санкционированных договором Феодосия I с варварами. В результате если Фемистий ранее говорил о поселениях варваров в империи в духе политики Константина I, то затем он вынужден был констатировать «ранение империи». Правда, у меня нет уверенности в том, что негативная внешнеполитическая ситуация отразилась на мысли Фемистия, так сказать, напрямую. По крайней мере, Аше следовало бы оговорить необходимость учета серьезного рационализма Фемистия, его умеренности и толерантности, сказавшихся и на оценках отношений между империей и варварами. Недаром у того же Фемистия заметно и новое качество *clementiae* — как внешнеполитического принципа. Аше полагает, что у Фемистия интерпретация долга римлян не как истребления варваров, а как их спасения и покровительства (Ог. X, 136d) является переработкой старой концепции романизации как культурной миссии империи в новое «универсальное» понятие. Если же подобные взгляды встречаются и у других авторов, то не потому, что последние заимствовали у Фемистия, а потому что это было общим мышлением того времени (с. 132—134).

Еще один штрих к этой картине: при изображении идеала государя характер политики в отношении варваров получил отражение в новом применении топоса о *φιλάνθρωπος βασιλεύς* как основополагающего для притязаний на мировое господство. Правда, вряд ли это наблюдение Аше оригинально, — достаточно указать на ряд работ ее учителя И. Штрауба.

Исследовательница считает, что *foedus* 382 г. являлся легитимацией новой договорной теории, так как в течение IV в. внутриполитический аспект понятия *raх* распался на *integritas des raх amplexus* и их «империалистскую программу» (с. 146, ср.: с. 82—86), последствием чего явились притязания на господство над всеми *nationes*, оказывающимися с империей в отношениях *deditio*. Правда, вряд ли можно согласиться с заключительной трактовкой автором судьбы института *imperiū*, чьи утраченные в IV в. качества «стали переноситься» на персону императора (с. 148). В этой связи императорская власть стала осмысливаться как носитель универсалистского господства. Скорее *imperiū* государя влиял на государственный понятийный аппарат.

Здесь хотелось бы кое-что уточнить. Идея универсализма империи и императорской власти являлась составной частью политической доктрины (Аше предпочитает термин «официальная имперская идеология»), но она отнюдь не исчерпывалась идейными направлениями, представленными в книге. Существенный вклад в теорию универсализма IV в. был также сделан направлением, ярче всего воплощенным в трудах Евсевия Кесарийского, и отсутствие в монографии соответствующей оговорки дает основание полагать, что Аше не считает христианские концепции органично вписанными в ткань культуры поздней античности.

Конечно, можно упрекать А. Липпольда, не связавшего позиции панегиристов с конкретными фактами политики IV в. (с. 12). Но тогда Аше следовало бы соблюдать последовательность: похвалить за успешность применения подобного метода на материале панегириков Клавдиана своего западногерманского коллегу Зигмара Дэппа² и, что, видимо, еще важнее, не ограничиваться попытками установления связи между терминологической мимикрией великодержавной пропаганды и общими направлениями внешнеполитической ситуации, а попытаться определить (пусть даже в общем виде) общественный облик тех, к кому панегиристы апеллировали. Без этого принципиальный тезис об имевшем место при Диоклетиане и Константине I «генеральном повороте» в идеологии от внутриполитической к внешнеполитической проблематике, — повороте, который стал интегральной составной частью «официального языка» (с. 82), — приходит в противоречие с тезисом о сознательном применении пропагандой IV в. (например, при интерпретации побед Константина I) оборотов речей Августа (с. 68—73).

Таким образом, если в начале книги (с. 10) и указывается, что одной из задач панегиристов была необходимость оправдывать перед общественностью имперский курс и «через позитивную интерпретацию добиваться согласия на новые политические пути руководства», то в ходе исследования этот тезис не имеет выхода на социальный аспект проблемы.

Что касается значения книги Аше, то — помимо множества частных наблюдений над реалиями содержания великодержавной пропаганды IV в. — его можно видеть в корректировке часто гипертрофированного внимания исследователей к жанровым особенностям античного или средневекового произведения при выявлении исторического факта. Труд Аше, возможно помимо желания автора, показывает, что подмена современных условий давно минувшими (пусть даже на терминологическом уровне), характерная для известных периодов и жанров античной и уж тем более византийской литературы, все же имела жесткие пределы. Пределы эти ставила сама действительность, в том числе и внешнеполитическая.

Козлов А. С.

Maximi Confessoris Quaestiones ad Thalassium. Quaestiones I—LV una cum latina interpretatione Ioannis Scotti Eriugenae iuxta posita / Ediderunt Carl Laga et Carlos Steel // Corpus Christianorum. Series Graeca. Brepols-Turnhout: Leuven University Press, 1980. Vol. 7. CXVIII+556 p.

Maximi Confessoris Quaestiones et Dubia / Edidit Jose H. Declerck // Corpus Christianorum. Series Graeca. Brepols-Turnhout: Leuven University Press, 1982. Vol. 10. CCLIII+255 p.

Новая патрологическая серия — Corpus Christianorum. Series Graeca — несмотря на свой сравнительно «молодой возраст» (первый том ее появился в 1977 г.), завоевала прочный авторитет в научном мире как издание, отвечающее самым высоким требованиям современного источниковедения. Именно в ней и были опубликованы два рецензируемых тома, которыми начинается критическое издание сочинений Максима Исповедника. Первый том содержит в себе большую часть «Вопросоответов к Фалассию», в котором (как и в так наз. Ambigua) наиболее полно отразилась глубина и богатое разнообразие этого одного из самых выдающихся византийских мыслителей. В начале «Введения» (с. IX—XIII) К. Лага и К. Стил отмечают, что оба главных произведения Максима Исповедника были созданы в период его пребывания в Африке между 630 и 634 гг., когда он не был еще вовлечен в идейную борьбу, развернувшуюся вокруг монофелитства. Поэтому его внимание концентрируется преимущественно на основных темах оригенизма, (еще популярного в монашеских кругах, особенно в Палестине). В обоих сочинениях Максим Исповедник проявляет себя мыслителем, находящимся в традиции кашадокских отцов, Псевдо-Дионисия Ареопагита и Евагрия Понтийского. «Вопросоответы» адресованы Фалассию — игумену одного из африканских монастырей, с которым Максим Исповедник связывали тесные дружеские отношения и который известен как автор четырех «Сотниц о любви», написанных под влиянием Максима¹. Поводом к созданию «Вопросоответов» послужил ряд недоумений, возникших у Фалассия при чтении Библии. С ними он обратился к Максиму Исповеднику, который подробно ответил на них. Эти ответы носили возвышенно-спекулятивный характер и иногда были труднодоступны для понимания. Со временем он сам почувствовал это и снабдил их схождениями, которым предшествует «Пролог». Позднее к схождениям Максима были присоединены схождения других авторов. Издатели подчеркивают сложный характер образования схолий, основная масса которых существовала уже к периоду ок. 800 г. Более того, К. Лага и К. Стил замечают, что стиль «Пролога» к схождениям, написанного от лица Максима Исповедника, сильно отличается от стиля других его произведений. Поэтому высказывается предположение, что «Пролог», возможно, не

принадлежит перу Максима. Вопрос о вычленении схолий, принадлежащих ему, остается пока открытым.

Далее следует подробное описание и детальный анализ греческой рукописной традиции (С. XIV—LXXXII). Для издания были привлечены 43 манускрипта, хранящихся в крупнейших рукописных собраниях многих стран мира (в том числе одна московская рукопись XI в. ГИМ. гр. 200), что потребовало от издателей самых кропотливейших и многотруднейших усилий. Выделяются две основные группы рукописей, характерные особенности которых оформились уже в X в.: итапо-греческая и восточная. Главными кодексами первой группы являются три рукописи X в. (Cryptensis B. a. IV; Vaticanus gr. 1809; Venetus Marcianus gr. 137); вторая группа, возникшая независимо от первой и восходящая к иному архетипу, подразделяется на три подгруппы. В первую из них входят три рукописи XI—XII вв., содержащие «корпус» сочинений Максима Исповедника (Angelicus 120; Vaticanus gr. 1502; Coislitanus 90); вторую подгруппу представляют указанная московская рукопись и зависящие от нее позднейшие кодексы; третья содержит два иерусалимских манускрипта. Помимо данных двух основных групп, существует еще и непрямая традиция «Вопросоответов», которые использовались в различных флорилигиях и катенах. Эти антологии иногда составлялись в период более ранний, чем рукописи, отражающие прямую традицию, и поэтому имеют определенное значение для реконструкции текста. К. Лага обращает внимание на две подобные антологии. Одна из них — Florilegium Coislitanum secundam alphabeti litteras disp., — имеющая три редакции, восходит к началу X в. и близка к итапо-греческой группе. Другая «Различные главы о богословии и домостроительстве» была издана в Патрологии Миня (PG 90. Col. 1177—1392) среди произведений Максима Исповедника. В свое время С. Л. Епифанович охарактеризовал это сочинение как «своего рода Добролюбие из преп. Максима, составленное около половины XI в.»². К. Лага и К. Стил констатируют, что главы 410—500 этого флорилигия заимствованы (с изменениями и сокращениями) из «Вопросоответов». По их мнению, текст флорилигия зависит от текста московского кодекса и составлен после 1105 г.

¹ Следует отметить, что это влияние отнюдь не было односторонним: Фалассий, являясь личностью неординарной и одаренным писателем, в свою очередь, также оказывал духовное воздействие на Максима Исповедника. См.: Van Parys M. Un maître spirituel oublié: Thalassios de Libye // Irenikon. 1979. Т. 52. Р. 218.

² См. его предисловие к начатому переводу «Вопросоответов» на русский язык: Богословский Вестник, 1916. С. 10.

² Формулирование З. Дэппом своего метода см.: Döpp S. Zeitgeschichte in Dichtungen Claudians. Wiesbaden, 1980. S. 11 und folg.

Помимо анализа рукописной традиции, К. Лага и К. Стил дают также экскурс и в историю издания «Вопросоответов» (с. LXXXII—XC). Здесь основное внимание уделяется доминиканцу Ф. Комбефи, благодаря трудам которого впервые увидело свет печатное издание собрания сочинений Максима Исповедника (1675 г.). Впоследствии оно было перепечатано в «Патрологии» Миня и до настоящего времени еще служит необходимым подспорьем для исследователей творчества Максима. К. Лага и К. Стил предпринимает попытку идентифицировать рукописи, на которые опирался Ф. Комбефи в своем издании, а также отмечают ряд существенных недостатков его издания.

Следующая часть «Введения» посвящается латинской традиции «Вопросоответов» (с. XCI—CXI), т. е. переводу Иоанна Скота Эриугены, который впервые публикуется в рецензируемом томе. Известно, что мирозерцание этого оригинальнейшего мыслителя, стоящего одиноко среди своих западных современников, сформировалось под мощным воздействием греческой патристики³. Издатели подчеркивают данный факт, отмечая стремление Эриугены идти «к чистейшим и обильнейшим истокам греков», которое и определило основные черты его философии. Его перевод «Вопросоответов» сохранился в двух рукописях: одна из которых датируется примерно 1100 г., а другая — второй половиной XII в. Как считают издатели тома, Эриугена работал над этим переводом в то время, когда писал свое основное произведение «О природе», и завершил перевод до 866 г. «Вопросоответы» обычно цитируются Эриугеной под названием «Схолии» и это объясняется тем, что он неверно понял смысл «Пролога к схолиям», который в рукописной традиции обычно предваряет сами «Вопросоответы». Однако нельзя сказать, что Эриугена не понимал специального значения греческого слова «схолии». Он аккуратно перевел все схолии, наличествующие в той греческой рукописи, которую имел перед собой. Более того, Эриугена добавил к греческим схолиям и свои собственные, большинство из которых можно установить. Предпринимая перевод сочинений Максима Исповедника, Эриугена практически не имел предшественников в этом деле на латинском Западе⁴. И хотя его перевод не лишен ошибок и иногда труден

для восприятия, он тем не менее часто может служить хорошим подспорьем для адекватного понимания греческого текста. Прототип, с которого Эриугена делал свой перевод, существенно не отличается от известной греческой рукописной традиции и подтверждает древность и стабильность ее.

В заключение К. Лага и К. Стил кратко формулируют те источниковедческие и филологические принципы, которыми они руководствовались в своем издании (с. CXII—CXVII). Само издание текста «Вопросоответов» осуществлено в соответствии с лучшими стандартами современных критических изданий: греческий и латинский тексты даются параллельно, учитываются все разночтения. Оно снабжено необходимыми индексами.

Второй рецензируемый том содержит сочинение Максима Исповедника, которое первый издатель его (Ф. Комбефи) назвал «Вопросы и сомнения». Оно также относится к жанру «Вопросов и ответов», широко распространенному в патристической литературе⁵. Издание текста предваряется обширнейшим «Введением», которое является целым самостоятельным исследованием истории рукописной традиции «Вопросов и сомнений». Здесь И. Деклерк отмечает, что Ф. Комбефи опубликовал всего 79 «вопросов», в трех из которых имеются большие лакуны, а последний обрывается на полуфразе. В таком виде сочинение было перепечатано в «Патрологии» Миня (PG 90. Col. 785—856). В 1917 г. С. Л. Епифанович, опираясь на одну рукопись конца XVI в., восполнил лакуны издания Ф. Комбефи и добавил еще два «вопроса», отсутствующих в последнем⁶. Следующий важный шаг в изучении «Вопросов и сомнений» был сделан итальянским ученым К. Джанелли, который, обнаружив в начале 50-х годов в Ватиканской библиотеке кодекс X в. (Vaticanus gr. 1703), содержащий 195 «вопросов», написанных в духе «анагогической экзегезы», идентифицировал его как editio maior данного произведения. Именно этот кодекс и положен И. Деклерком в основу критического издания. По его словам, сложность изучения рукописной традиции «Вопросов и сомнений» заключается не только в большом количестве манускриптов, но и в разнообразии свидетельств, касающихся как содержания, так и структуры сочинения. Помимо указанной ру-

кописи Vat. gr. 1703, конец и начало которой, к сожалению, испорчены, И. Деклерк выделяет три основные редакции «Вопросов и Сомнений», обозначаемых им как «selection I», «selection II», «selection III». Но ни одна из них не представляет сочинения в своем исконном виде: испорченность кодекса Vat. gr. 1703 заставляет предположить, что часть произведения так и осталась неизвестной нам.

Скурпулезнейший анализ рукописной традиции позволяет И. Деклерку прийти к следующим выводам: «Вопросы и сомнения», видимо, почти не переписывались в своем изначальном виде. Южная Италия является родиной трех основных редакций сочинения. Позднее одна из них («selection I») попала на греческий Восток (вероятно, на Крит), где какой-то эрудит отредактировал и исправил ее. Она («selection II») легла в основу восточного ответвления рукописной традиции. Преобладание западного направления не означает, однако, что «Вопросы и сомнения» совсем не были известны в Византии: помимо «selection II», в пользу определенной сферы распространения их здесь говорят экзегетические катены и одна цитата у Феодора Студита. Главную причину фрагментарности передачи текста И. Деклерк видит в том, что «анагогическое толкование» Максима Исповедника не всегда встречало радужный прием у читателей. Кроме того, «Вопросы и сомнения» ни по форме изложения, ни по глубине мысли не могли сравниться с такими шедеврами Максима Исповедника, как «Вопросоответы к Фалассию» или Ambigua. Поэтому и составлялись сборники выдержек из данного сочинения, в которых были сгруппированы наиболее простые для понимания тексты. Подобные сборники постепенно вытеснили из обихода первоначальную редакцию произведения, что отнюдь не представляет исключительного случая в византийской литературе, — такая же судьба, например, постигла и «Вопросы и ответы» Анастасия Синаита. В заключение И. Деклерк присоединяется к гипотезе К. Джанелли относительно того, что преобладание итало-греческой (западной) рукописной традиции «Вопросов и сомнений» можно объяснить и фактом пребывания Максима Исповедника в Сицилии и Италии; рукопись Vat. gr. 1703, вероятно, восходит к экземпляру этого сочинения, который сам Максим привез в Италию.

Издание текста «Вопросов и сомнений», как и издание «Вопросоответов к Фалассию», отвечает всем канонам современного

источниковедения. Структура издания следующая: сначала идет текст, отраженный в главной редакции (Vat. gr. 1703), с учетом разночтений, встречающихся в других редакциях (если они имеются); затем приводятся те «вопросы», которые отсутствуют в главной. В общей сумме это дает 239 «вопросов», и если учесть, что в «Патрологии» Миня наличествуют всего 79 «вопросов», то можно сказать, что И. Деклерк издал практически неизвестное до сих пор произведение Максима Исповедника.

Оценивая в общем оба рецензируемых тома, следует отметить, что они представляют в распоряжение исследователей творчества Максима Исповедника и византийской культуры в целом прекрасный инструментальный для научного поиска. Формально оба произведения принадлежат к экзегетическим трудам византийского мыслителя. Однако при этом надо учитывать три существенных момента. Во-первых, свою оригинальнейшую систему мировоззрения он никогда не излагал в целокупном виде, а давал ее отрывочно и как бы всегда «по поводу». Поэтому понимание ее невозможно без тщательного анализа всех его произведений или даже отдельных частей их⁷. Во-вторых, по меткому замечанию С. С. Аверинцева, в византийской культуре экзегеза, интерпретация текста была «хрестоматийным способом заниматься философией»⁸. Отсюда вытекает то, что экзегетические сочинения Максима Исповедника, как и других деятелей патристики, представляют для историков византийской философии неисчерпаемые и практически еще не задействованные в научном обороте резервы. Наконец, в-третьих, сама по себе экзегеза, вне ее связи с историей философии, являлась весьма важным элементом в общей структуре византийской культуры. Среди массы памятников византийской письменности экзегетические произведения составляли немалый процент и во многом определяли духовный облик византийцев на протяжении тысячелетней империи. Поэтому изучение византийской культуры в целом вряд ли будет достаточно адекватным без учета данного факта. Например, выделение таких крупных экзегетических направлений, как александрийская и антиохийская «школы», послужило немаловажным фактором в эволюции культуры Византии и сопредельных восточных стран. И современные изыскания в области средневековой культуры не могут обойти молчанием этот аспект ее.

А. И. Сидорев

³ По словам А. Бриллиантова, характерной чертой Эриугены «является высокое уважение к греческому востоку и стремление усвоить и перенести на западную почву результаты восточной спекуляции». См.: Бриллиантов А. Влияние восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Скота Эриугены. СПб., 1898. С. 41.

⁴ В дальнейшем некоторые сочинения Максима Исповедника переводились еще Анастасием Библиотечкарем, Цербаном и др., но все эти переводы не получили широкого распространения на Западе. См.: Dekkers E. Maxime le Confesseur dans la tradition Latine // After Chalcedon: Studies in Theology and Church History Offered to Professor A. Van Roey for His Seventieth Birthday. Leuven, 1985. P. 83—92.

⁵ Bardy G. La littérature patristique des Quaestiones et Responsiones sur l'Ecriture sainte // Revue biblique. 1932. T. 41. P. 210—236, 341—369, 515—537; 1933. T. 42. P. 328—352.

⁶ Епифанович С. Л. Материалы к изучению жизни и творений преп. Максима Исповедника. Киев, 1917. С. 26—27.

⁷ В качестве примера такого анализа можно привести статью: Лага G. Maximi Confessoris ad Thalassium Quaestio 64; Essai de lecture // After Chalcedon. Leuven, 1985. P. 203—215.

⁸ Культура Византии. IV—первая половина VII в. М., 1984. С. 42.

В 1985 г. в составе «Корпуса источников по византийской истории», издаваемого в Думбартон Оксе Международной комиссией по публикации византийских исторических источников, вышло в свет эпистолярное собрание Льва, митрополита Синады и синкелла. Это — первое критическое издание всех сохранившихся документов, автором которых являлся видный церковный деятель и дипломат конца X в. Лев, митрополит Синады. В книге опубликованы тексты 53 писем Льва, адресованных разным лицам, и его завещание, написанное ок. 1003 г. Все памятники приводятся с параллельным переводом на английский язык и обширным комментарием (р. 93—139). Публикация снабжена кратким введением (р. VII—XV), библиографией использованных работ (р. XVII—XIX), указателями собственных имен и терминов (р. 141—143), а также начальных фраз всех издаваемых документов («Incipits» — р. 143).

Для того, чтобы судить о значении издания, необходимо прежде всего учитывать личность автора завещания и писем и, конечно, содержание самих текстов. Названные документы являются единственным компактным источником для изучения биографии Льва. Опираясь на них, можно установить, что он родился ок. 937 г., а в 90-е годы X в. занимал пост митрополита Синады в Малой Азии (Фема Анатолик), являясь также членом корпорации синкеллов при константинопольском патриархе. В 996 г. он принимал участие в политической борьбе, связанной с замещением вакантного патриаршего престола в Константинополе. Вследствие не вполне ясных причин его не допустили на собор, где был избран (в апреле 996 г.) патриарх Сисиний II. Однако написанные Львом в это время два обширных письма (№ 53—54) являются весьма ценным источником по истории политических коллизий в среде высшего духовенства накануне и во время собора. В конце 996—начале 998 г. Лев выполнял важное дипломатическое поручение императора, находясь в составе миссии в Италии, где способствовал возведению на папский престол ставленника провизантийских кругов при германском императорском дворе Иоанна Филагата (он же антипапа Иоанн XVI), вскоре низложенного Оттоном III. О своей деятельности в Риме, а также в ходе поездок по Италии, а позже и в Германию (988 г.) Лев подробно рассказывает в серии писем на родину, которые образуют небольшой самостоятельный эпистолярный корпус (по изданию М. П. Винсон: № 1—13). Среди адресатов этих и других писем Льва из Синады видные политические и церковные деятели (император Василий II, полководец Никифор Уран, константинопольский патриарх Сисиний II, патриархи Антиохии и пр.). Во многих письмах, не повествующих о важных исторических событиях и не поддающихся

точной датировке, приводятся в то же время ценные сведения о государственной и церковной администрации, экономике Анатолии на рубеже тысячелетий, интересные бытовые подробности. Значительная часть посланий написана в Синаде и дает возможность судить о положении и сфере влияния провинциального византийского церковного иерарха. Наконец, в своей совокупности, произведения Льва позволяют составить представление о человеческой сущности, нравственных свойствах и убеждениях автора. С этой точки зрения особенно показательно его завещание (№ 31), — в полном смысле слова «духовное». Лев целиком посвятил его самоанализу своей личности и вытекающим из него этическим выводам. Все перечисленные обстоятельства определяют незаурядное византиноведческое значение творений Льва из Синады и делают их критическое издание заметным явлением в византистике.

Ценность публикации еще увеличивается благодаря ее научным достоинствам. Издательница М. П. Винсон провела большую кропотливую работу по сравнению рукописей, выявлению разночтений, уточнению отдельных слов и выражений. Много интересных находок содержит комментарий. Обращают на себя внимание аргументированные уточненные датировки ряда писем (напр., № 4, 6, 15, 19 etc.). Представляют интерес небольшие вводные статьи к комментариям отдельных посланий. Так, убедительны идентификация адресата письма № 36 с митрополитом эфесским Феодором, и привлекательно выглядит предположение, что это тот самый Феодор, который ранее сопровождал сестру императоров Василия и Константина Анну в Киев ко двору великого князя Владимира (р. 121). Отсроченное источниковедческое исследование содержит введение к комментариям на письмо № 38. Здесь, вслед за лингвистическим анализом термина «ὁ ἐπίσκοπος» (должность адресата письма по имени Лев), привлекается к рассмотрению такой своеобразный источник, как византийский шелковый покров, возложенный ок. 1000 г. на гробницу Карла Великого Оттоном III. На нем, в числе прочих, было вышито имя Михаила, обозначенного как *ἐπίσκοπος*. В самом деле, если предположить, что покров был новым, то названный Михаил может считаться преемником Льва на посту *ἐπίσκοπος*, а 1000-й год — *terminus ante quem* написания письма.

Подобных источниковедческих эссе немало в составе комментариев, в тех же случаях, когда вопрос основательно исследован предшественниками. М. П. Винсон дает исчерпывающую сводку установленных ими фактов и выдвинутых гипотез. В большинстве случаев очень удачно осуществлен перевод текстов на английский язык. Он не просто точен, но позволяет ощутить торжественный, высокопарный риторический стиль Льва

из Синады, дает возможность судить о его литературных и художественных вкусах. И тогда особенно показательными становятся неожиданно отмечаемые (и адекватно переданные в переводе) стилистические перебои, изменения в манере письма, характерные для некоторых посланий. В этом смысле особенно выразительно письмо № 43, адресованное императору Василию II и выполненное в строгом, лаконичном стиле, совершенно не свойственном Льву из Синады. М. П. Винсон резонно предполагает, что автор стремился подражать безыскусному деловому языку, которым обычно пользовался сам император (р. 126).

Американская исследовательница установила источники многих литературных аллюзий, цитат из Библии, произведений христианских и античных авторов, которыми пестрят письма Льва.

Удачна вступительная статья к изданию, хотя и очень небольшая, однако доносящая до читателя все точно установленные факты жизни и деятельности Льва из Синады и данные о рукописной традиции его сочинений. Вполне резонно, вслед за М. Я. Сюзумовым, Н. Панайотисом и Ж. Дарузесом, М. П. Винсон отвергает старую гипотезу И. Сикутреса, П. Оргеля и А. Грегуара о том, что Лев, митрополит Синады, идентичен с историком Львом Диаконом. Несовпадения в биографиях этих лиц и, самое главное, различные трактовки одних и тех же событий позволяют в настоящее время окончательно отказаться от этого предположения.

Как и любая большая научная работа, рецензируемое издание не лишено недостатков. Во-первых, необходимо отметить, что М. П. Винсон прокомментировала далеко не все пассажи текста, которые в этом нуждаются. Приведем несколько примеров.

В письме № 8, адресованном некоему «Стефану, несравненному среди монахов», говорится: «Кафедре же бери, коли будет воля божья». Конечно, комментатору необходимо было подумать над вопросом, какая епископская кафедра здесь имеется в виду.

Подробного исторического комментария заслуживает характеристика Рима (письмо № 9) как «града мудрого, колоссального и нуждающегося в человеке» («ἡ πόλις τοῦ σοφοῦ καὶ τοῦ ἀνθρώπου»). Ясно, что этим человеком Лев считал будущего антипапу Филагата, но какие впечатления от только что увиденного Рима подразумевает он, говоря, что город «нуждается в человеке»? В этом же письме Филагат представлен как архиепископ из Германии («Φραγγία»), а в комментарии сообщается, что он занимал с 988 г. кафедру в Пьяченце. Употребление в такой ситуации термина «Германия» нуждается в объяснении.

Письмо № 14, направленное патриарху Антиохии, целиком состоит из оправданий и повествует о страшном гневе, который испытывает патриарх по отношению ко Льву. Хотелось бы, хотя бы предположительно, представить себе, в чем причина этого гнева.

Письмо № 18 наполнено бранью по

адресу Арсения из Ираклии. Автор жалеет, что некогда им самим «был назначен» Арсений. Но на какую должность и когда назначен? Видимо, епископом Ираклии и суффраганом Льва? Лев обвиняет его в продаже проздрю виноградики. По мнению М. П. Винсон, дело в том, что подобная сделка противоречит новелле Василия II, ограничивающей передачу земель динатам. Здесь уместной была бы информация о том, насколько вообще была распространена в епархиях Малой Азии практика отчуждения церковных земель в пользу динамов.

В комментарии к письму № 26, где есть аллюзии на Библию, следовало бы дать необходимую ссылку.

Во-вторых, далеко не все утверждения автора одинаково убедительны. Например, письмо № 11, адресованное константинопольскому патриарху Сисинию II и содержащее гневные инвективы в адрес Филагата, датировано весной 997 г. — временем его утверждения на папском престоле. Однако из других писем ясно, что Лев способствовал превращению Филагата в антипапу Иоанна XVI. Для того, чтобы разочароваться в своей креатуре, ему требовалось время. Вероятно, данное письмо написано позднее (вернее всего, — в конце 997 г., когда против узурпатора уже выступил император Оттон III). Тогда, кстати, и следующее письмо (№ 12), адресованное митрополиту Сард, где Лев всячески оправдывается по поводу поддержки, оказанной Филагату, надо датировать тем же временем.

Письма № 14—15 посланы анонимному «патриарху Антиохии». Из двух равновероятных персоналий (Агапий, низложенный в 996 г., и Иоанн III, возведенный на престол тогда же) М. П. Винсон избирает второго, имея в виду, что Иоанн прежде был хартофилаком Святой Софии в Константинополе и скорее мог быть знаком со Львом из Синады. Однако нет никаких оснований считать, что малоазиатский митрополит не мог близко знать антиохийского патриарха. В то же время в письме № 15 Лев из Синады дважды намекает адресату на возможность его скорой кончины: «Когда уйдешь отсюда, займи место рядом с Господом!»; «Дай насладиться твоим обществом, пока не сменил жизнь земную на возвращение ко Господу». Думается, что шестидесятилетний митрополит Лев вряд ли допустил бы такую неоправданную бестактность по отношению к полному сил Иоанну III, который прожил после этого еще четверть века (умер в 1021 г.) и не намеревался отправиться «ко Господу» раньше самого Льва. Такие пожелания возможны и даже уместны в письме к доживавшему последние месяцы жизни старику Агапию.

М. П. Винсон чрезвычайно осторожна в предположениях и выдвигает их обычно лишь в том случае, когда способна тщательно их аргументировать. Это большое достоинство исследовательницы. Тем не менее, данное обстоятельство не лишает рецензента права высказать несколько

частных гипотез, которые напрашиваются в ходе чтения писем.

Комментируя письмо № 9, М. П. Винсон отмечает, что П. Шрамм считал его адресатом константинопольского патриарха (р. 98)¹. Однако комментатор указывает, что письмо могло быть адресовано простому епископу. Формально это так. Но подчеркнута уважительный тон письма (в частности, обращение «благочестивейший отец и государь») и намек на возможность оказания адресатом протекции Льву перед лицом императора в сочетании с фактом, что во время пребывания в Италии Лев определенно состоял в переписке с патриархом, делают предположение П. Шрамма вполне обоснованным.

В письме № 36 Лев обращается к митрополиту эфесскому как к «главе церкви» («κεφαλὴ οὖν καὶ στήθα καὶ λόγος καὶ νοῦς τῆς ἐκκλησίας»). По этому поводу М. П. Винсон замечает, что это, вероятно, дипломатическое преувеличение, но оно могло быть и истиной, если константинопольская патриархия и митрополичья кафедра в Кесарии пустовали одновременно: ведь митрополит Эфеса был третьим по значению иерархом в патриархии (р. 122). Письмо очень оригинально адресовано: «Митрополиту Эфесскому в ответ на (?) хрисовул» («ἀπὸ χρυσουλλίου»). Издательница отказывается от ответа на вопрос, какой хрисовул имеется в виду, лишь неуверенно предполагая, что этот термин употреблен в переносном значении. Между тем она сама же наводит читателя на мысль о разгадке: письмо написано в 991—996 гг., когда пустовал патриарший трон в Константинополе. Полные нотии эфесской митрополии, кажется, не сохранились, но весьма вероятно, что в эти годы был период, когда и там происходила смена епископов. Временным главой церкви стал митрополит эфесский, и по этому поводу прочим иерархам были направлены императорские хрисовулы. Получивший такой хрисовул митрополит Синады Лев тотчас же написал письмо новому владыке. Ситуацией объясняется и характер письма: оно полно подобострастных комплиментов и совершенно бессодержательно.

В письмах № 46—47 Лев упоминает своего брата. Кто этот брат — неизвестно. Но среди писем Льва три адресованы патрирху Мефодию (№ 4, 40, 41). В одном из них говорится: «Мы знаем, что наш приемный отец тебе родной. . . И на всю жизнь останемся мы не просто братьями, но любящими братьями.» Не следует ли предположить, что и в других письмах Лев называет своего сводного брата Мефодия просто братом?

Три письма подряд (№ 47—49) адресованы хартофилактору Святой Софии Константинопольской, который, путешествуя по Малой Азии, хотел встретиться со Львом. Встреча не состоялась, так как

Лев приехал в условленное место (в Дорилею) уже после отъезда хартофилакта. Следующее письмо (№ 50) послано неизвестному адресату. Как думал Ж. Дарузес², им мог быть либо тот же хартофилакт, либо родной дядя Льва. М. П. Винсон определенно поддерживает вторую версию, так как Лев называет корреспондента своим «родителем и дядей» (р. 132). Но настораживает вот что: письмо написано в подобострастном тоне; автор его униженно просит прощения у адресата. Между тем известно, что дядя Льва служил у него в митрополии епископом, а Лев ему протектировал. Крайне маловероятно, чтобы он стал писать в такой манере своему подчиненному, пусть даже родственнику. Если же предположить, что родителем и дядей адресат назван риторически и письмо предназначено хартофилактору, — многое объясняется: Лев просит о прощении, так как тот выразил ему неудовольствие по поводу неявики в Дорилею.

М. П. Винсон во всех случаях дает не подстрочный, а литературный перевод текстов, и это правильно. Однако иногда он нуждается в уточнениях. По версии М. П. Винсон, текст письма № 1, посланного остиарию Льву (в обратном переводе с английского), звучит так: «... был брошен в тюрьму в качестве временной отсрочки» (казни. — О. Б. Имеется в виду Филагат). В подлиннике говорится: «ὡς εἰς ἀναφυχὴν εἰς τὸν χάρχαρον ἐνεβλήθη», — что означает: «... как будто для отдыха был оставлен в тюрьме». Перевод неточен и, кроме того, утрачен сатирический стиль, вообще характерный для писем Льва из Синады остиарию Льву (ср. письмо № 6).

В переводе письма № 7 логофету геникона звучит странное признание: ныне я «враждебен как моим друзьям, так и господам» (употреблено английское слово «offensive»). В тексте сказано: «... καὶ τοῖς φίλοις προσηρόων καὶ τοῖς κυρίοις μου». Как известно, глагол «προσηρόων» может переводиться в обоих значениях: и «обижать, оскорблять», и «обижаться, быть недовольным», наконец, «быть обижаемым». Здесь, конечно, имеется в виду последнее: «ко мне враждебны и друзья, и господа» (следствие неудачи Льва в авантюре с интронизацией Филагата).

В письме № 12 Филагат именуется «дурным знакомым» Льва («τὸν κακῶς γινώσκοντα»). Переводчица использует английское сочетание «bad friend». Но это неточно. Лев не мог отрицать своей роли в возведении на престол Филагата, а тем более — знакомства с ним, но он решительно не желал, чтобы их считали друзьями, хотя бы и бывшими. Поэтому перевод «friend» явно смещает смысловые акценты письма.

В письме № 51 автор вспоминает о встрече с адресатом, неким Никитой, в городе Пилы и, льстя его самолюбию, пишет: «Мудрецы ее (столицы. — О. Б.;

в подлиннике; «οἱ γὰρ σοφοί») встретили меня в Пилах. Я говорю множественно: „мудрецы“ — об одном Никите, красно-речивом, многознающем, одухотворенном Господом и музами. . .» М. П. Винсон переводит «σοφοί» словом «intelligentsia». Мало того, что оно звучит модернизаторски; такой перевод вдобавок не позволяет точно перевести следующую фразу, так как «intelligentsia» — собирательное существительное единственного, а не множественного числа.

Вступительной статье к изданию писем Льва хотелось бы пожелать большей подробности. Для понимания значения первых 13 писем Льва из Синады как исторического источника хорошо было бы проанализировать их содержание на фоне общей характеристики политической борьбы в Риме в 996—998 гг.; стоило бы подробнее разобрать внутрицерковные коллизии, предшествовавшие избранию патриархом Сисиния II, что, может быть, бросило бы дополнительный свет и на личность Льва из Синады. Следовало бы поставить вопрос о письмах Льва как источнике по экономической истории, тем более, что в них содержится многообразная информация по этим сюжетам (о материальном обеспечении митрополии Синады — письмо № 42; о хозяйстве г. Пилы — письмо № 54). Специально стоило бы изучить круг богословских и литературных источников Льва, определить уровень его образованности. Могла бы быть более полной и точной психологическая характеристика личности Льва из Синады. Во всяком случае, мнение о нем как человеке наивном, систематически обманывающемся в людях, которым оказал доверие, в том числе — в Фи-

лагате (р. XI—XII), — не единственно возможное. Умение Льва моментально менять мнение о человеке, обращаться к одним и тем же людям в самой разной манере (от патетического восторга до площадной брани) и при этом — продуктивность, отделанность всех его писем позволяют заподозрить в нем ловкого интригана, разочарование которого в том же Филагате — следствие политического провала последнего, а вовсе не его душевной низости, неожиданно открывшейся Льву.

Наконец, оценивая научный аппарат издания, можно пожелать включения в указатели не только терминов, имен и названий, встречающихся в источнике, но и рассыпанных по статье, комментариям, т. е. на всем протяжении книги. Есть также некоторые неточности в библиографическом списке. В частности, М. Я. Сюзюмов обозначен как автор статьи «Antichnaia drevnost' i srednie veka», в то время как это название основанного им и известного всем византинистам периодического издания (р. XIX).

Письма Льва из Синады таят в себе большие резервы для дальнейшего изучения и использования. И если по некоторым частным вопросам их издатель М. П. Винсон можно сделать возражения, в целом высококачественная критическая публикация произведений митрополита Синады является несомненной научной заслугой американской византистики. Специалисты получили в свои руки новый свод важных источников, который, безусловно, будет по достоинству оценен ученой общественностью.

О. Р. Бородин

Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos/With maps and plans by R. Anderson and drawings by J. Winfield. Washington, 1985. Т. 1: Text. LI, 394 p., 122 Plates. Т. 2: 290 Plates (Dumbarton Oaks Studies, XX)

Книгу Э. Брайера и Д. Уинфилда византилисты ждали давно: о ее публикации было объявлено еще в 1975 г.¹ Обработка материала, собранного в результате полнотра десятков научных экспедиций авторов на Понт начиная с 1957 г. была в основном завершена к 1976 г. Но печатание монографии со сложным аппаратом, многочисленными таблицами, рисунками, графиками, планами, картами и фотографиями растянулось на годы. Скажем сразу, что, несмотря на эту задержку, и оформление и содержание монографии делает честь авторам и издателям. Книга удобна в работе, прекрасно выполнена полиграфически.

Область Понта — одна из наиболее богатых памятниками византийских территорий. Однако быстрое исчезновение этих памятников в последние годы сделало особенно важным их описание, реконструкцию их облика, сбор всех сведений об их истории. В этом и заключалась одна из задач монографии. Другая состояла в том, чтобы рассмотреть эти

памятники в их конкретной историко-географической среде. Но эта цель потребовала тщательных топонимических изысканий. История топонимов сходна с историей памятников: они быстро исчезают и забываются. А для Понта эта проблема особая. Географические названия неоднократно менялись и в результате замены греческих топонимов турецкими и в результате замены одних турецких топонимов другими (процесс переименований приобрел особую силу в последние годы). Наконец, не менее сложной оказывается проблема идентификаций на местности упоминаемых в письменных источниках топонимов и атрибуция сохранившихся памятников. Авторы справедливо полагают, что десятилетия их работы на Понте, быть может, были последней возможностью для проведения подобных изысканий (с. VII). Между тем до 1923 г. только для одной области Мацуки, на территории всего лишь 24 кв. км., был зафиксирован 1031 греческий топоним. 500 топонимов восстанавлива-

¹ Schramm P. E. Neun Briefe des byzantinischen Gesandten Leo von seiner Reise zu Otto III aus den Jahren 997—998 // BZ. 1929. 25. S. 92.

² Darrouzés J. Epistoliers byzantins du Xe siècle. P., 1960. P. 202.

¹ Напримеч; Bulletin d'information et de coordination. Association Int. des études byzantines. Athènes; P., 1975/76. Т. 8. P. 47.

ется по средневековому актовому материалу. Это редкая репрезентативность топонимического материала (см. с. 260).

Понт рассмотрен в его максимальных границах: от мыса Карамбис (Керембе Буруну) на западе — до Батуми на востоке. Южными границами региона являются районы, примыкающие к Понтийскому Альпам по линии городов Никсар — Байбурт — Искир. Таким образом, охватывается территория площадью более чем 80 000 кв. км. и составлявшая в XIII—XV вв. Трапезундскую империю с прилегающими к ней тюркскими эмиратами и грузинскими княжествами.

Характеризуемые в книге памятники относятся в основном к периоду VI—XV вв., хотя нередки и замечания о более ранних и более поздних этапах строительной деятельности.²

Рецензируемая книга разделена на 2 тома. Первый содержит обзор топографии Понта, главу о прохождении дорог, описание каждой из 28 выделенных авторами областей и находящихся на их территории памятников. Обширная библиография, доведенная до 1976 г.³, включает списки источников, отчетов путешественников, посетивших Понт с 1240 по 1969 г., и научную литературу. Текст сопровождается более 120 планов, рисунков, карт и схем. Во втором томе собрано свыше 530 фотографий памятников Понта, сделанных с конца XIX в. до 1970-х годов. В общей сложности авторы лично исследовали 314 памятников. К сожалению, никаких археологических раскопок на Понте проведено не было. Нередко это затрудняло датировку построек, их типологический анализ, особенно учитывая консерватизм местной строительной традиции на протяжении всего изучаемого периода.

Большая часть крепостей и церквей на Понте была построена в эпоху Трапезундской империи (1204—1461 гг.). Впрочем, само государство Великих Комнинов рассмотрено как «политическая оболочка своеобразного понтийского регионализма», явления сугубо индивидуального в социальной, экономической и географической сферах (с. VIII).

Хотя авторы в главе о топографии Понта (быть может, несколько неосторожно) отрицают «городской характер» экономики Трапезундской империи в целом (с. 16), они предлагают интересную типологию городов на основе деления их по историко-географическим признакам. Уместное в данной книге, оно недостаточно для построения общей типологии городов Понта, так как не в полной мере учитывает их ремесленные и торговые функции.

Большой и скрупулезной работы от авторов потребовало установление маршрутов дорог по территории Понта. Прохождение их в периоды античности, средневековья и в новое время существенно изменялось. Кроме того, сами пути варьировались в зависимости от целей поездки, времени года и политической ситуации. Учитывая это, авторы отказались от «табличного метода» описания маршрутов, заменив его более сложной, дробной и разветвленной характеристикой всех вариантов путей. Они показали весьма ограниченное значение сухопутной дороги вдоль черноморского берега, примат «вертикальных» путей (с севера на юг) над «горизонтальными» (с запада на восток). Заслуживает внимания особый раздел об экспедиции Мехмеда II против Трапезунда в 1461 г., где Э. Брайеру удалось убедительно доказать, что успех похода был в немалой степени обеспечен внезапностью появления османских войск, избравших нетрадиционный обходной путь от Байбурта к Сурмене, оставляя в стороне Торул и укрепленный район Месохалдии (с. 60—65).

Все 28 зон с запада на восток и с севера на юг характеризуются по такой схеме: сведения о районе или городе в целом — краткий исторический очерк — информация об имеющихся надписях — подробное описание каждого византийского памятника. Четкая структура глав и наличие тщательно составленных указателей топонимов, памятников, иконографических сюжетов и надписей позволяют использовать книгу и как справочник. Лишь эпиграфический раздел наименее систематизирован из всех: в некоторых случаях надписи публикуются, в других — лишь упоминаются. В этой связи хотелось бы отметить уже назревшую потребность сводной публикации всех средневековых надписей Понта, информация о которых разбросана по большому числу нередко труднодоступных изданий.

В результате исследования и систематизации огромного материала Э. Брайером и Д. Уинфилдом выявлены типологические особенности архитектуры трапезундских храмов (их атрибуция и сравнительные характеристики представлены в таблице на с. 248—250), иконографии росписей области Мацука. Представляется существенно важной попытка авторов выявить типы кладки стен средневековых построек, классифицировать сам строительный материал, основные архитектурные особенности. Все это имеет большое значение для датирования памятников, создает основу для их научного

изучения. Так, например, выделено и датировано 12 типов кладки стен синонской крепости (с. 76—79), составлена таблица сочетаний кладки разного типа в цитадели Трапезунда (с. 192), проведены измерения кирпичей и черепицы, использовавшихся в постройках Пафлагонии и Понта (с. 356—357). Многие города и селения Понта локализованы авторами. Византийский город Кинте (XII в.) отождествлен с трапезундской крепостью Лимния (XIV в.), расположенной в дельте реки Ириса (Иешил Ирмак, с. 96—100). Трапезундская крепость Кенхрина (XIV в.) локализована на мысе Зефирнон (с. 135—137), а часто упоминаемый в источниках город Сотиринуполь — на восточных границах империи с отождествлением его с г. Борчка, который в период между 1377 и 1386 гг. перешел из рук Великих Комнинов в руки правителей княжества Саатабаго (с. 347—350).

Большой интерес представляют и некоторые конкретно-исторические выводы и наблюдения: об особенностях административного статуса города Керасунта (с. 129) и района Хернаны (с. 171—172), о специфике аграрных отношений в районах (бандах) Трикоми и Мацуки (с. 162, 251—265), об истоках и развитии культуры святых-мучеников Араураки (с. 167—170). Обнаружен факт интенсивного церковного строительства в Мацуке в 80—90-х годах XIV в. Авторы связывают его с именем соимператора Мануила III (с. 281). И в целом все исследование Брайера и Уинфилда показывает очень обширную деятельность Великих Комнинов по сооружению крепостей и храмов, что, между прочим, говорит и о значительности их доходов.

Остановимся теперь на некоторых уточнениях и дополнениях к тексту рецен-

зируемой монографии. Пожалуй, самым крупным ее недостатком является слабое использование материалов русских экспедиций и путешествий на Понт, в том числе со специальными исследовательскими целями.⁴ Отмеченный на с. 319 недостаток сведений «большинства путешественников» об областях к востоку от Трапезунда мог быть частично восполнен этими публикациями. Среди них — отчеты Н. Я. Марра о поездке в Лазистан⁵, Е. Такайшвили — об археологической экспедиции в Южную Грузию⁶ и многие другие.⁷ Полезные сведения могут быть также почерпнуты из топографических и статистических отчетов⁸. На с. 72 авторы пишут, что существование генуэзского консула в Синопе документально подтверждается с 1449 г., хотя возможно, он был назначен туда еще до 1351 г. Первые документальные свидетельства о консулах в Синопе (упомянутых в массариях Перы) относятся к 1389—1390 г.⁹

Э. Брайер усомнился в достоверности информации Пеголотти о возможности вывоза 14 тыс. генуэзских кантаров квасцов из Колонии через Керасунт¹⁰. Брайер обнаружил в картугерии Иотария Ламберто ди Самбучето за 1289/90 г. экспорт лишь 26,9 т. квасцов из Черного моря. Но лишь 3 контракта 1290 г. по вывозу квасцов Колонии через Южное Черноморье — Каффу в Геную фиксируют по меньшей мере 8900 кантаров (422,75 т.)¹¹. А эта цифра вполне сопоставима с приведенной у Пеголотти. Э. Брайер полагает далее, что в 1340-х годах путь из Колонии в Керасунт мог блокироваться тюркскими нападениями. Однако свидетельство Пеголотти, как нам кажется, относится не к 40-м годам XIV в., а к периоду до 1319 г. На это указывают, в частности, величины ком-

⁴ Сами авторы осознают это упущение, упомянув соч.: Библиография Турции (1713—1917). М., 1961.

⁵ Марр Н. Я. Из поездки в турецкий Лазистан // Изв. АН. 1910. VI серия. № 7. С. 547—570; № 8. С. 607—632.

⁶ Такайшвили Е. Археологическая экспедиция 1917 г. в Южные провинции Грузии. Тбилиси, 1952.

⁷ Сведения о них приведены, помимо указанной в примеч. 4 книги, в: Библиография Турции (1917—1975). М., 1982.

⁸ Статистические таблицы вилайетов Турецкой империи, ближайших к Закавказью. Тифлис, 1889 (Приложение ко II выпуску IX тома Известий Кавказского Отдела имп. Русского географического общества); Топографическое описание пути от Эрзерума до Трапезунда с историческим и статистическим обозрением сих важных городов. . . М., 1829; Минцлов С. Р. Статистический очерк Трапезундского округа. Ноябрь 1916. Трапезонд, 1916, ср.: Он же. Трапезундская эпопея. Дневник. Берлин, б. г.; Отчет о деятельности Русского Археологического Института в Константинополе в 1904. // ИРАИР. 1908. Т. XIII. С. 312—316 (поездка Р. Х. Лепера в Самсун); Гунтуис А. И. Виляет Сивас и сеть путей к Западу от Эрзерума. Тифлис, 1890. Ч. I—II.

⁹ Archivio di Stato di Genova. San Giorgio. Peire Massaria ad annum 1390—I. F. CLXVIIIv; Ibid. ad annum 1390—II. F. IIIv, Vv, XLIXv, LXXVv; Archivio di Stato di Genova. Antico Comune. 22. Peire Massaria ad annum 1391. F. XXXIIIv, CLXVIIIv. Cp.: Balard M. La Romanie Génoise (XIIe—début du XVe siècle). Genova; Roma, 1978. Т. 2. Р. 903.

¹⁰ См. с. 149 рецензируемого труда, а также: Bryer A. The Question of Byzantine Mines in the Pontos Anatolian Studies. 1982. Т. 32. Р. 146—149. Так как 1 генуэзский кантар составлял 150 либр, а 1 ген. либра равнялась от 316,756 до 317,084 г, принимаем среднее значение для либры 317 г, а для кантара — 47,55 кг. Тогда 14 000 кантаров = 665,7 т, а не 700 т, как у Брайера. Об условности деления либр на «гроссе» и «сотили» см.: Borzone P. Una rilettura degli antichi pesi genovesi. Quaderno del Centro di studio sulla storia della tecnica del Consiglio Nazionale delle ricerche presso l'Università degli studi. Genova, febbraio 1982. Р. 7—51.

¹¹ Balard M. La Romanie. . . Т. 2. Р. 775.

² Результаты систематических исследований памятников Понта второй половины XV—XIX в. опубликованы в статьях: Ballance S., Bryer A., Winfield D. Nineteenth-century Monuments in the City and Vilayet of Trebizond: Architectural and Historical Notes. Pt 1 // АП. 1966. Т. 28. Р. 233—308; Bryer A. Nineteenth-century Monuments. . . Pt 2 // АП. 1968. Т. 29. Р. 89—132; Bryer A., Winfield D. Nineteenth-century Monuments. . . Pt 3 // АП. 1970. Т. 30. Р. 228—380; Bryer A., Isaac J., Winfield D. Nineteenth-century Monuments. . . Pt 4 // АП. 1972—1973. Т. 32. Р. 126—310.

³ Некоторые дополнения к библиографии сделаны на с. X—XI, но, разумеется, они не носят исчерпывающего характера.

меркиев, взимавшихся с итальянцев. В 1319 г. они изменились¹². Предположение Брайера о вывозе квасцов Колонии через Сивас—Конию—Кипр также вызывает возражения. Такой путь многократно превосходил по длине и сложности 117-километровый отрезок от Колонии к Керасунту или чуть большее расстояние — к Трапезунду. Его использование многократно удорожило бы цену квасцов. Кроме того, он ни в коей мере не мог бы контролироваться генуэзцами, как путь от Южного Черноморья. Безопасность пути через Конию после распада державы ильханов еще более проблематична, чем безопасность северного пути к городам Трапезундской империи.

Локализация месторождения квасцов близ Колонии вызывает определенные сложности. Одно из свидетельств о нем содержится у Вансана де Бовэ¹³ под 1236 г. Французский писатель упомянул *aluminis minera iuxta Savastia*. Но Сивас расположен в 120 км к юго-западу от Колонии (Шебин Карахисар). Правда, Вансан де Бовэ употребляет несколько неопределенный предлог «iuxta» (возле). Но у него есть и более точные сведения. Он сообщает далее, на той же странице, что «*apud Hacsar invenitur coctus et aluminis minera*». Может быть, Хаксаром Вансан де Бовэ назвал Карахисар, и тогда это — одно из первых свидетельств о турецком топониме Колонии.

Опустошение и разгром Самсуна (Симиссо), видимо в результате османского нападения (см. с. 94), теперь можно точно датировать. Это произошло 7 ноября 1420 г. (а не в 1421 г.). В результате сильно пострадала генуэзская фактория в городе¹⁴. Однако почти сразу же генуэзцы начали восстанавливать свой замок. Несмотря на очевидный упадок фактории после 1420 г., она продолжала существовать, и последнее упоминание о ней относится не к 1424 (с. 94), а к 1441 г.¹⁵ В Уставе Каффы 1449 г. она уже более не фигурирует.

Дату сожжения генуэзцами императорского арсенала (с. 195) можно уточнить: это произошло не в 1305 г., а летом 1304 г.¹⁶

На с. 202 Э. Брайер приводит историю венецианского замка в Трапезунде, строительство которого началось в 1368 г. Документы венецианского Сената позволяют прийти к заключению, что строительные и ремонтные работы так и не были завершены. У венецианцев постоянно не хватало на это средств, а обязательства трапезундского императора оставались невыполненными. Сделаем некоторые дополнения к информации Брайера. В 1371 и 1372 гг. Сенат констатирует, что укрепление не завершено из-за нехватки средств и поручает байло собрать до 300 соммов¹⁷. В 1403 г. на починку крепости и ее башен предполагалось выделить 200 дукатов¹⁸. В постановлении Сената от 24 июля 1407 г. описана история строительства¹⁹. От 35 до 100 дукатов на ремонт замка выделяли с 1408 по 1437 г.²⁰

Письменные источники позволяют расширить собранную Э. Брайером информацию о торговых складах в Трапезунде. В постановлении венецианского Сената от 24 июля 1407 упомянут венецианский склад (*magazen*), находящийся внутри замка. Там хранили строительные материалы²¹. Склады для хранения зерна и шерсти в Трапезунде упомянуты в книге счетов Джакомо Бадозра²². Постановление генуэзской Оффидии Газарии предусматривало аренду складов для генуэзских товаров в Трапезунде²³. В актах генуэзских нотариусов упоминаются и склады частных лиц, например, Джованни Онцо в Трапезунде. Владелец хранил там рыбу²⁴. Общей тенденцией был переход от найма складов к приобретению в собственность коммуны и ее граждан.

Некоторые дополнения к истории армянских церквей и монастырей в Трапезунде и на Понте (см.: с. 207—208, 215.

219) могут быть сделаны по материалам, собранным А. Воскьяном²⁵.

К изложению истории крепости Ансар (Гония) (с. 346) можно добавить, что, по свидетельству грузинского агнографа конца VIII в., крепость вместе с Трапезундом и Никопсией входила тогда в состав византийских владений²⁶.

Κύρρης Κ. Π. Τό Βυζάντιον κατά τὸν ΙΔ' αἰῶνα. Τ. 1. Ἡ πρώτη φάσις τοῦ ἐν φυλίου πολέμου καὶ ἡ πρώτη συνδιαλλαγή τῶν δύο Ἀνδρονίκων (20. IV — φθινόπωρον 1321): ἐσωτερικὰ καὶ ἐξωτερικὰ προβλήματα. Λευκωσία; Κύπρος: ἐκδόσεις Λαμπρούσα, 1982. XI. 229 Σ.

Монография К. П. Кирриса «Византия в XIV в. Первый этап гражданской войны и первое перемирие двух Андроников (20.IV—осень 1321 г.): внутренние и внешние проблемы» представляет собой публикацию диссертационной работы, защищенной ученым на философском факультете Янинского университета. Предполагается, что исследование будет продолжено и труд К. П. Кирриса охватит материалы по внутренней и внешней политике Византии вплоть до 1354 г.

В основной части монографии рассматривается история разрыва в 1321 г. отношений между императором Андроником II (Старшим) и его внуком-соправителем Андроником III (Младшим). Одной из своих важнейших задач автор труда считает точное изложение и научно обоснованное истолкование событий византийской истории в их хронологической последовательности (с. X). Использование широкого круга разнообразных (нарративных, эпистолярных, риторических, агнографических, актовых) источников позволяет исследователю провести всесторонний анализ внутреннего и внешнеполитического положения Византии накануне гражданской войны 1321—1328 гг. достоверно установить ход и датировку событий 1321 г.

Проследим вместе с автором труда основные вехи общественно-политической жизни Византии на ее пути к внутриполитическому кризису третьего десятилетия XIV в. Повествование начинается с указания на основные общественные противоречия периода царствования Андроника II. Противоречия между императором и церковью, императором и знатью, центральной властью и провинциальными правителями, по мысли К. П. Кирриса, привели страну на грань гражданской войны (с. 1). В 1317—1320 гг. наступило первое охлаждение отношений старшего и младшего Андроников друг к другу. Между ними начинается скрытое до поры противоборство. Андроник Младший находит союзников в лице политического авантюриста Сиргиана, наместника Западной Македонии Феодора Силадина, могущественнейшего феодала Иоанна Кантакузина, состоятельного выходца из общественных низов Алексея

В целом исследование Э. Брайера и Д. Уинфилда — фундаментальный труд по истории Понта. Мы полагаем, что ему суждена долгая жизнь в науке.

С. П. Карпов

Апокавка. К. П. Киррис совершенно справедливо показывает, что инициатором заговора против Андроника II был Сиргиан (с. 18—20). Затем ведущая роль среди заговорщиков перешла к Иоанну Кантакузину (с. 44—47).

Важнейшим фактором борьбы за власть в Византии конца второго—начала третьего десятилетия XIV в., согласно воззрениям К. П. Кирриса, является осложнение внешнеполитического положения. В указанное время разгорается соперничество сербских королей с их болгарскими соседями за влияние на константинопольский двор; во Фракию неоднократно вторгаются татары; в Фессалии мародерствуют каталанские рыцари; над прибрежными областями европейских провинций Византии висит постоянная угроза пиратских нападений турок. В данных обстоятельствах деятельность руководителей политического переворота, как справедливо подчеркивает К. П. Киррис, подрывала международный авторитет и обороноспособность византийского государства (с. 25, 58).

В исследовании К. П. Кирриса поставлен вопрос о соотношении классовых сил в преддверии гражданской войны 1321—1328 гг. Ключ к решению этой проблемы автор монографии находит в осмыслении внутренней политики Андроника II. Возросшие военные издержки, включающие содержание наемного войска, падение курса византийской номисмы и вызванный этим рост цен, наконец, щедрые пожалования афонским монастырям, сопровождающиеся дарованием им податных привилегий — вот, в представлении исследователя, характерные черты внутренней политики старого императора. Ее непосредственным результатом стало увеличение налогового бремени населения страны, чьим недовольством воспользовались руководители переворота (с. 21, 28—33).

Необходимо оговориться, что проблема расстановки классовых сил в Византии накануне гражданских войн 1321—1328 гг. и 1341—1349 гг. до сих пор остается малоизученной. В значительной мере это объясняется скудостью информации сохранившихся источников. К. П. Киррис, воссоздавая обстановку в стране

²⁵ Воскьян Амазасп. Монастыри провинций Себастья, Харберд, Диарбекир и Трапезунд. Вена, 1962. На арм. яз.

²⁶ Иоанн Сабанидзе. Мученичество Або Тбилели // Памятники древнегрузинской агнографической литературы / Груз. текст перевел, исследованием и примечаниями снабдил К. С. Кекелидзе. Тбилиси, 1956. С. 50.

¹² Karpov S. P. L'Impero di Trebisonda, Venezia, Genova e Roma, 1204—1461. Roma, 1986. P. 120. Not. 25—26.

¹³ Vincentius Bellocensis. Speculum Majus. Tomus IV qui speculum historiale inscribitur. Venetiis, 1591. Lib. XXX. Cap. CXLIII. P. 446v.

¹⁴ Archivio di Stato di Genova. San Giorgio. Caffè Massaria ad annum 1424. F. CDXVIIIr.

¹⁵ Pardessus J. M. Collection des lois maritimes antérieures au XVIIIe siècle. P., 1837. T. 4. P. 504. Ср.: Heers J. Gènes au XVe siècle: Activité économique et problèmes sociaux. P., 1961. P. 369.

¹⁶ См.: Karpov S. P. L'Impero. . . P. 144—145.

¹⁷ Archivio di Stato di Venezia, Senato Misti (далее: SM), XXXIII, F.118v—119r; Thiriet F. Regestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie. P., 1958. T. I. N 499 (далее: RS); 22.VI 1371; SM. XXXIV. F. 17v (RS. N 510); 5.VII 1372.

¹⁸ SM. XLVI. F.77v (Diplomatarium Veneto-Levantinum. Venetia, 1899. T. 2. P. 289); 20.IV 1403.

¹⁹ SM. XLVII. F. 126v (RS. N 1272 — не полно).

²⁰ SM. XLVIII. F. 24v (RS. N 1313); 22.VII 1408 (35 дукатов); SM. XLIX. F. 25v: 18.VI 1411 (100 дукатов); LII. F. 187v: 25.VII 1419 (40 дукатов); SM. LX. F. 29v (RS. N 2449); 2.VIII 1437 (100 дукатов).

²¹ SM. XLVII. F. 127r.

²² Badoer Giacomo. Il Libro dei conti di Giacomo Badoer (Constantinopoli, 1436—1440) / Testo a cura di U. Dorini e T. Bertelè. Roma, 1956. P. 103, 307.

²³ Imposicio Officii Gazarie / Ed. L. Sauli // Monumenta Historiae Patriae. Torino, 1838. T. 2. P. 350.

²⁴ Roccatagliata A. Notai Genovesi in Oltremare. Atti rogati a Pera e Mitilene. Genova, 1982. T. I. P. 244: 21.VIII 1479.

накануне мятежа Андроника Младшего, привлекает свидетельства Никифора Григоры и Фомы Магистра (с. 49 и далее). Произведения последнего, датируемые концом апреля 1321—1326 гг., рассказывают о городских волнениях, которые, судя по всему, потрясли византийское общество уже в ходе гражданской войны. Однако риторичность сочинений Фомы Магистра не позволяет провести детальный анализ социального состава сторонников политического переворота. Используемый же исследователем фрагмент «Истории» Никифора Григоры указывает, пожалуй, на поддержку Андроника Младшего городскими верхами¹.

Однако вовсе не ограниченность сведений, которыми располагает К. П. Киррис, делает его представления о соотношении классовых сил в канун гражданской войны 1320-х годов уязвимыми. Анализируя ее предпосылки, исследователь утверждает, что внутренняя политика Андроника II вызвала неудовлетворенность различных «группировок всех социальных слоев». Конкретно он упоминает о прониарах, страгиготах и землевладельцах — той части господствующего класса, чьи интересы ущемляла «промонашеская» политика Андроника II (с. 28). Автор монографии умалчивает о политической ориентации торгово-ремесленной верхушки городов, отказывается от характеристики фактического положения социальных низов городского и сельского населения. Таким образом, в столь хорошо продуманной и, на первый взгляд, логически завершенной концепции византийского общества первых десятилетий XIV в. анализ соотношения классовых сил недостаточен глубоко.

При описании первого этапа гражданской войны К. П. Киррис особое внимание обращает на положение в стане восставших. Как известно, провозглашение мятежными феодалами податных льгот фракийскому населению расширило социальную базу возглавляемого Андроником Младшим восстания². В этой связи К. П. Киррис подчеркивает, что ее неоднородность послужила причиной изначально коренившегося в их рядах раскола (с. 69—70). Выявление противоречий между вождями мятежа стало одной из главных сюжетных линий второй главы опубликованного труда. Результат таков: инициатором военного похода на Константинополь был Сиргиан, Феодор Метохит и Иоанн Кантакузин отнесены к числу «умеренных» сторонников Андроника III, ратующих за мирное покорение столицы. Для правильного понимания колебаний политического курса Андроника III важны коррективы исследователя по вопросу о противоречиях между рядовыми воинами и их военачальниками, а также — ходе двукратных состоявшихся в конце апреля

и начале июня 1321 г.) переговоров между Андрониками (с. 82—83, 97—99).

Анализируя условия мирного договора, заключенного враждующими сторонами 6 июня 1321 г., К. П. Киррис подчеркивает, что признание за Андроником III права на самостоятельное управление частью страны вело к расчленению византийского государства (с. 107—114). В дальнейшем, в третьей главе исследования, автор указывает на стратегическое значение раздела территории страны между Андрониками (с. 116—117).

Третья глава почти целиком опирается на актовые материалы. Они позволяют исследовать изменения административного деления Македонии и Фракии, происшедшие в результате раздела территории между Андрониками, переход земельной собственности из рук сторонников старого императора к приверженцам его внука, позволяют выявить стремление Андроника III к подрыву приоритета деда в сфере международных отношений.

К. П. Киррис вполне обоснованно считает период с начала июня до осени 1321 г. временем короткой передышки и подготовки враждующих сторон к следующему этапу борьбы (с. 121). Высокие расходы Андроника III на подготовку к предстоящей борьбе с дедом обусловили отказ от выполнения обещаний податных льгот для широких масс фракийского населения. Прямым следствием этого явилось сужение социальной базы восстания (с. 121—123).

Неплохим дополнением к тексту исследования служат приложения «Византийско-татарские связи вплоть до 1321 г.», «Титулы непосредственных соратников Андроника Младшего», «Дипломатические связи Византии с мамелюками в 1261—1320 гг.». Выделяется первое из названных приложений (с. 153—177). Оно содержит обзор литературы, посвященной взаимоотношениям Византии с татарами-монголами во второй половине XIII—первой четверти XIV вв. В приложении прослеживается политический курс Византии в отношении к Болгарии, нередко поддерживавшей половецкие и татарские набеги на византийские территории, и раскрыты связи Византии с Золотой Ордой и древнерусскими княжествами.

Знакомясь с исследованием К. П. Кирриса, нетрудно заметить, что большинство наблюдений и обобщений ученого касается положения различных группировок господствующего класса Византии и особенностей мировоззрения отдельных его представителей. Благодаря этому он вносит значительный вклад в изучение идеологии господствующих слоев поздневизантийского общества. К. П. Киррис убедительно доказывает силу византийской политической традиции, признававшей

повелителем империи властелина царственного града. И в XIV в. эта мысль владела умами претендентов на императорский престол (с. 114—115).

Одновременно греческий исследователь обнаруживает явное стремление вскрыть «психологические» мотивы и механизм формирования идеологических установок представителей господствующего класса поздней Византии. Согласно войска Андроника III на его перемирие с дедом, чему первоначально противилась отборная часть воинов, он называет «классическим образом» воздействия «психологии и идеологии» руководителей, ратующих за претворение своей политической цели, на сознание подчиненных им масс (с. 104).

Если с приведенным тезисом К. П. Кирриса можно спорить или соглашаться, то интерпретация взаимоотношений Иоанна Кантакузина с его матерью Феодорой вызывает возражение. Ученый утверждает, что отношения между ними обусловлены специфичным воздействием матери на психологический склад и политическую деятельность сына. Оно проявляется в инстинктивном «материнском комплексе», осмысливаемом как аналогия фрейдистского «Эдипова комплекса» (с. 26—27, примеч. 39). Иначе говоря, перед читателем — вариант неопределенного объяснительного принципа психогенеза. По мысли западных психологов, он призван охватить взаимодействие врожденных биологических потребностей предопределенных реальностью социальных явлений. Притом социальное начало — в данном случае политическая карьера Иоанна Кантакузина — представляется в форме внутрисемейных личностных отношений³. Словом, исследователь идет по пути искусственной «психологизации» политической деятельности Иоанна Кантакузина.

В ходе анализа материалов К. П. Киррис неоднократно пытается сопоставить события 1320-х годов с аналогичными явлениями периода зилотского восстания в Фессалонике (с. 20, 71, 77—78)⁴. Однако результаты разрозненных наблюдений поверхностны. Утрирована интерпретация конфискаций приверженцами Андроника Младшего имущества сторонников Андроника II. К. П. Киррис, отмечая политическую активность социальных низов, отрицает официальный характер конфискаций как 1320-х, так и 1340-х годов и объявляет их «грабежами». Основная причина «грабежей», как говорит исследователь, кроется в «сословной ненависти» бедняков к богачам. Исходя из этой, в общем-то верной по-

сылки, он объясняет «грабежи» жадностью «обогащения», которая, по его мнению, искони присуща простолудинам (с. 76—78). Вне всякого сомнения, греческий ученый смешивает воедино разнородные по своей сущности явления: стихийные выступления бедноты против угнетателей и политические контрверсы, в которые вовлекались общественные низы. Первое не исключает второго. Как известно, активное участие городского плебса в «грабежах» 1340-х годов провоцировалось стоявшими у власти противниками Иоанна Кантакузина. Но политическая направленность деятельности зилотов не была адекватна по своей социальной значимости выступлениям народных масс⁵. Итак, методологически упрощенная интерпретация стихийных народных волнений приводит К. П. Кирриса к малообоснованному однозначному решению многогранной проблемы классовой борьбы в Византии 1320-х и 1340-х годов.

Помимо концептуальных, в опубликованном труде можно отметить и фактические ошибки. В частности, ошибочно определены даты Воскресенья Православия в 1321 г. — 10 марта. В марте 1321 г. воскресенье приходилось на 1, 8, 15, 22, 29 числа этого месяца (с. 40).

Спорной остается датировка отправления посольства Андроника II к внуку (30 апреля 1321 г.) в связи с приближением в конце апреля 1321 г. возглавляемого Сиргианом войска к Константинополю (с. 82). Ссылка К. П. Кирриса, желающего уточнить дату отправления посольства, на якобы указавших ее Никифора Григору и Иоанна Кантакузина (с. 83) вводит в заблуждение. Иоанн Кантакузин, рассказывая об этом посольстве, не говорит о времени его отправления и прибытия в Андрианополь, где послы были приняты Андроником Младшим⁶. Никифор же Григора в своем сочинении указывает только продолжительность (четыре дня) движения войска от Андрианополя до Силимврии⁷. По предположению К. П. Кирриса, войско Андроника III выступило на Константинополь 24—25 апреля 1321 г. (с. 70—71). Следовательно, оно должно было расположиться у Силимврии 28—29 апреля 1321 г. Если верить Никифору Григоре, Андроник II спешил отправить послов до приближения войска внука к константинопольским стенам, что могло бы побудить горожан к восстанию⁸. Таким образом, посольство отправилось в дорогу наверняка до 30 апреля 1321 г., скорее всего, до прибытия войска Андроника III к Силимврии.

³ Ср.: Беляевский И. Г., Шкуратов В. А. Проблемы исторической психологии. Ростов н/Д, 1982. С. 79—80.

⁴ Исследователь без дополнительных разъяснений датирует зилотское движение 1341—1350 гг., игнорируя общепринятую, в том числе в греческой историографии, хронологию фессалоникского восстания — 1342—1349 гг. Ср., например: Ваканиолопулос А. П. 'Ε. 'Ιστορία τῆς Θεσσαλονίκης : 316 π.Χ. — 1383. Θεσσαλονίκη, 1983. Σ. 148.

⁵ Ср.: Курбатова Г. Л., Рутенбург В. И. Зилоты и чомпи // ВВ. 1969. 30. С. 27 и далее. Cant. Hist. Bonnae, 1828. Vol. I. P. 94.10—97.3; 110.22—111.2.

⁶ Greg. Hist. Vol. I. P. 319.21—320.4.

⁸ Ibid. P. 320.5—8.

¹ Никифор Григора, описывая приверженцев мятежного Андроника III, прибегает к традиционным риторическим клише. В числе его сторонников названы «демагоги», «городские архонты», «главы семейств», блюстители порядка и судьи. См.: Greg. Hist. Bonnae, 1829. Vol. I. P. 316.16—317.1.

² См.: История Византии. М., 1967. Т. 3. С. 125.

Итак, К. П. Киррис выполнил первую часть задуманного им исследования. Окончательный вывод о нем предстоит

сделать после выхода в свет планируемого продолжения монографии.

Ю. Я. Вин

Baginski A., Tidhar A. Textiles from Egypt 4th—13th Centuries C. E. / L. A. Mayer Memorial Institute for Islamic Art, 1980. Tel-Aviv, 1980. 176 p. 272 кат. номера, 8 цв. табл., много черно-белых ил. и рис.

Летом 1980 г. Институт исламского искусства в Иерусалиме организовал выставку изделий из ткани, обнаруженных в христианских захоронениях Египта и известных под названием «коптские ткани». Вещи на выставку были представлены семью музеями Израиля и рядом частных лиц — всего 272 памятника, датируемых с конца III по XIII в.

Алиса Багински и Амалия Тидар составили каталог этой выставки, вышедший в Тель-Авиве в 1980 г., за несколько месяцев до открытия экспозиции. Ценность этого издания заключается прежде всего в том, что большинство из представленных в нем вещей вводится в научный оборот впервые.

Структура книги обычна для такого рода изданий последних лет. Открывается она предисловием, написанным Вальтером Эгтоном (с. 5), затем следуют: вступление (с. 7—18), технические сведения (с. 19—23), глоссарий (с. 24—33), каталог (с. 36—173; 272 номера), библиография (с. 174—176).

Представленный на выставке материал охватывал промежуток времени почти в тысячу лет. Авторы довольно полно охарактеризовали развитие ткачества в Египте за это время, увязав его с историческими, культурными и даже экономическими особенностями страны, пережившей умирание язычества, оформление феодальных отношений, укрепление и расцвет христианства, подчинение арабам и исламизацию.

Авторы рассматривали материал не как замкнутый в себе художественный феномен, а как культурное явление, демонстрирующее широкие и разносторонние связи с соседними странами по линии орнаментальных мотивов и сюжетов, применявшихся материалов, красителей, технических приемов и даже моды. Основное внимание Багински и Тидар, естественно, уделили анализу орнамента и фигурным изображениям на тканях, разделив их на три основные группы: классические, христианские, восточные.

В первой группе, где мотивы в основном черпались из арсенала греко-римской художественной традиции, выделены самые многочисленные композиции, связанные с дионисийским культом.

Во второй группе, с преобладанием христианской тематики, совершенно верно подчеркнута популярность «среди всех слоев египетского общества и во всех религиозных общинах» (с. 14) эпизодов истории патриарха Иосифа.

В последней, третьей группе объединены ткани с восточными мотивами. Поздние памятники авторы характеризуют как ткани «коптско-исламского стиля».

За вступлением следуют «Технические сведения». Эта часть построена на широ-

ком использовании «Словаря технических терминов» (Лион, 1964 г.), разработанного Международным Центром изучения древнего текстиля (CIEITA), что обеспечило составителям каталога возможность квалифицированно рассмотреть вопросы техники и технологии ткачества, характера покроя и убранства одежд, завес, накидов и т. п. — материала, определяющего специфику коптского ткачества.

Своеобразным продолжением этой части не только по расположению в книге, но и по сути является «Глоссарий». Он включает полсотни связанных с ткачеством терминов, большая часть которых сопровождается наглядными схематическими рисунками и фотографиями.

Каталожная часть самая большая. Построение ее традиционно: назначение фрагмента (полоса, прямоугольник, медальон), время изготовления, место хранения и инв. номер, подробные технические данные, указания на цвет; большинству памятников указаны аналогии (как правило, иконографические). Все вещи воспроизведены, восемь из них повторены в цвете. Часть памятников представлена фрагментарно, что нельзя признать оправданным, — теряется общее представление о них.

Удачен прием, когда авторы свои положения подкрепляют не только отсылками к литературе, но и указаниями на фигурирующие в каталоге памятники.

В работе много наблюдений, интересных не только для искусствоведов, но и историков, историков культуры. Например, до сих пор персидские влияния в коптском искусстве (в тканях в том числе) связывали лишь с господством в Египте персов в 619—629 гг. Багински и Тидар подключают к этому и другие существенные моменты — развитие международной торговли и расширение связей страны Нила с другими странами. Верны и другие их высказывания. Например, о том, что «синтез восточных влияний, эллинистической основы и коптского стиля достиг полного расцвета в первые века арабского правления» и что при Омейядах (686—750) это сочетание стилей развилось, чему не в малой степени способствовала большая подвижность исламского мира (с. 14—16). Верен тезис авторов и о том, что на позднем этапе «христиане в Египте продолжали использовать традиционные мотивы», несмотря на сильный нажим Палестины и такого центра мусульманского искусства, как Самарра (с. 16).

Но в книге Багински и Тидар встречаются не совсем точные формулировки, спорные положения, ошибочные утверждения.

Остановимся на некоторых из них. Начнем с принципиально важных. Авторы противопоставляют коптский стиль

(который они справедливо связывают с народными слоями) стилю правящих классов в крупных городах и при египетском дворе (1) (с. 8). У коптологов пока нет данных ни для подобных противопоставлений, ни о мифическом египетском дворе.

По мнению авторов, встречающиеся на коптских тканях кресты являются чисто декоративными элементами (с. 14). Это неверно. Один из главных символов христианства на тканях, особенно с античными сюжетами, должен был восприниматься как знак, аннулирующий старый, языческий смысл сцены или персонажа и придающий им новое, христианское звучание. На это более полувека назад указал В. Ф. Гринейзен¹.

Как декоративные мотивы Багински и Тидар трактуют и многочисленные изображения «танцоров». Между тем танцы издавна служили одной из форм почитания божества и танцовщики были участниками многих религиозных, в том числе и погребальных, церемоний (в древнем Египте плясками сопровождали погребение)². Авторы полагают, что некоторые танцоры держат в руках церемониальные щиты (с. 14). Думаем, что это не щиты, а кимвалы — инструменты, употреблявшиеся как в вакхических, так и погребальных церемониях со времен фараоновского Египта.

Нам кажутся сомнительными утверждения авторов о том, что: 1) в памятниках IV—V вв. «пропорции человеческого тела переданы обычно почти натуралистично, с подчеркиванием наиболее „важных“ частей тела или лица» (с. 14); 2) «в изображениях женских фигур с широкими бедрами и тонкой талией (№ 80)» (с. 15) сказывается восточный идеал красоты. Скорее всего, такие изображения явились не следствием эстетических вкусов, а прозаическими, материальными формами: особенностями техники и материалами ткачества, квалификацией мастеров и т. п.

У нас вызывают сомнения правильность определения авторами некоторых персонажей и сцен: № 2 (с. 38) — маловероятно, чтобы представленный на фрагменте всадник изображал Энея. Иконография этого героя на коптских тканях, рассмотренная недавно Р. Ноллем³, не дает ничего похожего; № 13 (с. 42) — авторы видят здесь сражение греков с персами. Конкретизировать национальную принадлежность персонажей на коптских тканях — рискованное занятие; № 74 (с. 68) — фрагмент холста с вотканными изображениями креста, птичек и надписи, в которой Багински и Тидар видят имя «Иисус». Чтение неверно, поскольку букв в надписи больше, чем

в этом имени; № 145 (с. 105) — спорно, чтобы полуфигура с поднятыми вверх руками представляла Христа; № 172 (с. 118) — сцена в медальоне, трактуемая авторами как изображение «крылатого монстра с головой дракона и телом козла, борющегося со сфинксом», представляет человека, кормящего крылатого козла; вполне возможно, что это Беллерофонт с Пегасом⁴.

Составители каталога в основном придерживались принципа расположения материала по нарастанию хронологии, иногда группируя ткани по стилистическим или иконографическим признакам.

Датировка памятников коптского искусства (а тканей в первую очередь), к сожалению, до сих пор основывается в большой степени на субъективизме, т. е. на опыте и чутье специалистов. Поэтому она-то и служит предметом дискуссий в трудах по коптскому ткачеству. Издатели рецензируемого каталога в вопросе времени изготовления вещей исходили, по их словам (с. 7), из данных анализа стиля и техники и сравнения памятников с опубликованными образцами. Следовательно они избранному принципу слишком осторожно. Во всяком случае, это единственный каталог коптских тканей, в котором только один памятник имеет определенную дату — № 81 (VI в.), остальные вещи датированы двумя, а большинство — тремя столетиями. Поэтому ошибки в предлагаемых авторами датах тканей исключены: в столь широкие хронологические рамки заведомо без риска опробиться можно поместить почти любую вещь. Но и при таких благоприятных условиях составители каталога допустили, как нам кажется, несколько просчетов в выборе даты изготовления памятников. В нескольких случаях (№ 19, с. 45; № 48, с. 57; № 131, с. 97 и др.) время изготовления тканей указано без учета дат вещей-аналогов. Один памятник (№ 123, с. 93) остался без даты (мы считаем, что он выполнен в VII в. и что у авторов нет веских оснований считать его византийским).

Вот наши несогласия с датировками некоторых тканей. Фрагменты с изображениями нерейд (№№ 28—30, с. 50, цв. табл. III), отнесенные Багински и Тидар к IV—VI вв., с их аппликативной красочностью, несколько утрированными формами, подчеркнутыми черными нитями-линиями, вряд ли можно отнести к IV в. То же можно сказать и о клаве с изображением нерейд на фантастическом морском чудовище (№ 40, с. 54). Нам кажется, что прямоугольную вставку с бюстом женщины (№ 64, с. 64) и три прямоугольные вставки с одинаковыми

¹ Gruneisen W. de. Les caractéristiques de l'art copte. Florence, 1922. P. 76.

² Contamin O. Les tissus coptes du Musée Historique des Tissus de Lyon: Etude du thème des danseurs // Mémoire de maîtrise. Lyon, 1971.

³ Noll R. Unerkannte Szenen aus der Aeneas-Dido-Sage auf koptischen Stoffen in Düsseldorf und Wien // Anzeiger der phil.-hist. Klasse der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 119. Jahrgang 1982. So. 13. Wien, 1983. S. 261—270.

⁴ Ближайшие аналогии см.: Bourguet P. du. Musée National du Louvre: Catalogue des étoffes coptes. P., 1964. 1. P. 373 G 83; P. 106—107, G. 109.

поколенными изображениями человеческих фигур (не персонификации ли это времен года или месяцев?) (№ 65, с. 64) правильнее было бы датировать к VI—VII вв., а не к V—VII вв., а круг с изображением двух «танцоров» (№ 66, с. 65) скорее следовало бы датировать VIII в., а не VI—VII вв. Последний памятник иконографически близок вставке из музея Ритберга в Цюрихе (Ag 624), датированной X в.⁵, и ткани из Музея изобразительных искусств в Будапеште (инв. № 51.219), датированной VI в.⁶ Отметим, что все три памятника являются сокращенным вариантом композиции, вытканной на тунике из музея Метрополитен в Нью-Йорке⁷ и представляющей, как нам думается, Диониса и Ариадну.

Основная масса фигурирующих в каталоге тканей — ординарная продукция коптских ткачей, но среди них есть несколько редко встречаемых, а то и просто уникальных образцов. На наш взгляд, это следующие вещи: № 34, с. 52 — на фрагменте завесы одна фигура представлена в редком для тканей изображений трехчетвертного развороте; необычна для коптского ткачества вставка полукруглой формы на тунике (№ 109, с. 85); уникальная полоса (№ 209, с. 139) с сидящим львом.

Особого внимания заслуживает фрагмент двустороннего шелка саржевого плетения с растительным орнаментом (№ 87, с. 75 — рис. — реконструкция на с. 10). Этот памятник обнаружен в местечке Абдат и близок, по мнению авторов, к известной группе шелковых тканей «группы Захария» и «группы Иосифа» (названия происходят от имен мастеров или имен хозяев мастерских, где было налажено их производство, но ни в коем случае не от имен отца Иоанна Крестителя и «отца» Иисуса Христа, как полагает Д. Шеперд⁸). Вопросы происхождения и датировки подобных шелков не решены окончательно до сих пор. Находка этого фрагмента, если не вносит ясности в вопрос о месте изготовления вещи (авторы

считают, что ткань выполнена в Египте и в Абдате привезена; с. 10), все же позволяет установить дату, после которой она не могла появиться, — 636 г., когда Абдат был разрушен персами⁹.

Большой интерес представляет тканый медальон № 135, с. 99. На нем изображены люди, животные, птицы, растения, фантастические существа. Среди последних (рядом с центральным кругом) видим двух птиц с человеческими головами. Этот памятник имеет аналогии — два медальона и полоса хранятся в музее Виктории и Альберта в Лондоне, медальон — в частном собрании в Кельне¹⁰. Издавая лондонские ткани, А. Ф. Кендрик принял их за птиц. В каталоге кельнского собрания они названы «двумя поколенными фигурами». Багински и Тидар называют их гарпиями — богинями ветра. Нам кажется, что правильнее видеть в этих изображениях (напоминающих и гарпий, и сиринов, и индийских кинарий) древнеегипетские олицетворения душ усопших — БА.

В конце издания приведена библиография, включающая 110 названий. Жаль, что составители не учли каталог коптских тканей Стенфордского университета С. Льюис¹¹. К двум работам, посвященным тканям с эпизодами истории Иосифа, можно добавить несколько статей, упущенных авторами и появившихся за последние годы¹².

Упрекнуть составителей рецензируемой книги можно и за отсутствие каких бы то ни было указателей, которые в изданиях, насыщенных разнообразными материалами в техническом, технологическом, иконографическом, географическом и других планах, просто необходимы.

В заключение отметим, что новизна представленного в книге материала, его квалифицированная разработка хорошее воспроизведение памятников ставят ее в ряд лучших из появившихся за последние годы изданий, посвященных коптским тканям.

А. Я. Каковкин

Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983

Средневековый Херсон был наиболее крупным византийским городом на территории нашей Родины, главным городом фемы Климатов, имел торговые и культурные связи с Киевской Русью и являлся крупным перевалочным пунктом при торговле с племенами, жившими между Доном и Дунаем.

Естественно, что история Херсона всегда привлекала внимание исследователей. К сожалению, сохранилось относительно немного эпиграфических памятников, которые могли бы быть использованы при обращении к истории византийского Херсона.

Изучение монет и печатей в значительной степени может помочь восстановить картину исторических событий и экономического уклада этого города. Монеты во многих случаях являются единственными сохранившимися памятниками эпиграфического и фактического характера, которые можно использовать при исследованиях и которые помогают при датировании других археологических материалов.

Подобное исследование ведется уже более 160 лет. Этому были посвящены работы Келера, Кене, Сабатье, Бурачкова, Толстого, Беловой, Гилевич, Анохина, Гриерзона, Хана и других. Но они были или статьями, освещавшими отдельные вопросы, или разделами трудов, посвященных более широким темам. А свинцовые подвесные печати (моливдувалы) должностных лиц Херсона вообще не были систематизированы и описаны. Поэтому труд И. В. Соколовой¹, в котором исследованы все монетные эмиссии и сделана первая попытка систематизировать печати и привлечь их как новый эпиграфический материал для изучения истории, обладает большой научной ценностью.

Труд И. В. Соколовой состоит из двух частей, в которых рассматриваются монеты и отдельно печати. Монеты распределяются по четырем периодам работы монетного двора Херсона. И это правильно, так как были времена, когда византийский Херсон свои монеты не выпускал, а в обращении были общеимперские монеты. После окончания выпуска Херсоном античных полисных монет во второй половине III в., в обращении более, чем в течение двух столетий, были общеимперские римские, а затем и византийские монеты. Монетный двор в Херсоне начал работать только во время правления императора Зенона (474—491). И. В. Соколова совершенно правильно отвергает мнение австрийского нумизмата В. Хана, считавшего, что эти монеты чеканились в Константинополе, так как их находили только на херсонском городище. Кроме того, техника изготовления и состав металла доказывают их херсон-

ское происхождение. В. Хан считает, что монеты Льва I (457—474), которые часто находят на раскопках Херсона, также чеканились для Херсона в Константинополе. И. В. Соколова не отрицает такой возможности. Нужно отметить и такое обстоятельство: монеты Верины, жены Льва I, выпускавшиеся в то же время, довольно часто находят на городище Херсона. На Западе эти монеты считаются весьма редкими. Возможно, что и эти монеты, на которых имеется надпись константинопольского монетного двора, чеканились для Херсона.

И. В. Соколова проанализировала более 400 монет Юстина I (518—527) и Юстиниана I (527—565), находящихся в Эрмитаже и имеющих на аверсе погрудное изображение императора и крупную надпись его имени, а на реверсе — стоящую фигуру и надпись «VIC—TOR», и, учитывая разновидности, выделила по три группы монет для правлений каждого из этих императоров. Она совершенно справедливо указала на ошибочность утверждения В. Хана² о том, что монеты этого типа также чеканились для Херсона в Константинополе. В этом случае чеканка этих монет в Херсоне бесспорна, так как их находят только в Херсоне и их нет в самых крупных европейских собраниях. Следовало бы добавить, что эти монеты являются пента-мимиями, так как по весу и размерам точно соответствуют аналогичным общеимперским монетам Анастасия I (491—518) и последующих императоров.

Много споров вызывают монеты, на аверсе которых — фигуры императора и императрицы в рост и легенда, содержащая название города или титулатуру императора Маврикия (583—603), на реверсе — мужская фигура в рост и знак стоимости — «М», «К», «Н», «Д».

Бесспорно деление выпусков этих монет на три — первый с надписью названия города и номиналов «М» или «К», второй с титулатурой императора Маврикия и номиналами «Н» или «Д», третий с названием города и номиналами «Н» или «Д». И. В. Соколова считает, что эти монеты выпускались не только во время правления Маврикия, но и раньше во время правлений Юстина II (565—578) и Тиберия II (578—582), а третий выпуск даже позже, во время правления Фоки (602—610). Однако желательно было бы это предположение подкрепить конкретными доказательствами.

Вероятно, здесь сыграло свою роль стремление заполнить лакуну и показать непрерывность работы монетного двора Херсона в этот период. Рассматривая монеты второй группы (с титулатурой Маврикия), И. В. Соколова (вслед за В. А. Анохиным)³ считает их выпущенными в Херсоне. Но еще А. В. Орешни-

¹ Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983.

² Соколова И. В. Указ. соч. С. 121.

³ Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С. 101.

⁵ Peter I. Textilien aus Ägypten im Museum Rietberg, Zürich. Zürich, 1976. N 58. S. 58—59.

⁶ Art antique. Exposition des collections du Musée Déri de Debrecen et du Musée des Beaux-arts de Budapest. Székesfehérvár, 1975. N 27.

⁷ Kaitumani H. Коптские фрагменты (на яп. яз.) // Искусство текстиля. Киото, 1981. № 13. С. 66, № 91.

⁸ Sheperd D. A Coptic Silk // The Bulletin of the Cleveland Museum of Art. 1947. Vol. 24. P. 216.

⁹ Подробнее об этом памятнике см.: Baginski A., Tidhar A. A dated Silk Fragment from Avdat // Israel Exploration Journal. 1978. Vol. 28, N 1/2. P. 113—115.

¹⁰ Kendrick A. F. Catalogue of Textiles from Burying-Grounds in Egypt. L., 1922. Vol. 111. P. 30—31, N 691—692, 690. Pl. XV, XIII; Die Sammlung Dr. L. Seligmann. Köln; B., 1930. N 117. Taf. LXXII.

¹¹ Lewis S. Early Coptic Textiles // Stanford Art Book. 1969. 9.

¹² Vilkan G. Ioseph Iconography on Coptic Textiles // Gesta. 1979. Vol. XVII. N 1. P. 99—108; Nauerth C. Die Josephsgeschichte auf koptischen Stoffen // Enchoria. 1978. 8. S. 151—172; Abdel-Malek L. H. Joseph Tapestries and related Coptic Textiles // Ph. D. Diss. Boston, 1980; Каковкин А. Я. Эпизоды «Истории Иосифа» на коптских тканях Эрмитажа // Кавказ и Византия. Ереван, 1980. Вып. 2. С. 116—148; Abdel-Malek L. More Scenes related to the Joseph Cycle in Coptic Textiles // Eighth Annual Byzantin Studies Conference: Abstracts of Papers. Chicago, 1982. P. 23.

ков⁴ сомневался в этом и предполагал возможность выпуска их в Константинополе. В фондах Херсонесского музея находится 37 монет этого типа, на которых можно разобрать надписи, и только 4 из них — с титулатурой императора Маврикия (три со знаком ценности «Δ» и одна со знаком ценности «Н»). Остальные монеты с надписью имени города «Херсонос». Штемпеля монет с титулатурой императора отработаны значительно лучше, чем монет с надписью имени города. Металл тех и других монет различен — в монетах с именем города свинца до 20 %, что характерно для херсоно-византийских монет, а в монетах с именем императора свинца около 6 %. Все это заставляет сомневаться в выпуске в Херсоне монет с титулатурой императора Маврикия.

В связи с этим хочется пожелать, чтобы нумизматы чаще проводили хотя бы простейшие анализы монетного металла, что может дать новые интересные данные.

В конце VI века в Херсоне выпускались монеты достоинством только в 4 и 8 пентауммий. Видимо, город испытывал в то время недостаток в более мелкой разменной монете, так как в собрании автора имеются четвертинки монет в 8 пентауммий со следами обращения после разуба. Такое явление еще не было отмечено исследователями.

В царствование императора Ираклия (610—641) в Херсоне монеты, по нашему мнению, не чеканились. Относимая к этому периоду И. В. Соколовой монета с изображением Ираклия, императрицы Мартины и Ираклия Константина, близкая по типу к херсоно-византийским монетам Маврикия, несомненно, чеканена в Константинополе. За 150 лет только одна такая монета была найдена на херсонесском городище. Остальные известные монеты этого типа или куплены в Константинополе, или найдены в его окрестностях. Известный английский нумизмат Р. Н. Бридж сообщил автору о том, что около десятка таких монет обнаружено в районе константинопольских пляжей. Впрочем, и сама И. В. Соколова указывает на некоторые признаки, позволяющие считать эти монеты выпущенными в Константинополе: штемпеля сделаны лучше, качественнее и художественнее, чем на последнем выпуске монет Маврикия, компоновка изображений на реверсе и трактовка изображений другие. Возможно, что при Ираклии только надчеканивались монограммой херсонские фоллысы, выпущенные во время правления Маврикия.

По мнению И. В. Соколовой, литые монеты типа выпускавшихся при Маврикии изготавливались на херсонском монетном дворе в VII веке. Благодаря им заполнилась бы лакуна между выпусками монет при императоре Маврикии (чека-

ненных) и при Михаиле III (литых). Одновременно можно было бы утверждать, что техника литья монет применялась в Херсоне уже с конца VII века. Эти монеты весьма редки, известно всего несколько экземпляров. Ясно видно, что форма для отливки этих монет изготовлена неумелой рукой. Изображения нечеткие, грубые, расплывчатые. Кроме того, в металле этих монет содержится до 30 % свинца. Все это заставляет думать, что эти монеты изготовлены фальшивомонетчиками. Не могли делать на монетном дворе такие грубые штемпели для оттисков в формах для отливки. Изготовление этих фальшивок могло производиться во время обращения подлинных монет Маврикия и не позже 1-й половины VII века. Фальшивомонетчикам гораздо легче было отливать такие грубые монеты, чем резать на твердом металле штемпеля для чеканки и делать кружки монет.

Совершенно верно оспаривает И. В. Соколова утверждение В. А. Анохина⁵ о том, что монеты с буквами «Π» на аверсе и «Χ» на реверсе выпускались от имени протевона, а не от имени «Полис Херсонос». Следует отметить, что эти монеты были и чеканеными, и литыми, что позволяет относить их к более раннему периоду, после правления Маврикия, когда монеты только чеканились, и до правления Михаила, когда монеты только отливались.

Монеты с буквой «Α» на аверсе и крестом на реверсе и монеты с буквой «Α» на аверсе и «Πχ» на реверсе И. В. Соколова правильно считает выпущенными во время правления Александра (886—912), а не от имени архонта, как считает В. А. Анохин⁶. Никогда в Византии, и в частности в Херсоне, архонтам и протевонам не давалось право выпускать монеты от своего имени.

Рассматривая монеты Херсона второй половины IX—X веков, И. В. Соколова останавливается на монетах, приписываемых В. А. Анохиным⁷ Феофилу (829—842), и весьма логично устанавливает, что в монограмме на этих монетах заключены два слова, из которых первое начинается на «Τ», а второе — на «Н». Начальных букв имени Феофила на этих монетах нет, и невозможно считать, что имя Феофила по латинской транскрипции начинается с буквы «Τ». Расшифровать монограмму на этих монетах И. В. Соколова не берется. Но, может быть, они выпускались Ираклием (610—641), имя которого начинается с буквы «Н»? Это могло бы на два столетия «удревнить» выпуск в Херсоне литых монет. Но что же означает тогда буква «Τ»?

Монеты Василия I (867—886) относительно легко поддаются датировке и достаточно изучены. Однако следует остановиться на двух обстоятельствах. Мо-

неты с буквами «ΜΒ» на аверсе и «Π» на реверсе В. А. Анохин⁸ считает выпущенными от имени «Василевса Михаила». Никогда ни в античные времена (например, на Боспоре), ни в средние века в Византии не обозначалось на монетах сначала имя, а потом титул правителя. Поэтому буквы «ΜΒ» означают имена соправителей Михаила и Василия.

И. В. Соколова относит монету с буквами «ΚΒW» на аверсе и крестом на реверсе ко времени правления Василия I и Константина (869—879), что является маловероятным. Монеты эти выпадают из системы монет IX века по размеру, начертанию точечного ободка и форме креста на реверсе. Более правильно их относит В. А. Анохин⁹ ко времени правления Василия II и Константина (976—1025).

Касаясь монет периода правления сыновей Василия I (Лев VI — 886—912, Александр — 886—913), И. В. Соколова уточнила последовательность выпуска монет с буквами «ΙΕ» и «ΙΑ».

К сожалению, И. В. Соколова не коснулась в своей книге выпуска в Херсоне чисто свинцовых монет, которые имели хождение в период правления Льва VI и Александра. Нужно отметить, что и в «медных» монетах того периода свинца было до 60 %¹⁰.

Чисто свинцовые монеты, кроме того, выпускались в периоды правлений Василия I, Константина VII, Романа I, но в значительно меньших количествах, чем при Льве VI и Александре. Свинцовые монеты всегда принадлежали к тем же типам, что и медные. Видимо, в периоды их выпуска Херсон испытывал недостаток меди, которую замещал свинец.

Константин VII и его соправители царствовали 50 лет (913—963). За это время было выпущено несколько типов монет, но преобладающими были монеты с погрудным изображением императоров и императриц. И. В. Соколова сделала тщательный анализ этих монет, установив принадлежность их к определенным периодам и правителям. При этом были использованы исторические данные, палеография монет и детали их изготовления. Так же хорошо рассмотрены монеты второй половины X века.

В отношении заключительного выпуска монет Херсона остается, однако, еще много неясного. И. В. Соколова использовала данные о составе кладов, найденных не только в Херсоне, но и в Саркеле и Тмутаракани, и доказала отливку этих монет после X века, вероятней всего, во время правлений Романа III Аргира (1028—1034) и Романа IV Диогена (1068—1071), так как на них имеется монограмма «ΡΘ». Однако нам представляется сомнительным говорить об их анонимном характере, так как они имеют монограммы имени правителя, хотя могли отливаться и после смерти Романа Диогена.

Монеты этого периода И. В. Соколова делит на 9 групп. Впрочем, вряд ли верно

включать в число отдельных групп уникальные монеты с «Χ» или лилией на реверсе. Отливались они весьма небрежно, есть двоянные изображения, потеки металла на литье, зеркальные изображения, отдельные точки и черточки. Следует считать букву «Χ» (или косой крест) на реверсе «шалостью» отливашего, у которого под рукой не оказалось штемпеля с крестом, а «лилию» можно считать смазанным при отгиске в форме крестом. Известны половинки этих монет со следами обращения после разуба. Это показывает, что в тот период не доставало для обращения мелких монет.

Нужно остановиться еще на одной «загадочной» монете с крестами на аверсе и на реверсе. И. В. Соколова публикует ее в таблице XIII, № 8, однако о ней ничего не говорит. В. А. Анохин¹¹ считает эту монетой храмовой. Но это предположение неправильно, так как в Херсоне, как и в других фемах, церквям не было предоставлено право выпускать монеты. Судя по изображению крестов, ее можно отнести к IX веку, точнее, к правлению Василия I (867—886), так как кресты на этих монетах имеют много общего с крестами на монетах с буквой «Β» на аверсе.

В целом раздел книги о монетах Херсона дает достаточно полное представление о монетном деле, а приведенный здесь материал может служить прекрасным историческим источником. В разделе содержится немало важных выводов и наблюдений, датировок и атрибуции отдельных групп монет.

Заметно, однако, что труд составлен из ряда ранее опубликованных статей, в которых рассматривались отдельные вопросы нумизматики Херсонеса, так как многие монеты автор только упоминает. К сожалению, некоторые номера монограмм в тексте (с. 53 и 54) не совпадают с номерами на таблице.

Свинцовые подвесные печати (моливдовулы) должностных и частных лиц Херсона являются ценными источниками сведений о жизни города. Тем более, что имеется весьма мало сохранившихся эпиграфических памятников и сведений о Херсоне в произведениях византийских авторов.

Казалось бы, исследователи должны уделять достаточно внимание свинцовым подвесным печатям Херсона. Однако до настоящего времени есть только несколько статей, посвященных этим вопросам.

Изучение печатей наталкивается на значительные трудности. Печати находятся во многих музеях и коллекциях частных лиц как в СССР, так и за рубежом. Многие из них до настоящего времени не опубликованы.

Плохая сохранность и фрагментарность многих печатей затрудняет их расшифровку и изучение. Анализ печатей по палеографическим и стилистическим

⁴ Орешников А. В. Херсоно-византийские монеты // Труды Московского нумизматического общества. М., 1903. Т. III, вып. II.

⁵ Анохин В. А. Указ. соч. С. 158—159.

⁶ Там же. С. 158.

⁷ Там же. С. 113.

⁸ Там же. С. 122—123.

⁹ Там же.

¹⁰ Грандмезон Н. Н. Свинцовые монеты Херсонеса // ННЭ. 1978. Т. XII.

¹¹ Анохин В. А. Указ. соч. С. 126.

признакам не дает возможности датировать их точно хотя бы в пределах столетий.

Но и те сведения, которые можно получить при изучении этих важных сфрагистических источников, очень интересны — должности, титулы и имена чиновников высокого ранга, изменения в управлении городом, его связи с метрополией, сведения о населении Херсона и занятиях жителей.

И. В. Соколова проделала большую работу по систематизации, расшифровке и изучению херсонских печатей. Не имея возможности рассматривать их в хронологическом порядке, автор делит их на группы в соответствии с помещенными на них изображениями и палеографическими особенностями.

К первой группе И. В. Соколова относит печати с крестообразными монограммами, принадлежавшие комитам, киру, коммеркиариям, стратигам и архонтам Херсона. Она считает печати этого типа наиболее ранними и, привлекая другие исторические источники и анализируя их палеографию, делит их на временные группы до и после организации фемы Климатов (834 г.).

Ко второй группе относятся печати стратигов, коммеркиариев и духовных лиц с погрудным изображением Богоматери Никопейи. Исходя из сравнения с датированными печатями других фем и на основе данных палеографии, они могут принадлежать концу IX—началу X веков.

В третью группу объединены печати с изображениями святых, принадлежавшие стратигу, архиепископам, коммеркиариям и игумену Студийского монастыря. Автор относит их к X—XI векам.

Выделяя в отдельную группу печати с крестами, И. В. Соколова делит их на подгруппы, исходя из типов крестов и палеографии, и датирует их первой половиной XI века.

Касаясь общих вопросов эпиграфики печатей Херсона и принципов их датировки,

И. В. Соколова весьма удачно проводит аналогии с изображениями на точно датированных византийских монетах, что позволяет ей проследить временные изменения и уточнить хронологию.

Отдельно рассматриваются печати рода Цула, происходящих из него архонта, протоспафария, стратига. Будучи представителями местного населения, они занимали высокие должности.

В заключении суммированы основные положения, изложенные в разделах книги, и некоторые выводы об особенностях монетного дела и печатей Херсона, подчеркивающие их самобытность и перемены в политических и экономических связях с метрополией. К сожалению, печати, датированные IX—XI веками, содержат данные, ограниченные только этим периодом.

Следует отметить хорошо разработанные и четко оформленные приложения и схемы, в частности, — перечень использованных источников, насчитывающий 564 наименования, сводку типов печатей, каталог монет, указатель должностных лиц — владельцев печатей и др.

Книга И. В. Соколовой является первым трудом, подробно рассматривающим не только монеты, но и печати Херсона, и ценным пособием для изучающих историю и экономический уклад этого города. Однако в труде использован ограниченный материал, доступный автору. Известны ныне еще некоторые монеты и их разновидности. А печатей рассмотрено только 64. Совершенно нет печатей, найденных на городище Херсона, но не имеющих прямого текстовального упоминания об отношении к этому городу, что значительно обедняет работу.

Следует надеяться, что при дальнейшей работе над этой темой И. В. Соколова использует больше фактического материала, что позволит уточнить некоторые вопросы и дать более убедительное обоснование некоторым положениям.

Н. Н. Грандмезон

АННОТАЦИИ

Georgius Syncellus. *Ecloga chronographica* / Edidit A. A. Mosshammer // *Bibliotheca Scriptorum graecorum et romanorum Teubneriana*. Leipzig, 1984. 507 p.

После того, как в начале XVII века ученому миру впервые стало известно о рукописи хронографического сочинения Георгия Синкела (начало IX в.), его текст публиковался трижды. Editio princeps, выполненная Яковом Гоаром, появилась в Парижском корпусе византийских историков в 1625 г., в 1729 г. его текст без изменений перепечатали в Венеции. Третий раз сочинение Георгия было опубликовано В. Диндорфом в 1829 г. в составе Боннского корпуса Я. Гоар издавал текст с латинским переводом по единственной известной тогда полной рукописи середины XI в. (ныне Paris gr., 1711) и учитывал для последней части два уже обнаруженных тогда неполных списка. Хотя в распоряжении В. Диндорфа имелся уже второй полный список XI в. (ныне Paris gr., 1764), его публикация — скорее переработка гоаровской, нежели новое издание. Наряду с исправлениями, сделанными по новой рукописи В. Диндорф внес в труд предшественника и новые ошибки.

Полтора столетия византисты с благодарностью пользовались изданием В. Диндорфа, хотя ему и свойственны все недочеты, характерные для томов Боннского корпуса. Вышедшая сейчас книга — не переработка старых, а совершенно новое издание, сделанное по всем правилам современной эдичионной техники. А. Мосшаммер непосредственно обращается к рукописным текстам и даже не считает нужным приводить в аппарате отвергнутые им чтения и исправления своих предшественников.

Помимо предисловия, книга состоит из подборки свидетельств о Георгии Синкеле средневековых авторов (Феофана, Анастасия Библиотекаря, Иоанна Скилицы, Георгия Кедрина), текста с подстрочным критическим аппаратом, именного и предметного указателей, списка упоминаемых в тексте авторов со ссылками на цитируемые пассажи, указателя мест, заимствованных из Священного писания и апокрифов, указателя источников. Уже этот перечень показывает, насколько удобней будет теперь работать над «Хронографией» Георгия и филологу и историку.

Текст реконструирован на основании двух упомянутых выше полных списков, для издания последней части труда (с. 360 сл.) привлечены также еще девять

манускриптов, содержащих этот кусок сочинения Георгия. Издатель в каждом случае старается выбрать лучшее чтение, приводя все отклонения в комментарии. Такая работа была бы невозможна без установления рукописной традиции, что и делается со свойственной автору скрупулезностью в предисловии. Помимо этого, издатель нередко учитывает «косвенную традицию», произведения авторов, так или иначе опиравшихся на Георгия. При этом используются и неопубликованные материалы. Гораздо в большем объеме, чем раньше, приведены в критическом аппарате маргиналии, которыми столь богаты рукописи Георгия, в некоторых случаях устанавливаются их источники.

Короткое (такова традиция Bibliotheca Teubneriana!) предисловие А. Мосшаммера никак не рассматривает как исследование, но на самом деле оно именно эту роль и выполняет, уже хотя бы по той причине что ученая литература о Георгии до крайности скудна. Вся ее издатель перечисляет, не упоминув, правда, статьи В. Греку (*V. Grecu*. *Nat Georgios Synkellos weite Reise unternommen?* // *Bull. Ac. Roum. Sect. hist.* 1947. 28. 2), а также работы И. Чичурова (Феофан Исповедник — публикатор, редактор, автор: В связи со статьей К. Манго // *ВВ.* 1982. 42). Автор описывает предыдущие издания, дает характеристику рукописей, останавливается на источниках сочинения Георгия Синкела, говорит об использовании его текста у более поздних писателей, рассказывает о принципах, положенных в основу его работы. Отметим в этой связи тонкие наблюдения А. Мосшаммера, касающиеся вопроса, какие именно списки древних произведений легли в основу труда хрониста. Так, например, по мнению автора, Георгий Синкелл должен был пользоваться той же версией хроники Евсевия Кесарийского, которая легла в основу ее армянского перевода. Не уклоняется А. Мосшаммер и от общей оценки труда хрониста. Справедливо не соглашаясь с унижательными отзывами некоторых старых филологов, он склоняется скорее к характеристике, данной Георгию его учеником и продолжателем Феофаном Исповедником, согласно которому Георгий Синкелл был «замечательным, умнейшим мужем, который прочел множество сочинений хро-

нографов и историографов и тщательно их исследовал».

Рано пока выносить окончательное суждение о Георгии Синкеле, изучение его

творчества — впереди. Настоящее издание «Хронографии» — лучшее тому подспорье.

Я. Любарский

Continuity and Change in late Byzantine and early Ottoman Society / Ed. by A. Bryer and H. Lowry. Birmingham; Washington, 1986. VIII+344 p.

Книга о преемственности и переменях в развитии поздневизантийского и раннеосманского общества — плод реализации научной программы, объявленной в 1978 г. Центрами византийских исследований Бирмингемского университета и Думбартон Окса (Вашингтон). В основе книги — материалы симпозиума в Думбартон Оксе в мае 1982 г.

Источниковой основой труда являются византийские монастырские акты и османские налоговые описи. Авторы, однако, справедливо подчеркивают сложность прямых сопоставлений этих двух типов источников, их различную природу. Если монастырские акты были документами, подтверждающими права на землю и париков, на фискальные иммунитеты, то османские описи, созданные для нужд налогообложения, не учитывали земли и доходы, изъятые от взывания налога, нередко давали лишь суммарную информацию о самих держателях. И если по ним можно судить о характере производства, демографических процессах, можно установить имена и статус прежних, византийских, владельцев, то их статистическая обработка для получения общей картины развития экономики определенного региона невозможна (с. 2—4).

Для исследования аграрного развития выбраны области Халкидики, Понта и Лемноса. Город изучен главным образом на примере Фессалоники и Трапезунда, хотя в сравнительном плане привлекаются и данные о других городских центрах.

В главе 1 Ж. Лефор рассматривает селение Радолубо в Восточной Македонии. Автор пришел к заключению, что с XI до середины XIV в. наблюдается устойчивый рост населения (со 122 до 226 домохозяйств). Чума середины XIV в. прервала этот процесс, возобновившийся в следующем столетии. Эти демографические процессы Ж. Лефор считает типичными для всей Восточной Македонии (с. 18—19) и показывает, как они сопровождались интенсивной внутренней колонизацией¹.

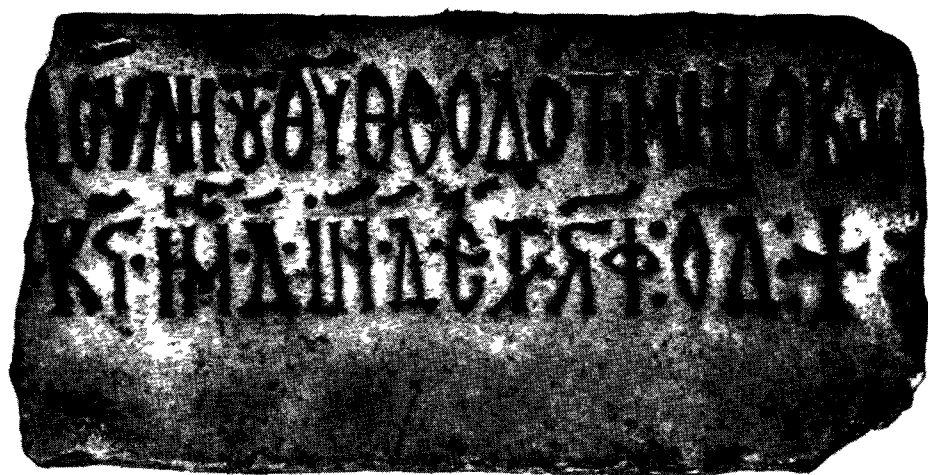
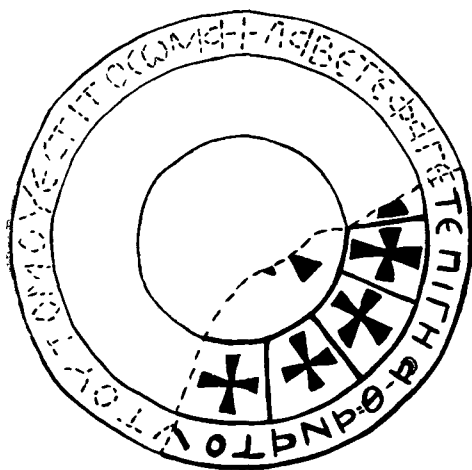
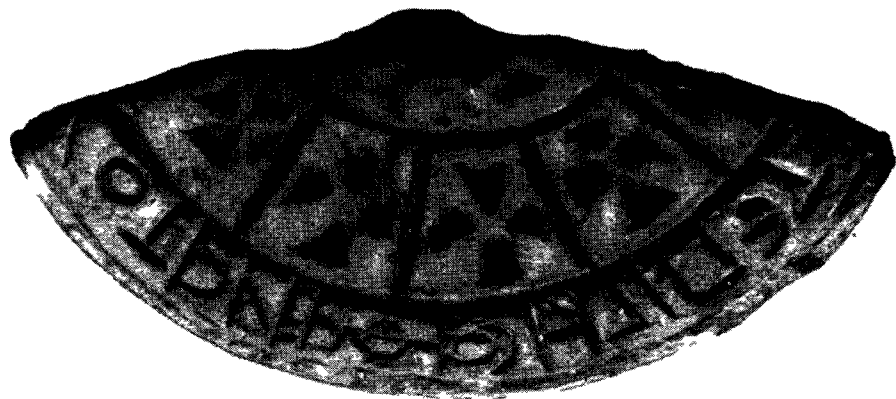
Исследовав то же селение во второй половине XV в. (по данным османских налоговых описей 1465 и 1478 гг.), Х. Лоури обнаружил преемственность аграрных занятий местного христианского населения в районе. Тимариотская система налагалась сверху на традиционный стиль жизни и хозяйствования прежних византийских крестьян (с. 35). Однако за 13 лет рост налогов на домовладение, с учетом «инфляции», составил 31,83 %. Налогом облагались в первую очередь товарные культуры — вино и пафран, что показывает

ориентацию крестьянских хозяйств на рыночный сбыт их продукции. Лоури делает и более общий вывод: стоимость османских военных компаний не компенсировалась самими новыми приобретениями, но перекладывалась на плечи раия — платящего налоги населения. Однако, уплачивая налоги, как показал В. Димитриадис, и в последующем население Халкидики сохраняло значительную долю самостоятельности и автономности. В XV—XVI вв. в районы Халкидики направлялся поток беженцев из других, менее благополучных областей Османской империи (с. 50). Значительная доля земельной собственности на Халкидике по-прежнему принадлежала Афонским монастырям.

Аграрное развитие понтийской области Мацука, к югу от Трапезунда, исследовано Э. Брайером. Понт был одним из наиболее плотно заселенных регионов византийского мира. В Мацуке плотность населения составляла 60 человек/км² (исключая высокогорные области), в лежащей к западу от нее Трикомии — 125 человек/км². По людским ресурсам Трапезундская империя в XV в. была самым крупным византийским государством (с. 57—58). Однако население Мацуки не группировалось в крупные села, а было рассредоточено по небольшим хуторам. Брайер делает вывод о малочисленности проний на Понте и о преобладании мелких земельных держаний страиотского типа. Мелкие держатели составляли основу системы обороны Мацуки, которая сохранилась по крайней мере до второй половины XVI в. (с. 71—75). Административная же система банд (округов), с их дуками и кефалами, напротив, была разрушена османами вместе с ликвидацией верхушки прежнего господствующего класса. На фоне общей картины довольно радикальной конфискации церковной собственности и закрытия (превращения в мечети) церквей после османского завоевания (1461 г.) Мацука представляла особенность: 3 ее крупнейших монастыря почти полностью сохранили свои владения при османах. Главную причину этого Брайер усматривает в особой роли монастырей в обороне региона (с. 83) и в поддержке их мощной при султанском дворе и патриархате «понтийской партии» в Константинополе, видным представителем и главой которой был Георгий Амирути. Если первоначально на Понте многое сохранялось по-старому после османских завоеваний, то наиболее радикальные изменения начали происходить с 20-х годов XVI в. Первый период туркокрации (1461—1553 гг.) был ис-

ИЛЛЮСТРАЦИИ

¹ Характеристика аграрных отношений в селении Радолубо может быть дополнена, в частности, на основании работы Г. Г. Литаврина, не учтенной автором главы: Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977. С. 89—92.

следован Х. Лоури, второй (1560—1640) — Р. Дженнингсом. Лоури проследил очень медленный процесс исламизации населения: в 1486 г. в Мацуке было лишь 6 мусульманских домовладений, в 1515 г. — 51 (1,5 % всего населения), в 1553 г. — 101. В основном это были местные жители, принявшие ислам. Некоторое усиление мусульманизации произошло во второй половине XVI—начале XVII в.

Земельная собственность в пределах одного и того же селения при османах, как ранее в эпоху Трапезундской империи, дробилась на мелкие доли, находившиеся во владении как частных лиц, так и монастырей. Новый господствующий класс состоял преимущественно из тимариотов. Первоначально ими стали участники похода 1461 г. и греческие землевладельцы, перешедшие на службу к османам. Однако к 1486 г. почти все держатели тимаров были заменены переселенными из Албании христианами и мусульманами-янычарами. Между 1486 и 1515 г. к ним добавились тимариоты, переведенные из провинции Торул. К 1515 г. завершилась исламизация всех тимариотов. Сохранившие до начала XVI в. свое значение держатели небольших воинских феонов мюсселемы (преемники трапезундских стратиотов) затем сливаются с крестьянством, хотя и получают некоторые привилегии и особый статус.

Элементами преемственности от эпохи Великих Комнинов в XVI—начале XVII в. Р. Дженнингс считает. физическое выживание сел и сохранение их названий; явное преобладание греческого православного населения в Мацуке; континуитет систем земледелия и землепользования, типов домов и подсобных помещений, примерно одинаковый уровень доходов от агрикультуры в 1461 г. и на рубеже XVI и XVII столетий, сохранение благоприятного баланса населения и ресурсов, наличие развитого сельского ремесла и промыслов. Элементами нового были: становление мусульманской правовой и налоговой системы, тимариотского землевладения, рост, хотя и медленный, мусульманского населения; усиление социальной мобильности и возрастание скорости перемещения земельной собственности; установление тесных экономических связей между мусульманским и христианским населением, политическая стабилизация, рост правовой защиты личности и хозяйства. В этом перечне, возможно, некоторые факторы несколько идеализированы. Так, например, экономические связи между мусульманами и христианами не были равноправными: в области кредита, к которой обращается Дженнингс, заимодавцами выступают почти исключи-

тельно мусульмане. Возможность правовой защиты еще вовсе не означала ее эффективности на практике.

Монастырские владения на острове Лемнос в 1261—1453 гг. были исследованы Дж. Холдоном. На их территории производилась 1/6 всей сельскохозяйственной продукции острова; масштабы церковного землевладения увеличивались (с. 170—171). Но пожалования земель государством монастырям не всегда оборачивались большими потерями для казны, политическая нестабильность, набег пиратов, военные действия на острове в сочетании с высоким уровнем эксплуатации крестьян приводили к острой нехватке рабочей силы. Нередко монастырям передавались пустующие, приморские и труднозащищаемые территории. Монастыри обеспечивали производство и оборону в тех зонах, которые иначе оказались бы заброшенными. Крайне нестабильная ситуация на острове, как показал П. Топпинг, сохранялась и в периоды латинского господства. В 1470 г., когда Лемнос принадлежал Венеции, его население, по самым оптимистическим оценкам, не превышало 6 тыс. человек. После установления османского владычества в 1479 г. остров не подвергся интенсивной турецкой колонизации. Как показал Х. Лоури, его оборона осуществлялась местным христианским ополчением и небольшим отрядом янычар-тимариотов. Из 711 домовладений на Лемносе в 1489 г. 710 принадлежало христианам-грекам. Существенно пострадало лишь монастырское хозяйство. В первый период туркокрации, включает Лоури, «османское присутствие было немногим более чем налетом на острове, чье население, религия, язык и культура были византийскими» (с. 259).

В главе 20. Брайера о структуре поздненизантийского города проводится мысль, что османские городские кварталы-махаллы были унаследованы от предшествующего периода. По его мнению, город XII—XV вв. состоял не из одного, а из нескольких центров, вокруг которых группировались поселения разных групп жителей. В понтийских городах, и прежде всего — в Трапезунде, население обладало своего рода общинной организацией, сродни той, что объединяла жителей понтийской периферии (с. 278—279). Отмечая активность трапезундского дима, Брайер полагает, что трапезундское купечество и вообще слой «месой» были ограничены количественно и не располагали крупными капиталами. Брайер смог насчитать лишь 4 патрона судов трапезундца. Его вывод гласит: «Рождающееся поздненизантийское бюргерство, конечно, существовало, но до некоторой степени было и порождением и жертвой итальянцев» (с. 280).

² См., например, закупку продовольствия трапезундским торговым обществом для фактории в Самастро на сумму 24 032 аспра: Archivio di Stato di Genova. San Giorgio. Caffè Massaria ad annum 1455. F. 208r. См. подробнее: *Карпов С. II*. Трапезундское купечество в черноморской торговле конца XIII—первой половины XV в // *Byzantinobulgarica*. София, 1981. Т. VII. С. 239—245; *Он же*. Социальная структура городов Южного Причерноморья (XIII—XV вв // *Классы и сословия средневекового общества*. М., 1988. С. 64—72.

янцев, а в таком месте, как Трапезунд оно, как кажется, не насчитывает крупных купцов» (с. 278—279). Вряд ли такое суждение можно принять полностью. Среди трапезундских купцов были представители всех имущественных категорий, а трапезундские торговые общества инвестировали капиталы в десятках тысяч аспров². По данным массарий Каффы и Перы (1374—1461 гг.), мы насчитали около 60 патронов судов-греков из понтийских городов, включая и Трапезунд. Трапезундские купцы были действительно младшими партнерами итальянцев, но отнюдь не были их жертвой. Слой этот развивался поступательно.

В главе С. Вриониса тщательно проанализированы обстоятельства османского завоевания Фессалоники в 1430 г., показаны его губительные последствия, резкое снижение населения города в результате его завоевания примерно с 10 до 2 тыс. человек. Переход города под власть османов изменил и его этнический облик. В XVI—XVII вв. он заселялся преимущественно еврейским населением. Этот же процесс насильственного и добровольного переселения жителей осман-

ских владений в другие города на примерах Константинополя, Трапезунда и Фессалоники рассмотрен в заключительной главе, написанной Х. Лоури.

Не все в книге равноценно. Есть в ней и повторы, и некоторые противоречия (как, например, в датах политической истории Лемноса в главах Дж. Холдона и П. Топшинга). Далеко не всегда регион в византийское и османское время рассматривается по единым параметрам, да и не всегда это позволял и сам материал источников. Пожалуй, лучше всего сопоставление сделано на примере Мацуки. Но несмотря на все это, книга показывает живучесть византийских традиций в первые периоды османского господства, поверхность воздействия османских институтов на глубинные основы хозяйства и быта. В целом можно с уверенностью сказать, что перед нами оригинальное и ценное исследование, доказавшее возможность и необходимость, несмотря на все источниковедческие трудности, использования османских налоговых описей для выяснения аграрного и городского развития поздней Византии.

С. П. Карнов

Alexander Paul J. The Byzantine Apocalyptic Tradition / Edited by Dorothy de F. Abrahamse. Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press, 1985. 239 p.

Известный специалист по византийской апокалиптике Поль Александер умер в 1977 г. Рассматриваемая книга издана по незавершенной рукописи его ученицей Д. де Ф. Абрахамс. Несмотря на свое обобщающее название, книга посвящена довольно ограниченному кругу памятников. В первой части, озаглавленной «Тексты», исследуются: «Апокалипсис Псевдо-Мефодия Патарского» в его сирийском оригинале (с. 13—51) и греческом переводе (с. 52—60); «Видение Даниилово», дошедшее в славянском переводе (с. 61—72), и родственные ему греческие тексты (с. 72—95); реконструируемое П. Александером из рассказа Лиутпранда о посольстве в Константинополь апокалиптическое сочинение, которое, по его мнению, также называлось «Видение Даниила» (с. 96—122); апокалипсис Андрея Юродивого из жития этого святого (с. 123—129); «Центон об истинном императоре» (с. 130—135) и «Псевдо-Ефрем» в латинском и сирийском вариантах (с. 136—147).

Во второй части книги, «Темы», помещены этюды о постоянных сюжетах апокалиптики: последнее императоре (с. 151—184), Горе и Магоге (с. 185—192) и Антихристе (с. 193—225). По словам Д. Абрахамс, последние два раздела остались незавершенными (с. 6).

П. Александер скрупулезно исследует соотношение различных памятников между собой, выясняет время и место их создания, прослеживает генеалогию тех или иных сюжетов. Проблема текста для него в данной книге — это проблема источника заимствования. Разумеется, такой подход не только правомерен, но и необходим на ранней стадии изучения памятников, и побуждает исследователя к строгому

самоограничению. Так, если в других работах сюжет о вручении последним царем своего царства богу является свидетельством политического самосознания византийцев, то здесь — лишь показателем иудейской первоосновы греческой апокалиптики (с. 175—181). П. Александер признает, что Византия внесла в этот мотив некоторое своеобразие (с. 179), но не фиксирует внимания на внелитературных аспектах. Точно так же интереснейшее наблюдение над различием в интерпретации тезиса о вечности империи у Псевдо-Мефодия и у Космы самим ученым явно воспринимается как побочное (с. 23, примеч. 28). Правда, следует помнить, что П. Александер планировал написать отдельную главу об историческом значении апокалипсисов, но не успел (ср.: с. 6). Вообще, ряд мест в книге (ср.: с. 29, примеч. 49; с. 163, примеч. 44) дает основание предполагать, что ученый собирался внести в свою рукопись значительные коррективы.

Посмертная монография П. Александера — важный вклад в византийское источниковедение. Она дает основу и для функционального изучения апокалипсисов.

В заключение позволим себе несколько мелких замечаний к отдельным высказываниям П. Александера. Так, ученый допускает, что расширения греческого перевода Псевдо-Мефодия по сравнению с сирийским оригиналом могут восходить к какой-либо иной сирийской редакции (с. 52—53) — однако против такой возможности свидетельствует сочетание λογός και λόγος, принадлежащее античной риторике и звучавшее ассонованом лишь для греческого уха. Далее, П. Александер

считает, что этноним «ассирийцы» не характерен для стиля Лиутпранда и потому должен восходить к реконструируемому исследователем апокалипсису (с. 97) — однако кремонский епископ пользуется этим словом и в собственном повествова-

нии¹. И последнее: ученый не берется отождествить экспедицию магистра Эксакионита против сицилийских арабов (с. 100, примеч. 12), между тем как косвенное свидетельство о ней содержится в житии св. Нила Нового².

С. А. Иванов

Γρηγορίου-Ιωαννίδου Μ. Παρακμή και πτώση του θεματικού θεσμού. Συμβολή στην εξέλιξη της διοικητικής και της στρατιωτικής οργάνωσης του Βυζαντίου από το 10 αι. κ. ε. Θεσσαλονίκη, 1985. 165 Σ.

Монография М. Григориу-Иоанниду «Упадок и ликвидация системы фем. Вклад в изучение эволюции административной и военной организации Византии с X в. и далее» представляет собой публикацию кандидатской диссертации, защищенной в 1985 г. на отделении истории и археологии университета Аристотеля в Салониках. Работа состоит из двух частей, вступления, заключения и библиографии. В библиографическом разделе (с. 11—31) приводятся источники и основные работы по теме, данные в алфавитном порядке вместе со списком сокращений.

Довольно обширная вступительная часть (с. 35—52) посвящена рассмотрению проблемы формирования и развития фемной системы в Византии в период до X в. В изложении этой сложной и дискуссионной темы М. Григориу-Иоанниду опирается на работы И. Караяннопулоса, не полемизируя и даже не отметив другие точки зрения на этот счет, полагая, видимо, что они хорошо известны читателю. Согласно автору, первоначально термин «фема», упоминаемый Феофаном применительно к событиям VII в., обозначал крупные воинские подразделения. Новый этап в развитии фем наступает в последней четверти VII в., когда начинается закрепление воинских подразделений за определенными территориями, оборона которых становится их постоянной обязанностью. Процесс военизации византийской администрации, ведущей свое начало со времен Юстиниана I и несколько приостановленный в последующий период, возобновляется, по утверждению автора, при Льве III (717—741 гг.). Постепенное падение значения теории администрации и сосредоточение гражданской и военной власти в руках стратига завершается в ряде областей к последней трети VIII в. (с. 38). Процесс деления крупных фем на более мелкие продолжался на протяжении всей истории существования этой организации. В качестве наиболее общих причин дробления фем автор называет стремление императоров обезопасить себя от честолюбивых устремлений могущественных стратигов, выступления которых неоднократно потрясали империю в VII—VIII вв., заботу об улучшении обороны империи и утверждения ее господства на приобретенных территориях (IX—X вв.), борьбу с восстаниями фемной знати, печальный опыт которой имели Иоанн Цимисхий и Василий II (с. 40). Раздел крупных военно-админ-

стративных областей на Востоке в VIII—X вв. отражен в списке фем с указанием года их образования (с. 40—47). В примечаниях приводятся данные о первых упоминаниях фем в источниках и, в ряде случаев, основные суждения в историографии относительно хронологии их создания. Что касается западных фем империи (Фракия, Эллада и Сицилия), то, по мнению автора, преобразование здесь фем-военных отрядов, возникших в конце VII—начала VIII в., в административные единицы шло параллельно с их делением. Т. е. возникновение самой фемной организации начинается не ранее конца VIII—начала IX в. (с. 47—50), но Григориу-Иоанниду не дает хотя бы краткого обзора обстоятельств ее формирования в этой части империи. И хотя причины, тормозившие создание фем на Балканах, общеизвестны, однако проблема восстановления власти империи здесь дискуссионна и мнение автора требует хотя бы некоторого пояснения. Иначе система обороны империи в данном регионе по крайней мере до IX в. остается совершенно неясной.

Первый раздел монографии, озаглавленный «Эволюция и падение фемной системы. Новая администрация» состоит из трех глав, в которых последовательно рассматриваются эволюция фемной организации, ее постепенный упадок и формирование новой администрации. Проследившая географические и структурные изменения в системе с X в., автор указывает на появление в этот период большого числа новых фем, территория которых ограничивалась одним городом, крепостью или небольшим округом. Общее административное переустройство империи в X в. выразилось также в распространении должностей дуки и катепана, отмеченных уже в Эскуриальском тактиконе (971—975 гг.). В монографии дается список стратигов, дуков и катепанов по векам и областям в период со 2-й пол. X до XIV в. (с. 57—78). Сам по себе этот список, явившийся результатом кропотливой работы автора с источниками, дает в руки исследователей богатый материал, важный не только в связи с поставленной в монографии проблемой, но и для изучения разных аспектов истории византийской администрации.

Наблюдения над списком позволили Григориу-Иоанниду сделать ряд выводов. Процесс эволюции византийской системы фем начиная с X в. характеризуется

¹ Liutprand von Kremona. Die Werke. Hannover, 1915. S. 192.

² PG. 120. Col. 105 A.

тремя основными тенденциями. Первая из них заключается в том, что рост числа фем привел к уменьшению компетенции стратига и снижению его положения в воинской иерархии. Сам термин «стратиг» начинает терять свое техническое значение в источниках (с. 80). Вторая тенденция связана с повышением роли должностей дуки и катепана, постепенное приращивание ими власти над вооруженными силами провинций. Однако они (по мнению автора, должности являются тождественными) не подменяли полностью стратигов прошлого периода, так как одновременно с первыми двумя проявилась и третья тенденция в развитии фем — высвобождение гражданской администрации провинций из-под власти ее военного главы. Имена судей или преторов и других представителей судебного-финансового служб все чаще встречаются в источниках начиная с XI в., как показывают приведенные в монографии списки фем, областей или крупных судебно-финансовых округов (охватывавших несколько фем), судьи которых упомянуты в источниках XI—XII вв. (с. 85—89). Дальнейшее развитие трех тенденций, как показывает автор, привело к исчезновению с середины XI в. должности стратига как главы военно-административного округа и передаче его обязанностей дуке и судье (с. 90). Однако с изменением системы обороны империи в XI в. меняется постепенно и характер компетенции дуки, власть которого ограничивалась теперь судебно-финансовыми и полицейскими функциями. Таким образом, сами фемы в этот период утрачивают свою структуру крупных военно-административных областей и превращаются в судебно-финансовые округа (с. 93—94), что было в большей степени характерно для Балкан, чем для восточных областей империи (с. 97—102). Снижение значения всех должностных степеней, связанных с фемой, привело к созданию титула «*κεφαλῆ*», который, согласно источникам XIII—XIV вв., носил глава новой администрации в провинции, имевший ограниченную власть и смежные функции военно-полицейского и гражданского управления (с. 103—104).

Основные выводы Григориу-Иоанидиду о путях эволюции византийской административной системы не являются сами по себе новым словом в историографии¹, однако ценность рецензируемой работы заключается в конкретности исследования, привлечении большого количества тщательно подобранных материалов источников. Примененный в работе метод сквозного просмотра терминологии памятников дал автору возможность проследить эволюцию византийской провинциальной администрации за значительный период времени — с X по XIV век. Однако изучение материала вне широкого исторического контекста неизбежно ведет к определенной схематизации сложного процесса, вне поля зрения читателя остаются вопросы причин и следствий тех или иных

явлений, своеобразия эволюции в отдельных регионах, локализации и территориального охвата некоторых фем пр. — т. е. вопросы весьма важные для подтверждения некоторых положений данной работы.

Второй раздел («Развитие военной организации и ликвидации фемного войска империи» (с. 107—148) состоит из двух глав. Предваряет его описание структуры византийского войска империи в ранне- и средневизантийский периоды (согласно принятой в греческой историографии периодизации, первый период охватывает 324—565 гг., второй — 565—1081 гг. и поздневизантийский — 1081—1453 гг.). В изучаемое в работе время византийская военная организация, как известно, знала две категории войск — фему и тагму, которые обычно в историографии противопоставляются как провинциальное и императорское войско. Однако эта антитеза должна быть, по мнению Григориу-Иоанидиду, подвергнута сомнению (С. 111). Ясно, что в период роспуска фемного войска по домам оборону империи брало на себя войско тагм. В источниках начиная с X в. упоминаются тагмы в некоторых провинциях империи, однако, по мнению автора, следует решительно отвергнуть взгляд на них, как на части императорского войска, постоянно базировавшиеся в фемах или даже временно туда введенные (с. 112). Распределение императорского войска по провинциям означал бы ослабление обороны центра империи, поэтому следует искать другое объяснение феномену «тагм» на периферии. По мнению автора, единственно возможным в данном случае является предположение, что в каждой феме существовали постоянные войска, состоявшие из профессиональных воинов, получавших плату из казны. Они находились под командованием стратига и составляли ядро фемного войска. В VIII—IX вв., как показывают наблюдения автора над терминологией источников, они назывались «*ταξάτοι*» или «*ταξῆς*», а с X в. обозначались термином «тагма» (с. 113—118). В XI в. в связи с почти постоянными нападениями на востоке и западе и необходимостью удерживать длительное время войска в районе военных действий возрастает роль хорошо вооруженной и обученной армии профессиональных или наемных воинов, поэтому повышается значение тагмных войск провинций, увеличивается их автономия в составе фемного войска, а затем постепенно ликвидируются подразделения стратиотов-земледельцев (с. 121—122). Попутно автором затрагивается вопрос об отрядах иноэтничного населения внутри фем — милинов на Пелопоннесе, влахов в Элладе и пр. Не развивая этой темы (которая еще ждет своего исследователя), она ограничивается замечанием, что их не следует отождествлять с тагмами фем, так как эти отряды существовали, видимо, наряду с ними и для их укрепления (с. 124).

Особая глава во втором разделе посвящена структуре византийской армии (с. 125—147). Четыре способа мобилизации, существовавшие в империи с ранневизантийского периода (налоговая, наследственная, добровольная и наемная (варварская)), сохраняются в целом и в последующие столетия. Однако с конца IX—X в. отбывание воинской повинности упорядочивается: с утверждением системы воинских поселений она все больше приобретает наследственный характер, так как владение стратиотскими участками передавалось по наследству. С этого времени, как показывает автор, в византийской армии существовали три категории воинов — мобилизованные, постоянные и наемные, причем две последние отличались лишь тем, происходили ли они из числа местных жителей или иноземцев. Что касается провинциального, т. е. фемного войска, то автор признает, что в источниках не делается различия между мобилизованными и постоянными воинами, поэтому о наличии здесь «*ροῦὰ τοῦς στρατιώταις*» можно судить лишь по косвенным указаниям (с. 132—133), например о выдачах «*ροῦα*». Автор решительно отвергает мнение, что речь мо-

жет идти о выплатах стратиотам-владельцам воинских держаний (с. 134—135). Обе категории воинов в провинции составляли в совокупности фемное войско, именно поэтому, по мнению Григориу-Иоанидиду, они не отделены в источниках (с. 135).

Изменения, которые претерпевает византийская военная организация в XI в., кроме уже названных (возрастания значения тагмных войск и их централизации и ликвидации армии стратиотов-земледельцев), выразились в увеличении иноземного элемента в воинских силах империи. Заключительный параграф раздела посвящен тагмам иноземных наемников (с. 144—148).

В монографии М. Григориу-Иоанидиду решаются, разумеется, далеко не все вопросы, связанные с историей военной организации империи в рассматриваемый период (да автор, видимо, и не ставит себе такой задачи), однако это исследование обогащает наши представления о составе воинских сил византийской провинции.

В кратком заключении повторяются основные выводы исследования.

О. В. Иванова

Nubia Christiana / Akademia Teologii Katolickej. Warszawa, 1982. Т. I. 352 s. + Pls., figs., maps.

Принятое в конце 1950-х годов решение о строительстве высотной Асуанской плотины и связанная с этим угроза затопления Нилом огромных территорий побудили ЮНЕСКО выступить с призывом к научной общественности мира помочь Египту и Судану в деле изучения и спасения нубийских памятников культуры и искусства. Ученые более пятидесяти стран откликнулись на этот призыв. С 1960 г. в долине Нила развернулись широкомасштабные работы, координатором которых выступило Общество по изучению нубийских древностей (Society for Nubian Studies).

Особенно весомый вклад в изучение Нубии внесли ученые Польши. Создание в 1961 г. в Каире Польского центра средиземноморской археологии, а вслед за этим — Центра Нубийских исследований при Польском институте средиземноморской археологии в Варшаве явилось прочной базой для всестороннего изучения нескольких древних объектов на территории Нубии — Олд-Донгола, Гран Ком, Кадеро и, конечно же, Фарас. Организатором и подлинным вдохновителем всех этих мероприятий был выдающийся польский археолог профессор Казимеж Михаловский (1901—1981).

Результаты двадцатилетней многосторонней исследовательской деятельности польских ученых, занимающихся нубиологией, находят отражение в материалах международных симпозиумов, семинаров, коллоквиумов, в ряде издающихся в Польше публикаций. Последний в ряду таких публикаций — изданный в конце 1982 г. Академией католической теологии в Варшаве первый том «Nubia Christiana» (редактор С. Якобелский, при участии

Б. Ростковской). Авторы посвятили его памяти К. Михаловского.

Исследовательскую часть предваряет краткое вступление (на французском и польском языках), написанное К. Михаловским (с. 5—8). В нем он обрисовывает основные проблемы, стоящие перед исследователями Нубии, состояние их изученности на сегодняшний день, дает общую характеристику сборника, выделяя работы иностранных авторов (Дж. Плэмли, Д. Вантини) и выражая уверенность, что «Nubia Christiana» со временем станет интернациональным органом.

Книга включает двенадцать работ одиннадцати авторов (большинство из которых принимало участие в раскопках под руководством К. Михаловского). Статьи написаны по-английски и по-французски и сопровождаются развернутыми аннотациями на польском языке. На с. 9—14 приведена литература по нубиологии, включающая более 150 названий. Работы (кроме одной) насыщены библиографическими ссылками.

Сборник открывается статьей Президента Общества по изучению нубийских древностей, многолетнего руководителя раскопок в Ибриме (крепость, молельни, некрополь) Дж. М. Плэмли «Новые данные о христианской Нубии в свете недавних раскопок» (с. 15—21). Автор отмечает, что, основываясь на третьей части «Церковной истории» епископа Иоанна Эфесского, временем распространения христианства в Нубии принято было считать середину VI в., когда в Нубию прибыл первый христианский миссионер Юлиан с посланием от византийского императора. Однако добытые археологами материалы заставляют пере-

¹ См., например, об этом: Литаврин Г. Г. Византийское государство в VII—XII вв. // Раннефеодальные государства на Балканах. М., 1985. С. 128.

смотреть эту дату: в 1972 г. внутри крепости Ибрима был раскопан христианский храм, выстроенный, скорее всего, во второй половине V в., что доказывает распространение новой религии в этом районе в это время¹. На сегодняшний день храм этот — самое раннее христианское сооружение в Нубии.

В сборнике опубликовано обстоятельное исследование П. Гарткевича «Введение в историю нубийской церковной архитектуры» (с. 43—105). Эта работа построена по следующей схеме: история архитектурных исследований и развитие археологии; архитектурные проблемы; состояние исследований по церковной архитектуре Нубии (обстоятельно разбираются типологические построения Д. Милехамы, критически рассматриваются теоретические предположения С. Кларка и У. Моннье де Виллара, излагается взгляд на этот вопрос У. И. Адамса); виды нубийских поселений; методы строительства и материалы, применявшиеся в христианскую эпоху (наиболее распространенными материалами и основой связующих растворов были, как прежде, ил и глина). В заключение автор предлагает свои гипотезы о развитии нубийской церковной архитектуры: он выделяет в ней три основных этапа, которые, в свою очередь, подразделяются на фазы и направления. Для большей наглядности автор предлагает графическую схему этого развития (с. 74). Статья снабжена богатым иллюстративным материалом (более двадцати планов, разрезов, схем, рисунков). Интересны предлагаемые П. Гарткевичем (с. 87, рис. 16) сопоставления нубийских памятников с однотипными армянскими сооружениями (Эчмиадзинский кафедрал, V в.; храм в Багаране, VII в.; Двинский собор, VII в.).

К обширной литературе, использованной автором, уместно добавить статью С. Якобелеского на ту же тему².

«Архитектурную тему» сборника продолжает работа В. Годлевского «Крепость церкви в храме Мандулиса в Калабша» (с. 134—140). В Калабша на месте древнего святилища при Августе и его преемниках был выстроен храм, посвященный нубийскому богу солнца Мандулису. Позднее к восточной стене храма христиане пристроили церковь. (В 1960-х годах храм перенесли на новое место). Внимание автора привлечено юго-восточный угол гипостильного зала храма. В христианскую эпоху здесь отго-

родили деревянными перегородками площадку (3,49×3,25 м), в восточной стене выдолбили нишу (58×50×46 см), по сторонам ее процарапали по кресту, а сверху поместили фреску «Три отрока в печи огненной» — сюжет, известный и по росписям Фараса. Автор полагает, что в этом месте была крещальня. Его предположение находит подтверждение в ряде памятников. В нескольких нубийских языческих храмах, приспособленных христианами для своих нужд (Абу Ода, Вади эс-Себуа, Акша и др.), в тех же юго-восточных углах встречаются подобные сооружения, в некоторых из них даже сохранились высеченные из камня купели.

Несколько статей в сборнике посвящено живописи Нубии.

В работе Божены Ростковской анализируется современное состояние изучения этой области искусства средневековой Нубии (с. 283—299). Автор отмечает наличие трех видов нубийской живописи: монументальной, станковой и миниатюры. В количественном отношении сохранность их разная: до нас дошло только две иконы и четыре образа миниатюры. Много больше сохранилось росписей VIII—XIV вв. На с. 290—291 перечислено шестнадцать пунктов с сохранившимися фресками, одиннадцать известны по документам, о двенадцати знаем по упоминаниям (см. карту на с. 291). Самый большой комплекс росписей (более полутора сотен) обнаружен в соборе древней столицы христианского государства Нобадия — Фарасе. Автор перечисляет наиболее популярные у местных художников библейские сюжеты и персонажи, отмечает широкое распространение во фресках Нубии изображений святых воинов³, воинов-всадников, крайнюю редкость изображений святых жен. Б. Ростковская обращает внимание на присущую нубийской живописи особенность: живые нубийцы изображались с темной, натурального цвета кожей, умершие и святые — белокожими. По мнению автора, иконография росписей Нубии во многом отлична от византийской, наблюдаются различия и между нубийской и коптской живописью как по линии стиля, так и иконографии.

Различным проблемам широкой темы «нубийская живопись» посвящены работы С. Якобелеского, Малгожаты Мартенс-Чарнецкой, М. Стейнборна, А. Лукашевича.

В статье «Заметки о хронологии стен-

ной живописи Фараса VIII—IX вв.» С. Якобелеский (с. 142—167), тщательно проанализировав стиль и колорит живописи, иконографию изображений на стенах собора в Фарасе, пришел к выводу о существовании шести сменявших друг друга стилистических направлений. Он условно называет их по преобладанию в колорите росписей того или иного цвета и, для простоты, каждое стилистическое направление обозначает латинскими литерами. В VIII в. господствовал так называемый «фиолетовый» стиль — А (автор отнес к нему 36 фрагментов стенописи). В IX — начале X в. сменяли друг друга три стиля: «позднефиолетовый» — В (10 фрагментов), «переходный» — С (5 фрагментов) и «белый» — D. Росписи первой половины X в. характеризуются как живопись «желто-красно-о» стиля — E. С конца X в. по конец XII в. — эпоха трех «многокрасочных» стилей: I — F, II — G, III — H. С XIII в. господствует «поздний» стиль — I. Автор ограничился рассмотрением стеной живописи Фараса в наиболее интенсивный период художественной жизни этого центра — начало VIII—вторая половина IX в. и пришел к заключению: живопись Фараса этого периода исполнена в местном художественном стиле талантливыми мастерами.

Два аксонометрических плана собора в Фарасе (на с. 148 и 149) со схематическим расположением изображений стилей А, В, С позволяют наглядно представить хронологическую последовательность нанесения росписей на стены храма.

Статья А. Лукашевича — «Окружение изображения анахорета Аарона в соборе Фараса» — (с. 192—211) посвящена образительным мотивам и надписям, сопровождающим «портрет» св. Аарона, исполненный в 954 г. Анахорет представлен на северной стене северного нефа храма в рост, в позе оранта, рядом с изображением Марии, сидящей на троне. Вблизи Аарона — пояснительные надписи, крест, финиковое и пальмовое деревья. По мнению автора, анахорет Аарон представлен здесь в раю в непосредственной близости от богородицы, что должно свидетельствовать о высоком почитании местного патрона нубийцев.

В работе «Использование декоративных орнаментов и мотивов на фресках Фараса как критериев для их датировки» (с. 214—219) М. Мартенс-Чарнецкая уточняет классификацию орнаментики стенописи Фараса. На первоначальном этапе изучения живописи Фараса К. Михаловский насчитал пять орнаментальных групп, по уточненным автором данным — их девять. Наблюдения М. Мартенс-Чарнецкой позволили расширить и конкретизировать хронологию этой живописи. Автор выделяет в ней три основных временных периода в развитии орнаментики: VIII—X вв. — эпоха формирования орнаментики и обогащения колорита; конец X — конец XII в. — «классический» период, характеризующийся эволюцией и усложнением орнаментики; XIII—XV вв. время упадка декоративности, выражающегося в пренебрежительном отношении

к деталям рисунка и в повторении привычных старых схем. Свои положения автор иллюстрирует прорисовками декоративных элементов, присущих каждой из трех групп (рис. на с. 216—217). По мнению М. Мартенс-Чарнецкой, построение и колорит орнаментальных мотивов Фараса при всей типично нубийской специфичности, схожи с орнаментикой коптской, сиро-палестинской и византийской.

Характер декоративных элементов и их колористический строй полностью совпадают с основными выводами исследований, посвященных живописи Фараса. Наблюдения автора позволяют расширить и конкретизировать хронологию этой живописи (например, датировку стилистических групп С. Якобелеского. Ср.: с. 144 с 216, 217).

Статья М. Стейнборна называется «Упряжь в нубийской стеной живописи» (с. 305—343). В ней автор излагает историю возникновения типа святых всадников, вскрывает причины, обусловившие широкое распространение в живописи Нубии образов конников, и отмечает влияние на сложение и развитие этих образов культурных традиций других народов. Далее — подробно рассматриваются нубийские изображения, на которых виден конский убор, дается его классификация, приводятся пояснения типов и видов. Текст сопровождается многочисленными рисунками.

Две статьи сборника освещают развитие некоторых видов прикладного искусства Нубии христианского периода.

Работа Камилы Колодзейчик посвящена хранящейся в польских собраниях керамике из Фараса (с. 173—187). Значение этого материала велико, поскольку происходит он из крупного центра керамического производства, каким был Фарас — резиденция нубийских епископов в христианскую эпоху. Автор прослеживает развитие формы разнообразных по назначению сосудов (горшки, кувшины, блюда) и светильников, типы глины, характер декора и т. п. на протяжении трех столетий — с 650 г. по 950 г. Особый интерес представляет керамика из захоронений епископов Фараса (Иоанна, Петра, Стефана и др.), чьи годы смерти мы знаем из надписей на стенах.

В статье «Ручные и нагрудные кресты из Фараса» (с. 223—270) З. Ратински подчеркивает необычайно широкую популярность культа креста в церкви Нубии (что, кстати, подтверждается и рядом работ, представленных в этом сборнике) и уникальную интерпретацию (сочетающую два мотива: Вознесение в коптском варианте *Majestas Domini* и Прославление креста) этого символа в росписях нескольких нубийских комплексов (Фарас, Тамит, Абдалла — Нирки). Автор констатирует, что изображения различных по формам крестов встречаются часто, археологические находки, напротив, довольно редки, поэтому он привлекает к исследованию не только вещи, но и материалы росписей. Кресты из Фараса он делит по формальным признакам на три группы. В первую он

¹ Эта же экспедиция установила конечную дату существования христианства в Нубии. В 1963—1964 гг. при раскопках в крепости Ибрима христианского храма (самого крупного церковного сооружения во всей Нубии) был вскрыт склеп епископа. В его одеянии обнаружили два свитка (длиной около пяти метров каждый) на коптском и арабском языках. В них содержалось описание церемонии возведения епископа в сан главы епархии Ибрима и Фараса в 1372 г. Могила епископа, свитки и другие находки неопровержимо доказывают, что мусульманское нашествие в XII в. не уничтожило полностью христианство в Нубии; оно продолжало существовать здесь в XIV и даже в XV в.

² *Jakobelski S. Nubian Christian Architecture // Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde. 1981. Bd. 108. H. I. S. 33—48.*

³ Этим изображениям посвящена не учтенная автором работа: *Frend W. H. C. The Cult of Military Saints in Christian Nubia // Festschrift für Erich Dinkler zum 70. Geburtstag. Tübingen, 1979. S. 155—163.*

включает подвесные кресты. Вторую группу составляют кресты с рукоятями. Третью группу образуют кресты, концы которых соединены друг с другом цепочками. Статья снабжена многочисленными иллюстрациями⁴.

Д. Вантини в своей статье (с. 25—40) рассматривает бытующие среди мусульманского населения нынешнего Судана христианские обычаи и традиции. Исследование построено на анализе исторических и литературных источников, устных преданий и данных археологических раскопок. Часть обычаев связана с изображениями христианских символов (голубь, рыба, крест; украшения входных дверей домов тарелками, из которых выкладывались фигуры в форме крестов). Большинство же принадлежит к обрядам и церемониям, относящимся к рождению ребенка (христианские по духу молитвы за роженицу; осенение мусульманами знака креста детей; так называемый ритуал «Мария», заключающий в себе очистительного характера церемонии и сопровождающийся обращениями к Марии⁵ и др.).

Работу Д. Вантини дополняет заметка К. Колодзейчик (с. 190—191), в которой

автор сообщает о факте, имевшем место недавно при раскопках одной из церквей X в. в Судане (так называемая «церковь на южном склоне» в Ком). В церковь вошли три местные женщины-мусульманки с белыми мешками для хлеба, украшенными нанесенными черной краской крестами. Женщины преклонили колени. Они не могли объяснить, почему опустились на колени и что означают кресты на их мешках.

Вошедшие в сборник «Nubia Christiana» свежие данные по целому ряду проблем, тематическая широта представленного в нем материала, его квалифицированная разработка ставят это издание в ряд ценных публикаций по нубиологии. Сборник представляет интерес не только для нубиологов, но и для специалистов смежных дисциплин.

Выход первого тома «Nubia Christiana» следует расценивать как своеобразную заявку на издание последующих томов. Редколлегия сборника надеется на сотрудничество в нем ученых других стран. И это можно только приветствовать. Жизненность этого органа несомненна, порука тому — успехи нубиологии и неослабеваемый интерес к ней⁶.

А. Я. Каковкин

ХРОНИКА

XVII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ВИЗАНТИНИСТОВ В ВАШИНГТОНЕ

3—7 августа 1986 г. в Вашингтоне состоялся XVII Международный конгресс византистов. Его заседания проходили в Центре византийских исследований Гарвардского университета в Думбартон Оксе и Джорджтаунском университете. Председателем оргкомитета являлась глава Национального комитета византистов США М. Фрэйзер.

В работе Конгресса участвовало свыше 500 делегатов из 30 стран. И хотя он собрал меньше участников, чем XV и XVI Конгрессы в Афинах и Вене (сказалась удаленность места проведения от основных европейских центров византиноведения), многие делегации были весьма представительными и включали ведущих ученых. Такими были делегации США, ФРГ, Греции, Франции, Великобритании, СССР, Италии, Канады. Активно участвовали в работе Конгресса византисты НРБ, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, ЧССР, Югославии. В состав советской делегации, которую возглавляла член-корреспондент АН СССР З. В. Удальцова, входили: А. Д. Алексидзе, Р. М. Бартияян, М. В. Бибииков, Е. Д. Джагапанян, И. С. Достян, С. А. Иванов, С. П. Карпов, Г. Г. Литаврин, И. П. Медведев, Р. А. Наследова, К. В. Хвостова, Я. Н. Щапов.

Работа Конгресса привлекла внимание американской и международной общественности, освещалась в американской прессе, по радио и телевидению.

На данном Конгрессе, как никак другом, сказалась смена поколений исследователей. В нем не смогли принять участие такие старейшие и крупнейшие ученые, как прежний президент Международной ассоциации византистов проф. Г. Хунгер (Австрия), Х.-К. Бек (ФРГ), С. Рэнсимен и Д. Оболенский (Англия), П. Лемерль (Франция), Д. Закифинос (Греция), Б. Лаваньини (Италия) и ряд других. Тем не менее, конгресс стал важным событием мировой византистики, объединив всех активно действующих ныне византистов мира.

Главной темой конгресса была объявлена проблема «Кризис и континуитет в Византии», предполагавшая, по замыслу организаторов, рассмотрение вопросов преемственности византийской средневековой христианской и античной языческой римской цивилизаций, а также того нового, что несла с собой первая из них, тех факторов, которые вызвали «кризис» системы культурных и идеологических ценностей. Прежде всего эта

проблема решалась на примере христианизации империи, которой было посвящено пленарное заседание первой секции и ряд «послеобеденных» специализированных коллоквиумов. С основными докладами на пленарном заседании первой секции выступили американский исследователь Р. Макмаллен, ученый из ГДР И. Ирмшер, советский исследователь И. П. Медведев, англичанка А. Кэмерон, скриптор Ватиканской библиотеки В. Пери и ученый из ФРГ Й. Эпге-манн.

В докладе Р. Макмаллена «Значение 312 года: трудности обращения империи» была рассмотрена уникальная в религиозно-идеологическом отношении обстановка в империи непосредственно накануне опубликования Миланского эдикта, когда старая языческая и новая христианская религии «столкнулись лицом к лицу», когда они находились в известном равновесии до такой степени, что «даже в голове одного и того же человека старые обычаи и его приверженность новой религии вполне могли уживаться и сосуществовать». Именно «религиозный плюрализм», по мнению докладчика, был характерной чертой данного периода, когда общество, по существу, не было ни языческим, ни христианским, но скорее и тем и другим, а каждый гражданин фактически был свободен интерпретировать на свой собственный вкус продолжающееся существование древних обычаев и институтов, в частности в сфере императорского культа с его титулом *divus* и церемонией *proskynesis* или *adoratio*. Именно в этой обстановке всеобщего смешения верований становится возможным, чтобы христианский император продолжал называть себя *divus* и даже *numen*, чтобы он благосклонно внимал почестям, которые ему оказывали языческие *sacerdotes* и *flamines*, а также панегирикам языческих риторов и поэтов. Перспективы еще не ясны, и впереди — длительный, трудоемкий и далеко не однозначный процесс преодоления и искоренения паганизма.

Таким образом, уже в этом докладе была намечена проблема, которой специально были посвящены два следующих доклада (вернее, содоклада), сохранение языческих институтов и верований в христианской империи (с подзаголовком: «судьба побежденного»).

В докладе И. Ирмшера «Языческий континуитет в юстиниановом государстве» было убедительно показано, что

⁴ Богатый сравнительный материал представлен в: Krzyz koptyski i jego naśladownictwa: Kolekcja Wacława Korabiewicza. Warszawa, 1976; Ludwig G. La croix dans l'art copte // Le Monde copte. 1980. IV. P. 3—10.

⁵ Подробнее об этом ритуале см.: Crowfoot J. W. Angels of the Nil // Sudan Notes and Records. Khartoum, 1919. II. N 3. P. 183—193.

⁶ Следует заметить, что советские исследователи, продолжая традиции русских ученых (А. Норов, А. Розов и др.), также вносят заметный вклад в изучение Нубии. Зимой 1961—1962 гг. в Дакке и Вади-Аллаки работала археологическая экспедиция АН СССР под руководством акад. Б. Б. Пиотровского. См. об этом: Пиотровский Б. Б. Археологическая экспедиция в Нубии // Вестник АН СССР. 1962. № 8. С. 88—93; Он же. Древняя Нубия: Результаты работ археологической экспедиции АН СССР в Объединенной Арабской Республике, 1961—1962 гг. М.; Л., 1964; Он же. Вади-Аллаки — путь к золотым рудникам Нубии. М., 1983.

Связанные с Нубией проблемы изучает мероитская группа при Институте востоковедения АН СССР, периодически проводящая научные конференции и публикующая их материалы. Вышло два сборника: Мероэ: История, история культуры, язык древнего Судана. М., 1977; Мероэ: Проблемы истории и культурных связей. М., 1981. Вып. 2.

вопреки утверждению императора Феодосия II, заявившего в 423 г. о том, что в империи больше не осталось язычников (СТh. 16, 10, 22), факты свидетельствуют о другом: вплоть до Юстиниана I и даже еще позднее — до Тиверия I, «мы вправе говорить о языческом континуитете в его многообразных формах». Несмотря на ожесточенные идеологические споры, на репрессивные меры против еретиков и людей, стоявших вне государственной религии, несмотря на то, что были созданы правовые основы уголовного преследования еретиков и язычников (запреты на профессию, на занятие должностей, конфискация имущества, неспособность наследования и т. д.), паганизм продолжал выполнять свою роль «идеологического коррелята идее империи». Как в столице и других крупных городах империи, так и — особенно долго — в более отдаленных районах (например, в долине Нила, в Верхнем Египте) все еще в ходу были языческие обычаи, сохранялись традиции античной образованности (в Константинополе среди высшего общества широкое хождение имели сборники античных эпиграмм), «все снова и снова прорывался эллинизм». Своеобразное сочетание гонений на язычников, как и других «диссидентов всякого рода», с попытками правительства действовать методом убеждения и с допущением известной толерантности в отношении язычества определяет, по мысли докладчика, весь «духовный облик века Юстиниана».

Рейдивам языческого мировоззрения в поздневизантийскую эпоху посвящен доклад И. П. Медведева «Дело вероотступника Ювеналия с юридической точки зрения». В нем рассмотрена такая типичная, по мнению автора, для христианской Византии форма идеологической борьбы, как вероотступничество, то есть отречение от христианской веры лиц, ранее принявших христианство, и их возврат к язычеству, попытка преобразования на неоязыческой основе всей жизни общества. На основании юридической интерпретации одного политического процесса над вероотступником Ювеналием (сер. XV в.) И. П. Медведев снимает покров благодушия и идиллии с весьма распространенных в зарубежной историографии представлений о вполне благополучной судьбе языческих институтов и верований в христианизированном византийском обществе. Он показывает, что за исповедание убеждений, отличных от господствовавших христианских и обличенных в одежды неоязычества, а на самом деле заключавших в себе зачатки нового видения мира, нового мировоззрения, рожденного эпохой Ренессанса, людям приходилось проливать кровь, жертвовать жизнью.

В докладе показано, что «дело Ювеналия» не было изолированным эпизодом, оно вписывается в общие рамки того оппозиционного по отношению к господствующей церкви и религии неоязыческого движения, центром которого в то время был Пелопоннес, а главой — знаменитый Георгий Гемист Плифон, философ-неопла-

тоник, один из наиболее значительных представителей византийской культуры XV в. Неоплатонизм Плифона, предусматривавший упразднение христианского вероучения, создание нового религиозного культа и преобразование всей жизни общества на платоновской основе, стал программой деятельности его тайного общества, членом которого, по всей вероятности, и был Ювеналий.

«Новое и старое в христианской литературе» — такова тема доклада английской исследовательницы А. Кэмерон, в котором была предпринята попытка рассмотреть диалектический процесс возникновения христианской литературы как таковой. В докладе констатируется, что большинство христианских литературных жанров, получивших свое дальнейшее развитие и преобладание в более поздние времена византийской истории, «родились в контексте социальных и экономических условий Поздней Римской империи». Автор придерживается той точки зрения, что связь между евангельскими повествованиями и языческими «жизнеописаниями» существовала, но что на основании этого неверно было бы заключить, что «одно развилось из другого». По мнению А. Кэмерон, христианская литература не копировала классических форм литературы языческой, не ответвлялась и не исходила из них, но «существовала бок о бок с ними и, во всяком случае, частично развивалась по тем же самым социальным причинам». Этот тезис, однако, противоречил (и это было отмечено в прениях по докладу) некоторым другим утверждениям докладчика, например, о том, что «принимая во внимание исключительную живучесть традиционного образования в империи и почти исключительное место, которое занимала в нем риторика, было неизбежным, чтобы христианская письменность использовала некоторые классические условности и классические формы». Точно так же А. Кэмерон проявляет непоследовательность, когда, вопреки утверждению об изначальной заданности христианских литературных жанров, считает, что «по мере того, как культурная элита (Византии) становилась все более христианизированной, она порождала новые формы христианской письменности». Формализационный период христианской литературы, увиденный с византийской перспективы, — это, по мнению докладчика, века между обращением Константина и «кризисом VII в.». Именно в период этого кризиса, который прервал континуитет классической культурной традиции, христианство прочно установилось как составная (и, возможно, самая сильная и наиболее стабильная) часть структуры Византийского государства — таков заключительный вывод докладчика.

Пространный доклад ученого из Ватикана В. Пери «Вселенские соборы как основное структурное звено церковной иерархии» был посвящен вызреванию идеи вселенских соборов, формированию соборной традиции церкви. Докладчик характеризует это как процесс усвоения церковью процедур и органи-

зационных критериев, свойственных гражданским и религиозным «ассамблеям» тех времен (римского сената, жреческих *consilia*, корпораций и магистратов муниципий империи и т. д.). Фундаментом «церковной иерархии» (это понятие вошло в лексикон экклесиологич., а затем и канонического права, только с Псевдо-Дионисием и было отражением неоплатонического *taxis* Прокла) послужила, однако, концепция *exonsiae*, изложенная уже в Евангелии от Матфея. Впервые слово *consilium* у христиан употребил Тертуллиан, в то время как греческое слово *συνodus* в его техническом значении фигурирует в начале III в. у Дионисия Александрийского, а в латинской транскрипции (*synodus* — синоним *consilium*) оно появляется в письме епископа Потамия из Лиссабона к Афанасию Александрийскому. Что же касается самого понятия «вселенский собор» (*ἡ οἰκουμένη συνodus*), то впервые его употребил св. Афанасий, хотя идея созывать вселенский собор, который бы объединял всех епископов ойкумены, родилась, по мнению Пери, в кругах императорского двора, показавшись церковным иерархам совершенно естественной и совместимой с установившейся уже давно, еще в период нелегальности и преследований, церковной традицией.

Завершилось пленарное заседание 1-й секции вызвавшим большой интерес докладом ученого из ФРГ И. Энгеманна «Христианизация позднеантичного искусства». Сопровождая изложение своего доклада демонстрацией большого количества превосходных цветных слайдов, Энгеманн на материале различных групп памятников (например, римских саркофагов) показал процесс проникновения христианских мотивов в традиционные сюжеты, а также сосуществование христианского и нехристианского искусства. Особое внимание в докладе было уделено христианизации императорского искусства и «империализации» христианского искусства.

Тематика пленарного заседания 1-й секции рассматривалась и на «последовенных» секционных заседаниях. Так, на заседании 5 — «Символизм и литургия: развитие плана раннехристианской церкви» — подчеркивалось, что в то время, как ученые особое внимание уделяли проблеме происхождения христианской базилики, они почти не занимались проблемой генезиса другого важного, хотя и менее распространенного типа — тетраконхи, от которого дошло около 20 образцов (сообщение В. Е. Клейнбаур, в котором автор считает этот тип «новшеством века Константина», а не ответвлением от архитектуры позднеантичного дворца времен Адриана, как считалось ранее). На заседании 7 — «История церкви: III—VII вв.» — интересным было сообщение Р. Братоша «Преследование христиан при императоре Нумериане: исторический факт или конструкция византийских историков и агнографов?» (утверждается последнее). На заседании 70 — «Язычество и христианство в эпоху поздней античности» —

говорилось о христианизации религиозных обрядов местных языческих культов, о сосуществовании на одних и тех же местах христианских и языческих церковных или храмовых организаций, о заимствовании культурных форм новой религией. Автор сообщения Ф. Тромбли показал, что дохристианские культы, особенно посвященные хтоническим божествам (Артемиде, Кибеле и др.), были трудны для их искоренения из-за связи с «трудами и днями» средиземноморского аграрного этоса, поэтому же не могло быть и резкого разрыва между старой и новой религиями. О нескольких расправах над язычниками (например, над язычником Павлом) в конце VI в., свидетельствующих о возросшей интолерантности в обществе по отношению к еретикам и язычникам и о появлении народного мнения, что язычники — это чародеи, маги, имевшие контакты с оккультным миром, говорилось в интересном сообщении канадской исследовательницы Ф. Шлоссер.

На пленарном заседании 2-й секции, посвященной теме «Изменения в городской жизни ранней Византии», обсуждались следующие проблемы: 1. Развитие Константинополя как городского центра (докладчик К. Манго), 2. Изменения в городской жизни ранней Византии в свете археологических данных (докладчик Дж. Рассел), 3. Городской характер ранневизантийской империи: географический аспект (докладчик И. Кодер), 4. Переход от римского к византийскому праву (докладчик Сп. Троянос). Планировалось также выступление французского ученого А. Гийу с докладом «Повседневная жизнь в ранневизантийскую эпоху: Эвсеева — набожность (лексикографический аспект)», но он не смог приехать на конгресс, и его доклад не обсуждался (доклад опубликован в актах конгресса).

В докладе ученого из Оксфорда К. Манго, построенном на материалах его недавно вышедшей книги «Городское развитие Константинополя в IV—VII вв.» (Париж, 1985), были рассмотрены топографические аспекты становления Константинополя как городского центра, видоизменение и «экспансия» городской территории на протяжении веков. Несмотря на то, что древний Византий существовал до Константина 1000 лет, он никогда не был крупным центром, находясь на обочине цивилизованного мира. В этом отношении Константинополь — образование искусственное (подобно Вашингтону, Петербургу, Анкаре). После своего основания в 324 г. город стал быстро развиваться, и его население с 20 примерно тысяч, которые оно насчитывало в древнем Византии, возросло в середине V в. примерно до 350 тыс. Территория города подверглась нескольким последовательным расширениям — при Константине, Юлиане (с 362 г.), Феодосии I, Феодосии II (413 г.). Сам Константин не планировал коренной перестройки древнего Византия, главные черты которого в основном не изменились. Его соборный форум со знаменитой порфировой колонной в центре был по-

строен за стенами древнего города; архитекторы Константина заложили основы нового «добавочного» города, хотя последний какое-то время оставался незастроенным и незастроенным, а правительственные здания, резиденция патриарха, места увеселений и торговый центр оставались сконцентрированными внутри древнего города, где в основном и проживало в то время население. В целом же примерно к середине V в. город уже не ограничивался территорией, обнесенной даже построенными Феодосием II «длинными стенами», занимая практически территорию нынешнего Стамбула, включившую пригород Гебдомон на западе, Галату на противоположной стороне бухты Золотой рог, город Халкедон на другом берегу Босфора и другие многочисленные *emporia* и *proastia*.

В докладе характеризуются разного рода постройки, необходимые для функционирования городского организма (гавани, зернохранилища, акведуки, цистерны, форумы, отдельные дома и дворцы, городское кладбище), рассмотрены вопросы их хронологии и локализации. Думается, что автору следовало бы специально поставить вопрос об исторической экологии Константинополя, что позволило бы еще более четко обозначить некоторые специфические проблемы развития городской территории.

«Поворотным пунктом» в развитии Константинополя как городского центра Манго считает середину V в., когда начинается период «социальной напряженности, мятежей и частых пожаров», наиболее известным из которых является пожар 532 г. во время восстания Ника. По мнению Манго, Юстиниан, воздвигая постройки, о которых сообщает Прокопий, лишь восстанавливал то, что сгорело во время восстания Ника, не меняя плана города. Строительство, впрочем, продолжалось вплоть до начала VII в., а затем начинается упадок, вызванный недостатком финансов, всечасными бедствиями, «великой чумой» 747 г. Стиль жизни в столице решительно изменился в «темные века»; за исключением ипподрома, где бега еще устраивались несколько раз в году скорее как церемонии, чем спортивные состязания, все прочие места увеселений исчезли. Большие публичные бани пришли в упадок или использовались для других нужд, пупраса были заброшены. Общественная жизнь сконцентрировалась в церквах и на рыночных площадях, под которые были приспособлены прежние форумы. Эскизно намечены и дальнейшие судьбы города, вплоть до Палеологов.

«Плюсы и минусы» археологического метода в изучении византийских городов в период VI—VII веков — так можно было бы точнее определить предмет доклада Дж. Рассела. Подчеркивая избирательность результатов археологических раскопок, их спорадичность и концентрацию на ограниченной территории, что само по себе ведет к перекосам в оценках, докладчик считает, что масштаб искажения или прямой ошибки возрастает

от неверного толкования характерной для позднеримских и византийских слоев сложной стратиграфии. Эти слои «перемешаны эрозией и контаминацией» из-за их близости к поверхности. У исследователя возникает опасное искушение прояснить сложности стратиграфии смешением слоев из разных участков территории города с целью построить более разумительную картину. Такая «рационализация» особенно опасна там, где есть желание связать полученные в результате раскопок данные с каким-либо известным историческим событием. Здесь возникает реальная опасность создать порочный круг, в котором теория, сначала допущенная в качестве гипотезы, оказывается возведенной в статус исторического факта, а будучи наделяемой этим «ложным авторитетом», она затем используется для датировки или идентификации новых археологических феноменов (положение иллюстрировано примером из истории раскопок г. Сарды).

Другой разновидностью археологического свидетельства, чреватого неверной интерпретацией, являются, по мнению Рассела, монеты, датировка которых совпадает с датировкой слоев, в которых они найдены. Общей презумпцией в деле применения нумизматического свидетельства в археологической интерпретации считается возможность зафиксировать *terminus post quem* для данного слоя или места. Корректность этого приема, однако, предполагает подлинную герметичность, закрытость данного слоя, а это в «позднеримских и византийских» слоях случается менее часто, чем принято думать. Даже когда это условие соблюдено, считает докладчик, ссылаясь на пример мозаичного пола Христианской церкви в Анемурнуме, где были найдены монеты, — результаты часто разочаровывают. Тем не менее, автор, по его словам, не имел намерения дискредитировать вклад археологии в освещение состояния византийской урбанистики VI—VII вв., он только призывает к большей осторожности в интерпретации ее данных. Он выявляет круг тех проблем, для решения которых археологический метод подходит больше всего (реконструкция общей картины эволюции города, внутренних изменений, комментариев к социальным и экономическим процессам, о которых известно из других исторических источников). Что касается непосредственно византийских городов VI—VII вв., то археологические данные свидетельствуют не об исчезновении их, а лишь о более или менее серьезном упадке в этот период, об изменениях в их структуре.

Непросто определить предмет доклада австрийского ученого И. Кодера. Скорее всего, это — экономическая география ранневизантийского города; целью же доклада была, по определению самого автора, «попытка указать дополнительные методы подхода, которые могли бы позволить более ясно описать феномен города в Византии в его взаимодействии с сельской округой», состояние сети населенных пунктов в начале царствования Юстиниана I, т. е. накануне корен-

ных демографических перемен в результате персидской войны (540 г.) и неоднократно всплеск эпидемии чумы начиная с 541—542 гг. Докладчик констатирует постепенное сглаживание контрастов в размещении городов на территории империи: в то время как в провинциях с исключительно большим числом городов еще в I в. (например, в Азиате, Галатии, Македонии, Ахайе) их количество к V в. резко снизилось, в провинциях с относительно немногочисленными городами ситуация практически осталась той же. И если при этом экономическое развитие сыграло свою роль, то это, по мысли Кодера, не должно от нас заслонять того факта, что принимались также соответствующие меры некоторыми императорами, рассматривавшими равномерную плотность (но не слишком густую) сети городов как гарантию регулярного сбора налогов и контроля власти. Христианство тоже способствовало этому (даже места христианского паломничества могли стать городами, не имея раньше первоначального базового поселения). Византийский город IV—VI вв. определяется докладчиком как поселение со значительной долей неаграрных функций и с населением, занятым в разнообразных сферах; это компактное, часто уже укрепленное поселение с высокой плотностью построек, другими особенностями которого являются центральная администрация, экономические и культурные функции для сельской округи и для возможных пригородов, а также роль посредника по отношению к более крупным центрам. Это города меньше «*Åsker-bürgerstädte*», чем классический полис.

Используя для количественной характеристики сети византийских городов традиционные письменные источники и прежде всего «Синекдем» Иерокла, перечень Георгия Кипрского и списки епископов, Кодер стремится расширить рамки возможностей разработки темы за счет применения к византийским реалиям разработанных ранее на этом материале урбанистических теорий. Так, теория размещения (*location theory*) фон Тонена (1826 г.) о корреляции городского центра и его сельской округи дает возможность постулировать некую идеальную «экономическую» (а не измеряемую в километрах) дистанционность для продуктов сельского хозяйства по отношению к их рынку и, наоборот, для некоторых неаграрных услуг по отношению к их потребителям, находя свое наглядное выражение в модели концентрических зон, образующихся вокруг рынков (каждая зона соответствует одной категории продуктов). Другая же теория — «теория центрального пункта» (*central place theory*) — устанавливает систематическую связь между количеством, размером, распределением и значением городских центров обширной зоны, основываясь теперь уже не на положении города относительно его сельской округи, а на его размещении относительно других центральных пунктов в данной обширной зоне, принятой за модель, с ее сетью транспортных связей, экономикой, ад-

министрацией, населением и т. д., т. е. в «ойкумене». Согласно этой теории, городские центры одного ранга равномерно распределены по сельской округе, находясь на равном расстоянии один от другого; существует особый порядок, иерархическая градация городских центров по их размеру и значению; существует три нормальных типа в системе городских центров, в зависимости от того, какой принцип был решающим в происхождении и формировании сети городских центров — рыночный, административный или транспортный; соответствующая территория принадлежит каждому типу городского центра, с которой он образует функциональное пространственное единство (соответственно, эти территории также выстраиваются в иерархический ряд от самых малых единиц к самым крупным, и наоборот). Основатель этой теории Христаллер не считал круг идеальной моделью размещения городских центров разного значения в сельской зоне, но скорее правильным шестиугольник, составленный из шести правильных треугольников.

Применив эти теории (в несколько измененной форме) к византийской ситуации III—VI вв., в частности, выраженной в «Синекдем», докладчик делает попытку определить для некоторых районов империи, насколько высокой была плотность центральных местечек, «не только гарантировавшая минимум администрации, но и позволявшая сделать выводы об уровне рыночной активности, высказать предположение о том, что центральные местечки этих районов были именно городами».

Особняком по отношению к указанным докладам пленарного заседания 2-й секции стоит доклад греческого ученого Сп. Трояноса, посвященный праву, — результат непонятного пренебрежения историей права практически на всех международных конгрессах византистов, которой упорно не выделяется особая секция.

Докладчик исходит из бесспорного тезиса о том, что «право не есть понятие статическое, но по преимуществу динамическое, вследствие изменчивости факторов, на основе которых оно всякий раз формируется». Параллельно с переменами в административном делении позднеримского государства отмечались существенные изменения и в форме государственного устройства — результат общественных процессов, которые были приведены в движение экономическим кризисом и сопутствующей перегруппировкой общественных сил; в частности, усилившаяся уже во времена принципата власть императора приобретает некоторый абсолютистский характер в период домината: император становится бесконтрольным носителем законодательной власти. Возникает необходимость «легализации» этих новшеств в сфере государственного устройства и государственной власти, а это, в свою очередь, оказывает непосредственное влияние на право, как с точки зрения языковой оболочки юридических норм, так и

с точки зрения их содержания. С целью приведения их в соответствие была проведена реорганизация служб императорской канцелярии, ответственных за выработку текста законов, в частности, *scrinium libellorum*. Характерной чертой этой реконструкции, которая начала осуществляться уже в начале IV в., было укомплектование кадров этих служб лицами, которые уступали в юридическом образовании римским юристам классической эпохи, но зато были превосходно подготовлены в области риторики. Именно «риторизация» характеризует все законодательные акты ранневизантийского периода, включая и законы Юстиниана, вопреки классицистической тенденции, которая отличает все законодательное творчество этого императора. Широкое использование всякого рода риторических схем придало новую форму структуре и внешнему виду законодательных текстов, основным фактором в формулировании которых отныне становится (и сохраняется на протяжении всего существования Византии) императорская пропаганда.

В докладе дана характеристика основных категорий законодательных актов, формы кодификаторской деятельности византийских императоров. Возражая Казеру, который считал юстинианово право римским, а не греко-римским, не эллинистическим и не византийским, Троянос говорит, что следуя его логике, можно было бы прийти к такому же выводу и в отношении постюстинианова права, во-первых, потому что в византийских законодательных актах редко встречаются распоряжения об отмене ранее действовавших и теперь устаревших норм, и, во-вторых, потому что такая бы то ни было «морфологическая дифференциация» того или иного института в рамках единого развития свидетельствует о непрерывности следующих одна за другой фаз эволюции. Следовательно, считает Троянос, всякое развитие правовых институтов включает в себя и понятие *continuitas* и поэтому ясно, что предпосылки того или иного термина (позднее или постклассическое римское право, ранневизантийское право и т. д.) — из области «словотворчества», не вызывает возражения по существу и отражает лишь «идеологические различия». Тем не менее, постулируя «непрерывный континуитет единой государственной ипостаси», древней римской империи, которая, конечно же, не отбросила официально свой облик под формой *imperium christianum*, а также единство права между древним и новым Римом, Троянос фактически скатывается на те же позиции, явно вступая в противоречие со своим первоначальным постулатом и недооценивая революционного влияния на римское право христианства и народного права, коренным образом изменивших облик права, ставшего византийским. Охват этим понятием также канонического церковного права делает его совершенно отличным от римского права.

Заключительное пленарное заседание Конгресса было посвящено изучению

Средиземноморского мира в XIII в. и места в нем Византийской империи. В докладе Б. Ферьянчича (СФРЮ) «Государства и международные отношения» была проанализирована новая расстановка сил, возникшая после IV Крестового похода, и вызванные ею перемены в традиционной системе межгосударственных отношений. После 1204 г., отметил докладчик, был разрушен миф о непобедимости вечной и универсальной империи, находившейся под прямым божьим покровительством. Потеряв свой мистический престиж, Византия стала равноправным партнером других, прежде всего — балканских славянских народов, освободившихся от всякой зависимости от империи ромеев. Начало этому процессу положили события, предшествовавшие IV Крестовому походу: восстание на севере Балкан и образование II Болгарского царства, а также фактическое признание Византией автономности Сербии по договору между Алексеем III Ангелом и Стефаном Неманей. Ферьянчич рассмотрел по этапам весь процесс борьбы за восстановление Византийской империи после 1204 г. и роль в нем балканских стран. По его мнению, неправильно считать наследницей традиций византийской государственности только Никейскую империю, игнорируя, в частности, такую же роль Эпира. Ферьянчич считает, что возврат к византийскому универсализму при Михаиле VIII Палеологе был непродолжительным. Он еще просматривается в первые годы правления Андроника II, но в конце XIII — начале XIV в. Византия перестает быть великой державой, превращаясь во второстепенное государство, не оказывавшее существенного влияния на окружающий мир.

Д. Якоби (Израиль) в своем докладе подробно остановился на основных тенденциях экономического развития стран Средиземноморья в XIII в., показав тесную взаимозависимость процессов товарного обмена в разных регионах бассейна этого моря. Уже в XIII в. Византия была интегрирована в общую систему экономических связей Западной Европы и Ближнего Востока, в которой доминировали итальянские морские республики. Д. Якоби выделил основные этапы складывания этой системы, а также указал на значение торговых кризисов в переориентации торговых путей и в изменении конъюнктуры рынков.

И. Мейендорф (США) выступил с докладом: «Средиземноморский мир в XIII в. Благословие: Восток и Запад». Он отметил различие самого понятия «теология» на Западе и Востоке. К XIII в. в Западной Европе теология была монополизирована клириками и стала особой схоластической наукой, в то время как в Византии она рассматривалась не как особая дисциплина, а как высшая форма знания, доступная как клирикам, так и мирянам. До второй половины XIV в. византийские богословы еще не делали серьезных попыток познакомиться с сущностью и методами латинской теологии. Несмотря на это, политическая и экономическая об-

становка, сам факт существования Латинской Романи, деятельность католических монашеских орденов привели к контактам и диспутам. Их результатом могло быть принятие отдельными греками латинских томитских воззрений. Однако позиция католической церкви, требовавшей достижения церковного единства лишь путем «обращения» греков, мало изменялась. Православная же сторона, напротив, постепенно открыла в ключевом споре о *filioque* не просто дискуссию о формуле, но и средство углубления традиционных тринитаристских представлений, унаследованных от каппадокийских отцов церкви.

В докладе Н. Драндакиса (Греция) были рассмотрены росписи церквей в селении Мани (Лакония), которые автор подверг тщательному иконографическому и стилистическому анализу.

А. Д. Алексидзе (СССР) выступил на конгрессе с докладом «Литературные параллели и взаимосвязи, Восток-Запад (на материале романической литературы)». Исследователь показал глубинные внутренние связи византийской литературы со средневековыми литературами Запада и Востока, место и значение византийского романа в мировой литературе периода развитого средневековья. Докладчик обнаруживает связь греческого романа XIII в. с эллинистическими и антиортодоксальными традициями романа предшествующего столетия. Наряду с этим общее ослабление связей с классическими традициями, свойственное всей византийской культуре XIII в., компенсировалось приближением последней к проникнутым большей творческой свободой, способностью к эксперименту и новации, средневековым культурам латинского Запада. Эти амбивалентные процессы подготавливали почву для появления греческого «рыцарского» романа, написанного на народном языке.

В ходе конгресса было проведено несколько заседаний круглого стола по наиболее дискуссионным проблемам византиноведения. Эти заседания строились в форме живого обсуждения участниками предлагавшихся председательствующими вопросов. Таким образом были обсуждены темы: «Свободные и зависимые крестьяне в Византии» (председатель — Я. Караяннопулос); «Византийское наследие в Средиземноморском мире» (председатель — Э. Арвейлер); «Византийские библиографии» (председатель — Р. Томсон); «Византия и славяне» (председатель — В. Тышкова-Займова).

Особый интерес вызвало заседание круглого стола, посвященное проблемам крестьянства. Председатель «круглого стола» — профессор И. Караяннопулос отстаивал позицию так называемой юридической школы, сторонники которой уделяют преимущественно внимание правовому положению крестьян. Греческий ученый стремился к проведению четкой грани в характеристике социального и правового статусов крестьян. Положение париков характеризуются многими чертами, ограничивающими на практике их личную свободу. Соответственно, в вы-

ступлениях Караяннопулоса и многих других участников дискуссии акцентировался лично свободный статус византийских париков, являвшихся, по мнению Караяннопулоса, арендаторами без контракта.

К. В. Хвостова в своем выступлении руководствовалась иными принципами оценки данных источников. Положение париков, по ее мнению, не может быть односторонне охарактеризовано с учетом данных, отражающих их юридический статус. Необходимо принимать во внимание сведения, характеризующие их реальное социально-экономическое положение, которое, несмотря на то, что они были юридически свободными, являлось в экономическом плане зависимым, а в социальном — приниженным. Понятие «аренда без контракта» является неопределенным, поскольку в средневековье для характеристики соответствующего владения, распространен термин «держание». В условиях византийской действительности юридические нормы не всегда отражали реальную ситуацию (на этот счет имеются прямые указания в источниках). Правомерным является комплексный подход к изучению положения византийских крестьян, учитывающий как юридические особенности их статуса, так и фактический социально-экономический статус. Подобный подход заставляет признать сходство положения византийских крестьян (париков) и феодально-зависимых крестьян на Западе, а также отличия первых от последних, с одной стороны, различных групп арендаторов, а, с другой — свободных мелких собственников в Византии. По мнению К. В. Хвостовой, анализ реального статуса византийских крестьян невозможен без обработки данных византийских практиков на ЭВМ и применения количественных методов.

Недостаточность юридического подхода и необходимость комплексного анализа данных при изучении положения византийских крестьян подчеркивались в выступлениях главы советской делегации члена-корреспондента З. В. Удаловой, отметившей важность учета такого фактора, как внеэкономическое принуждение, в выступлениях Г. Г. Литаврина, который подробно остановился на соотношении аренды и парикии в X—XI вв., а также болгарского ученого Д. Ангелова и других.

В целом круглый стол, посвященный проблемам крестьянства, показал значительный вклад исследований советских ученых, посвященных аграрной тематике, в развитие современной византистики. Дискуссия показала также необходимость эффективных дальнейших исследований в нашей стране в данном направлении, в частности, привлечение молодежи к исследованию еще не решенных аспектов положения крестьянства с учетом новых источников.

На круглом столе по теме «Византийское наследие в Средиземноморском мире» в широком плане дискутировалась проблема осознания византийцами значения этого водного бассейна в жизни империи.

Э. Арвейлер и М.-Э. Конгурдо (Франция) отмечали постепенный переход от концепции «внутреннего моря» в эпоху Юстиниана I к представлениям о море как источнике внешней опасности, воплощении изменчивости и нестабильности в XIII в. Об экономическом значении транссредиземноморских связей в различные периоды истории Византии говорили А. Лайу (США), С. П. Карпов (СССР) и Й. Кодер (Австрия). На эту же тему было сделано сообщение Г. Вайса (ФРГ), подчеркнувшего необходимость изучения истории Византии как части Средиземноморского мира, развитие которого в географическом, экономическом, политическом и социальном аспектах отличалось общностью процессов.

Проблемы истории поздней Византии обсуждались на заседаниях нескольких секций. Ряд сообщений касался провинциальных городов в эпоху Палеологов. По мнению Дж. Баркера (США), Фессалоника в XIII—XIV в. превращается в политический центр Балкан, в подлинного соперника Константинополя. Интеллектуальная жизнь этого города в XIV в. по материалам эпистографии была рассмотрена Ф. Кьянкой. Р. Эдвардс (США) осветил рост другого города, Айясы в Киликии, с XIII в., связав его с оживлением торговли в регионе. Докладчик детально проанализировал также этапы фортификационного строительства в Айясе. М. Живойинович (СФРЮ) в своем сообщении стремился продемонстрировать, что византийские эмпории и сербские «трги» являлись прежде всего как городскими, так и сельскими поселениями со статусом «рыночных мест».

В разных аспектах изучалась история Латинской Романии: это и сообщение П. Локка (Великобритания) о франкских башнях в Центральной Греции, и рассмотрение культуры и населения Кипра под властью Лузиньянов в XIII в. Ж. Ришаром (Франция), и изучение биографий Петра из Кандии на Крите, ставшего затем римским папой Александром V (Д. Джеанакопос, США), и Симона из Константинополя, доминиканца, игравшего видную роль в греко-латинской полемике конца XIII—начала XIV в. (М.-Э. Конгурдо, Франция).

Проблемы истории Причерноморья изучались на заседаниях специальной секции. Е. Тодорова (НРБ) осветила сдвиг в экономическом развитии региона, произошедший в XIII в. С. П. Карпов остановился на роли Южного Черноморья в системе экономических связей Запада и Востока в XIII—XV вв. Анализ агнографического наследия Понтийской области, затем — Трапезундской империи на примере Житий св. Евгения был проведен Я. О. Розенквистом (Швеция).

Тема «Византия и турки» также получила освещение. Дж. Лэнгдон (США) собрал данные источников о походах Иоанна III Ватаци против турок в 1225—1231 гг. Э. Захариадис (Канада) остановился на проблемах социальной стратификации османского общества.

Специальное секционное заседание было посвящено теме «Византия и Армения».

На нем выступили Р. М. Бартикян с докладом «Хронология Матфея Эдесского — важный источник понимания Византии», остановившийся на тех византийских официальных документах, греческие оригиналы которых утеряны, и тексты их сохранились лишь в армянском переводе, а также Е. Д. Джагацян, проанализировавшая данные жития Кирилла Скифопольского об армянах. Р. М. Бартикян принял участие в дискуссии коллоквиума «Византийская администрация на Востоке в XI в.» (где был зачитан также доклад В. А. Арутюновой-Фиданян «Особенности военно-административных округов и администрации Византийской империи в Армении в XI в.»).

М. В. Бибиков выступил также на заседании круглого стола по византийской библиографии, руководимом директором Думбартона Окса Д. Томсоном.

Проблемам отношений славян и Византии на 17-м Международном конгрессе было уделено чрезвычайно большое внимание: помимо пленарного заседания 6 августа, посвященного этой теме, были проведены еще три сессии и один «круглый стол» по славяновизантийской тематике.

На пленарном заседании были заслушаны и обсуждены 8 докладов. М. Нистазопулу-Пеликиду (Греция) в своем докладе «Славяне в Византийской империи» отстаивала мнение, согласно которому как археологические находки, так и данные большинства письменных памятников (за исключением «Монемвасийской хроники») позволяют говорить лишь о набегах славян на Грецию до 586 г. В период 586—609 гг. набеги вообще прекратились, а заселение славянами Греции началось только после 609 г. Докладчица полагает, что славяне на юге Греции не были столь организованы, как в Македонии, да и вообще, на ее взгляд, славяне стали земледельцами лишь со 2-й половины VII в., оставаясь до этого времени, в целом, на том примитивном уровне развития, который отражен в «Стратегиконе» Маврикия. В конце доклада, касаясь вопроса о политике Византии в отношении славянских поселенцев, автор квалифицирует ее как реалистическую и целенаправленную. Ассимиляция славян, по мнению докладчицы, началась в Греции еще в VII в., а завершилась в основном в IX столетии.

В докладе Г. Г. Литаврина (СССР) «Византийцы и славяне — взаимные представления» проводилась мысль о том, что в высших социальных слоях славянского общества как в дотатарский период, так и в государственный период в процессе конфронтации с Византией были выработаны собственные политические идеи, заключавшиеся в отрицании прав «греков» на «римское наследство» и служившие для славянской знати средством идеологического обоснования своих притязаний на имперские земли.

В интересном докладе С. Франклина (Великобритания) «Рецепция византийской культуры славянами» был по-новому сформулирован вопрос о «трансля-

ции» культуры Византии. Славяне усваивали новые духовные ценности активно, избирательно, и этот процесс еще не нашел в науке адекватного терминологического определения. Остроумно показав сложность изучения византийско-славянских культурных контактов, автор предложил, не перенося центра тяжести на рассмотрение конечного итога, внимательно исследовать самый процесс трансляции. Докладчик показал также, что в ходе культурного взаимодействия славян и Византии имело место и взаимное непонимание, и превратные истолкования, продемонстрировав справедливость этого тезиса на ряде примеров из древнерусской литературы.

В докладе З. В. Удальцовой (СССР) «Киев и Константинополь. Культурные отношения до XIII в.» были раскрыты сложные и многогранные культурные связи Византии и Древней Руси домонгольского периода. В ходе развития и углубления этих связей Древняя Русь не только воспринимала высокие духовные и культурные ценности, созданные в империи, но творчески разрабатывала и развивала их, переосмысливая и видоизменяя в соответствии с собственными культурными традициями и своими духовными и общественными запросами. Сформировавшаяся в результате эндогенного развития и широкого взаимодействия с культурой других народов (не только с византийской цивилизацией), древнерусская оригинальная культура отличалась рядом ярких самобытных черт: глубоким гуманизмом, терпимостью в отношениях с другими народами, представлявшими иные языки и иные религии, духовной стойкостью.

Выступления Д. Ангелова (НРБ) и И. Божилова (НРБ) представляли собой содоклады на общую тему «Преслав и Константинополь: зависимость и независимость в культурной сфере». Д. Ангелов говорил о том, что обширность болгарских заимствований из Византии определялась сходными социально-экономическими условиями развития обеих стран. Влияние империи осуществлялось не только в официальной сфере, но и на низовом уровне: в Болгарию проникали из Византии апокрифы, еретические учения. Но при этом чем больше заимствовалось элементов греческой культуры, тем быстрее развивалось и крепло собственное славянское самосознание болгар. Они видоизменили полученное наследие в соответствии с собственными условиями и потребностями.

И. Божиков остановился на деятельности царя Симеона, отмечая в ней два этапа: до 913 г. тот стремился поставить свою страну вровень с Византией, создать собственную цивилизацию с центром в Преславе. Но затем он пришел к заключению, что в рамках византийской политической идеологии двух культурно-политических центров быть не может — отсюда рост агрессивных тенденций в политике Симеона в отношении к Византийской империи.

На пленарном заседании 6 августа состоялись еще два доклада по пробле-

мам славяно-византийского культурного взаимодействия: доклад В. Корача (Югославия) «Архитектура славянских стран и ее византийские истоки» и доклад П. Милькович-Пепека (Югославия) «Христианская архитектура у македонских славян в период с сер. IX до конца XII в.». Путем углубленного анализа памятников архитектуры авторы обосновали идеи, в целом соотносимые с положениями предшествующих докладов.

К пленарным докладам, посвященным славяно-византийским культурным контактам, примыкали, в сущности, две особые секции, состоявшиеся во второй половине дня 4 августа: тема первой сессии — «Византийская культура у южных славян» (заглавия тем не представляются удачными: как в пленарных заседаниях, так и в докладах на этих двух сессиях было показано, что культура славян не может быть попросту приравнена к византийской; невозможно говорить и о «румынах» в период до конца существования Византии, так как румынская народность сформировалась позднее).

На этих двух сессиях было прочитано до 10 докладов, посвященных в основном вопросам взаимодействия местных (южно-славянской и «румынской») культур с византийской в сфере литературы, живописи, архитектуры и языка.

В первый день работы конгресса (4 августа) в конце дня состоялось секционное заседание «Византия и балканские славяне». Его вел Ф. Конт (Франция). Т. Василевский (Польша) привел некоторые новые доводы в пользу тезиса о славянском происхождении Кирилла и Мефодия. В частности, он указал на то, что великоморавский князь Ростислав просил у императора Михаила прислать миссионеров, «хотя есть многие из Италии, Греции и Германии». Следовательно, братья — не греки, а славяне. Тот факт, что они родились в Солуни, отнюдь не доказывает обратного — ведь и в далматинских городах селилась славянская аристократия.

Б. Панов (Югославия) сделал доклад на тему: «Политика Византии по отношению к македонским славянам, сказавшаяся на деятельности Кирилла и Мефодия». По мнению докладчика, миссионерская деятельность братьев, которые рассматриваются как славяне по происхождению, была частью усилий Византии по привлечению на свою сторону македонских славян в условиях борьбы империи с Болгарией за господство в этом районе в 30—50-х годах IX в.

В докладе Дж. Шепарда (Великобритания) «Симеон Болгарский, миротворец» была предпринята попытка доказать истинность этого, присвоенного себе самим царем, «титула»: лишь в 20-х гг. X в., по мнению докладчика, политика Симеона приобрела агрессивный характер.

М. Маллет (США) в докладе «Византия и славяне. Взгляды Феофилакта Охридского» проводила мысль о том, что широко распространенное в историографии мнение о пренебрежительном отношении

архиепископа к своей пастве опирается на те пассажи в его сочинениях (прежде всего в письмах), которые выдержаны в духе риторического канона: письма «из ссылки» по литературным нормам той эпохи и должны были содержать жалобы, тогда как сама деятельность Феофилакта свидетельствует, как думает докладчица, о его уважении к славянской культуре.

8 августа под председательством Т. Грегори (США) была проведена сессия «Славяне в Византийской империи». В докладе С. А. Иванова (СССР) «Общественное устройство древних славян сквозь призму византийской политической мысли VI в.» делалась попытка увязать сообщения византийских источников о славянском обществе с современными этой информации сдвигами в представлениях византийцев о характере власти в самой империи.

С. Садечки-Кардош (Венгрия) остановился на вопросе о состоянии славяно-аварских связей в эпоху заселения славянами балканских провинций Византии. Он показал многообразие отношений разных славянских племен с Аварским каганатом в этот период: от полного подчинения до равноправного союза.

Доклад Т. Олайош (Венгрия) назывался «Несколько замечаний о славянском населении в Элладе». Докладчица использовала данные из неопубликованного «Жития св. Панкратия», где упоминаются «авары». Скорее всего, по ее мнению, под этим этническим фигурируют славяне, жившие в Аттике.

С. Врионис (США) рассмотрел в своем докладе «Славяне в византийской Греции. Находки керамики в Олимпии» известные на сегодняшний день 39 сосудов пражского типа, которые трудно датировать точно, но следует все-таки отнести ко времени не позднее конца VI — начала VII в. (Весьма важная констатация при остроте ведущихся дискуссий о времени появления славян на Пелопоннесе.)

Д. Россер (США) посвятил доклад болгарскому нападению в X в. на «Большой Истмийский коридор». Поход 918 г., отмеченный в «Хронике Галактиди», проходил, как устанавливает автор, по тому же пути, по которому совершались и ранние славянские вторжения в Грецию: он шел в обход крупных городов эгейского побережья. В настоящее время ведется археологическое исследование этого маршрута Фокидо-Локридской экспедицией Чикагского Университета.

В докладе П. Велиссариу (Греция) «Средневизантийские крепости Аркадии и славянское расселение» были сопоставлены топонимические данные о наличии славян на Пелопоннесе с данными «Морейской хроники» о военном присутствии Византии в этих же районах.

Особенно оживленной и плодотворной была дискуссия по проблеме «Византия и славяне» на заседании «круглого стола» 5 августа, проведенном под председательством В. Тышковой-Займовой (НРБ). Помимо председателя, с краткими сообщениями и изложением своих

взглядов на проблему выступили Я. Караяннопулос (Греция), Д. Ангелов (Болгария), Г. Г. Литаврин (СССР), И. Божилков (НРБ), М. Нистазопулу-Целикиду (Греция), В. Папулия (Греция), А. Поппе (ПНР), С. Франклин (Великобритания), С. Садечки-Кардош (ВНР), Я. Н. Шапов (СССР), Ф. Конт (Франция), Й. Кодек (Австрия) и др.

Основные отличия точек зрения проявились при оценке уровня общественного развития славян в эпоху их расселения на Балканах, времени и масштабов заселения славянами Греции и Пелопоннеса и характера отношений славян с византийскими властями. По мнению греческих ученых, в историографии славянских стран по всем этим вопросам имеют место противоречия. Историкам же славянских стран представляются совершенно не оправданными ни данными письменных источников, ни материалом археологии попытки представить славян VI—VII вв. в качестве кочевников, не знавших еще элементарных форм социальной и политической организации, как и утверждения о быстром процессе ассимиляции славян Греции. В ходе дискуссии, носившей коллегиальный и творческий характер, прозвучало много интересных наблюдений и новых идей. Общим было мнение о необходимости более тщательной источниковедческой работы, о дифференцированном подходе к разным регионам Балкан, где осело славянское население, о строгом учете местных изменений, которые несло с собой время.

Кроме заседаний, специально посвященных отношениям славян и Византии, в ходе работы Конгресса, в разных его секциях и на сессиях, было прочитано еще около десяти докладов, примыкающих или непосредственно относящихся к этой тематике. Большой интерес, в частности, вызвали доклады В. Вавриженка (ЧССР) «Византийский святой за границей: византийские и оригинальные элементы в старославянском житии Мефодия», Ф. Возняка (США) «Диссонанс в создании балканских фем» и др.

6 августа одновременно с пленарным заседанием по теме «Византия и славяне» шла другая пленарная сессия, посвященная проблеме «Византия и арабы». Доклад Ф. де Маффей (Италия), собственно говоря, не относился к данной теме непосредственно. Докладчица говорила об укреплениях, построенных при Юстиниане I на восточном лимесе. Из источников рассматривались труды Прокопия и Псевдо-Захарии, а из крепостей — Мендон, Дара, Мартирополь, Феодосиополь, Амида.

Доклад У. Кеги (США) назывался «Граница: барьер или мост?». Автор обращает внимание на то, что первыми, уже при Ираклии, попытались стабилизировать границу византийцы. Опасаясь провинциального сепаратизма, он пресекает все попытки местных властей самостоятельно договариваться с арабами, поэтому долгое время на границе не возникало буферных государств.

По мнению Э. Джеффрис (Австралия)

(ее доклад — «Арабы в византийской литературе»), в доисламский период арабы вызвали у византийцев мало интереса; кочевники оставались чужаками для городской цивилизации. В VII в., однако, и Византия перестала быть тем, чем была раньше, и арабы создали мощную конкурирующую цивилизацию. В этот период наблюдаются два подхода к ним: авторы типа Феофана рассматривают арабов не иначе, как божье наказание, но уже Иоанн Дамаскин проявляет к ним интерес. С течением времени возобладало отношение к арабам как к достойному и равному партнеру.

Доклад Х. Кеннеди (Великобритания) был посвящен истории мелькитской церкви от исламского завоевания до крестовых походов. По мнению автора, мелькитов гораздо сильнее отделили от Византии теологические разногласия с монофелитами и иконоборцами, нежели арабское завоевание. Мелькиты потому и сохранились, что сумели работать и закрепить самобытную культуру на новой, арабоязычной основе. Византийская реконкиста в этих условиях могла лишь разрушить мелькитскую церковь.

Новым явлением было активное обсуждение в рамках конгресса проблем экономического развития Византии по материалам нумизматики. С обобщающим сообщением на эту тему выступила С. Моррисон (Франция). Тема «Монета как источник по истории византийской провинции» была вынесена на специальный коллоквиум. Выступая на нем, Р. П. Линднер (США) остановился на проблемах монетного чекана и монетного обращения в Анатолии XIII в., показав тесную связь денежных систем Византии, Трапезундской империи, сельджукских владений и Ильханата, все более основывавшихся на серебряной монете, значение этого факта для развития торговых связей и роста политической автономности отдельных областей Малой Азии. С. Моррисон представила также коллективную работу ученых нескольких стран по составлению инвентаря находок монетных кладов VI—VII вв. на Балканах.

Внимание к вспомогательным историческим дисциплинам проявилось в организации в рамках Конгресса коллоквиумов и симпозиумов по сигиллографии, геральдике и генеалогии, работе специальных секций, посвященных «инструментам студиям».

На заседаниях секций конгресса были затронуты и многие другие проблемы истории Византии. Некоторые из них заслуживают специального упоминания. Е. К. Банакес рассмотрел в своем сообщении некоторые проблемы права в произведениях отцов Восточной церкви. По мнению докладчика, источником рассматриваемых проблем были идеи Ветхого Завета. Понятие *δικαιοσύνη* по-разному понималось применительно к божественному правовому порядку и правовым нормам, регулирующим жизнь людей. Интерпретация смысла этого понятия неизменно уводит в недра эсхатологии. Определенный интерес представляет

попытка М. К. Бартузиса выявить цикличность в деятельности имперской канцелярии Византии. На основе статистического анализа регест Ф. Дельгера автор приходит к выводу о том, что периодом наибольшей активности в работе византийской канцелярии был конец года по византийскому календарю. Сообщение А. Фефе посвящено анализу многочисленных и противоречивых характеристик латинян, содержащихся в произведении Георгия Пахимера; делается попытка обнаружить связь каждого соответствующего высказывания византийского историка с политическими интересами Византии в соответствии с их пониманием Пахимером. П. Гунарадис в сообщении, посвященном «антиимпериалистическим тенденциям в Никейской империи», обращает внимание на данные Никиты Хониата о наличии в Никейской империи политических сил, не одобрявших устремления властей на овладение Константинополем. Сторонники таких воззрений проводили преимущество полиархии.

Содержанием выступления Г. Магулиса явились проблемы богословских диспутов при Комнинах по данным Никиты Хониата. Тематика этих диспутов не отличалась новизной, но их возобновление в рассматриваемый период свидетельствовало, по мнению докладчика, с одной стороны, о влиянии Запада, а с другой — о вмешательстве императора в церковные дела. Кроме того, диспуты отразили конфликты в среде высшего клира.

К. В. Хвостова выступила с докладом на тему «Случайное и необходимое в обществе в понимании Г. Пахимера». В докладе сделана попытка проследить на материале исторического сочинения Пахимера влияние на византийскую историографию античных традиций, а также концепций Аристотеля о случайном. В представлениях Пахимера античные идеи об истории, представления о ценности исторического опыта о дидактической роли истории, о возможности человека ориентироваться в обществе и политике и предвидеть некоторые последствия своей деятельности органически сочетались с его ортодоксальным богословием. Особое внимание в докладе уделено проблеме понимания Пахимером в духе Аристотеля случайного как совпадения действия разных факторов-причин. Именно следование традициям Аристотеля в понимании случайного позволило Пахимеру воспользоваться в духе Иосифа Флавия идеей о стохастическом вероятностном прогнозе в обществе.

Проблема единства и борьбы христианства и имперского начала в Византии — тема выступления Д. Миссиу. Автор предполагает, что развитие соответствующего противоречия составляло содержание всей византийской истории, определяя политическую идеологию и ее смену на различных этапах борьбы. Противоречия светских и клерикальных кругов, сепаратистские устремления различных епископатов, византийский цезарепапизм — все эти явления означали проявления названного противоречия. В сообщении

Т. С. Лунгиса были затронуты вопросы изменений в политической идеологии Византии на протяжении ранне- и средне-византийских периодов. Ойкумена периода Юстиниана отличалась от тех принципов политической идеологии, которые были выражены в «De administrando imperio». Изменения в политике и идеологии обусловлены как социальными изменениями, так и переменами в международной обстановке. Выступление Давида Ольстера было посвящено рассмотрению истории постепенного сосредоточения в руках византийских императоров тех функций, которые ранее принадлежали представителям церкви. VI новелла Юстиниана четко их различает. Императоры-иконоборцы присвоили функции клира. При разбирательстве в отношении Максима Исповедника император уже выступал как толкователь богословских догм. Это имело соответствующие религиозные и политические последствия в эпоху иконоборчества.

Несомненный интерес представляло собой участие в конгрессе финских ученых, в частности, сообщение о чертах византийского иконографического наследия в Финляндии. Имело место, таким образом, расширение диапазона исследований в новом направлении. В этом плане интересно также сообщение Ж. Лафонтен-Досоль о влиянии византийского искусства на различные формы прикладного и изобразительного искусства в Бельгии.

По случаю конгресса был организован ряд выставок: «Серебряные сокровища из ранней Византии» (Уолтерс Артс Галлери, Балтимор); «Византийские коллекции Думбартона Окса» (Вашингтон); фотовыставка «Армянская архитектура» (Джорджтаунский университет); «Византия в Принстоне» (Принстонский университет). Новейшие публикации по истории Византии были собраны в Джорджтаунском университете. Для участников конгресса были даны концерт Греко-византийского хора из Афин под руководством Д. Ангелопулоса и театрализованное представление «Вечер в Византии».

XVII Международный конгресс византистов продемонстрировал значительные достижения современного византиноведения, расширение его проблематики, обогащение новыми исследовательскими методиками. Вместе с тем подробность

секционных заседаний не всегда позволяла участникам присутствовать на интересных их докладах по смежной тематике.

Собравшаяся на свое заседание по случаю Конгресса Генеральная ассамблея Международной ассоциации византистов избрала новое руководство ассоциации. Президентом ассоциации был избран И. Шевченко (Гарвардский университет, США), Генеральным секретарем — Я. Караяннопулос (Греция), вице-президентами: З. В. Удальцова (СССР), Д. Ангелов (НРБ), Р. Браунинг (Великобритания), М. Фрейзер (США), И. Ирмшер (ГДР) и др.

Почетными Президентами избраны Э. Арвейлер (Франция), А. Грабар (Франция), Г. Хунгер (Австрия), Б. Лаваньяни (Италия), П. Лемерль (Франция), С. Рэнсимен (Великобритания) и Д. Закифинос (Греция).

Бюро ассоциации обратилось с официальной единодушной просьбой о проведении следующего XVIII конгресса византистов в 1991 г. в Москве. Конгресс с удовлетворением воспринял это обращение.

Советские византисты приняли самое активное участие в выступлениях с докладами и в дискуссиях на XVII конгрессе византистов в Вашингтоне. Ими рассматривались все основные проблемы этой научной отрасли, представленные на конгрессе. Важное самостоятельное место заняла русская, славянская проблематика, пленарные доклады по которой были сделаны советскими специалистами. Существенным моментом явилась и активизация использования русского языка в качестве рабочего языка конгресса. Характерно, что нередко полемика даже между зарубежными учеными шла на русском языке (на секциях «Византия и Русь», «Византия и славяне»).

Работа бюро Международной ассоциации подтвердила прочность советских позиций в ассоциации, а обращение ассоциации с просьбой о проведении следующего международного конгресса византистов в 1991 г. в Москве стало наглядным подтверждением роста авторитета и влияния отечественной школы византиноведения в международной научной жизни.

З. В. Удальцова, С. П. Карпов, Г. Г. Литаврин, Н. П. Медведев, К. В. Хвостова, Я. Н. Шапов, С. А. Иванов

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ ВИЗАНТИНИСТОВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН (МОСКВА, 16—20 ДЕКАБРЯ 1986 г.)

16—20 декабря 1986 г. в Москве, в Институте всеобщей истории АН СССР проходил очередной международный симпозиум византистов социалистических стран. Симпозиум проводился согласно плану Долгосрочной программы многостороннего сотрудничества Академий наук социалистических стран в области общественных наук на 1986—1990 гг.

по теме «История народов Европы (История Византии)». В работе симпозиума приняли участие ученые СССР, ГДР, ЧССР. Во главу обсуждения был поставлен кардинальный вопрос — «Социальная структура византийского общества VI—XIII вв.»

Одним из основных докладов симпозиума был доклад члена-корреспондента

АН СССР З. В. Удальцовой (Москва) «Иконоборческое движение в Византии». В нем была дана общая характеристика этого сложного, неоднозначного явления византийской истории VIII—IX вв. и прослежено его влияние на дальнейшее развитие византийского государства, его идеологию и культуру. Важное место в докладе отводилось выявлению идеологических корней иконоборчества. Остановившись на дискуссионном вопросе о влиянии западной и восточных культур на формирование идеологии иконоборческого движения, З. В. Удальцова подробно охарактеризовала его связи с иудаизмом и исламом, которые проявились в самых разных сторонах этого течения: идеологии, культуре и искусстве и, в частности, в архитектуре и живописи, наметив новые перспективы решения данной проблемы. Особое внимание докладчица обратила на развитие светской культуры, искусства и литературы VIII—IX вв., а также на изменение мировоззренческих установок, дав подробный анализ творчества историографов этой эпохи. Феофана и Никифора, поэты Кассин; были подняты также вопросы эволюции системы обучения и образования в Византии того периода.

В ходе последовавшей дискуссии З. В. Удальцова подробно остановилась на социальных аспектах иконоборчества, в частности (в ответе на вопрос Г. Г. Литаврина) на роли городов как одной из опор иконоборцев. Освещена была ею и роль епископов в этом движении.

По вопросу идеологических корней иконоборчества мнения выступающих существенно разошлись. З. Г. Самодурова, сторонница континуитета, отстаивала точку зрения о преемственности культуры этого периода с античной культурой, проявлявшейся наиболее отчетливо в системе воспитания и образования. В. Вавражинец и А. А. Чекалова активно поддерживали идею З. В. Удальцовой относительно восточных влияний на иконоборческое движение.

Большой интерес у участников симпозиума вызвал доклад Х. Кепштейн (Берлин) «Парики в ранней Византии. Проблемы термина и статуса». На основе анализа конституции Анастасия, новелл Юстиниана, Василия и постановления Козьмы Магистра докладчица рассмотрела соотношение термина «парик» ранневизантийского периода с такими понятиями как «колон», «эмфитев», «арендатор», «пиквилин». В результате Х. Кепштейн пришла к выводу, что термин «парик» не адекватен термину «колон», который передавался по-гречески как *γεωργός* или как *ἀνατόργος*. Обозначение «парик» ранневизантийского времени в большей мере соответствует понятию «инквилин». Что касается фактического положения париков, то здесь, по мнению докладчицы, не было плавного, последовательного развития. Мелкая аренда, как и другие формы крестьянской зависимости, возникали на основе позднеантичного колоната; при этом некоторые из восточных правовых норм не получили четкого определения, хотя они по сути

были близки к этим отношениям зависимости. Парическое право, утверждающееся к концу V—началу VI в. в крупном церковно-монастырском землевладении, сохраняется неизменно, хотя и в несколько модифицированном виде; в то же время фактическое положение париков существенно ухудшается. В целом на Востоке, заключает докладчица, в силу как географических, так и исторических условий аграрные и общественные отношения в большей мере определялись традицией. В IV—VI вв. продолжали сохраняться эллинистические формы отношений под легким покровом не слишком глубокой романизации. Поэтому переход от поздней античности к средневековью, от восточных форм колоната к парикам X—XI вв. происходил путем более длительных и менее глубоких преобразований.

В дискуссии по докладу Х. Кепштейн приняли участие Г. Г. Литаврин и К. В. Хвостова. Г. Г. Литаврин согласился с докладчицей в том, что аграрные отношения IV—VI вв. нельзя назвать раннефеодальными, что период складывания феодализма в Византии относится к более позднему времени. Типологически правомерным, по мнению Г. Г. Литаврина, является и идея генетической связи отношений зависимости в византийской деревне IX—X вв. с эллинистическими формами аграрных отношений. К. В. Хвостова отметила продуктивность семантического метода исследования при изучении аграрных отношений. Высокую оценку доклада Х. Кепштейн дал и В. Вавражинец, подчеркнувший важность и новизну ее выводов.

В докладе К. В. Хвостовой (Москва) «Проблема византийской пронии» была сделана попытка комплексно рассмотреть данный вопрос. Докладчица проанализировала пронию с учетом общей политико-правовой доктрины Византии, результатов семантического анализа выражения, а также с применением приемов ретроспекции. Использование источников эпохи Палеологов позволяет понять выражение «*τα προνομια*» в «Трактате об обложении». Прония в докладе рассматривается как отчуждение в пользу определенного лица за его службу совокупности прав (а не только налога) над территорией, которые первоначально согласно византийской политико-правовой доктрине принадлежали императору. Как отметила докладчица, юридическая прония представляла собой институт, цель которого состояла в создании надежных правовых гарантий для такой имевшей длительные традиции формы оплаты труда чиновников и стратиготов, как пожалование налога. На практике прония как всякое попечение имела двойственный вид и эволюционировала в сторону превращения в институт, в рамках которого переплетались публично-правовые и частно-правовые функции по отношению к земле и налогоплательщикам. Распирение семантического диапазона богословско-правовой категории «прония», декодирование смысла на реальные отношения, отметила К. В. Хвостова, — свидетельство и иллюстрация путей возник-

новения технических понятий и обозначений в Византии.

Доклад К. В. Хвостовой получил высокую оценку З. В. Удальцовой и Г. Г. Литаврина, которые отметили нетрадиционность постановки проблемы. По мнению З. В. Удальцовой, К. В. Хвостова справедливо отказалась от двух полярно противоположных точек зрения относительно пронии, пойдя по среднему и, скорее всего наиболее правильному пути. Вместе с тем З. В. Удальцова отметила несколько чрезмерный юридизм, ранее не свойственный докладчице, а Г. Г. Литаврин подчеркнул необходимость интерпретации сведений Никиты Хониата, отмечавшего отрицательные последствия пронии.

В докладе С. П. Карпова (Москва) «Основные тенденции социально-экономического развития латинской Романии» была сделана попытка дать обобщенный анализ основных направлений развития византийских территорий, перешедших после IV крестового похода под власть западноевропейских феодалов, и итальянских республик Венеции и Генуи. Докладчиком было показано укрепление частно-правовых форм эксплуатации греческого крестьянского населения, завершение процессов феодализации. Особое внимание было уделено структуре господствующего класса, путям инкорпорирования греческих архонтов в его состав. Была также представлена сравнительная оценка систем управления на территории Латинской империи, Морейского княжества, на венецианском Крите, на Кипре, принадлежавшем Лузиньянам, на островах Эгейского архипелага, в генуэзских факториях Крыма. Общей тенденцией было усиление сотрудничества завоевателей с верхушкой местного населения, в том числе, и торгово-ремесленной. Особо освещалась в докладе проблема эллиназации завоевателей, ее разные аспекты, пути и итоги. Докладчик продемонстрировал перемещение основных городских центров в Латинской Романии, аграризация многих греческих центров и подъем других, находившихся преимущественно во владениях Венеции и Генуи. Были приведены факты классовой и социальной борьбы греческого населения против завоевателей (восстания на Крите и Кипре, факты сопротивления в Атике в XIV в. и др.). Важным итогом господства латинян в Романии, заключил С. П. Карпов, стало включение последней в общую Средиземноморскую систему торговых связей, более широкое вовлечение греческого торгово-предпринимательского населения в совместные с итальянцами коммерческие предприятия.

По докладу С. П. Карпова выступили З. В. Удальцова, К. В. Хвостова, Т. В. Бжатовская, которые отметили важность проблематики доклада и тщательность в его разработке.

Социальной структуре Константинополя в VI—VII вв. был посвящен доклад А. А. Чекаловой (Москва), которая дала характеристику следующим социальным слоям византийской столицы: сенаторской аристократии, торговцам и ре-

месленникам, интеллигенции, духовенству, люмпен-пролетариату и рабам. Особое внимание в докладе отводилось характеристике сенаторской аристократии Константинополя, которая, по мнению А. А. Чекаловой, не восходит генетически к римским временам, но является новым социальным образованием, сформировавшимся в IV—V вв. преимущественно из служилой знати и придворных, т. е. лиц, группировавшихся вокруг императора. Говоря о социальной мобильности внутри этого слоя населения, докладчица отметила, что, хотя сенаторская аристократия Константинополя была более открытым социальным слоем, нежели римская родовая знать, все же преувеличивать размеры мобильности в ее среде нет никаких оснований. Весьма подробно остановилась докладчица на характеристике торгово-ростовщической верхушки Константинополя, влияние которой особенно возросло к началу VII в., когда она в известном смысле противостояла сенаторской аристократии города. При характеристике остальных слоев населения столицы А. А. Чекалова обратила внимание на неоднородность их состава.

В прениях выступили Г. Г. Литаврин и З. Г. Самодурова. Г. Г. Литаврин, согласившись с выводами докладчицы, в частности, относительно сенаторской аристократии и степени мобильности в ее среде, подчеркнул, вместе с тем, то огромное значение, которое сыграла в развитии византийского поведения теория нестабильности Г.-Г. Бека. З. Г. Самодурова остановилась на социальном составе интеллигенции города и коснулась истории константинопольского университета. В то время как А. А. Чекалова разделяла взгляды П. Шпека относительно ступеней образования, существовавших в империи, З. Г. Самодурова высказалась в поддержку точки зрения П. Лемерля.

В докладе П. И. Жаворонкова (Москва) «Социальная структура господствующего класса Никейской империи» были изложены предварительные выводы относительно классификации никейской знати по разрядам, степени вертикальной мобильности в ее среде, характере материальной базы этой знати. Докладчику удалось выявить 117 родов знати (430 человек), из которых по своим общественным функциям 56 принадлежало к разряду военной знати, 41 — к разряду «гражданской» знати, 9 семей были связаны с церковью, а о 10 семьях известно только то, что они являлись земельными собственниками. Как отметил П. И. Жаворонков, сама эта классификация весьма условна, поскольку представители одного и того же разряда знати, даже одной семьи нередко занимали как гражданские, так и военные должности. По мнению докладчика, степень вертикальной мобильности была довольно высокой, хотя определение ее в процентном отношении вызывает большие трудности. Появление новых родов (нередко одного поколения) особенно интенсивно происходило в среде военной аристократии, в первую очередь за счет привлечения на службу западных рыцарей. Характерным явлением становится

возвышение местных родов, назначение на высокие посты людей незнатных, но способных к руководству и командованию армией. Относительно материальной базы, в частности земельной собственности у двух основных разрядов знати можно сказать следующее: согласно данным источников, около 70 % военной аристократии имели земельные владения (в основном пронии), в то время как в среде гражданской знати они зафиксированы только у 21 %. Безусловно, включает докладчик, в действительности процентное соотношение могло быть несколько иным, но не вызывает сомнений, что обеспеченность земельными владениями военной знати была значительно выше.

По докладу П. И. Жаворонкова выступили С. П. Карпов, И. С. Чичуров, О. Р. Бородин. Выступавшие отметили огромную сложность и научную значимость работы, проделанной докладчиком. С. П. Карпов подчеркнул еще неиспользованные резервы просопографии, а также высказал сомнение в том, что принципы классификации знати в эпоху Комнинов и Никейской империи были одни и те же. И. С. Чичуров обратил внимание на продуктивность изучения на примере Никейской империи не вертикальной, а горизонтальной мобильности знати (переход представителей рода из одного социального разряда в другой). О. Р. Бородин выразил сомнение относительно принципиальной возможности выделения церковной знати как самостоятельной группы, т. к. тот факт, что некоторые представители тех или иных знатных родов делали церковную карьеру, не может быть основанием для идентификации целого рода, другие члены которого действовали на ином поприще.

В докладе О. Р. Бородина (Москва) «Социальная структура Равеннского экзархата» методом терминологического сопоставления была выявлена структура городского населения Северо-Восточной Италии в VI—VIII вв. В результате анализа источников докладчик пришел к следующим выводам. Высший эксплуататорский класс населения Равенны в VI—начале VII вв., т. е. на первом этапе византийского господства, был представлен крупными и средними земельными собственниками местного происхождения, высшим слоем духовенства и чиновничества, верхушкой торгово-ремесленного населения; в VII—VIII вв. происходит консолидация слоя земельных собственников различного происхождения, но, как правило, связанных с государственной службой. Средняя прослойка населения города в первый период состояла из куриалов, организованных в коллегии ремесленников и купцов, среднего и низшего духовенства, мелкого чиновничества. Во второй период исчезают сословие куриалов и ремесленные коллегии античного типа. Социальное лицо этой прослойки неопределенно, и из ее состава рекрутируются как представители высшего, так и (главным образом) низшего слоя городского населения. Низший класс на протяжении всего византийского периода был представлен мелкими земель-

ными собственниками, самостоятельно обрабатывающими свои участки, не объединенными в корпорации ремесленными низами, челядью. Докладчик подчеркнул, что низший класс городского населения был относительно немногочисленным и на протяжении изучаемого периода сокращался; причиной этого был протекавший в VII—VIII вв. процесс дезурбанизации, в значительно большей степени затрагивавший именно городские низы, которые эксплуатировались государством посредством налогов и господствующим классом через рынок.

Использованию церковных миссий для введения обществных норм в странах, принявших христианство, был посвящен доклад В. Вавркинека (Прага) «К вопросу о распространении византийских обществных норм посредством церковных миссий» (на примере кирилло-мефодиевской миссии в Великой Моравии). В докладе подчеркивается, что хотя кирилло-мефодиевская миссия и сумела исключительно удачно приспособиться к местной славянской среде, все же она в основном придерживалась византийских идеологических и обществных норм и стремилась внедрить их в Великой Моравии. Докладчик считает, что причина неудачи политической деятельности кирилло-мефодиевской миссии, несмотря на поддержку моравских правителей, заключается в особенностях социально-экономического и политического развития страны, которая в этот период времени превращалась в раннефеодальное государство типа Восточно-Франкского. Стремление миссии вводить здесь византийские юридические и обществнные нормы, неизбежно приводило к тому, что моравский правящий слой в конечном счете выступал против нее, а позднее даже отказался от ее культурного наследия, приняв христианство западного типа. Более того, заключает В. Вавркинек, целый ряд моравских вельмож выступил также против культурной миссии Кирилла и Мефодия, потенциальное значение которой для дальнейшего развития моравского общества они не в состоянии были оценить.

В обсуждении доклада В. Вавркинека приняли участие З. В. Удальцова, Г. Г. Литаврин, Б. Н. Флоря, С. А. Иванов. З. В. Удальцова отметила важность и сложность проблемы, освещенной в докладе и в качестве перспективы изучения темы остановилась на сравнении миссии в Великую Моравию с византийскими миссиями в другие страны. Г. Г. Литаврин отметил, что призыв их в то или иное государство обычно находился в тесной связи с внутренними потребностями самого этого государства; иными словами, миссию призывали тогда, когда в ней возникала необходимость. Так обстояло дело и в Великой Моравии. Точку зрения Г. Г. Литаврина поддержал Б. Н. Флоря. По мнению С. А. Иванова, неудачу моравской миссии Мефодия следует связывать с начавшейся вскоре переоценкой дипломатической концепции Византии, о которой пишет Г. Лунгис.

Чешская исследовательница Л. Гавликова (Прага) выступила с докладом «Трансформация, рецепция и адаптация византийской социальной и политико-военной терминологии в славянской среде», который поднимал проблему возникновения и эволюции институтов и их названий в славянской среде в период формирования моравского раннефеодального государства, когда в области права проявлялось сочетание самых различных элементов: местных славянских норм, византийской (латинской и греческой) и западноевропейской терминологии, а также обычного права протоболгар и юридических норм Ближнего и Среднего Востока. Сопоставив византийский свод законов «Эклога» со славянским сводом «Закон судного людям» в том, что касается терминологии и судебной практики, относящихся к военным делам (о военной добыче, выкупе и освобождении пленных, измене пленных вероисповеданию, краже на войне и т. д.), докладчица отметила, что для «Закона судного людям» из иконоборческой «Эклоги» преднамеренно отбирались те постановления, которые отвечали реалиям и правовым потребностям Великой Моравии. Докладчица обратила внимание на изменение функции греческих терминов, а также на смягчение наказаний в «Законе судного людям» в сравнении с «Эклогой», в чем она видит влияние западного права. В докладе сделан ряд интересных наблюдений о происхождении терминов «комет», «воевода», «отрок», а также такого распространенного в славянской среде (чехов, хорватов) и у венгров термина как «жулан», который, по мнению докладчицы, восходит к китайскому «*šuban*».

Доклад Л. Гавликовой получил высокую оценку З. В. Удальцовой, Б. Н. Флори и С. А. Иванова, которые отметили скрупулезность анализа, проделанного по сопоставлению славянских текстов с их греческими оригиналами. Вместе с тем Б. Н. Флория отметил, что отсутствие ряда телесных увечий в качестве наказаний в «Законе судного людям» скорее всего объясняется влиянием не западного, а местного славянского, которому чужды были подобные нормы.

Доклад Р. Досталовой (Прага) «Социальные условия ренессанса романа в Византии XII в.» был посвящен выяснению причин широкого интереса как к античному роману, так и к появлению и особенностям собственно византийского. В докладе было отмечено, что при всем сходстве мотивов и схемы действия византийского романа с античными образцами его возникновение было вызвано вкусами византийского общества XII в. и отражает реальную жизнь и идеалы византийской придворной аристократии. В связи с этим Р. Досталова обращает внимание на возрастающую роль женщин-аристократок, обладающих крупной земельной собственностью в качестве неотчуждаемого приданого, в экономической и общественной жизни Византии того времени. Именно на этих женщинах, грамотность и образованность которых заметно возросла, был и рассчитан, по

мнению докладчицы, византийский роман, в котором героиня выражает скорее всего женские идеалы. Характерные для византийского романа стихотворная форма и высокая степень лиричности, по мнению докладчицы, объясняются влиянием персидского придворного романа XI в. на византийский, хотя, с другой стороны, это могло быть, как отмечено в докладе, и типологическим совпадением.

По докладу Р. Досталовой развернулась оживленная дискуссия, в которой приняли участие З. В. Удальцова, З. Г. Самодурова, И. С. Чичуров, А. А. Чекалова. Отметив достоинства доклада, З. В. Удальцова подчеркнула необходимость сопоставления романа Византии с западным, в частности с «Романом о Розе». Ее поддержала З. Г. Самодурова, которая напомнила о проникновении в Византию XII в. западных обычаев (рыцарские турниры при дворе Мануила II Комнина и др.). По мнению ее и З. В. Удальцовой, грамотность женщин являлась лишь одной из причин возрождения романа в Византии XII в. И. С. Чичуров, говоря о докладе Р. Досталовой, предложил связывать возрождение византийского романа не столько с активизацией социальной активности женщины в это время, сколько с аристократизацией общества, общественного сознания и идеалов. А. А. Чекалова высказалась в поддержку тезиса докладчицы о связях между персидской и византийской литературой и о роли вкусов читателей в формировании тех или иных жанров в литературе.

Византийские апокалипсисы VII—IX вв. как источники по социально-экономической истории империи были исследованы В. Брандесом (Берлин). Отметив, что интерес к ним проявился среди исследователей совсем недавно (у К. Манго, П. Александера), докладчик указал, что, с одной стороны, апокалипсисы позволяют многое узнать о бедах и чаяниях народа, взглядах широких масс на историю, а с другой стороны, проследить их влияние на исторические сочинения византийских авторов, способы использования последними апокалипсисов (например, у Прокопия Кесарийского и Феофара). В. Брандес, опираясь в своей оценке в основном на апокалиптические сочинения Псевдо-Методия и «Последнее видение Даниила», выделяет одного из главных «героев» апокалипсисов — фигуру так называемого спасителя-императора, «добраго царя», который побеждает всех врагов империи и утверждает во время своего правления добро и порядок. О конкретных политических требованиях широких народных масс апокалипсисы молчат.

По докладу В. Брандеса выступили З. В. Удальцова, которая отметила сложность работы с подобного рода источниками, а также З. Г. Самодурова, И. С. Чичуров, С. А. Иванов. З. Г. Самодурова настаивала, что для установления достоверности сообщаемых апокалипсисами сведений их необходимо сопоставить с хронографиями, а для определения их

хронологических рамок — более тщательно проследить рукописную традицию. И. С. Чичуров подчеркнул необходимость изучения наряду с собственно апокалипсисами апокалиптических сюжетов в других жанрах, например в хронистике (эпизод у гробницы Константина V в «Хронографии» Феофана). Согласно И. С. Чичурову, апокалиптическая литература характеризует не только специфически средневековую ментальность, о чем говорилось в докладе В. Брандеса, но и политическую идеологию империи («имперская эсхатология»). В этой связи было высказано и сомнение в трактовке этой литературы как отражения сознания преимущественно народных слоев империи. С. А. Иванов подчеркнул важность содержательного изучения апокрифов, поскольку и они могли, как показал В. Брандес, нести на себе отпечаток мыслей своей аудитории. Помимо рассмотренных в докладе отрывков, было бы интересно исследовать, что означали для

читателей и слушателей пассажи о низком происхождении «царя-избавителя», о том, что при нем «никто не будет играть ни на лире, ни на кифаре, ни в трагедии» (житие Андрея Юродивого). Что касается изучения цитирования апокалипсисов в сочинениях других жанров и наоборот, то здесь, по мнению С. А. Иванова, можно пойти еще дальше; так, пророчество Псевдо-Методия, что исмаилиты «сделают святые ризы своей одеждой» может быть поставлено в связь с известными сироязычными источниками той же эпохи, например с рассказом Иоанна Эфесского о том, как каган сделал из кивория шатер и забрал себе посвященные храму ризы.

В заключение хотелось бы отметить, что симпозиум отличали высокий научный уровень докладов и дискуссии, творческая атмосфера и стремление найти новые аспекты в решении поставленных проблем.

А. А. Чекалова

О КОНФЕРЕНЦИИ ПАМЯТИ А. В. БАНК

5 и 6 марта 1986 года в Государственном Эрмитаже впервые состоялась научная конференция, посвященная памяти Алисы Владимировны Банк, выдающегося ученого в области культуры и искусства Византии, одного из крупнейших специалистов Эрмитажа.

Вступительное слово произнес директор Эрмитажа академик Б. Б. Пиотровский. Он особо отметил ту огромную научную, хранительскую и просветительскую работу, которую А. В. Банк проводила в стенах горячо ею любимого Эрмитажа на протяжении более полувека. Ее труды, хорошо известные как в нашей стране, так и за рубежом, снижали ей заслуженный авторитет во всем мире как одного из лучших специалистов по прикладному искусству Византии.

На заседании было заслушано 17 докладов. Выступления коллег и учеников Алисы Владимировны из Ленинграда, Москвы, Тбилиси, Севастополя, Симферополя, Свердловска проходили под эгидой общей темы: «Новое в исследовании византийского искусства и культуры». Выбор тематики объясняется тем широким диапазоном интересов, знаний, которым она обладала, ее постоянным стремлением новаторски подойти к каждой решаемой ею проблеме. «Прикладное искусство Византии и археология», «Византия и Русь», «Византия и Кавказ», «Византия и Крым» — вот лишь некоторые темы, которые так глубоко и интересно разрабатывала Алиса Владимировна и которые стали предметом докладов участников конференции.

Новое нашло выражение в трех сферах: атрибуции, в связях с сопредельными странами, в историко-культурных явлениях. Новые определения памятников, их ввод в научный оборот присутствовали почти в каждом докладе, хотя в то же

время ни один из них не был чисто атрибутивным; атрибуция была лишь средством обработки материалов для дальнейших выводов.

Собственно «византийских» докладов было немногим более половины. К ним относится доклад А. И. Комеча, посвященный анализу композиции собора Святой Софии в Константинополе. Исследуя архитектурно-художественное здание с восьмью опорами и аркадами между ними (типа церкви Сергия и Вакха), автор сумел показать, как постепенное развитие подобной структуры обнаруживает конструктивную взаимосвязь всех форм, являясь в то же время источником особенной легкости и пространственности интерьера.

В докладе М. А. Поляковской «Зрелища в поздней Византии» обобщен и впервые подвергнут анализу материал источников, содержащих сведения о таком компоненте культуры как зрелища. Автором установлена коррелятивная связь между состоянием общества и характером зрелищ, а также выявлено место поздневизантийских зрелищ в общем контексте средневековой культуры.

Об интересном образце ранневизантийской станковой живописи шла речь в сообщении А. Я. Каковкина «Живописная створка триптиха VI—VII вв.» Структурные особенности памятника, представляющего изображение одного из Диоскуров, техника живописи, данные стиля и иконографии позволяют отнести этот предмет к VI—VII вв. Обнаружение его в Египте, где культ божественных близнецов был очень распространен, ряд характерных черт иконографии и стиля позволяют считать, что памятник был создан в долине Нила.

Большой интерес вызвал доклад А. А. Иерусалимской «Некоторые новые ас-

пекты в изучении византийского шелкоткачества». На примере отдельных шелковых тканей докладчик прослеживает взаимодействие между художественным шелкоткачеством и другими видами византийского искусства. Так, сопоставление «шелка с нереидами» из Ситтена и серебряного кувшина из Эрмитажа позволило уточнить дату ткани (конец VI — начало VII в.), объяснить сюжет изображения на кувшине и предположить, что придворные мастерские тореvтов и ткачей обслуживались одними и теми же художниками. Второй из анализируемых шелков — «с историей Иосифа» — из Савса (конец V — начало VI в.) обнаружил влияние миниатюрной живописи. Образцом для ткача послужила несохранившаяся рукопись, возможно, сирийская.

Доклад В. Н. Залесской «Две ранне-византийские костяные пиксиды» касался двух предметов, недавно поступивших в византийскую коллекцию Эрмитажа. Первый из них — втулка с изображением Ники — оказалась выполненной в Александрии на рубеже V—VII вв. коробочкой для лекарств, а второй — крест с надписью «святой Леонтий» — крышкой костяной пиксиды-реликвария, выполненной в начале VII века в Херсонесе.

В докладе «О редких изображениях на печатях» внимание В. С. Шандровской было сосредоточено на двух группах моливдовулов, хранящихся в Эрмитаже, с редко встречающимися композициями, которые автор рассматривает в связи с работой над рукописью Н. П. Лихачева «Моливдовулы греческого Востока». К первой группе относятся печати с изображениями Богоматери Галактотрофусы и сидящей на троне Богоматери Одигитрии, ко второй — с изображением Ставракия. Чрезвычайно интересны идентификации названных владельцев печатей (в частности, идентификация Михаила Офриды). Новая хронологическая атрибуция дана одной из печатей с Богоматерью Одигитрией. Владелец печати был константинопольский патриарх Николай I, а не Николай II Хрисоверг, как считал Н. П. Лихачев. В докладе названы также неизвестные прежде имена владельцев моливдовулов. Анализ некоторых атрибутов на печатях императорского протоспафария Ставракия позволил уточнить иконографию этого должностного лица.

И. В. Соколова в своем докладе «О так называемой печати протевона» проанализировала печать, изданную И. И. Толстым в 1887 г. как принадлежащую главе самоуправления Херсона — протевону Михаилу. Автор доклада, относя прежде печать к концу X — началу XI в., после дополнительного исследования развития аббревиатур на печатях и монетах X века пришел к выводу, что датировка не может выходить за пределы начала X века. Кроме того, после реставрации моливдовула нельзя прочесть слово «протевон» — должность владельца печати, однако, предложить какое-либо новое чтение автор затрудняется.

Связи Руси и Византии рассматривались в трех докладах. В докладе Э. С.

Смирновой «Спас Вседержитель XII века в Музее древнерусского искусства имени Андрея Рублева» анализировалась стилистическая зависимость «Спаса» от традиций «позднекомниновского маньеризма», которые могли быть занесены приехавшим на Русь провинциальным греческим мастером. Черты сходства с произведениями, созданными на почве византийских провинций в 30—40-х годах XIV в. (фрески в Дечанах и Лесново), прослеживались в докладе Л. И. Лившица «К вопросу о стиле первого слоя росписи церкви Успения на Волоотовом поле». Сообщение Л. Г. Колесниковой «Уникальная ткань XIII—XIV вв. из Херсонеса», в котором были использованы материалы по русской этнографии, спроецированные в позднее средневековье, было посвящено атрибуции некоторых образцов парчевых тканей, найденных в Херсонесе.

К связям Византии и варварского мира имел отношение доклад А. И. Айбабина «Хронология византийских поясных наборов с гравированным орнаментом». Подобные наборы, найденные в Константинополе, Северной Африке, лангобардских погребениях в Италии, Подунавье и Крыму датируются исследованиями по-разному в рамках VI—VII вв. В Крыму такие наборы обнаружены в погребениях второй половины VII в. По мнению автора, мода на эти предметы там распространялась из гарнизонов крепостей, подобных Эски-Кермену, где размещались воины-федераты. Такие наборы, вероятно, ввозились из Византии через Херсонес, не исключено также, что их делали и в Эски-Кермене.

Темой ряда докладов стали разнообразные связи Византии и Востока. В своем докладе «Одна группа чеканных икон X века из Верхней Сванетии» Р. И. Кения исследовала группу чеканных изделий, хранящихся в церквях Верхней Сванетии, в которую входят иконы Спаса, Богоматери (церкви Лагурка и Лагоми), пластина с изображением св. Павла, выносной крест, две маленькие иконы «Архангелы в позе Оранта». Если раньше эти памятники не имели датировки или же считались грубой работой XV—XVII вв., то теперь автор относит их создание к первой половине X в. Р. И. Кения приходит к заключению, что они ярко отражают исторический процесс развития грузинского чеканного искусства. На этих произведениях, с одной стороны, выявляются чисто скульптурные искания X века, а с другой стороны, сохранены достижения предыдущего периода (подчеркнутая экспрессия).

Сообщение Новаковской С. М. касалось золотого медальона с перегородчатой эмалью, представляющего редкий иконографический тип святого Федора с кошем и книгой (!) и грузинской надписью асомтаврили. Ряд характерных черт указывает на грузинскую работу и принадлежность медальона к кругу эмалей иконы Гелатского Спаса и примыкающих к ней икон первой половины XII в., а именно Джуматской иконы Архангела Михаила.

В докладе Т. А. Измайловой «Истоки миниатюрной живописи Киликии XII века и Черная Гора» ставилась задача уточнения исходных точек формирования киликийской школы миниатюры в XII в. Автор полагает, что не только «византизирующие» рукописи Центральной Армении дали начало киликийской живописи, хотя и не отрицает их воздействия. Однако общий процесс Т. А. Измайлова считает более сложным, объясняя его большим притоком армянского населения с XI в, оживлением монастырской жизни на Черной Горе (между Сирией и Киликией), где находился престол католикоса. Близкое сосуществование армянских, греческих, грузинских и латинских монастырей, принадлежавших к разным конфессиональным церквям, и привело к созданию новых моделей, положивших начало собственно киликийской школе, примером этому послужил анализ ранней киликийской рукописи (Ромкле 1166 г. № 7347) и трапезундского армянского Евангелия (Венеция. № 1400).

Тема взаимопроникновения Востока и Запада была отражена в двух докладах.

В докладе М. Г. Крамаровского «К вопросу об италийско-византийском симбиозе в рельефах раннепалеологовского времени» прослежено сочетание византийских и италийских элементов декора четырех памятников XIII—начала XIV в. из коллекции Эрмитажа, Музея западного и восточного искусства (Одесса), Музея Отдела археологии Крыма АН УССР (Симферополь). Лишенные стилистической однородности и, несомненно, принадлежащие разным художественным центрам, лежащим в ряде случаев за пределами Крыма, рельефы этой группы объединены общностью судеб, связан-

ных с жизнью генуэзских колоний Северного Причерноморья. Рельефы купели, найденной в районе Партенит (Южнобережный Крым), и типологически близкие декоративные композиции чаши одесского музея и эрмитажной капители дают выразительный пример сочетания византийской традиции техники «sham-plevé» с мотивами венецианской каменной резьбы XII—XIII вв.

Б. И. Маршак был прочитан доклад «Крестоносцы и Древняя Русь по материалам тореvтики». Этот вопрос был поставлен впервые и рассматривался на примере отдельных вещей XII—XIV вв. Некоторые элементы декора Черниговской гривны и окладов икон Петра и Павла и Корсунской Богоматери XII в. находят аналогии в декоре серебряных изделий крестоносцев. Кресты с реликвией «истинного» креста из ризницы Св. Софии в Новгороде имеют сходные между собой узоры басмы. Тот из этих двух крестов, который украшен миниатюрами под хрустальными кабошонами, имеет дробницы итальянской работы XIII—XIV вв., аналогичные по технике и рисунку украшениям этого периода из северокавказских могильников.

Доклад И. Ф. Фихмана, посвященный переписке Г. Ф. Церетели, познакомил слушателей с наследием ученого, с его наблюдениями в области папирологии и палеографии.

Участниками конференции было выражено пожелание систематического проведения подобного рода заседаний, открывающих возможность ознакомления с новыми материалами в области культуры и искусства Византии. Тема следующей конференции — «Культура и искусство Византии и сопредельных стран».

Е. В. Степанова

II ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МЕДИЕВИСТОВ В МГУ (3-4 ФЕВРАЛЯ 1987 г.)

«Торговля и купечество в средние века в Западной Европе и Византии» — такова тема II Всесоюзной конференции медиевистов, которая была организована кафедрой истории средних веков и проведена 3—4 февраля 1987 г. на историческом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова.

Конференцию открыла председатель оргкомитета член-корреспондент АН СССР, профессор З. В. Удальцова. В своем вступительном слове она отметила большое значение и сложность поставленных участниками проблем и выразила надежду на то, что конференция послужит важным этапом в деле их изучения. С приветствием к собравшимся обратилась зам. декана исторического факультета МГУ профессор Л. С. Леонова.

Ряд выступлений был посвящен проблемам истории торговли Византии и сопредельных территорий. В докладе С. П. Карпова, заслушанного на пленарном заседании, были проанализированы ос-

новные закономерности развития итальянской торговли в Южном Причерноморье в XIII—XV вв.: дана оценка товарооборота транзитной торговли и масштабов итальянского экспорта; вскрыты последствия политического и торгового кризиса середины XIV в., который существенно модифицировал торговлю. С. П. Карпов отметил, что задачей итальянских предпринимателей было не давление, а вовлечение греческих купцов в орбиту своей деятельности как младших партнеров, которые перенимали коммерческий опыт генуэзцев и венецианцев. Работу секции «Торговля и купечество в Средиземноморье» открыло сообщение К. В. Хвостовой «Внутренняя торговля и торговая политика в Византии XIV в.», в котором были показаны возможности использования актового материала для изучения этой проблемы. Докладчица отметила, что в XIV в. наряду с процессом натурализации хозяйства существовала и другая тенденция, а именно: развитие внутренней торговли.

СОДЕРЖАНИЕ

З. Г. Самодурова

З. В. Удальцова. Творческий путь 3

Статьи

К. В. Хвостова (Москва)

Прония: социально-экономические и правовые проблемы 13

Э. Антониадис-Бибику, А. Гийу (Париж)

Византийская и поствизантийская сельская община 24

С. П. Карпов (Москва)

Кредит в системе итальянской торговли в Южном Причерноморье (XIII—XV вв.) 40

И. Ирмшер (Берлин)

Основные черты представления о прогрессе в Византии 50

П. И. Жаворонков (Москва)

Избрание и коронация никейских императоров 55

Р. Досталова (Прага)

Социальные условия возрождения романа в Византии XII века 60

Я. Н. Любарский (Ленинград)

Наблюдения над композицией «Хронографии» Продолжателя Феофана 70

А. И. Сидоров (Москва)

Иоанн Грамматик Кесарийский (к характеристике византийской философии в VI в.) 81

В. П. Буданова (Москва)

Контакты готов с племенами Barbaricum solum и Ранневизантийской империей 100

А. Карпозилос (Янина)

Рос-Дромиты и проблема похода Олега против Константинополя 112

В. П. Степаненко (Свердловск)

Равнинная Киликия во взаимоотношениях Антиохийского княжества и княжества Рубенидов в 10—40 годах XII в. 119

И. П. Медведев (Ленинград)

Греческий писец XV в. Мефодий и его три рукописи 127

Н. Ф. Каврус (Москва)

Императорский скрипторий в XI веке 134

К. Жоливе-Леви (Париж)

Образ власти в искусстве эпохи Македонской династии (867—1056) 143

А. Л. Якобсон (Ленинград)

Закономерности и этапы развития архитектуры средневекового Херсонеса 162

Н. Н. Никитенко (Киев)

Программа однофигурных фресок Софийского собора в Киеве и ее идеинные истоки 173

Сообщения

С. А. Иванов (Москва)

Неиспользованное византийское свидетельство VI в. о славянах 181

В. Я. Петрухин, Ф. В. Шелов-Коведяев (Москва)

К методике исторической географии. «Внешняя Россия» Константина Багрянородного и античная традиция 184

О. М. Рапов (Москва)

Еще раз о датировке взятия Корсуни князем Владимиром 190

Н. М. Богданова (Москва)

О значении точного прочтения источника 195

И. В. Каминская (Краснодар)

Лабинские варианты торговых дорог Северо-Западного Кавказа 201

В. Н. Залеская (Ленинград)

Памятники средневековой греческой эпиграфики из Северного Причерноморья (новые поступления византийского отделения Эрмитажа) 204

Критика и библиография

Рецензии

А. С. Козлов (Свердловск)

U. Asche. Roms Weltherrschaftsidee und Aussenpolitik in der Spätantike im Spiegel der Panegyrici Latini. Bonn: Habelts Dissertationsdrucke. Reihe Alte Geschichte. 1983. H. 16. 212 S. 208

А. И. Сидоров (Москва)

Maximi Confessoris Quaestiones ad Thalassium. Quaestiones I—LV una cum latina interpretatione Ioannis Scotti Eriugenae iuxta posita / Ediderunt Carl Laga et Carlos Steel // Corpus Christianorum. Series Graeca, Brepols-Turnhout: Leuven University Press, 1980. Vol. 7. CXVIII+566 p.; Maximi Confessoris Quaestiones et Dubia / Edidit Jose H. Declerck // Corpus Christianorum. Series Graeca, Brepols-Turnhout: Leuven University Press, 1982. Vol. 10. CCLIII+255 p. 211

О. Р. Бородин (Москва)

The Correspondence of Leo, Metropolitan of Synada and Syncellus / Greek text, translation, and commentary by Martha Pollard Vinson // Dumbarton Oaks. Washington (D. C.), 1895 (CFHB, XXIII Volumen) 214

С. П. Карпов (Москва)

Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos / With maps and plans by R. Anderson and drawings by J. Winfield. Washington, 1985. T. 1: Text. LI, 394 p., 122 Plates. T. 2: 290 Plates (Dumbarton Oaks Studies, XX) 217

Ю. Я. Вин (Москва)

Κύρρης Κ. Π. Βυζάντιον κατὰ τὸν ΙΔ' αἰῶνα. Τ. 1. 'Η πρώτη φάσις τοῦ ἐμφυλίου πολέμου καὶ ἡ πρώτη συνδιαλλαγὴ τῶν δύο Ἀνδρονίκων (20. IV — φθινόπωρον 1321): ἐσωτερικὰ καὶ ἐξωτερικὰ προβλήματα. Λευκωσία; Κύπρος: ἐκδόσεις Λαμπρούσα, 1982. XI. 229 Σ. 221

А. Я. Каковкин (Ленинград)

Baginski A., Tidhar A. Textiles from Egypt 4th—13th Centuries C. E. / L. A. Mayer Memorial Institute for Islamic Art, 1980. Tel-Aviv, 1980. 176 c. 272 кат. номера, 8 цв. табл., мн. черно-белых ил. и рис. 224

Н. Н. Грандмезон (Севастополь)

Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983 227

Аннотации

Я. Н. Любарский (Ленинград)

Georgius Syncellus. Ecloga chronographica / Edidit A. A. Mosshammer // Bibliotheca Scriptorum graecorum et romanorum Teubneriana. Leipzig, 1984. 507 p. 231

С. П. Карпов (Москва)

Continuity and change in late Byzantine and early Ottoman Society / Ed. by A. Bryer and H. Lowry. Birmingham; Washington, 1986. VIII+344 p. 232

С. А. Иванов (Москва)

Alexander Paul J. The Byzantine Apocalyptic Tradition / Edited by Dorothy de F. Abrahamse. University of California Press. Berkeley; Los Angeles; London, 1985. 239 p. 234

О. В. Иванова (Москва)

Γρηγορίου-Ιωαννίδου Μ. Παρακμή καὶ πτώση τοῦ θεματικοῦ θεσμοῦ. Συμβολή στην εξέλιξη τῆς διοικητικῆς καὶ τῆς στρατιωτικῆς οργάνωσής τοῦ Βυζαντίου ἀπὸ τὸ 10 αἰ. χ. ε. Θεσσαλονίκη, 1985. 165 Σ. 235

Внутренняя торговля, главную роль в которой играли монастыри, поощрялась государством, контролировавшим рынок посредством налоговой политики.

Несколько сообщений были связаны с историей черноморской торговли. Т. Н. Берадзе (Тбилиси) остановился на истории морской торговли Грузии с Византией в VI—XV вв.: он охарактеризовал 6 основных этапов и выделил особенности каждого из них. По данным археологических и письменных источников Н. М. Богданова рассмотрела изменение роли Херсона в системе международных торговых связей X—XV вв. Свое сообщение Н. М. Фомичев (Азов) посвятил истории международных экономических связей Таны в X—XIV вв.: он остановился на находках трапезундских, византийских, восточных и западноевропейских монет

на территории Азова. Атрибуция находок итальянского стекла XV в. на Северном Кавказе позволила М. Г. Крамаровскому (Ленинград) выдвинуть гипотезу об их производстве в пределах Крыма на основе местной ремесленной базы.

Вопросы торговой деятельности дубровчан на балканском рынке в XV—XVI вв. были поставлены в выступлении М. М. Фрейденберга (Калинин), который рассмотрел их как в экономическом, так и в социально-психологическом аспектах. В сообщении «Торговля и купеческий капитал в Дубровнике XIV в.» Н. П. Мананчикова (Воронеж) остановилась на проблеме воздействия купеческого капитала на торговлю и товарное производство города и округа.

Работа византистов завершилась оживленной и плодотворной дискуссией.

Н. М. Богданова

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия	ASP	— Archivio storico Pugliese
ВВ	— Византийский временник	BCH	— Bulletin de Correspondence Hellénique
ВДИ	— Вестник древней истории	BS	— Byzantinoslavica
ВИ	— Вопросы истории	BZ	— Byzantinische Zeitschrift
ВИА	— Всеобщая история архитектуры	DOP	— Dumbarton Oaks Papers
ГХМ	— Государственный Херсонесский музей	EB	— Etudes balkaniques
ЗРВИ	— Сборник радио. Византологический институт	EH	— Etudes historiques
ИАК	— Известия Археологической комиссии	JHS	— Journal of Hellenic Studies
ИКОИРГО	— Известия Кавказского отдела имп. Российского географического общества, Тифлис	JÖB	— Jahrbuch für Österreichische Byzantinistik
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР	MAH	— Mélanges d'archéologie et d'histoire
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии	MAMA	— Monumenta Asiae Minoris Antiqua
МАР	— Материалы по археологии России, изд. Археологической комиссии	PG	— Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series graeca
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР	PL	— Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series latina
ОАК	— Отчет Археологической комиссии	REB	— Revue des Etudes Byzantines
ПВЛ	— Повесть временных лет	RH	— Revue historique
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей	RN	— Revue du Nord
СА	— Советская археология	RS	— Revue de synthèse
ТМАО	— Труды Московского археологического общества	SHA	— Scriptores Historiae Augustae
		SI	— Studia islamica
		SF	— Südost-Forschungen
		TM	— Travaux et Mémoires

Зинаида Владимировна
УДАЛЬЦОВА

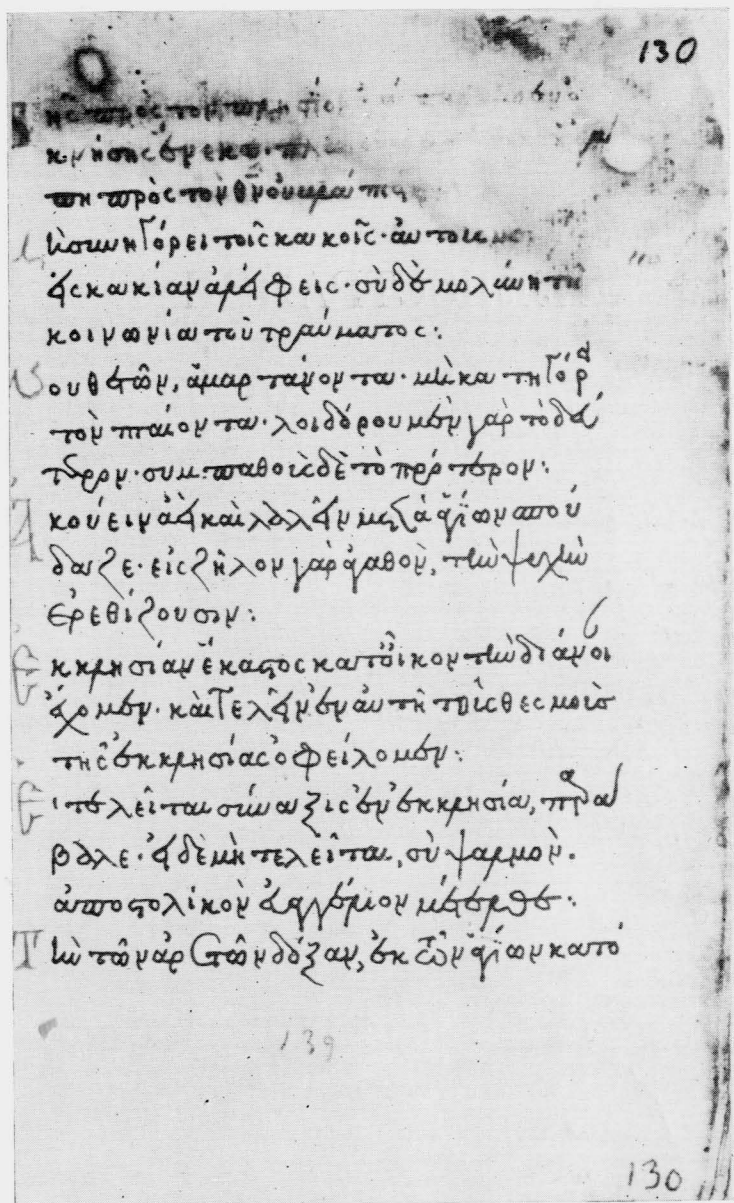

Рис. 1. ГПБ, греч. 243. Т. 2, л. 130

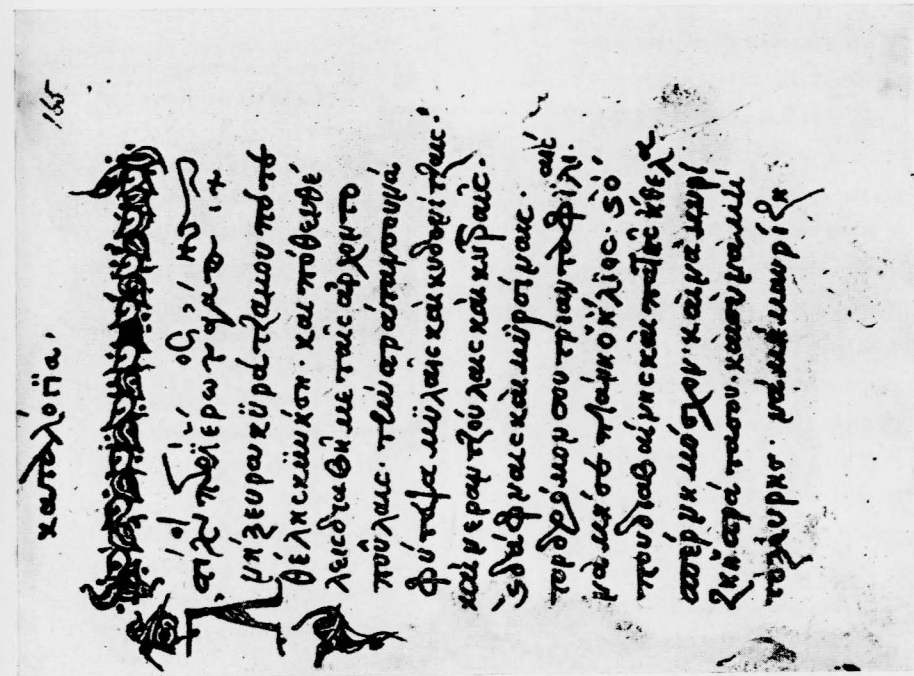

Рис. 2. Brit. Mus. Add. 8241, fol. 165r

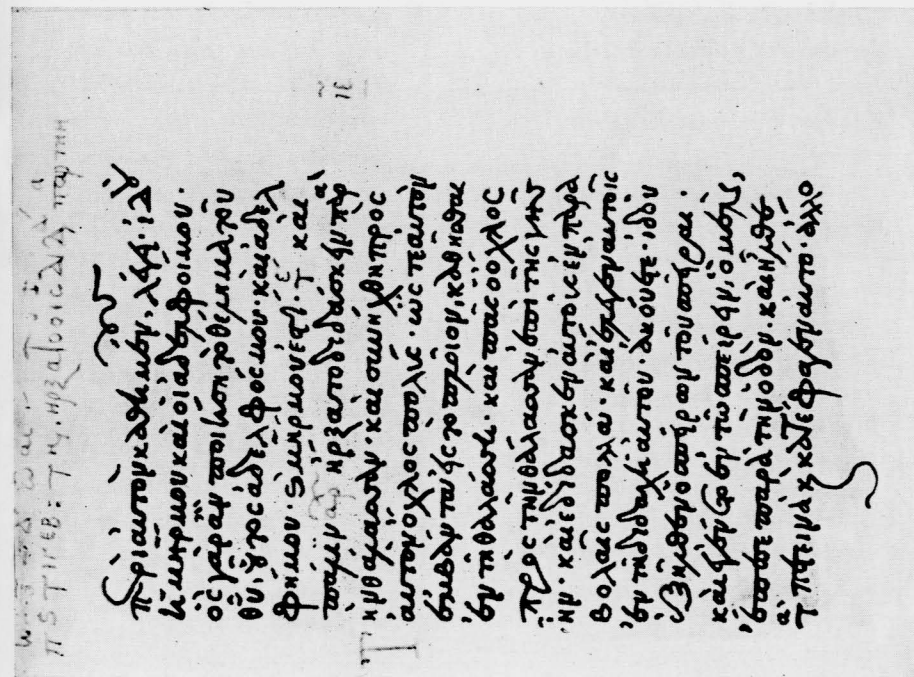

Рис. 3. ГПБ, греч. 418, л. 137

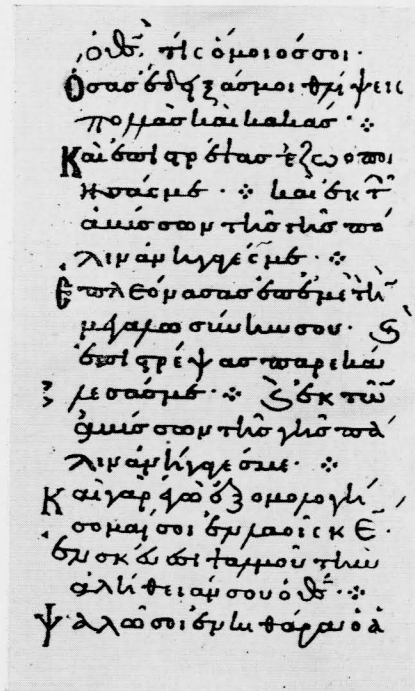

Рис. 1. ГПБ, греч. 214, л. 138

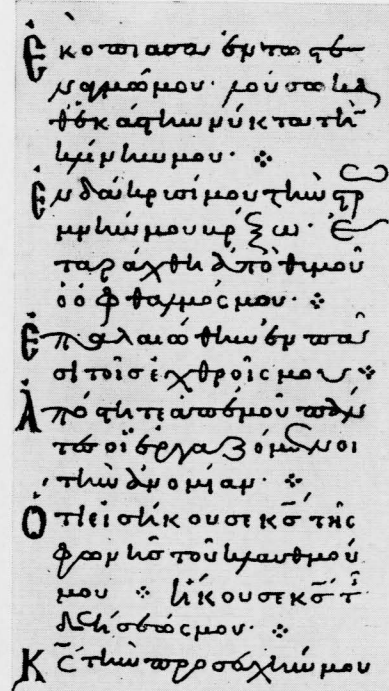

Рис. 2. ГПБ, греч. 214, л. 8

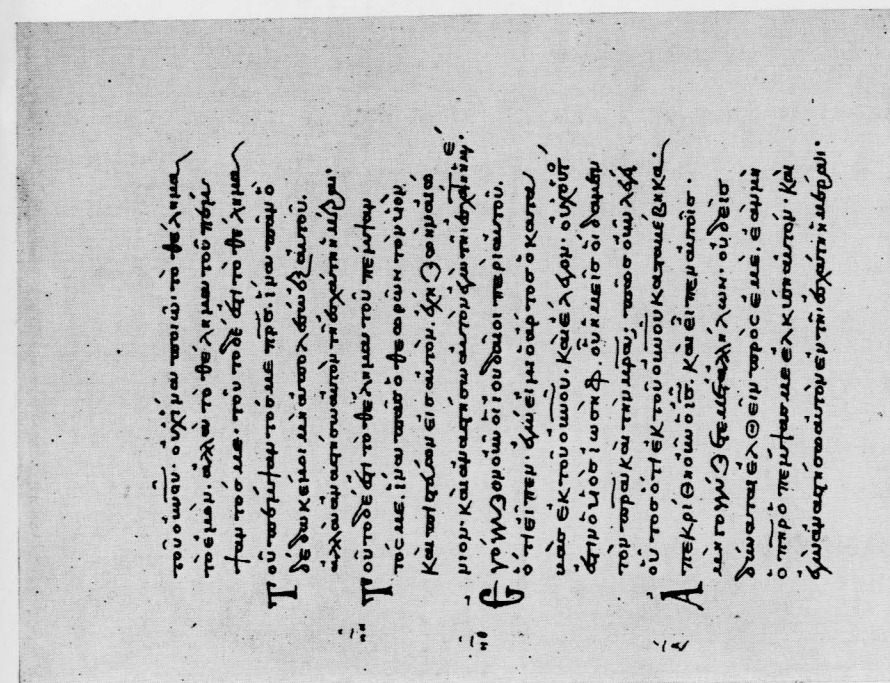

Рис. 6. ГПБ, греч. 801, л. 218

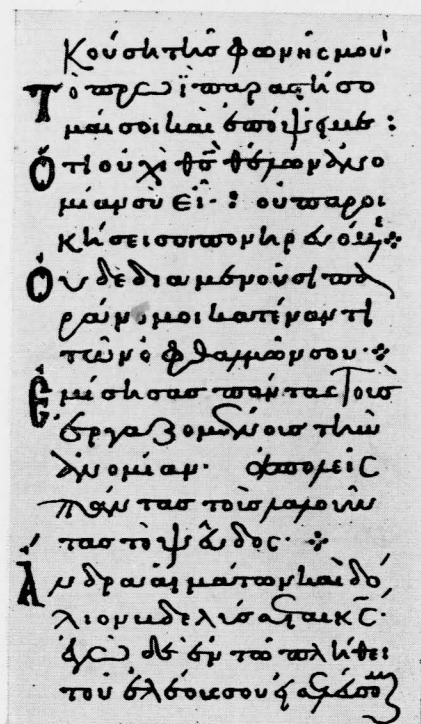

Рис. 3. ГПБ, греч. 214, л. 6

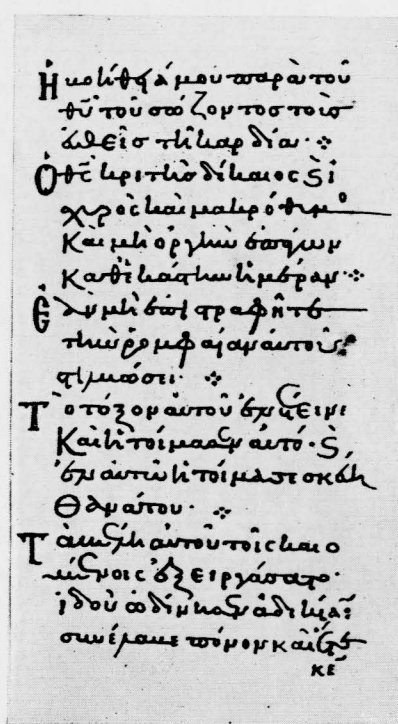

Рис. 4. ГПБ, греч. 214, л. 10

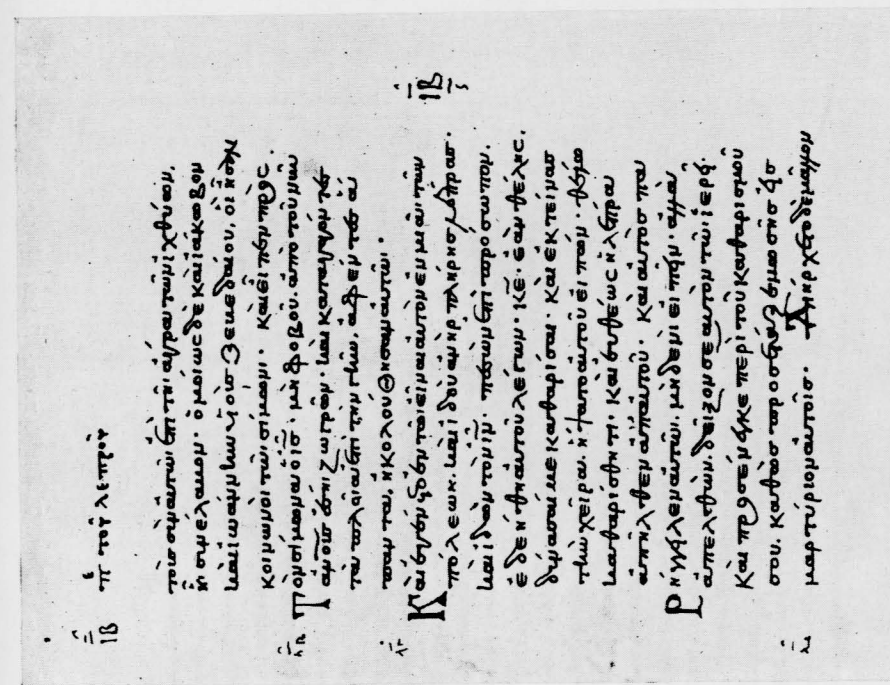

Рис. 5. ГПБ, греч. 801, л. 137

μζνομα
 μοθδμ+
 τοτδδμ
 οπιλα
 τοσαμ
 σαστου
 τομτομ
 λγμ·ηγα
 γμδζω
 τομ·κ

1, л. 53

Рис. 11. ГИМ, № 511, л. 53

Рис. 8. Фрагмент штампа
из Херсонеса
(X 877). Эрмитаж

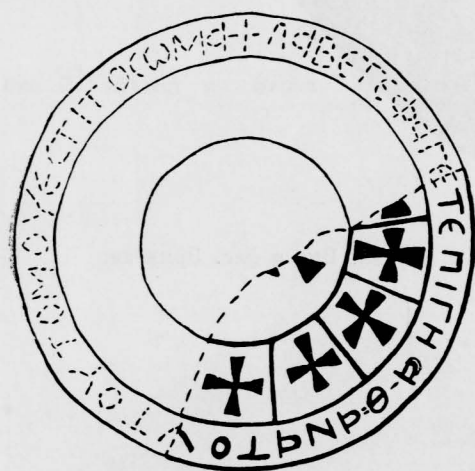

Рис. 9. Штамп из Херсонеса
(X 877).
Реконструкция

Рис. 10. Надгробие из Керчи. Эрмитаж

следован Х. Лоури, второй (1560—1640) — Р. Дженнингсом. Лоури проследил очень медленный процесс исламизации населения: в 1486 г. в Мацуке было лишь 6 мусульманских домовладений, в 1515 г. — 51 (1,5 % всего населения), в 1553 г. — 101. В основном это были местные жители, принявшие ислам. Некоторое усиление мусульманизации произошло во второй половине XVI—начале XVII в.

Земельная собственность в пределах одного и того же селения при османах, как ранее в эпоху Трапезундской империи, дробилась на мелкие доли, находившиеся во владении как частных лиц, так и монастырей. Новый господствующий класс состоял преимущественно из тимариотов. Первоначально ими стали участники похода 1461 г. и греческие землевладельцы, перешедшие на службу к османам. Однако к 1486 г. почти все держатели тимаров были заменены переселенными из Албании христианами и мусульманами-янычарами. Между 1486 и 1515 г. к ним добавились тимариоты, переведенные из провинции Торул. К 1515 г. завершилась исламизация всех тимариотов. Сохранившие до начала XVI в. свое значение держатели небольших воинских феодалов мюсселемы (премники трапезундских стратиотов) затем сливаются с крестьянством, хотя и получают некоторые привилегии и особый статус.

Элементами преемственности от эпохи Великих Комнинов в XVI—начале XVII в. Р. Дженнингс считает: физическое выживание сел и сохранение их названий; явное преобладание греческого православного населения в Мацуке; континуитет систем земледелия и землепользования, типов домов и подсобных помещений; примерно одинаковый уровень доходов от агрикультуры в 1461 г. и на рубеже XVI и XVII столетий; сохранение благоприятного баланса населения и ресурсов; наличие развитого сельского ремесла и промыслов. Элементами нового были: становление мусульманской правовой и налоговой системы, тимариотского землевладения; рост, хотя и медленный, мусульманского населения; усиление социальной мобильности и возрастание скорости перемещения земельной собственности; установление тесных экономических связей между мусульманским и христианским населением; политическая стабилизация, рост правовой защиты личности и хозяйства. В этом перечне, возможно, некоторые факторы несколько идеализированы. Так, например, экономические связи между мусульманами и христианами не были равноправными: в области кредита, к которой обращается Дженнингс, работодателями выступают почти исключи-

тельно мусульмане. Возможность правовой защиты еще вовсе не означала ее эффективности на практике.

Монастырские владения на острове Лемнос в 1261—1453 гг. были исследованы Дж. Холдоном. На их территории производилась 1/6 всей сельскохозяйственной продукции острова; масштабы церковного землевладения увеличивались (с. 170—171). Но пожалования земель государством монастырям не всегда оборачивались большими потерями для казны: политическая нестабильность, набеги пиратов, военные действия на острове в сочетании с высоким уровнем эксплуатации крестьян приводили к острой нехватке рабочей силы. Нередко монастырям передавались пустующие, приморские и труднозащищаемые территории. Монастыри обеспечивали производство и оборону в тех зонах, которые иначе оказались бы заброшенными. Крайне нестабильная ситуация на острове, как показал П. Топшинг, сохранялась и в периоды латинского господства. В 1470 г., когда Лемнос принадлежал Венеции, его население, по самым оптимистическим оценкам, не превышало 6 тыс. человек. После установления османского владычества в 1479 г. остров не подвергся интенсивной турецкой колонизации. Как показал Х. Лоури, его оборона осуществлялась местным христианским ополчением и небольшим отрядом янычар-тимариотов. Из 711 домовладений на Лемносе в 1489 г. 710 принадлежало христианам-грекам. Существенно пострадало лишь монастырское хозяйство. В первый период турократии, включает Лоури, «османское присутствие было немногим более чем налетом на острове, чье население, религия, язык и культура были византийскими» (с. 259).

В главе Э. Брайера о структуре поздневизантийского города проводится мысль, что османские городские кварталы-махаллы были унаследованы от предшествующего периода. По его мнению, город XII—XV вв. состоял не из одного, а из нескольких центров, вокруг которых группировались поселения разных групп жителей. В понтийских городах, и прежде всего — в Трапезунде, население обладало своего рода общинной организацией, сродни той, что объединяла жителей понтийской периферии (с. 278—279). Отмечая активность трапезундского дима, Брайер полагает, что трапезундское купечество и вообще слой «месой» были ограничены количественно и не располагали крупными капиталами. Брайер смог насчитать лишь 4 патрона судов трапезундца. Его вывод гласит: «Рождающееся поздневизантийское бюргерство, конечно, наличествовало, но до некоторой степени было и порождением и жертвой ита-

² См., например, закупку продовольствия трапезундским торговым обществом для фактории в Самастро на сумму 24 032 аспра: Archivio di Stato di Genova, San Giorgio. Caffè Massaria ad annum 1455. F. 208r. См. подробнее: *Карпов С. П.* Трапезундское купечество в черноморской торговле конца XIII—первой половины XV в. // *Byzantinobulgarica*. София, 1981. Т. VII. С. 239—245; *Он же.* Социальная структура городов Южного Причерноморья (XIII—XV вв. // *Классы и сословия средневекового общества*. М., 1988. С. 64—72.

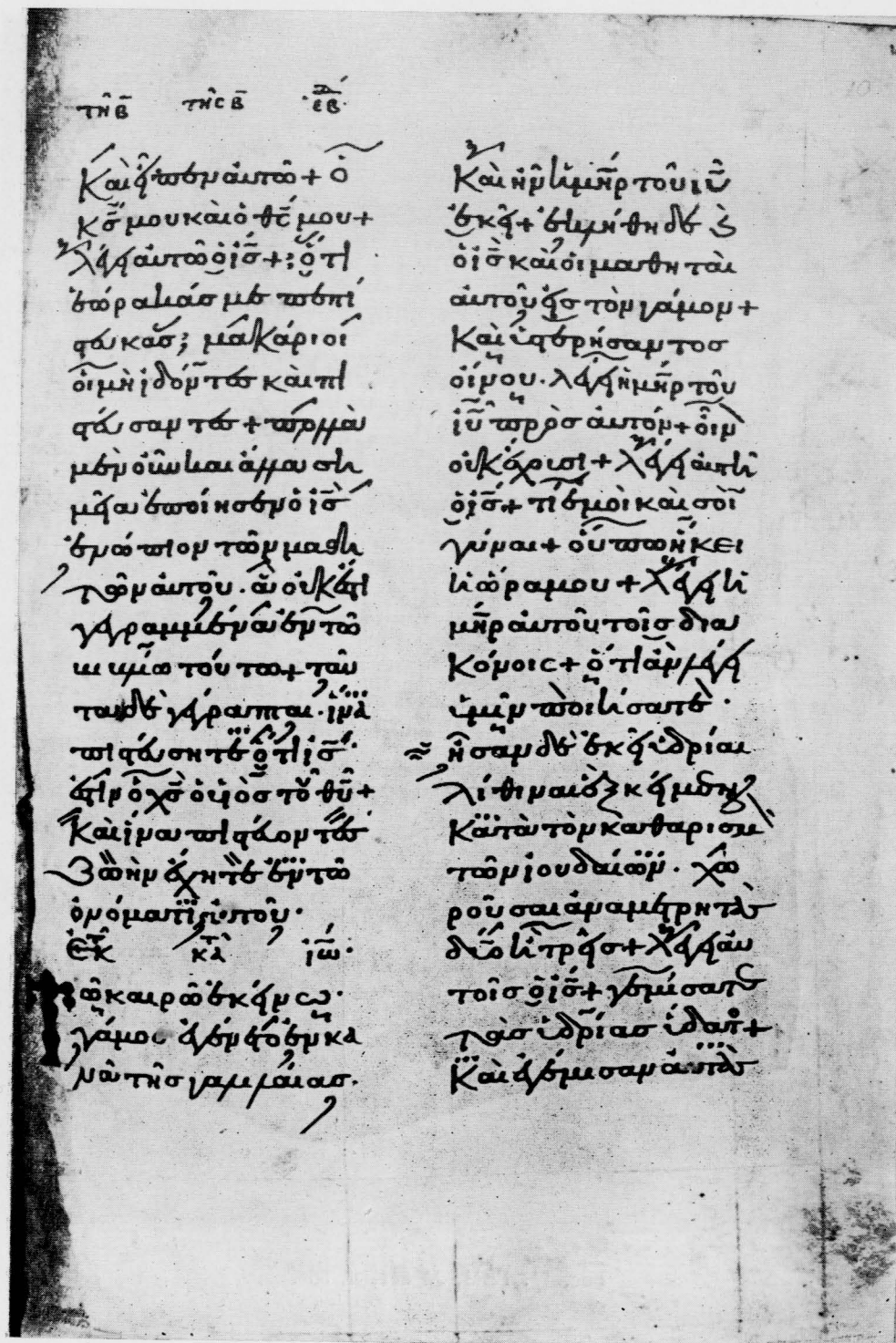

Рис. 12. ГИМ, № 12, л. 10

Рис. 1. Мозаика северной части собора св. Софии в Константинополе: император Александр

Рис. 2. Париж, Национальная библиотека, Cod. gr. 510, fol. Cv:
Василий I, коронуемый архангелом Михаилом
и получающий лабарум от Ильи.

Рис. 3. Cod. Paris. gr. 510, fol. Br:
Евдокия между Львом и Александром

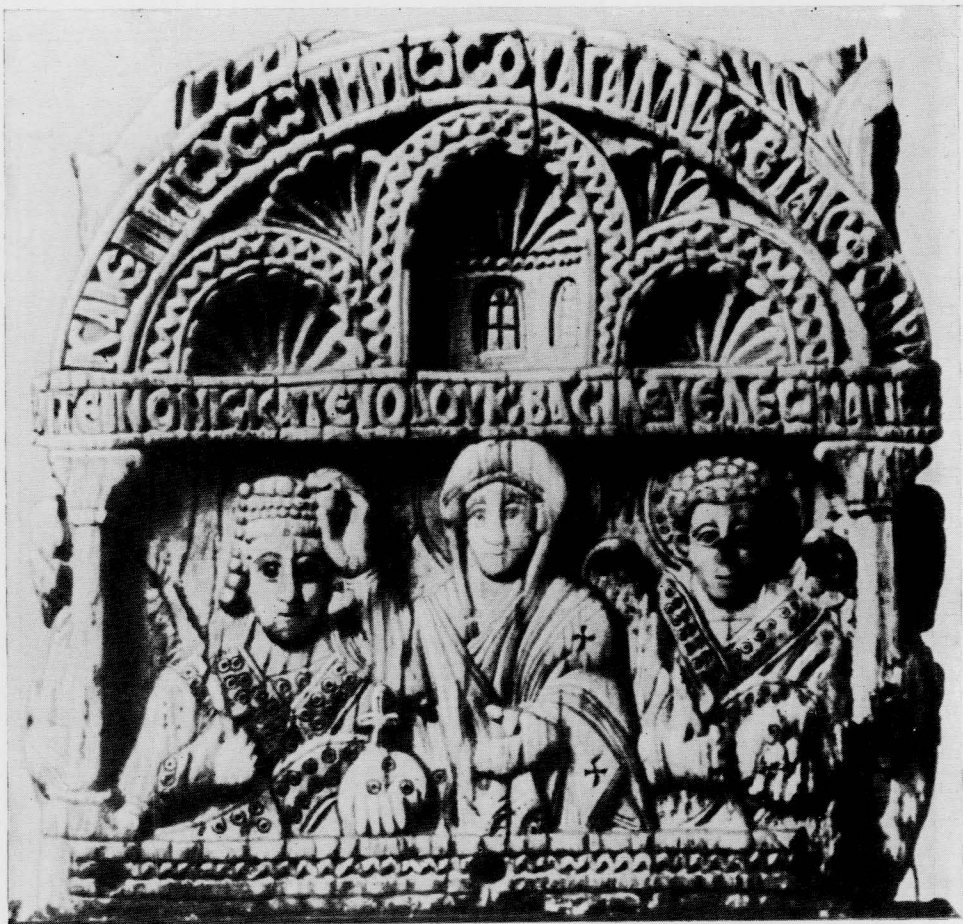

Рис. 4. Изделие слоновой кости из Берлинского национального музея, № 20006:
Лев (VI?) венчаемый на царство девой Марией

Рис. 5. Солид Александра:
Александр, коронованный святым

Рис. 6.
Солид с изображением Романа Лакапина,
коронуемого Христом

Рис. 7. Изделие слоновой кости из ГИМА:
Константин (VII), коронованный Христом

Рис. 8. Венеция, Библиотека Марциана, Cod. gr. 17, fol. 111r: Василий II

Рис. 9. Кодекс Sinait. gr. 364, fol. 3r: Зоя, Константин IX и Федора

Рис. 10.
Гистамен Никифора Фоки

Рис. 11. Мозаика нартекса собора св. Софии в Константинополе:
император в проскинесисе перед Христом

Рис. 12. Мозаика южной части собора св. Софии в Константинополе:
дар Константина IX и Зои

Рис. 13. Кодекс Paris gr. 510, fol. 440:
видение Константина, битва у Мильвийского моста
и нахождение истинного креста

Рис. 14. Церковь Большой голубятни (Каппадокия):
Константин и Елена (центральная абсида)

Рис. 15. Церковь Большой голубятни:
Никифор Фока и Феофано (северная абсида)

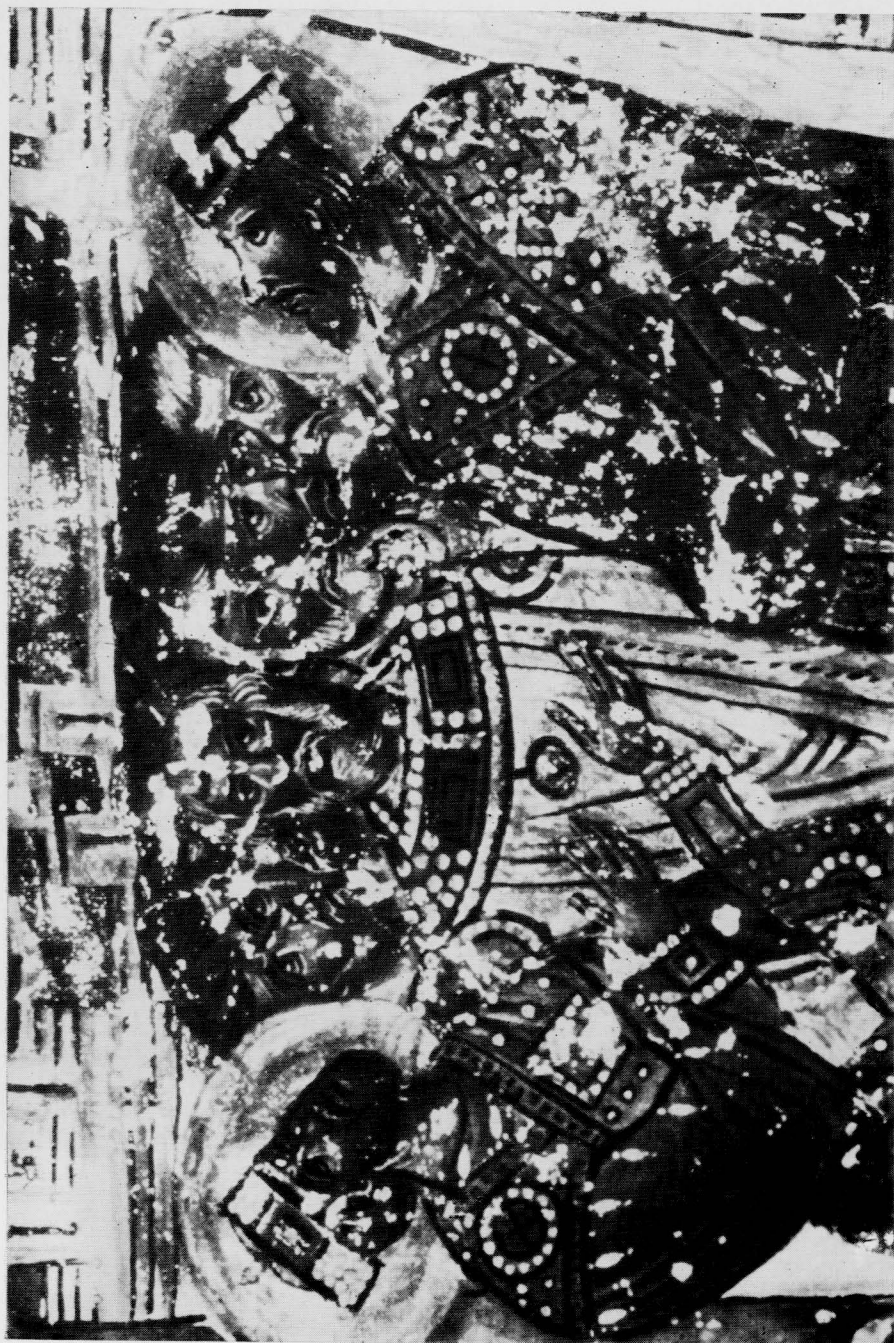

Рис. 16. Токалы килиз (Новая церковь), Герем, Каппадокия: деталь изображения Троицына дня

Рис. 17. Париж, Национальная библиотека:
Cod. gr. 139, fol. 3v: миропомазание Давида

Рис. 18. Paris gr. 139, fol. 7v: прославление Давида

Рис. 19. Лондон, Британская библиотека, Add. 19 352, fol. 99v: избранный народ, который ведут Моисей и Аарон

Рис. 20. Пластинка ларца слоновой кости: Балонья, Музей по средневековью

Рис. 21. Церковь Большой голубятни: восточная часть, слева над северной абсидой:
Явление архангела Иисусу Навину

Рис. 1. а и б. Планы трех-
нефных базилик Херсонеса
(раннее средневековье)

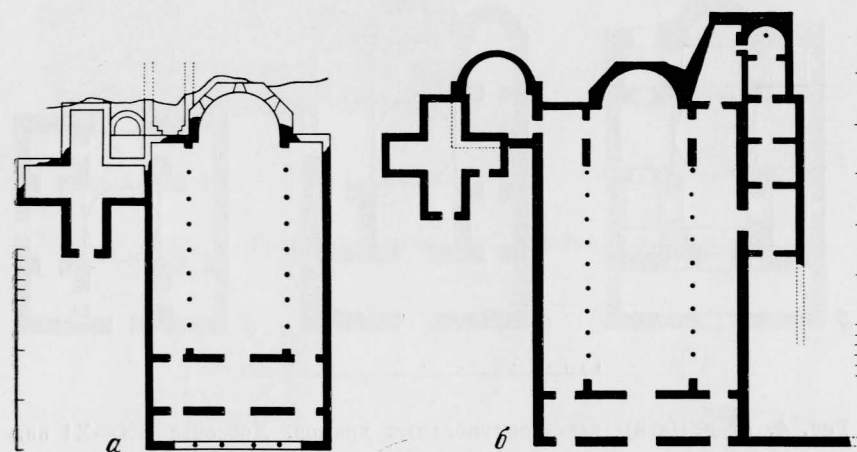
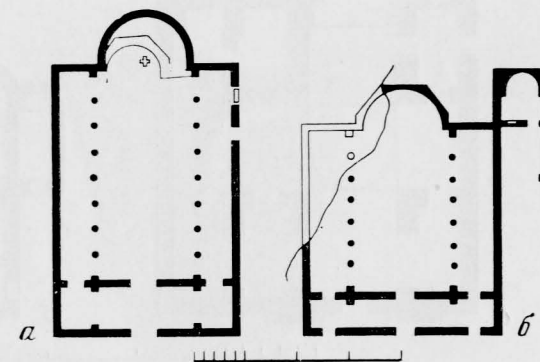

Рис. 2. а и б. Планы трех-
нефных базилик Херсонеса
(раннее средневековье)

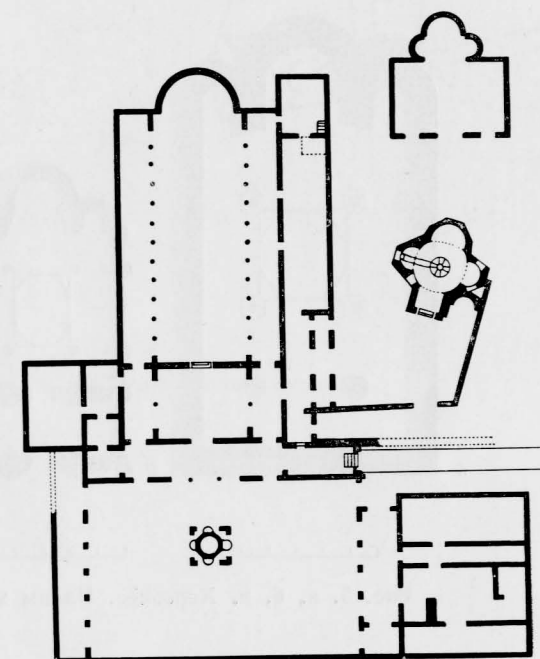

Рис. 3. План городского
квартала Херсонеса с Ува-
ровской базиликой

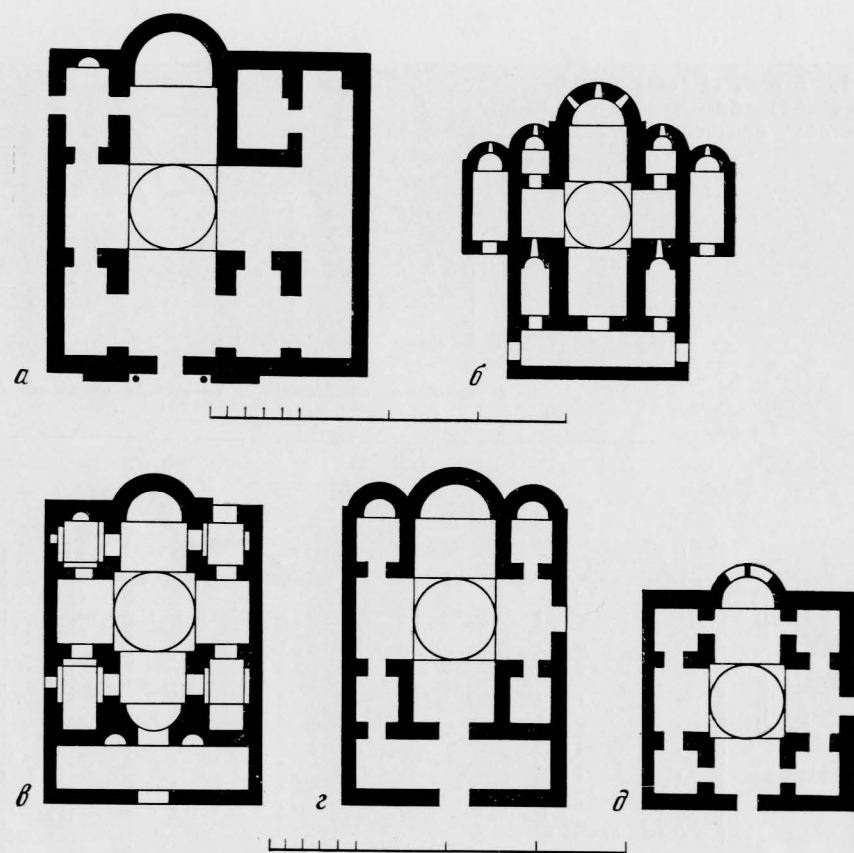

Рис. 4. а—д. Планы крестовокупольных храмов. Херсонес (IX—XI вв.)»

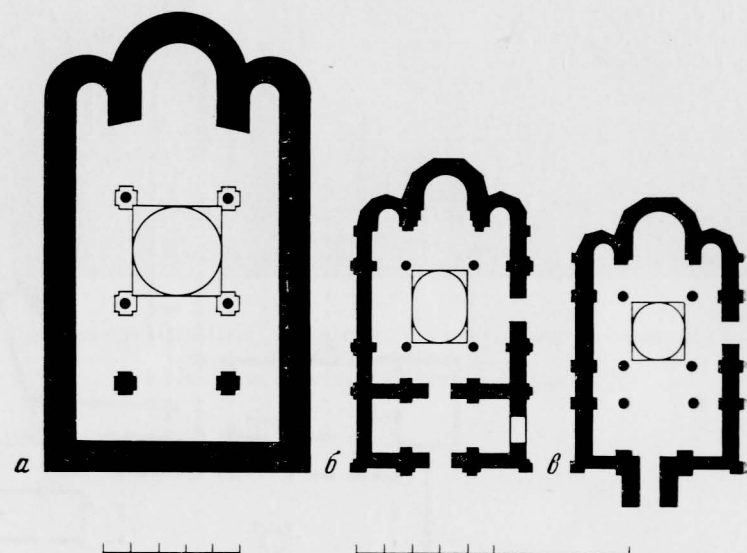

Рис. 5. а, б, в. Херсонес. Планы храмов XI—XIII вв.

Рис. 1. Фрагменты креста св. Леонтия. Эрмитаж

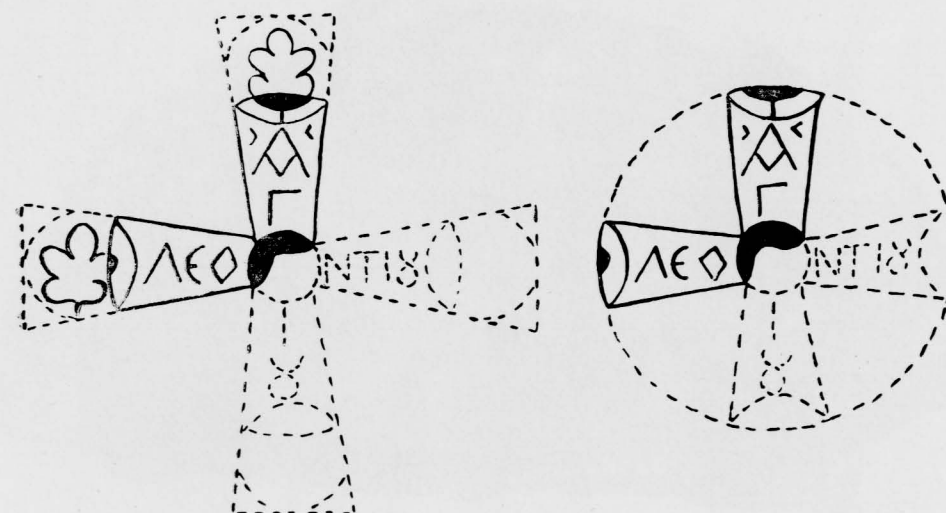

Рис. 2. Крест св. Леонтия. Реконструкция

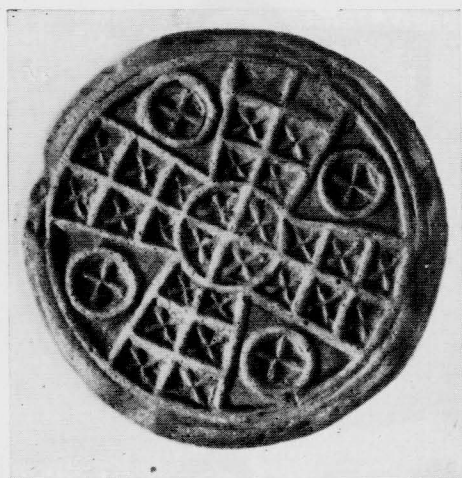

Рис. 3. Штамп из Керчи. Эрмитаж

Рис. 5. Штамп из Херсонеса (×192).
Реконструкция

Рис. 4. Фрагмент штампа из Херсонеса (×192). Эрмитаж

Рис. 6. Штамп из коллекции Д. П. Вашкова. Вид в фас. Эрмитаж

Рис. 7. Штамп из коллекции Д. П. Вашкова. Вид в профиль. Эрмитаж